9(с)
Б19

Давид Бакрадзе

Кровью героев

Давид Бакрадзе
Герой Советского Союза

Кровью героев

перевод с грузинского

Издательство Союза писателей Грузии
«Заря Востока»
Тбилиси - 1961

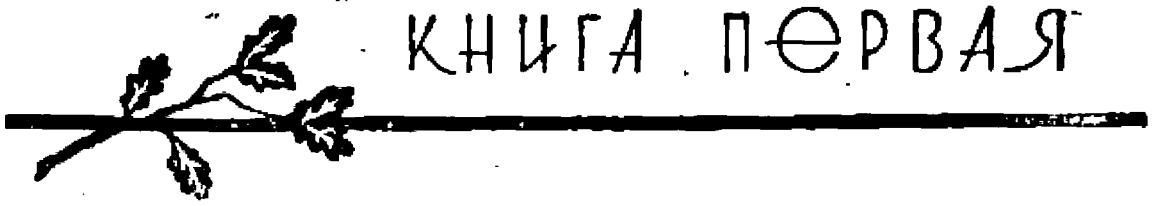
Авторизованный перевод с грузинского первой книги—Н. Г. Аккермана и П. П. Вершигоры; второй книги—Н. Г. Аккермана

* *

Иллюстрации и обложка художника Н. Гурро

* *

Портрет автора художника Уча Джапаридзе



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Начало лета сорок первого года, Украина, Полтавщина...

Кому привелось хоть раз побывать в этих местах, тот всегда будет помнить их. Небольшой городок Миргород с его вишневыми садами всем обликом своим напоминал мне родную Грузию.

Особенно оживлен Миргород по вечерам. Заходит солнце за фруктовые сады, и вместе с ним уходят дневной зной, духота. Улицы заполняются толпами народа. Всюду звучит веселый смех. Глядя на густую траву, изумрудным ковром устилавшую лужайки в садах и скверах, я вспоминал просторные имеретинские дворы, покрытые такой же изумрудной травой, и забывал, что нахожусь вдали от родных Кавказских гор.

Проходя по улицам города, я часто думал о великом грузинском поэте Давиде Гурамишвили. Украина приняла нашего славного поэта, как родного сына.

Любуясь гуляющей по улицам Миргорода веселой моло-

дежью, и думал о том, что ведь эти юноши и девушки — потомки людей, живших в Миргороде в восемнадцатом столетии, потомки тех украинцев, которые протянули поэту-грузину братскую руку и скрасили его трудную, многострадальную жизнь.

Миргород — город, воспетый великим Гоголем, город, принявший прах моего славного предка — Гурамишвили. И я был безгранично рад тому, что прохожу здесь военную службу.

Артиллерийский полк, в котором я с 1940 года служил младшим сержантом, вел обычную размеренную жизнь. Бойцы упорно овладевали военными знаниями, чтобы в нужную минуту встать на защиту любимой Родины.

Бо́льшую часть времени, как положено, мы проводили в поле, на занятиях.

21 июня 1941 года мне и многим другим моим товарищам командир дал увольнительные. Мы гуляли по городу, пели песни, безмятежно беседовали с друзьями.

А на рассвете резкий сигнал тревоги поднял всех нас на ноги. Еще никто не сказал нам ни слова, но сердцем мы поняли: война. Уже бились с врагом на всем протяжении границы от Черного моря до берегов Балтики бойцы Красной Армии. В полдень затаив дыхание мы стояли у радиоприемника. Все стало ясным: фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину. Понятно, с каким нетерпением все бойцы нашего полка ждали теперь приказа о выступлении. Полк был приведен в полную боевую готовность.

Но приказа все не было...

Вместе со всеми воинами нашего полка я жил тогда одним желанием, одним стремлением: скорее в бой. С волнением читали мы в газетах о положении на фронте, а оно было тогда исключительно серьезным и опасным для нашей Родины.

Угроза, нависшая над нашей Родиной и народом, разжигала в наших сердцах неугасимую ненависть к фашистским захватчикам. В себе самом и в своих товарищах я с каждым днем замечал разительные перемены: мы все больше отрешались от благодушия, беспечности, от настроений мирного времени — мы готовили себя к решительной и беспощадной борьбе с опасным и коварным врагом.

Наконец полк получил приказ о выступлении. Нас направили к Смоленску. Мы следовали по железной дороге до станции Чаусы и там начали выгрузку. Внезапно налетели фашистские бомбардировщики. Я сейчас не могу даже сказать, сильной или слабой была та, первая в моей жизни бом-

бежка. Но одно хорошо помню: было страшно. Ведь для меня и моих товарищей это было первое крещение огнем. До сих пор мы участвовали лишь в маневрах, а войну видели только в кино да читали о ней в книгах.

Но чувство страха исчезло, как только наши командиры приказали нам открыть ружейный и пулеметный огонь по вражеским самолетам. Я потом не раз проверял на себе и на своих бойцах: когда на огонь врага отвечаешь огнем, страху нет места. Тобой владеет лишь чувство боевой ярости.

Первая бомбежка была для всех нас необходимым уроком: мы поняли, как надо вести себя под огнем и вместе с тем довольно ясно представили себе, какие суровые испытания нас ждут впереди.

Вскоре фашистские самолеты ушли на запад, не причинив нам особенного вреда.

Наша часть растянулась по шоссе, уходящему в лес. Сытые кони, по три пары в запряжке, катили внушительные 76-миллиметровые пушки.

В пути у меня произошла заминка — сломалось дышло у повозки со снарядами. Пришлось съехать с дороги. Мои бойцы срубили подходящее деревцо и начали наспех мастерить новое дышло.

Полк тем временем ушел вперед, скрылись из виду последние повозки. Ничего не было видно, кроме густой стены леса. Но вот послышался нарастающий гул авиационных моторов. Мы невольно подняли головы: солнечные лучи сверкнули на крыльях и фюзеляжах низко летевших самолетов. Отчетливо стали видны черные кресты на желтых крыльях бомбардировщиков. Немецкая авиация, по-видимому, получила сведения о продвижении нашей части. Словно ястребы, закружились над нами вражеские самолеты, стреляя из пушек и пулеметов, бросая мелкие бомбы. Но мы уже знали, что следует делать, и дружно открыли ответный огонь.

Налет авиации длился недолго. Самолеты ушли. Наступила ночь.

Вокруг стояла такая тьма, что нельзя было различить даже поднесенного к самым глазам пальца; прибавьте к этому, что перед нами была совершенно незнакомая местность, и тогда станет понятным, в каком затруднительном положении мы находились.

Вскоре нас нашел посланный из штаба связной. Он сообщил нам о расположении полка и поскакал вперед.

Мы понеслись вслед за ним во весь опор. Всем очень хотелось поскорее догнать полк.

Вдруг раздался хриплый голос:

— Хенде хох!

Мы осадили коней и на какое-то мгновение застыли на месте. Ведь мы совсем не ожидали, что вот так, на дороге, встретимся с врагами. По нашим представлениям, фронт был где-то еще довольно далеко.

— Пароль?! — раздался тот же голос.

На этот раз голос врага привел нас в движение. Мы хлестнули лошадей, и они, почуяв опасность, понеслись вперед. Немцы почему-то не открыли огня. Возможно, что они приняли нас за своих.

Сориентировавшись и взяв верное направление, мы наконец догнали полк и прямо с марша поставили свои орудия на огневые позиции. С утра начался бой. У гитлеровцев было позиционное преимущество: они находились в укрытии и были хорошо замаскированы, в то время как мы, оставаясь на шоссе, были видны как на ладони. Нам пришлось рассредоточиться и укрыться в лесу, откуда мы и вели огонь по врагу.

Однажды во время боя мне понадобилось переменить наблюдательный пункт. Для этого нужно было пересечь дорогу, которую враг держал под непрерывным артиллерийским и пулеметным обстрелом.

Из лесу невозможно было высунуть голову. А обстановка настоятельно требовала перемены наблюдательного пункта. Надо было идти на риск.

Я заметил, что какие-то бесхозные лошади беспрепятственно переходят дорогу. Немцы не стреляли по ним. Я воспользовался этим, низко пригнулся и, идя рядом с лошадью, перебрался на другую сторону дороги. Так я усвоил еще одну истину: враг хитер, но его можно перехитрить. В те дни командование полка представило меня к ордену Красного Знамени. Однако мне не довелось тогда получить его.

Вскоре наш полк попал в крайне тяжелое положение. Выполняя боевое задание, мы оторвались от наших основных сил и сражались уже в глубоком тылу врага. Боеприпасы были на исходе. Наши силы таяли. Когда был сделан последний выстрел последним снарядом, командир полка приказал привести в негодность орудия. Тяжело было нам это сделать, слезы выступили на глазах у артиллеристов, но приказ есть приказ. Теперь нам предстояло прорвать вражеское кольцо. Приказ гласил: выходить из окружения небольшими группами. Одну группу из восьми человек командир приказал возглавить мне.

Фашисты обстреливали местность из орудий и минометов. Мы были вынуждены углубиться в лес и попали в болото. Целый день моя группа пробыла в болоте, по пояс в воде. Наступили сумерки. Обстрел все продолжался. Ночью мы выбрались из болота и пошли дальше. Мы двигались гуськом, укрываясь за деревьями и все время держась опушки леса. Взо-

шла луна, и нашему взору представилась огромная выжженная нива. Утомленные целым днем скитаний, мы повалились на землю и стали шепотом советоваться, что нам делать дальше. Вдруг из кустов до нас донесся слабый стон. Мы насторожились. Стон повторился. Наконец мы разобрали слова: «Братцы! Помогите!»

Мы поползли к кусту. Человек лежал на спине и слабо стонал. Некоторое время он изучающе разглядывал нас и затем тихо сказал:

— Я Киселев, командир взвода. Я ранен в ногу. Сил совсем нет... Помогите, товарищи.

Мы уложили Киселева на плащ-палатку и быстро двинулись вперед по полю. Прошли пять-шесть километров и оказались на опушке небольшого леса. Пот ручьями лил с нас. Мы присели под деревом, чтобы перевести дыхание. Недалеко от опушки мы заметили скирду, куда после короткого отдыха и перенесли Киселева. Мы укрылись в соломе и стали ждать рассвета.

Я лежал рядом с Киселевым. Он очень страдал от раны, но держался молодцом.

— Ты потерпи, — сказал я Киселеву. — Мы скоро доберемся до своих, и тебя вмиг поставят на ноги.

— Со мной вам будет очень трудно, — возразил Киселев. — Нет, это не дело нести меня на руках... Надо найти какую-нибудь крестьянскую семью. Я уверен, что меня приютят и помогут... — Он сказал это так твердо и просто, что мы без колебания приняли его предложение.

В селе, расположенном вблизи леса, нам удалось отыскать надежную крестьянскую семью. Эти люди радушно приняли Киселева. Хозяин привел местного врача, который очень осторожно и заботливо обмыл и перебинтовал раненого.

Прощаясь с нами, Киселев сказал:

— Товарищи, вы идите в юго-восточном направлении. Так менее опасно. Эта дорога выведет к Полтаве. От Полтавы начинаются большие лесные массивы, они будут для вас хорошим укрытием.

Много раз я потом пытался узнать, что же стало с Киселевым, и только в апреле 1949 года неожиданно получил от него письмо, в котором он сообщал, что работает в Харьковской области, вполне здоров и чувствует себя хорошо.

Два месяца мы скитались тогда в лесах. Невозможно рассказать о всех лишениях и тяготах, которые нам пришлось пережить в течение этого времени.

Стояла теплая осень. Это очень выручало нас. Мы питались ягодами и грибами. Иногда мы встречали пастухов, которые всегда щедро угощали нас молоком и творогом.

Вспоминается такой случай. Мы сидели на опушке леса, совершенно обессилевшие от голода. Из лесу вышел пастух. Он поздоровался с нами и спросил улыбаясь:

— Не проголодались случайно, товарищи?

— Проголодались, да еще как!

— Обождите меня здесь, — сказал пастух и ушел.

Мы совершенно спокойно ждали его возвращения, уверенные, что наш советский человек не может нас предать.

Спустя полчаса он возвратился, держа в руках большую макитру с молоком и краюху хлеба. Мы подкрепились, горячо поблагодарили пастуха и бодро зашагали дальше.

Как ни измучило нас скитание по лесу, мы не теряли веры, что доберемся до линии фронта и попадем к своим. Но где же линия фронта? Сколько ни спрашиваем у местных жителей, никто ничего толком сказать не может. «Сами хотели бы знать, где сейчас наши», — ответил нам один пожилой колхозник.

На нас все еще была военная одежда. Надо было сменить ее на гражданское платье. С трудом удалось мне найти одежду по росту.

Был уже декабрь 1941 года. Эти дни навсегда останутся в моей памяти. Стоял такой холод, что, как говорится, от мороза даже камни лопались. По ночам в поле зло завывал ветер. Кое-где в окнах хат, занесенных снегом, мерцал слабый огонек. Когда трещит тридцатиградусный мороз, свет, словно магнит, притягивает к себе человека. Но мы не смели приближаться к жилью — в то время почти во всех селах находились фашисты. Поэтому мы зарывались днем в стоявшие в поле стога сена и спали в них или коротали ночи в полуразрушенных пастушьих землянках.

Первое время от мороза кожа у меня так горела, словно меня ошпарили кипятком. Потом она затвердела и потеряла всякую чувствительность, — я уже не ощущал никакой боли. Когда мне случалось посмотреться в зеркало, я не узнавал себя в грязном, бородатом человеке.

Холод и голод, скитальческая жизнь основательно подорвали наши силы. Оставаться дольше в таком положении было невозможно, и мы решили зайти в какую-нибудь деревню.

Однажды мы встретили на дороге старого крестьянина. Он вез дрова.

— Здравствуй, друг! Ты, наверное, из ближайшей деревни? — спросили мы его.

Он остановил сани, внимательно осмотрел нас и спросил:

— Видно, отстали от своих?!

— Ты догадливый, дед.

— Какая тут догадка... Сразу видно, кто вы такие.

— Послушай, хозяин, — сказал я. — Ведь не зря же говорят, что украинцы гостеприимный народ. Помоги нам. Холод совсем замучил нас... Нам нужно хотя бы немного передохнуть в деревне, собраться с силами.

— Рад бы вам услужить. Да как? У нас в каждой хате немцы.

Мы поверили в искренность старика, однако сильно огорчились. Но надо все же найти выход из создавшегося положения.

— Может быть, ты нам укажешь, друг, в какую деревню безопаснее пойти?

— Просто не знаю, что вам ответить, — пощипывая заиндевевшую бороденку, сказал старик. — Иной раз по нескольку дней мы немца не видим... А иной раз как повалят... Даже непонятно, откуда их столько берется. Нет, не советую вам в здешние села заходить... Можете на врага напороться.

Мы задумались. Я нарушил молчание:

— Спасибо за предупреждение. Постараемся не попасть в руки врагу. Всего хорошего!

— И вам всего хорошего, счастливо дойти, куда идете!..

Крестьянин быстро повернулся, развязал мешок, подвешенный к саням, достал оттуда большой круглый каравай, протянул его нам и со вздохом сказал:

— Не обессудьте!..

Мы поблагодарили крестьянина. Восемь рук потянулись к караваю, ни одна крошка не упала на землю.

Так мы скитались еще несколько дней. Морозы крепчали. Голод валил нас с ног. И, не выдержав этих лишений, однажды ночью наша группа вошла в небольшое украинское село. Это был акт отчаяния. «Будь, что будет», — сказал кто-то из нас. Набравшись смелости, мы осторожно постучали в дверь одной хаты. Открыла нам дряхлая старушка. Увидев нас, она испугалась и хотела захлопнуть дверь. Но мы так ее упрашивали, что она впустила нас, угостила, чем могла, затем постелила на полу.

Нам необходимо было соблюдать большую осторожность. Мы выбрали товарища, который был на вид бодрее остальных, и сказали ему: «Будешь караулить во дворе, как только заметишь что-нибудь подозрительное, сейчас же дай нам сигнал». Выставив часового, мы улеглись и тотчас заснули как убитые.

Однако наш сон был непродолжителен. Часа в четыре утра в дверь хаты громко постучали. Хозяйка разбудила нас и бросилась к двери.

Комната в одно мгновение заполнилась фашистами. Сопротивление было невозможно. Не успев взяться за оружие, мы, подняв руки, стояли под дулами автоматов. Фашистов было намного больше, чем нас. Однако почему нас не разбудил часовой, что с ним приключилось?!

Нас обыскали и приказали выйти наружу. Хозяйка проводила нас плачем. Переступив порог хаты, мы увидели нашего часового. Он лежал с разбитой, окровавленной головой; видно, удар был нанесен ружейным прикладом.

Мы не имели никакого представления, куда нас ведут гитлеровцы.

По дороге фашисты с особой злобой смотрели на меня, по-видимому, они решили, что такой детина непременно должен быть командиром. А командиров они истязали с особенной жестокостью. Однако, не обнаружив ничего, подтверждающего мою принадлежность к командному составу, гитлеровцы оставили меня в покое.

Семь моих спутников хорошо знали, что я член партии, но никто не проронил об этом ни звука, среди нас не было предателей.

К полудню нас привели в Конотопский лагерь для военнопленных.

II

Конотопский лагерь... Это был сущий ад, в котором человеку было трудно не только жить, но и просто дышать.

Три ряда колючей проволоки. Приземистые бараки из фанеры. Но бараки не могут вместить всех. Пленные валялись прямо на голой земле, под открытым небом, совершенно обессиленные голодом.

Нечеловеческие, антисанитарные условия вызвали жестокую эпидемию сыпного и брюшного тифа. Люди мерли как мухи.

Попав в этот ад, я с первого же дня твердо решил: чего бы это ни стоило, бежать из плена. Днем и ночью я думал о побеге, о том, чтобы поскорее вернуться в ряды Советской Армии.

В лагере встретился мне мой однополчанин и хороший друг — офицер Сергей Анисимов. Ему первому и открыл я свою заветную мечту.

— Сергей, — сказал я ему однажды вечером, — мы должны бежать. Заберем отсюда с собой надежных ребят. Пробьемся к фронту. Неужели нам суждено погибнуть в этом проклятом лагере?

— Нет, здесь подыхать я не намерен, — оживился Анисимов. — Подберем ребят и двинем к фронту... И мы еще повоюем. Еще как повоюем!..

Мы начали готовиться к побегу. Присматриваясь к окружающим, изучая их, мы прикидывали, на кого можно будет положиться в решительную минуту.

«Осторожность никогда не излишня», — сказал какой-то мудрец. Необдуманный шаг мог привести нас в могилу.

К мукам голода прибавилось еще одно мучение — отсутствие табака. Для нас, курящих, легче было остаться без пищи, чем без курева. На территории лагеря росло несколько чахлых деревьев, мы содрали с них кору, высушили ее, растолкли и курили вместо табака.

Как-то мне удалось раздобыть щепотку махорки, но где достать бумагу? Я обратился к пленному врачу Савченко. Он огляделся по сторонам и протянул мне туго скрученную газету:

— Бери. Знаю, тебе пригодится, а потом можешь использовать на раскурку.

Я с волнением и благодарностью принял от врача газету, поспешно уединился и развернул ее. Это был номер «Правды». От радости у меня словно выросли крылья. Я несколько раз с начала до конца жадно перечитал газету, а затем дал ее прочитать наиболее надежным товарищам. Несколько месяцев не видел я наших газет. Я никак не мог себе представить, что увижу сравнительно свежий номер «Правды» здесь, в лагере!

Позже Савченко рассказал мне, как к нему попала «Правда». Местные жители, несмотря на строжайшее запрещение немцев, нет-нет, да умудрялись подбегать к колючей проволоке и перебрасывать пленным хлеб. Однажды Савченко на лету поймал краюху хлеба, завернутую в газету. Бросил ее молодой хлопец, ловкий и смелый такой; бросил и стремглав убежал. Пожалуй, не меньше хлеба обрадовала Савченко газета. Но как она попала к тому храброму парнишке? Может, в городе есть подпольная организация, связанная каким-либо путем с Москвой? Но как найти дорогу к этой организации? Это стало главной задачей Савченко. Над этим задумался и я, когда Савченко поделился со мной своими мыслями.

Несколько дней спустя пленный красноармеец по фамилии Чабукиани, который попал в лагерь раньше меня, сообщил мне:

— Давид, мне удалось установить связь с городскими подпольщиками.

Я схватил его за руку.

— Дорогой! Расскажи обо всем подробно.

— Дай срок, я тебе потом все расскажу.

Через некоторое время конотопские подпольщики снова дали знать о себе. Какие-то ребята перебросили через проволоку комья глины, в которых мы обнаружили патриотические листовки. Соблюдая все меры предосторожности, мы разбросали их на территории лагеря. Вышло это у нас неплохо. Охранявшие лагерь фашисты и их цепные псы — предатели полицейские так ничего и не заметили. А они следили за каждым нашим шагом.

В лагере вместе с нами находился пленный по фамилии Картошкин. Как потом мы узнали, он в начале войны служил политруком в одной из воинских частей Конотопского гарнизона. Полицейские опознали его. Это грозило политруку смертью. Картошкин совершил смелый побег, когда его повели в город на работу.

Побег Картошкина вызвал усиление репрессий в лагере. Это обстоятельство заставило всех нас, готовившихся к побегу, сильно призадуматься.

Прошло некоторое время, случай с Картошкиным был забыт. И в лагере, в глубокой тайне, возобновилась энергичная подготовка к побегу.

Для меня навсегда останется памятным день 15 января 1942 года. Было около пяти часов утра, когда в лагере поднялся сильный шум. Как выяснилось, нас должны были повести на работу в город.

Выход в город был для нас весьма желателен, ведь только так можно было познакомиться с ближайшими окрестностями.

Фашисты начали избивать прикладами стоявших впереди меня товарищей. Пленные старались поскорее проскочить в двери, авось удастся избежать удара, но тщетно.

Наконец подошла моя очередь, я попытался увернуться от удара. «Рус!» — заорал на меня фашист и с такой силой ударил прикладом в лицо, что я упал на землю и потерял сознание. Сергей Анисимов и Ной Чабукиани подхватили меня и вынесли из строя. Когда я пришел в себя, у меня страшно болело лицо. Гитлеровец выбил мне зубы.

Я хотел расквитаться с ударившим меня немцем, но товарищи убедили меня отказаться от этого намерения. «Главное сейчас — подготовить побег», — сказали они мне.

Конотопские подпольщики, с которыми нам вскоре удалось связаться через Чабукиани, прославились замечательной организацией побегов пленных. Благодаря заботам этой

организации мы постоянно находились в курсе всех событий, знали детально, что происходит в городе, вплоть до того, на какой улице ходят патрули и т. д.

На мою долю выпало быть одним из руководителей и организаторов очередного побега.

Наиболее безопасным пунктом для подготовки побега был лазарет. С помощью знакомых пленных врачей мне удалось устроиться в лазарете санитаром. Самое главное теперь заключалось в том, чтобы под разными предлогами перевести в лазарет организаторов побега. Эту задачу мог разрешить только один человек, а именно — Миша Тартаковский. Он отлично владел немецким языком, и гитлеровцы использовали его в качестве переводчика. Будучи евреем, Тартаковский выдавал себя за крымского татарина-националиста, и фашисты считали его своим человеком. Всякий, не знавший Тартаковского близко, относился к нему с недоверием, настолько он был вхож к немцам. Вот этого человека я и решил использовать. Честно говоря, я боялся сразу откровенно заговорить с Тартаковским, но Тартаковский неожиданно сам пошел мне навстречу.

— Вот что, дружище, — сказал он, глядя мне прямо в глаза, — незачем нам играть в прятки. Я вижу, что вы затеяли. И я хочу...

— Бежать задумал? — спросил я прямо.

— Да, бежать. Во что бы то ни стало бежать.

— А как?

Тартаковский раскрыл все свои карты. Он уже давно думал над организацией побега, сумел установить связь с коготопскими подпольщиками, да и тут, в лагере, кое-что подготовил.

— Ну, а как ты себе представляешь организацию этого дела? — спросил он меня.

— В первую очередь мы должны перевести в лазарет товарищей, которые будут руководить побегом, — сказал я.

— Кто они? Назови их мне.

— Сергей Анисимов, Вася Минко, врач Ульяновский...

— Это я устрою, — решительно сказал Тартаковский. — Но когда именно надо перевести товарищей в лазарет?

— Чем раньше мы переведем туда товарищей, тем будет лучше для дела.

Тартаковскому быстро удалось организовать перевод в лазарет Анисимова, врача Ульяновского, словом, всех, кого мы наметили. Начались горячие дни подготовки. Однажды вечером в лазарет пришел Тартаковский и сообщил мне и Анисимову о полной готовности к побегу.

— Маршрут для нас наметили конотопские подпольщики, — сказал Тартаковский. — Они выделили нам двух проводников-комсомольцев, которые знают местность, как свои пять пальцев... Надо только назначить время побега. Это должны определить вы.

Мы с Анисимовым тотчас же приступили к обсуждению вопроса о наиболее подходящем моменте. Соблюдая конспирацию, мы разбили всех подготовленных к побегу людей на группы. В каждой было пять человек. В группе только одному человеку было известно о дне, часе и способе побега. Мы выбрали воскресный день, так как по воскресеньям фашисты обычно пьянствовали и охрана в эти дни была сравнительно слабее.

Для побега из лагеря мы отобрали тридцать два человека, среди них были две женщины. Конотопские подпольщики снабдили нас оружием, продуктами и взялись в назначенный час вывести за город.

Желающих бежать из лагеря было очень много, однако было невозможно одновременно вывести столько народу. Поэтому Чабукиани было поручено организовать следующий побег.

В намеченное нами воскресенье, 29 августа 1942 года, гитлеровцы пьянствовали как обычно. Они поручили охрану предателям-полицейским, оставив старшим лишь одного немца, который, злясь на то, что ему в воскресенье приходится дежурить, вымещал свою досаду на полицейских и не слишком строго смотрел за караулом.

Наступил вечер. Готовые к побегу товарищи нервничают. Весь этот день мне почему-то казалось, что каждый пленный в лагере знает о том, что мы затеяли. В действительности же даже из тридцати двух человек, которые должны были бежать, в курсе дела были лишь шесть человек — руководители групп. Приближалась решающая минута.

— Предупредить товарищей без всякой суматохи и шушуканья. Не привлекать ничьего внимания, — отдали мы с Анисимовым приказ.

Меня и Анисимова Тартаковский вывел через ворота как «могильщиков» для закапывания умерших пленных. Охрана все еще доверяла Тартаковскому. Остальные группы вышли из лагеря через заранее подготовленные проходы.

На окраине Конотопа, у болота, был наш сборный пункт, куда благополучно и почти одновременно пришли все группы.

Когда мы вышли за город и стали приближаться к роще, то заметили, что за нами кто-то крадется. Мы переполо-

шились: кто знает, что это за человек. А мы-то думали, что незамеченными выбрались из лагеря. Стоило нам остановиться, как этот человек тоже останавливался; двинемся мы, и он движется за нами. Нашим «преследователем» оказался один из пленных — Ясон Жоржолиани. Оказывается, он напряженно следил за нашими приготовлениями к побегу, но не решался обратиться к нам. Как только мы выбрались из лагеря, Ясон последовал за нами. Когда он, наконец, подошел к нам, то в первую очередь обратился ко мне с упреком: «Почему скрыли от меня побег? Я бы не хуже других сохранил тайну!»

Всю ночь мы шли без отдыха.

Наступил рассвет, мы посмотрели друг на друга и впервые увидели на лицах улыбки. Как хороша свобода! Это я особенно оценил и почувствовал в то утро.

Среди бела дня тридцать три человека бывших пленных устроили в небольшой роще первое собрание.

На этом собрании каждый сообщил необходимые сведения о себе.

Среди нас оказалось десять членов партии, двенадцать комсомольцев и одиннадцать беспартийных.

Нам надо было побыстрее добраться до леса. Ближайшим большим лесным массивом был Спадщанский лес. Конотопские комсомольцы отлично знали Сумскую область. Им здесь была известна каждая тропинка, каждый проход. Остальные же товарищи не имели никакого представления об этих местах. Незнакома была нам и река Сейм, отделявшая Спадщанский лес от нашей главной цели — Брянских лесов.

Гитлеровцам было хорошо известно, что в Спадщанском лесу в большом количестве укрывались отставшие от своих воинских частей красноармейцы и бежавшие из лагерей военнопленные. Этот лес был для них как бы сборным пунктом, откуда они, передохнув, совершали дальнейший путь к своим. Пробравшись в Брянские леса, бежавшие из плена могли приблизиться к линии фронта или связаться с партизанами. Вот почему немцы с особенной тщательностью охраняли берега реки Сейм. Неоценимую услугу оказывали нам конотопские комсомольцы своим знанием местности и особенно реки. Они довели нас до Спадщанского леса и вернулись домой.

С большой осторожностью подползли мы ночью к берегу реки Сейм и бросились в воду.

Плыть пришлось долго. Испытание оказалось довольно серьезным. Мне помогло то, что в детстве я часто плавал в

родной реке Дзирула. Все мы благополучно выбрались на противоположный берег.

Вскоре мы узнали из достоверного источника, что после нашего побега и без того невыносимый режим в Конотопском лагере стал еще тяжелей. Немцы обнесли его еще тремя рядами колючей проволоки и увеличили охрану. Страшная участь постигла пленных, готовившихся к очередному побегу.

Ной Чабукиани, который остался для организации нового побега, вместе с двумя другими товарищами был расстрелян на глазах у всех заключенных. Оказывается, вскоре после нашего побега немцы принесли в лагерь какие-то окровавленные лохмотья, выстроили пленных и объявили:

— Видите? Это одежда Бакрадзе и Анисимова. Мы их поймали и убили. Так будет с каждым, кто сделает попытку бежать.

В дороге мы потеряли сначала двух женщин, а потом — двух мужчин. Случилось это так: две наши смелые женщины отправились в село Ярославец на разведку. Мы долго ждали их, но они не вернулись. Как мы узнали позже, обе они были арестованы полицейскими и затем повешены.

Нас очень огорчила гибель этих женщин. Анисимов неоднократно советовал им быть осторожными. На это одна из них как-то ответила: «Волков бояться — в лес не ходить!»

Я убежден, что будь у этой женщины при себе оружие, немцам нелегко было бы с ней справиться.

Эти женщины в первые же месяцы Отечественной войны попали на фронт. Они работали санитарками. Сколько раз приходилось им под огнем врага выносить с поля боя тяжело раненных воинов, спасая им жизнь. И вот, смотрите, где им изменила судьба! Как говорится: «В море не утонул, а каплей захлебнулся». Избавились от плена, вырвались на свободу и погибли от руки предателей. Я, к сожалению, не знал фамилий этих женщин. Помню, что молодую звали Марусей, а ту, что на вид была постарше, — Петровной.

Так же трагически закончилась жизнь двух мужчин из нашего отряда: как-то они вышли из лесу на дорогу. Фашисты обнаружили их, подкрались сзади и расстреляли из автоматов.

В нашей группе оставалось двадцать девять мужчин — бородатых, одетых в лохмотья, с разбитыми, окровавленными ногами. Шатаясь от усталости, мы шли вперед. У нас было твердое решение добраться до линии фронта и влиться в Советскую Армию. Однако осуществлению этого намерения мешало множество препятствий: мы не знали местности, а у нас не было ни карты, ни компаса, нашими путеводителями были лишь небесные светила. Но мы не падали духом.

III

Украина стонала под тяжелым ярмом немецких захватчиков. Повсюду ручьями лилась кровь советских людей.

По дорогам носились на машинах гитлеровские каратели. Из лесу мы наблюдали за движением фашистов. У нас было мало оружия. Нас была горстка. Но в сердцах наших горел неугасимый огонь ненависти к врагам. Мы хотели только одного: как можно скорее включиться в активную борьбу с оккупантами.

Время от времени мы заходили в села, в которых иногда оставались по несколько суток. Крестьяне, чем могли, помогали нам, заботились о нас, хотя они отлично понимали, что это может стоить им жизни. Скоро мы узнали, что в Брянских лесах действует сильный партизанский отряд. С большой любовью отзывались крестьяне о командире отряда Ковпаке. В украинских селах ходили легенды о могуществе этого партизанского вожака. Говорили, что у него множество танков, пушек и самолетов.

Хорошо в лесу в августе. Мы шли спокойно, без всякого страха располагались на ночь под открытым небом. Старый лес щедро снабжал нас грибами, дикими грушами, терном.

Иногда мы заходили в лесные хутора; но... большинство их сравнено с землей.

Подойдешь к хутору—и перед тобой открывается страшная картина разорения.

Опустошенные дворы изрыты глубокими ямами; повсюду пепел.

Однажды мы увидели у самой опушки леса небольшой домик. Мы заинтересовались, подошли ближе и заглянули в окно. Убедившись, что здесь кто-то живет, мы решили дождаться возвращения хозяина и уселись перед самым домом на длинном бревне. Вскоре из лесу вышел белокурый мужчина средних лет, с румянцем во всю щеку.

Незнакомец подошел к нам. Мы поздоровались.

— Вы, наверное, лесник? — спросил я.

— Да, уже двадцать лет работаю лесником, — неохотно ответил незнакомец.

— Должно быть, скучно вам здесь? Уж больно глухое место.

— А мне не приходится постоянно жить в лесу. У меня в ближайшем селе семья, и я часто бываю там.

— Здесь, наверное, безопасно. Никто вас не тревожит?

— Как сказать... — неопределенно буркнул он.

— Доходят до вас какие-нибудь известия о войне? — снова спросил я его.

— А от кого тут узнаешь!

— А нет тут где-нибудь поблизости партизан?

Лесник настороженно нахмурил брови.

Я решил успокоить его.

— Ты нас не бойся, — сказал я ему, — мы, как тебе самому понятно, не полицаи. Отстали от части, понимаешь? Ну, а теперь ищем партизан.

— Это-то я понимаю, — едва заметно усмехнулся лесник, — ну, что же, счастливого вам пути. Желаю удачи. — Он помолчал немного и завел какой-то незначительный разговор о погоде, о дичи, которой немало в этих местах.

Я все же решил возобновить разговор о партизанах.

— Все это, конечно, интересно, — сказал я напрямик,— но нас интересует другое — есть в этом лесу партизаны или нет?

— Партизаны? Как вам сказать... Слышал я, что будто есть, а сам никогда никого не встречал и никого не знаю, — ответил лесник.

Впоследствии, уже находясь в отряде Ковпака, я узнал, что этот лесник был связным партизан. Вполне естественно, что он воздержался от прямого ответа на расспросы незнакомых людей.

Светало, когда мы подошли к Ворголу — живописному селу, утопающему в зелени садов и огородов.

Я осторожно постучал в дверь дома, стоявшего у самой дороги. Вышла старушка. Она шагнула ко мне и взволнованно зашептала: «Зачем вы пришли, детки мои! В селе полно немцев, они вот-вот будут подниматься. У них тьма-тьмущая танков, не пощадят они вас, загубят. Да что же мне с вами делать, родименькие вы мои. Где спрятать вас. Айда за мной на огород. Схоронайтесь тамочки, пока эти изверги уйдут!»

Мы залегли на огороде. Действительно, скоро поднялись немцы. Они построились на улице и в боевом порядке выступили из села. То, что в этот тихий как будто район пришли большие силы немецкой армии, подтверждало, что где-то поблизости оперируют партизаны И, должно быть, ковпаковцы, о которых мы уже немало слышали. Это обрадовало нас и придало нам новые силы.

Мы на очень короткое время задержались в Ворголе и снова ушли в лес. Стемнело. Меж деревьев вилась нескончаемая узкая тропа Наш отряд медленно продвигался вперед. Все молчали От усталости у нас пропала охота говорить.

Вдруг головной остановился, прислушиваясь. Остальные замерли на месте.

— Слышите? — обернулся к товарищам головной. — Кто-то идет.

Мы поспешно свернули с тропинки и скрылись в кустах.

— Товарищи, будьте наготове! — сказал Анисимов.

Внезапно прогремел выстрел. По лесу прокатилось эхо. За выстрелом последовал залп. Мы тоже открыли огонь. Затем наступила тишина, и кто-то по-русски крикнул: «Кто там?» Мы ответили. Переговоры длились недолго, и нам скоро стало ясно, что мы имеем дело с ковпаковской разведкой. К счастью, наша стычка обошлась без жертв.

Сошлись, поздоровались.

— Еще хорошо, что мы не перестреляли друг друга, — сказал командир ковпаковской разведки Берсеньев. — Но ничего не поделаешь, нужна большая осторожность, сейчас в лесу всякого народу много: и врагов и друзей.

Берсеньев двинулся вперед. Мы последовали за ним. Сбылась наша мечта. Мы у своих. Хотя не дошли до линии фронта, зато попали в прославленный партизанский отряд.

IV

Вот мы и в селе Старая Гута, в партизанской столице, как любовно называли свое село и сами гутовцы и партизаны.

Красивое село Старая Гута. Оно расположено в юго-западной части Брянских лесов и как бы вставлено в рамку курчавого леса. Гутовцы — народ смелый. Для друзей они радушные и гостеприимные хозяева, а врагов ненавидят люто и непримиримо. Гутовцев не смогли сломить фашистские репрессии. Здесь продолжали действовать советские законы и порядки.

— Мы свободный народ! — говорили про себя гутовцы.— Если понадобится, все как один пойдем в бой... Фашистам над нами не пановать.

В военном отношении у Брянских лесов было большое преимущество в сравнении с Спадщанским. Врагу было очень трудно контролировать их необъятные массивы.

У этих лесов есть одна удивительная особенность. Один участок — со всей своей растительностью — в точности повторяется в другом месте. Стоило отойти от лагеря на один километр, и потом в течение нескольких часов приходилось отыскивать свои землянки.

Берсеньев привел нас в лагерь отряда. На небольшой по-

лянке между гигантскими соснами пылало несколько костров. Между соснами дрожали розовые отблески пламени. Вокруг костров сидели партизаны. Немного поодаль, у телег, стояли лошади. Тут же на земле было сложено военное снаряжение. Как только я увидел эту милую сердцу каждого солдата картину воинского бивуака, сердце мое сильно забилось, словно после утомительного и опасного путешествия я снова попал в родной дом.

Когда мы подошли, партизаны вскочили, окружили нас и стали расспрашивать.

Сидора Артемьевича Ковпака в это время в лагере не было: он вылетел в Москву на совещание командиров партизанских отрядов. Ковпака замещал комиссар отряда Руднев. Ему мы и представились.

На всю жизнь запомнил я первую встречу с Семеном Васильевичем Рудневым. Его большие черные глаза сверкали. Когда он улыбался, прекрасное лицо озарялось внутренним светом. Он тепло и задушевно приветствовал нас, подробно расспросил обо всем. Узнав, кто мы и откуда пришли, Руднев сказал:

— Вам, наверное, известна народная поговорка: «Утро вечера мудренее». Об остальном потолкуем завтра. Теперь же вам надо отдохнуть, уж больно усталый у вас вид.

Прежде чем мы отправились на отдых, Руднев вызвал Картошкина и спросил нас: — Знаете вы этого товарища?

Мы, конечно, сразу узнали Картошкина. Он в свою очередь сердечно приветствовал нас.

Я уже рассказывал, что Картошкин бежал из Конотопского концентрационного лагеря, где он находился вместе с нами. Долго скитался Картошкин по лесам и оврагам, пока с ним не приключилось одно очень печальное происшествие, о котором стоит рассказать.

Как-то ночью Картошкин остановился на ночлег в доме одного крестьянина. Хозяин хорошо принял Картошкина и стал его угощать, чем мог. Только собрался Картошкин ложиться спать, как кто-то постучал в дверь хаты.

— Кто там? — спросил испуганный хозяин.

— Открывай дверь, тогда узнаешь, кто я такой, — ответили снаружи. Крестьянин отворил дверь. На пороге показался здоровенный детина, вооруженный с головы до ног. Картошкин принял его за полицейского, схватил топор и уложил на месте. Затем он снял с убитого оружие и через несколько дней добрался до лагеря Ковпака.

В партизанском отряде бойцы, разглядывая Картошкина, узнали оружие своего товарища, разведчика-ковпаковца. Ста-

ли допрашивать Картошкина, откуда у него это оружие. Картошкин ответил: в пути мне, мол, пришлось в доме одного крестьянина убить полицейского. Это оружие я и снял с него.

— Нет, это оружие нашего партизана! — закричали бойцы.

Картошкина арестовали. Комиссар приказал своим разведчикам выяснить, кто такой Картошкин. Но вот в лагерь пришли мы и подтвердили Рудневу, что Картошкин действительно находился вместе с нами в Конотопском лагере, и этим выручили его. Но, несмотря на то, что Картошкин вскоре показал себя смелым и честным бойцом, некоторые партизаны еще долго не могли простить ему смерть своего товарища-разведчика.

Когда наша группа в первый раз предстала перед Руднев ым, то мы обратили внимание на стоявшего рядом с ним худощавого человека среднего роста.

— Познакомьтесь, это товарищ Панин, Яков Григорьевич, секретарь парторганизации нашего соединения, — представил нам его Руднев.

Мы доложили Панину, кто из нас член партии, кто кандидат и кто состоит в комсомоле. В один из ближайших дней после нашего появления в лагере Панин созвал партийное собрание. Это было первое партийное собрание, на котором я присутствовал после продолжительного перерыва.

Трудно передать словами, какое ни с чем не сравнимое счастье испытал я во время этого собрания. Я слушал товарищей и думал о пройденном мною пути и о том, что еще предстоит мне, молодому бойцу родной моей партии...

«Впереди бои и бои, ожесточенные, кровопролитные схватки с коварным и сильным врагом, впереди борьба, требующая множество жертв и много крови. Но мне ничего не страшно. В любой огонь я пойду по твоему приказу, моя партия, и никакие страдания, никакие трудности не остановят меня... Нет, ничего мне не страшно, даже сама смерть, потому что бессмертно твое святое дело, великая партия», — так думал я на том первом для меня партийном собрании в партизанском отряде, хотя то собрание было совсем не торжественным, и обсуждался на нем деловой вопрос.

В начале осени 1942 года, в те дни, когда наша группа влилась в объединенный отряд Ковпака, в нем насчитывалось около тысячи партизан. Среди них я встретил и своих земляков-грузин. Об одном из них, о прославленном партизане Вано Рехвиашвили я хочу рассказать несколько подробней.

...Попав в окружение, Вано Рехвиашвили решил во что бы то ни стало найти партизан, о смелости и храбрости кото-

рых много слышал от местных жителей. В поисках партизанского отряда Вано как-то забрел в одно небольшое село.

«Я совсем окоченел от холода, — рассказывал мне потом Вано. — Как только стемнело, я постучал в первую же хату.

— Кто там, чего надо? — послышалось за дверью.

— Будь человеком, впусти меня! Я умираю от голода и холода.

— Как наступит вечер, так от вашего брата покоя нет,— сказал человек за дверью. — Скажи мне хоть, что ты за человек.

— Я не вор и не разбойник. Не бойтесь, впустите меня!

— Э-эх, беда моя! — пробормотал хозяин хаты и сбросил щеколду.

В пролете двери передо мной предстал старик украинец с благообразным, спокойным лицом.

— Что тебе от меня надо, сынок? Ни днем ни ночью покоя мне нет! — начал он. — Вчера ночью три раза ко мне приходили немцы, все до ниточки перещупали, все тут вверх дном перевернули. Грозились: «Несдобровать тебе, если кого обнаружим!» — Ну, как на счастье, за минуту до их прихода от меня ушел красноармеец. Если бы они застали его, нас обоих прикончили бы на месте.

— Бога ради, позволь мне только немного у печки обогреться, дай дух перевести. Я вот-вот свалюсь. Я так закоченел, что не могу двигаться.

Старик сжалился надо мной.

— Эх, входи уж. Всем нам, видать, одна смерть писана. Входи!

Я подсел к раскаленной печке. Старик подвинул мне миску с горячей картошкой.

— По-украински умеешь говорить? — спросил он меня.

— Откуда мне уметь? Я и по-русски-то еле говорю...

— А на каком же языке ты говоришь?

— На грузинском.

— Ты грузин? Как раз четыре дня назад были у меня грузины. Ты тоже, наверное, от своей части отстал? Будь осторожен, друг. Сегодня жизнь человека стоит дешевле, чем жизнь курицы!

— Спасибо за сочувствие, ты добрый человек. Об одном тебя попрошу: скажи мне откровенно, нет ли здесь где-нибудь поблизости партизан?

— Партизаны?.. Ну, как тебе сказать... Сегодня разве поймешь, кто где находится! — нерешительно ответил мне хозяин.

— Ты что-то неохотно мне отвечаешь. Неужели не доверяешь? Не бойся меня!

Хозяин стал одно за другим подкладывать в печку березовые поленья. Ярко вспыхнуло пламя, весело затрещали сухие дрова.

— Чего мне бояться? — уклончиво ответил он.

— Да я тебя не виню, время такое. Притом тебе неизвестно, кто я. Ты же сам только что сказал, что жизнь человека сегодня гроша не стоит.

— Сказал, и так оно и есть. Ну, раз уж ты ко мне так пристал, скажу тебе: в лесу, недалеко от нас, стоит лагерем партизанский отряд Ковпака. Иногда его партизаны заходят в наше село. Если пойдешь к нему, то тебе придется идти на восток.

Меня охватила радость.

— Спасибо, дедушка. Если нам когда-нибудь придется свидеться, то я непременно отплачу тебе добром! — сказал я старику.

Долго мы беседовали в ту ночь. Я согрелся. От тепла у меня стало ломить кости. «А что, если мой хозяин сейчас предложит мне уходить на все четыре стороны: ведь я попросился к нему только обогреться. Ну что я тогда стану делать?..»

— Я тебе постелю около печки, спи до утра, а утром перекрестись — и в путь-дорогу, — сказал мне старик.

— А если немцы нагрянут?

— Эх, будь что будет! В такую погоду и собаку на двор не выгонишь!

Горячая радость охватила меня, и я так крепко уснул, что, кажется, если бы над самым моим ухом бухнула пушка, то и тогда не проснулся бы!

Как только начало светать, хозяин разбудил меня. Я поблагодарил его и пошел искать отряд Ковпака. Долго блуждал я по лесу, много пересек балок, полян. Всего и не упомнишь. И неожиданно напоролся на полицейских.

— Кто такой? Откуда идешь? Куда идешь? — Полицейские наставили на меня винтовки и начали обыскивать.

— Марш вперед! — приказали они мне.

Что мне оставалось делать? Я подчинился.

Полицейские привели меня к своему начальнику. В хорошем дубовом кресле сидел бритоголовый мужчина средних лет, с трубкой в зубах. Мрачное, тупое лицо этого выродка было лишено какого-либо проблеска человечности. Глаза без ресниц непрерывно слезились, и он ладонью вытирал их.

— Кто такой и откуда?

— Я красноармеец. Отстал от части.

— Откуда родом?

— Из Грузии.

— Наверное, хороший вояка?

— Куда уж мне! — ответил я. Авось, думаю, отвяжется.

— Партийный?

— Нет, — солгал я.

— С сегодняшнего дня ты будешь зачислен в списки полицейских и станешь бойцом моего отряда. Получишь обмундирование, обувь, винтовку, питание, табаку, сколько захочешь. А когда окончится война, получишь здесь участок земли, — скороговоркой пообещал мне полицейский начальник.

— Спасибо за внимание, но я не гожусь в полицейские.

— Собираешься в лес к партизанам улизнуть?! Уберите его! — приказал начальник своим холуям.

Мне довольно крепко намяли бока и в последний раз предложили записаться в отряд.

«Запишусь, — подумал я, — ведь партизаны близко. Если мне дадут оружие, так я убегу с этим оружием к моим братьям-партизанам».

— Запишите, — сказал я.

Меня зачислили в отряд, дали винтовку. И на следующий день я со своей винтовкой был уже в партизанском лагере. Часовой потребовал у меня документы.

Никаких документов у меня не было. Я попросил проводить меня в штаб. Часовой исполнил мою просьбу.

— Подойди ближе, товарищ. Откуда пришел ты к нам?— спросил меня сидевший на пне старик. Напротив него на другом пне сидел человек с черными усами на красивом лице. Первый был Ковпак, а второй — комиссар Руднев.

Я им подробно рассказал все, что со мной произошло.

— Много пришлось тебе помучиться, — сказал мне Ковпак. — Но нынче, браток, случаются истории и похуже.

— Меня заставили записаться в полицейский отряд, — говорю я Ковпаку. — Правда, я решил записаться в банду для того, чтобы иметь возможность бежать. Но все же я совершил недостойный поступок и готов понести за него самое суровое наказание.

Я очень волновался.

Ковпак и Руднев успокоили меня.

— Мы тебя пока не знаем. Сейчас ты пойдешь в лагерь. Будущее все покажет. Мы верим делам человека. И только делами проверяем его слова.

Вскоре меня снова вызвали в штаб, сказали, что Ковпак опять хочет меня видеть.

— Тебе известен пароль полицейских на сегодняшний день? — спросил меня Ковпак.

— Известен.

— Ну так вот, с тобой пойдет группа наших партизан. Этой операцией будет руководить Семен Васильевич Руднев,— сказал Ковпак.

Партизаны выступили из лагеря. Через несколько часов мы подошли к лесу. Приблизившись к сторожевому посту, я назвал пароль. Караульный пропустил нас. При самом входе в село мы натолкнулись на другого караульного. Его сняли без шума. В селе партизаны разгромили полицейский отряд, взяли в плен много предателей. После этого мы быстро двинулись обратно к лагерю. По дороге комиссар похвалил меня. За успешное проведение этой операции Ковпак объявил мне благодарность».

«Какими только путями не приходят люди в отряд к Ковпаку», — думал я тогда, слушая рассказ своего земляка.

От Вано Рехвиашвили я в первый же день нашего знакомства услышал рассказ о Ковпаке и Рудневе, которых он горячо и преданно любил.

Организатор и руководитель партизанского отряда Сидор Артемьевич Ковпак — потомок свободолюбивых запорожских казаков. Он, старый солдат, еще во время первой мировой войны принимал участие в известной военной операции по прорыву Западного фронта. В гражданскую войну Ковпак — большевик-командир. Он был разведчиком в дивизии легендарного Чапаева, сражался под командованием Пархоменко.

Великая Отечественная война застала Ковпака в Путивле (Сумская область), где он работал председателем городского Совета. Позже, когда Сидор Артемьевич вернулся из Москвы, я несколько раз слышал, как он рассказывал молодым партизанам о своем районе и о своей довоенной работе.

«Мы, путивльские большевики, — говорил Ковпак, — решили вывести наш район на первое место во всей Украине и перед войной уже были близки к достижению этой цели: мы стали участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. На всю Украину славились наши колхозы, гидроэлектростанции, клубы, школы и амбулатории. Мы создали отличные племенные животноводческие и птицеводческие фермы.

С первых же дней войны на Украине развернулась большая подготовительная работа по созданию партизанских отрядов. Во главе партизанского движения на Украине встал Никита Сергеевич Хрущев.

Областной комитет партии поручил мне закладку парти-

занской базы в Спадщанском лесу. Ну, с этого дела и начался наш партизанский отряд...»

Семен Васильевич Руднев, комиссар партизанского отряда, большую часть своей сознательной жизни служил в Советской Армии. Одно время он был комиссаром пограничной части на Дальнем Востоке. За храбрость и отвагу, проявленные во время боев у озера Хасан, Руднев был награжден орденом Красной Звезды. Перед началом Отечественной войны Семен Васильевич работал в городе Путивле председателем районного совета Осоавиахима. Среди путивльской молодежи он пользовался большой любовью и уважением.

В начале войны Ковпак и Руднев вышли одновременно из Путивля для создания партизанских отрядов. Руднев вел подготовку в Новослободском лесу, а Ковпак — в Спадщанском. Около месяца герои-земляки ничего не знали друг о друге.

В октябре 1941 года разведчики Руднева случайно обнаружили лагерь Ковпака. Для Руднева встреча с Ковпаком была неожиданной. Фашистские агенты распространили слух, что отряд Ковпака уничтожен, а сам Ковпак схвачен и повешен. На другой день командование обоих путивльских отрядов устроило совещание, на котором было обсуждено создавшееся в районе положение.

На совещании оба командира признали необходимым объединение своих отрядов.

— Ну что же, Сидор Артемьевич, — сказал Руднев Ковпаку, — ты командуй отрядом, а я по старой привычке буду комиссаром.

Начальником штаба был назначен учитель из Путивльского района Базима, его помощником — учитель из Белоруссии Николай Курс. Вначале в объединенном отряде насчитывалось шестьдесят семь бойцов. В распоряжении отряда было сорок семь винтовок, шесть автоматов и один ручной пулемет.

Такова была краткая история партизанского отряда, в который вступила наша небольшая группа беглецов из фашистского плена.

V

Измученные долгим скитанием по лесу, мы в первую ночь прибытия в лагерь спали как убитые.

Наступило замечательное осеннее утро. Покрытые легким инеем кроны сосен были залиты лучами восходящего

солнца. На лужайке, раскинувшейся среди лесной чащи, расположились партизаны.

Одни из них сидели на сосновых бревнах и усердно чистили оружие. Под трофейным грузовиком лежал шофер с гаечным ключом в руке. В сторонке, у разведенного под березой костра, смеялись партизаны, слушая веселый рассказ своего товарища. Вдруг до моего слуха донеслись знакомые, родные слова. Прислушался: говорят по-грузински. Я бросился к костру.

— Доброе утро, земляки! — сказал я громко по-грузински.

В ответ послышались радостные восклицания, и пожилой украинец с длинными усами сказал мне:

— Гамарджоба, друг. Сидай к нашему огоньку, и мы побалакаем с тобой. А чтоб беседа текла, как быстрая Кура, и брала за сердце, как Днепровские пороги, — выпей из походной фляги и закуси шашлыком.

Мои товарищи-грузины, улыбаясь, слушали рассудительную и очень уместную речь украинца. Видно было, что это — дружная советская семья, в которой мои соотечественники, грузины, научились понемногу «балакать» по-украински, а их друзья, украинцы, употребляли в нужных случаях грузинские слова и приветствия.

Неприхотлив и прост был партизанский быт. Верные сыны советской Отчизны жили одним стремлением — скорее освободить от ненавистного врага родную землю и вернуть народу мирную жизнь. Это было заветной мечтой каждого партизана. Ради осуществления этой цели любой готов был принести в жертву собственную жизнь.

В боевую страду в нашем лагере царило праздничное настроение. Зато партизаны скучали, когда им приходилось сидеть без дела.

В то время Брянский лес был со всех сторон окружен плотным вражеским кольцом. Партизаны никак не могли вырваться из этого окружения мелкими группами, а для выхода больших отрядов время еще не пришло.

Но зато в дремучем Брянском лесу партизаны были полными хозяевами. Здесь находились отряды имени Сталина, имени 26 комиссаров, имени Хрущева, Микояна, отряды прославленных партизанских командиров Кошелева, Сабурова и многие другие. Территория действия этих отрядов распространялась на тысячи километров. В Брянских лесах в то время действовал подпольный Брянский областной комитет партии, который руководил партизанскими отрядами, находившимися в этих лесах.

Еще до нашего прибытия в отряд Ковпака областной комитет созвал первую партизанскую конференцию; собрались командиры, комиссары и секретари партийных организаций всех партизанских отрядов и соединений, действовавших в Брянских лесах. Конференция открылась 23 августа 1942 года на небольшой лесной поляне и длилась два дня. В работе ее участвовали Ковпак и Руднев.

Конференцию открыл секретарь обкома Бондаренко. В почетный президиум было избрано Политбюро Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Товарищ Бондаренко обратился к собравшимся со следующими словами:

«Партизанское движение на Украине и в Белоруссии с каждым днем растет и развивается. Теперь необходимо, товарищи, придать партизанскому движению, в соответствии с его ростом, более организованный характер. Между отрядами должна быть более крепкая связь, чем это наблюдается сегодня. У нас иногда получается примерно так: на диверсию против одного и того же вражеского объекта выходят бойцы двух разных отрядов, которые подчас даже не знают о существовании друг друга. Или же имеют место случаи, когда между встретившимися ночью двумя отрядами происходит стычка, влекущая за собой человеческие жертвы, так как ни один из них не знает, что в районе его действия находится еще другой партизанский отряд. Можно было бы привести еще множество примеров в доказательство того, что между партизанскими отрядами необходимо поддерживать постоянную связь».

От украинских партизан на конференции выступил Ковпак. На первой партизанской конференции было выдвинуто и решено много важных вопросов. Было принято решение о необходимости улучшить связь между отрядами, об установлении более тесных отношений с местным населением и о согласованных действиях против врага. Конференция закончилась пением «Интернационала».

Первое время немцы чувствовали себя сравнительно спокойно во временно захваченных районах. Однако партизаны очень скоро нарушили покой захватчиков.

Партизанские отряды каждый день получали все новое и новое пополнение. Противник ощущал рост этого движения, но подавить его уже не мог.

Враг всегда превосходил нас численно, но в боях мы почти всегда наносили ему поражение, захватывая его технику, оружие и боеприпасы. Как правило, мы на первых порах об-

ходились трофейным оружием. А уже одно это свидетельствовало о наших победах над оккупантами.

«Интересно знать, где находятся партизанские аэродромы, самолеты, танки и пушки, о которых так упорно говорят в народе», — думал я в начале своего пребывания в лагере. В действительности же не было ничего похожего. Народная фантазия в данном случае создавала легенды. «Раз народ хочет, щоб воны булы, значит, воны есть», — отвечал на это Сидор Артемьевич.

Вот в какой обстановке наша небольшая группа начала свою жизнь в отряде украинских партизан. Вместе с ними мы с нетерпением ожидали возвращения Ковпака из Москвы.

Как-то по лагерю с молниеносной быстротой разнеслась весть:

— Сидор Артемьевич прилетел!

— Командир вернулся!

— Вот новостей привез из Москвы!

Мне представился случай в тот же день встретиться с Ковпаком. Ему доложили о пополнении отряда новыми бойцами. Ковпак тотчас же вызвал нас к себе. С первого взгляда меня поразила его бодрая, энергичная походка. Он выглядел не таким старым, как об этом говорили. «Рано его прозвали «Дедом», — подумал я.

— Добро пожаловать! — сказал нам Сидор Артемьевич. — Впереди у нас большие трудности, но когда это было, чтобы большевики боялись трудностей? Объединимся, сплотимся, грозой обрушимся на врага. Наши партизаны — бесстрашный, боевой народ. Радостно быть с ними и сражаться вместе с ними. — С этими словами Ковпак приблизился к нам и положил руку мне на плечо.

Я в ту минуту впервые заметил на груди Ковпака Золотую Звезду Героя Советского Союза. Когда Дед прилетел из Москвы, среди партизан только и было разговоров: Сидору Артемьевичу в Москве присвоили звание Героя Советского Союза.

После приезда Ковпака стало прибывать новое отечественное вооружение и боеприпасы из Москвы. Партизанский аэродром работал бесперебойно, в отряде еще больше укрепилась дисциплина. Были введены настоящие воинские порядки.

Бойцы уже стали открыто говорить о встрече и беседе Ковпака с членами Политбюро ЦК ВКП(б). Говорили, что Ковпаку дали важное задание. В первое время оно не разглашалось. Ковпак сообщил о нем только Рудневу, Базиме и Корневу.

В связи с возвращением Ковпака из Москвы был проведен короткий митинг.

Мы стояли на пороге больших событий; партия ставила перед нами серьезную задачу, об этом теперь уже определенно говорили старшие товарищи. Вскоре мы узнали, что наш отряд в полном боевом порядке должен выступить к Днепру и перейти на его правый берег, т. е. наш отряд должен был пройти несколько областей, форсировать большие реки — Днепр, Десну, Припять — и выйти на правобережную Украину.

Осуществляя этот глубокий рейд, наше соединение должно было выполнять разведывательные задания регулярных частей Советской Армии.

Не менее важной была вторая задача. В то время как в северо-восточной части Украины партизанское движение получило широкое развитие и эти районы были насыщены партизанскими отрядами, в западной части Украины, оказавшейся в глубоком тылу у противника, партизанское движение было развито значительно слабее.

Поднять людей этого края на борьбу с захватчиками — вот какую почетную миссию должны были выполнять партизанские отряды. Кроме нашего соединения, такое же задание получило и соединение Сабурова.

В нашем лагере велась оживленная подготовка к большому походу. Этой подготовкой непосредственно руководили Ковпак и Руднев. Все чувствовали серьезность задачи. Бойцы приводили в порядок подводы, подковывали лошадей, укладывали вещи и провиант, устанавливали на подводах пулеметы.

— Нам придется двигаться под носом у противника, надо пройти тихо, без скрипа подвод, стука колес, все должно быть хорошо прилажено, должен быть во всем полный порядок, малейшая оплошность может привести к большой беде,— говорил Ковпак, обходя бойцов.

Все дороги, ведущие из Брянских лесов, были накрепко заперты противником. Малейший промах мог повлечь за собой гибель всего соединения. Поэтому от партизанских командиров требовалась большая осторожность и искусство маневра.

Тихим осенним вечером соединение Ковпака выступило в полном боевом порядке из села Старая Гута и двинулось на запад.

Нас провожало почти все село.

К этому времени материальная часть соединения основательно пополнилась. Прежде пушки были только мечтой

партизан, теперь же у Ковпака было восемь пушек, доставленных на самолетах из Москвы, и шесть трофейных. Командиром батареи Ковпак назначил пришедшего со мной Анисимова, а комиссаром — Алексея Ильича Корнева, которого партизаны звали «Дедом-морозом». Корнев партизанил еще в гражданскую войну. Теперь он постарел, но румяное, улыбающееся лицо, обрамленное белоснежной бородой, дышало энергией и бодростью. Этот благородный старик пользовался большой любовью партизан.

Нужно сказать, что не один только Корнев, а многие партизаны были окрещены безобидными прозвищами. Особенно удачно придумывал шуточные клички командир третьей роты Федор Карпенко. Увидав впервые Корнева, он сказал товарищам: «Поглядите-ка на этого белобородого. Вот здорово. И он пришел воевать! Это же настоящий дед-мороз!» С этого дня фамилия Корнева в отряде упоминалась только в официальных случаях. Да и сам Корнев так свыкся со своим новым именем, что в разговоре по телефону или в беседе сам называл себя «Дедом-морозом».

VI

Старая Гута — это ворота Брянских лесов. Вблизи них немецко-фашистские захватчики заняли прочную оборону.

И кто бы нам добровольно открыл эти ворота? Нужна была поистине богатырская сила, чтобы проложить себе путь через них. Эту силу придали партизанам пушки, присланные с «Большой Земли».

Теперь мы чувствовали себя увереннее, и нам уже не были страшны возведенные на каждом шагу вражеские укрепления.

С ними мы столкнулись в самом начале рейда, пятого октября. Нам пришлось вести ожесточенные бои у Голубовки, Березовки и хутора Лукашенков.

Я был назначен командиром орудия. С волнением готовились мы к бою.

Наступила ночь. С большой осторожностью, скрытно от врага, подкатили мы свои орудия почти вплотную к позиции противника. В течение всей ночи наша партизанская батарея вела непрерывный огонь по вражеским укреплениям.

Рассвело. И мы увидели результаты своей работы. Вражеские укрепления превращены в развалины.

Радость окрылила меня. Вдруг я увидел Ковпака — он приехал на батарею поздравить артиллеристов с первым серьезным успехом. В числе других он поздравил и меня:

— Молодец, Давид, хорошо поработал!

В ту ночь отличились многие бойцы. Эта первая победа в нашем рейде обрадовала всех партизан. Гордо, в строгом воинском порядке прошли мы через взятые с боем позиции противника. Сломив здесь сопротивление врага, мы почти без потерь вышли на широкий оперативный простор.

Наш рейд не на шутку обеспокоил противника.

Многое дали бы они, чтобы узнать: куда и с какими целями движутся партизаны?

Наше соединение подходило к местечку Кролевец. Ковпак вызвал командира батареи Анисимова и спросил его:

— Тебе известно, к какому местечку мы подходим?

— К Кролевцу.

— Верно. А ты знаешь, кого я туда послал?

— Должно быть, разведчиков.

— И это верно. Разведчиков. Но известно ли тебе, с каким заданием послал я их туда?

— Вероятно, с каким-нибудь особым заданием.

— Ну, так слушай. Я сам тебе скажу, каково задание. Когда соединение подойдет к Кролевцу и станет его обходить, тогда Анисимов выпустит по местечку шестьдесят снарядов, сказал я им. Разведчики должны проверить точность попадания снарядов, должны выяснить результаты твоего обстрела. Понял, что от тебя требуется?

— Есть, товарищ командир, — ответил Ковпаку Анисимов и быстрым шагом направился к батарее. Стало ясно, что Ковпак намерен серьезно проверить артиллерийское мастерство нашего командира батареи. Ведь до этого мы стреляли только прямой наводкой.

Ковпак прищурил один глаз и, улыбаясь, сказал Рудневу:

— Похоже, что я перестарался... Нагнал на хлопца страху.

Скоро мы вплотную подошли к Кролевцу. Ковпак дал знак Анисимову открыть огонь. Заревели пушки, градом посыпались снаряды на Кролевец.

Через некоторое время разведчики доложили Ковпаку:

— Огонь был такой точный, что фрицы с трудом выбрались из города.

— Молодец Анисимов! — сказал Дед. — И от груза освободился, и на фашистов нагнал страху.

Вспоминая теперь пройденный путь и взвешивая каждый шаг, я все больше убеждаюсь, что нам очень помогло то, что победы и успехи никогда не кружили нам голову. Мы всегда трезво смотрели на вещи, и порох у нас всегда был сухим,

Ночью мы продвигались вперед, а днем отдыхали в лесу, варили пищу, готовились к новому ночному походу.

На привалах «Дед-мороз» так лихо плясал под гармонь, словно ему было двадцать лет. Если Сидор Артемьевич был в хорошем настроении, то и его не нужно было упрашивать сплясать гопака. О молодых бойцах и говорить не приходится: они и веселились хорошо, и сражались отлично.

В те трудные дни я ближе узнал одну чудесную черту в характере украинского народа. Он никогда не поддается горю, он борется с ним и неизменно одолевает. Украинец очень добр, гостеприимен, мужествен и благороден. Он не терпит лицемерия, не задумываясь, готов пожертвовать собой ради друга.

Страшный ураган войны бушевал на украинской земле. Но народ не потерял душевного равновесия, вера в победу вливала в него новые силы, ободряла его. Народ Украины в массе своей верил в то, что горькие дни оккупации скоро минуют. Он верил в помощь своего брата — великого русского народа, в дружескую помощь всех братских народов Советского Союза. Стоило мне заговорить с хозяевами в деревне, с девушками на улице, люди вслушивались в мой говор, спрашивали меня:

— А вы не из Грузии, товарищ?

И услышав утвердительный ответ, в разных выражениях, но всегда с теплой улыбкой, задушевным словом одобряли то, что в рядах украинских партизан есть и русские, и грузины, и армяне, и узбеки, и туркмены.

— Да разве есть такая сила, чтобы наши народы, нашу дружбу сокрушила? — сказал один старик на Десне. — Сломает свою поганую хребтину чертов Гитлер об нашу дружбу. Правда, товарищ грузин?

Наше соединение стремительно продвигалось вперед. Мы разрушали на своем пути вражеские укрепления, опорные пункты, нарушали коммуникации, громили фашистские гарнизоны.

В конце октября мы с марша нанесли сильный удар по станции Ямполь. Заняв станцию, партизаны истребили вражеский гарнизон, взорвали все ближайшие мосты, сравняли с землей склады.

Озлобленные гитлеровцы поспешно стянули гарнизоны из Шостки и других районов и атаковали нас у селения Червона Дубрава. Наше соединение быстро организовало круговую оборону и отбросило противника, нанеся ему большие потери.

Партизаны шли в бой отважно и смело и били фашистов беспощадно, не щадя для достижения полной победы над врагом ни своих сил, ни своей крови, ни своей жизни. Как всегда, впереди были коммунисты.

Натиск наш был так силен, что мы потом некоторое время почти беспрепятственно двигались вперед; прошли так несколько районов — враг не решался вступать в бой. Часто без передышки соединение делало переходы в сорок—пятьдесят километров, не встречая на своем пути противника. Было бессмысленно самим завязывать бои. Правда, Ковпак и Сабуров могли свободно разгромить тот или иной вражеский гарнизон, но при этом были бы неизбежные жертвы и с нашей стороны. А овладение каким-нибудь небольшим городом в глубоком тылу врага сейчас не имело никакого значения с точки зрения выполнения главной задачи.

Наши дальновидные командиры Ковпак и Руднев действовали с большой осторожностью и осмотрительностью. Они вовсе не стремились на каждом перекрестке схватываться с врагом, но зато, когда они наносили удар, то этот удар был смертельным. Во время рейда мы вступали в серьезные бои лишь в тех случаях, когда это диктовалось необходимостью. Наше соединение имело строго определенное задание: оно должно разрушать тылы врага, вносить панику, растерянность в ряды захватчиков, нарушать жизненные коммуникации врага, ведущие к фронту, ослаблять его боевую мощь. Оно должно было срывать его военные мероприятия, вооружать и поднимать против фашистов местное население.

Были случаи, когда мы за одну ночь взрывали пять-шесть мостов, минировали и разрушали железнодорожное полотно, нарушали линию связи. А затем бесследно исчезали, появляясь неожиданно в другом месте. Врага изматывала такая борьба. Он не знал, где и когда нападем мы на него, днем или ночью завяжем с ним бой. Почти всегда это происходило там, где фашисты меньше всего ожидали нас. Мы наносили мощный внезапный удар, громили живую силу и технику врага и с такой же быстротой покидали место боя.

Иногда же мы устраивали засаду и ждали приближения противника. Как только появлялись немецкие солдаты в зеленых шинелях, мы подпускали их близко и открывали смертоносный огонь.

Партизанский бой построен на быстроте и внезапности. Мы строго придерживались этой испытанной тактики.

На каждом новом месте мы снова и снова убеждались, что народ с нами. Крестьяне встречали нас с любовью. В Черниговской области нас принимали не за партизан, а за пере-

довые части Советской Армии. Да это было и не удивительно. В то время количество наших бойцов перевалило уже за тысячу. Внушительную картину представляла наша походная колонна: шла артиллерия, пехота, кавалерия, обозы. При виде нас люди плакали от радости.

Мы подошли к городу Короп. Ковпак решил обойти противника, охранявшего подступы к мосту.

Требовался опытный проводник, и вот тут к нам на помощь пришла одна патриотка-украинка, оказавшая нам неоценимую услугу. Она пошла впереди колонны и вывела нас к берегу Десны. Мы так близко прошли около города, что было прямо непостижимо, как противник не заметил нас. Прощаясь, мы горячо поблагодарили смелую женщину. Но сколько мы ни упрашивали ее, она не захотела назвать свою фамилию.

Удаляясь, она крикнула нам:

— Желаю вам благополучно дойти до Берлина.

Мы не забыли о смелом поступке этой женщины, и когда Советская Армия освободила родную землю от немецких захватчиков, когда население Украины и Белоруссии начало выходить из лесов и приступало к мирному труду, тогда Ковпак отправил заместителя начальника штаба, Героя Советского Союза Войцеховича в село Вольное для того, чтобы он узнал фамилию нашей проводницы.

Войцехович поехал. Вот как он описывает свою встречу с женщиной-патриоткой:

«Ранним утром добрался я до села Вольное. Теперь, при дневном свете, я мог рассмотреть это красивое село.

Женщины в пестрых косынках работали около хат, подметали дворы, чистили загоны.

Я иду, а сам все оглядываюсь по сторонам. Авось где-нибудь да примечу ту, к которой меня послали. Я помнил, что она вышла тогда из хаты, одиноко стоявшей в начале села. Я прибавил шагу, приблизился к хате и во дворе увидел нашу храбрую проводницу. Остановился. Вижу, героиня стоит, окруженная курами, гусями, гуси ее дергают за платье, просят корма. Женщина сердится, с трудом отгоняет назойливых птиц. Увидев ее, я очень обрадовался.

Она была среднего роста. Красивую шею украшало ожерелье из крупных бус, голова была повязана синей косынкой.

Женщина, почувствовав на себе мой пристальный взгляд, посмотрела в мою сторону и спросила:

— Вы не до нас случайно?

Я тотчас же узнал ее голос, который запомнил с той памятной ночи.

— Да, к вам, если разрешите.

Женщина отогнала птиц и подошла ко мне.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Здравствуйте!.. — ответила она и после короткой паузы смело спросила:—А кто вы будете? Что-то я вас не узнаю.

— Это верно. Вы меня не знаете. Прошу вас, назовите мне вашу фамилию и имя.

— Александра Прохоренко.

— Александра Прохоренко? Я и не думал, что так просто узнаю вашу фамилию и имя.

Прохоренко удивилась:

— К чему это вы, — пробормотала она.

— Я считал вашу фамилию и имя большой тайной.

— При чем тут тайна?

— Было такое время, что как мы вас ни упрашивали, как ни умоляли, так и не смогли добиться от вас ни имени, ни фамилии...

— Когда это было? Для чего это могло вам понадобиться?

— Перед вами стояла тогда тысяча бойцов. Мы упрашивали вас назвать себя.

Лицо женщины прояснилось, она приложила руку ко лбу.

— Ах!.. — воскликнула Александра и залилась веселым смехом. — Знаю, знаю, догадываюсь, о чем вы говорите. Вы тоже находились среди тех бойцов?

— Был. Перед вами стояли два партизанских командира, вы хотя бы их послушались.

— Для дела так было лучше. Тогда надо было поступить так, — сказала Александра.

— Нас всех тронул ваш мужественный поступок в ту ночь, ваша твердость и сила воли.

— Ваш ночной поход прошел благополучно? — спросила меня Прохоренко.

— Хорошо, очень хорошо. Мы сделали беспрепятственно очень большой переход. Вы знали, кто прошел в ту ночь через ваше село?

— Конечно, знала. Это был партизанский отряд. Еще задолго до вашего появления на селе шли разговоры о том, что в нашем районе действуют большие силы партизан.

— А вы, случайно, не слышали, кто был командиром нашего отряда.

— Этого я не знаю.

— Вы знаете, кто такой Ковпак?

— Знаю. Это партизанский генерал.

— Вот как раз партизанское соединение Ковпака и про-

шло в ту ночь через ваше село. Старик, который уговаривал вас назвать свое имя, и был Ковпак.

Лицо Александры зарделось.

— В настоящее время я прибыл сюда по заданию товарища Ковпака, он поручил мне разыскать вас.

— Не заслужила я такого внимания, — сказала она смущенно.

— Ковпак просил передать вам сердечный привет.

— Передайте и от меня товарищу Ковпаку нижайший поклон и поблагодарите за оказанное внимание! — проговорила Прохоренко дрожащим от волнения голосом.

А через несколько недель Александру Прохоренко вызвали в районный центр и в торжественной обстановке вручили медаль «Партизану Отечественной войны», которой был отмечен ее патриотический поступок».

Возвратимся, однако, к нашему рейду.

Как я говорил, через Десну мы переправились благополучно. В первых числах ноября 1942 года мы уже были в районе города Щорса. Здесь в годы гражданской войны сражался прославленный герой украинского народа Николай Щорс. В этом районе мы встретили несколько партизанских отрядов, носящих имя славного полководца. В районе города Щорса наши ряды пополнились мужественными, стойкими бойцами.

Этот край, как и многие другие на Украине, представлял собой во время фашистской оккупации ужасное зрелище: пепелища сожженных сел, сады и огороды, заросшие бурьяном.

Бо́льшая часть населения скрывалась в лесу. Крестьяне бедствовали. Мы, как могли, помогали им.

Комиссар Руднев, да и все наши коммунисты вели агитацию в таких районах с особенной охотой и энергией. Население, оторванное от «Большой Земли», с неутолимой жадностью воспринимало пламенные призывы большевиков.

Двадцать пятую годовщину Великого Октября наше соединение встречало у места впадения реки Сож в Днепр.

Никогда не забыть мне тех волнующих мгновений, когда в лесу, у слияния двух рек, мы услышали по радио слова из приказа Верховного Главнокомандующего: «Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!» Мы непоколебимо верили: так будет.

У места слияния Сожа и Днепра лежит небольшой город Лоев. По приказу Ковпака одна наша рота выступила для занятия этого города. Однако прежде чем она успела подойти к Лоеву, он был уже захвачен нашими разведчиками и одним из подразделений Сабурова.

Переправа на правый берег Днепра осложнилась тем, что поблизости не было ни одного моста. В нашем распоряжении были всего три лодки и один паром. Надо было быстро перевезти людей, вооружение, обозы. Стремясь выиграть время, мы переправили лошадей и скот вплавь. Вплавь же переправилась и часть бойцов.

Но все же на переправу нам потребовалось двое суток.

Враг воспользовался этим и перебросил на машинах к берегу Днепра значительные силы. Завязался жестокий бой. Победа склонялась то в нашу пользу, то в пользу гитлеровцев.

Тем временем к Днепру вышло соединение Сабурова.

Противник обрушился также и на соединение Сабурова, и между ними тоже завязался бой. Враг стремился опрокинуть нас в Днепр и уничтожить, но все его попытки оказались тщетными. Мы в упор расстреливали противника из пулеметов и автоматов. Партизанские соединения ответили фашистам мощной контратакой. Двадцать пять немецких солдат и офицеров были взяты нами в плен.

Соединение Сабурова форсировало реку в полном порядке с помощью тех же лодок и парома, на которых переправлялось наше соединение.

Наши соединения вошли в Лоев, чтобы немного передохнуть и привести себя в порядок.

Вечером восьмого ноября мы провели торжественный митинг.

Еще до занятия Лоева мы решили, что проведем великий праздник Октября вместе с жителями этого города. Население узнало об этом, и все потянулись к нашему расположению. Это было время, когда фашисты со звериной жестокостью расправлялись с каждым, кого им удавалось схватить вблизи партизанского лагеря. Достаточно было узнать захватчикам, что какой-нибудь крестьянин побывал у нас, — и гибель смельчака была неминуема.

Но, несмотря на чудовищные репрессии, на праздник в Лоеве собралось очень много молодежи. Участники празднества провели холодную, снежную осеннюю ночь в плясках и пении. Но враг так и не узнал об этом.

Жители украинских и белорусских сел и хуторов пришли в Лоев не только для развлечения. Они принесли нам хлеб, картофель, мясо, пригнали к нам крупный рогатый скот.

Так бывало повсюду, где бы мы ни проходили.

Стоило попросить у крестьянина воды, как он нес молоко, в любом крестьянском доме партизан принимали как самых родных и близких людей.

Отдохнув после боя в Лоеве, мы провели там праздничный парад двух соединений, а затем двинулись на запад, к селу Барсук. Мы не пошли по дороге, а углубились в лес.

Колонна быстро продвигалась вперед. Шелест листьев под множеством ног напоминал шум морской волны.

Подошли к селу, в котором, по сведениям разведки, был сильный полицейский гарнизон. В ночной темноте смутно вырисовывались силуэты хат. Нигде не было видно ни одной живой души. Мы оцепили село, одну группу партизан направили в центр, другая же группа заняла позиции на окраинах.

Залаяли собаки. Поднятые этим шумом полицейские пытались улизнуть, но были все изловлены. На вопрос партизан, что они за люди, куда бегут ночью с оружием в руках из села, они отвечали:

— Мы охраняем порядок.

— Значит, полицейские?

— Нет.

— А кто же?

— Мы охрана села.

— Вот рассветет, тогда и выясним, кто вы такие.

Рассвело. Молчит деревня, словно вымерла, ни одна живая душа не показывается на улице.

Мы подошли к хатам, стали звать крестьян. Они, видно, почувствовали, что пришли свои: открылись двери, показались улыбающиеся лица.

— Здравствуйте, друзья, граждане Советской страны! — приветствовали мы колхозников.

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищи партизаны! — отвечали они радостно и крепко жали нам руки.

Наши политработники тут же на улице завязали с жителями беседы о положении на фронте, об операциях Советской Армии.

— Так, значит, Москва по-прежнему стоит? — спрашивает старый крестьянин с посохом в руках.

— Да, дедушка. Москва стоит и всегда будет стоять нерушимо, на страх врагам, на радость друзьям.

С восторгом слушали партизан жители освобожденного села.

— Рота, стройсь! — раздалась команда в разных концах.

Партизаны выстроились.

Конвоиры вывели пойманных ночью полицейских.

Мы поставили их лицом к народу, над которым они столько издевались.

Быстро опросив население, мы установили предателей, которые тут же были расстреляны.

Раздалась команда. Между тесными рядами сельчан с громкой, бодрой песней прошло наше соединение.

— Счастливого пути, счастливого пути! — кричали вслед партизанам мужчины и женщины.

Мы взяли направление на станцию Демихи.

Ковпак дал задание подполковнику Вершигоре захватить Демихи и взорвать мост. Вершигора в результате ожесточенного боя занял станцию, однако ему не удалось взорвать мост, так как он был обнесен шестью рядами колючей проволоки, железобетонными укреплениями и его защищала усиленная охрана.

В бою за станцию Демихи погибла славная наша автоматчица Дивина. Смерть храброй партизанки тяжело подействовала на бойцов и командиров нашего соединения. Все были опечалены утратой любимого боевого товарища. Дивина была из хутора Михайловка. Фашисты предложили ей сотрудничать у них, девушка наотрез отказалась. Ее арестовали. Затем ей удалось бежать, она попала в наш отряд и с тех пор с автоматом в руках сражалась вместе с нами.

Мы продолжали продвигаться на запад.

Сухая осенняя погода резко изменилась. Похолодало. Небо заволокли черные тучи, лили непрерывные дожди. Дороги испортились.

Мы форсировали Припять. Местные крестьяне предупреждали нас, что доверять Припяти нельзя, что лед еще недостаточно крепкий. Но время не ждало, и мы рискнули. Живую силу удалось переправить благополучно на противоположный берег реки. Артиллерию и пулеметы перевезли на пароме, предварительно пробив для него проходы во льду.

Руднев, наблюдавший за переправой, гордо улыбаясь, говорил:

— Если бы Гитлер видел, на что способны наши орлы, то он сошел бы с ума от злости.

Мы продолжали путь, неуклонно продвигаясь вперед, на запад, и вошли в Олевский район на границе с Белоруссией.

VII

Вот и Полесье. Замкнутый и немой стоял лес под покровом первого снега. В эти дни часто можно было видеть Руднева на коне, далеко впереди колонны, среди разведчиков. Этот отважный человек, полный энергии, постоянно всех подбодрял, поднимал настроение.

Бассейн реки Припяти покрыт лесами и непроходимыми болотами. На этой обширной территории, растянувшейся на

сотни километров, стоит всего несколько городов. Многие села здесь избежали немецких когтей только благодаря своему недоступному местоположению.

Но в большинстве сел мы встречали знакомую картину— необузданное хозяйничанье захватчиков.

Четыре больших района этого края оккупанты объединили в одну область, или, как они называли, «гебитс». Начальник этой области, или «гебитс-комиссар», избрал своей резиденцией город Лельчицы.

В Лельчицах стоял сильный гарнизон противника. Гебитскомиссариат помещался в центре города. Его охранял батальон жандармерии. В расположенном рядом со зданием гебитскомиссариата парке захватчики построили доты и дзоты. Они сняли памятник Ленину и устроили в четырех углах пьедестала пулеметные гнезда. Все улицы города были изрезаны траншеями.

Все это доказывало, что враг чувствовал себя здесь неспокойно. И действительно, достаточно было нам уничтожить немецкий гарнизон в Лельчицах, и весь этот огромный район можно было считать очищенным от врага.

Ковпак отдал приказ о штурме Лельчиц. Партизаны стальным кольцом охватили город и ждали сигнала для начала штурма.

Накануне атаки Ковпаку удалось связаться по телефону из села Буйновичи с немецкой комендатурой города Лельчицы. Коменданта не оказалось, к телефону подошел какой-то офицер.

— Начальника нет, что вы хотите? — ответил Ковпаку на ломаном русском языке немецкий офицер.

— Хочу, чтобы и духа вашего не оставалось на нашей земле!

— Кто со мной говорит?

— Я командир части Красной Армии.

— Если бы это зависело от меня, то я бы и минуты здесь не оставался, — чистосердечно признался офицер.

— Передайте начальнику гарнизона, чтобы он без сопротивления сложил оружие и сдался.

— Хорошо, я передам ваше предложение коменданту.

Накануне штурма перед вечером повалил снег. Маленький городок был едва виден сквозь густую завесу из снежных хлопьев. Очертания деревьев и домов стали расплывчатыми, неясными, сгустившиеся сумерки вскоре совсем скрыли от нас город.

Снегопад не прекращался.

После наступления сумерек партизанам были дополнительно розданы патроны. Полностью были снаряжены авто-

матные диски и пулеметные ленты, многие партизаны наполнили патронами карманы шинелей, брюк и даже гимнастерок.

Все было готово для штурма. Значит, теперь можно подумать и о еде: где-то позади, в лесу, находилась полевая кухня, которую сегодня подвезли на санях к цепям партизан. В ожидании еды бойцы оживленно беседовали, крутили цигарки, чтобы всласть покурить после ужина.

Вскоре принесли еду. Партизанские котелки наполнились горячей кашей с жирными кусками баранины. Эта каша и ржаной хлеб показались нам в тот вечер перед боем особенно вкусными. Можно было подумать, что мы никогда не видели хлеба, с таким аппетитом мы его уплетали.

Наступила ночь, снег продолжал валить. Я подкатил свое орудие к городскому парку, который начинался на окраине города и подходил к гебитс-комиссариату.

С рассветом загрохотали наши пушки и минометы. Началась артиллерийская подготовка.

Вскоре над зданием гебитс-комиссариата в небо поднялся огромный столб дыма. Противник усилил ответный огонь.

Когда совсем рассвело, мы увидели, что весь город покрыт девственным снежным покровом, только территория, прилегающая к парку, и двор гебитс-комиссариата были черными. На разворошенной земле лежал толстый слой копоти.

Партизаны пошли на штурм. Казалось, что они одним порывом, не переводя дыхания, обрушились на врага. Наших бойцов не могли остановить вражеские пулеметы. Партизанская атака была настолько стремительной, что я не узнавал наших людей, передо мной только мелькали белые маскировочные халаты, которые на мгновение вырастали из снега и затем снова терялись в его белизне.

Наступающих бойцов невозможно было узнать ни по лицу, ни по голосу: разве можно было услышать голос в этом грохоте? Человек не слышал самого себя и не знал, кричит он или говорит шепотом. Чувствовалась лишь могучая сила, мужественное дыхание жизни, вдохновенный ритм атаки. Трудно описать словами эти удивительные минуты жизни бойца, но еще труднее передать дух перешедшего в атаку соединения.

Вскоре сопротивление вражеского гарнизона было сломлено. Трупы гебитс-комиссара и его жены валялись посреди улицы.

Здание гебитс-комиссариата все еще продолжало гореть. Пожар увеличивался. Немцы оставили внутри здания ящики с боеприпасами. От высокой температуры рвались патроны и гранаты, и хотя бой здесь был уже окончен, вокруг стояла громкая пальба.

Однако город еще не был целиком очищен от врага. Для полного овладения городом Ковпак направил третий батальон, которым командовал Федот Данилович Матющенко. Он с честью выполнил задание Ковпака.

В Лельчицах не осталось ни одного захватчика. Трупы фашистов валялись на снегу на улицах и во дворах.

Постепенно бойцы и командиры выходили из боя. Вот показался Руднев. Он был весь мокрый от пота. Скинув шинель, заткнув за пояс перчатки, комиссар уселся на ступеньку какого-то дома и закурил толстую цигарку.

— Жарко, — сказал он, — очень жарко... — и с наслаждением затянулся.

В действительности же был жестокий мороз.

На окраине города разместился партизанский штаб.

Хозяин дома остался жить в соседней комнате. Ковпак заметил, что хозяин избегает его, во время разговора держится натянуто. Поведение хозяина показалось Ковпаку подозрительным, и он спросил его:

— Из скольких душ состоит твоя семья, хозяин?

— Из четырех, уважаемый начальник!

— А именно?

— Я, моя старуха, дочь да сноха.

— У снохи, наверное, имеется муж? Так, значит, твой сын будет пятым членом семьи?

Хозяин потупился, смешался, не зная, что́ и как ему ответить.

— Выходит, что так, товарищ начальник, сын будет пятым.

— А где сейчас твой сын?

Хозяин смутился еще больше:

— Сын... Сын куда-то ушел и до сих пор не возвратился, я не знаю, где он...

— Ну, это ты, брат, того, — покачал головой Ковпак, — как это у тебя сын уходит, а ты не знаешь куда... Какой же ты хозяин в доме?

— Уж больно непослушный он у меня, товарищ начальник, упрямый.

— Лучше уж говори правду, хозяин, тут нечего стесняться. Не записался ли твой сын случайно в полицию?

При этом прямо поставленном Дедом вопросе хозяин окончательно растерялся, лицо его покрылось красными пятнами.

— Плохи твои семейные дела, хозяин, — сказал Ковпак.

День подходил к концу, соединение готовилось к выступлению из Лельчиц. В это время партизаны привели в штаб

захваченных полицейских; среди них был один совсем молоденький. Вид у него был очень смущенный, и он все время старался спрятаться за спины других полицейских.

— А ну, парень, выходи вперед! — обратился к нему Ковпак. — Твоя фамилия?

Парень опустил голову и молчал.

— Ты что, немой, что ли?

Вдруг распахнулась дверь соседней комнаты, и в штаб ворвался хозяин дома:

— Тьфу, мерзавец этакий! — набросился он на молодого парня. — Осрамил ты меня! Сам опозорен и нас опозорил! После этого я не считаю тебя своим сыном, хоть провались ты сквозь землю!

После боя мы обнаружили, что многие уцелевшие здания в Лельчицах набиты военным снаряжением.

Нам достались богатые трофеи.

После того как наш отряд овладел Лельчицами, Полесье стало для партизан неоценимой базой.

Двадцать седьмого ноября наше соединение расположилось в селах, лежащих среди лесов Полесья. Эти села находились между железнодорожными станциями Сарны и Коростень.

То, что наши подразделения дислоцировались не в одном, а в нескольких селах, диктовалось военными соображениями. Во-первых, в случае налета вражеской авиации соединение было рассредоточено, а во-вторых, с помощью хорошо налаженной связи партизаны, находящиеся в одном селе, обнаружив появление противника, своевременно сообщали об этом в другие села, и остальные партизаны имели возможность подготовиться к встрече с врагом. Первый батальон, которым непосредственно командовал сам Ковпак, разместился в селе Глушкевичи. Второй и третий батальоны, под командованием Кульбаки и Матющенко, расположились в селе Копица. Четвертый батальон, под командованием Кудрявского, — в селах Прибыловичи и Милашевичи. Все батальоны были связаны между собой телефоном. Противник несколько раз пытался нас атаковать, но каждый раз мы отбрасывали фашистов с большими для них потерями. Разумеется, в этих боях мы тоже имели потери. При отражении одной такой атаки фашистами была ранена славная автоматчица-партизанка Нина Созина.

Партизаны никогда не забудут героизма этой шестнадцатилетней девушки. Ее отец, инженер Созин, работал в Путивле. В первый же день объявления войны Созин вступил

:обровольцем в ряды Советской Армии. Семья его не успела эвакуироваться. Нина, впечатлительная девочка, никак не могла примириться с порабощением своего родного края ненавистными захватчиками, она установила связь с лагерем военнопленных и подпольными организациями. И вот, когда в 1942 году партизанский отряд Ковпака занял город Путивль, Нина явилась к Ковпаку и стала настойчиво требовать, чтобы всю ее подпольную группу записали в отряд.

Ковпак уже знал, что Нина создала в Путивле подпольную комсомольскую группу и установила связь с одним подпольщиком по фамилии Замула, у которого имелся радиоприемник. Замула принимал сообщения Совинформбюро и передавал их Нине. А Нина вместе с другой комсомолкой, Люсей Стоборовой, размножала эти сообщения, и ночью девушки разбрасывали листовки по улицам города и расклеивали на стенах домов. Накануне праздника Октябрьской революции в 1941 году Нина и Люся водрузили красный флаг над зданием школы. Вся местная жандармерия была поднята на ноги, заподозрили Нину и Люсю, но девушки стойко выдержали все пытки. За недоказанностью обвинения жандармы вынуждены были через неделю освободить отважных патриоток. Люсе подпольщики предложили уйти в лес к партизанам, а Нина продолжала работу. Ее верная подруга Люся Стоборова стала отличной партизанской разведчицей. Выполняя как-то разведывательное задание в селе Михайловском, она была арестована фашистами. Враги долго истязали девушку и повесили ее.

Зная все это, Ковпак удовлетворил просьбу Нины Созиной, и девушка стала партизанкой.

Вскоре все партизаны убедились в храбрости и самоотверженности маленькой Нины.

В одном из боев был убит командир партизанской группы, в которой сражалась Нина. Девочка приняла на себя командование. Особенно отличилась Нина Созина в бою за Лельчицы. Роль Нины в этом бою была так значительна, что об этом вынуждены были сказать даже наши враги. Вот что писала о ней после захвата партизанами Лельчиц немецкая газета, издававшаяся в Полесье: «Большой урон нанесла нам в бою партизанка, некто Созина, которая перестреляла очень много наших солдат».

Брат Нины, Евгений, который тоже сражался в партизанском соединении Ковпака, был тяжело ранен в одном из боев и отправлен на «Большую Землю». После выздоровле-

ния он вступил в ряды Советской Армии, получил на фронте тяжелое ранение и умер. На фронте погиб и отец Нины. Нина была два раза ранена, последнее ранение оказалось настолько серьезным, что ее пришлось отправить на «Большую Землю».

До того как мы успели отправить Нину на «Большую Землю», из Москвы пришло сообщение о награждении юной партизанки орденом Красного Знамени. Руднев, со свойственной ему заботливостью, тотчас же понес радиограмму раненой девушке. Он отечески поцеловал ее и поздравил с высокой наградой.

* * *

Итак, мы получили возможность надолго обосноваться в селах Копища, Милашевичи, Глушкевичи и Прибыловичи. Здесь было проведено партийное собрание. Ковпак выступил на этом собрании с докладом, в котором он подытожил результаты проведенных нами боев, подчеркнул значение достигнутых успехов и одержанных побед.

Как раз в эти дни мы узнали по радио об окружении под Сталинградом армии Паулюса. «Вот и начался праздник на нашей улице!» — думали мы. Сердца партизан наполнились гордостью и радостью, когда мы узнали подробности гигантского сражения, развернувшегося под Сталинградом. Советские войска перемалывали немецкую военную машину.

Как раз в этот период бесноватый Геббельс распространил слух, будто немцы применили под Сталинградом новое оружие — электропулемет, который делает в минуту три тысячи выстрелов. Вскоре из сообщения Советского Информбюро мы узнали, что это была очередная утка Геббельса.

Но как ни изворачивался лживый гитлеровский пропагандист, какие небылицы он ни придумывал, факт оставался фактом: у Сталинграда, в величайшем в истории войн сражении, Советская Армия окружила и ликвидировала отборную армию немцев в составе трехсот тысяч человек. Это был закат немецко-фашистской армии. В этом мы, партизаны, действующие в глубоком тылу врага, убеждались ежедневно: по-иному заговорили, верней захныкали, взятые нами пленные.

По всему поведению оккупантов было видно, что события под Сталинградом — грозное предупреждение фашистским зверям, что уже близок их неотвратимый конец.

Что касается партизан и партизанок, то события под Сталинградом наполнили наши сердца патриотической гордостью. С радостью говорили мы о том, что советский народ-богатырь расправил свои могучие крылья, о том, что уже не за горами окончательная победа над врагом.

С утроенной энергией мы стали готовиться к новым боям.

Следует отметить, что для партизанского движения Полесье являлось исключительно благоприятным районом. Недаром Руднев назвал Полесье «Партизанским краем». Мы широко развернули здесь боевые операции. Но после проведенных боев у нас стало туго с боеприпасами. Мы должны были беречь взрывчатку и патроны как зеницу ока и вынуждены были временно ослабить наши боевые операции. К счастью, враг не знал о нашем критическом положении.

Появление нашего соединения в Полесье ободрило население. Жители многих сел целиком вступали в партизанские отряды. Крестьяне начали смело разбирать мосты, делать на шоссе завалы.

В этот же период в Глушкевичи из села Ельска пришел партизанский отряд, насчитывающий около двухсот бойцов. Ковпак и Руднев сочли более целесообразным для расширения района действий партизан отправить этот отряд обратно в Ельск. У нас этих партизан как следует подучили, хорошо вооружили и отправили в район Ельска.

Долгое пребывание в селе Глушкевичи дало возможность Рудневу широко развернуть среди местного населения политическую работу.

Пока мы отдыхали в Глушкевичах, соединение Сабурова разгромило немецкие гарнизоны, расположенные в Словечковском районе. В результате этого партизанские владения стали еще обширнее. Гитлеровцы отлично видели, насколько усилилось наше влияние на население, но все их попытки нанести нам сокрушительный удар оканчивались неудачей. Теперь против захватчиков действовали не только партизаны — все население огромной территории Полесья так же активно включалось в борьбу с врагом.

В результате многочисленных боев, которые нам пришлось вести в Полесье, значительно выросло у нас количество раненых. Все вечера Руднев проводил возле них. Он задушевно беседовал с ними, проявляя о раненых героях такую заботу, на какую способен только любящий, нежный отец.

Командование нашего соединения решило нанести сокрушительный удар по Сарнам. Через этот крупный железнодорожный узел оккупанты главным образом питали фронт боеприпасами, техникой и живой силой. Этим же путем враг вывозил в гитлеровскую Германию хлеб и рабочую силу с оккупированной территории. Через Сарны проходила дорога с севера на юг (Барановичи — Ровно) и с запада на восток (Ковель—Киев). На пути к Сарнам было несколько крупных железнодорожных мостов. Стоило их разрушить, и Сарны теряли свое значение для противника.

Было решено взорвать все четыре моста. Взрыв должен был быть осуществлен одновременно. Выполнение этой задачи было возложено на командиров-коммунистов Кульбаку, Цымбала, Бережного и Лукашенко.

Ковпак вызвал к себе командиров этих диверсионных групп и провел с ними беседу о необходимости взрыва всех мостов в строго намеченное время.

— Требуется тщательная подготовка и большая осторожность, — инструктировал Ковпак командиров. — Мосты должны быть уничтожены внезапно, чтобы враг не успел опомниться. Я уверен, что вы в точности выполните возложенное на вас задание. Итак, желаю вам удачи и благополучного возвращения.

...Два часа ночи. Застыл в густой тьме подступивший к самому селу лес. Партизаны не спят. Время от времени, подобно светлякам, вспыхивают огоньки папирос, доносится фырканье лошадей. Приближается время взрыва. Деду не терпится, он то и дело выходит на улицу.

Истекло время, намеченное для взрыва, но вокруг по-прежнему гнетущая тишина. Дед нервничает, не находит себе места.

— Почему они запаздывают, что могло с ними случиться?! — спрашивает он.

Наконец Дед не выдержал, вбежал в комнату Руднева и, словно тот был причиной этой зловещей тишины, громко закричал:

— Интересно знать, чего они ждут, неужели у всех сорвалось? Не могу понять!..

Руднев сидел у стола, уткнувшись в карту. Он медленно отнял ото лба руки и спокойно сказал:

— Подождем, видно, им не удалось выполнить задание в назначенное время, Сидор Артемьевич. Сомнений не может быть в том, что взрыв состоится.

Прошло еще десять—пятнадцать минут, и вдруг на горизонте вспыхнуло красное зарево и окрасило черные тучи. Вскоре прозвучали два глухих взрыва.

— Молодцы Кульбака и Лукашенко, правильно работают! — воскликнул обрадованный Дед.

Друг за другом в небе, в разных местах, сверкнули еще две вспышки и подряд прозвучали взрывы.

— Ура, ура! Это Бережной и Цымбал! — снова закричал Дед.

Партизаны блестяще выполнили задание. От четырех мостов остались только груды развалин. Мы устроили теплую встречу смелым подрывникам. Бережной зашел к нам, артиллеристам, и подробно рассказал историю уничтожения мостов.

— Я представлял себе эту операцию намного проще, чем оказалось в действительности. Мосты были окружены тремя рядами колючей проволоки, преодоление этой преграды отняло у нас значительное время. Я и Цымбал должны были произвести взрыв во вторую очередь, и нам пришлось долго ждать Кульбаку и Лукашенко.

— А мы здесь уже волновались, думали, что вы погибли. Особенно переживал Дед. Он прямо не находил себе места. Если бы еще час не было взрывов, то он, наверное, отправился бы к вам на помощь!

— Да мы и сами немало поволновались. Хотя нашим ребятам удалось почти без шума снять охрану мостов, да Кульбаку дожидались, — оправдывался Бережной.

Командование соединения после уничтожения этих главных железнодорожных мостов было уверено, что Сарны, как узловая станция большого экономического и военного значения, надолго выбыли из строя. И мы были поражены, когда убедились, что Сарны после проведенной диверсии продолжали свою работу, хотя пропускная способность узла и сократилась вдвое.

Было ясно, что нами что-то не до конца додумано в сарнской операции. Для уточнения вопроса были посланы разведчики. Они сообщили, что в этом районе есть еще несколько мостов, которые, правда, были меньше взорванных, но железнодорожными ветками они соединялись с главной магистралью.

— Необходимо во что бы то ни стало взорвать и эти небольшие мосты, — сказал Ковпак на совещании в штабе.

Уничтожение этих мостов Сидор Артемьевич снова возложил на испытанных командиров — Кульбаку, Цымбала и Бережного. Это второе задание они выполнили также блестяще. Сарнский железнодорожный узел теперь надолго был выведен из строя.

Обеспокоенные столь интенсивными диверсиями немцы стали стягивать в район Сарны отборные части «СС» и жандармерию.

Мы также готовились принять новые бои.

VIII

Фашистское командование, сконцентрировав значительные силы, повело одновременное наступление на село Глушкевичи, где был расположен штаб Ковпака, и на окрестные села, где стояли наши батальоны. Прискакал связной от Сабурова, сообщавшего о том, что противник наступает также и на его базы. Бои не прекращались и ночью. Наше командование приняло решение оставить Глушкевичи и перейти в Туровский район.

Когда мы подошли к селу Бухча, укрепившийся там противник встретил нас сильным огнем. Село Бухча превратилось в арену кровопролитного боя. Врага приходилось выбивать из каждого дома пушками и пулеметами. Только к вечеру село было полностью очищено от немцев.

В бою за Бухчу среди многих других отличился своей храбростью разведчик Горкунов.

О том, как Горкунов пришел в отряд, мне рассказали любопытную историю. В декабре 1941 года, еще в Брянских лесах, разведчики-ковпаковцы задержали бежавшего из немецкого концентрационного лагеря лейтенанта Советской Армии Горкунова и привели его в штаб отряда. Работники штаба и сами разведчики были одеты в темно-зеленую немецкую форму. Горкунов принял этих людей за немецких наемников и, желая обмануть полицаев, начал пороть всякую всячину. Находившиеся в штабе партизаны с возмущением слушали его. В это время поднялся из-за стола Руднев и поправил накинутую на плечи шинель. Горкунов заметил на груди комиссара орден Красной Звезды, и его сразу бросило в холодный пот. Парень попытался исправить свою ошибку, но было поздно. Его отправили в караулку.

Ковпак все же хорошо понял, что́ произошло с парнем. «Дайте человеку пойти в бой», — сказал он.

В первом же бою Горкунову удалось на деле доказать свою преданность Родине. При стычке с врагом он проявил большое мужество и самоотверженность.

Отличились в бою за Бухчу и юные партизаны.

В нашем соединении было немало подростков. Они присоединялись к нам в каждом освобожденном городе и селе.

Повсюду комсомольцы и пионеры приходили к нам с просьбой зачислить их в партизанский отряд! Ковпак и Руднев чутко относились к молодежи и, когда была возможность, охотно исполняли ее просьбу. Преданная делу коммунизма, советская молодежь творила на поле боя чудеса.

В свободное время юные партизаны удили рыбу, организовывали игры. Во время же боя они использовались как разведчики и связные. В этих делах они были незаменимы, из них получались замечательные разведчики.

Общую любовь партизан завоевал сын комиссара, добрый, смелый Радик. Он был в большой дружбе с отважным разведчиком нашего отряда Иваном Архиповым. Главным развлечением друзей были шахматы. В свободное время эти два товарища неизменно сидели за шахматной доской.

Кроме Радика, в отряде особой любовью пользовались два шестнадцатилетних комсомольца — Леня Чечеткин и Леня Забелин. Это были сообразительные, ловкие и живые мальчики. Своей храбростью и военными способностями они нередко приводили в восхищение взрослых.

Однажды наш отряд вел тяжелый ночной бой. Дело затянулось. Боеприпасы были на исходе. Положение становилось критическим, приходилось экономить патроны.

Ночь была темная. И вот в эту непроглядную ночь куда-то исчез Леня Чечеткин. Противник вскоре усилил огонь, видимо, готовился к атаке. В это время пулеметчики увидели перед собой две тени — они двигались со стороны противника.

— Кто идет? Стой! — окрикнули их партизаны.

— Это я, Леня, — ответил Чечеткин. Вскоре он подошел к пулеметчикам, ведя за собой лошадь, навьюченную большими ящиками.

— Вот два ящика патронов, немцы преподнесли. Теперь можете как следует угостить этим подарком врага, — улыбаясь, сказал самоотверженный мальчик.

Оказывается, Леня, воспользовавшись темнотой, пробрался на территорию противника. Здесь он набрел на привязанную к забору лошадь, нагруженную боеприпасами. Леня отвязал ее и повел в расположение своего отряда.

Смелостью и мужеством взрослого человека обладал четырнадцатилетний разведчик Семенистый. Партизаны его звали «Михайло Кузьмич». Несравненный наездник, он на разведку обычно отправлялся верхом и всегда отлично выполнял задания.

Не знали страха в борьбе с врагами пятнадцатилетние мальчики Коля Шубин и Володя Шишов.

...Хотя бой за Бухчу закончился разгромом местного гарнизона немцев, но село еще не было полностью очищено от противника. Немцы мелкими группами укрепились в домах на одной из окраин села. Главной их опорой было каменное здание школы, которое они превратили в настоящую крепость. Мы обстреляли это здание из орудий, подожгли его, и почти все засевшие в нем фашисты сгорели. Те же из них, которым удалось вырваться из горевшего здания, присоединились к солдатам, укрепившимся в соседних домах. Вскоре на этой улице завязался жестокий рукопашный бой. С помощью ракет немцы дали знать соседнему гарнизону, что они нуждаются в помощи. Ковпак тотчас же отправил отборную роту в том направлении, откуда к противнику могло подойти подкрепление. Бой затянулся. В этот день был тяжело ранен в ногу Федор Горкунов. Мы его уложили на лафет и откатили в безопасное место. К трем часам дня перевес был явно на нашей стороне. Но нам все еще не удалось окончательно очистить село от врага. Уцелевшие кое-где немцы продолжали вести из домов пулеметный и ружейный огонь.

Всегда, когда начинался рукопашный бой, сердце старого воина не выдерживало и Ковпак бросался в самую гущу сражающихся. Каждый из нас стремился сохранить жизнь любимого командира. Мне лично приходилось не раз силой выводить Ковпака из рукопашной схватки.

Так случилось и в Бухче. В самый разгар боя неожиданно на улице появился Дед в распахнутой шубе. Первым к нему подбежал Карпенко и попросил оставить поле боя. Карпенко убеждал Деда, что мы сами справимся с врагом, а участие в схватке может стать гибельным и для самого командира и для всех нас. Но Дед не послушался уговоров Карпенко. Когда рукопашный бой стал еще ожесточеннее, комиссар Руднев с трудом увел Ковпака в безопасное место.

IX

Разгромив вражеский гарнизон в Бухче, мы с большой осторожностью двинулись к селу Тонеж. Фашистам теперь было известно направление нашего движения, и каждую минуту можно было ждать преследования. Однако наши опасения не оправдались. Как видно, враг залечивал раны, полученные в Глушкевичах и Бухче.

Очистить Тонеж от гитлеровцев Ковпак приказал двум батальонам. Партизаны штурмовали село и в течение одного часа полностью его освободили. Штаб нашего соединения рас-

положился в соседнем селе — Ивановой Слободе. Это было 30 декабря 1942 года. На следующий день нам предстояло выступить в поход. Таким образом, Новый год мы должны были встречать в пути. Поэтому Ковпак решил устроить встречу Нового года на день раньше.

Наши повара приготовили хороший праздничный ужин. Но только находившиеся в резерве бойцы и командиры уселись за стол и подняли чарки, как донеслась отдаленная пулеметная стрельба. Прекратились смех и оживленная беседа. Все замерли. Стрельба стала слышна отчетливей.

— Не иначе, как второй батальон втянулся в бой с противником, — озабоченно сказал начштаба Базима.

Дед пришел в ярость.

— Обнаглели гады, попраздновать не дают! Ладно, посмотрим, кто лучше встретит Новый год! — сказал он, стукнув кулаком по столу.

Навстречу противнику Дед послал третью и десятую роты; одна рота ударила врагу в лоб, другая — с тыла. «Лупите их в хвост и в гриву», — приказывал Ковпак. Атакованные с двух сторон фашисты разбежались по лесу. На подступах к Тонежу враг обломал себе зубы. Дорого обошелся фашистам испорченный партизанский пир. В этом бою, кроме других трофеев, мы захватили орудие и миномет. Около двухсот оккупантов было убито. У нас тоже было немало убитых и раненых.

Для раненых и больных партизан Ковпак выделил несколько десятков саней. Тяжелораненые лежали по одному человеку на санях, легкораненые — по двое и трое. Но, несмотря на значительные потери, наше соединение росло, ежедневно пополняясь новыми партизанами. Пополнение происходило, с одной стороны, за счет оставшихся в окружении бойцов и командиров Советской Армии, с другой, — за счет населения.

До прихода в Полесье мы почти всегда имели возможность отправлять тяжело раненных бойцов самолетами на «Большую Землю». Полесье же, и особенно его северная часть, включая Бухчу и Тонеж, было настолько заболочено, что нам теперь негде было принять самолет. Вот почему за наше довольно длительное пребывание в этом крае у нас набралось много больных и раненых. Командование нашего соединения ни на одну минуту не оставляло раненых без заботы и тщательного ухода, но перевозка на санях в зимних условиях свыше ста лежачих раненых серьезно затрудняла проведение боевых операций.

Кроме того, у нас иссякли боеприпасы. Мы без особого труда добывали их для трофейного оружия, но боеприпасы для отечественного оружия мы могли получить только с «Большой Земли».

Перед нами со всей остротой стал вопрос об устройстве аэродрома. Выход вскоре был найден: недалеко от села Ляховичи, на площади в десять километров, раскинулось озеро Червонное. Местные жители называли его «Князь-озеро». Зимой, как нам здесь сказали, озеро замерзало и было проезжим.

Мы решили устроить аэродром на замерзшем «Князь-озере». По приказу Ковпака были проведены первые опытные работы: на льду было очерчено место для аэродрома, подровнена поверхность. На эту площадку стали пешие и конные общим весом до ста сорока тонн. Лед кое-где треснул, но не проломился. Так мы убедились, что он выдержит тяжесть самолета.

По радио мы сообщили в авиационный штаб об устройстве аэродрома, однако, к нашему удивлению, нам не разрешили принимать на ледяном поле сухопутные самолеты.

Ковпак решительно потребовал присылки самолетов. Деду вторично ответили отказом. Выхода не было, надо было идти на риск. И вот Ковпак отправил авиаторам радиограмму следующего содержания:

«Вблизи озера обнаружена большая площадь твердой почвы, вполне годная для аэродрома. В настоящее время площадка выровнена и утрамбована, ждем самолетов».

«Ждите самолетов», — ответили авиаторы.

Вечером на льду надо было жечь сигнальные огни. Но так как разводить костры на льду не было возможности, то партизаны завезли на озеро сани и на них разводили большие яркие костры.

Однако в ту ночь самолеты не прибыли. В напряженном ожидании провели мы вторую, а затем третью ночь. Ковпак и Руднев ни на минуту не сомкнули глаз, то и дело наведывались на аэродром.

Но, как говорится, нет худа без добра. Сторожившие у костров партизаны оказались искусными рыболовами, они сделали во льду проруби. Из этих прорубей стало выбрасывать рыбу, словно ее кто-то подталкивал снизу. Рыбы было много, и бесконечные блюда из свежей рыбы в дальнейшем успели даже надоесть партизанам.

Наконец на четвертые сутки после полуночи мы услышали отчетливый гул мотора.

— Ура, самолет! — закричали партизаны.

«ЛИ-2», сделав над аэродромом два круга, пошел на посадку. Обрадованный Дед бросился к пилоту, поздравил его с благополучным прибытием, спросил, как летелось и достаточно ли тверда почва аэродрома.

Пилот стукнул ногой по льду и ответил:

— Отличное выбрали место.

Руднев улыбнулся и сказал:

— Мы сейчас стоим на озере. Передайте вашему командованию, что если партизанам понадобится, то они примут самолеты хоть на крыше рейхстага.

Этот самолет доставил нам военное снаряжение и боеприпасы. Он забрал с собой тяжелораненых. На другую ночь самолет прилетел опять.

Командир воздушного корабля, летчик Лунц, был нам хорошо знаком. Он и прежде прилетал в наше соединение. При виде Лунца бойцы развеселились, окружили летчика, и завязалась беседа. В этот раз Лунц привез с собой Алешу Коробова — корреспондента «Правды».

Перед вылетом самолета в обратный рейс партизаны преподнесли Лунцу подарки: трофейные револьверы различных систем, серебряный портсигар и часы.

Летчик был очень растроган вниманием партизан. Он тепло попрощался с окружавшими самолет бойцами, мастерски поднял машину со льда и повел ее на север.

Вслед за этим самолетом к нам регулярно каждую ночь стали прилетать посланцы «Большой Земли».

Гитлеровцы, вероятно, знали, что происходит в партизанских владениях, однако пока не решались выступать против нас. Они считали опасным для себя углубляться в этот обширный, заболоченный край.

Зима выдалась необыкновенно снежная. День и ночь валил снег. Каждое утро мы расчищали аэродром, однако к вечеру его снова заносило снегом.

В наш лагерь часто приходили партизаны из местных отрядов. Одним из таких отрядов командовал полковник Линьков, по кличке «Батя». Линьковцы знакомились с нашей военной тактикой. Ковпак охотно оказывал им помощь оружием, боеприпасами и медикаментами.

Вскоре гитлеровцы решили уничтожить наш ледовый аэродром. Как-то днем раздался гул вражеских самолетов. Руднев отдал приказ:

«Спешно очистить аэродром!»

Не прошло и десяти минут, как над аэродромом закружились «юнкерсы».

Серебристая поверхность озера вмиг была расколота бомбами в тонну весом. Так была прервана авиасвязь Партизанского края с «Большой Землей».

Мы не только потеряли аэродром, но сгорел и самолет, который был неисправен и должен был вылететь на другую ночь.

Это была для нас очень тяжелая утрата, но аэродром к тому времени почти полностью выполнил свое назначение. На «Большую Землю» были отправлены все больные и раненые партизаны; самолеты доставили нам в большом количестве военные и другие необходимые грузы. И, наконец, с точки зрения рейдовой партизанской тактики было нецелесообразно оставаться так долго на одном месте.

Командованием соединения было принято решение о выступлении из Ляховичей. За время пребывания в районе озера Червонного наши дальние разведчики изучили положение в Киевской, Житомирской и Ровенской областях. Напряженно работал наш штаб и его разведотдел, возглавляемый Вершигорой. Он обобщал все сведения и составлял сводки и карты состояния глубокого тыла врага на сотни километров от нас. Были детально установлены расположения гарнизонов, живая сила противника и его материальные ресурсы во всем Полесье, вплоть до шоссейной дороги Киев—Житомир—Ровно.

В последнюю ночь существования нашего ледового аэродрома к нам прилетел член Президиума Верховного Совета УССР Бегма. Он был послан Никитой Сергеевичем Хрущевым. Бегма привез для вручения партизанам ордена и медали. Помимо этого, ему было поручено создать новые партизанские отряды и руководить ими. Бегма с честью выполнил это задание. Чуткий и талантливый руководитель, он пользовался большим авторитетом и уважением среди местного населения, которое по зову родной Коммунистической партии поднималось на борьбу против оккупантов.

2 февраля 1943 года в два часа дня наше соединение выступило из Ляховичей в западном направлении. На восемь километров растянулась полутысячная колонна саней. С фырканьем, тяжело сопя, прокладывали себе путь выносливые кони по метровому покрову слежавшегося снега. Замерзшая поверхность болота оказалась достаточно крепкой, лед нигде не проломился.

Мы с большим успехом вели в зимних условиях боевые действия. В длинные ночи соединение на санях проделывало марши в пятьдесят—семьдесят километров. Оторвавшись от фашистов, партизаны наносили удар там, где противник

меньше всего ожидал его. Зимой враг почти не умел перебрасывать войска на машинах, а следовательно, не мог маневрировать.

В зимнее время значительно сокращались и действия вражеской авиации. Ночью ее действия были совершенно неэффективны, а за короткий зимний день воздушным разведчикам врага не удавалось нас обнаружить.

Длинные зимние ночи выгодны для партизан: ведь диверсии и налеты производятся главным образом ночью. А партизанскую пехоту легко перебрасывать по санным дорогам, так как все бойцы на марше сидели в санях.

Совершая этот рейд, мы в пути успешно пополняли свои запасы продовольствия.

В сорока километрах от Ляховичей находился животноводческий совхоз «Сосны». В этот период он был главным источником снабжения местных вражеских гарнизонов. Белорусские крестьяне много нам говорили о богатстве совхоза. Ковпак решил захватить «Сосны». Для овладения совхозом были направлены две роты партизан. После пятичасового ожесточенного боя совхоз был очищен от противника. Из «Сосен» мы пригнали большое количество скота. Партизаны целый день возили на санях молочные продукты. Несколько сот голов рогатого скота мы роздали жителям Ляховичей.

Так же успешно завершили мы штурм села Буйное и расположенного рядом с ним военного городка, где нам также достались богатые продуктовые склады. Вражеский гарнизон городка оказал сопротивление, но мы сравнительно быстро сломили его, а вызванное противником из соседних гарнизонов подкрепление наши бойцы рассеяли в пути. В этой операции хорошо поработала и наша артиллерия.

На другой день после этого удачного боя к нам в лагерь явился молодой парень и попросил провести его в штаб. Всем нам бросились в глаза его выправка и щегольской костюм: новые блестящие хромовые сапоги, высокая каракулевая папаха, прекрасно сшитая шерстяная гимнастерка и галифе.

Придя в штаб, незнакомец вытянулся в струнку перед Ковпаком, стукнул каблуками сапог, приложил руку к папахе и браво отрапортовал:

— Явился к вам житель села Сосна, полицейский, семейный, двадцати девяти лет, бывший продавец ларька, прошу зачислить меня в ряды партизан!

Ковпак сидел на пне и крутил цигарку. Он неторопливо провел языком по скрученной цигарке, аккуратно склеил

ее, прикурил, затянулся и пристально посмотрел в глаза полицейскому.

— У немцев, значит, служил? — равнодушным тоном спросил Ковпак.

Парень переступил с ноги на ногу и тихо сказал:

— Силой заставили меня, но клянусь женой и детьми, пусть я буду последним человеком, если принес кому-нибудь вред. Если моя виновность будет доказана, то я ведь в вашей власти и готов понести любое наказание.

Долго смотрел Ковпак на парня и затем сказал:

— Правда, ты пришел к нам по собственной воле, но боюсь, как бы в овечьей шкуре не оказался волк.

— Я в самое короткое время на деле докажу свою честность.

— Ладно, посмотрим!

Ковпак направил новичка в артиллерийскую батарею.

Политрук нашей батареи «Дед-мороз» вызвал меня к себе и поручил мне нового бойца.

— Смотри за ним в оба... Все-таки полицейский, — тихо сказал мне политрук.

Я взглядом дал понять «Деду-морозу», что все будет сделано так, как нужно, и повел полицейского к себе в орудийный расчет.

Как раз в эти дни меня навестил Вано Рехвиашвили. Он посмотрел на новичка и уже не отводил от него глаз. Я не мог понять, что его так удивило. Рехвиашвили подошел ко мне и тихо сказал:

— Знаешь, Давид, у меня к тебе большая просьба.

— Говори!

— Спроси у этого парня, он ведь у тебя служит, может быть, он обменяет свои сапоги на мои «вечные».

Я рассмеялся.

— Переговори с ним сам, я тут ни при чем, — сказал я неисправимому щеголю.

— Ладно, попробую. Как говорится, попытка—не пытка, может быть, согласится.

— Попытайся.

Вано не стал откладывать дело в долгий ящик, подошел к бывшему полицейскому и предложил ему обменяться сапогами. Тот оказался практичным человеком. Он предпочел своим узким, тонким хромовым сапогам крепкие солдатские сапоги Вано. Обмен состоялся.

Прошло некоторое время, и мы все убедились, что новичок пришел к нам с чистой душой. Он старательно и

точно выполнял каждое задание. Штаб признал его надежным человеком, и он был оставлен на батарее.

В те дни стояли сильные морозы — свыше двадцати градусов. Как-то мы шли на боевую операцию. Только головная часть колонны успела вступить в лес, как вся цепь по приказу остановилась. Остановка затягивалась, я пошел вперед, чтобы узнать причину задержки, и по пути увидел такую картину: на санях стоит человек, сапоги у него обмотаны какими-то тряпками, голова тоже чем-то повязана, а сам он отплясывает лезгинку. Сначала я его принял за сумасшедшего, когда же подошел ближе, узнал Вано Рехвиашвили. В новых тонких сапогах он замерз и, чтобы согреться, пустился в пляс. При виде этой картины я сел прямо в снег и стал хохотать. Увидев меня, Вано, не сбавляя темпа пляски, крикнул:

— Скажи твоему полицейскому, чтобы он вернул мне мои «вечные». Если меня самого не станет, то к чему мне хромовые сапоги?

— Я-то тут при чем? Скажи ему сам, вы ведь тогда нашли общий язык!..

— Как брата прошу, не шути, видишь, замерзаю. Попроси его, чтобы вернул мои сапоги!

Конечно, ни я, ни Вано ничего не сказали нашему новому бойцу. Говорить о возврате сапог было совершенно бесполезно.

После боя я увидел Вано на окраине села, под мышкой у него были огромные трофейные сапоги, голенища их напоминали кору старого дуба. Вано выбрал место поудобнее, сел, стянул с ног хромовые сапоги и надел только что добытые. Потом я часто спрашивал своего земляка:

— Вано, не хочешь ли поменяться сапогами? — тот только махал рукой и отворачивался.

X

Фашисты никак не могли простить нам разрушение железнодорожных мостов Сарнского узла.

Гитлеровское командование приняло решение любой ценой уничтожить наше соединение.

За время нашего длительного пребывания в Ляховичах враг смог провести необходимые приготовления. Поэтому, как только наше соединение выступило из Ляховичей, противник начал нас преследовать по пятам.

Враг сформировал карательную экспедицию в составе семисот — восьмисот отборных солдат войск «СС» и поставил задачу разгромить соединение Ковпака. Не раз наш арьергард завязывал с наседавшим противником бои, причем всякий раз отбрасывая врага с большими для него потерями, мы продолжали свой марш. Неудачное преследование еще больше обозлило врага. Немецкое командование сняло с проходившего эшелона отправляющийся на фронт гренадерский полк, который также был брошен против нас.

Мы совершали быстрые марши, стремясь оторваться от преследовавшего нас противника. Ввязываться в бой всем соединением Ковпак и Руднев не хотели. Надо было беречь силы для более крупных дел. В этот период я получил новое назначение. Случилось это вот как.

В то время наше соединение находилось между Новгородом-Волынским и Коростенем. Пленные немцы все в один голос говорили, что в городе Коростень сконцентрированы крупные моторизованные силы, которые, как кошка мышь, подкарауливают партизан. Они, мол, только ждут вашего выхода на открытую местность, чтобы дать вам решительный бой.

Для Ковпака и Руднева не было новостью, что наше появление в открытом поле непременно повлечет за собой атаки со стороны оккупантов. Однако нам не было известно, что враг ведет приготовления в столь широком масштабе.

— Чтобы не идти прямо в пасть врагу, нам придется изменить маршрут, сделать рывок в сторону, — сказал Ковпак.

— Вместе с тем для того, чтобы запугать врага и хотя бы временно задержать его, надо организовать диверсию. Мы ведь не раз таким способом спасали положение. Диверсия — это наш испытанный метод, — развил мысль Ковпака Руднев.

— Я тоже так думаю. Сейчас нам необходимо во что бы то ни стало задержать противника, а это возможно осуществить только с помощью диверсии. Мы этим и время выиграем, и сохраним живую силу. В первую очередь надо будет взорвать коростеньский мост. Уничтожением моста мы задержим противника самое меньшее на восемь—десять часов. Взорвав мост, мы изменим маршрут, сделаем бросок на восток, пройдем быстрым маршем несколько десятков километров и выйдем в безопасное место, — заключил Ковпак.

Было принято окончательное решение о взрыве коростеньского моста. Теперь вопрос заключался в том, чтобы

эта операция была проведена своевременно. Проведение диверсии возложили на девятую роту.

Надо сказать, что девятая рота имела весьма своеобразную историю.

Некогда передовая, прославившаяся своими подвигами рота, потом все больше и больше утрачивала свои боевые качества, перестала быть примерной. Виноват в этом был командир роты Мурзин. Он оказался алкоголиком, недисциплинированным человеком и не оправдывал доверия командования. Мурзин спустя рукава относился к выполнению возложенных на него поручений, часто неточно выполнял их, а нередко и вовсе проваливал. Выступит, бывало, Мурзин на выполнение боевого задания, по дороге завернет в какое-нибудь село, напьется до потери сознания и весь день провалялся в этой деревне. Некоторые партизаны его роты пользовались слабостью командира и устраивали в селах дебоши, недостойно вели себя.

Мурзина не раз строго наказывали за такие дела. Но, видимо, Ковпак все еще верил в то, что сумеет исправить человека, у которого в недавнем прошлом были немалые боевые заслуги.

Вот этот самый Мурзин, командир девятой роты, и должен был осуществить взрыв моста. Ковпак вызвал его к себе и сказал:

— На твою долю выпало исполнение весьма ответственного задания, твоя рота должна нынешней ночью взорвать коростеньский мост. От своевременного уничтожения этого моста зависит судьба всего соединения. Я надеюсь, что тебе понятна вся серьезность настоящего момента, важность порученного тебе дела. Мы много тебе прощали, и вот теперь тебе представляется случай искупить свою вину. За малейшее отклонение ответишь собственной головой. Понятно?

— Понятно, товарищ командир!

Мурзин быстро подготовил своих бойцов, взял взрывчатку и выступил в путь.

Прошло довольно много времени после выступления роты Мурзина. Зимняя ночь, которая в таких случаях тянется особенно долго, была на исходе, а взрыва все не было.

Дед нервничал. Он то и дело спрашивал партизан:

— Ну что, не слышали взрыва?

— Нет, не слышали, — виновато отвечали находившиеся подле него бойцы.

Проходит еще полчаса. Дед снова повторяет свой вопрос и снова получает отрицательный ответ.

Немецкие эшелоны, благополучно миновавшие коростеньский мост, стрелой пронеслись недалеко от нас. Ночной мрак стал рассеиваться, приближался рассвет. Мороз крепчал, ледяной ветер обжигал лица.

Авангард соединения начал переходить через железнодорожное полотно, противник открыл огонь, мы стали нести потери.

Внимание всех по-прежнему было обращено на север. Мы напряженно ждали взрыва. Но тщетно.

По выражению лица Деда легко можно было понять, какой огонь кипит в его душе. Теперь уже было излишне его обнадеживать. И вот, когда совсем рассвело, появился Мурзин. Он нерешительно остановился в стороне и ждал, когда его позовет Ковпак. Партизаны девятой роты молча расселись на валявшихся вокруг бревнах.

— Подойди сюда! Ближе! — грозно приказал Мурзину Ковпак.

Мурзин поспешно вытянулся перед Дедом и взял под козырек. Ковпак сдвинул папаху на самую макушку и устремил на него пристальный, полный гнева взор. Мурзин побледнел и продолжал стоять перед Ковпаком навытяжку, не отнимая руки от козырька. Мы затаили дыхание и ждали, когда разразится гроза. Мурзин первым нарушил молчание.

— Товарищ командир, мост оказался очень далеко, меня застал рассвет, и поэтому я не смог выполнить задание.

— Подойди ближе! — проговорил Дед, не меняя позы...

Мурзин приблизился к нему вплотную.

— Дыхни! От тебя разит спиртом, сукин сын, как бы ты смог выполнить задание!

Ковпак обернулся к Рудневу:

— Судите этого подлеца.

Наступило тяжелое молчание.

Однако время не ждало, все чувствовали серьезность создавшегося положения. Ковпак отдал приказ об изменении маршрута: движение в юго-восточном направлении отменяется, соединение пойдет в восточном направлении. Связные обежали колонны и сообщили всем приказ Ковпака.

Руднев стал в пути допрашивать партизан девятой роты. Они рассказали следующее: к полуночи рота уже достигла селения, расположенного вблизи моста. Здесь решили немного передохнуть. Вскоре обнаружилось, что Мурзин куда-то исчез. Было очень темно, и бойцы не знали, где его искать. Как выяснилось потом, Мурзин зашел в хату какого-то крестьянина, потребовал водки и, быстро опьянев, завалился спать. Партизаны напрасно ждали своего непутевого коман-

дира. Вскоре начало светать, план диверсии был провален, время, назначенное для взрыва, истекло.

Большинство бойцов девятой роты было возмущено. Этим поступком Мурзин совсем опозорил себя и подорвал авторитет всего личного состава роты.

На следующее утро Руднев коротко доложил Ковпаку о результатах следствия и заключил:

— Предатель должен быть расстрелян.

— Чтоб я больше не видел этого мерзавца! — отрезал Ковпак.

Руднев направился к девятой роте.

При виде комиссара все бойцы встали. Мурзин же не двинулся с места и продолжал сидеть.

— Встать! — приказал Руднев, приближаясь к нему. Мурзин лениво поднялся.

— Совсем совесть потерял! Другой бы на твоем месте сам покончил с собой.

Руднев объявил Мурзину приговор командования.

Девятая рота довольно долго оставалась без командира.

— Недобрые вести дошли до нас, товарищ командир, — сказал мне как-то наводчик моего орудия. — Ходят слухи, будто вас переводят на другую должность...

— На какую должность? — удивился я.

— Да говорят, будто вас назначают командиром девятой роты.

— Кто это вам сказал?

— Все говорят, — ответил мне наводчик.

В это самое время вошел связной из штаба и, взяв под козырек, доложил.

— Вас вызывают в штаб.

Я вышел и по дороге в штаб на минуту завернул к Корневу. Я обратился к нему с просьбой, чтобы он помог мне остаться в артиллерии.

«Дед-мороз» вначале с улыбкой слушал мою просьбу.

— Алексей Ильич, — сказал я Корневу, — вы ведь знаете, что я не военный человек. По образованию я инженер, какой же из меня командир роты. Да кроме того, я сжился со своим орудием...

— Погоди, Давид, — прервал меня Корнев, — кто, где и как пригодится, это Ковпаку известно лучше, чем нам с тобой. Но раз у тебя такое большое желание остаться в артиллерии, я постараюсь тебе помочь. Топай в штаб. Я следом за тобой.

Я быстро пошел в штаб. Вошел в хату и доложил Ковп ку, что командир орудия такой-то явился по приказанию.

— А-а, товарищ Давид, пожалуй поближе, поближе нам! — обратился ко мне Руднев.

Ковпак сидел рядом с Рудневым с огромной цигаркой зубах.

— Товарищ Бакрадзе, тебя беспокоит участь девято роты? — спросил меня Дед.

— Да, рота находится в тяжелом положении, — ответи я Ковпаку.

— Ну так вот, мы решили поручить тебе девятую рот и надеемся, что ты за короткий срок подымешь ее на·долж ную высоту.

Наступило молчание. В эту минуту в комнату воше Корнев. Я почувствовал себя увереннее и заговорил:

— Я, товарищ командир, как вам известно, не военный человек. У меня весьма небольшой опыт в этой области. Бо юсь, что не справлюсь.

— Тебе только кажется, а нам точно известно, кто, гд и как справится, — твердо отрезал Руднев. — Товарищ Ба зима, вручите Бакрадзе приказ, — обратился он к начальни ку штаба.

Базима открыл сундук, достал из него приказ и подал мне. При этом он поздравил меня с новым назначением. Я взглянул на Корнева. «Дед-мороз» с улыбкой крепко пожал мне руку и пожелал успешной работы на новой должности..

Вскоре Руднев и я вышли из штаба и остановились·пе ред выстроившейся девятой ротой.

Начался церемониал принятия подразделения. Руднев еще раз подчеркнул печальное прошлое девятой роты и вы разил твердую уверенность, что отныне она добьется боевых успехов. Затем Руднев предоставил мне слово.

Я несколько раз обошел выстроившихся в два ряда бой цов, внимательно всматриваясь в каждого. Откровенно го воря, после моих подтянутых ребят-артиллеристов мне не понравился внешний вид моих новых подчиненных. Но вме сте с тем я подумал, что если мне удастся установить твер дую дисциплину, то из этих молодых ребят можно будет ско лотить неплохой коллектив.

Ковпак и Руднев назначили моим заместителем Деркача и политруком роты — Рагулю. Лейтенант Деркач был хо рошим воином, точно и умело выполняющим каждое задание.

С Рагулей меня связывала крепкая мужская дружба. Это был опытный армейский политработник, знающий, умный, принципиальный. Словом, это был смелый и красивый человек. На его крупной, словно вылитой из бронзы, фигуре ладно сидел хорошо сшитый, я бы даже сказал щегольский, костюм. У него было благородное, мужественное лицо воина и открытый, проницательный взгляд. В роте Рагуля был моей правой рукой. Расшатанная Мурзиным дисциплина благодаря самоотверженной, неустанной работе Рагули быстро восстанавливалась. В бою политрук Рагуля личным примером увлекал за собой бойцов. Я глубоко уважал Рагулю за беззаветную храбрость, но все же всегда напоминал ему: «Будь осторожен».

— Ты сам, Давид, больно горяч в бою, — обычно отвечал мне на это политрук. — Вот я и хочу быть подле тебя, чтобы помочь, если это потребуется.

На другой же день, после того как я принял девятую роту, мне пришлось ввести ее в бой.

Вскоре после обеда раздался сигнал тревоги. «Враг скрытно приближается к нам», — донесла разведка.

По приказу Ковпака я спешно собрал своих людей и выступил навстречу врагу. Подойдя к реке, мы залегли в густом кустарнике. Сам я устроился рядом с пулеметом. Через полчаса показалась пешая колонна противника. Я передал шепотом по цепи залегших бойцов, чтобы они не стреляли без моего приказа.

Фашисты несмело, подобно воробьям, приближающимся к силку, спустились к реке и выбрались на другой берег.

Вот гитлеровцы уже приблизились к нам на расстояние пятидесяти метров.

— Огонь!.. — скомандовал я, и сразу застрочили пулеметы, дробно застучали автоматы. Начали падать передние фашисты. Остальные бросились наутек, однако немногие из них смогли перебраться через речку.

— За мной! — крикнул я.

Рота поднялась, и мы бросились преследовать врага. Наш удар был беспощаден. Мы полностью уничтожили весь фашистский отряд.

Воодушевленные одержанной победой, захватив трофеи, мы возвратились в лагерь. Так закончился первый бой девятой роты под моим командованием.

В тот же день вечером партизанское соединение выступило в направлении Пинска. Нашему продвижению вперед в

значительной степени мешало то обстоятельство, что во врем марша соединение растягивалось на очень большое расстоя ние. Колонна партизанских саней тянулась на пять-шест километров. Легко себе представить, сколько времени зан мал при таких условиях переход через железнодорожное по лотно или шоссейную дорогу. Именно во время этих перехо дов нас настигал противник и навязывал жестокие бои.

Стоило оккупантам узнать, что партизаны прошли чере какое-то село, как они тотчас же появлялись там и начинал допрашивать крестьян.

— Вы своими глазами видели партизан Ковпака?

— Да, видели. Они проходили здесь.

— Говорите правду, сколько бойцов было в их отряде

— Трудно сказать. Думается, что не менее тридцати ты сяч человек.

— Лжете!

— Нет, мы не лжем, они целую ночь шли через село, у них и пехота, и кавалерия, и пушки, и огромный обоз.

После таких сообщений оккупанты нервничали, посыла ли донесения в свои штабы, требуя помощи живой силой техникой, самолетами: мы, мол, имеем дело с громадной пар тизанской армией. Немецко-фашистское командование, по лучив столь тревожные сведения, посылало войска и военное снаряжение.

Крестьяне, конечно, называли немцам очень преувеличен ную цифру — по их словам, численность нашего соединения превышала тридцать тысяч бойцов. Но они не лукавили; они сами твердо верили в нашу многочисленность и силу. В на ивных ответах этих крестьян были и своеобразная правда и предупреждение врагу. Называя цифру, от которой фаши сты приходили в ужас, крестьяне в душе злорадствовали, ви дя испуг врага.

XI

Мы продолжали свой путь на запад, затем круто сверну ли на юг, форсировали по льду Припять и, пройдя стреми тельным маршем две сотни километров, повернули на восток. Теперь мы уже двигались по Украине, по западным ее обла стям — Волынской и Ровенской. Население здесь гуще. Кре стьяне устраивали партизанам восторженные встречи. Наше появление наводило панику на немцев и их подлых наймитов — украинских националистов.

Противнику время от времени удавалось забрасывать к нам этих предателей-националистов. Но как только их разоблачали, они начинали лить крокодиловы слезы, изображать раскаяние и молить о пощаде.

Оккупанты сеяли на захваченной территории вражду между украинцами и поляками. Наиболее темные элементы использовались гестапо для выполнения провокационных планов, их руками безжалостно истреблялось мирное население.

Однажды, когда мы только что прибыли в одно село и расположились в нем лагерем, пришли наши разведчики и рассказали страшную историю. В соседнюю деревню, население которой полностью состояло из поляков, ворвалась банда в пятьдесят—шестьдесят человек и начала истреблять поголовно всех жителей: старых и малых, женщин и детей. Только нескольким удалось спастись бегством. Бандиты устроили зверскую расправу над своими беззащитными жертвами. Убивали топорами, деревянными кольями, железными прутьями.

Свидетель этой трагедии, обезумевший от горя старик, рассказал нам, какое бедствие стряслось над его родными и односельчанами.

Как выяснилось впоследствии, организатором и исполнителем чудовищного истребления мирного польского населения был украинский националист, бандит Сашко, служивший в гестапо.

Нашим партизанам пришлось немало потратить сил на борьбу с предателями народа — украинскими националистами. Значительная роль в этой борьбе принадлежала начальнику нашей разведки Петру Вершигоре.

Петр Петрович Вершигора в первые же дни войны вступил в ряды Советской Армии и принимал участие во многих военных операциях. В одном из боев он получил ранение. В тыл врага Петр Петрович был сброшен на парашюте. До войны Вершигора был кинорежиссером и довольно долгое время занимался этим делом. Я не беру на себя смелость судить о Вершигоре, как о кинорежиссере, но то, что он способный разведчик и человек, одаренный военным талантом, — это стало для всех нас очевидным. Особенно полагались на его проницательный и острый ум Ковпак и Руднев.

Вершигора хорошо поставил у нас в соединении дело разведки. Поэтому, совершая рейд, партизанское командование всегда было осведомлено о том, где и в каком количестве находились силы противника, какой материальной

базой они располагали. Пленные немцы поражались: «Откуда вам все известно? Мы буквально не можем сделать шагу, чтобы вы тотчас же не узнали об этом».

Вершигору всегда влекло туда, где было «жарче». Ни один бой не обходился без его участия.

Удивительное зрелище представлял собой Петр Петрович в минуты боя. В этот момент в нем пробуждался профессиональный киноработник, который словно шептал на ухо своему двойнику — отважному разведчику и автоматчику, партизанскому командиру: «Смотри, ничего не пропусти, снимай, сохрани для истории лица этих людей, они заслужили своей чистой кровью, чтобы потомки помнили всегда не только их имена, но имели бы возможность видеть их лица и отметили их память с чувством благодарности и глубокого уважения».

И именно поэтому у Вершигоры всегда на одном плече висел автомат, а на другом — «Фед». Причем он с одинаковым искусством пользовался одновременно и тем и другим. В этом человеке гармонично сочетались отвага воина с творческой любознательностью художника.

Петро был любим всеми нашими партизанами. Они дали ему прозвище «Борода» за его длинную пышную бороду.

Однажды, когда мы находились неподалеку от города Хойники, к нам пришел солдат-словак, бежавший из стоявшего в городе словацкого полка. Вершигора допросил его и узнал, что многие товарищи этого солдата ненавидят гитлеровцев. Командование партизанского соединения направило к командиру словацкого полка — подполковнику Гусару Иозефу смелую партизанку разведчицу Александру Карповну Демидчик.

Находчивая партизанка сумела проникнуть в штаб словацкого полка и передать Гусару Иозефу письмо от Ковпака. Сидор Артемьевич писал:

«Господин подполковник! Почему вы не боретесь вместе с нами против фашистов? Ведь словацкий народ ведет непримиримую борьбу с немецкими захватчиками. Подумайте, пока еще не поздно, объединимся и совместными силами обрушимся на врага». В конце письма стояла подпись: «Командир соединения партизанских отрядов Герой Советского Союза С. Ковпак».

Александра Карповна, смело миновав все караулы, вошла в кабинет словацкого подполковника и протянула ему письмо Ковпака.

Привожу рассказ самой Александры Карповны относительно этого дела:

«Господин подполковник, я пришла к вам как представитель Красной Армии, — сказала я, передавая Гусару Иозефу письмо от Ковпака.

— Какой Красной Армии? — спросил подполковник.

— Красной Армии, действующей в тылу противника.

— Что вы от меня хотите?

— Я хочу, если вам дорога ваша родина, если вы хотите видеть свою Словакию свободной, чтобы вы перешли на сторону Красной Армии и воевали против нашего общего врага — фашистов.

— За переход словаков на сторону партизан их семьи расстреливают, а дома сжигают, — ответил он.

— Но бывают же случаи, что во время боя сдаются в плен. Почему же и вам не перейти на сторону партизан во время боя? — спросила я.

— Потому что немцы уничтожают тех словаков, которые перешли на сторону партизан, и тех, которые сдались в плен, — ответил подполковник и в подтверждение своих слов прочитал немецкий приказ.

— Но ваши же переходят, — сказала я.

— И плохо делают, — ответил подполковник. — Нам гитлеровцы не доверяют, и если начнется массовый переход словаков на сторону партизан, то нас отсюда уберут и на наше место пришлют немцев. Вам же будет хуже. Мы вас не трогаем, и вы нас не трогайте. Когда вы наступали на Брагин, мы немцам на помощь не пошли. Мы вас не обстреливаем, если мы одни, хотя и видим вас. Все наши солдаты на стороне русских. Русские — наши братья. Чем можем, тем помогаем. Лично я из этого местечка отпустил трех человек, которым грозил расстрел, и многих партизан отпустил на свободу. Большего сделать пока что не можем, у нас ведь есть семьи, а если мы перейдем к вам, то их уничтожат. Бейте германов! Мы их тоже ненавидим. Уничтожать их мы вам не мешаем. Еще передайте своим командирам: лучше вам перебраться на другую сторону реки, а то прибыло много немцев с танками в местечки Н. и Р. На другой стороне реки их меньше.

— Значит, все? — спросила я.

Он замялся и, краснея, ответил, что перейти на нашу сторону пока нельзя.

— Уходите скорее, чтобы вас здесь не заметили, вам нужно жить, — сказал подполковник в конце нашего свидания».

XII

Девятнадцатого февраля наше соединение подошло к местечку Большой Стыдень — районному центру Ровенской области. Большой Стыдень был расположен на стыке железнодорожных линий Ковель—Ровно и Ровно—Сарны. Партизаны провели и в этом районе большую диверсионную работу по нарушению коммуникаций противника. Пока диверсионные группы выходили на участки своих диверсий, соединение расположилось в местечке на отдых.

В последних числах февраля морозы немного отпустили, снег слегка подтаял. Но до весны было еще далеко. На Украине весна приходит сразу: таяние снега, половодье и пробуждение растений наступают почти одновременно.

В Большом Стыдне мы пробыли четыре дня, а затем снова двинулись по своему маршруту. По дороге мы уничтожали встречавшиеся небольшие части противника. Гитлеровцы на каждом шагу устраивали нам засады, прибегая ко всяким маневрам. Но соединение Ковпака неодолимо продвигалось вперед, нанося противнику жестокие удары. Ковпак и Руднев прилагали все старания, чтобы вести борьбу с наименьшими для нас потерями. Это нам удавалось, хотя бои с противником иногда длились сутками.

Командование соединения отдало приказ об изменении маршрута: мы сначала прошли с запада на юг, а затем повернули на восток.

Командование противника не ожидало этого и потеряло нас из виду. Две ночи подряд мы двигались совершенно беспрепятственно. За это время мы оторвались от противника на шестьдесят километров. Но враг скоро разгадал наш маневр.

Мы знали по опыту: если фашисты не преследуют нас по пятам, не устраивают на каждом шагу засады, то это значит, что они готовятся, собирают силы, чтобы навязать нам крупный бой.

И действительно, наша разведка вскоре донесла: со стороны Коростеня скрытно двигаются лесом несколько батальонов противника. Ковпак решил форсировать реку Тетерев и стать лагерем недалеко от Радомышля.

Мы спешили перейти реку, чтобы враг не настиг нас на переправе и не навязал нам боя в невыгодных для нас условиях.

Весна еще не вступила в свои права. Но в любой день мог начаться ледоход. Подойдя к реке, мы обнаружили, что толстый слой льда дал во многих местах глубокие трещины. Это очень огорчило нас. Из образовавшихся трещин выступила вода и залила ледяной покров. При таких условиях было рискованно вступать на лед с артиллерией, обозом и крупным рогатым скотом, однако иного выхода у нас не было: опасность, угрожавшая с тыла, была еще серьезнее. Мы отыскали на ледяной поверхности наиболее надежные места и стали с большими предосторожностями переправляться на противоположный берег.

Наши опасения подтвердились. Лед то и дело давал новые глубокие трещины, и бойцы проваливались в воду. С большим трудом удавалось спасать провалившихся, но ни один партизан не погиб. Хуже обстояло дело со скотом, много животных утонуло.

Только мы закончили переправу через Тетерев, как к реке подошел противник, причем фашистские машины и пехота появились именно в том месте, где мы вели переправу.

Но мы уже были на противоположном берегу и расположились лагерем на возвышенности, недалеко от реки. С тактической точки зрения это была хорошая позиция. Наша возвышенность занимала господствующее положение над окружающей территорией. Враг же стоял по ту сторону реки, на совершенно открытой местности и был хорошо виден нам. Противник мог выбить нас с возвышенности лишь с помощью авиации, иначе ни одному фашисту не удалось бы перебраться через реку. Так мы выиграли одни сутки для отдыха.

На следующий день противник подтянул крупные силы: над нами закружили вражеские самолеты и стали сильно бомбить наш лагерь. Одновременно усилился артиллерийский и минометный обстрел с противоположного берега. Гитлеровцы начали готовить переправу через реку.

Вокруг стоял нестерпимый гул от разрывов авиабомб. Главной нашей задачей теперь было покинуть без потерь возвышенность и уйти из-под удара противника. Но возможно ли это?

На коротком совещании в штабе Руднев сказал:

— Я вношу следующее предложение: дождаться ночи и начать отход в таком порядке — в авангарде пойдет второй батальон, остальные батальоны и роты двинутся вслед за ним. Что касается скота, то его мы выгоним предварительно в другом направлении. Колонна животных растянется на большое расстояние, это непременно введет врага в заблуждение, и он начнет обстрел стада, а за это время соединение сможет выйти из-под удара противника.

Надо сказать, что к этому времени наше стадо насчитывало свыше тысячи голов. Много скота мы отбили у оккупантов в одном из последних боев. Скот находился в распоряжении заведующего хозяйственной частью соединения Павловского, который со свойственной ему бережливостью и расчетливостью кормил бойцов мясом.

Все с одобрением приняли план Руднева. Дед тоже поддержал его. Мы все делали вид, что не замечаем мрачного выражения лица и упорного молчания Павловского. Он не сочувствовал этому плану, понимая, какая катастрофа нависла над его стадом, но молчал, так как знал, что возражения его не будут приняты во внимание.

— Выгоните скот! — приказал Ковпак.

Ночь была очень темная, и враг легко был введен в заблуждение. Наземные и воздушные разведчики немцев засекли какое-то движение. С воздуха и с суши одновременно начался ожесточенный обстрел стада, которое вытянулось на полкилометра.

Во время этого обстрела погибло много животных, но зато люди были спасены.

Мы уже были далеко, когда увидели над оставленным нами селом огромное зарево. По-видимому, фашисты сбросили зажигательные бомбы.

— Ну, на этот раз мы здорово провели немца! Интересно, куда мы теперь идем? — переговаривались вполголоса партизаны.

— Наша судьба в руках надежных командиров. Они думают и заботятся о нас и знают, куда нас ведут, — раздались рассудительные голоса ветеранов.

Никто из партизан не знал, что́ задумало командование соединения, но по всему было видно, что предстояла сложная и серьезная операция.

Ковпак и Руднев строго соблюдали военную тайну и этому же учили окружающих. Партизаны считали это вполне естественным, и никогда ни один боец, ни один командир не спрашивал — куда идем, зачем идем.

Обнаружив противника, Ковпак всегда своевременно вступал с ним в бой. «Когда выжидаешь, силы врага растут», — говорил обычно Дед.

Зная из достоверных источников, что не сегодня-завтра противник двинет против нас крупные силы, мы готовились к обороне и, главное, искали выгодные позиции для боя. Внимание Ковпака привлекло село Кодры.

Это большое село со всех сторон было окружено густым сосновым бором. Из села вели три дороги, причем все они

были узкие и извилистые. По приказу Ковпака наше соединение выступило из Радомышля в направлении Кодры. В пути нас обстрелял батальон немцев. Ковпак приказал мне открыть ответный огонь.

Я точно выполнил приказ Ковпака, втянул противника в бой. Отвлекая его от наших главных сил внезапным и сильным огнем, моя рота заставила гитлеровцев развернуться в густом лесу. А тем временем вокруг села Кодры основные силы нашего соединения занимали оборону: партизаны залегли вдоль всех трех дорог, уходивших в глубь леса. Все подступы к селу находились на крепком замке.

Моя рота продолжала вести с противником ожесточенный бой.

Ковпак прислал ко мне связного с приказом быстро и скрытно оторваться от врага и идти на соединение с главными силами. Я начал отходить к селу. С большим трудом удалось мне оторваться от противника и присоединиться к своим. Силы врага непрерывно росли. Желая прощупать наши заслоны, фашисты вели беспорядочную стрельбу. Партизаны молчали.

Вражеские батальоны медленно подходили к селу. Подойдя совсем близко, гитлеровцы залегли. В это время Карпенко со своей ротой начал скрытно заходить врагу в тыл. Гитлеровцы, решив, что дорога безопасна, снова стали продвигаться вперед. Рота Карпенко, зашедшая в тыл врага, открыла по неприятелю сокрушительный огонь, немецкий батальон, замыкавший колонну, заметался, но уйти из-под огня партизанских пулеметов и автоматов фашисты уже не смогли.

Вслед за Карпенко открыли огонь партизаны, залегшие вдоль дороги. Моя рота в это время поступила в резерв штаба. Начальник штаба Базима передал мне новый приказ Ковпака: ударить по врагу с правого фланга. Задача — помешать основным силам противника перейти в атаку.

Я повел роту лесом. Вдруг среди деревьев показался какой-то человек, несший на руках раненого. Еще минута, и мы узнали этого человека. Я мог бы узнать среди тысячи других этого стройного молодца в каракулевой папахе, с красиво повязанным башлыком и ловко накинутой на плечи буркой. Это был Вано Рехвиашвили. Могучий рачинец нес на руках смертельно раненного Володю Шишова.

Через несколько минут мы уже были в гуще боя.

Бой у Кодры, действительно, был необычайным. Ружейная и автоматная стрельба, вой минометов, — все слилось в один общий рев, в котором тонули слова команды, стоны раненых, восклицания разъяренных фашистов, не ожидавших

такого отпора. Лес был окутан облаками черного дыма и словно стонал. Надо было иметь сто ушей и сто глаз, чтобы не потерять ориентацию в такой обстановке. То, что враг скрывается за деревьями, нам было хорошо известно, но различить, где друг и где враг, было очень трудно. Мы бросались к каждому большому дереву и обегали вокруг него. Если за деревом оказывался свой, — хорошо. Ну, а если враг, — все зависело от того, кто первый успеет выстрелить. Стоит опоздать на одно мгновение, и ты будешь жертвой.

Я внезапно наткнулся на группу немцев; за солдатами шел офицер. Я вскинул автомат и дал по ним длинную очередь. Это произошло так неожиданно, что фашисты не успели взяться за оружие. Я выпустил по ним вторую очередь. Солдаты повалились на землю. Упал и офицер. Я решил, что убил офицера, и спокойно подошел к нему. Вдруг немец зашевелился и выхватил револьвер. У меня мелькнуло в голове: «Ну, конец!» Но он неожиданно повернул руку, приложил револьвер к виску и спустил курок.

За это время Рехвиашвили успел отнести раненого в безопасное место и снова появиться на поле боя.

Через несколько минут и сам Рехвиашвили был ранен.

— Вано тяжело ранен!.. — передавалась по лесу печальная весть.

Немец автоматчик раздробил Рехвиашвили коленную чашечку.

— Эх, Ванька, Ванюшка, дорогой друг, — говорил ему старик колхозник, ездовой пятой роты. — Как это ты не убережся? Ну, не горюй, я тебя сам возить буду до полного излечения.

И он сдержал свое слово.

Лишь несколько недель спустя нам удалось отправить Вано самолетом на лечение в Москву.

Бой у села Кодры продолжался более четырех часов и закончился полным разгромом противника. Весь лес был усеян трупами немцев. Нам достались богатые трофеи.

В тот же день вечером мы двинулись дальше.

Большинство партизан нашего соединения носило немецкую одежду, так как наша собственная одежда пришла в полную негодность. У нас всегда было много немецких мундиров, однако я никак не мог привыкнуть к вражеской форме; она как-то угнетала меня, и я не чувствовал себя в ней свободно. Поэтому я избегал носить немецкий мундир.

Однако после боя у Кодры я был вынужден надеть сапоги того самого фашистского офицера, который застрелился на моих глазах. Я говорю: был вынужден, потому что мои соб-

ственные сапоги настолько истрепались, что из них вылезали пальцы.

Девятой роте, которой я командовал, за дело у Кодры командование соединения объявило благодарность.

В этом бою мы понесли тяжелую утрату — был убит прославленный автоматчик Коля «Мудрый» и умер от ран замечательный разведчик шестнадцатилетний Володя Шишов.

XIII

Весна вступила в свои права.

После славной Сталинградской битвы Советская Армия стремительно гнала врага на запад. Фронт продвинулся на сотни километров. Сводки Совинформбюро сообщали о выдающихся успехах наших войск.

Наехавшие на Украину ради наживы различные гитлеровские чиновники, спекулянты, дельцы, новоиспеченные украинские помещики бежали из Киева. По Киево-Житомирской асфальтированной дороге с востока на запад шли разбитые части итальянцев, венгров и румын.

Наши разведчики приносили радостные вести: немцы отступали на правый берег Днепра. В тех местах, где еще недавно свирепствовали фашистские захватчики, теперь разгоралось пламя упорных боев.

Стремясь навстречу советским регулярным войскам, мы двигались с запада на восток, то и дело нападая на противника, отступающего под натиском советских войск.

За два дня наше соединение форсировало реки Случ и Горынь и вступило в Новгород-Волынский район.

На берегу реки Случ лежало село Старая Гута. Оно своим названием напоминало нам нашу любимую Старую Гуту в Брянских лесах. Впрочем, мы не раз встречали села, носившие такое название.

В старой Гуте мы провели ночь. После этого небольшого отдыха мы прошли через Новгород-Волынский район и расположились лагерем на подступах к Житомиру.

В народе распространился слух: советские войска освободили Харьков. Вскоре эти слухи подтвердились. Для наших разведчиков не осталось незамеченным массовое бегство из Харькова немецкой жандармерии и полиции, которые улепетывали на запад с награбленным добром. В нашем штабе у Вершигоры накопилось немало «языков» и документов, неопровержимо доказывавших, что не только из Харькова, но и

из Полтавы уже бежала вся гитлеровская администрация, гестапо, полиция.

Партизанское командование, исходя из обстановки, ожидало подхода частей Советской Армии к Днепру и готовилось с тыла нанести удар по Киеву. Наше соединение уже приближалось к Коростеню.

Мы знали о существовании в Коростене и в других районах Житомира боевых подпольных организаций. Местные товарищи сообщили нам: какие-то подлецы выдали некоторых членов этих организаций, несколько активных подпольных работников попало в руки гестапо.

В этот период в Житомире у всех на устах было имя некоего Калашникова. Наивные люди буквально прожужжали нам уши, восхваляя этого человека. Среди населения о Калашникове ходили разные слухи: то Калашникову самым удивительным образом удалось бежать из застенков гестапо; то переодетый Калашников явился к начальнику немецкого склада и по подложному документу вывез со склада уйму разного товара; как-то раз Калашников подсел в кинотеатре к немецкому генералу и незаметно сунул ему в карман записку следующего содержания: «Я, Калашников, сегодня вечером сидел рядом с вами в кинотеатре». Да каких только историй не рассказывали об этом «партизане»! Наш штаб и наша разведка скоро раскусили, что все это хитрости гестапо. Нами были приняты меры, чтобы народ узнал, что этот Калашников был не кем иным, как провокатором и агентом гестапо.

Ковпак и Руднев учили нас большевистской бдительности. Каждый, изъявивший согласие сражаться в рядах партизан, проходил в штабе и в разведке специальную проверку. Его внимательно и подробно расспрашивали Базима, Горкунов, Вершигора, Тартаковский. Затем они докладывали свои выводы Ковпаку и Рудневу, которые часто вызывали новичка и тоже проводили с ним беседу. Затем новичок зачислялся в роту, где попадал под наблюдение и контроль рядовых партизан и непосредственных командиров. И только после нескольких боев новичок уже официально зачислялся в ряды партизан.

При вступлении в соединение Ковпака каждый боец приводился к присяге; ему разъясняли обязанности партизана и требовали полного и неуклонного их исполнения. Если боец нарушал данное обязательство, то он не мог оставаться в рядах партизан. Если желающий вступить в отряд, ознакомившись с содержанием партизанской клятвы, начинал колебаться, то его никто не удерживал, и он мог идти на все четыре стороны.

В ряды партизан принимались только надежные люди, готовые в любую минуту отдать свою жизнь за счастье Отечества, люди, беззаветно преданные партии Ленина.

XIV

Наступила пышная украинская весна.

Растаял снег. Сотни уже не нужных нам саней мы роздали населению.

Соединение подошло к Киевской области.

К этому времени мы уже снова ощущали недостаток в отечественных боеприпасах.

Сидор Артемьевич обратился за помощью в Москву. Как и всегда, Москва тотчас откликнулась на нашу просьбу, обещав в кратчайший срок обеспечить нас необходимыми боеприпасами. По ночам, в ожидании самолетов, мы зажигали сигнальные костры, но пока что над нами пролетали только немецкие самолеты. Они летели обычно на очень большой высоте — боялись партизанских пуль.

Однако, как гласит старая грузинская поговорка: «страх не спасет от смерти». Нашим бойцам удалось сбить вражеский самолет. Охваченная пламенем машина со страшным треском рухнула на землю и взорвалась.

Мы уже научились узнавать советские самолеты по гулу моторов. И вот однажды мы услышали долгожданный рокот. Ярче запылали костры, самолет сделал над нами небольшой круг и начал сбрасывать груз. У Ковпака радостно заблестели глаза.

Теперь у нас было вдоволь боеприпасов. Другого самолета, со взрывчаткой, мы не смогли ждать.

Форсировав вторично реку Тетерев, мы вступили в расположенное на берегу этой реки красивое украинское село Блидчу.

Мы так неожиданно ворвались в это село, что местные полицаи, не успев ничего захватить с собой, скрылись в лесу.

Поставив вокруг села заслоны, мы чувствовали себя спокойно и днем и ночью.

На центральной улице села, в красивом большом здании мы обнаружили в полной исправности телефонную станцию, с которой были связаны все окрестные села.

К аппарату подошли Ковпак, Руднев, Вершигора. Первым взял трубку Вершигора. Он сразу выяснил, что аппарат подключен к одной линии с другими населенными пунктами,

где еще были фашисты. В телефон были слышны нервные переговоры полицейских соседних сел.

Вершигора начал записывать все, что подслушивал, на лист бумаги. Мы через плечо Петра Петровича читали его записи:

«— Иваньков, почему не отвечает Блидча?

— Блидча! Блидча! Что, вас там холера унесла всех, что ли?

— Келенцы! Леоновка, Леоновка!

— Слушаю!

— Кто у телефона?

— Начальник полиции.

— Вам что-нибудь известно о Блидче?

— Мне известно, что она не отвечает на вызов.

— Сейчас около меня стоит вахмистр, он предлагает, чтобы вы послали в Блидчу человека для выяснения положения. Ждем ответа через час».

Партизанские командиры читали записи и еле сдерживали смех.

К восьми часам вечера перед Вершигорой стояли четыре «языка», в разное время посланные в Блидчу из Леоновки. Их имена и приметы были «услужливо сообщены нам» по телефону. Переодетые полицейские с ужасом и удивлением поглядывали друг на друга, когда бородатый партизан «узнавал» их и слово в слово повторял задание их начальства, которое они получили час-два тому назад.

В Блидче мы пробыли три дня. На третий день к селу подошли два фашистских батальона. Выяснив силы врага, Вершигора доложил добытые сведения командиру. Ковпак тотчас же послал в тыл врага две роты. Им удалось под прикрытием густого леса совершенно скрытно обойти противника. В лоб мы ударили главными силами. Попавшие в партизанскую ловушку фашисты не выдержали натиска, побросали оружие и кинулись к реке: другого пути отступления у них не было. Часть этих вояк утонула в бурных вешних водах, часть, цепляясь за плывущие льдины, пыталась добраться до противоположного берега. Однако их настигали меткие партизанские пули.

Едва закончился бой под Блидчей, как кто-то крикнул:

— Глядите, ребятишки пленных привели.

Партизаны были поражены смелостью юных разведчиков — Николаева, Семинистого, Радика и Мирошкина.

В течение нескольких минут пришедших окружила огромная толпа народа. Мальчики захватили в плен пятнадцать немецких солдат — дело нешуточное!

Внимание всех привлекло одно курьезное обстоятельство — все пленные поддерживали руками брюки. Фашисты стояли пристыженные, угрюмо опустив головы На наш вопрос, что это означает, Семенистый дал следующее объяснение:

— Мы срезали им на брюках и подштанниках все пуговицы.

— Кто из вас придумал этакую штуку?

— Я. — ответил Семенистый.

— Для чего ты это сделал?

— Откровенно говоря, мы не совсем были уверены, что сможем довести сразу пятнадцать человек. Ну, скажем, они сговорились бы между собой и набросились бы на нас. Понятно, у них ничего не вышло бы, но все же могли быть жертвы с нашей стороны. Вот тут я и вспомнил про этот самый способ. Я поделился с товарищами. Они одобрили мое предложение.

— Остроумный способ! Но как вам удалось заставить таких верзил пойти на это?

— В том-то и дело! Они, конечно, ни за что бы не согласились, если бы мы вздумали провести эту операцию в открытую. Мы выводили их поодиночке в скрытое от других место и там срезали пуговицы. И только когда мы снова собрали их всех вместе, они поняли нашу проделку. Пленные страшно злились, ругались, но ничего не могли сделать. Руки у них были заняты. По-моему, недурной способ. Мы этим застраховали себя от всяких случайностей! — по-детски хвастался Семенистый.

* * *

По мнению Семена Васильевича Руднева, теперь нам следовало взорвать железнодорожный мост через реку Тетерев.

Во время пребывания в Блидче мы поняли, какое огромное значение имеет для противника этот мост. По нему непрерывно, днем и ночью, шли к фронту эшелоны, груженные вооружением, войсковым пополнением и фуражом.

Руднев долго стоял, склонившись над картой. Затем он выпрямился и решительно сказал:

— Тетеревский мост должен быть взорван сегодняшней же ночью. Проведение операции считаю нужным поручить командирам второй, восьмой и девятой рот — Цымбалу, Горланову и Бакрадзе.

Ковпак одобрил план Руднева и приказал второму батальону прикрывать нас, а все руководство операцией возложил на Павловского и Панина.

Заканчивая инструктаж, Ковпак сказал:

— Товарищ Бакрадзе примет на себя выполнение главной задачи — он со своей ротой перейдет на левый берег реки и снимет немецкую охрану на той стороне моста.

Спустилась ночь. Я вплавь переправил роту на левый берег. Мы скрытно подошли к мосту и без единого выстрела сняли охрану.

Старый мост был уничтожен еще во время отступления частями Советской Армии. Для взрыва нового моста мы применили тол и с большим успехом использовали трофейную кинопленку. Эта кинопленка сослужила нам большую службу. Ни один горючий материал не может с ней сравниться.

На восстановление тетеревского моста оккупантам понадобилось свыше месяца. К тому же рота Горланова основательно разрушила станцию Тетерев.

После этой диверсии мы заняли село Замошье. Проведенные нами боевые операции не на шутку встревожили гитлеровцев. На следующую ночь утомленные бойцы были подняты по тревоге. Отдых был нарушен. Отчетливо доносился гул вражеских самолетов. Была дана команда рассредоточиться и отвести людей в укрытия.

Ночь была очень темная. С трудом ориентируясь, я выбрался на улицу и лег в канаву. Скоро немецкие самолеты закружили над селом и начали сбрасывать бомбы. Я лежал в канаве и ждал, когда кончится бомбежка.

За период своей свыше чем двухлетней партизанской жизни я постоянно находился под градом пуль, принимал участие в бесчисленных рукопашных схватках. Однако за все это время я не только не получил ни одного ранения, но меня ни разу не царапнула пуля. Но, честно говоря, бомбежки с воздуха я переносил очень скверно, и все же, как ни неприятна такая штука, как бомбежка, я старался всегда держать себя в руках. Выдержка, которую воспитали во мне мои армейские командиры, никогда не изменяла мне.

Волевой боец спокоен и непоколебим в бою. Он не теряется, дерется с твердой верой в победу; каждый его шаг, каждое движение рассчитаны. У храброго бойца во время сражения сердце бьется вполне нормально, он может смутить противника своим твердым взглядом и спокойным поведением. Мне приходилось слышать в народе пословицу:

«Глазом сгубил человека». В этой поговорке есть доля истины. Знал я людей, способных одним взглядом смутить врага, ослабить его волю, решимость. Припоминаю такой случай. При взятии одного города на улицах разгорелся ожесточенный бой. Во время схватки командиру кавалерийского эскадрона Саше Ленкину пришлось сойтись врукопашную с немецким полковником: фашист выхватил револьвер и закричал: «Хенде хох!»

«Держи!!!» — смело ответил ему по-русски Ленкин, и его пуля сразила полковника.

Во время боя враг отличает храброго от труса; он избегает храбрых и бросается на трусливых. Этим объясняется то обстоятельство, что большинство храбрых воинов в рукопашном бою остается невредимыми, а трусливые чаще всего погибают. Я этим, конечно, не хочу сказать, что храброго, мол, пуля не берет. Возьмем, к примеру, Вано Рехвиашвили. В соединении Ковпака Вано снискал себе имя храбрейшего воина, однако он получил тяжелое ранение.

И все же, как правило, твердая воля бойца является залогом победы.

XV

Налет вражеской авиации на Замошье был неэффективен. Пострадавших не оказалось ни среди бойцов, ни среди местного населения. В ночной темноте немецкие летчики не обнаружили села и сбросили бомбы далеко за его окраинами.

Мы еще находились в Замошье, когда наши разведчики сообщили, что вблизи этого села, на станции Яново, имеются огромные склады с зерном Было точно установлено, что Яново охраняется усиленными караулами гитлеровского батальона, расположенного поблизости, в местечке Шепеличи.

Необходимо было захватить Яново и уничтожить охранявший его батальон противника. Выполнение этой задачи Ковпак и Руднев возложили на меня и на Михаила Ивановича Павловского, которого, кстати сказать, с хозяйственной точки зрения это зерно очень интересовало.

В наше распоряжение, кроме моей девятой, были выделены также четвертая и пятая роты.

Станция Яново расположена на берегу реки Припять. Ночью девятая рота скрытно вышла в район Яново и Шепеличи и оседлала дорогу, связывающую эти два пункта.

Я тотчас же сообщил об этом четвертой и пятой ротам. Мы нанесли противнику удар с трех сторон, и вскоре станция была полностью очищена от врага.

Из Янова мы вывезли много зерна. Часть зерна Павловский оставил в соединении, а другую, бо́льшую часть, роздал местным жителям.

Пока мы занимались Яновым, главные силы соединения проводили серьезные боевые операции по разгрому карательной экспедиции противника. Наша операция была вспомогательной, отвлекающей. Покончив с Яновым, мы возвращались к Речице, где находился штаб нашего соединения.

В пути до нашего слуха донесся неясный гул орудийной и минометной канонады.

Мы остановились и стали прислушиваться.

— Товарищ командир, стрельба определенно ведется в районе Речицы, — доложили разведчики.

Это было плохим признаком.

Я тотчас же выслал конную разведку.

Мы осторожно продолжали путь, с нетерпением ожидая возвращения конников. В целях маскировки мы даже не курили.

В непроглядной тьме я шел сбоку колонны и вслушивался в тихий разговор партизан.

— Как думаете, противник действительно на Речицу наступает?

— Трудно сказать.

— Так что же это может быть?

— Кто его знает! Сам дьявол не разберет, что там творится.

— Ну, скажем, немец на Речицу наступает! Что тогда?

— Ну и что? У штаба отличная охрана. Уверен, что она сумеет выполнить свою задачу.

— Так, по-твоему, враг ничего не добьется?

— Я так думаю. Не было еще такого случая, чтобы нашего Деда фашисты застали врасплох.

За поворотом дороги послышался конский топот.

— Наши разведчики! — закричали партизаны.

Через мгновение всадники подскакали к нам.

Взмыленные кони дрожали, словно в лихорадке, из их ноздрей вырывались горячие струи пара.

— Товарищ командир, враг большими силами наступает на Речицу. Штаб пока стойко отражает атаки противника!..— доложил, перегнувшись с лошади, один из разведчиков.

— Рота, вперед!.. — скомандовал я.

Уже на быстром марше мы с командирами взводов разработали план боя. Мы учитывали свое выгодное положение, возможность внезапного удара по наступающему на Речицу противнику с тыла или фланга.

Чем ближе к Речице, тем отчетливее слышалась перестрелка. Кто-то из партизан заметил:

— Стреляют здорово. Должно быть, бой не шуточный.

Я послал связного с задачей — во что бы то ни стало добраться до Ковпака и доложить ему о том, что мы готовы вступить в бой. Связной вскоре вернулся с приказом Ковпака, полностью одобряющим мой план.

Но прежде чем вступить в бой, мне необходимо было точно установить расположение противника. Наши разведчики блестяще справились с этой задачей. Враг клином врезался в село. Конечная точка этого клина уже вошла в соприкосновение с партизанским штабом, широкая же основа клина была еще на подступах к селу. Я оставил в тылу у противника группу автоматчиков для создания паники, а сам ударил по клину с левого фланга, т. е. по самому острию этого клина. Наш удар был совершенной неожиданностью для врага. Фашисты начали отходить. Находившиеся в укрытии автоматчики открыли по отступающему противнику сильный огонь.

Враг заметался. Спастись удалось только тем фашистам, у которых были самые длинные ноги. В ту же ночь все наше соединение, во главе со штабом, перебралось из Речицы в лес, расположенный по соседству с селением Мухоеды. Главная задача теперь заключалась в своевременной отправке тяжело раненных на «Большую Землю». К тому времени у нас набралось много больных и раненых. После уничтожения немцами партизанского аэродрома на «Князь-озере» мы ни разу не принимали наших самолетов.

Еще продолжались бои за Речицу, когда Ковпак отдал приказ о подготовке аэродрома для вызванных им самолетов. Аэродром готовили в поле, неподалеку от села Мухоеды. Когда площадка была готова, мы создали вокруг нее крепкую оборону и умудрились в процессе боя с противником принять самолет. Затем погрузили в него раненых, среди которых находился и мой друг Вано Рехвиашвили. В это самое время партизаны вели с противником бой в двух километрах от аэродрома.

Бой за Речицу закончился полной победой партизан. По достоверным сведениям, фашисты потеряли в этом бою двести пятьдесят человек только убитыми. Карательная группа фашистов была полностью разгромлена. Противник отошел и

закрепился в крупных населенных пунктах на реке Припять и узлах шоссейных дорог. Мы несколько дней передохнули и, разведав местность и обстановку, перебрались в село Михайловку, поближе к реке.

Еще до боя у Янова Ковпак получил радиограмму от Никиты Сергеевича Хрущева; он предлагал нам завязывать с противником изматывающие бои в районе нижнего течения Припяти. Мы разрушили в разных местах железную дорогу между Днепром и Припятью, взорвали несколько железнодорожных мостов, уничтожили много эшелонов. Вместе с тем мы перерезали автодороги, ведущие от Киева на север и северо-запад. Нарушение этих коммуникаций заставило гитлеровцев серьезно призадуматься. Они фактически были лишены сухопутных дорог. Противник начал выискивать речные пути. В этом отношении очень удобным представлялось глубокое и широкое русло реки Припяти. Противнику удалось в короткий срок создать здесь довольно мощную флотилию. По водной системе из Германии спешно перебрасывались речные суда. Наши разведчики тщательно наблюдали за этими приготовлениями гитлеровского командования. Ковпак обзавелся специальными картами и просиживал над ними целые дни. Подготавливаемая операция сохранялась в тайне, но по активной работе разведки, по озабоченным лицам Ковпака, Руднева, Вершигоры, Базимы, Войцеховича, мы видели, что командование задумало крупное, но непривычное и поэтому рискованное дело.

И вот однажды, после продолжительной разведки, бойцы Кульбаки донесли нашему штабу: замечен караван судов противника на Припяти, направляющийся из Чернобыля к Мозырю.

Получив это сообщение, Ковпак весь загорелся. У него засверкали глаза.

— Ну, а как же вы думали? — воскликнул он. — Все идет, как по нотам. Враг, разбитый на суше, пытается использовать водную магистраль. Нам надо выбить из-под ног фашистов и эту подпорку. Теперь разведке надо переключиться и основательно изучить берега Припяти. Надо выбрать выгодное место для расположения соединения.

Для лагеря мы выбрали село Аревичи, расположенное на высоком берегу Припяти. Поблизости не было ни одного моста. Нешуточное дело — переправить с одного берега реки на другой многочисленное соединение.

Мы уже освоились в лесах вокруг села Мухоеды. А тут вдруг приказ на марш. Мы стремительно приблизились к ре-

ке, где в затонах были спрятаны заготовленные нашими разведчиками паром и лодки. Ночью соединение скрытно стало перебираться на левый, восточный берег Припяти. Днем мы укрывались от врага в лесу, а всю ночь до самого рассвета велась переправа. Эта операция продолжалась четыре ночи. Скот мы переправили вплавь. Для переброски тяжелого орудия и боеприпасов использовали паром.

Таким образом, мы переправились в Аревичи без потерь. Тихое село превратилось в оживленный военный лагерь.

Преодолевать встречавшиеся на нашем пути препятствия помогала нам образцовая дисциплина. Я воспользуюсь случаем и расскажу об одном эпизоде, который поможет читателю ясно представить себе, какая высокая дисциплина и организованность были в нашем партизанском соединении.

Тогда мы стояли в селе Мухоеды. В четыре часа ночи была объявлена тревога. Связной передал мне приказ немедленно явиться в штаб. Я прибежал первым. «Кругом марш!» — скомандовал мне Руднев, как только я влетел в комнату. Я выскочил наружу в удивлении, не понимая, чем я мог вызвать такое резкое обращение Руднева. Однако я скоро сообразил, в чем была моя ошибка. Я снова вошел в штаб и четко, по-уставному, доложил Рудневу о своем прибытии. Руднев в знак удовлетворения кивнул головой и объяснил мне причину объявленной тревоги. Этим рассказом я хочу подчеркнуть, что нарушение военной дисциплины не прощалось никому, ни в какой обстановке.

Железная дисциплина, царившая у нас, отнюдь не мешала дружеским отношениям между всеми партизанами, независимо от того, являлись ли они командирами или рядовыми бойцами.

В Аревичах наше соединение обосновалось надолго. По всем направлениям были высланы разведчики. Командование решило изучить ближние и дальние районы, численность вражеских гарнизонов, материальную базу противника и его средства обороны.

Вскоре у нас уже были точные сведения, что немецкие суда готовятся к весенней навигации на реке Припяти. Ковпак издал приказ о занятии ротами и батальонами всех тактических пунктов вдоль реки. По его приказанию на берегу были установлены хорошо замаскированные пушки.

Немцы всю свою оборону продолжали строить из расчета, что партизаны могут помешать навигации на реке с запада. По сведениям разведки, противник потерял нас из виду и не заметил нашей переправы через реку.

Прошло еще несколько дней. Однажды мы заметили в четырех километрах от Аревичей караван судов противника. Пароход «Надежда», пять барж и бронированный катер с большой осторожностью продвигались вперед.

Вот они подошли совсем близко к нам. «Надежда» и баржи остановились, катер же двинулся вперед. Обследовав оба берега на протяжении одного километра, катер подал каравану сигнал: «Все в порядке».

Мы отчетливо видели плывущие суда.

Экипаж катера осмелел. Уже не принимая никаких мер предосторожности, катер довольно быстро пошел вперед и повел за собой остальные суда. Вот и пароход «Надежда» поравнялся с нашей засадой. Дольше ждать было невозможно, да и не нужно. Когда ухнуло приданное моей роте орудие и ударили наши станковые пулеметы, загнанный в тупик пароход начал метаться взад и вперед. Фашисты сделали попытку установить на палубе парохода крупнокалиберные пулеметы. Но было поздно: ливень партизанских пуль заставил оккупантов отказаться от этого намерения. Видимо, начальник каравана решил бежать и стал разворачиваться. Но куда бы суда ни устремлялись, вниз или вверх, — повсюду их встречал жестокий огонь партизан.

В это время пушечные снаряды, один за другим, пробили борт парохода. Он загорелся. К небу потянулся огромный столб дыма. В отчаянии немцы бросались в воду, но и здесь настигали их партизанские пули. Ни одному фашисту не удалось спастись. Оставшихся на пароходе поглотило пламя.

Не прошло и получаса после гибели парохода «Надежда», как изуродованные снарядами баржи беспомощно покачивались на поверхности реки, подобно развороченным жестяным коробкам. Из-под воды торчала громадная дымовая труба — единственное, что напоминало о затонувшей «Надежде».

Бронекатер, еще в начале боя улучив минуту, невредимым проскользнул мимо нас и был таков

Бой был закончен. Мы, командиры, собрались в штабе и делились впечатлениями. В это время открылась дверь, и в штаб вошел командир орудия Москаленко, ведя за собой пленного фашиста.

На допросе немец показал:

— Нашему гарнизону было хорошо известно о наличии в этом районе партизан. У нас ходит много слухов о могуществе армии Ковпака; нам было также известно, что в по-

следнее время партизаны Ковпака разведывали берега Припяти. Нас предупредили, чтобы мы держались все время поближе к левому берегу, так как армия Ковпака действует в лесах западной Припяти. Мы никак не ожидали вас с этой стороны. Мы не представляли себе, что ваш отряд находится так близко. Уничтоженные сегодня суда — это только незначительная часть переброшенной на Припять флотилии. Там, далеко, в верховьях Припяти, стоят наши бронированные военные суда. Все они готовы выйти в путь, чтобы сопровождать транспортные караваны.

Пленный не лгал, наши разведчики к этому времени уже рыскали в районе Мозыря. Они сообщали нам приблизительно то же самое.

XVI

После уничтожения фашистского каравана на реке Припяти мы ждали ответных мер со стороны противника.

И действительно, немецкие самолеты вскоре начали кружить над берегами Припяти и над самими Аревичами. Один из них заметил торчавшую над водой трубу «Надежды». Самолет спикировал над рекой. По-видимому, летчик фотографировал затонувшее судно. Мы открыли огонь из всех родов оружия. Однако самолет ловко увернулся от нашего огня и ушел на север. Ковпак долго наблюдал за ним в бинокль. Затем направился к штабу, бормоча:

— Ну, теперь ждите немцев.

Но пока мы готовились к новым боям, произошло много событий, причем очень приятных для нас. Со всех сторон к нам в соединение приезжали крупные партизанские командиры. Первым посетил нас в Аревичах руководитель черниговских партизан Федоров в сопровождении нескольких бойцов своего соединения.

Прославленный партизанский командир Федоров до войны был первым секретарем Черниговского областного комитета партии. По заданию Центрального Комитета Коммунистической партии Украины он создал подпольные организации, а затем — мощное партизанское соединение. После войны Федоров опубликовал книгу «Подпольный обком действует», в которой описал боевые дела руководимого им партизанского соединения.

В соединении Федорова тогда находился кинооператор Михаил Глидер. На некоторое время Глидер остался у нас.

Храбрый воин, Глидер вместе с партизанами участвовал в боях, запечатлевая на кинопленку героические дела народных мстителей. За свою отличную работу кинооператор Михаил Глидер был удостоен Сталинской премии.

Ковпак и Руднев в первый же вечер пребывания у нас Федорова долго с ним совещались. Затем Ковпак пригласил дорогого гостя к столу. Дед поручил Павловскому приготовить хороший ужин. Как я говорил выше, Павловский был исключительно расчетливый и прижимистый хозяин. Но он изрядно побаивался Деда и потому устроил в этот вечер отличный, по нашим партизанским условиям, ужин.

Ковпак любил повеселиться. Он, как никто другой, умел выбрать подходящее для этого место и время.

Федоров и Ковпак сидели за столом и оживленно беседовали, когда в Аревичи влетел конный партизанский отряд Наумова, насчитывавший до пятисот сабель. Все село поднялось на ноги. Кавалеристы почти одновременно соскочили с коней, отпустили лошадям подпруги и ладонями вытерли им глаза.

Ленкин с сияющим лицом нервно покручивал усы, он буквально пожирал глазами породистых лошадей.

Конный отряд Наумова, ныне генерала, Героя Советского Союза, совершил зимой 1942—1943 года блестящий рейд по степной Украине, окончив его весной в селе Аревичи. Отряд этот еще в снежную зиму на санях двинулся из Хинельских лесов, прошел по тылам отступающей армии врага под Харьков и Полтаву, затем вышел к Днепру между Днепропетровском и Кременчугом и перемахнул по льду на правый его берег. На правобережной Украине отряд Наумова прошел стремительным маршем по Одесской, Кировоградской, Винницкой, Киевской областям. В районе Винницы Наумов нарушил нормальную работу ставки Гитлера, а к весне прибыл в Припятские леса для отдыха и пополнения боеприпасами.

По распоряжению Ковпака мы устроили торжественную встречу партизанам-конникам. Между нашими бойцами и наумовцами завязалась задушевная беседа.

— Так, значит, это вы взорвали тетеревский мост? — спросили нас конники. — От крестьян мы слышали, что мост уничтожили партизаны, но они не могли нам толком объяснить, чей это был отряд.

Наши бойцы рассказывали:

— У нас к тому времени взрывчатка была на исходе.

В одном из боев мы захватили у противника два ящика кинопленки, ее мы и использовали с большим успехом при поджоге моста. Ух, и горит же лента! Ничто с ней не сравнится. Мост-то был еще совсем сырой, немцы недавно навели его вместо старого тетеревского моста, уничтоженного при отступлении нашей регулярной армией.

Наумовцы в свою очередь рассказывали:

— Мы, словно ниву, косили бежавшего противника. Но в последнее время дела наши ухудшились; в степных просторах южной Украины мы были лишены всякого укрытия. Особенно нас допекала немецкая авиация. Еле успевали мы укрываться в оврагах и балках. Сами знаете, пешему бойцу — и то нелегко укрыться, а для всадника, брат, это куда труднее!

Во время беседы одна из наумовских лошадей привлекла внимание нашего партизана. Он подошел к ней и потрепал ее по шее. Ласка ковпаковца не понравилась лошади. Она вытянула шею, прижала уши, пискнула по-крысиному и цапнула парня за руку повыше локтя.

— Настоящая собака, а не конь! — сказал стоявший рядом партизан.

— Зато и имя у него подходящее, — пояснил хозяин.

— Какое же такое имя?

— Гитлер!

Среди бойцов поднялся хохот.

— Вот здорово придумал! Подходящее имя! Подходит, главное, по характеру.

Отряд Наумова производил впечатление образцовой регулярной кавалерийской части: откормленные лошади с подрезанными хвостами, большинство бойцов в сапогах, в каракулевых папахах.

На рассвете следующего дня отряд Наумова в боевом порядке выступил из Аревичей в западном направлении.

Наши разведчики установили, что севернее Аревичей, на расстоянии двадцати километров, немцы ведут с кем-то ожесточенный бой. Федоров сразу догадался, что с фашистами сражался один из его батальонов. И действительно, вскоре черниговские партизаны победителями пришли в Аревичи.

Федоров и Ковпак договорились совместными силами атаковать местечко Брагин.

Неподалеку от Аревичей, в удачно замаскированном месте, мы устроили аэродром. Немцы долгое время не могли его обнаружить. Москва регулярно снабжала нас боеприпасами, медикаментами и всем необходимым.

К нам прилетел зубной врач. Он вставил Деду зубы, и тот словно помолодел на наших глазах. До этого Сидор Артемьевич часто страдал от зубной боли, но, проявляя свойственную ему железную выдержку и терпение, он ничем не показывал, что ему больно.

С одним из самолетов пришла почта. Трудно передать, каким радостным событием в жизни партизана являются письма. Находясь в глубоком тылу врага, часто лишенные возможности принять самолет, мы месяцами бывали отрезаны от родных. На этот раз почта обрадовала и меня. В штабе мне вручили небольшой конверт без марки.

Я сразу узнал отцовский почерк и поспешно распечатал письмо. Оно было послано из грузинского села Бори, Орджоникидзевского района.

«Сын мой, Датико! — писал отец. — Бог дал нам двух сыновей, оба они сражаются на фронте. Я горжусь тем, что мои мальчики защищают Родину и счастье нашего народа от проклятого врага. Это так и должно быть.

Больше трех месяцев мы ничего не знали о Гогия и только недавно получили письмо от его товарища. Он пишет, что Гогия ранен и лежит в госпитале, но ранение не очень серьезное и он скоро выпишется. Когда мы получили это письмо, твоя мать всю ночь звала во сне то тебя, то Гогия. Вера каждый день пишет тебе письма, интересно, доходят ли они до тебя? Она, бедняжка, очень убивается, но держится крепко. Вчера из Харагоули поднялся Аполлон. «Выпивка будет?» — окликнул он меня. «Пожалуйте, — говорю я ему, — вести, надеюсь, хорошие?» «Виданное ли дело, чтобы я с плохими вестями приходил! Про Датико вашего в газете написано да все стихами». Я усадил его и угощал до тех пор своим красным вином, пока у него уши не покраснели. Он обещал мне достать эту газету.

Сын мой Датико, помнишь наш двенадцативедерный чури* под айвовым деревом? Так я его этой осенью наполнил вином на твое счастье и хорошо замуровал. Ты должен собственной рукой вскрыть этот чури. Когда кончится война и я дождусь твоего возвращения, то устрою пир на все село. Вот только одно беспокоит меня, в последнее время дурные вести до нас доходят, говорят, что враг подошел к предгорьям Кавказа. Я еще немного подожду, и пусть умрет

---

* Чури — большой глиняный кувшин для хранения вина, зарытый в землю.

твой старый Илья, если я не перекину через плечо винтовку и не уйду в лес. Что же, и я попартизаню на старости лет. Не запаздывай с ответом, пиши чаще. Вера и мать твоя шлют тебе с любовью привет.

Дела нашего колхоза идут хорошо, этой осенью мы перекопали два гектара под новый виноградник, весной заложим.

Будь здоров. Пишет всегда желающий тебе добра отец Илья».

Это письмо я получил с большим опозданием, поэтому отец писал в нем с таким волнением о битве в предгорьях Кавказа.

Только я окончил чтение, как меня вызвали к Деду.

— Товарищ Бакрадзе, — сказал мне Ковпак, — у нас имеются сведения о том, что враг в ближайшие дни большими силами поведет на нас наступление. Твоей роте приказываю занять на берегу Припяти важный для нашей обороны пункт. По-видимому, и на этот раз нам придется иметь дело с большой вражеской флотилией. Приступай к подготовке.

Подробное указание относительно позиции, которую должна была занять моя рота, я получил спустя два часа. Я привел роту на указанное место. Мы так искусно замаскировали пушку, что я сам с трудом различал ее. Бессонная ночь утомила всех. Утро наступило ясное, солнечное. Как приятны были теплые лучи... Я подставил спину солнцу и заснул.

— Товарищ командир, связные доносят о приближении вражеской флотилии, — разбудил меня командир отделения.

Я вскочил, протер глаза и посмотрел на реку. Вокруг царила тишина. Легкий ветерок слабо шевелил прибрежную траву.

— Залечь в траву, не поднимать головы, ждать моего приказа! — отдал я команду бойцам.

Вскоре на реке показался караван судов. Я тотчас же послал связного сообщить об этом в штаб соединения

Флотилия, состоявшая из двух бронированных пароходов и четырех бронекатеров, подошла к Аревичам и открыла мощный огонь.

Берега молчали, словно вокруг не было ни одной живой души.

Корабли, продолжая медленно двигаться вперед, вели артиллерийский и пулеметный огонь.

Берега Припяти продолжали хранить молчание. Оккупанты ослабили стрельбу, на палубы вышли матросы. Пар-

тизаны сгорали от нетерпения. Я посмотрел на ребят и встретил их горящие глаза. «Приказывай, чего же ты ждешь!» — красноречиво говорили их взгляды. Я погрозил им кулаком: «Ни звука!»

Было необходимо как можно дальше заманить корабли противника и поставить их под пушечно-пулеметный партизанский огонь.

Надо отметить, что к этой операции мы подготовились очень хорошо.

Караван поравнялся с нашей засадой, ждать дольше нельзя. Пулеметы и пушки открыли по кораблям дружный огонь. Внезапность нашего огневого удара вызвала на некоторое время растерянность среди противника, но фашисты вскоре пришли в себя и стали отвечать.

В начале боя противник намного превосходил нас силой огня. Я бросился к нашему орудию, выкатил его и прямой наводкой первым же выстрелом развернул дымовую трубу парохода. Огненные искры, вырываясь из топок, падали на палубу, и вскоре весь корабль был объят пламенем. Душераздирающие вопли неслись над рекой. Фашисты в ужасе выбегали на палубу и бросались в воду.

Второй корабль двинулся на помощь горящему судну. Подойдя к нему почти вплотную, он открыл по берегу сильный огонь. Тут Сергей Анисимов навел на него свое орудие и выпустил подряд пять снарядов. Изуродованное судно стало погружаться в воду рядом с первым кораблем.

Бронекатеры не приняли боя. Став на значительном расстоянии, они выжидали удобного момента для бегства.

Экипажи выведенных из строя пароходов, несмотря на свое отчаянное положение, продолжали вести огонь.

Черный дым окутал берега Припяти. Под покровом неожиданной дымовой завесы партизаны скрытно подплыли к поврежденному судну. Сквозь густую пелену дыма мы различили, как, став на плечи товарища, один из партизан взобрался на корабль. Смелый боец с автоматом в руках обежал всю палубу, схватил брошенный крупнокалиберный пулемет, установил его против лестницы, ведущей в трюм, и запустил длинную очередь. Это был партизан Сердюк.

— Осторожно, ребята, не стреляйте по нас — крикнул нам Сердюк.

— Что вы там делаете?

— Мы с Павловским фашистов караулим, а то они, чего доброго, улизнут с корабля.

— До каких же пор собираетесь вы там оставаться?

— Пока не сгорит судно.
— Так вы сгорите вместе с ним?
— Мы успеем прыгнуть в воду.
— А много там фашистов?
— Пока много.

Сопротивление врага было сломлено. Бежать удалось лишь нескольким фашистам, остальные были уничтожены пламенем и партизанскими пулями.

Когда с пароходами все было покончено, бронекатеры пустились наутек.

Что есть силы неслись они вниз по течению реки. Однако в трех километрах на северо-восток от Аревичей в засаде находился батальон Кульбаки. Его бойцы открыли мощный огонь и в течение нескольких минут потопили три катера. Четвертый рванулся в сторону и застрял в прибрежных камышах. Партизаны заложили вокруг него мины и оставили его в таком положении.

Как нам стало известно позже, пришедшие ночью выручать катер фашисты напоролись на мины и понесли большие потери.

Партизаны постарались, чтобы ни один из фашистов, находившихся на кораблях, не ушел живым. Все же нескольким гитлеровцам удалось ускользнуть и скрыться в лесу. Трое из них, не выдержав голода, зашли в село, ворвались в хату одного старого крестьянина и потребовали хлеба. Хозяин согласился, но как только он направился к двери, один из фашистов преградил ему путь. Крестьянин стал объяснять, что он хотел выйти для того, чтобы принести хлеба, а не с каким-либо злым умыслом. Поверив старику, гитлеровцы разрешили ему выйти из хаты.

Старик медленным шагом направился к двери. Вдруг он бросился к стоявшему у двери немецкому автомату, схватил его и тут же уложил двух фашистов. Третий успел бросить под ноги старику гранату. Тяжело раненный крестьянин упал на пол. Фашист воспользовался этим, выскочил из хаты и юркнул в стоявший во дворе стог сена.

Шедшие по воду женщины заметили этот маневр фашиста. Как раз в это время на улице показались разведчики Кульбаки, женщины бросились к ним и показали, куда спрятался немец. Разведчики доставили фашиста в штаб.

Раненому крестьянину, которому было семьдесят три года, наши медики оказали первую помощь и в ту же ночь отправили самолетом на лечение в Москву.

О нашем удачном сражении с немецкой флотилией уз-

нали во всей области. Это была немалая победа. Но мы не зазнавались. Скромности, трезвой оценке положения нас учили наши партизанские руководители.

Руднев после каждой одержанной победы говорил:

— Правда, мы разгромили врага, нанесли ему жестокое поражение, но не забывайте, что мы сражаемся в тылу противника. В тяжелую минуту мы не можем надеяться на дополнительные резервы, враг же всегда имеет возможность двинуть против нас крупные силы.

Тактика партизанской войны требовала, чтобы после проведения крупного боя мы немедленно покинули Аревичи. Но наше выступление из Аревичей пока что задерживалось: мы ждали возвращения высланных по всем направлениям разведчиков. Число находившихся в разведке бойцов превышало сто сорок человек, причем большинство было послано в отдаленные районы.

У нас было правило не переходить на новое место, пока оно не будет хорошо изучено.

Разведчиков выслали в дальние разведки еще и потому, что о правобережной Украине требовались исчерпывающие разведданные для Советской Армии.

Партизанская жизнь сделала нас непоседами. Как охотник не может долго сидеть на одном месте, так и мы, оторвавшись от противника и немного отдохнув, начинали скучать и снова искали с ним встречи.

Я уже говорил о том, что командиры двух партизанских соединений — Ковпак и Федоров — решили совместными силами овладеть небольшим городом Брагин, который фашисты сильно укрепили. Оставив тылы и часть сил в Аревичах, партизаны двинулись на Брагин. В пути нам пришлось столкнуться со смешанным немецко-словацким батальоном. В этом бою мы захватили две «гаубицы».

Подойдя к Брагину, партизаны сокрушительным ударом в течение нескольких часов очистили его от фашистов. Немецкий гарнизон понес большие потери, одних убитых оказалось свыше трехсот человек. Засевшие на колокольне эсэсовцы некоторое время оказывали ожесточенное сопротивление, но мы сняли их с колокольни с помощью трофейных «гаубиц».

В отместку за потерю Брагина фашисты подвергли Аревичи жестокой бомбардировке с воздуха и нанесли нам серьезный материальный урон. Мы были вынуждены покинуть село и укрыться в лесу.

* * *

— Давид, знаешь новость? — спрашивает меня командир восьмой роты Сергей Горланов.

— Нет, не знаю.

— Только что в штаб поступило с «Большой Земли» сообщение о присвоении Ковпаку, Рудневу, Сабурову и Федорову генеральских званий. Отныне наши командиры — генералы.

Вскоре в соединении распространился слух: прилетели члены Центрального Комитета Компартии Украины. Говорили, что среди прибывших находится Никита Сергеевич Хрущев. Желая проверить это, я поспешил в штаб. Действительно, к нам прилетели члены Центрального Комитета, однако Никиты Сергеевича Хрущева среди них не было.

Прилетел секретарь Центрального Комитета Демьян Сергеевич Коротченко. С его приездом была образована партийная комиссия, которая рассмотрела заявления бойцов о принятии их в партию.

Д. С. Коротченко по поручению Президиума Верховного Совета СССР в торжественной обстановке вручил партизанам награды. Мне лично Коротченко вручил орден Отечественной войны первой степени.

Принимая первую высокую награду, я дал слово храбро, самоотверженно, до последней капли крови сражаться против фашистских захватчиков.

* * *

Вначале наше партизанское соединение не имело кавалерии как самостоятельной боевой единицы. В дальнейшем жизнь указала нашим руководителям на необходимость создания сильного кавалерийского отряда. После крупных боев, когда разбитый враг спасался бегством, партизанская пехота не могла преследовать его до конца. Для преследования врага требовалась подвижная, маневренная единица. Впервые вопрос о создании в нашем соединении кавалерийского ядра по-деловому, конкретно поставил Демьян Сергеевич Коротченко.

У нас оказались все необходимые условия для создания кавалерийской части. В наших рядах находился прекрасный знаток этого дела — кадровый кавалерист Ленкин, которому партизаны дали прозвище «Усач» за его роскошные

усы. Ленкин отобрал в каждой роте по два-три бойца, посадил их на коней и начал обучать.

Вскоре перед врагом предстала грозная партизанская кавалерия, которая сыграла значительную роль во всех проведенных нашим соединением боевых операциях.

В средних числах мая часть разведчиков, высланных в далекую разведку, возвратилась. Они сообщили, что от Речицы до Киева укрепления противника очень слабые, почти совсем нет дотов и дзотов, окопов и траншей. Лишь в нижнем течении Днепра и Припяти стоят артиллерия и пехота.

Вместе с тем наше командование располагало точными данными о том, что немцы намеревались заманить партизан на юг. Наше соединение находилось между Припятью и Днепром, с одной стороны, и железнодорожной линией Гомель — Калинковичи, с другой. Пространство, заключенное между двумя реками, постепенно клинообразно суживалось к югу; у слияния Припяти с Днепром находился заостренный конец клина. Обе реки были широкие и глубокие. На правых берегах этих рек укрепился противник. Как выяснилось впоследствии, враг готовился нанести нам удар в узкой части клина.

Расчет фашистов был таков: заманить партизан в пространство между двумя реками, затем загнать их в узкую часть клина и сбросить в воду. Этот план немецкого командования подтверждали пленные. Фашисты называли эту операцию «мокрым мешком». Известные нам планы противника требовали изменения нашего маршрута. Командование соединения избрало северное направление с тем, чтобы выйти из клина между двумя реками и затем повернуть на запад. Своевременно разгадав коварный замысел фашистов, мы оставили «мокрый мешок» фашистов пустым и двинулись на север, в направлении железнодорожной линии Гомель — Калинковичи. Вблизи станции Демихи мы должны были пересечь железнодорожное полотно.

Однако на подступах к железной дороге мы встретили серьезные препятствия. На каждом шагу были сооружены дзоты, глубокие рвы, проволочные заграждения. В час ночи мы втянулись в бой, который длился до девяти часов утра. Враг на бронепоезде подбросил с соседних станций сильное подкрепление. Канонаду вражеской артиллерии, минометов и танков слышали даже в далеких селах и хуторах.

Было ясно, что в этом бою мы неизбежно понесем значительные потери.

Связные передали нам приказ Ковпака об изменении маршрута. Берем курс на юг.

Ковпак рассуждал так:

— Правда, в настоящий момент мы отступаем, но этот наш шаг не означает, что победила идея «мокрого мешка».

Время не ждало. Мы старались укрыться от вражеской авиации, и потому наше соединение углубилось в лес. Ковпак очень нервничал в связи с вынужденным изменением маршрута. В истории нашего соединения это был единственный случай, когда мы не смогли прорвать оборону противника и перейти железнодорожное полотно.

Противник торжествовал. Наше отступление от станции Демихи он расценивал как свою победу. Немцы пока еще не представляли себе, что их план «мокрого мешка» уже провалился.

XVII

Разведка донесла, что противник на всем протяжении реки Припяти сконцентрировал большое количество техники и живой силы. Все позиции врага были укреплены с особой тщательностью. Создалось исключительно тяжелое положение: с фронта были сняты две немецкие дивизии и брошены против нас.

В тот период против нашего соединения действовали также части «СС». Численно враг превышал нас не менее чем в шесть-семь раз.

Семнадцатого мая утром фашисты начали сильнейшее наступление.

Подкрепленный танками и минометами, враг непрерывно атаковал наши позиции.

В этот день партизаны с большим успехом отразили все атаки. Фашисты потеряли девять танков и триста человек убитыми.

Приказ Ковпака гласил — ни шагу назад!

Для партизан основной задачей оставалось форсирование Припяти и выход на правобережную Украину. Немцы же продолжали мечтать об осуществлении операции — «мокрый мешок».

Нелегкое было дело построить мост через широкую и глубокую Припять. В том месте, где мы находились, совсем не было леса. Ковпак руководил постройкой переправы, а Руднев возглавил оборону. Каждый час Ковпак и Руднев сооб-

щали в штаб Демьяну Сергеевичу Коротченко о ходе дел. Коротченко мгновенно реагировал на каждое донесение и тут же давал указания, которые наши командиры осуществляли без промедления.

У партизан был богатый опыт строительства мостов. Еще во время пребывания в Брянских лесах оно занимало важное место в операциях партизанского соединения. В наших рядах находился непревзойденный «мостовик» Яковенко. Ему и поручил Ковпак техническую сторону этого дела.

— Товарищ Яковенко, — сказал ему Ковпак, — сегодня ты должен сдать государственный экзамен по своей специальности. Мост должен быть готов через двадцать четыре часа.

Яковенко ответил:

— Товарищ командир, хороший мост должен строиться из хорошего материала, а здесь такого нет. А для доставки материала издалека нет времени.

— Выходит, что нельзя построить хороший мост? Нам не нужен цемент и бетон, будем строить из того материала, какой имеется под рукой, — пояснил Ковпак.

Поблизости от нашего лагеря стоял сарай. Это было довольно большое строение из круглых бревен.

Ковпак приказал срочно разобрать сарай и использовать бревна для моста.

Затем Ковпак подозвал меня и сказал:

— Время не терпит, мы должны работать всю ночь без передышки. Срочно сними с обороны свою роту и включайся в стройку.

Две роты — четвертая и девятая — были сняты с обороны и брошены на постройку моста.

Через два часа сарай был разобран. Для строительных работ мы выбрали укромное, заросшее кустарником место.

Всю ночь мы таскали к реке бревна и доски и связывали их в плоты. Течение воды с огромной силой давило на вытянувшиеся поперек реки плоты, рвалась проволока и веревка, бревна расползались. Люди падали в воду. Мы несли к берегу все, что могли собрать вокруг, а еще надо было построить по крайней мере двадцать метров. Постройка моста продолжалась с большим напряжением.

Молодая листва помогала нам маскироваться. Наблюдавший за нашими отчаянными усилиями Коротченко также включился в стройку. Он работал рядом с нами по пояс в воде.

На расстоянии четырех километров на том берегу находилось село Вяжище. Там стоял батальон «СС». Его развед-

чики первые обнаружили нас и подняли тревогу. Батальон «СС» тотчас же выступил из села с танками и минометами и завязал ожесточенный бой с переброшенной на тот берег на лодках ротой Карпенко. Руднев разгадал намерения эсесовцев, отобрал группу конников, вручил им большое количество ракет и приказал:

— Пускайте ракеты через каждые три минуты.

Конники в точности выполнили приказ Руднева. Противник решил, что на этом участке сосредоточены большие силы партизан, и открыл по ним ожесточенный артиллерийский огонь.

На правом берегу реки стоял огромный дуб, поврежденный молнией, к дубу толстыми тросами был прикреплен конец моста. Стоило противнику снести это дерево, и вся наша работа была бы сведена на нет.

Фашисты три раза ходили в атаку на роту Карпенко, но каждый раз их отбрасывали назад. В этом неравном бою партизаны проявили неиссякаемую энергию, храбрость и волю к победе. Правда, первое время противнику удалось немного потеснить Карпенко. Но в самый разгар боя два немецких танка подорвались на минах, остальные танки остановились на значительном расстоянии, и их огонь не был столь прицельным. К рассвету, несмотря на колоссальные трудности, мост был готов.

В шесть часов утра партизаны начали переправлять на правый берег военное снаряжение.

Связанные проволокой бревна легко погружались в воду даже под сравнительно небольшой тяжестью. Особенно трудно было переправлять артиллерию. Пушки пришлось разобрать и переносить частями на руках. При этом мост опускался так глубоко, что течением сбивало людей. А на правом берегу, в направлении Вяжище, продолжался ожесточенный бой.

Демонстрация с ракетами только на недолгое время отвлекла внимание противника, но и это дало возможность нашим основным силам переправиться на правый берег реки.

Маневр с ракетами часто удавался Вершигоре, но порой он вносил в это излишнюю театральность. От пленных Вершигоре был известен способ обращения с разноцветными неприятельскими ракетами и их назначение. Вершигора несколько раз использовал это для введения врага в заблуждение, однако не всегда достигал желанной цели. Как-то немцы, догадавшись о маневре Вершигоры, сразу же после выстрела ракеты выслали к этому месту самолеты, которые

сбросили бомбы. Только случайно Вершигора избежал смерти, а помогавший ему тогда Тартаковский был ранен осколком авиабомбы.

Бой у моста принимал ожесточенный характер. Победа склонялась то в нашу сторону, то в сторону противника. Невозможно описать все переживания и чувства, которые владели нами во время этого боя.

Враг не знал о наших трудностях. Боеприпасы были у нас на исходе. В то время как часть бойцов спешно переправляла через мост военное снаряжение, другая часть с трудом отражала ожесточенные атаки наседавшего противника.

Борьба не на жизнь, а на смерть продолжалась. С ожесточенными боями соединение переправилось на правый берег Припяти. Отразив все атаки и стремясь оторваться от противника, мы быстрым маршем ушли в леса, взорвав с таким трудом возведенный мост. Воды Припяти унесли его обломки.

За два дня переправы фашисты потеряли десять танков и четыреста человек убитыми.

Но, совершив переправу, мы не оставили гитлеровцев в покое.

Ковпак составил план захвата села Вяжище. С левого фланга, с восточной стороны, на село должен был наступать второй батальон под командованием Кульбаки, а с правого — третья и шестая роты, под командованием Карпенко и Дегтева. Девятая же рота, под моим командованием, должна была ударить в лоб. Артиллерии Анисимова Ковпак приказал огнем поддержать наступающих бойцов.

Задача была ясная. Командиры приступили к выполнению.

— Ложись! — приказал я. — Ползком, не поднимая головы, за мной! — и я указал рукой на Вяжище. — Без моего приказа не стрелять.

Под свист вражеских пуль ползем по-пластунски. Я вижу и слышу, как вокруг меня шлепаются пули.

— Головы ниже, головы ниже! — то и дело кричу я бойцам.

Мы приблизились к противнику на расстояние каких-нибудь тридцати метров. Лежим, распластавшись, на земле, головы прижаты к стволам деревьев. Нервничают партизаны, ждут сигнала к атаке. Политрук Рагуля на мгновение высунул голову из-за ствола дерева, и в тот же миг его изрешети-

ла вражеская автоматная очередь. Когда я увидел это, у меня перехватило дыхание. Словно пуля, поразившая Рагулю, пронзила и мое сердце. Я вскочил и закричал во весь голос: «Рота за мной!»

«Ура-а-а!..» — закричали партизаны и бросились на врага.

Завязался рукопашный бой. Противник дрогнул и побежал...

В бою за Вяжище мы нанесли фашистам большой урон. Лес был усеян трупами вражеских солдат, однако и мы понесли значительные потери. У меня в роте были убиты шесть замечательных бойцов, среди них несравненный пулеметчик Приходько. В этом же бою погиб помощник командира отделения Кокорев.

В самый разгар боя пулеметчик Зинченко поднял свой пулемет на дерево и стал оттуда косить находившихся на возвышенности гитлеровцев. Уже в последние минуты боя вражеская пуля сбила Зинченко с дерева.

Смерть Рагули была для меня самым тяжелым ударом. Прекрасный товарищ, он своим благородством и душевной чистотой завоевал наши сердца.

Перед боем я просил Рагулю остаться с ранеными, но на мое предложение он ответил с присущей ему твердостью: «Нет, Давид, я должен быть с вами, может быть, пригожусь вам в трудную минуту. И я брошу в врага хоть один камень».

И вот он пошел с нами в этот последний для него бой. Он любил всегда одеваться, как на парад. Это тоже сыграло немалую роль в его гибели. Видно, враг принял его за командира отряда и постарался вывести из строя.

Мы похоронили Рагулю вместе с другими погибшими товарищами на окраине села. Каждый раз, когда погибали наши храбрейшие товарищи, мы над их могилами повторяли нашу партизанскую клятву. Вот ее текст:

«Я, гражданин великого Советского Союза, вступая в ряды партизанского отряда, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей земле не будет уничтожен.

Я обязуюсь беспрекословно выполнять приказы своих командиров и начальников, строго соблюдать воинскую дисциплину.

За сожженные города и села, за смерть женщин и детей наших, за пытки, насилие и издевательство над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неуклонно.

Кровь за кровь! Смерть за смерть!

Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии уничтожать бешеных гитлеровских псов, не щадя своей крови и своей жизни.

. Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам свою землю и весь советский народ в рабство кровавому фашизму.

Если же по своей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту свою присягу и предам интересы народа, пусть умру я позорной смертью от руки своих товарищей».

XVIII

Во время боя у села Вяжище нам достались многочисленные трофеи. Моя рота захватила четыре станковых и три ручных пулемета, два полковых миномета, одну пушку, тридцать пять тысяч патронов и другое военное снаряжение.

Как это было везде, так и здесь население встретило нас с большой радостью. Нам были переданы нетронутыми продуктовые склады врага.

Из пятнадцати автомашин, оставленных фашистами, шесть оказались в полной исправности. Мы заправили эти машины и бросились преследовать противника. Через полчаса мы настигли группу фашистов и уничтожили ее в коротком бою.

В бою под Вяжище мы не оставляли в живых ни одного из сопротивлявшихся врагов.

Вдруг штаб потребовал «языка». С трудом отыскали мы одного раненого фашиста и отправили его в штаб. Если бы нам не удалось отыскать живого гитлеровца, то мы попали бы в очень затруднительное положение и не избежали бы строгого взыскания.

Первым из командиров, кого я увидел после взятия Вяжище, был Руднев.

Комиссар улыбался, и эта улыбка еще более красила его привлекательное лицо.

— Почему ты печален, Давид? — спросил меня Руднев. — Ведь мы одержали победу.

— Семен Васильевич, ведь у нас нет больше Рагули, — еле выговорил я, сдерживая слезы.

— Мужайся, Давид, — сказал Руднев, — я тебя знаю как сильного человека, тебе совсем не к лицу слезы. Рагуля был герой, и он геройски пал на поле брани.

Только отошел от меня Руднев, как я увидел Вершигору.

— Давид, — еще издали закричал Петро, — у тебя, верно, найдется, чем согреться. Невозможно, чтобы начальник гарнизона не оставил себе ничего согревающего.

— Вот, — указал я ему рукой на груду трофейных фляжек. — Может быть, найдешь что-нибудь по душе.

Вершигора поднял одну флягу, наполненную какой-то темной жидкостью, и поднес к губам.

— Тьфу! — сплюнул он и бросил фляжку. Оказалось, что в фляжке вместо ликера был остывший черный кофе. Мы перепробовали все и в конце концов в одном из брошенных немцами складов обнаружили «согревающие капли», которые у нашего начхоза Павловского, человека очень прижимистого, так запросто получить было невозможно.

Горючие слезы лил Павловский, когда Ковпак приказывал ему в морозную погоду выдать продрогшим бойцам по двести граммов водки.

— Не много ли будет, Сидор Артемьевич, ведь выходит по чайному стакану? — переспрашивал он Ковпака.

— Выдавай! — повторял приказ Ковпак.

И Павловский с большой неохотой отпускал бойцам указанную порцию.

В тот период мы испытывали большие трудности с продовольствием. Захваченные в Вяжище продуктовые склады оказались как нельзя более кстати.

На складах мы обнаружили также большую партию обмундирования. Я одел всех бойцов своей роты в темно-зеленые шинели. При виде их Руднев сказал серьезным тоном: «Поскорее прикрепите к шапкам красные звезды, не то население примет вас за немцев».

После короткого привала мы выступили из села Вяжище. Иду я вперед, а у самого сердце рвется назад, ноги останавливаются. Ведь здесь, в сырой земле, мы оставляем наших дорогих друзей, смелых воинов, самоотверженных патриотов. Летопись Великой Отечественной войны навеки сохранит их имена, их славные дела. Когда зацветут красным пламенем полевые цветы, они напомнят будущему поколению о пролитой здесь чистой крови героев, они напомнят имена павших здесь смертью храбрых.

Ухожу. Оставляю дорогие могилы. В последний раз преклоняю колени перед горкой желтой земли.

— Прощайте навеки, братья!

* * *

Мы изменили маршрут. Проходим по знакомым местам, где год назад вели тяжелые бои. Народ восторженно встречает нас. «Нам кажется, что это сон, — говорили жители села Мухоеды. — Ведь немцы нас все время убеждали, что они полностью уничтожили соединение Ковпака, ни одного человека не оставили в живых».

Целый день провели мы в лесу неподалеку от Овруч-Словечная. Ночью мы должны были пересечь железную дорогу Овруч — Мозырь и достичь села Усики Лельчицкого района.

Мы подошли к железной дороге Овруч — Мозырь, которую немцы усиленно охраняли. Вдоль железнодорожного полотна они возвели железобетонные укрепления.

Необходимо было провести большую предварительную подготовку, чтобы партизанское соединение могло перейти железнодорожное полотно. Я со своей ротой засел в укрытии на восточной стороне, против меня укрепилась рота Кульбаки. Наша артиллерия, пехота и кавалерия растянулись не менее чем на четыре километра. Для перехода всей колонной железной дороги требовалось по крайней мере два-три часа. Немецкая охрана легко могла обнаружить нас. Разумеется, одними своими силами охрана не решится вступить с нами в бой, но по телефону или с помощью ракет вызовет из ближайших пунктов подкрепление. Мы заранее учли это обстоятельство.

У меня было все предусмотрено. Моя рота находилась в хорошо замаскированном укрытии, на расстоянии одного километра от места перехода. Я выслал разведчиков, которые хорошо все обследовали. После этого я сообщил командованию, что путь свободен и можно начать переход полотна.

Все соединение беспрепятственно перешло железную дорогу и углубилось в лес. Мои разведчики ракетой возвестили меня о благополучном завершении операции. Я снял роту и поспешил за главными силами.

На пути мы не встретили немцев. Видно, они пополняли свои потрепанные части. А мы за это время сделали большой бросок и оторвались от противника.

Нашей радости и удивлению не было предела, когда недалеко от села Гута Стирино наши бойцы встретили партизанское соединение Сабурова.

Вот как произошла встреча с Сабуровым.

Вблизи села Мухоеды наши разведчики шли гуськом по тропинке; их заметила разведка Сабурова и устроила засаду

Когда ковпаковцы приблизились к укрытию, сабуровские разведчики узнали их и закричали:

— Привет ковпаковцам!

Наши насторожились и схватились за автоматы.

— Свои, не стреляйте! — закричали сабуровцы, со смехом выскакивая из укрытия. Ковпаковцы тоже узнали сабуровцев, бойцы по-партизански приветствовали друг друга. Из рук в руки переходили кисеты, наполненные махоркой.

Соединение Сабурова стояло лагерем в селе Милашевичи Лельчицкого района, в Полесье. В декабре прошлого года наше соединение тоже отдыхало в селах Милашевичи и Глушкевичи. Отсюда мы провели операцию по взрыву железнодорожных мостов Сарнского узла.

Бойцы обоих соединений разыскивали друзей и знакомых. Они радовались, что, пройдя суровые испытания, снова встретились живыми и невредимыми.

Не меньше, чем встреча с сабуровцами, нас обрадовало появление девушек из Милашевичей, которые спели нам песню, сложенную партизанами. Текст этой песни написал один путивльский партизан. Белорусские девушки слышали эту песню от нас в декабре прошлого года.

Вот слова этой песни:

«Как хлопцы шагали
И в дождь, и в пургу,
На страх и на лютую
Гибель врагу,
Как били его
Богатырской рукой
За древним Путивлем,
За Сеймом-рекой...»

Наши старые друзья из Глушкевичей, пришедшие навестить нас, рассказывали:

— После вашего ухода фашисты сожгли село, разорили дома... Нам пришлось укрываться в лесу. Часть крестьян оккупанты загнали в церковь, заперли, облили здание бензином и подожгли. Люди погибли в страшных мучениях. У фашистских палачей на поясных бляхах был изображен крест с надписью «С нами бог».

Мы недолго оставались в этих местах. Ковпак вскоре получил из штаба партизанского движения приказ о выступлении в новый рейд.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

В распоряжении Сабурова был отличный аэродром. Самолеты непрерывно доставляли с «Большой Земли» военное снаряжение, боеприпасы и литературу для обоих соединений. Из Москвы своевременно доставляли нам все необходимое. Москва знала, в чем мы нуждаемся, что может нам понадобиться. Сознание этого воодушевляло нас.

Однажды вечером к нам прилетел начальник Украинского штаба партизанского движения генерал-майор Тимофей Амвросьевич Строкач. Он прибыл с особым заданием Центрального Комитета Коммунистической партии Украины, которое Демьян Сергеевич Коротченко и Строкач сообщили только Ковпаку, Рудневу и Базиме. Затем состоялся митинг, на котором с речью выступил Коротченко.

Из выступлений руководящих товарищей было ясно, что готовится новый рейд, однако ничего не было сказано о его направлении.

После митинга было созвано партийное собрание. Коммунисты соединения говорили о своих задачах в связи с предстоящим рейдом.

Т. А. Строкач привез с собой правительственные награды и вручил их партизанам. Все бойцы, начавшие поход из Спадщанского леса, получили ордена и медали.

Жители села Глушкевичи и Милашевичи перед нашим выступлением устроили торжественный прощальный митинг, на который собралось все население. Митинг прошел с боль-

шим подъемом, в праздничной обстановке. Крестьяне выступали с горячими приветственными речами.

«Враг нас разорил, сжег наши дома, но мы клянемся, что он нас не сломит, — торжественно уверяли патриоты. — Если будет нужно, мы тоже возьмемся за оружие».

В ответных речах партизаны благодарили население за поддержку и со своей стороны обещали сражаться до тех пор, пока на Советской земле не будет уничтожен последний оккупант.

Агитаторы, выделенные нашей партийной организацией, ходили в села с журналами и газетами, читали их населению. Крестьяне затаив дыхание выслушивали сообщения Совинформбюро. Народ от души радовался победам любимой Советской Армии.

Как только агитатор заканчивал беседу, слушатели забрасывали вопросами.

— А то как они думали! — сказал мне как-то восьмидесятилетний крестьянин. — Никогда не смогут они захватить Москву, не смогут покорить нашу Родину. Возьмем, к примеру, ваш отряд. Сколько раз говорили фашисты: «Мы уничтожили Ковпака вместе с его отрядом». Ну, а на самом деле, что мы видим? А тем более весь Советский Союз. Это ж такая сила. Куда гитлеровцам с ней справиться!

Желая устрашить население, оккупанты возили по селам на санях замерзшие трупы и говорили: «Ну, смотрите, любуйтесь, мы уничтожили ковпаковцев. Ни одного человека из отряда Ковпака не осталось в живых». В действительности же на санях лежали тела убитых фашистами безоружных крестьян.

Терпя поражения в боях с партизанами, фашисты часто вымещали свою злость на беззащитном населении.

Разъяренные оккупанты врывались в села, сгоняли жителей на площадь и орали:

— Где находятся партизаны?

— Не знаем...

— Как не знаете? Вы сами их укрываете и не знаете?

— Когда мы их укрывали? Какие у нас могут быть дела с партизанами?

— Враньe! Вы доставляете им пищу, угощаете жирным мясом, у вас они ночуют, и вы не знаете, где они находятся?

— Не видели мы никогда партизан, — не сдавались крестьяне.

— Вот поставим вас к стенке, тогда небось, скажете правду. Нам некогда с вами возиться, не скажете, так мы силой заставим вас говорить! — кричали фашисты.

Перед кровавыми палачами стояли дряхлые старики и беспомощные женщины.

На всех перекрестках дорог торчали виселицы.

Мы хорошо знали, какие последствия может иметь наша связь с населением, и потому, когда нужно было, соблюдали большую осторожность и конспирацию в отношениях с жителями, старались, чтобы каждое наше посещение оставалось в тайне. Но фашисты использовали продажных шпионов, которые вели за нами постоянную слежку. Крестьяне знали предателей и держались с ними настороже. Мы, партизаны, беспощадно уничтожали предателей, сурово наказывая изменников Родины.

Соединения Ковпака и Сабурова довольно долго пробыли вместе. Противник за это время неоднократно завязывал с нами бой, но каждый раз получал достойный отпор.

Демьян Сергеевич Коротченко очень подружился с партизанами нашего соединения. По вечерам, в минуты досуга, он всегда находился у костра среди бойцов, слушая их рассказы о прошедших боях. Часто бывало, что партизаны останавливали товарища, рассказывавшего какую-нибудь интересную историю, словами: «Обожди, скоро подойдет Демьян Сергеевич, пусть он тоже послушает».

Коротченко и Строкач тепло распрощались с ковпаковцами перед нашим выступлением в поход. Они остались в соединении Сабурова.

С большими предосторожностями повели нас наши командиры в новый рейд.

Перед выступлением мы отправили на «Большую Землю» последнюю партию раненых.

В Москву с самолетом полетел и Алексей Ильич Корнев — «Дед-мороз». Годы взяли свое. Он сильно простудился во время постройки моста через Припять, и у него обострился ревматизм. «Дед-мороз» совершенно не мог двигаться.

Когда артиллеристы на носилках принесли Алексея Ильича на аэродром, старик прослезился. Ему было тяжело расставаться с боевыми товарищами.

— Ну, разве время теперь болеть, разве время уезжать! Как только поправлюсь, тотчас прилечу к вам.

Партизаны, как могли, утешали старика. «Мы все, Алексей Ильич, заинтересованы, чтобы вы скорее поправились. В Москве вас быстро вылечат, и вы вернетесь к нам».

Самолет поднялся под возгласы «ура» и скрылся в облаках.

II

12 июня 1943 года партизанское соединение Ковпака выступило в Карпатский рейд.

Открывалась новая страница нашей боевой истории.

Ведение партизанской войны в горах представляло большие трудности, особенно для такого крупного соединения, как наше. Еще не была выработана тактика партизанской борьбы в горах, не было у нас такого боевого опыта. Неприступные вершины, узкие тропы на почти отвесных склонах сильно ограничивали маневренность. В горах соединение было лишено возможности сохранить свой обоз.

Задача рейда заключалась в том, чтобы скрытно достичь Карпат и нанести врагу внезапный удар.

Из практики проведенных боев мы знали, что наши оперативные намерения в большинстве случаев оставались неразгаданными врагом благодаря тому, что днем мы скрывались в лесах, а ночью в полном боевом порядке двигались вперед и совершали диверсии. Эта испытанная тактика оказалась вполне целесообразной и в новом рейде.

Нам предстояло пройти Станиславскую, Львовскую, Тернопольскую и другие области, строго соблюдая все законы партизанской войны.

Чтобы враг не обнаружил движения наших главных сил, мы прибегали еще к такому маневру: вперед на большое расстояние посылалась артиллерийская группа, которая двигалась с большим грохотом, а в это самое время соединение скрытно, без всякого шума, переходило на новое место.

В пути с большим успехом действовали разведчики Бережного. Командование соединения всегда было в курсе того, где и в каком количестве находятся силы противника. Если враг численно превосходил нас и нам по тактическим соображениям невыгодно было вступать в бой, то мы обходили его стороной.

До этого нам не раз приходилось вступать в бой с противником, превосходившим нас в несколько раз, и наносить ему сокрушительные удары, однако тогда эти схватки имели свой смысл и свою цель. В настоящее же время задача заключалась в том, чтобы, сохранив всю мощь соединения, достичь Карпат и там уже развернуть боевые действия.

Если на пути попадался небольшой отряд противника, мы беспощадно истребляли его. Такие операции мы обычно проводили без потерь со своей стороны.

Стоило нам появиться на земле, находившейся в когтях врага, как население с надеждой смотрело на свое будущее.

При вступлении в населенные пункты Руднев тотчас же разворачивал наш гибкий пропагандистский аппарат. Он распространял сводки Совинформбюро, связывался с подпольными партийными и комсомольскими организациями.

Когда части Советской Армии вынуждены были отойти, местные партийные и комсомольские организации вместе с политорганами Советской Армии оставляли руководящих товарищей на местах с особыми заданиями. Рудневу почти всегда удавалось разыскать их и установить с ними связь.

Все же, несмотря на все предосторожности, для врага не осталось незамеченным выступление нашего соединения.

Противнику представился удобный случай напасть на оставшееся соединение Сабурова.

Как мы потом узнали, соединение Сабурова было окружено.

Однако сабуровцы с боями вышли из окружения, нанеся противнику большие потери. Коротченко и Строкач принимали участие в прорыве.

Наш новый рейд значительно отличался от предыдущих. В нем мы с особенной остротой ощутили сложность партизанской войны. Комиссар Руднев говорил: «Мы вступаем в новую фазу войны, мы начинаем смертельный бой в местах, где очень трудно вести военные операции. Впереди нас ждет множество преград и испытаний».

III

Перед нами лежала Олевско-Сарнская железная дорога. Вершигора, который в это время только что вернулся из Москвы, во все концы разослал разведчиков с заданием тщательно обследовать этот район. Выяснилось, что подходы к железнодорожному полотну заминированы и опутаны колючей проволокой.

Но солдат для охраны этого участка железной дороги гитлеровцы выставляли мало. Они не могли себе представить, что здесь могут появиться партизаны. Мы разминировали подходы к железнодорожному полотну, разрезали проволочные заграждения, и соединение начало переходить железную дорогу. Я получил приказ занять позицию вправо от места перехода на тот случай, если враг нападет на соединение.

Такое же задание получила рота Горланова. Она должна была устроить заслон слева, в направлении Олевска. Я надежно укрыл свою роту в указанном месте. Вскоре появилась немецкая часть. Завязался бой. Моей роте был придан

искусный минер Демидов. Он со свойственной ему смелостью начал минировать железнодорожное полотно. И тут его сразила вражеская пуля. Мы потеряли хорошего, преданного друга, беззаветно храброго патриота. Тело покойного, согласно партизанскому обычаю, мы взяли с собой. Мощным ударом мы рассеяли противника.

Соединение в полном боевом порядке пересекло железную дорогу. Мы с Горлановым, выполнив свою задачу, присоединились к главным силам. К утру достигли села Глушково. Здесь пробыли весь день, похоронили Федю Демидова.

В дальнейшем продвижение осложнилось. Враг преследовал нас и навязывал бои. На наши контратаки он отвечал сильным сопротивлением. Ночью мы вступили в лес.

Шли бесконечные дожди, грязь — по колено.

Молча, бесшумно движется вперед партизанское соединение. Время от времени ночную тишину нарушает фырканье лошадей. Вот мы подошли к перекрестку лесных дорог. Внезапно со всех сторон появились огненные вспышки, раздалась стрельба. Стычка была короткой, враг был рассеян.

Я хочу указать на опасность лесного боя, особенно ночью. В таких условиях очень легко можно вместо противника вступить в бой со своими. Поэтому мы избегали рассредоточиваться, мы всегда старались держаться как можно ближе друг к другу. Так бойцы лучше ориентируются в расположении противника и ведут более прицельный и сокрушительный огонь.

Лесные бои в тот период походили на короткую летнюю грозу, когда внезапно ясное небо затягивается черными тучами, сверкает молния, гремит гром, затем с неба обрушивается могучий ливень. И так же внезапно, как после грозы, все сразу успокаивается и снова наступает тишина и спокойствие.

Действительно, стоило нам рассеять врага, как прекращался гром и наступала тишина.

Пожалуй, не меньше, чем скоротечные стычки с врагами, нас изводили бесконечные дожди. В дождливую погоду гораздо легче передвигаться в поле или в степи, чем в лесу. Стоило слегка задеть дерево, как с него, словно из ведра, обрушивались на нас потоки воды.

IV

Вскоре я получил приказ Ковпака о наведении моста через реку Горынь, не очень широкую, но зато глубокую и

быструю горную реку. Противник взорвал на ней много мостов, а уцелевшие охранялись усиленными отрядами стражи.

Я приступил к делу. После того как мы снесли к реке строительный материал и начали работу, оккупанты открыли с противоположной стороны сильный огонь. Мы дали врагу достойный отпор, построили мост и переправили партизан на другой берег.

Соединение в полном боевом порядке продолжало движение на запад.

На рассвете двадцать седьмого июня мы снова вступили в лес. Вдруг, совершенно неожиданно, кто-то обстрелял наше выдвинувшееся вперед подразделение. Мы приготовились принять бой. Однако вскоре выяснилось, что произошло недоразумение: мы наткнулись на партизанский диверсионный отряд Медведева. Это был отряд прославленных смельчаков, о чьих беспримерных подвигах Герой Советского Союза полковник Медведев после войны написал широко известные нашему народу книги «Это было под Ровно» и «Сильные духом».

— Мы никак не могли себе представить, что вы находитесь здесь, — сказал нам Медведев. — Мы ждали нападения фашистов и приняли вас за противника. К счастью, все обошлось благополучно, без жертв.

Отряд Медведева насчитывал свыше двухсот человек. Часть отряда состояла из бойцов, сброшенных в тыл врага на парашютах, часть составляли местные жители. Мы встретились с медведевцами, когда они отдыхали в лесу, ожидая взрывчатку с «Большой Земли».

Медведев сообщил нам очень важные разведданные. Он как свои пять пальцев знал всю эту местность, население, расположение противника, его численность, слабые и сильные стороны. Это было очень кстати, так как наш отряд все время находился на марше и нам сейчас было трудно вести тщательную разведку.

Мы двинулись дальше.

Медведев остался в своем районе.

Шли мы спокойно, неприятеля нигде не было видно. После большого перехода мы вступили в село Германка, расположенное на расстоянии пяти километров от железной дороги. Командование всячески избегало вступать в бой с противником, сохраняя силы для Карпат.

— Не годятся, пожалуй, столь длительная тишина и бездействие, — сказал наконец Ковпак. — Уже пора устро-

ить фашистам хорошую трепку. Пусть думают, что это местные партизаны их бьют.

Вскоре представился подходящий случай. Разведчики донесли, что на Киево-Львовской железной дороге наблюдается усиленное движение эшелонов с воинскими грузами; поезд за поездом следовал в сторону фронта. Охрана этой линии была слабой. Наступил праздник для Матющенко— он в нашем соединении стяжал себе славу непревзойденного диверсанта.

Ковпак вызвал Матющенко:

— Готовься, тебе сегодня ночью придется поработать.

Матющенко быстро собрался и повел батальон на выполнение задания.

Мы, оставшиеся в селе, не находили себе места от нетерпения. Затаив дыхание ждали результатов работы Матющенко.

Полночь. Далеко, очень далеко раздается глухой шум: идет поезд. Гул постепенно нарастает, становится отчетливее.

Вот загудел паровоз. Это машинист предупреждает тормозную прислугу о приближении к уклону.

Вдруг сильный взрыв потряс небо и землю.

Затем наступила тишина.

Над железнодорожным полотном небо стало ярко-красным. После небольшой паузы до нас стала доноситься глухая пулеметная и автоматная стрельба, разрывы ручных гранат.

— Молодчина Матющенко, так их! — восклицает Дед, хлопая плетью по голенищу.

Матющенко действительно хорошо поработал в ту ночь: ему удалось взорвать три неприятельских эшелона, из которых два были гружены танками и один — пушками.

Соединение двинулось дальше. На рассвете мы вошли в густой дубовый лес. Там стояла приятная прохлада. Мы провели в этом лесу двое суток.

Уже совсем близко бывшая австрийская граница.

Медведев прослышал о нашей удачной диверсии на железной дороге и навестил нас.

— Не думаю, чтобы фашисты оставили безнаказанным уничтожение эшелонов, — говорил нам Медведев. — Вы должны теперь быть наготове и продвигаться с большой осторожностью. Такую армию, как ваша, очень трудно скрыть. Вот я могу свою горстку партизан спрятать от немцев хоть в поле среди подсолнухов.

Вскоре наша разведка подтвердила предположение Медведева: немцы стали готовиться к походу против нас. Мы же вовсе не хотели сейчас вступать в бой. Мы торопимся, обходим шоссе и двигаемся тропинками. Немецкая часть все же настигла нас. Пришлось принять бой.

Дорого обошлась фашистам эта схватка. Они оставили на поле боя восемь автомашин, много убитых. Большое количество фашистов мы захватили в плен и, что самое главное, не имели потерь в этом бою.

Противник не на шутку всполошился. Оккупанты сперва думали, что наш отряд малочислен и что они легко с нами справятся. Когда же они собственными глазами увидели хорошо обученное и отлично вооруженное воинское соединение, то сами уже не стремились вступать с нами в бой.

Пленные рассказывали, что командиры немецких гарнизонов отдали приказ вести только оборонительные бои. «Наш штаб принял такое решение, — показывал один пленный,— по той причине, что соединение Ковпака состоит из хорошо обученных регулярных воинских частей».

Немцам уже была хорошо знакома фамилия командира нашего соединения.

V

Вошли в село Кочановка. По обеим сторонам длинной улицы выстроились красивые белые домики. Молча, настороженно смотрят на нас крестьяне.

Как только население узнало, что мы партизаны, моментально вся улица заполнилась людьми.

Здесь нам рассказали, что в ближайшем городе, Скалате, находится сильный немецкий гарнизон.

Ковпак послал в Скалат разведчиков. По возвращении они доложили, что в городе расположены значительные силы противника. Немцам уже известно о нашем пребывании в Кочановке. В лагере противника ведутся большие приготовления. Гарнизон Скалата, по-видимому, готовится выступить против нас.

Вскоре разведка донесла, что большой отряд противника уже выступил из города и движется в нашу сторону.

Как раз в это время к нашим основным силам присоединился Матющенко со своим батальоном, отставшим при проведении описанной выше диверсии.

Соединение перешло лес и заняло оборону. Вражеская часть подошла к самому лесу, первая волна стала разворачиваться.

— Огонь по захватчикам! — приказал Ковпак.

Оружие всех родов загрохотало одновременно. Фашистские цепи остановились, и противник повернул вспять. Немцы поняли, что просчитались, но было уже поздно. Мы их преследовали до полного истребления. Взяли только несколько «языков».

Воспользовавшись разгромом скалатского гарнизона, мы двинулись к городу. Первым ворвались в него кавалеристы Ленкина, за ними — пехота и артиллерия.

Скалат — небольшой город. Чистые и ровные улицы утопают в зелени. Население встречает нас приветливо.

— Как у вас с питанием? — спрашивали мы местных жителей.

— Все хорошее у нас отбиралось, немецкие склады забиты нашим добром.

— А вам известно, где эти склады расположены?

— Конечно, известно. Хотите — покажем.

Жители повели нас к немецким складам.

— Вот здесь сложена кожа и мануфактура, а вон там хранятся продукты.

Мы роздали местному населению продовольствие и промтовары и поспешили оставить город. Ведь не так уже далеко от Скалата находится Львов, враг мог оттуда за пять-шесть часов подбросить на машинах войска, а их во Львове, по нашим сведениям, немало.

Мы покинули Скалат и укрылись в лесу. После короткого отдыха выступили, выслав вперед разведчиков.

В нашем соединении были замечательные разведчики и среди них не последним был Ясон Жоржолиани. Он пробирался в самые неприступные места и доставлял важные сведения.

Информация Жоржолиани всегда была точная. Он, словно игла, проскальзывал в расположение немецких гарнизонов, и ничего не упускали его зоркие, пытливые глаза.

— Ясон, ты не боишься, что фашисты сдерут с тебя шкуру? Уж больно частым гостем стал ты у них, — говорю я как-то шутя Жоржолиани.

— Дело обстоит не так уж плохо, — отвечает он мне.— Если бы еще я знал немецкий язык, то тогда показал бы вам настоящие чудеса.

— Неужели ты стал бы с ними беседовать?

— А как же! Вчера вечером я был в селе, захваченном фашистами. Расхаживаю себе спокойно по улицам да еще семечки пощелкиваю. Вдруг вижу, перед одним домом на улице стоят гитлеровцы и о чем-то разговаривают, а сами поглядывают в мою сторону. Стал я к ним приближаться, они заговорили совсем шепотом. А я делаю вид, что вовсе не замечаю их, иду себе своей дорогой. Фашисты успокоились и снова заговорили громко, а я свернул на другую улицу и спрятался среди подсолнухов, а ночью выбрался из села и благополучно пришел в условленное место. В таких случаях достаточно обернуться или слегка повернуть шею, и можешь навлечь на себя подозрение. Главное—это смелость и умение,— продолжал Ясон. — Опыт меня убедил: чем ближе разведчик подойдет к врагу, тем лучше. Скажем, я получил задание разведать город, в котором стоит неприятель. Если я стану ходить вокруг да около и прятаться, то непременно попадусь. Гораздо лучше смело войти в город — так меньше навлечешь на себя подозрений. Я всегда прячу свой автомат в ближайшем лесу, а при себе оставляю только несколько ручных гранат, а в голенище сапога прячу компас. В непосредственной близости с врагом опасность всегда бывает наименьшей.

* * *

Соединение двигается спокойно, неприятеля не видно. Несмотря на это, мы соблюдаем боевой порядок, продвигаемся с большой осторожностью.

На пути встречаем чешские селения, жителям которых уже было известно, что одна часть Советской Армии идет на запад и по дороге уничтожает в городах и селах немецкие гарнизоны. Когда мы вступили в одно из чешских сел, население встретило нас восторженно.

Был устроен митинг, на котором с речами выступили крестьяне.

— Ваш поход радостен для нас во всех отношениях, — говорил оратор-чех. — Ваша победа — это наша победа. Немцы нам все время твердили, что Советская Армия разгромлена и больше не существует, сегодня же мы видим вас собственными глазами. Дружеская Советская Армия здравствует и наносит врагу смертельные удары. Поэтому мы верим, что победим.

Крестьяне принесли нам много одежды, белья и обуви.

— Примите от нас этот скромный дар,—сказали они Ковпаку, — передайте его вашим бойцам и попросите их от на-

шего имени с еще большей энергией и самоотверженностью бороться с фашистами.

Выступивший с ответной речью Ковпак поблагодарил чешское население за радушную встречу и подарки. Он рассказал собравшимся об освободительной миссии Советской Армии.

Руднев раздавал населению листовки и газеты, вел с жителями беседы и пламенным правдивым большевистским словом утверждал в их сердцах веру в близкую победу.

VI

Так продвигались мы вперед, избегая асфальтированных дорог, по которым непрерывно двигались вражеские автомашины. Мы шли по проселочным дорогам и лесным тропам.

Неприятель получал сведения: «Видали партизан Ковпака в таком-то месте, в такое-то время». Основываясь на них, враг собирал силы и бросался за нами. Но пока он достигал места, где мы должны были, по его расчетам, находиться, мы успевали сделать бросок в несколько десятков километров.

Форсировав небольшую быструю реку Сбруч, по которой некогда проходила государственная граница между Австро-Венгрией и Россией, мы расположились в лесу вблизи села Звинеч. Здесь нас бомбили два вражеских самолета.

Во время бомбежки погибло несколько партизан. Проклятые стервятники не давали нам покоя: мы боялись зажигать огонь, не могли испечь хлеб, сварить пищу.

Вскоре к этим самолетам прибавились другие. Они прилетали обычно рано утром.

Как только до слуха бойцов доносился рев вражеских самолетов, они хватались за оружие, но Ковпак не разрешал стрелять: выстрел мог выдать местонахождение лагеря. Нужна была большая выдержка и осторожность. Фашистские стервятники подолгу кружились над лесом, затем внезапно исчезали и так же внезапно появлялись снова.

Двенадцатого июля мы подошли к Днестру и приготовились к очистке его берегов от противника. Немцы сильно укрепили все переправы через реку. Нам предстояло нелегкое дело. Но бой с неприятелем был неизбежен: переход через Днестр решал вопрос о захвате Биткувских нефтяных промыслов. В это время разведчики сообщили, что во Львове царит смятение, что немцы привели в боевую готовность все свои гарнизоны на нашем пути, что фашистское командование за-

держало эшелоны с горнострелковыми полками, следовавшими из Норвегии на Восточный фронт, и намеревается бросить эти полки против нас.

Командование нашего соединения выделило три роты: командирам их — Карпенко, Горланову и Ленкину — было приказано внезапным ударом овладеть мостом через Днестр. Этим маневром Ковпак и Руднев стремились прорваться на южный берег Днестра, оставив гитлеровские части на северном.

Мост этот был оцеплен несколькими рядами колючей проволоки, защищен железобетонными укреплениями. Горланов и Карпенко обнаружили на реке лодки, воспользовались этим и темной ночью переправили на лодках часть бойцов на противоположный берег. Затем, по сигналу, они с двух сторон одновременно ударили по врагу.

После получасового ожесточенного боя охрана моста была уничтожена. Этим боем непосредственно руководил Руднев. С нашей стороны был убит один партизан и ранен брат комиссара — Костя Руднев.

Связные немедленно сообщили об освобождении моста главным силам соединения, которые находились на расстоянии пяти километров. Как только мы получили это известие, началась срочная переправа. Мы боялись, как бы враг не помешал нам. На рассвете все соединение перешло на другой берег Днестра. После этого группа наших подрывников под командованием командира второго батальона Кульбаки уничтожила мост.

Совсем рассвело. Первые лучи солнца посеребрили волны реки. Еще не были убраны вражеские трупы. Вдруг на ровном, словно стрела, широком львовском шоссе показалась легковая машина. Наводим на автомобиль бинокли: в нем шофер, офицер и какая-то женщина. Партизаны тотчас же попрятались в вырытых около моста траншеях и затаив дыхание ждали приближения машины.

Вот она подошла совсем близко, замедлила ход и остановилась в полукилометре от нас. Похоже было, что она собирается повернуть назад. В это время раздались выстрелы. Машина осела. Мы подбежали к ней. Шофер и сидевший в машине офицер были убиты, в живых осталась только женщина. Она страшно волновалась и дрожала. Мы, как могли, успокоили ее и стали допрашивать.

— Кто вы такая?

Женщина бросила в машину свою сумочку, машинально поправила берет:

— Я его жена, — сказала она на ломаном русском языке и протянула дрожащую руку в сторону убитого офицера.

— Откуда едете, куда направляетесь?

— Мы ехали из Львова в Станислав.

— Что происходит во Львове?

— О-о-о, не спрашивайте об этом. Там паника. На Львов движется двадцатитысячная армия Ковпака, говорят, что она уже совсем близко. С эшелонов сняли едущие на фронт регулярные части, подняли на ноги городской гарнизон, сейчас во Львове ведутся усиленные военные приготовления.

— Какое в городе настроение, что говорят жители?

— Немцы расстроены, местное же население, я полагаю, радуется.

— Что же огорчает немцев? — спрашиваем мы ее иронически.

— Безнадежность, обреченность.

— Безнадежность?

— Да, да, — соглашается с нами уже оправившаяся фрау.

— А как во Львове с продуктами питания? — снова задаем мы ей вопрос.

— У наших все есть, местное же население, кажется, голодает.

— Вы говорите, во Львове паника. Но все же, в чем она выражается?

— Это заметно по всему. Например, вчера вечером город был объявлен на осадном положении, запрещено даже употребление спиртных напитков.

Женщина подтвердила все, о чем нам раньше сообщали разведчики.

— Зачем вы ехали в Станислав?

— У моего мужа было особое задание от начальства.

— Вам, может быть, известно, какого характера было это задание?

— Я не могу сказать ничего определенного, знаю лишь одно — в Станиславе царит такая же паника, как и во Львове.

— Почему вы начали поворачивать машину? Подъехали бы к нам поближе, может быть, обошлось без жертв.

— Ах, во всем виноват шофер. Вилли приказал ему ехать, не останавливаясь, но шофер не послушался и стал поворачивать.

О настроении гитлеровских солдат и офицеров немка сказала правду. Среди них становилось все больше и больше людей, которые, попав в плен, утверждали:

— Я не хочу воевать против вас. Если бы меня отпустили, я с большой радостью отправился бы к себе домой.

Соединение двинулось дальше. Пройдя некоторое расстояние, мы услышали с северо-восточной стороны гул артиллерийской канонады.

Как выяснилось в дальнейшем, враг ожесточенно обстреливал тот лес, где мы отдыхали накануне.

Оставив позади Днестр, соединение быстро продвигалось вперед. Непрерывные бои утомили бойцов. Однажды вблизи реки Ломницы нас атаковали с воздуха восемь неприятельских самолетов.

По всему было видно, что предстоят горячие бои. Во все концы были высланы разведчики.

Разведка привела в отряд около тридцати человек, оказавшихся бойцами Советской Армии. Узнав о том, что партизаны перешли Днестр, они организовали побег из лагеря для военнопленных и шли на соединение с нами. По дороге их встретили наши разведчики.

— Вы действительно хотите вступить в ряды партизан?— спрашиваем мы их.

— Это наша мечта... Дайте нам возможность рассчитаться с фашистскими палачами.

Вдруг я заметил, что один из вновь прибывших пристально смотрит на меня, словно что-то припоминает. Вот он улыбнулся и направился ко мне.

— Простите, вы инженер Бакрадзе? — спрашивает он.

— Да, я Бакрадзе, а вы меня откуда знаете?

— Я работал с вами на заводе в Архангельской области, я вас хорошо помню.

— Кто вы такой?

— Григорий Павлов.

— Так, значит, привелось снова свидеться?

— Я очень рад, товарищ Бакрадзе, встрече с вами. Здесь, так же, как и на заводе, я буду предан делу.

Павлов сообщил нам, что во Львове распространился слух, будто соединение Ковпака разделилось на две части, причем одна часть движется на Львов, а другая пошла на Карпаты.

Наше соединение подошло к берегам Ломницы. Враг так укрепил берега, что разведчики не могли отыскать подходящего места для переправы.

Ломница — быстрая, с каменистым руслом река. Ковпак приказал любой ценой найти удобный брод. Провести эту операцию поручили мне. В мое распоряжение были выделены главная разведка, а также третья и шестая роты.

В конце концов мне удалось отыскать подходящее место, но для овладения им пришлось дать жаркий бой. Ударная группа укрепилась на подступах к броду, два отделения были переправлены на противоположный берег. Затем началась атака на врага с обеих сторон, вдоль реки. Мы атаковали так внезапно и стремительно, что оба берега были очищены от врага на территории протяжением почти в десять километров.

В этом бою пала смертью храбрых автоматчица моей роты Карлинская и тяжело был ранен командир отделения Саблин.

VII

Народ — мастер давать меткие прозвища и людям и местностям. У подножия Карпатских гор на сотни километров растянулся смешанный лес. Народ назвал его Черным лесом.

Удивительно подходящее название! В самое небо уходят верхушки исполинских деревьев. Даже в ясную летнюю погоду здесь царит сумрак. Действительно — Черный лес. Человек, вступивший в него, теряется, подобно брошенному в море камешку. Не то что один человек, — целая дивизия может тут затеряться.

Вот этот Черный лес и стал нашим убежищем после того, как мы форсировали Ломницу.

Прежде чем вступить в лес, нам пришлось пересечь железную дорогу Станислав — Калуш. Матющенко со своим батальоном был послан заранее к переезду. Он сообщил нам через связных, что все обстоит благополучно и соединение может свободно перейти железнодорожное полотно. Помимо выполнения этого разведывательного задания, Матющенко успел «поохотиться»: его бойцы подорвали вражеский эшелон и дрезину.

Мы медленно втягивались в лес, когда услышали гул самолетов. Пришлось торопиться. Гул нарастал. Минут через пять над нами закружилось шесть стервятников. Они набросились на нас, подобно обозленным осам, но в темной гуще леса трудно было что-нибудь разобрать. Самолеты кружили над верхушками высоченных деревьев. Мы чувствовали себя в

полной безопасности, хорошо устроились, подкрепились и как следует отоспались.

Командование соединения учло тяжелую обстановку, могущую сложиться в Карпатах, поэтому мы в большом количестве запаслись вооружением и продуктами. На случай возможных осложнений с питанием мы гнали с собой отару овец. К сожалению, во время переправы через Ломницу большое количество животных погибло в бурных водах реки.

Во время отдыха в Черном лесу мы по всем направлениям выслали разведчиков. Разведчики моей роты обнаружили лагерь беженцев евреев. Среди них было много стариков, женщин и детей. Выяснилось, что они бежали из города Станислава. Спасая жизнь, бросили они на произвол судьбы все свое имущество и укрылись в лесу.

— Сколько человек в еврейском лагере? — спрашиваю я разведчиков.

— Да человек триста. Живут они в землянках. Когда они заметили нас, то заметались, разбежались в разные стороны. Сначала и мы не могли понять, что это за люди. Потом, когда подошли поближе, узнали, в чем дело. Бедняги страшно перепугались. Но когда поняли, что мы не враги, приветствовали нас как братьев и сразу назвали ковпаковцами.

«А вы откуда знаете, что мы ковпаковцы?» — спросили их разведчики.

«Знаем. Народ только о вас и говорит», — ответили беженцы.

Ковпак приказал мне отправиться в еврейский лагерь и подробнее узнать, что там происходит.

Беженцы меня встретили так, как встречают друга после долгой разлуки. Это вполне понятно: вооруженный с ног до головы партизанский командир был для них надеждой на избавление.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогой друг! — кричали мне взрослые и дети.

— Кто здесь у вас старший? — был мой первый вопрос.

— Я, — ответил, подойдя ко мне, статный мужчина.

— Ваша профессия?

— Я врач, хирург.

«Вот было бы здорово иметь в роте своего хирурга», — подумал я. Громко же сказал:

— Этот лес — настоящая крепость. Наверное, вы себя здесь недурно чувствуете.

— Если только фашисты не обнаружат нас.

— Кто сюда до вас доберется? Но все же для обороны вам необходимо иметь оружие, а его у вас, как видно, нет?

— Откуда у нас оружие? Мы бежали так поспешно, что ничего не успели с собой захватить... Фашисты устроили в Станиславе настоящую бойню, нам с большим трудом удалось спастись.

— Хорошо еще, что вовремя убежали... Не предавайтесь отчаянию, скоро наступит конец бесчинствам этих разбойников, мы заставим их раскаяться...

— Хоть бы дожить до этого часа! Какое было бы счастье видеть этих извергов бегущими.

— Это время недалеко, вы скоро увидите, как оккупанты будут удирать из этих мест.

Я заметил по выражению лиц слушавших, что мои слова наполнили их сердца радостью и надеждой. Я постарался подбодрить их.

— Так, друзья, дело фашистов гиблое, они непременно проиграют войну.

Говоря это, я заметил старушку, которая вытирала слезы.

Мужчина-беженец перехватил мой взгляд и сказал:

— Неделю назад на глазах у этой женщины убили ее сына, сама она уцелела чудом.

Старушка заплакала еще горше и закрыла лицо платком.

— До каких пор собираетесь вы оставаться здесь? Как вы устраиваетесь с питанием?

— Пока обходимся. Трудно сказать, что будет дальше.

— Я вижу, что здесь много женщин и детей. Если бы не это, то я предложил бы мужчинам вступить в наш партизанский отряд. Но я думаю, что оставить одних беззащитных женщин и детей нельзя.

— Верно, из нашего отряда нельзя забирать мужчин. Какая у нас гарантия, что враг не нападет на нас? — сказала старушка.

— Сколько вас человек?

— Триста одиннадцать.

— Сколько женщин и детей?

— Двести сорок три.

— Выделите несколько мужчин, они пойдут со мной. Мы дадим им оружие. В случае беды сможете защитить себя от врага, — сказал я руководителю лагеря.

Мое предложение было встречено с большой радостью.

Возвратившись, я доложил Ковпаку и Рудневу обо всем, что видел и слышал в лагере беженцев евреев. Руднев одобрил мое предложение о выдаче оружия.

— Дадим, — сказал Ковпак, — у нас сейчас военного снаряжения вдоволь. Объясним им как надо держать оборону. Надо им еще сказать, чтобы они подолгу не задерживались на одном месте.

Со мной из еврейского лагеря пришли двадцать мужчин. Мы нагрузили их оружием, дали им большое количество взрывчатки, научили, как надо вести диверсионную работу. Воодушевленные и ободренные, двинулись беженцы к своему лагерю.

VIII

Меня срочно вызвали в штаб. Ковпак ознакомил меня с планом наших дальнейших действий и прочитал приказ.

— Товарищ Бакрадзе, — сказал мне Ковпак, — скоро начнутся решающие бои. Получено сообщение, что в селе Россульня сосредоточены крупные неприятельские силы. Россульня ворота Карпат. Враг готовится навязать нам на подступах к Карпатам бой не на жизнь, а на смерть. Стоящий в Россульне эсэсовский полк специально выделен для этой цели. Его необходимо уничтожить в первую очередь. Эта задача возлагается на вас. В ваше распоряжение выделяются шестая и восьмая роты под командованием Горланова и Дегтева. Матющенко же укрепится в северо-восточной части села, как раз с противоположной стороны вашего исходного рубежа. Идите и готовьтесь к операции. Как только стемнеет, приступайте. В два часа ночи вы атакуете село.

Я задумался. В мое распоряжение было выделено около четырехсот бойцов, эсэсовские же полки обычно состояли из тысячи двухсот — тысячи пятисот человек.

— Может быть, имеются какие-нибудь вопросы? — спросил меня Руднев.

— Никаких. Я думаю о предстоящей операции.

И действительно, было о чем подумать. Россульнинская операция по своей сложности превосходила все боевые задания, возлагавшиеся на меня до этого.

— Если понадобится помощь, пришли связного, сообщи, мы поддержим, — сказал мне Руднев.

— Есть, товарищ комиссар, — отвечаю я.

Возвратившись из штаба, я пригласил Матющенко, Горланова и Дегтева, ознакомил их с поставленной перед нами задачей, и мы выработали план совместных действий. Мой

первый шаг состоял в том, что я выслал вперед разведчиков и приказал им разведать дороги.

Перед уходом я простился с Ковпаком и Рудневым, которые пожелали нам победы.

— Шагом марш! — раздалась команда.

Прощай, гостеприимный, дремучий Черный лес!..

По непроходимой грязи с трудом, молча продвигаемся вперед. Нам дорога каждая минута: в два часа ночи во что бы то ни стало мы должны атаковать Россульню.

Ждет нас или нет в эту ночь вражеский гарнизон? Эта мысль неотступно преследует меня. Нет, признаков ожидания незаметно. И откуда знать врагу о нашем приближении?

Согласно боевому плану, в Глебовке Матющенко со своей ротой отделился от нас, чтобы обойти Россульню и стать на северо-востоке этого села. Согласно этому же плану, шестая, восьмая и девятая роты должны скрытно подойти к селу с запада и внезапным мощным ударом привести противника в смятение.

Приближаются решающие минуты. Этой ночью мы должны победить.

Из темноты выступают контуры довольно большого здания. «Это школа, — говорят разведчики, — теперь в ней находится штаб эсэсовцев».

Партизаны заняли на подступах к селу исходную позицию в двух-трех метрах друг от друга. С левой стороны должен ударить Горланов; защиту правого фланга я возложил на Дегтева. Артиллерию я поставил на расстоянии двух километров от Россульни и приказал артиллеристам в назначенное время открыть огонь по центру села.

Смотрю на светящийся циферблат часов — без десяти два. Ровно в два часа выпущенная ракета известит бойцов о начале штурма.

Дан сигнал.

Растянувшись на три километра цепью, партизаны ринулись к селу. Перебежали речку и с могучим «ура» обрушились на врага. Тихие, узкие улицы ожили от дробного стука конских копыт, застрочили автоматы. На улицах и во дворах метались белые фигуры, фашисты были застигнуты врасплох и выбегали из домов в одном белье.

Мы стали углубляться в село. В первые же минуты боя Горланову удалось захватить несколько пушек и минометов. Мой помощник Деркач прислал связного с сообщением: враг открыл сильный огонь из здания штаба.

— Поверните захваченную Горлановым трофейную артиллерию и бейте по штабу! — приказал я.

Приказ был выполнен точно. Вскоре все здание затянул густой черный дым и красные языки пламени стали вырываться из-под крыши.

Стоило кому-нибудь из фашистов высунуть голову, как его доставала партизанская пуля. Пожар усиливался.

— За мной! — крикнул я партизанам, бросаясь к штабу, и рванул двери подъезда. Из коридора повалил дым.

Мы стали бросать гранаты в глубь помещения. Раздались стоны и крики. Затем послышался сильный взрыв и наступила тишина. Я достал карманный фонарик и осветил коридор. Всюду валялись убитые и раненые фашисты.

В конце коридора я заметил дверь, осторожно открыл ее и метнул внутрь гранату. Выждав некоторое время, я вошел в комнату и стал при свете своего фонаря осматривать ее. Почти вся мебель была исковеркана взрывом. В углу стояла кушетка. Я коснулся рукой простыни, она была еще теплой, значит, кто-то совсем недавно покинул ее. Рядом стул, на нем офицерский мундир. «Вероятно, хозяин этого мундира находится среди трупов в коридоре», — подумал я. Но все же на всякий случай открыл дверцы шкафа. Он был пуст. Из предосторожности я выпустил короткую автоматную очередь по кушетке. И в то же мгновение из-под нее выскочил крупный мужчина в одном белье и наставил на меня револьвер.

Все это произошло с молниеносной быстротой. Я вздрогнул от неожиданности, но все же выстрелил первым. Фашист распластался на полу. Я перевел дыхание, отер со лба пот, поднял выпавший из рук офицера револьвер системы «штауэр». На мой выстрел в комнату вбежали партизаны. Я стоял, держа в одной руке револьвер фашиста, в другой — свой автомат, еще не успев прийти в себя после случившегося.

Выйдя на улицу, я с удовольствием вдохнул свежий воздух. Вокруг слышались крики, огненные языки лизали небо. Я взял автомат наизготовку и снова окунулся в ночной бой.

Как выяснилось позже, убитый мною офицер был командиром батальона «СС».

Немцы дрогнули. Они группами бежали на северо-восток, но там их с нетерпением поджидал Матющенко со своим батальоном. Матющенко подпустил фашистов совсем близко, его бойцы охватили их кольцом и затем уже открыли огонь на уничтожение.

Фашисты начали метаться из одного конца села в другой, но повсюду их ждала смерть.

Ночь была на исходе, уже подул предрассветный ветерок. Мы заторопились покинуть Россульню, чтобы нас не захватила вражеская авиация. Поспешно собрали трофейное оружие. Взяли с собой только три миномета, пять штук ручных и пять станковых пулеметов и сто тысяч патронов. Остальные трофеи—четыре пушки, четыре батальонных миномета, до ста мотоциклов, шестьдесят грузовых автомашин — взорвали и сожгли на месте. В другое время мы, конечно, такие ценные трофеи забрали бы с собой, но впереди нам предстояли бои в Карпатских горах — невозможно было тащить по узким горным тропам тяжелое, громоздкое вооружение.

Когда мы на рассвете уходили из Россульни, перед нами предстала такая картина: село по-прежнему окутано дымом, главная улица усеяна трупами фашистов. Жители все еще не решаются выходить из погребов. В селе царит абсолютная тишина, не слышно даже лая собак, они жмутся к стенам домов, к заборам.

Невольно бросается в глаза исключительно живописное расположение Россульни. Со всех сторон опоясанное садами и огородами, село раскинулось на плоскогорье, с запада на него смотрят величественные Карпаты. Почти через каждые пятьдесят шагов бьет хрустальная вода родников.

Передо мной пленный эсэсовец.

— Нам было хорошо известно, что с запада движется армия Ковпака, — говорит он, — но мы не ожидали, что вы нападете на нас этой ночью.

— Значит, спали спокойно?

— Мы ждали вас только дня через два.

Наступил рассвет, а еще не все наши подразделения вышли из Россульни. Чувствую, что это очень плохо. Удивительно, как это вражеская авиация до сих пор не обрушилась на нас! Неужели гарнизон Россульни настолько растерялся, что не сообщил в штаб дивизии о нашем нападении?

Я тороплю всех. Готовлюсь к выступлению. Послал к Матющенко связных, предлагая ему присоединиться к нам со своим батальоном.

Матющенко не прислал ответа, с его стороны слышна артиллерийская канонада.

Связные не возвращаются.

Я отобрал три отделения, чтобы послать их на помощь Матющенко, но в это время мне принесли от него письмо.

«Товарищ Бакрадзе! Враг атаковал меня с тыла. Светает. Следует ожидать налета авиации. Я другим путем двинусь к Карпатам, за нас не беспокойся, догоним. В помощи не нуждаюсь. Командир третьего Матющенко.

4 часа, 20/7 — 1943 г.»

Письмо Матющенко успокоило меня. Знаю, он не растеряется — крепкий мужественный человек. В трудную минуту он всегда найдет правильное решение и выведет своих бойцов из-под удара врага.

Отдаю приказ оставшимся в Россульне подразделениям уходить по маршруту. В это время ко мне подошел седовласый дед. Вижу, что он очень хочет со мной поговорить.

Я уселся вместе с ним на маленькую лавочку перед домом и, наблюдая за проходящими мимо подразделениями, шутливо спрашиваю:

— Что, дедушка, небось испугались ночью?

— Да, горячий был бой, — говорит он, а сам улыбается. — Мне вот уже девятый десяток пошел, а я не помню, чтобы над нашим селом такой ураган проносился. Целую ночь мы на полу пролежали, ни на минуту глаз не сомкнули. Хорошо еще, что все окончилось благополучно... Глядика, советская пуля и та умная оказалась, — смеется дед, — она тоже знает, что должна убивать только фашистов... В моей хате жили четыре фашиста. Как только вчера началась стрельба, они в одном белье выскочили. Ни один из них не вернулся обратно, наверное, вот там валяются... — и старик указал рукой на груду трупов. — Я, пожалуй, сейчас и не узнал бы их, мертвые они все похожи друг на друга. О-о, вчера они так растерялись, что сами не знали, что делают. Один даже забыл захватить свою винтовку, я ее сейчас тебе вынесу, сынок!

Старик встал и пошел в хату. Возвратясь с винтовкой в руках, он сказал:

— Желаю вам здоровья на долгие годы. При виде вас, дети мои, я помолодел... У меня тоже внук на фронте, вот уже третий год пошел, как ничего о нем не знаем. Хотя бы жив был... — глаза старика подернулись слезами.

— Не печалься, дедушка, — сказал я ему, — твой внук скоро вернется.

— Я не надоел, сынок, со своими разговорами? — спрашивает старик. — А то расскажу тебе одну историю.

— Расскажи, — отвечаю я ему.

— Помнишь, я тебе сказал про фашистских солдат, что в моем доме жили. Так один из них хорошо говорил по-украински. Он извел меня, сукин сын! «Скоро, говорит, мы русских совсем уничтожим, их земли раздадут нам, и мы заживем припеваючи...» Я не верил его болтовне. Както раз я спросил его: «А ты уже присмотрел себе именьице или еще не успел? Постарайся, говорю, побольше земли себе отхватить». Он понял, что я насмехаюсь над ним, и рассердился: «Ах ты, старый дурак, одной ногой в могиле стоишь, а язык не научился держать за зубами!» Я подумал про себя: «Посмотрим еще, кто из нас раньше отправится в могилу». А он все кричит: «У меня, говорит, сейчас нет времени с тобой возиться, спать хочется. Смотри, хорошенько карауль нас». Улегся в мою постель и захрапел. А я постелил себе на полу сена и тоже заснул. Уже было за полночь, на кого-то залаяла собака, солдат вскочил, как бешеный, и бросился к двери. По дороге, в темноте, наскочил на скамейку и растянулся на полу. В хате у нас кошка была, на полке сидела: она испугалась шума, спрыгнула с полки и угодила прямо на живот упавшего немца. Тот вскочил и поднял крик: «Партизаны напали, помогите!» Поднялась суматоха, раздались выстрелы. Когда выяснилось, что причиной всему была кошка, он поймал ее и убил, подлюга.

Я сказал старику:

— У нас, у грузин, есть пословица: «С лошадью не смог справиться, так за уздечку принялся».

Старик рассмеялся. Я еще раз пожелал ему скорого возвращения внука, простился и пошел своей дорогой.

Лицо этого старика вспоминается мне и поныне.

Мы вышли из Россульни.

Полил дождь, который вскоре превратился в ливень.

Впереди змеей вьется узкая горная тропа. Начались крутые подъемы, мы уже вступили в Карпаты. Привыкшие к равнине лошади с непривычки тяжело дышат, дрожат, словно в лихорадке, покрываются пóтом.

Затрудняется подъем артиллерии. Пушки и подводы приходится в наиболее крутых и узких местах тащить на руках. Самолеты легко находят нас, и мы то и дело отвязываем лошадей и загоняем их в лес, чтобы спасти от наседающих стервятников.

От взрыва бомб в щепы разлетаются подводы. Мы двигаемся и днем, торопимся — надо поскорее догнать главные силы.

Исполинские Карпаты, окутанные черными тучами, и на меня производят сильное впечатление, хотя я родился и вырос в горах. Тем более поражает моих товарищей-партизан это необычное, величественное зрелище.

Перед нами гора, покрытая густым лесом. Дорога сворачивает на ее склоны. Как только мы вышли за поворот, перед нами открылась фантастическая картина: громадные огненные столбы вздымаются к самому небу, дующий с гор ветер раздувает пламя. Черный дым повис в воздухе. Я сразу догадался, что это горят Биткувские нефтяные промыслы.

Наши партизаны разожгли этот грандиозный пожар. Так мы узнали, где нам сейчас искать основные силы нашего соединения. Ведь одна из задач карпатского рейда и заключалась в уничтожении Биткувских нефтяных промыслов.

Мы приближаемся к нефтяным вышкам. Дорога становится еще круче и тяжелей. Лошади вконец выбились из сил, они то и дело останавливаются, подводы откатываются назад, мы вставляем в колеса толстые палки, чтобы удержать их на месте. Иногда нам приходится выпрягать лошадей и самим тащить пушки и телеги. Мы знали, что нас ждут в этом походе большие трудности, однако действительность намного превзошла наши ожидания.

Снова нас обнаружили фашистские самолеты. В горных условиях очень трудно с ними бороться. Отряд сгрудился на узкой тропе и представлял прекрасную мишень для авиации. Спрятаться нет никакой возможности, так как с одной стороны зияют пропасти, а с другой вздымаются отвесные скалы. Партизаны наловчились вести меткий ружейный и пулеметный огонь по самолетам. Нередко объятый пламенем вражеский самолет со страшным ревом падал в ущелье или разбивался о скалу.

Базой немецкой авиации являлся город Станислав, расположенный на расстоянии тридцати — сорока километров от Карпат.

Стоило нам сбить один самолет, как остальные на некоторое время исчезали, но вскоре возвращались и продолжали бомбежку. Мы несли значительный урон. Только очистим, бывало, дорогу от убитых лошадей и разбитых подвод, как уже снова приходится расчищать путь. Но мы упорно шли на огромное зарево, которое служило нам верным ориентиром.

Как мне потом рассказали товарищи, Ковпак, вступив

в Биткувский район, выделил группы подрывников и двинул их на нефтепромыслы.

В этой сложной диверсии огромную помощь партизанам оказали рабочие и инженеры промыслов. Когда они узнали, что в район пришли партизаны, то с радостью провели подрывников по кратчайшей дороге к нужному месту. Запылали десятки вышек и нефтяных скважин. Пожар стал распространяться с молниеносной быстротой. К небу потянулись огромные столбы дыма. Все Биткувское плато, заключенное между вздымающимися к небу вершинами Карпатских гор, затянулось черной пеленой.

Ночью на фоне пожара еще более сказочными выглядели горы-великаны. Особенно усиливали это впечатление страшный гул от горящей нефти и треск охваченного пламенем леса.

Таково было положение, когда мы догнали наши главные силы. Измученные ночными боями мои бойцы еле держались на ногах. Встреча с товарищами была очень сердечной, нас поздравили с одержанной победой, с большим интересом слушали наши рассказы о бое в Россульне.

Я сейчас же стал разыскивать Ковпака и Руднева. Мне сказали, что они поднялись на вершину горы. По дороге я встретил комиссара.

Сколько искреннего чувства было в его теплом приветствии! Прежде всего он спросил о потерях. Я рассказал ему подробности боя и показал список погибших. Он перечитал его и глубоко задумался.

Через некоторое время я нарушил молчание:

— Матющенко отстал, Семен Васильевич, я ему предложил выступить одновременно с нами из Россульни, но это ему не удалось.

— А он не нуждается в помощи?

— Нет, я все время держал с ним связь, и если бы ему нужна была помощь, то он непременно известил бы меня через связных... Вот, Семен Васильевич, его письмо.

Руднев прочитал письмо и сказал:

— Победа замечательная, товарищ Бакрадзе. Разгромить целый полк эсэсовцев и при этом понести такие незначительные потери, — это редкий случай. Ты вполне оправдал наши надежды. А как вели себя бойцы?

— Партизаны сражались очень хорошо.

В это время я заметил идущего к нам Деда. Руднев позвал Ковпака:

— Сидор Артемьевич, поздравь товарища Бакрадзе с победой.

Ковпак крепко пожал мне руку и пожелал дальнейших успехов. Комиссар не дал мне ничего сказать и стал сам рассказывать Ковпаку подробности россульнинского боя.

Я показал Ковпаку револьвер, из которого собирался убить меня командир эсэсовского батальона. Дед, смеясь, сказал:

— Молодец, что не растерялся! Жаль только, много трофейного вооружения уничтожили, но я понимаю, что иначе и нельзя было поступить. Местность не благоприятствует.

— Твоего заместителя Деркача мы перевели в штаб начальником связи, ведь он по специальности связист.

Меня огорчил перевод Деркача. Но раз этого требовали интересы общего дела, то оставалось только примириться с фактом.

— Товарищ комиссар, а кого вы назначаете ко мне?

— Сухоцкого. Ты его знаешь, он был командиром отделения в третьей роте. Впереди предстоят горячие, необычайные бои. Самое опасное в новых условиях борьбы — это вражеская авиация, которая преследует нас по пятам. Нам некуда податься, мы заперты среди гор, враг пользуется этим и засыпает нас бомбами. В горных условиях очень затруднительно передвижение артиллерии и обоза. Подвижной состав приходится на ходу разбирать и переделывать. Лошади, привыкшие к равнине, тоже мало пригодны в горах, они все засеклись, не могут брать крутые подъемы. Но помни об одном, Давид, партизанам чужды чувство безнадежности и страха.

Рудиев проявлял удивительную энергию и стойкость в сложной карпатской обстановке, он не знал страха и колебания. В трудные минуты комиссар делался особенно твердым и решительным. Вот и теперь его глаза сверкали, и он внушал бойцам уверенность в победе.

Мой заместитель прислал связного с сообщением, что все готово для погребения товарищей, погибших под Россульней. Я собрался уходить. Комиссар сказал:

— Товарищ Бакрадзе, я пойду с вами.

Мы направились к месту расположения моей роты.

Для партизан, погибших в последнем бою, вырыли братскую могилу на самом высоком холме, среди густых сосен. Мы отдали последний долг дорогим товарищам. Комиссар обратился к нам со следующими словами:

— Товарищи, сегодня мы хороним наших верных соратников. Они пали смертью героев, отдали свою жизнь ради счастья Отчизны. Клянемся отомстить врагу и как можно скорее освободить нашу Родину от ненавистных захватчиков.

IX

Пожар на нефтяных промыслах продолжался несколько суток.

Диверсионные группы поджигали все новые и новые вышки и нефтехранилища.

В условиях горной войны противник имел по сравнению с нами ряд преимуществ. В его распоряжении был горный автотранспорт, враг сумел запереть все входы и выходы в горах. В прилегающих районах гитлеровцы сосредоточили крупные силы; здесь находились 6-й, 26-й и 367-й полки «СС», уже знакомые нам. Кроме этих, было еще много других, не известных нам вражеских частей.

Несмотря на это, наше соединение блестяще выполнило свою задачу. Нами были взорваны и уничтожены сорок одна буровая вышка, четырнадцать нефтехранилищ и три нефтеочистительных завода.

Как-то, очень утомившись, я уснул в лесу. Вдруг меня разбудили и сообщили, что сбежал пленный эсэсовец, захваченный в районе промыслов. Меры к его розыску приняты, но до сих пор не удалось напасть на его след. Я тотчас же поспешил в штаб.

— Нам не следует здесь задерживаться, — сказал Ковпак, — сбежавший фашист сообщит своим о нашем расположении.

По приказанию Ковпака мы спустились вниз километров на семь-восемь.

Спуск труднее подъема, мы еле сдерживали несущиеся под гору подводы. Неподкованные лошади на каждом шагу рискуют сорваться в пропасть. Дождь лил как из ведра. Ночь была очень темная.

Сорвался в пропасть и погиб мой верный конь. Сколько раз выручал он меня в бою! Для меня это была большая, невозместимая утрата. Я горько сожалел о том, что не нашел времени подковать его.

Измучившись, мы с трудом добрались до указанного командованием места. Ковпак приказал разбить тут лагерь и отдохнуть несколько дней.

Враг не смог сразу напасть на наш след. Фашистские самолеты непрерывно разведывали верхние участки леса. Гитлеровцы не предполагали, что мы можем спуститься вниз. За несколько дней отдыха мы переделали все подводы. В наших рядах оказалось много плотников, слесарей, других мастеров. Они работали самоотверженно, в течение каких-нибудь двух-трех дней переделали сотни подвод в двуколки — они более удобны для горных троп.

У лошадей распухли ноги, даже стоять им, бедным, было трудно. Мы прикладывали к копытам мокрые тряпки. Во время ковки пришлось прокладывать между копытами и подковой куски шинельного сукна.

В той части Карпат, где мы в тот период действовали, нам встречались одни лишь пастухи, оседлого населения в горах не было. Эти пастухи встречали нас с радостью. Несмотря на зверские репрессии фашистов и геббельсовскую агитацию, народ был с нами. Нас радушно принимали, угощали, давали нужные сведения. В промышленном Биткувском районе мы встретили рабочих и служащих, отнесшихся к нам с сочувствием, оказавших нам помощь при уничтожении вышек и нефтехранилищ. Наши дружеские связи с этими людьми успешно росли и крепли.

На нефтяных промыслах работали украинцы, чехи и поляки, которые всей душой ненавидели фашистских захватчиков.

Как-то раз к нам пришел хорошо одетый незнакомый человек. Поздоровавшись, он сказал:

— Я поляк, работаю инженером на нефтяных промыслах. Я хочу предложить свою помощь. Вы пришли сюда для уничтожения нефтяных промыслов и, конечно, понимаете, как важна для немцев наша нефть. Но я осмелюсь сказать, что она еще ценнее и важнее для них, чем вы себе представляете. Сегодня вы вырвали из рук врага часть этого могучего оружия, однако сделано еще далеко не все. Два главных промышленных района соединены подземным нефтепроводом. Под землей находятся также громадные нефтехранилища. Местонахождение их оккупанты держат в большой тайне. Нефтепровод проходит вблизи реки Быстрица, так что нетрудно выпустить всю нефть в реку. Я могу вам указать, где находятся эти подземные трубы и нефтехранилища.

В распоряжение инженера была тотчас же выделена группа наиболее опытных подрывников. За одну ночь им удалось спустить в реку десятки тысяч тонн нефти. Затем они уничтожили нефтепровод и подземные нефтехранилища. Выполнив

эту диверсию, инженер распрощался с нами, так и не назвав своего имени.

* * *

Ко всем нашим тяготам прибавилась нехватка продовольствия. Во время форсирования реки Ломницы мы потеряли большое количество овец и другого скота, который был предназначен именно для Карпат. Запасы продуктов иссякли. Ну, а что можно было раздобыть в лесу! Партизаны голодали. Однако никто не падал духом. В дни столь тяжелого испытания нас вдохновляла и ободряла мысль о том, что мы успешно выполнили основную задачу Карпатского рейда: Биткувских нефтепромыслов больше не существовало.

Вскоре наше соединение вышло в ущелье реки Глинища. Едва успели перейти через мост штаб и большая часть колонны, как донесся отдаленный гул самолетов. Связной штаба сообщил, что ввиду возможного налета авиации всем командирам предлагается подыскать для своих частей надежные укрытия. Мы приступили к выполнению приказа.

Я и Дегтев провели роты вперед. За нами шел Кульбака со своим батальоном. Он сильно отстал от колонны и расположился лагерем за рекой. Уже сгустились сумерки, когда Кульбака получил из штаба приказ немедленно форсировать реку. Однако противник успел скрытно занять все подступы к мосту, и батальон Кульбаки оказался отрезанным от нас.

На горных склонах развернулся кровопролитный бой. Связным удалось пробиться к основным силам, и они сообщили штабу о случившемся.

Начальник штаба Григорий Яковлевич Базима прислал ко мне связного: «Согласно приказу Ковпака, вы совместно с Дегтевым должны обойти врага и ударить по нему с гор. Необходимо очистить от противника мост, чтобы дать возможность батальону Кульбаки пробиться».

Я передал приказ Ковпака командиру шестой роты Дегтеву.

Вступив в лес, мы скрытно подошли с тыла к позициям неприятеля. Враг не подозревал о нашем маневре. Воспользовавшись этим, мы внезапно ударили по нему из всех родов оружия.

Враг не выдержал нашего внезапного удара и отступил.

Бойцы из батальона Кульбаки горячо благодарили нас за помощь. В это время я увидел Матющенко. Только теперь я узнал, что и он принимал участие в этом бою. Сияющий Матющенко крикнул мне еще издали:

— Давид, жив, друг?!

Мы расцеловались, как родные братья.

После окончания боя Кульбака получил приказ запереть дорогу из Станислава, идущую вдоль ущелья реки Глиницы, а я и Матюшенко двинулись к штабу и расположились недалеко от него со своими подразделениями. Мы промокли до нитки, было очень холодно, однако это нас не тревожило. Мы настолько закалились, что холод и голод уже мало пугали нас.

X

В Карпатских горах в распоряжении немцев находились хорошие шоссейные дороги, проложенные вдоль ущелий. По этим дорогам они на автотранспорте перебрасывали войска и вели лихорадочную подготовку к разгрому партизан. Партизаны занимали крутые горные склоны и для передвижения пользовались узкими тропами, по которым в мирное время ходили только пастухи-гуцулы.

После уничтожения нефтяных промыслов партизаны захватили оба берега реки Глиница. Но фашисты к тому же времени сумели занять ряд господствовавших высот, благодаря чему у них были исключительно выгодные условия для обороны. По всему было видно, что немцы готовились дать партизанам генеральное сражение. Противник сознательно затягивал начало этого сражения, стремясь измотать и ослабить нас. Враг знал, что в условиях Карпат нам негде брать продовольствие; следовательно, по его расчетам, длительное пребывание в окружении должно было и физически ослабить нас. Нам был известен план оккупантов; они решили загнать нас в горы, заморить голодом, измотать налетами авиации и вынудить в конце концов сложить оружие. Однако расчеты врага не оправдались. Правда, мы испытывали затруднения с питанием, но мы были так же тверды, как и прежде. Более того, в эти тяжелые дни наше мужество возросло, и на каждый удар врага мы отвечали двойным ударом.

Необходимо также отметить, что враг нигде не применял против нас авиации в таких широких масштабах, как во время карпатских боев.

В этот период произошло одно знаменательное событие. Чтобы оно было более понятно, мне придется возвратиться к октябрю 1942 года. Когда наше соединение выходило из Брянских лесов, из одного венгерского полка восемь солдат перешли на нашу сторону. На вопрос Ковпака: «Кто вы такие?»—

высокий солдат, который, по-видимому, был вожаком, ответил:

— Мы русины*, немцы призвали нас в армию, вопреки нашему желанию и теперь хотят использовать в борьбе против вашего соединения. Мы не хотим воевать против наших русских братьев. Уже давно мы задумали бежать, и вот, наконец, нам это удалось. Вот эти трое, — он указал на своих товарищей, — были прошлой ночью в карауле, они охраняли мост. Мы заранее договорились и, бросив свой пост, они ушли вместе с нами.

— Вы знали, куда и к кому вы идете? — спросил их Ковпак.

— Конечно, знали. Кто не слышал имени Ковпака? Мы очень просим зачислить нас в ряды партизан.

Просьба русин была исполнена. Они оказались прекрасными бойцами, мужественными, самоотверженными людьми. В походе от Старой Гуты до Карпат они не раз совершали героические подвиги.

И вот теперь, когда мы подошли к границам их родины, русины обратились к Ковпаку с просьбой:

— Товарищ командир! Отпустите нас к себе, мы там создадим партизанские отряды, сплотим вокруг себя соседей и односельчан и будем бороться против фашистов.

Ковпак согласился на это, тем более, что русины уже были опытными партизанами.

Был созван короткий митинг. С речью выступил Руднев:

— Дорогие соратники, — обратился он к русинам, — мы переживаем исключительно трудные дни. Сейчас потеря даже одного бойца для нас весьма ощутительна, но, несмотря на это, мы решили удовлетворить вашу просьбу. Идите к себе на родину и возглавьте народные массы, организуйте партизанские отряды и обрушивайтесь на ненавистного врага. Сражайтесь так же, как вы сражались вместе с нами. Мы твердо уверены, что ваше возвращение на родину принесет большую пользу в деле разгрома ненавистных захватчиков.

В ответной речи боец-русин сказал:

— Друзья, мы многому научились в вашем соединении. Наша ненависть к врагу, к фашистским захватчикам неизмеримо возросла. Мы идем в свой родной край как красные партизаны и даем клятву всегда достойно носить это почетное звание.

---

* Закарпатские украинцы.

XI

Проводив русин, мы двинулись дальше, — надо было торопиться.

Горные тропы, по которым мы теперь шли, не отмечены ни на одной карте. Не только ночью, но и днем можно свернуть себе шею на этих крутых, почти отвесных склонах.

Чем выше мы взбирались, тем уже и круче становилась дорога. Лошади выбивались из сил. Теперь из-за узости дорог нам пришлось распрощаться и с частью двухколесных повозок. На руках тащили мы в гору тяжелое вооружение, но нам и в голову не приходило расстаться с пушками и минометами.

Как раз в эти трудные дни мы набрели на пастухов-гуцулов. Они встретили нас очень радушно, угостили на славу, не пожалели для нас ни молочных продуктов, ни свежего мяса.

Каким-то образом немцы узнали об этой нашей встрече с гуцулами. В связи с этим они издали приказ, чтобы все находившиеся в горах пастухи под угрозой расстрела срочно согнали весь скот на равнину. Но далеко не все гуцулы подчинились захватчикам. Часть пастухов отыскала в горах неприступные места и укрылась в них.

Захватчики пытались проникнуть в глубь Карпат. Совсем неожиданно мы натыкались на засады противника. Но мы всегда были готовы к бою.

Эх, Карпаты, Карпаты! Сколько поэтов прославляло вас, восторгаясь вашей величавой и гордой красотой, у скольких вы рассеивали тяжкие думы и наполняли юношеской радостью сердца! Но что бы сказали поэты, воспевавшие тишину горных ущелий, если бы они услышали этот гром, этот бесконечный грохот орудий.

Впрочем, мы вовсе не мечтали о тишине и покое, нас беспокоило то, что мы заперты среди скал. Прежде, когда мы сражались на просторах Украины, перед нами всегда был выбор маневра, а здесь нам негде было развернуться.

Мы поднимались все выше и выше. Леса постепенно редели. Теперь мы совсем не могли варить пищу: вражеская авиация неотступно преследовала нас. На вершинах укрываться стало значительно труднее.

На склонах Карпатских гор раскинулось украинское село Поляница.

От него до чехословацкой границы километра два. Оккупанты сильно укрепили это село, сосредоточили здесь

много войск, стянули сюда немецкую и венгерскую горную полицию. Полянница имела важное значение как ключ дороги из Карпат на равнину. Враг решил запереть эту дорогу.

Мы вплотную подошли к Полянице. Положение было критическое: надо было во что бы то ни стало прорвать вражеские укрепления.

Заняв позицию с восточной стороны села, мы тщательно замаскировались и стали наблюдать за движением противника.

Днем и ночью по ущелью шли бронетранспортеры, автомашины с пушками на прицепе. Мы хорошо знали, что гитлеровцы решили именно здесь разгромить наше соединение.

Противник постепенно сужал кольцо, он готовился к решающему удару. Фашистские самолеты сбросили листовки, в которых было написано:

«Приближается конец дивизии Ковпака, мы взяли партизан в кольцо. Не сегодня-завтра Ковпак и Руднев будут вынуждены оставить соединение и спасаться бегством. Партизаны, очнитесь, не губите себя и свои семьи, мы великодушны и простим вас. Всем раскаявшимся партизанам мы раздадим земли и предоставим важные должности».

Эти грязные фальшивки вызывали у партизан только смех.

— Должности и имения раздают, сволочи. Страх, какие стали щедрые...

— Насчет Ковпака и Руднева брешете, гады, а вот что ваши генералы бросят вас и дадут дёру, так это будьте уверены... Скоро в этом убедитесь, — говорили партизаны.

Штаб партизанского соединения находился в двух километрах от Полянницы. Моей роте было поручено нести охрану штаба.

Ковпак приступил к подготовке штурма Полянницы со свойственной ему осторожностью и предусмотрительностью. День и ночь он сосредоточенно обдумывал и уточнял план. Руднев подбадривал бойцов, вселяя в них спокойствие и уверенность в победе.

— Нам предстоит жестокий бой, — говорил он. — У Полянницы мы должны доказать еще раз, что партизаны непобедимы. Но пусть никто из вас не думает, что победа достанется легко. Враг не шутит, он стянул сюда большие силы. Он поставил своей целью окончательно уничтожить наше соединение.

XII

Природа Карпат отнюдь не баловала нас обилием плодов. Здесь очень трудно было встретить что-нибудь, кроме черники; зато ее было вдоволь.

Нельзя сказать, что черника очень вкусна, но и не так уж противна — есть можно. Часто она заменяла нам и завтрак, и обед, и ужин. Сколько раз утоляли мы голод черникой!

Вместе с тем горный воздух и бесконечные марши невероятно усиливали аппетит. На равнине у партизан никогда не было такого аппетита, зато еды там было вдоволь!

В последнее время фашистские самолеты ни на час не покидали небо над нами. Из-за них мы не могли даже пасти лошадей. Обессиленные животные очень страдали. Они еле передвигались.

Стояло прекрасное утро. Туман растаял, и горы встали во всем своем величии и красоте. У меня темнело в глазах от голода, я прилег на склоне.

В голову лезли невеселые мысли. Два месяца мы оторваны от «Большой Земли», четыре месяца я не имел писем от родных.

Что сейчас происходит в Грузии? Если бы знали наши, что я вот сейчас лежу и вспоминаю о них... Из раздумья меня вывел отдаленный гул мотора. Я вскочил и бросился в кусты, но самолет пулей пронесся над лесом и скрылся из глаз. Он, видимо, куда-то спешил и ему было не до нас.

Я снова прилег. Передо мной раскинулось плато, утопающее в море цветов.

Вдруг на опушке мелькнула стройная фигура какого-то животного. Вскоре оно высунуло голову, осмотрелось и опять скрылось.

Я, насторожившись, стал наблюдать. Животное, осторожно ступая, вышло из лесу и застыло на месте, словно изваяние. Это был олень. Ох, как красив был этот вольный олень! Медленно обвел он взглядом поляну, затем опустил голову и начал обнюхивать траву.

Весной олень бывает особенно красив. С головой, увенчанной ветвистыми рогами, с высокими, тонкими ногами, он представляет собой изумительное зрелище. Я не думаю, чтобы какое-нибудь другое животное могло сравниться с ним по красоте. Как зачарованный смотрел я на него. В этот момент я совсем забыл о голоде. Машинально моя ру-

ка коснулась автомата, но тут же застыла: жаль было убивать оленя!

Я не помню, как спустил курок, и животное рухнуло на землю. Я вскочил и бросился к добыче.

Бегу, а сердце тоскливо ноет — жаль оленя, лучше бы он совсем не показывался.

Но что со мной! Разве можно сейчас жалеть об этом! Хорошо еще, что я вовремя выстрелил и он не успел скрыться в лесной чаще. Я не простил бы себе этого!

Я поднял тушу, взвалил на спину и быстрым шагом направился к походной кухне. Спустя полчаса повар с сияющим лицом стоял возле кипящего котла, в котором варилось мясо.

Хорош был обед в этот день!

XIII

С утра начался штурм Поляницы. К полудню бой достиг кульминационной точки. Оглушает орудийная канонада. Боевой клич партизан раздается по всему лесу, бойцы дерутся врукопашную, скрытно подкрадываются к траншеям противника, засыпая немецкие окопы ручными гранатами. Вскоре гитлеровцы оставили первую линию своей обороны и отошли на запасные позиции. На этом закончился боевой день.

После того как затих бой, Руднев в сопровождении разведчиков подъехал к штабу. Прежде чем войти в штаб, он подозвал к себе стоявших тут же командиров и сказал им:

— Товарищи, сейчас мы оказались в очень серьезном положении. Враг перебросил на этот участок много свежих сил. Гитлеровцы применяют против нас все виды оружия. Мы имеем некоторые успехи, наши части вклинились в Поляницу, но это вовсе не означает, что враг разгромлен. А у нас сейчас и боеприпасов и продовольствия в обрез, мы не имеем возможности пополнить ни того, ни другого. Подумайте над этим...

Руднев сделал паузу и продолжал:

— Сегодня утром разведчики привели двух пленных фашистов. Они показали, что противник продолжает быстро перебрасывать на Карпаты все новые и новые силы. Нам придется провести под Поляницей еще немало ожесточенных боев. Я говорю с вами о главном вопросе. Лошади наши еле держатся на ногах. А таскать на руках теле-

ги и пушки невозможно. Тропы становятся совсем непроходимыми для артиллерии. Трудно расстаться с оружием, но, к сожалению, мы должны примириться с этим и отказаться от тяжелого вооружения. До сих пор артиллерия и минометы не раз выручали нас, но они в будущем могут принести нам только вред. Если мы будем передвигаться по горам черепашьим шагом, то это приведет к нашему полному разгрому, — заключил Руднев и тяжело вздохнул.

С изумлением смотрели мы на комиссара.

— Так, значит, Семен Васильевич, мы должны бросить тяжелое вооружение? — спросил Кульбака.

— Мы должны его взорвать, — ответил комиссар.

Наступило тяжелое молчание. Павловский застыл с дымящейся трубкой в зубах.

— Давайте зароем оружие в землю, — воскликнул Ленкин.

— Опасно — враг может его обнаружить, — возразил комиссар.

— Интересно, что скажет об этом Ковпак, — задумчиво проговорил Базима.

— Ковпак не согласится, — воскликнул Павловский и только теперь вспомнил о своей трубке.

— Но мы должны его убедить. Я еще с Ковпаком не говорил и хочу вместе с вами пойти к нему, — сказал комиссар.

— Неужели нет иного выхода?

— Другого выхода нет, — твердо ответил Руднев.

— Ваши соображения совершенно правильны, Семен Васильевич. Я уверен, что Ковпак согласится с вами, — сказал Кульбака.

— Этот вопрос должен быть разрешен сегодня же, — заключил комиссар.

С этими словами он вошел в штаб. Мы последовали за ним. Ковпак начал расспрашивать Руднева о проведенном бое.

— Положение очень серьезное, — ответил комиссар, — оборона врага очень сильна, против нас действуют свежие силы. Немцы продолжают подбрасывать все новые и новые регулярные части.

— Каково моральное состояние партизан? — спросил Дед.

— Как и всегда, отличное. Бойцы сражаются с беззаветной храбростью и самоотверженностью. В рукопашном

бою враг был вынужден оставить переднюю линию обороны. Все подступы к Полянице усеяны убитыми фашистами.

— Мы должны любой ценой выбить врага из Поляницы. Все остальное зависит от этого.

— Совершенно верно, Сидор Артемьевич. Мы должны во что бы то ни стало одержать победу у Поляницы, это вопрос жизни и смерти, — подтвердил Руднев.

Командиры затаив дыхание ждали, когда Руднев заговорит о тяжелом вооружении.

Молча выслушал Дед комиссара.

После короткой паузы Ковпак решительно сказал:

— Я и сам немало думал о том, что рано или поздно в Карпатах нам придется уничтожить тяжелое вооружение, — это ясно для всех. Ведь чем дальше, тем труднее будет нам тащить по горам пушки и минометы. Только мне кажется, что сегодня еще рановато отказываться от них.

— Время, Сидор Артемьевич, время, — в один голос заговорили командиры. — Нам очень тяжело расставаться с оружием, но что поделаешь! Это единственный выход.

Некоторое время Ковпак сидел в раздумье, затем вскочил и стал по своему обыкновению похлопывать плетью по голенищу сапога. Закурив цигарку, Дед повернулся к собравшимся командирам, внимательно оглядел всех и махнул рукой.

— Ладно, даю согласие, но лишь с одним условием: чтобы весь имеющийся боезапас был выпущен сегодня по врагу и чтобы ни один снаряд не пропал даром. Откройте по фашистам такой огонь, чтобы земля у них под ногами горела.

Руднев собрал бойцов и разъяснил им необходимость и разумность принятого решения.

— Это ясно, Семен Васильевич, но что делать с телегами и двуколками? — спросил Руднева командир пятой роты Ефремов.

— То же, что с пушками и минометами, их тоже придется уничтожить.

Приготовления были закончены. Прозвучала команда:

— Огонь! — Поднялся невероятный грохот и гул. Полянница и прилегающие окрестности окутались дымом. До этого мы ни разу не открывали такого мощного, уничтожающего огня. Враг понес тяжелые потери и стал в беспорядке отступать. Мы преследовали его по пятам, уничтожая живую силу противника. Партизаны знали, чем должен закончиться сегодняшний бой. Они сами должны будут взо-

рвать любимое, испытанное в боях оружие, поэтому с утроенной яростью преследовали они ненавистного врага.

Зарядные ящики вскоре опустели.

Артиллеристы и минометчики молча вкатывают пушки в глубь леса. Подготовка к взрыву похожа на траурную церемонию.

Грохот прокатился по вершинам Карпатских гор.

Затем наступила мертвая тишина. Все стояли сосредоточенные и грустные. В момент взрыва Анисимов, который больше года с такой любовью ухаживал за своими орудиями, сел в стороне и закрыл руками уши, чтобы ничего не слышать. Слезы обильно текли по его щекам. Увидев это, комиссар строго сказал:

— Ну, чего плачешь? Не стыдно тебе? У нас еще будет замечательная артиллерия.

— Не отчаивайтесь, товарищи! — воскликнул наводчик одного из орудий. — Придет время, и на нашей улице будет праздник, а пока что мы, артиллеристы и минометчики, возьмем в руки автоматы и будем сражаться с таким же мужеством, как сражались до сегодняшнего дня.

Вслед за пушками и минометами мы уничтожили и двуколки.

XIV

Штаб распорядился часть военного снаряжения навьючить на лошадей, а часть распределить между партизанами. Один неопытный боец неловко надел на спину мешок. Командир, заметив это, обратился к нему:

— Сними сейчас же мешок, надень снова как следует. Эх ты, растяпа!

— Ты что облокотился о дерево, словно дед на посох? А поклажу куда дел? — спрашивает другого бойца командир отделения.

Боец тотчас же бросается к своим вещам и приводит их в порядок.

— Через пять минут выступаем, чтобы не было сумятохи, — предупреждает партизан мой помощник.

— Понятно, товарищ командир, — в один голос отвечают партизаны.

Рядовые бойцы и командиры взвалили на спины боеприпасы и двинулись по узким горным тропам.

В стороне от общего шума и оживления, на небольшой площадке, усыпанной щебнем, стоят носилки с тяжело ра-

раненными бойцами. Часть раненых, которые могли сидеть в седле, мы посадили на лошадей, а остальных несли на носилках. Партизаны подбегают к носилкам, ловко и осторожно подхватывают их.

Припоминаю одного раненого: он был очень худ, лицо мертвенно-бледно, глаза полузакрыты. Он шепотом обратился к несшим его партизанам:

— Оставьте меня здесь, товарищи, я все равно недолго протяну. Чего же вам понапрасну мучиться...

— Не волнуйся, брат, — весело ответили ему партизаны, — все будет хорошо. Как мы можем тебя оставить? Вот посмотришь, ты скоро будешь драться рядом с нами.

— Ребята, глядите, чтобы мой автомат не остался, а то у меня рука привыкла к нему, я из другого не могу стрелять, — просит раненый автоматчик.

Услышав это, заволновался и другой. Он подозвал своего товарища и говорит ему:

— Смотри, не потеряй моего «вальтера», я его в бою отбил у немецкого офицера, он кровью добыт.

Глядя на них, я думал: «Даже в таком тяжелом состоянии они продолжают беспокоиться об оружии. Разве есть на свете сила, которая сможет сломить такой народ?»

У многих раненых были опечаленные, задумчивые лица. Они понимали, как трудно будет нести их по крутым горным склонам, и страдали от сознания, что затрудняют товарищам и без того тяжелый поход. Бойцы старались шутками рассеять мрачное настроение раненых товарищей, вселить в них бодрость.

Особенную заботу о раненых, как всегда, проявлял Руднев. В Карпатских горах нам нередко приходилось голодать, но за нашими ранеными был хороший уход и, насколько это было возможно осуществить в наших условиях, мы обеспечивали их хорошим питанием.

Прежде мы регулярно отправляли самолетами на «Большую Землю» тяжело раненных. Но в Карпатах нельзя было подготовить аэродром.

Прошли те времена, когда наша артиллерия и обозы растягивались бесконечной лентой по степям Украины и с шумом двигались вперед. Теперь бойцы и навьюченные лошади с трудом карабкались по узким тропинкам. Дорога оказалась исключительно тяжелой. Каждый шаг был сопряжен с нечеловеческими усилиями, мы буквально обливались по́том. Большинство партизан — люди, выросшие

среди полей и степей, им впервые приходилось совершать горные переходы.

Неожиданно противник открыл огонь с хорошо замаскированного укрытия. Однако партизаны не растерялись. Моментально была выделена группа смельчаков, которые ползком добрались до фашистских окопов и забросали их гранатами. На помощь им была выслана вторая группа. С криками «ура» бойцы бросились к окопам. Враг был уничтожен, дорога снова была открыта.

Теперь мы продвигались вперед с еще большей осторожностью.

Снова нас разыскала фашистская авиация. Летчикам удалось напасть на наш след, и они буквально висели над нами. То, что у нас теперь не было пушек и минометов, помогало нам быстрее находить укрытия от налетов с воздуха. Выручали нас и густые карпатские туманы. Правда, иногда спускался такой туман, что на расстоянии одного метра ничего нельзя было различить, и это мешало нашему продвижению, но зато фашистские самолеты теряли нас из виду и мы хоть на короткое время получали передышку. И все же фашистские стервятники убили немало наших товарищей.

Тяжелы были наши потери. Много партизанских могил осталось на склонах Карпатских гор. Мы клали на могилы плоские белые камни и ножами высекали на них имена погибших друзей.

Начиная свой рейд, мы знали, что в Карпатах нас ждут серьезные испытания, и были морально подготовлены к перенесению самых больших трудностей. Суровые условия не ослабили нашу твердость и волю к победе. Более того, партизаны сражались здесь еще самоотверженнее, чем на просторах Украины.

Соединение вышло на гребень Карпатских гор. Партизаны смотрят вниз, на облака, нависшие над ущельями, видят, как плывет над лесом туман. Стоит обогнуть гору, и тогда новые просторы откроются перед нами. Людям не терпится увидеть, что̀ скрывается за поворотом. Мы огибаем вершину.

Какое прекрасное зрелище! Мы достигли альпийской зоны. Горный луг, покрытый высокой, сочной травой, яркими цветами, похож на огромный роскошный ковер. На изумрудных склонах горы пасутся белоснежные отары овец.

Ниже, в котловине, сквозь молочную пелену тумана, нечетко вырисовываются фигуры пастухов. Это — гуцулы. Ог-

ромные овчарки, сидевшие на задних лапах, при виде нас вскочили и волчьей рысцой понеслись в нашу сторону. Пастухи окликнули собак и заставили их вернуться. Умные животные продолжали издали лаять на нас. Мы знаками попросили пастухов подойти ближе. Два гуцула направились к нам. Подошли, поздоровались. Мы тоже приветствовали их...

— Чьи это стада?

— Наши.

— Эти пастбища тоже ваши?

— Раньше были наши, а теперь мы платим за них налог. Немцы обложили нас такими налогами, что хоть ноги протягивай. Живьем хотят сожрать... Столько приходится отдавать им овец и скота, что если так продолжится еще год, то от стада ничего не останется.

— А о войне доходят до вас вести?

— Как же! — сказал один из пастухов. — Говорят, что будто война скоро окончится.

— Вот как! А от кого вы это слышали?

— От немцев. Они говорят, что скоро одержат окончательную победу.

— Обманывают вас фашисты.

— Мы тоже думаем, что обманывают. По всему видно, что дела их не больно хороши.

— Скоро Советская Армия погонит их отсюда.

— Вот это здорово будет! — с радостной улыбкой, в один голос воскликнули пастухи.

Затем один из них сказал:

— Немцы часто поднимаются к нам. Поляница ведь не так далеко отсюда. Они и сегодня утром были здесь.

— О чем они с вами говорили?

— Они нам сказали, что в горах появилась банда. В Карпатских горах, мол, скрываются уцелевшие солдаты разбитого русского войска.

При этих словах мы не могли сдержать смеха.

— Ну и брехуны! А зачем еще они приходили к вам? Дали какое-нибудь задание?

— Да. Они запретили помогать сбежавшим русским солдатам. Ну и, конечно, пригрозили, что каждого, кто поможет русским, они вздернут на виселицу.

— Пугают. Скоро они запоют по-иному. Знайте, что сейчас в Карпатах стоит не разбитая, а одерживающая победы часть Советской Армии.

Гуцулы, пораженные, смотрели на нас.

— А вы кто такие? — наконец заговорил один из них.

— Советские бойцы. Это мы несколько дней тому назад выбили немцев из Поляницы.

Один из пастухов дружески улыбнулся и сказал:

— Если это так, то мы рады встрече с вами!

— Да, так.

— И немцы действительно терпят поражение?

— Они уже потерпели поражение, они улепетывают домой.

— Так, значит, войне скоро конец?

— Да, дела немцев непоправимы.

— Вы достаете себе пищу в этих горах? — спрашивает пастух.

— Что тут достанешь! Ведь здесь мало населения.

— У нас есть молоко и мясо, мы можем вас снабдить продуктами.

— Мы будем вам очень благодарны, мы за все вам заплатим.

Пастухи дали нам мясо и молоко. Мы хорошо подкрепились и двинулись дальше.

Скалистые горные тропы привели в полную негодность обувь бойцов. У моих сапог отлетели подметки, я был вынужден обвязать их овечьей кожей и сильно растер себе ноги. Пошли крутые подъемы, каждые десять минут мы отдыхали. На западе начали собираться черные тучи. Небо потемнело, ущелье затянуло туманом. Заметно похолодало.

И неожиданно на нас обрушился град, укрыться было негде. Этот проклятый град изрядно побил нас в тот день. Я долго чувствовал боль во всем теле.

XV

Штабные разведчики добыли точные сведения о том, что расположенные вокруг горы Шевки села и города Надворное, Пасечное, Яремча, Зеленое и Делятин превращены врагом в крепости. Противник перебросил в Карпаты альпийских стрелков, которые контролировали все тропинки. Горная артиллерия охраняла все входы в горы и выходы на равнину.

Немецкие и венгерские части, приспособленные специально к горной войне, изрезали вершины траншеями и сильно укрепили их.

Мы снова устремились вверх по крутым склонам. Нам приходилось идти по тропинкам с уклоном в шестьдесят градусов. Лошади, и без того измученные, окончательно выбились из сил. Теперь мы должны были тащить лошадей. Один партизан тянул лошадь за уздечку, двое подпирали ее с боков, а четвертый подталкивал ее плечом сзади. То и дело «бомбил» нас град, от него укрыться было труднее, чем от вражеской авиации. По приказу Ковпака, мы через некоторое время спустились вниз, в заросшее лесом ущелье.

Единственной пищей все эти дни была у нас черника. Мы так ослабли от голода, что еле передвигали ноги.

Трудно было в таком состоянии идти бойцам с запасом взрывчатки и патронов.

Чтобы легче было идти, партизаны побросали шинели и все свои личные вещи, за исключением самых необходимых. Было удивительно, что так легко одетые партизаны не простуживались и не болели. На ночлег мы устраивались там, где нас заставала ночь, а ночи в горах очень холодны. Бойцы закалились. С исключительной стойкостью переносили все лишения и тяготы наши раненые.

На протяжении всего Карпатского рейда с нами находились бежавшие из Конотопского лагеря хирурги Савченко и Ульяновский. Эти врачи-патриоты оказали нашему соединению неоценимую помощь. Они день и ночь ухаживали за больными. Многих бойцов вырвали из когтей смерти эти благородные люди.

Мы подошли к расположенному среди Карпатских гор курорту Яремча. Как нам рассказывали гуцулы, сюда до войны на лето съезжалось много отдыхающих.

Это было действительно прекрасное место. Со всех сторон его окружал ельник и сосновый бор, повсюду здесь били холодные, чистые, словно хрусталь, родники.

Фашисты захватили курорт Яремчу; теперь он охранялся усиленным гарнизоном. Гитлеровские офицеры обычно приезжали сюда на отдых с семьями.

Наш штаб решил, что взятие Яремчи не имеет для нас никакого значения. Мы обошли ее и вступили в глубокое ущелье, которое должно было вывести нас к горе Синичка. Разведчики получили задание отыскать удобные тропы. Горланов получил приказ подняться со своей ротой на самую вершину и очистить ее от неприятеля. Рота Горланова стала взбираться по крутой тропинке, соединение медленно двинулось по тому же пути.

Не прошло и двух часов, как мы услышали частую автоматную стрельбу. Видимо, Горланов вступил в бой с укрепившимся на вершине горы противником.

— Девятая рота, вперед! Бакрадзе, вперед! — передали мне по цепочке приказ Ковпака.

Но дело в том, что моя рота именно в этот момент растянулась на целый километр. Одни бойцы подгоняли ослабевших лошадей, другие несли носилки с ранеными. Мне с трудом удалось собрать шестьдесят человек.

Когда Руднев увидел бойцов моей роты — ослабевших, похожих от голода на тени, он отвернулся и смахнул навернувшуюся слезу.

— Давид, — обратился ко мне комиссар, — ты должен помочь своему брату.

В тоне комиссара не было приказания, он просил меня оказать помощь Горланову. Руднев знал, что мы были близкими друзьями.

— Ты слышишь, что там творится? Их могут уничтожить всех до единого.

Действительно, пулеметная и автоматная стрельба превратилась в сплошной гул. Горное эхо еще больше усиливало грохот.

— Товарищ комиссар, я пойду, непременно пойду и помогу ему, — твердо сказал я Рудневу и повернулся к своим бойцам.

— За мной!

Бойцы забыли о своей слабости и бегом бросились за мной в гору. Я послал к Горланову связных с просьбой продержаться до моего прихода, обещая ударить по фашистам с фланга.

Ободренный Горланов усилил отпор врагу.

В этом месте горный хребет был изрезан старыми, наполовину разрушенными траншеями, сохранившимися еще от первой мировой войны. Фашисты приспособили для своей обороны эти старые окопы.

Еще минута, и мы вступим в бой. Я смотрел на своих бойцов и не узнавал их: все выпрямились, лица их преобразились, они горели желанием сразиться с противником. Пораженный, я думал: неужели это те самые люди, которые несколько минут назад от слабости еле передвигали ноги?!

— За мной, смелей! — крикнул я.

— Ура-а-а-а! — грянули партизаны и, рассыпавшись в цепь, открыли автоматный огонь.

Враг не выдержал натиска. Все плато было усеяно брошенными фашистскими автоматами.

Я приказал завхозу роты Боголюбову собрать трофеи. Нам досталось много хлеба, сахара, колбасы, масла, коньяка и ликеров. Бойцы довольно улыбались, глядя на давно не виданные яства.

Выйдя из окопов, я и Горланов поздравили друг друга с одержанной победой.

Вскоре подошли Ковпак, Руднев и Базима. Ковпак протянул обе руки и поздравил с победой Горланова и меня.

— Я думал, что бой продлится дольше, — сказал Ковпак.

Мы пригласили Ковпака, Руднева и Базиму к трофейному столу и угостили их на славу.

Необходимо было до наступления темноты отыскать дорогу к горе Синичка. Благодаря стараниям разведки эта задача была быстро разрешена.

Для яремчанского гарнизона и отдыхающих там немцев не прошел незамеченным бой, разгоревшийся на вершине.

Яремча находилась совсем близко. Всполошившийся гарнизон снарядил за нами в погоню сильный отряд. Мы постарались избежать встречи с ним, не видя в этом никакой необходимости. Спешно покинули мы вершину и двинулись к Синичке.

Мы начали спуск и уже собирались войти в лес, когда высланные вперед разведчики остановились. В глубине леса двигались какие-то тени. Залп из автоматов сотряс воздух. Вскоре выяснилось, что это всего-навсего быки. Разведчики попали впросак, они были очень смущены. Партизаны подняли насмех «охотников». Ковпак шутливым тоном обратился к разведчикам.

— Эх, храбрецы, быков испугались! Но все же вы, хлопцы, молодцы: будет у нас мясо на обед.

Вершигора раньше всех добрался до горы Синички. Поднявшись на гору, он встретил гуцулов, которые, несмотря на приказ немцев, остались с отарами на горных пастбищах. Они подарили ему овец.

Когда мы подошли, Ковпак взглянул на овец и сказал:

— Вот это замечательно. Еще на сутки есть мясо.

В это время разведчики донесли: выступивший из Яремчи отряд противника продолжает розыски соединения, враг может обнаружить нас и на Синичке.

Выслушав донесение, Ковпак решил:

— Обнаружит нас враг или нет, все равно мы пробудем здесь два-три дня.

Действительно, мы крайне нуждались в отдыхе. Да и местность словно была создана для обороны. Здесь тоже сохранились русские окопы времен первой мировой войны, причем они были так искусно расположены, что одно отделение смело могло задержать наступление целой роты. Мы выбрали на Синичке небольшую прогалину и расположились лагерем.

На прогалине стояла пастушья сторожка, в которой мы нашли огромные котлы. В них мы решили сварить мясо.

Но недолго пользовались мы отдыхом. Нас обнаружили вражеские самолеты. Как-то раз немцы сбросили бомбы в тот момент, когда у нас варился обед. После налета мы увидели, что сторожка разбита, бесследно исчезли котлы с нашим обедом. В тот день мы остались голодными.

XVI

Боец должен ухаживать за своим оружием, так как от исправности его зависит и успех в бою, и жизнь воина.

Плох тот боец, оружие которого не вычищено и не смазано. Недаром наш воинский устав так строг в этом отношении. Как только кончался бой и мы располагались на отдых, партизаны устраивались под деревьями и старательно чистили свое оружие.

Во время боя за гору Шевка я страшно устал. Свой автомат я всегда чистил сам. Но на этот раз командир отделения Бокарев сказал мне:

— Товарищ командир, вы лучше отдохните, а я почищу ваш автомат. Разрешите.

И я разрешил.

Бокарев долго и усердно возился с моим автоматом, разобрал, почистил, снова собрал.

— Этот автомат, наверное, не был в таком порядке, когда вышел с завода, — сказал протягивая его мне Бокарев.

Я поблагодарил, положил автомат под голову и уснул.

В одиннадцать часов утра меня разбудили и передали приказ Ковпака. Приказ был лаконичен:

«Командиру девятой роты Бакрадзе. Срочно оказать помощь восьмой роте, атаковать врага с левого фланга и разгромить его».

Я тотчас же поднял своих бойцов и выступил на помощь восьмой роте. Продвигаемся осторожно. Хочу добраться скрыт-

но до назначенного места. Однако противник обнаружил нас и открыл сильный огонь. Мы ответили.

И в этот момент со мной случилось то, чего никогда не случалось. Рота бросилась с криком «ура» в атаку, я подняла автомат, нажал на спуск, но... выстрела не последовало... Я несколько раз повернул автомат в руках, снова нажал на спуск — ни звука. Противник усилил огонь. Тогда я выхватил из-за пояса гранаты и одну за другой метнул в сторону врага.

Мне изменил мой верный автомат! Мой друг Бокарев, сам того не подозревая, оказал мне медвежью услугу. Он, правда, отлично почистил автомат, но при сборке допустил ошибку, которая могла стоить мне жизни.

Бокарев был в отчаянии, он не мог простить себе допущенной ошибки. После этого случая я никому не доверял своего оружия.

Утром следующего дня на склонах Синички появились немецкие разведчики. Их сразу обнаружили выдвинутые вперед партизанские заслоны и быстро рассеяли непрошенных гостей.

Мы получили сведения, что у подножия горы сосредоточивается немецкая танковая часть. Танки могли пройти по дороге, ведущей в гору. Количество самолетов резко увеличилось. Они шли на нас волнами — одна за другой. Партизаны все время смотрели на небо. Командование соединения решило покинуть Синичку, чтобы избежать окружения.

Только мы успели спуститься с горы, как нас догнал гуцул. Поздоровавшись, он сказал:

— Я здешний пастух, гуцул, у меня есть к вам дело.

— Говори!

Не могу больше спокойно смотреть, как на нашей земле хозяйничают немцы. Прошу принять меня в ваши ряды.

Гуцул производил впечатление искреннего человека.

— Мы примем тебя в наш отряд, — сказал я ему. — Только ты должен знать, что обязанности партизана очень сложные и трудные.

— Это я знаю. Я пастух и привык ко всяким невзгодам,— ответил он.

Решив проверить все же неизвестного нам пастуха-гуцула, я разговорился с ним.

— То, что ты вступил в партизаны, это хорошо, но на кого ты оставил скот?

— Его у меня осталось немного. Немцы перевели почти все мое стадо. Оставшуюся скотину я поручил своему старшему брату, он тоже пастух.

Гуцул потянул носом воздух.

— Вы чувствуете, какой стоит тяжелый запах? Поглядите, все окрестные склоны усеяны трупами овец. Несколько дней назад немецкие самолеты разбомбили отару.

— Для чего они это сделали?

— Для того, чтобы заморить вас голодом в горах. Сначала немцы, — продолжал рассказывать гуцул, — потребовали у нас справки о количестве скота. Ни один пастух не дал немцам верных сведений. Захватчики узнали об обмане.

«Если мы встретим где-нибудь в горах овец, — заявили они, — то ни одной не оставим в живых. Мы отлично знаем ваши расчеты, знаем, зачем вы их прячете».

XVII

Во время пребывания на равнине у нас почти всегда была регулярная связь с «Большой Землей». Мы получали литературу, медикаменты, боевые припасы и оружие. Карпаты отрезали нас от «Большой Земли», только с помощью радио связывались мы теперь с Москвой.

Это были дни, когда Советская Армия неудержимо двигалась вперед. Разбитый противник поспешно откатывался на запад. Наша штабная радистка бывала еле видна из-за махорочного дыма: партизаны не отходили от радиоприемника. Весть о каждой новой победе родной Советской Армии они встречали восторженным «ура».

Если в начале похода партизан пленяли красоты горной природы, то теперь горы надоели всем; тяжелые испытания, выпавшие на нашу долю, настроили бойцов против Карпат. Бойцы только и мечтали о скорейшем выходе на равнину.

Однажды на привале я прилег на землю и задумался.

По небу плывут обрывки прозрачных белых облаков, тая в небесной лазури.

Издали глухо доносится артиллерийская канонада. Интересно, с кем это сейчас воюют немцы?

Одно я знаю твердо: в данный момент ни одна часть нашего соединения не ведет боя.

Чувствую, что подкрадывается сон. Не время спать. Вспомнил вчерашний бой. Просто удивительно, как я вышел из него живым. В траншеях, где нам пришлось выдержать жестокую рукопашную схватку, неожиданно я заметил фашиста, который смотрел в мою сторону. Вдруг он наставил на меня автомат. Я понял его намерение и тотчас же спрятался за большой камень, бросив в сторону фашиста гранату. Когда я подошел к гитлеровцу, он уже хрипел.

Я смотрел на него и думал: «Ты шел сюда из Германии в надежде стать помещиком. Многие твои друзья спаслись бегством, но ты поднял на меня свое оружие и завоевал для себя лишь три аршина земли.

Я же борюсь за честь и свободу своей Родины. Мне не надо чужой земли, но я никому не уступлю родной земли, ни вершка.

Еще мгновение, и я мог бы лежать здесь вместо тебя. Но я стоял на страже своей страны и всегда буду стоять».

Я смотрю в бездонное и такое мирное карпатское небо, вспоминаю недавно прошедшие события и с глубокой верой думаю о будущем.

XVIII

Ночные переходы наиболее выгодны для партизанского соединения: можно скрытно напасть на врага, незаметно окружить его или самим выйти из окружения.

Но как идти ночью по Карпатам, если узкие тропы часто вьются над самой пропастью? Днем же не дают покоя вражеские самолеты. Часто мы пренебрегали этой опасностью, шли на риск и совершали переходы в дневное время.

Нужно сказать, что наши партизаны все же очень быстро приспособились к войне в горах. Особенно ловко передвигались по отвесным горным склонам молодые связные.

В то время, когда отряд Ковпака еще стоял в Брянских лесах, из села Воргола к нам пришел четырнадцатилетний Вася Мирошкин. Его отца и мать повесили фашисты. Сердце мальчика, бывшего свидетелем этой картины, переполняло чувство мести к гнусным захватчикам. Как только Вася узнал о пребывании в Брянских лесах партизанского отряда, он пришел к нам и попросил принять его в наши ряды. Когда меня назначили командиром роты, я взял Васю к себе связным. Смелый, смышленый, проворный, он был к тому же настоящим крепышом. Путивльский крестьянин подарил ему коня. Мальчик был с ним неразлучен, кажется, он только не спал на нем.

«Васин скакун за сутки покрывает три километра», — шутили над ним сверстники-партизаны. — «Это не конь, а настоящий танк». Но Вася не обращал внимания на шутки своих товарищей. Когда же они очень надоедали ему, он говорил им, сидя на своем любимце: «Наверное, вы много таких коней оставили дома!»

Вася всегда точно и своевременно выполнял боевые задания. Он мог пройти сквозь огонь и воду, лишь бы вовремя передать приказ и донесение.

Часто он просил меня: «Товарищ командир, пора меня перевести в автоматчики», а о своем коне он говорил: «Этого коня я должен привести в целости и сохранности в Путивль и сдать его хозяину».

XIX

В период карпатских боев фашистское командование начало хвасталось: мы, мол, уничтожили партизан, уцелело лишь несколько небольших групп в четыре-пять человек, да и у тех патроны на исходе, нам осталось только захватить Ковпака и Руднева.

Комичны были поиски Ковпака и Руднева: на каждом перекрестке, в каждом селе на телеграфных столбах были расклеены объявления. Оккупанты обещали баснословную денежную награду тем, кто доставит живыми партизанских командиров. В объявлениях давалось подробное описание их внешности. Как-то, во время нашего похода по горам, мы наткнулись на одно такое «описание». Читаем: «У Ковпака бритое лицо, черные как смоль волосы и усы, возраст около сорока лет; Руднев — шестидесятилетний сухопарый старик с небольшой седой бородкой».

Вот так омолодили незадачливые немцы нашего Деда, Руднева же объявили стариком. Прочитав это объявление, Руднев расхохотался.

Спустившись с Синички, мы продолжали свой путь к равнине. Бойцы наши повеселели. Но противник продолжал преследовать нас по пятам. Мы громили на своем пути вражеские засады и заслоны, а выделенный в арьергард четвертый батальон успешно отбивал все атаки противника с тыла.

Но удивительное дело — чем больше и чаще доставалось фашистам, тем они громче и нахальнее вопили об уничтожении партизан.

После боя на горе Шевка, где бойцы Горланова и мое подразделение нанесли немцам жестокое поражение, самолеты противника сбросили листовки следующего содержания: «Сдавайтесь, вашего соединения больше не существует».

Захваченные на горе Шевка пленные рассказывали:

— Наши командиры объявили нам, что одна часть партизан умерла в горах от голода, а другая — уничтожена авиацией.

— Вы этому верили? — задал я вопрос пленным.

— Сегодня мы этому, конечно, не верим, так как видим нас собственными глазами.

— Может быть, вам известно, для чего нужна вашим командирам подобная ложь?

— Я думаю, что это делается в целях агитации, для поднятия боевого духа солдат, — отвечал мне один из пленных.

Приносила ли оккупантам какую-нибудь пользу эта агитация? Можно решительно сказать, что никакой. Напротив, эти басни не раз сбивали с толку и вводили в заблуждение самих немцев. Обнадеженные тем, что партизанское соединение уничтожено, их солдаты успокаивались, переставали быть бдительными и осторожными, что, разумеется, было нам наруку. Получалось так, что немцы сами лили воду на нашу мельницу.

Соединение подошло к Делятину. Это — небольшой районный центр в Прикарпатской Украине, расположенный на железнодорожной магистрали. С южной и восточной сторон он окаймлен цепью гор, на север и на запад от него тянется равнина. Окрестности покрыты лиственными и сосновыми лесами.

Разведка, посланная в Делятин от моей роты, донесла, что в городе царит абсолютное спокойствие, гитлеровцы не предполагают, что мы находимся так близко.

Как установили разведчики, в Делятине находился штаб дивизии, части которой расположены в разных местах. Действующие в Карпатах против нас полки и другие мелкие подразделения также входили в состав этой дивизии. Кроме того, в северной и западной частях города разведчики обнаружили большое скопление автомашин.

Река Прут делит Делятин на две части. Два больших моста через эту реку хорошо охраняются.

Сообщение разведчиков моей роты слово в слово совпадало с донесением штабной разведки, посланной вслед за ними.

Вскоре после получения этих разведданных меня вызвали в штаб.

Собравшиеся перед штабом командиры других рот сказали мне:

— Товарищ Бакрадзе, этой ночью мы будем штурмовать Делятин! Приказ уже печатается.

Я знал, что мы должны захватить Делятин, но не предполагал, что это будет так скоро. По своему местоположению Делятин чрезвычайно важен для оккупантов. Поэтому при взятии его следовало ждать серьезного сопротивления и были неизбежны значительные жертвы с нашей стороны.

Я вошел в штаб. Мне вручили приказ, который предусматривал следующий порядок действий: на штурм Делятина бросалось все соединение. Каждый боец, способный носить оружие, обязан был принять в нем участие. В ударную часть были сведены вторая, третья, четвертая, восьмая и девятая роты. Они должны были внезапным лобовым ударом ворваться в центр города.

Второй, третий, четвертый батальоны и все остальные роты соединения должны были атаковать город с флангов. Непосредственное руководство штурмом возлагалось на Руднева и Вершигору.

Я ознакомился с планом, он был очень прост и вместе с тем гибок. Когда я стоял с автоматом и перечитывал приказ, меня заметил Руднев и спросил:

— Давид, готов?

— Как всегда, — ответил я комиссару.

— Имей в виду, что мы должны во что бы то ни стало взять Делятин. Самое главное в этом деле то, что враг не ждет нас этой ночью. Это обстоятельство значительно облегчает захват города, — сказал мне Руднев и затем спросил:— Какое настроение у бойцов?

— Бойцы считают минуты, когда, наконец, они смогут вырваться на равнину. У всех такое настроение, что если бы пришлось брать Берлин, то они, не задумываясь, пошли бы на его штурм. Меня беспокоит лишь одно обстоятельство, — сказал я комиссару.

— Что такое?

— Бойцы голодны. Правда, они об этом не говорят, но я-то знаю...

— Да, так не годится, надо что-нибудь устроить. Позови ко мне Павловского, — обратился комиссар к стоявшему поблизости партизану.

Павловский моментально явился.

— Товарищ Павловский, какие у вас имеются продукты и в каком количестве? — спросил Руднев.

— Только неприкосновенный запас.

— Ничего, завтра у нас все будет, — сказал Руднев, — выдайте сейчас же бойцам сало и муку.

Когда все командиры ознакомились с приказом, Ковпак обратился к нам со следующими словами:

— Штурм Делятина, — сказал он, — бесспорно, очень смелый шаг, но наше преимущество заключается в том, что враг не ждет нас. Кроме того, делятинский гарнизон в настоящее время значительно ослаблен. Это обстоятельство должно содействовать успеху операции. Главное — это скрытно подойти к городу. Вы ведь помните, как мы не раз при наличии артиллерии и громадного обоза подходили скрытно к тому или иному пункту. Сегодня же осуществить это гораздо легче. Итак, незаметно подойти к Делятину и нанести внезапный молниеносный удар. При вступлении в город необходимо в первую очередь захватить и сохранить мосты до подхода всего соединения. Это первое условие успеха.

— Не забудьте, — продолжал Ковпак, — что предстоящий бой удесятеряет ответственность командиров в сравнении с проводившимися до сих пор в горах стычками. Делятинское дело значительно сложнее. Это самый крупный и наиболее укрепленный из расположенных у подножья Карпат город. Мы идем на штурм с твердой верой в победу. До сих пор партизаны всегда и везде осуществляли свои замыслы, так должно быть и теперь. За нашей борьбой, за нашими успехами наблюдает весь Советский Союз. Слово за вами, товарищи командиры! Бой за Делятин будет для нас еще одним испытанием. Враг, свивший себе там гнездо, будет беззаботно спать этой ночью, так же, как спали гитлеровцы в ночь взятия Россульни. Давайте постараемся, чтобы они никогда не проснулись. Я верю в ваше мужество и самоотверженность, — заключил свою речь Ковпак.

Выступивший после Ковпака Руднев детально ознакомил присутствующих командиров с некоторыми особенностями предстоящего боя. Он подчеркнул высокое моральное состояние бойцов и закончил так:

— Внезапность и молниеносность удара решат судьбу боя в нашу пользу. Своевременный захват мостов равен выполнению боевого плана на восемьдесят процентов. Товарищ Бакрадзе должен после занятия Делятина совместно с пятой и восьмой ротами захватить село Баниша. Я вам еще раз напоминаю об этом, товарищ Бакрадзе! Берегите захваченные машины, не уничтожайте их, сажайте на них бойцов, быстро проезжайте мост и укрепляйтесь в Банише. Мы присоединимся к вам.

Руднев закончил. Командиры ясно представляли себе план предстоящего боя.

Вернувшись к себе в роту, я зачитал боевой приказ. Бойцы старались не пропустить ни одного слова. Раздались возгласы: «Лишь бы вырваться на равнину, и победа будет за нами!»

Теперь необходимо поскорей оторваться от преследующего врага на большое расстояние, чтобы он не смог навязать нам новых боев, не мог нам помешать штурмовать Делятин.

Партизаны расклеивают на деревьях наспех написанные листовки примерно следующего содержания: «Если будете идти за нами без отдыха пять суток, все равно не догоните, не утруждайте себя понапрасну». Другая листовка: «Советуем поскорее убраться к себе на родину, пока мы всех вас не перебили».

Среди бойцов царит оживление. Наспех приготовили еду. Разжигать огонь боялись из-за вражеской авиации; размешали муку в воде, накрошили туда сала, и каша готова. Мне тоже принесли в котелке это оригинальное кушанье. Завтра утром нас будет угощать Делятин.

Стемнело. В лагере бодрое предбоевое оживление. У бойцов веселые, довольные лица. Принятое по радио сообщение Совинформбюро о том, что Советская Армия прорвала фронт немцев у Курска, удесятерило мужество бойцов.

Согласно приказу, я должен был сразу после вступления в Делятин посадить своих бойцов на трофейные машины и перебросить их в село Баниша. В моей роте оказалось много профессиональных шоферов и шоферов-любителей. Они уже готовились к предстоящей поездке и наперебой приглашали бойцов на свои машины. Получилось вроде как в народной пословице: «Вина еще не было видно, а бурдюки уже надували».

Перед выступлением Руднев крепко пожал мне руку и пожелал победы. Не знал я тогда, что в последний раз вижу любимого комиссара.

Мы стали спускаться с горы в полной темноте, ничего не видя перед собой. Впереди я заметил какие-то светящиеся точки; выяснилось, что это гнилушки, испускающие фосфорический свет. Один из партизан натер гнилушкой спину шедшего впереди товарища — спина бойца стала светиться. Остальные последовали его примеру. Теперь мы уже не рисковали потерять друг друга, не сбивались с пути, не срывались в пропасти.

Можно представить себе положение партизан, которым пришлось в таких условиях нести больных и раненых бойцов.

Соединение двигалось в следующем порядке: впереди шли штабные разведчики, они проверяли безопасность дороги. За ними следовали Руднев и Вершигора, затем двигались третья, девятая, пятая и восьмая роты. Ковпак со штабом и ранеными находился в середине колонны.

Подъем сменялся спуском, это разнообразило дорогу и оживляло партизан. Наконец, преодолев последний подъем, мы увидели перед собой город.

— Делятин! — тихо, вполголоса воскликнул кто-то.

Как и все населенные пункты в военное время, Делятин был затемнен. Местонахождение его выдавали лишь синие огоньки уличных фонарей. По этим еле светящимся точкам можно было представить себе, что город довольно велик.

Партизаны прибавили шагу, приближались решающие минуты.

Тропинка вывела нас на шоссе. Мы облегченно вздохнули, ступив на ровную дорогу. Вокруг царила гробовая тишина. Делятин погружен в сон.

Внезапно на улицах города погас электрический свет. Что это может значить, уж не обнаружили ли нас?

Нет, свет снова загорелся. Видно, это забавляется монтер электростанции, чтобы разогнать сон.

Бледный свет фонарей слабо окрашивает небо над городом.

XX

Тысяча четыреста партизан стоят в ночной темноте перед Делятином. А город спит. Группа разведчиков подкралась к постам, охраняющим входы в город, и без шума сняла их. Путь открыт. Выстраиваются вторая, третья, пятая, восьмая и девятая роты, они должны первыми ворваться в город и захватить его центр. Это ударная группа.

На левый фланг выдвинулся третий батальон под командованием Матющенко. Он должен взорвать железнодорожный мост. На правом фланге расположились второй и четвертый батальоны под командованием Кульбаки и Кудрявского, их задача — сжечь железнодорожную станцию уничтожить нефтехранилище, повредить стрелки и частично взорвать железнодорожное полотно.

Больные и раненые остались со штабом. Охрана штаба была возложена на четвертую и десятую роты.

Руднев и Вершигора доложили Ковпаку о готовности партизанских подразделений к штурму.

Перед бурей бывает особенно тихо. Партизаны застыли в ожидании приказа к штурму.

Раздалось громовое «ура» — это ударная группа ворвалась в город. Такой молниеносный удар мог бы вызвать растерянность и замешательство не только у спящего, но и у бодрствующего, готового к бою противника. Трещат автоматы, и ударный отряд быстро продвигается к центру. Не слышно приказов командиров, каждый боец знает, куда ему надо спешить, где надо ударить по врагу.

На улицах погасли огни. Партизаны быстро отыскали электростанцию, вытащили спрятавшегося электромонтера и задали ему хорошую трепку за то, что он выключил свет.

— Я не виноват, я получил по телефону приказ коменданта, — дрожащим голосом оправдывался насмерть перепуганный монтер. Партизаны заставили его осветить город...

Шум на улицах усилился, партизанские роты продвигались вперед. Враг в панике бежал, не отдавая себе отчета в том, что происходит. Фашисты устроили на улицах настоящее соревнование в беге. После Россульни я во второй раз видел подобную картину. Гитлеровцы бежали в одном белье.

Вдруг среди общего шума раздался громовой голос Руднева: «Партизаны, враг бежит, преследуйте его по пятам, уничтожайте разбойников!»

— Ура-а! Ура-а! — мощно гремит на главных улицах города и на шоссе. Связные носятся во все стороны.

— Товарищ командир, только что в этот дом вбежали два гитлеровца! Вот за этим большим камнем спрятался фашист! — кричит мне время от времени мой связной Вася.

— Хенде хох! — преграждают дорогу группе улепетывающих фашистов выскочившие из укрытия партизаны.

Гитлеровцы в одних трусах и безрукавках тотчас же останавливаются и покорно поднимают руки.

Вдруг раздался адский грохот, взрывная волна сотрясла весь город, замигали электрические лампочки. Кружившиеся вокруг фонарей бабочки и мошки рассыпались во все стороны. Какая-то птица стремительно пролетела над электрическим фонарем и скрылась в густой листве дерева. Снова раздалось подряд несколько оглушительных взрывов — это взлетел железнодорожный мост.

Над нефтехранилищем к небу тянулись огромные языки пламени, горят железнодорожная станция и товарные склады. Видно, Матющенко и Кульбака хорошо справились со своей задачей.

Но растерявшийся вначале враг стал постепенно оправляться и оказывать сопротивление. Все соединение втянуто в бой, сражаются даже подразделения, находящиеся в резерве штаба.

Я решил любой ценой достигнуть моста и отрезать путь убегающим немцам. Для этого стал отыскивать кратчайшую дорогу, но безрезультатно. Вдруг я заметил в одном дворе взбегающего по лестнице мужчину.

— Стой! — закричал я.

Мужчина остановился.

— Я местный житель, живу в этом доме, — еле слышно забормотал он.

— Где был?

— Бог свидетель, что я не замышляю ничего дурного. Что вы хотите от меня?

— Далеко отсюда мост?

— Недалеко.

— Тогда проводите нас к мосту.

— Сжальтесь надо мной, пощадите моих малых деток и жену! Я вам укажу дорогу к мосту, только не берите меня с собой, — начал он упрашивать меня.

Кое-как мне удалось уговорить его.

По дороге я заметил с десяток разбитых автомобилей. Незнакомец рассказал мне, что около ста нагруженных немецких автомашин стремились проскочить через мост, к которому мы шли.

Разведчики подтвердили, что неприятельские машины действительно проследовали в том направлении, куда я должен был вести свою роту.

У моста я увидел Вершигору. Он был возбужден.

— Начали хорошо, товарищ Бакрадзе, враг застигнут врасплох, однако впереди предстоит серьезная борьба. Значительная часть фашистского гарнизона успела убежать по этой дороге, — и он протянул руку в сторону шоссе. — Несомненно, что к рассвету противник сможет бросить против нас большие силы. Надо быть готовыми ко всяким неожиданностям.

Вершигора оставил у моста вторую роту, а с пятой и восьмой двинулся вперед.

Противник заметно усилил огонь, я приказал всем бойцам избегать открытых мест. По обеим сторонам дороги тянутся довольно глубокие канавы — отличное укрытие. Большинство бойцов последовало моему совету и спустилось в канаву. Горланов с несколькими разведчиками в азарте боя не услышал моего предупреждения и продолжал идти по шоссе.

Не прошло и пяти минут после этого, как Горланов и его разведчики, словно подкошенные, упали посреди дороги.

— Вот что значит неосторожность! — воскликнул один партизан.

— Понапрасну погибли ребята!—печально сказал другой.

Мы снесли убитых товарищей в канаву. Нельзя было терять ни одной минуты. Подоспевший в это время связной передал: по достоверным сведениям, фашисты готовят впереди большую засаду, необходимо принять меры предосторожности.

Выдвинувшиеся вперед разведчики вступили в бой с фашистами, я со своей ротой обошел врага с тыла. Окруженный противник был истреблен.

Мы заметили впереди большое число автомобилей, вокруг не видно ни одной живой души. Очевидно, пассажиры разбежались. Партизаны бросились к машинам.

XXI

Первый этап штурма Делятина успешно закончен. Партизаны полностью овладели городом. Гитлеровский гарнизон был захвачен врасплох и обращен в бегство. Штабу вражеской дивизии тоже удалось удрать из города и скрыться.

Второй этап оказался значительно сложнее и тяжелее. Противник сумел быстро вызвать главные силы дивизии: к Делятину спешно перебрасывались регулярные части из Станислава, Коломыи и других районных центров. Потеря Делятина всполошила противника, и он принял решительные меры. К рассвету немцы окружили Делятин, их танки и механизированные части вклинились в город и завязали бои с партизанами.

Почти на всех главных улицах происходили ожесточенные рукопашные схватки. Громовое «ура» висело в воздухе.

Враг попытался в первую очередь отрезать партизанские подразделения друг от друга. Теперь атаковали немцы, а мы перешли к обороне. Согласно приказу командования, мы должны были покинуть город, однако это нам не удавалось: нельзя было оторваться от значительно превосходящего противника.

Рассвело. Вся территория города была превращена в поле боя. Врагу удалось рассечь и изолировать наши подразделения. Но партизаны и в этой тяжелой обстановке наносили неприятелю жестокие удары.

В эти тяжелые минуты мне не давала покоя мысль о судьбе штаба, о судьбе Руднева, так как я знал, что он руководил боем на очень опасном участке. Наконец я получил приказ от

Руднева. Его передали мне заместитель начальника штаба Войцехович и командир второго батальона Кульбака. Согласно этому приказу, я должен был перейти небольшую возвышенность по левую сторону от шоссе и занять села Белая Ослава и Черная Ослава. Вместе с тем нужно было очистить от противника дорогу, ведущую от Делятина к этим селам, чтобы по ней могло свободно пройти наше соединение.

На батальон Кульбаки возлагалось уничтожение неприятеля, залегшего в ниве по правую сторону шоссе.

Уже совсем рассвело, когда я со своими бойцами занял указанную в приказе возвышенность.

Гитлеровцы попытались сбить нас с этой вершины, но мы успешно отразили атаку. Склоны горы были покрыты телами убитых фашистов.

Во время схватки я неожиданно заметил сына Руднева— Радика.

— Как ты попал сюда? Видишь, что здесь творится, откуда ты пришел? — спрашиваю его.

— Я был с отцом в городе, участвовал в уличных боях, потом потерял его из виду. Вернее, нас разъединил противник, вот я и подался сюда.

Не по душе мне пришелся этот рассказ. С этой минуты я не расставался с мальчиком, он постоянно находился при мне.

Подразделение Кульбаки продвигалось с боем вдоль шоссе.

Вправо от дороги, на склоне горы виднелась заколосившаяся нива. Из прилегавшего к ней небольшого ущелья враг просочился на эту ниву. Время от времени колосья начинали неестественно шевелиться. Это передвигались спрятавшиеся в хлебах фашисты.

Очистив от неприятеля дорогу, мы стали продвигаться вперед и овладели всеми возвышенностями, господствующими над селами Белая и Черная Ослава. Перед нами открылась картина ожесточенного боя во всех частях города.

В окрестности Делятина прибывают все новые и новые фашистские части.

Готовимся к захвату сел. Пятая и девятая роты спускаются с возвышенности. Через каждые двадцать метров противник устроил засады, мы уничтожаем их и продолжаем двигаться вперед. В результате ожесточенного боя занимаем оба села. Захватили много пленных. В городе по-прежнему гремит артиллерия, к ней присоединяется рев танковых пушек. Я потерял связь с Кульбакой, которую очень трудно восстановить.

Привели большую группу пленных, среди них оказался немецкий капитан. Допрашиваю его с помощью переводчика:

— Вы из Делятина?

— Четыре часа назад моя часть была переброшена сюда из Станислава.

«Вот чего мы не учли, штурмуя Делятин», — подумал я.

Вдруг я заметил направляющегося к нам быстрым шагом человека. Это был Базима. Но каким образом он очутился здесь? У него через плечо был перекинут автомат, в руках — плетка. Я очень удивился, что он пришел один в такой момент. Базима взял меня под руку и отвел в сторону.

— Я отстал от штаба и не смог его найти, — сказал он мне. — Я не имею представления, где он находится в настоящее время. Положение очень серьезное, на вашем участке сравнительно спокойно. Руднев остался в центре города, он переводил бойцов через мост под ожесточенным огнем противника.

— Григорий Яковлевич, — говорю я ему, — сейчас здесь сравнительно безопасно, поэтому было бы целесообразно, чтобы Сидор Артемьевич со штабом перебрался сюда.

— Я не знаю, где сейчас искать штаб! — ответил Базима.

В это время принесли смертельно раненного партизана, он еле дышал. Гитлеровский капитан устремил на умирающего полный ненависти взгляд. Базима перехватил этот взгляд и задрожал от гнева.

— Уберите отсюда эту собаку! Видите, как он смотрит на умирающего партизана.

Затем он подошел к раненому бойцу, расстегнул его воротник, ласково заговорил с ним.

Связные доложили: прибыли отставшие партизаны. Я собрал из них ударную группу, назначил командира и послал на очистку ущелья от неприятеля.

— Где же может быть отец? Почему о нем ничего не слышно? — спросил меня Радик.

— Скоро бой кончится, и отец придет, — успокоил я его.

Я посадил нескольких партизан на трофейные машины и приказал им отыскать комиссара и привезти его сюда. Однако им не удалось выполнить мой приказ: машины не смогли выехать на шоссе, которое простреливалось во всех направлениях.

Базима решил найти штаб. Я выделил в его распоряжение десять отборных бойцов, и он ушел. Через Базиму я просил Ковпака перебраться со штабом в село Белая Ослава.

Наши успели взорвать большой мост через Прут в центре Делятина, по которому проходила шоссейная дорога. Это

имело для нас большое значение, так как со взрывом моста преграждался путь фашистским танкам и тяжелой артиллерии. Немцы теперь не могли перейти на ту сторону Прута, где находилось наше соединение.

У нас набралось много трофейного продовольствия.

— Раздать партизанам пищу, — распорядился я.

Подошла новая группа партизан и сообщила: штаб под командованием Ковпака успел до взрыва моста перенести раненых бойцов и все имущество, затем с боем отступить в горы.

Это известие немного успокоило меня. Значит, штаб находится вне опасности, но что с Рудневым, куда он исчез, где находится в настоящее время, — об этом ничего не было слышно.

В это время завхоз моей роты Боголюбов предложил мне подкрепиться. Не успел я положить в рот кусок хлеба, как снова возникла перестрелка. Оказалось, что в село ворвались свежие силы противника.

Враг усилил натиск. Мы ответили контратакой и отбросили противника. В этой контратаке отличился командир отделения Павел Денекин. Он со своими бойцами зашел к фашистам в тыл и нанес им внезапный удар. Санитары принесли раненых, им тотчас же оказали помощь и отправили на машинах к командиру пятой роты Ефремову, в так называемый тыл.

На нашем участке положение постепенно осложнялось.

Неожиданно появился командир пятой роты Ефремов.

— Товарищ Бакрадзе, — сказал он, — гитлеровцы собрали разрозненные части и готовятся к широкому наступлению против нас. Необходимо немедленно покинуть эту территорию.

Предложение Ефремова было своевременно. Враг нажимал со всех сторон. С каждым часом росло количество раненых. Связные донесли: враг навязал серьезный бой восьмой роте. Подкрепления нам ждать не от кого. Вторые сутки мы непрерывно ведем бой. Меня мучает мысль: где наш штаб? Что с Рудневым? Я боялся взглянуть на Радика, а мальчик смотрел на меня глазами, полными слез.

Неожиданно, приблизительно около шести часов вечера, пришел штабной писарь Тутученко с несколькими партизанами. Ковпак выделил этих товарищей для связи с нами. Тутученко доложил обстановку.

— Весь состав штаба и находящиеся при нем роты в результате самоотверженных атак сумели прорвать несколько окружений противника и в настоящее время укрылись на го-

ре Дусь. Это вон там, — он указал на покрытую густым лесом гору. — Особенно жестоким был бой во время прорыва последнего кольца. Противник прибегал к всевозможным маневрам, чтобы задержать нас. Фашисты убедились на собственном опыте, что значит партизанская атака. Мы уложили сотни гитлеровцев и мощным ударом прорвали кольцо эсэсовцев. С исключительным геройством, показывая всем партизанам пример, дрался с врагами наш Дед.

— Значит, штаб вне опасности? Что вам известно о Базиме и комиссаре?

— Сегодня утром пришел в штаб Базима в сопровождении ваших бойцов. А о комиссаре лучше не спрашивайте. Навряд ли он остался в живых. Хлопцы видели, как его, тяжело раненного, под ураганным огнем выносили из окружения санитарка Галина, Деркач и разведчики штаба.

Я был потрясен. Неужели я больше никогда не увижу дорогого Семена Васильевича? Сколько воспоминаний пронеслось в ту минуту в моей голове.

— Смотри, ничего не говори Радику, — предупредил я Тутученко. — Мальчик очень волнуется, всех спрашивает об отце.

Я решил любой ценой пробиться к Ковпаку. Было часов одиннадцать ночи, когда я собрал бойцов и двинулся на соединение со штабом. Первое вражеское кольцо мы прорвали сравнительно легко. Затем прорвали еще два кольца, здесь пришлось выдержать серьезные бои. Расчистив путь, мы пошли в горы.

Но нам не удалось в ту ночь добраться до цели. Стояла непроглядная тьма. Измученные двухдневными непрерывными боями, партизаны, почувствовав себя в безопасности, повалились на землю и тотчас же заснули.

XXII

В четыре часа утра мы двинулись дальше.

В этот момент в моем сводном отряде находилось до пятисот партизан.

Тутученко знал местонахождение штаба, что очень облегчало нашу задачу.

Дусь — довольно высокая гора, расположенная на расстоянии двадцати — двадцати пяти километров от Делятина.

По пути к этой горе нам предстояло пройти большое ущелье. Разведчики предполагали, что немцы устроили там засаду. Поэтому мы шли в полной боевой готовности.

Мы вступили в ущелье. С особой осторожностью продвигаются выдвинутые вперед разведчики. Они проверяют буквально каждый метр дороги.

Подошли к опасному месту. Вдруг разведчики, все, как один, остановились и залегли за каменными глыбами: они вовремя заметили засаду противника в укрытии. Разгорелся горячий бой. Группа партизан взобралась на горный склон и забросала противника ручными гранатами. После этого другая группа бойцов ворвалась в укрытие, схватилась с фашистами врукопашную.

После короткой, но ожесточенной стычки противник был обращен в бегство. Враг оставил большое количество боеприпасов, оружия и продуктов. В этот день партизаны истребили четырнадцать фашистов, мы же потеряли недавно вступившего в наш отряд пастуха-гуцула. Ворвавшись в укрытие противника, он убил из автомата двух фашистов. Но в это время его самого сразила вражеская пуля.

Нас очень опечалила гибель храброго гуцула. Мы похоронили его на склоне горы и двинулись дальше. Чтобы сбить противника со следа, мы сделали большой крюк и к вечеру прибыли в расположение штаба.

Грустный, с мрачным лицом сидел Базима, Сидор Артемьевич тоже был очень озабочен.

— Я бы не жалел так о потере своей правой руки, как жалею о потере Руднева, Давид, — печально сказал Дед.

Я понял, что тревожные слухи об исчезновении комиссара в делятинском бою подтверждаются.

— Неужели это правда, Сидор Артемьевич? — спросил я Ковпака.

— К сожалению. Говорили бойцы второго батальона, будто комиссар в сопровождении нескольких бойцов укрылся в горах. Но эти слухи ничем не подтвердились. Вероятнее всего, Семен Васильевич погиб.

В это время к нам подбежал Радик.

— Что вы знаете о папе? Где он? — забросал он вопросами Ковпака.

— Отец в горах, Радик, он преследует противника. Как только истребит фашистов, возвратится, — сказал Ковпак. От волнения у него осекся голос.

Радик недоверчиво посмотрел на Деда. Мы предупредили всех, чтобы никто не проговорился при мальчике о судьбе Руднева, но чуткий, впечатлительный Радик, по-видимому, догадывался, что с отцом случилось что-то неладное. Не

было видно и Кульбаки с его батальоном. Нам ничего не было известно о их местонахождении. Человек сто из его батальона присоединились к нам в селе Черная Ослава. Но они ничего не знали о своем командире.

Я рассказал Ковпаку о боях, которые нам пришлось выдержать, и зачитал ему список павших товарищей. Когда он услышал в числе погибших фамилию Горланова, то тихо сказал: «Эх, какой молодец погиб! Я как сына любил Сергея».

Я передал Деду ордена Горланова. Он взял их в руки и долго смотрел, особенно на орден, пробитый вражеской пулей.

Горланов был замечательный, бесстрашный воин. Не раз в бою мы помогали друг другу, часто сражались вместе. Он был убит в такой обстановке, что мы не смогли достойно похоронить его. С сердечной болью сказал я об этом Ковпаку.

Выслушав меня, Дед нахмурился еще больше. Некоторое время он хранил тяжелое молчание, а затем сказал:

— Трудно примириться с этой утратой, но что поделаешь? Потери врага в три-четыре раза превышают наши. Клянусь памятью дорогих друзей, что за нашу утрату мы отплатим врагу сторицею. — Он замолчал и снова впал в тяжелое раздумье. Немного погодя посмотрел на меня и сказал:

— Хлопцы небось устали. Пускай сегодня хорошенько отоспятся. Утром созываю совещание командиров.

Жаркий летний день сменила прохладная ночь. Крепко заснули утомленные партизаны.

Занялось тихое спокойное утро. Партизанский лагерь живет обычной жизнью. Бойцы усердно чистят автоматы, щелкают затворами.

Ковпак снарядил большую группу разведчиков на поиски Руднева. Разведчики воротились ни с чем.

— Весь город и окрестности Делятина заняты гитлеровскими войсками. Что мы ни предпринимали, к каким хитростям ни прибегали, так и не смогли ничего узнать о судьбе комиссара, — доложили бойцы.

— Командиры, в штаб на совещание! — объявил Тутученко.

Когда все собрались, Ковпак оглядел каждого из присутствующих своими умными, проницательными глазами, отбросил окурок и начал говорить. Разобрав последний рейд и отметив вытекающие из него уроки, он подробно остановился на результатах боя за Делятин. Он сказал примерно следующее:

— Вся страна знает о боевых делах нашего соединения. В нынешней войне партизанская борьба занимает почетное место. Мы блестяще завершили рейд в Западную Украину. Наш боевой путь, начиная от Брянских лесов и до Делятина, характеризуется тремя главными моментами: первое — мы уничтожили много вражеских гарнизонов на оккупированной территории; второе — уничтожили материальные базы в тылу врага, нарушили работу транспорта, взорвали большое количество мостов, станций, складов, пустили под откос много вражеских эшелонов, сравняли с землей Биткувские нефтяные промыслы; третье — подняли в тылу у врага население и сплотили его на борьбу против немецких захватчиков. Вот чего добилось наше соединение в результате проведенных боев.

Не стану скрывать, товарищи, — продолжал Ковпак, — в боях за Делятин враг нанес нам немалый урон, мы потеряли много товарищей, в том числе дорогого нам человека — Семена Васильевича. Но враг просчитался: он не смог нас уничтожить, напротив, мы крепко потрепали делятинский гарнизон и те подкрепления, которые фашисты подбросили к городу. По сведениям разведки, в боях за Делятин нами уничтожено до четырехсот двадцати вражеских солдат и офицеров, сожжено семьдесят семь автомашин, взорваны громадный железнодорожный мост и два вражеских эшелона, взорвано железнодорожное полотно, повреждены стрелки. Штаб обсудил дальнейшую судьбу нашего соединения, наметил дальнейшие планы. Нами принято следующее решение: вам известно, что для большей гибкости необходимо быстрое и маневренное движение. «Нанеси сокрушительный удар, уничтожь противника и как можно скорее покидай эту территорию», — это ведь хорошо известная партизанская тактика. И мы с самого начала и по сей день придерживались этой тактики. Практика партизанских боев последнего времени со всей очевидностью показала, что существование столь крупной воинской единицы в данных условиях нецелесообразно. Соединение, насчитывающее около тысячи пятисот бойцов, в горных условиях слишком громоздко и негибко. Для нанесения противнику коротких, молниеносных ударов целесообразно на какое-то время создать небольшие боевые группы. Именно поэтому мы приняли решение разбить соединение на более мелкие группы и дать каждой группе право самостоятельных действий.

Высказанные Ковпаком соображения одобрили все участники совещания.

Положение соединения осложнял вопрос о больных и раненых бойцах. Число раненых превышало двести человек. Но и тут был найден выход: по сообщению разведчиков, в селе Княжий двор (Печенежинский район Станиславской области) жили братья Короткины, Ульян и Дмитрий. Разведчики передавали: «Мы твердо убеждены в их надежности. Им можно поручить наших раненых». После такого заявления разведчиков мы решились на этот шаг. Ковпак приказал устроить в лесу полевой госпиталь. Теплая летняя погода позволяла пойти на это. Мы тотчас же вызвали Короткиных. Они с радостью согласились принять на себя заботы о больных и раненых партизанах. Для охраны и обслуживания госпиталя мы оставили десятую роту под командованием Курочкина, врача Савченко и несколько медицинских сестер.

Как мы потом узнали, братья Короткины проявили большую чуткость и заботу в отношении раненых бойцов. Поправившиеся партизаны с чувством глубокой благодарности вспоминали об этих славных патриотах.

Разбивка соединения на группы была осуществлена в следующем порядке: все соединение было разделено на пять групп: первую возглавил Ковпак, вторую—Вершигора, третью — Матющенко, четвертую — Кудрявский, пятую — Павловский и Горкунов. Группам было дано право самостоятельных действий.

Согласно плану, выработанному штабом, конечным сборным пунктом назначался хутор Конотоп. Это было целесообразно потому, что все партизаны знали этот хутор. В нем мы уже однажды стояли лагерем. Кроме того, в настоящее время в окрестностях Конотопа действовали отряды Сабурова и Бегмы, а также местный партизанский отряд Олевского района.

Командиры групп должны были приложить все старания к тому, чтобы партизаны невредимыми вышли к Конотопу. Вместе с тем на группы возлагалось проведение диверсий и уничтожение жизненных ресурсов врага.

Таким образом, соединение растягивалось двухсотверстным фронтом. От Конотопа мы находились на расстоянии семисот—восьмисот километров.

Перед выступлением каждой группе была выделена рация. Вторая, четвертая и девятая роты составляли одну группу, которой руководил Павловский и Горкунов. В группу Ковпака входили третья рота под командованием Федора Карпенко, штабные разведчики и артиллеристы Анисимова.

Фашистские самолеты сбрасывали листовки, распространявшие очередную ложь: «Соединение Ковпака окончательно уничтожено, Ковпак в сопровождении нескольких партизан укрывается в горах. Приняты все меры для его поимки. Каждый, кто доставит его живым, получит большое денежное вознаграждение».

Население-то, конечно, понимало, что это ложь. Никто не верил листовкам, состряпанным фашистами.

Смешно было то, что фашисты, оповестив об окончательном истреблении нашего соединения, сами метались из одного города в другой, из села в село. По дорогам непрерывно неслись автомашины с альпийскими стрелками. К чему такая суета, если соединение Ковпака уничтожено?

Кто мог верить фашистам, если они сами не верили своим измышлениям.

Итак, карпатский рейд закончен.

Мы вступаем в новый этап нашей боевой жизни.

Любимый всем соединением талантливый поэт-партизан Платон Воронько, ныне автор широко известных произведений, написал стихотворение, посвященное карпатским боям.

ПЕСНЯ ПРО КАРПАТСКИЙ ПОХОД

По высоким Карпатским отрогам,
Там, где Быстрица — злая река,
По звериным тропам и дорогам
Пробирался отряд Ковпака.

Он гремел на днепровских равнинах,
Шел на Припять и Прут голубой,
Чтобы здесь, на карпатских вершинах,
Дать последний решительный бой.

Восемь вражьих полков налетело,
Но, отвагой борьбы обуян,
В бой неравный вступает умело
Ковпаковский отряд партизан.

Дни и ночи бои, канонада,
Только эхо по сопкам ревет,
Партизан не желает пощады
И на помощь к себе не зовет.

Пусть Синичка-гора в полукружье,
Пусть смыкается огненный круг,

Ковпаковцы — не сложат оружья,
Не изменит товарищу друг.

На Делятин рванулись герои,
Будто гром среди ясного дня.
Только отзвук боев за горою,
Только зарево морем огня.

Город взят, и с победою новой
Ковпаковцы идут на восток,
И шумит им листвою кленовой
Каждой ветки зеленый росток.

XXIII

Пятого августа, в шесть часов вечера, группа Ковпака первая покинула гору Дусь и двинулась в восточном направлении. В эту группу входило около двухсот пятидесяти бойцов, вооруженных только автоматами, ручными пулеметами и гранатами.

С группой Ковпака пошли начальник штаба Базима и Панин. С нею ушел и всеобщий наш любимец кинооператор Борис Вакар. Борис был энтузиастом своего дела. Во время самых ожесточенных боев он бесстрашно выбирал нужную ему позицию и запечатлевал на пленке события.

К сожалению, Борис Вакар не возвратился домой. Как потом рассказал нам Ковпак, юноша пал смертью храбрых, выполняя свой долг советского художника-патриота.

Прощаясь, Ковпак обратился к нам со следующими словами:

— Я твердо верю, товарищи, что мы в скором времени встретимся в Конотопе.

Мы пожелали Деду успеха.

Вслед за Ковпаком, почти одновременно, выступили по разным направлениям остальные группы.

— Мы должны стараться поддерживать между собой постоянную связь — теперь это главное, — сказал Вершигора командирам остальных групп.

И действительно, самостоятельные действия групп вовсе не означали окончательного распада соединения. Напротив, мы должны были постоянно держать другие группы в курсе своего местонахождения, сообщать о своих трудностях и успехах, в критические моменты оказывать срочную помощь.

Наша группа, пройдя километров двадцать, попала во вражеское окружение. Но мы так искусно сумели из него выйти, что противник не мог напасть на наш след. Мы же, удачно замаскировавшись, наблюдали за фашистами, которые, высунув языки, разыскивали нас.

Сразу же стало очевидным преимущество небольшого партизанского отряда перед крупным соединением в ведении боевых действий в горах.

Было около двух часов ночи, когда мы окончательно вырвались из вражеского кольца и подошли к шоссе. Разведав его, мы притаились за деревьями и ждали подходящего момента для перехода. Впереди была девятая рота, за ней расположилась вторая, позади — четвертая.

По шоссе непрерывным потоком шли автомобили с притушенными фарами.

С трех часов ночи движение по дороге сравнительно сократилось. С большими предосторожностями мы перевели через шоссе девятую и вторую роты. Как только начала выходить из лесу четвертая — появились неприятельские танки, и наша колонна оказалась рассеченной на две части. Перейти незамеченными дорогу и укрыться на Лысой горе удалось только девятой и второй ротам и командиру четвертой роты Пятышкину с несколькими бойцами. Почти весь личный состав четвертой роты, включая заместителя Пятышкина — Тютерева, остался по ту сторону дороги.

Пятышкин чувствовал себя очень неловко, он не знал, как ему поступить в создавшейся обстановке.

Он ничего не мог предпринять, чтобы соединиться со своим подразделением, так как гитлеровцы открыли по дороге сильный огонь из пулеметов и танковых пушек.

Мы стали обсуждать положение. Всем было известно, что Тютерев — толковый боевой командир. Было бессмысленно ради соединения с отбившейся группой идти нам на напрасные жертвы.

Наше решение оказалось верным. Спустя некоторое время мы получили сообщение Ковпака о том, что отставшая четвертая рота в полном составе присоединилась к его группе. Тютерев не растерялся в критическую минуту, отразил натиск врага, подбил один танк и без потерь вышел из-под удара.

Фашисты не решились преследовать нас ночью, и мы благополучно добрались до Лысой горы. Она оказалась довольно высокой — 1.235 метров над уровнем моря.

С большим трудом взобрались мы на вершину.

Только успели мы расположиться на отдых, как разведчики сообщили, что враг находится в полукилометре от нас и с минуты на минуту нужно ждать нападения.

Мы быстро спустились вниз и укрылись в лесу. Сгустившийся туман помог нашему передвижению. Фашисты долго рыскали по вершине, искали нас на склонах и, убедившись, что на горе никого нет, ушли. Узнав об этом, мы успокоились и устроили короткий отдых, потом двинулись дальше.

По дороге наше внимание привлекли многочисленные листовки, сброшенные с немецких самолетов. В них было написано почти что стихами: «Некогда на нашей планете были партизаны, теперь их больше не существует».

Видно, не от хорошей жизни гитлеровские пропагандисты занялись «поэзией».

Туман рассеялся, и вершина горы озарилась солнцем. Совсем близко раздался густой, хриплый лай. Где-то по-соседству находились пастухи-гуцулы. Мы отправили к ним разведчиков. Они возвратились часа через полтора в сопровождении пастуха-гуцула.

Он подошел к нам, поздоровался.

— Подходящее время выбрали, летом у нас здесь настоящий курорт. — Он улыбнулся, так как отлично понимал, что за «дачники» были перед ним.

— А фашистов много на этой горе? — обратился я к нему.

— Больше чем достаточно! И хорошо же вы в Делятине всыпали немцам!

— Откуда вы узнали о бое в Делятине?

— Чего же там было узнавать, — усмехнулся пастух, — пушки так палили, что за сто верст было слышно. Да и пастухи часто спускаются с гор в город. Мы собственными глазами видели, как по шоссе мчались на помощь делятинскому гарнизону машины, набитые гитлеровцами.

— А овец у вас много? — спросил я пастуха.

— Много.

— Приблизительно сколько?

— Не могу сказать точно, мы вообще овец не считаем...

Я усмехнулся. Либо пастух был слабоват в арифметике, либо немножко хитрил.

— Немцы не приказывали вам покинуть горы и спуститься на равнину?

— Такой приказ существует. Кое-где гитлеровцы заставили согнать с гор весь скот.

— Теперь, наверное, очередь дойдет до вас. Что вы будете делать, если фашисты прикажут и вам согнать отары?

— А мы постараемся не выполнить приказа, — пожав плечами, ответил пастух. — Если, конечно, нам это удастся. Мы-то ведь понимаем, что фашисты хотят согнать скот на равнину, чтобы самим сожрать его...

— Держитесь стойко, не уступайте захватчикам. Скоро их отсюда прогонит Советская Армия.

У гуцула от радости засияли глаза, он с волнением спросил:

— Значит, фашисты проигрывают войну?

— Они уже проиграли ее, но пока что, подобно утопающему, хватаются за соломинку.

— В последнее время они стали очень злыми,—сказал гуцул. — Были у нас сегодня утром. «Партизан не видели?» спрашивают. От страха они и деревья принимают за партизан. Все горы засыпаны листовками. Говорят, в них написано, что партизан больше не существует.

— А вы сами листовок не читали?

— Мы неграмотные...

— А для кого же сбрасывают они в горах эти листовки, если вы неграмотные?

— Хоть мы их и не читаем, но бумажки эти нам пригодятся. Теперь нам долго не придется заботиться о папиросной бумаге.

— Тоже дело. Значит, и из фашистской липовой агитации можно извлечь пользу.

Пастух рассмеялся. Затем обратился к нам:

— Вы еще побудете? Я принесу вам продуктов — молока, баранины.

— Будем очень благодарны.

— Не стоит благодарности. Мы очень рады помочь вам, можете рассчитывать на нас и в будущем.

Предложение это было как нельзя более кстати, мы еле передвигали ноги от голода. Выделили пять партизан и отправили их вместе с гуцулом.

Пастухи оказались очень щедрыми. Скоро партизаны возвратились, нагруженные сыром, бараниной и ведрами с молоком. Хорошо подкрепившись, мы уложили в мешки оставшиеся продукты и с наступлением сумерек выступили в путь.

Гуцулы показали нам дорогу. Мы быстро продвигались вперед и скоро подошли еще к одной стоянке пастухов. Здесь нас тоже подкормили молоком и вкусным бараньим мясом. Пастухи не употребляли хлеба, вместо него они готовили из кукурузной муки мамалыгу, напоминающую мегрельское гоми*. Мы охотно поели и это блюдо.

Отдохнув как следует, мы на рассвете двинулись в северо-восточном направлении и неожиданно встретили Кульбаку. С ним было тридцать четыре партизана, в том числе начальник разведки штаба соединения Бережной, брат Руднева — Костя Руднев и разведчик Ясон Жоржолиани.

У Жоржолиани была перевязана рука. Я спросил, где его ранили. Ясон ответил:

- Под белой Ославой, когда немцы устроили нам засаду в ниве.

Следующую ночь мы провели на склоне горы, в сравнительно безопасном месте. Мы с Кульбакой почти всю ночь беседовали о прошедших боях.

— Ты ничего не слыхал о Рудневе? — спросил я его.

— Ничего утешительного. Говорят, будто кто-то видел, как несли на носилках в горы раненого партизана с длинными черными усами. На груди у него были ордена. Мы подумали, что это Руднев, и тотчас послали по всем направлениям разведчиков, однако они не могли разузнать ничего определенного. Эх, видно, случилось что-то неладное.

В то время о Рудневе ходило множество разных слухов. Ни один из них не подтверждал гибели комиссара.

Говорили, что раненый Руднев находится на излечении в какой-то деревне у надежных людей; о том, что легко раненного Руднева видели гуцулы на горе Дусь и он якобы расспрашивал их о партизанском лагере и т. д.

Но все это были только слухи. Они лишь выражали горячее желание партизан, не хотевших примириться с мыслью, что их любимого комиссара нет в живых.

На следующий день мы подошли к Каменной горе. Только мы расположились на отдых в тени высоких сосен, как к нам подошел незнакомый гуцул с топором на плече. Поздоровавшись, он сказал:

— Я скрываюсь в этих местах с первого дня прихода немцев и веду подпольную работу. Фашисты повсюду разыскивают меня.

---

* Гоми — род мамалыги, приготовляется из кукурузной муки или проса «гоми».

Этот человек произвел на нас хорошее впечатление. Он рассказал много интересного.

— Приход на Карпаты фашистов восторженно встретили одни куркули*. Эти господа все до одного определились на службу к фашистам. Кулаки прежде всего составили список лиц, преданных Советской власти, и передали его немцам. В этом списке стояла и моя фамилия. Фашисты начали преследовать меня, они сожгли мой дом. Мать и младшего сына собаки-гестаповцы повесили, лишь несколько членов моей семьи сумело с большим трудом спастись от этих извергов.

— А как ты нашел нас? — спросили разведчики.

— О вашем местонахождении мне сообщили пастухи. Я уже два дня разыскиваю вас. Я пришел к вам не для того, чтобы рассказать о себе. Я прошу принять меня в ваши ряды.

Мы охотно исполнили его просьбу.

— Дороги ты хорошо знаешь? — спрашивали нового партизана наши разведчики. Этот вопрос особенно волновал нас.

— Я хорошо знаю эту местность, — ответил он.

— Значит, кулаки у вас хозяйничают?

— Хозяйничают, да еще как! В зверствах они превосходят гитлеровцев.

— Надо проучить их!

Новый партизан повел нас на хутор, где мы уничтожили пятерых предателей. За это нам был благодарен не только наш новый боец, но и все население.

Весть о судьбе фашистских прихвостней с быстротой молнии облетела все соседние хутора. Крестьяне стали относиться к нам с еще большим доверием и любовью.

Теперь мы смело оставляли у них раненых бойцов, за которыми они ухаживали, как за собственными сыновьями.

XXIV

Неожиданно отказала наша рация.

Нужно было зарядить аккумулятор или достать новый. Но ни того, ни другого мы пока сделать не могли. Связь нашей группы с «Большой Землей» и другими группами оборвалась.

15 августа 1943 года мы окончательно покинули Каменную гору и, перейдя через небольшую горную реку, на рассвете вышли на шоссе Коломыя—Яблонув. Разведчики донесли, что недалеко расположен сильный немецкий гарнизон. Кроме

---

* Куркули — кулаки.

того, в этом районе рыскало много неприятельских разведчиков. Мы укрылись в глубине леса, на расстоянии нескольких километров от шоссе.

Наш отряд находился уже в Станиславской области.

К восьми часам утра движение на шоссе резко усилилось. Колонны вражеских автомашин неслись в обоих направлениях. Мы сидели в лесу на возвышенности и наблюдали за противником. Однако не было никакого смысла сидеть на одном месте, и мы решили перейти в другую часть леса. Предварительно выслали вперед группу разведчиков из двадцати двух человек. Они должны были отыскать безопасное место для перехода шоссе. Возглавляли эту группу Ваня Бережной и Костя Руднев.

Когда Радик Руднев узнал о выступлении группы разведчиков, он стал упрашивать, чтобы и его послали вместе с ними. Он так настойчиво просил, что мы не смогли ему отказать, тем более, что в разведку шел его дядя — Костя Руднев. Прошло часа три после ухода разведчиков, и до нас донеслась сильная перестрелка. Вскоре в районе нашего расположения появились немецкие автоматчики, атаковавшие нас с двух сторон. Мы ответили дружным огнем и отбросили гитлеровцев. Преследуя противника, мы с возвышенности увидели шоссе и стали к нему спускаться. Только успела пройти по шоссе вражеская автоколонна и мы приготовились к переходу, как из-за поворота выскочила отставшая машина. Мы преградили ей путь, сняли шофера и достали аккумулятор для нашей рации. После этого мы снова укрылись в лесу.

Как выяснилось позже, посланная вперед группа разведчиков, выйдя из расположения отряда, попала в окружение. Им удалось прорвать вражеское кольцо. Но их дальнейшая судьба нам не была известна до самого прихода в Конотоп. От местных жителей мы узнали лишь о том, что в этом бою тяжело ранен Радик Руднев. Истекавший кровью мальчик сумел доползти до оврага. Там его в бесчувственном состоянии нашел крестьянин Алексей Кифяк и отнес к себе домой. Большую заботу в отношении раненого мальчика проявил односельчанин Кифяка комсомолец Никифоренко. Он приносил для Радика из города лекарство, ухаживал за ним. Но положение мальчика оказалось безнадежным: у него началось заражение крови. В последние минуты бедный Радик был в бреду и все время звал отца. Вскоре он умер. Кифяк похоронил его в своем саду.

Наша группа снова спустилась к шоссе. Мы на быстром

марше пересекли его и укрылись в горах. Смертельно усталые и голодные бойцы повалились на землю и уснули как мертвые.

Я долго не мог уснуть, думая о Ковпаке, о пропавших разведчиках, о комиссаре Рудневе, о нашем дальнейшем маршруте. Затем вспомнил о рации, поднялся и позвал радиста.

— Володя, давай или починим эту бандуру, или выбросим ее в пропасть, — сказал я ему. — Что там такое застряло у нее в глотке?

— Упрямится, товарищ командир. Вообще у этого аппарата нрав мула, — ответил Володя.

— Попробуй еще раз, может быть, что-нибудь получится. Ведь у нас теперь аккумулятор хороший.

— Есть, товарищ командир, попробую, — сказал радист.

Я наблюдал за ним. Володя подсел к аппарату и стал с ним возиться.

Усталость взяла свое, и я задремал.

— Товарищ командир, товарищ командир! — услышал я сквозь сон. — Рация работает, я поймал Ковпака, — кричал обрадованный Володя.

Я вскочил и бросился к аппарату. Но тут рация снова замолчала.

— Ты говорил с Ковпаком? — спросил я Володю.

— Говорил. Он сказал, что находится на расстоянии двенадцати—пятнадцати километров в юго-западном направлении от горы Дусь, и предложил нам присоединиться к его группе, — сообщил мне радист и снова прильнул к аппарату.

— Вот, вот, — закричал вдруг Володя, — Ковпак отвечает.

«Присоединяйтесь к нам, присоединяйтесь к нам, присоединяйтесь к нам», — повторились три раза подряд одни и те же слова, и работа рации на этом прекратилась.

Ковпак требовал нашего присоединения. Это известие очень встревожило всех партизан. Что с Дедом? Мы быстро собрались и выступили в поход.

Хлеб на полях был давно убран. В 1943 году почти весь урожай Западной Украины оккупанты вывезли в Германию.

На дороге мы встретили трех гуцулов, которые несли мешки с пшеницей. На наш вопрос, каков был в этом году урожай, гуцулы ответили:

— На кой черт нужен нам этот урожай, если он не принадлежит нам. Староста приказал: скорее молотите хлеб и несите пшеницу на станцию.

Оккупанты чувствовали приближение своего конца и торопились с вывозкой зерна.

Мы посоветовали гуцулам снизить темпы молотьбы, судьба фашистов известна — они скоро забудут не только о хлебе, но и о самих себе.

— Как так? — удивился пожилой гуцул. — Разве немцы проигрывают войну?

— Безусловно, проигрывают. Потому-то они и стараются поскорее вывезти зерно.

— Если сумеем, то затянем дело, не будем молотить хлеб, — пообещали гуцулы.

Мы попрощались с крестьянами и отправились в дальнейший путь, торопясь соединиться с Ковпаком. Его взволнованный приказ: «Присоединяйтесь к нам», безусловно, вызван каким-то серьезным обстоятельством.

Неожиданно мы наткнулись на засаду противника. Обходить было поздно, пришлось принять бой. Гитлеровцы, почувствовав силу партизанского огня, стали беспорядочно разбегаться по лесу, но в это время подошла крупная фашистская часть. Принимать бой с превосходящими силами мы не могли, так как это грозило гибелью всей группе. Нам пришлось переменить направление. Таким образом, соединиться с Ковпаком нам тогда не удалось.

Спустилась ночь. Черные тучи заволокли небо. Все труднее становилось двигаться в непроглядной тьме. Ночную тишину нарушал лишь шум воды. Река Прут была теперь нашим проводником. Разведчики отыскали подходящий брод, и мы перешли на другой берег. Все было в порядке. Все партизаны налицо. Вышли на шоссе и осторожно двинулись к железнодорожному полотну. Охраны мы нигде не увидели. Перейдя железную дорогу, мы укрылись в лесу.

Наконец-то свободно вздохнули партизаны. Началась равнина.

Прощайте, Карпаты!..

Мы двинулись к Конотопу. По дороге разрушали железнодорожное полотно, сжигали объекты военного значения, взрывали эшелоны, уничтожали живую силу и технику врага.

Так закончился наш славный и трудный поход в Карпатские горы.

XXV

Выйдя на равнину, мы подошли к железной дороге Делятин — Станислав. На линии рельсы покрылись ржавчиной. Видно, что после того, как мы подорвали делятинский железнодорожный мост, здесь было прервано всякое движение. Параллельно железной дороге шло шоссе Станислав — Надворное, неподалеку от него зеленел небольшой лесок. Правда, он не был надежным укрытием, однако иного выхода у нас не было, и мы вошли в этот лесок.

Партизаны расположились на отдых. Только я заснул, как меня разбудили бойцы из охраны.

— Товарищ командир, тут какой-то человек бродит, он то углубляется на небольшое расстояние в лес и к чему-то прислушивается, то снова убегает. Он только что был здесь, с топором на плече.

— Что это за человек? Военный или местный житель? — спросил я начальника караула.

— По-моему, это крестьянин, товарищ командир, совсем молодой парень.

— Устройте засаду и изловите его, выясните, что он здесь ищет, — приказал разведчикам командир нашей группы Павловский.

Нам не пришлось долго ждать. Через полчаса разведчики привели молодого парня. Лицо у пленника было землистого цвета, от первой дрожи зуб на зуб не попадал.

— Кто такой, зачем пришел в лес? — спросил его Павловский.

— Я местный житель, господин, моя фамилия Касинский, немцы под угрозой смерти приказали мне обследовать лес.

— Где находятся немцы? Ты сказал им о нашем пребывании в лесу?

— Нет, клянусь детьми и женой. Я тут ни при чем. Полиция узнала, что вы находитесь в лесу, и известила об этом начальника гарнизона. Начальник гарнизона приказал мне отправиться немедленно в лес, узнать, кто там находится, и сообщить ему. Если бы я отказался, то меня бы посадили на кол.

Не было никакого сомнения, что этот Касинский из страха за свою шкуру решился помогать врагам.

— Ты предатель, Касинский, — сказал я ему.

— Клянусь детьми и женой, что меня силой заставили пойти в лес, я ненавижу фашистских собак, — ответил Касинский.

— Замолчи, трус, по глазам видно, что́ ты за птица. Отвечай, здешние дороги хорошо знаешь?

— Я знаю здесь каждый куст. Прикажите, и я вас так поведу, что ни одна душа не узнает...

За лесом начиналось кукурузное поле. Оставаться дальше в лесу было опасно. Касинский провел нас через поле и вывел в безопасное место. Он действительно отлично знал местность и все тропинки.

После Касинский попросил разрешения возвратиться домой. Когда мы оказались почти в полной безопасности, Павловский как следует отчитал его, сказав, что в то самое время, когда фашисты топят в крови его родную Польшу, он помогает врагам.

Касинскому стало не по себе, он не мог смотреть нам в глаза и стоял опустив голову. Лицо его делалось то мертвенно-бледным, то багрово-красным, наконец он с трудом пробормотал:

— Пусть я буду последним человеком, пусть меня бросят на съедение собакам, если я после этого близко подойду к фашистам.

Я не знаю, выполнил ли он свое обещание.

XXVI

Наша пища — сырые бобы и молодая кукуруза. Но нам не привыкать! Не раз громили мы фашистов и после многодневной голодовки.

Спустя какой-нибудь час после того, как мы вышли из лесу, фашисты обрушили на него сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Но гитлеровцы опоздали, мы издали наблюдали за тем, как они «прочищали» пустой лес.

Отряд двинулся по направлению к Черному лесу и только стемнело — вышел на дорогу. Павловский требовал ускорить шаг. На дороге царила абсолютная тишина, не было видно ни машин, ни пешеходов. Эта тишина очень удивила нас. Вскоре мы свернули к небольшому хутору, расположенному у самой дороги.

Вначале крестьян очень перепугал наш приход, но когда они узнали, кто мы такие, — успокоились, оживленно заговорили с разведчиками. Как и в других местах, на ху-

торе совсем не было видно молодежи. Старый крестьянин сказал:

— Сейчас в деревне остались одни старики и дети.

— Скажи, дедушка, — спрашиваю я старика, — почему так тихо на дороге, ни одной машины не видно?

— Боятся, сынок. Они ночью не ездят. Недавно здесь проходили партизаны, устроили засаду и разгромили целую автоколонну. Больше тридцати машин сожгли. Потом партизаны зашли в наше село. С ними был начальник с длинной бородой, сказывали, что это сам Ковпак.

— А ты не скажешь нам, дедушка, в какую сторону пошли партизаны? — спрашиваю я.

— А вон туда, — ответил старик, указывая рукой на восток.

— О чем они говорили с вами?

— Этот длиннобородый — очень хороший человек... Но он здорово пробрал нас, когда узнал, что мы по приказу сдали немцам новый урожай.

— Как же это вы оплошали, отдали фашистам хлеб? — нахмурился один из партизан.

— Они с нас три кожи сдирают, силой берут, торопятся, сынок...

— Плохи у них дела, потому и торопятся, — сказал партизан.

Старик продолжал:

— Перед уходом партизаны роздали нам оружие. «Спрячьте его, говорят, оно может вам пригодиться». Партизаны ушли, а мы стали обсуждать, как нам спасти от немцев оставшийся хлеб, и знаете, что мы придумали?

У старика заблестели глаза, на губах заиграла хитрая улыбка.

— Что же вы такое придумали?

— Вот послушайте. Ночью мы перенесли тайком все зерно в лес, вырыли там большие ямы и сложили в них мешки с зерном. Затем засыпали ямы землей и прикрыли сверху хворостом. Возвратившись в село, мы начали стрелять из винтовок, оставленных партизанами. На выстрелы прибежали немцы из соседнего гарнизона. Мы сказали им: «Только что на село напали партизаны, они подняли стрельбу и увезли на машинах весь заготовленный хлеб». Рассказывая это, мы чуть не плакали. Фашисты здорово перепугались,—а вдруг партизаны возвратятся.

Мы похвалили крестьян за смелость и находчивость.

Убедившись, что двигаться по дороге безопасно, мы ускоренным маршем направились к Черному лесу.

От быстрой ходьбы партизаны буквально обливались по́том.

Но командир нашей группы Павловский не давал нам передышки и сам показывал пример выносливости. А я знал, что у него во время похода открылась старая рана. Павловский слегка прихрамывал, морщился от боли, но терпел.

Павловский был партизан времен гражданской войны. Его мечтой было захватить бронепоезд. Он не мог забыть, какую важную роль сыграл однажды в период гражданской войны трофейный бронепоезд.

— Давид, — говорил он мне часто, — вот если бы нам отбить у фашистов бронепоезд, тогда мы бы задали им...

В ту ночь мы прошли большое расстояние. Отдыхали мы минут пятнадцать, не больше. Когда начало светать, мы обнаружили, что с нами не было части бойцов второй роты вместе с командиром. Потом выяснилось, что они замешкались на привале, вышли позже нас и уже не смогли догнать группу. Между тем совсем рассвело и каждую минуту можно было ждать появления на дороге вражеских танков и автомашин. Мы не могли задерживаться и двинулись дальше.

Идущие впереди партизаны неожиданно остановились. Предрассветный туман мешал разглядеть причину задержки. Мы бросились в обе стороны от шоссе и укрылись в канавах. Вдали показалась группа вооруженных людей. Павловский выслал вперед разведчиков, и вскоре выяснилось, что это партизаны из группы Ковпака. Их было человек двадцать.

Дальнейший путь мы продолжали вместе. Они на ходу рассказали:

— Когда Ковпак по радио просил вас присоединиться к его группе, мы стояли у подножия горы Дусь и находились в очень тяжелом положении. Враг охватил нас двойным кольцом. Ковпак прорвал оба кольца и вывел группу из-под удара противника. Дед сам дрался, как двадцатипятилетний. Его автомат гремел целый день. «Хлопцы, за мной, смелей!» — призывал Сидор Артемьевич и бросался в самую гущу боя. В этой жаркой схватке пропал Карпенко.

Исчезновение Карпенко огорчило нас. Это был храбрый воин, не раз совершавший славные подвиги.

— Где вы расстались с Ковпаком? — спрашивал Павловский партизан.

— Мы отстали от основной группы после того, как вышли из окружения.

Бойцы, отбившиеся от группы Ковпака, рассказали нам, что Дед очень недоволен тем, что отдельные группы соединения не сумели установить между собой прочной радиосвязи. Еще они рассказали нам, что во время делятинской операции Ковпак был ранен.

Вначале ни один человек в соединении не знал об этом, за исключением санитарки, которая перевязывала рану старому воину.

XXVII

Отставшая от второй роты группа партизан не появлялась. Это очень беспокоило нас. Павловский решил отправить Горкунова с десятью бойцами на розыски. Уговорились, что на следующий день основной отряд будет стоять в Панском лесу.

В шесть часов утра мы подошли к этому лесу. Вблизи раскинулось неизвестное нам село, которое мы обошли. Лесной массив занимал огромную территорию. Оставив на опушке усиленную охрану, мы углубились в чащу. Бойцы были так утомлены, что, словно подкошенные, повалились на землю. На рассвете с дороги донесся гул автомашин, в небе раздался характерный рокот неприятельских самолетов. Но в густом лесу мы чувствовали себя в полной безопасности.

Необходимо было позаботиться о питании. Этим делом занялся начальник хозяйственной части Боголюбов. Взяв с собой нескольких человек, он отправился в село.

Вскоре они вернулись с большим количеством продуктов и привели с собой группу партизан, которую случайно встретили дорогой. Группа отстала от батальона Кульбаки во время боев за Делятин и долгое время действовала самостоятельно. Эти партизаны очень обрадовались встрече с нами, больше же всех радовался Кульбака, — он нашел своих бойцов. Он сперва расцеловал каждого из них, а затем, не зная, как выразить свою радость, пустился отплясывать гопака.

— Хватит, Петро, что с тобой, — старался я умерить его пыл, — довольно, брат!..

— Погоди, Давид, — отвечал он, еле переводя дыхание, — я ведь сна лишился с горя... Сейчас мне кажется, что я снова на свет народился.

Воспользовавшись небольшой передышкой, партизаны стали приводить в порядок свое оружие, одежду и обувь.

Я положил на траву свой автомат, снял перекинутую через плечо кожаную полевую сумку и достал из нее письма,

полученные от родных и друзей. Я получил эти письма давно, но в свободную минуту всегда с радостью перечитывал их. Отдохнув немного, я решил проверить выдвинутую на опушку леса охрану. Обращаюсь к часовому:

— Что, брат, на твоем участке все спокойно?

— Все в порядке, товарищ командир, — отвечает часовой.

— Смотри, будь настороже, — говорю я.

— Товарищ командир, было бы хорошо, если бы вы немного задержались.

— Это для чего?

— Вот в той хате, — и он протянул руку в направлении домика, стоявшего на краю села, — наши ребята варят картошку, она скоро будет готова. И вы бы поели...

— С удовольствием поем! Но откуда вы достали картошку?

— Крестьяне дали нам картошку и молоко.

Я направился к хате.

Меня тепло приветствовал старый крестьянин — хозяин хаты. Он пододвинул ко мне скамейку и пригласил к столу. Я отведал картофеля и хотел было уйти, но гостеприимный хозяин похвастался в разговоре своим огородом и попросил меня посмотреть его.

— Пойдем, дедушка, — сказал я старику, не желая его обидеть. Огород находился довольно далеко от хаты.

Много хороших огородов приходилось мне видеть, грузина трудно удивить огородом, но то, что я увидел у этого деда, поразило меня. Прежде всего мое внимание привлекли подсолнухи. Я никогда не представлял себе, что они могут быть такими громадными. Их головки, величиной с автомобильное колесо, поддерживались специальными шестами. Подсолнух все время смотрит на солнце. Эти же были настолько велики и тяжелы, что не могли поворачиваться. А что за лук! Густой волной переливался он на двух грядках, за ними начинались огурцы. Я не удержался — сорвал один молодой огурчик, достал нож и начал было чистить, как услышал шум. Поднял голову и обомлел. За изгородью, на расстоянии ста шагов, на дороге я увидел немецких солдат в черных мундирах. Их каски блестели на солнце. Впереди шел офицер.

— Партизан!.. — закричал он, увидев меня, и протянул в мою сторону руку в белой перчатке.

Я отбросил огурец, инстинктивно потянулся за автоматом... но его при мне не было. А я так привык действовать

автоматом, что совершенно забыл о револьвере. В один миг я перемахнул через изгородь и побежал.

Раздалась стрельба, фашисты бросились за мной в погоню. Пули, словно осы, жужжали вокруг меня. Одна пуля пролетела совсем близко.

Вот овраг. Не раздумывая, я бросился вниз. Овраг оказался довольно глубоким — все тело ныло от страшной боли. Я думал, что не смогу подняться. Но я достиг своей цели: фашисты, должно быть, решили, что я упал, сраженный пулей.

С большим трудом я поднялся и побежал, вдали раздавались редкие выстрелы. Нужно было выбраться из оврага — оставаться в нем было опасно. Успокоившись, я вспомнил о револьвере, достал его. Вокруг ни души.

В голове пронеслось: а вдруг снова наткнусь на фашистов?!

Я выбрался из оврага, дошел до кустарника, за которым начинался лес. Пройдя около километра лесом, я лег на траву под сосной. Горло пересохло, мучила жажда. В ушах — звон. Лежал я и думал: что это со мной стряслось? Бедного старика, конечно, убьют, в этом не может быть сомнения. Что сталось с нашими бойцами, которые расположились в хате?! Может, фашисты окружили Паиский лес и навязали нашим бой. Но как узнать, что́ там произошло? Куда идти, где искать своих?

И тут пришла ко мне горькая мысль. Как же это я оставил свой автомат? Будь он при мне, не пришлось бы мне бежать от врага. Нет, ни за что и никогда не должен воин расставаться со своим оружием. Ни при каких обстоятельствах! А я ведь не просто воин — я командир. Но сейчас я плохой командир — по моей вине обезглавлена рота. И все потому, что я поддался благодушному настроению, можно сказать, раскис при виде мирного огорода. Подсолнухи и огурцы вывели меня из боевого состояния. А партия, поднимая наш народ на Великую Отечественную войну, призвала всех нас отрешиться от настроений мирного времени...

Этот суровый самокритичный разговор с самим собой придал мне силу. Я поднялся и пошел по лесу с твердым намерением, как можно быстрее найти свой отряд.

Вот впереди показалась белая полоска. Тропинка! Я прошел по ней пять-шесть километров.

До моего слуха донесся шум, я остановился, прислушался. Журчала вода, видно, недалеко родник. Еще несколько шагов, и я жадно припал к холодной как лед струе. Какая вкусная, какая чудесная вода!

Пройдя еще некоторое расстояние, услышал лай собак. Значит, близко село.

Лес редел. Вскоре я вышел к кукурузному полю. Теперь я уже мог сориентироваться. Вон там, за кукурузным полем, начинается Панский лес. Я огляделся и пошел к нему. Вот дуб, под которым мы вчера отдыхали. Я обошел вокруг, нигде ни одной живой души. Видно, наши покинули лес. Куда они могли пойти, не стряслось ли с ними беды? Выйдя из лесу, я присел на бугорок у дороги. Передо мной раскинулось село, где я вчера напоролся на эсэсовцев. На дороге показалась женская фигура. Увидев меня, женщина хотела повернуть назад, потом, видно, раздумала и продолжала путь. Черноволосая, с тонким правильным носом, длинными ресницами, в маленьких ушах серьги. Поравнявшись со мной, женщина вскинула ресницы, бросила на меня внимательный взгляд.

Я обратился к ней:

— Простите, вы здешняя?

— Да, я из того села, — ответила женщина и, помолчав немного, спросила: — Что вы тут делаете?

— Я иду из Станислава, у меня дело к лесничему, вот и жду его здесь, — сказал я первое, что пришло в голову.

— Лесничего? — удивилась женщина. — Он сюда приходит очень редко.

Я понял, что сплоховал, но отступать было поздно.

— Он меня вызвал на сегодня, он непременно придет, наверное, и к вам в село заглянет.

— Он всегда сначала к нам заходит, вам будет лучше подождать его в селе.

— Не знаю, стоит ли, — сказал я. — Мне сказали, будто вчера немцы напали на ваше село.

— Ох, лучше не говорите, не напоминайте мне вчерашнего дня.

У меня учащенно билось сердце: не в силах скрыть волнения, я спросил женщину:

— Так, значит, немцы были? Прошу вас, расскажите, что́ произошло вчера.

— Вчера утром в наше село пришли партизаны. Старый Микола пригласил их к себе. Затем пришел партизанский командир, он был такой же крупный, как вы, — сказала женщина и очень внимательно оглядела меня с ног до головы. — Микола показывал ему огород. В это время подошел эсэсовский отряд. Заметив партизана, фашисты открыли стрельбу и погнались за ним. Как потом рассказывали немцы, они этого партизанского командира нагнали в поле и убили. Несча-

стного Миколу изверги прикончили на огороде. Хату Миколы, в которой находились партизаны, немцы сначала обстреляли, а затем подожгли. Потом подошел еще один эсэсовский отряд, и они начали беспощадно расправляться с жителями. В лесу, оказывается, стоял партизанский отряд. Услышав стрельбу, партизаны выскочили из лесу и выгнали эсэсовцев из села. Я увидела собственными глазами, как фашисты удирали на грузовых машинах. Целую машину нагрузили убитыми. Но сегодня эсэсовцы наверняка опять придут, — они этого дела так не оставят.

— А вы не видели, куда направились партизаны?

— Партизаны двинулись вон в ту сторону. — Она протянула руку в направлении Черного леса.

Я попрощался с женщиной и отправился на поиски отряда.

XXVIII

Обычно я всегда носил с собой карту, она так же нужна бойцу, как глаза, но сейчас ее при мне не было. Куда идти? В какой части Черного леса находятся партизаны? К тому же по дорогам непрерывно неслись в обе стороны машины, и мне надо было их обходить... Нужно найти проводников, но как войти в село после вчерашних событий?

Со стороны села до меня донеслись какие-то неясные крики. Должно быть, фашисты снова начали расправу над крестьянами. Я заметил невдалеке ручей, вошел в него и прошел вверх по течению метров восемьдесят, затем вышел из воды и залез в кусты. Если фашисты вздумают охотиться за мной с собаками, то теперь вряд ли они смогут напасть на мой след.

После короткого сна я встал, осмотрелся.

Среди клочьев белых облаков плыла луна. То становилось совсем темно, то все заливалось молочным светом. Воздух был напоен ароматом полевых цветов.

Я вышел из кустов в направлении Черного леса. Шел, торопясь, скошенным полем и вдруг заметил мужчину, который вязал снопы. Я сжал в кармане рукоятку револьвера.

Тяжелое было тогда время, на каждом шагу человека подстерегала смерть, повсюду торчали виселицы. Не желая испугать этого человека, я шел к нему, беспечно напевая. Услышав пение, крестьянин выпрямился.

— Хорошее, брат, выбрал время для работы, — говорю я ему, — днем на солнце колос нагревается, зерна начинают высыпаться.

— Правильно, ночью лучше хлеб вязать... А вы кто будете?

— Я увидел вас с дороги и решил подойти, подумал, может быть, у вас найдется закурить...

— Закурить? Пожалуйста... — ответил крестьянин, достал из кармана махорку, насыпал ее на ладонь и протянул мне вместе с бумагой. — Но зачем вы ходите по полю в ночное время?

— Догоняю своих...

— Так, так. Не знаю только, удастся ли тебе их догнать. Партизаны прошли здесь вчера вечером.

— Я прошу тебя, никому не говори о нашей встрече.

— Помилуй, как это можно. Меня и предупреждать не надо. Я был бы рад чем-нибудь помочь, а сохранить в тайне нашу встречу — это само собой.

— Много было партизан?

— Много, очень много. Они задали фашистам жару, вон там. Не воюйте, мол, с мирным населением!

— У меня, друг, к тебе большая просьба, — сказал я. — Найди мне проводника. Трудно в чужом краю не сбиться с пути, тем более, что по дорогам ходить опасно. Укажи мне надежного человека, который смог бы проводить меня.

— Я бы сам тебя проводил, но меня вызвали к старосте на шесть часов утра. Если я к нему не явлюсь, то, кто знает, чем это кончится. Теперь такое время, что из-за пустяка могут отправить человека на виселицу. Попытаюсь найти тебе надежного человека, идем в село, — сказал крестьянин.

Мы входим в село, крадучись пробираемся вдоль плетней. Впереди идет крестьянин. Поравнявшись с одной хатой, он зашептал:

— Постучись в эту хату. Выйдет хромой старик, ты объясни ему свое положение, и он непременно проводит тебя. Ну, желаю счастливого пути, — сказал крестьянин и исчез.

Я осторожно подошел к двери, постучал, а сам спрятался за деревом. Никто не отозвался. Я постучал громче.

— Кто там?

— Свой.

На пороге появился старый, хромой крестьянин. По-видимому, он не спал, так как был одет.

— Добрый вечер! — сказал я.

— Добрый вечер! Кто вы? — спросил хромой.

— Я партизан, отстал от части — от тех партизан, которые вчера бились здесь с немцами. Мне необходимо догнать товарищей, они, кажется, пошли к Черному лесу. Я совсем не знаю здешних дорог, могу легко заблудиться.

Крестьянин без колебаний и размышлений ответил:

— Какие могут быть разговоры, конечно, надо проводить, это дело такое. Вот только на минутку зайду в дом, предупрежу старуху да шубу прихвачу.

Спустя несколько минут он вышел из дому с шубой в руках.

Мы скоро вышли в поле и двинулись на восток. По дороге дед стал расспрашивать меня, кто я такой, откуда. Узнав, что я грузин, он оживился.

— Я был солдатом в первую мировую войну, — сказал он, — тогда и ранили меня в ногу. В нашем полку было много грузин. С одним я крепко дружил, храбрый был солдат и верный друг. Серго его звали, а фамилия Узнадзе.

— У меня сосед есть в Тбилиси Серго Узнадзе. Может, это он?

— Эх, если бы мне еще хоть раз встретиться с Серго, вот была бы радость! — воскликнул старик.

Приблизившись к шоссе, мы заметили на нем большое движение. Переходить на другую сторону было опасно. Крестьянин зашептал мне:

— Ложись скорей, видишь, вон под тем деревом немцы стоят.

Мы легли и застыли, затем я осторожно подполз к дереву. Никаких немцев там не оказалось, — видно, тень от дерева дед принял за людей. Я встал и дал знак своему проводнику, чтобы он тоже поднялся. Мы перебежали дорогу и очутились в кукурузном поле.

— Что ж ты, друг? — говорю я деду.

— Эх, будь они прокляты, это мне, видно, со страху померещилось, — ответил мой проводник. — Постарел я, пропала былая сила и зоркость, вот и стал деревья за людей принимать. Теперь меня кошка может напугать.

Вскоре мы снова вышли на скошенное поле. Вдали виднелось несколько светящихся точек

— Видишь село? — спросил меня крестьянин.

— Мы должны непременно обойти его, — говорю я ему.

— Нет, это не годится, — отвечает дед, — так мы удлиним путь, и нас застанет рассвет. Надо пройти через самое село, я знаю безопасную дорогу. Здесь есть маслобойный за-

вод, днем он работает, а ночью там пусто. Мы пройдем мимо него, и ни одна душа не заметит нас.

Я согласился. Осторожно крадемся мимо хат. Старик толкнул меня и указал пальцем:

— Видишь, вот там находится маслобойный завод.

Здание завода было огорожено высоким частоколом. Но что это? Почему в столь поздний час в окнах свет и слышатся голоса? Я подошел ближе, прислушался и ясно расслышал: «Это только начало, скоро мы схватим самого Ковпака, тогда посмотрим».

Услышав этот разговор, я обомлел. Меня расстроило то, что, по-видимому, кого-то из наших фашистам удалось захватить в плен, а затем у меня сразу мелькнула мысль: «Куда завел меня этот предатель?» Я крепко схватил старика за руку, привлек к себе и гневно зашептал:

— Тебе не стыдно? Куда ты меня привел, где твоя совесть?

Старик растерялся. Он начал бормотать сквозь слезы:

— Пусть меня громом поразит, если я тебя предал! Как я мог думать, что здесь кто-нибудь окажется в такое время?

По всему было видно, что он не лгал. Мы бросились в сторону, вышли в поле и немного передохнули. Мне страшно захотелось курить, но зажигать огонь было опасно. Я вырыл рукой ямку и опустил в нее голову, а дед набросил на меня сверху свой тулуп. Я выкурил папиросу, и мы пошли дальше. Вскоре вышли к небольшой реке. Проводник предложил мне.

— Давай я перенесу тебя.

Я отказался.

Я снял сапоги, сунул в них портянки и вошел в реку. Во время перехода портянки упали в воду и их унесло. Пришлось надеть сапоги на босу ногу. Оказывается, совсем недалеко от брода, где мы перешли реку, находился мост. Охрана моста неожиданно пустила осветительную ракету, вокруг стало светло, как днем. Мы сразу распластались на земле и замерли. Старик тихо сказал:

— Немцы хорошо знают, что партизаны пошли к Черному лесу, поэтому усиленно охраняют здесь все дороги.

Время перевалило за полночь, лежу совершенно мокрый, начинает знобить. Дед накрыл меня своим бараньим тулупом, стало немного теплее. Наконец поднялись и пошли дальше. Слышно пение петухов.

— Случайно не сосчитал, сколько раз прокричали петухи? — спрашивает меня дед, желая определить время. Я чувствовал, что он хочет что-то сказать, но не решается. Наконец дед решился и сказал: — Неудобно мне говорить, очень

неудобно, но все же приходится—я хочу возвратиться назад. Уже светает, утром меня может хватиться староста, и если меня не окажется дома, то он затеет целую историю. Я сейчас доведу тебя до хутора, там есть надежный человек, который поведет тебя дальше.

Я согласился. Вскоре показался небольшой хутор. Осторожно продвигаемся вперед, боимся, как бы собаки не подняли лай.

— Вот в этой хате живет человек, о котором я говорил,— сказал мне старик. — Ты обожди здесь, я вызову его.

Дед подошел к хате и постучал. В ту же минуту дверь отворилась, вышел хозяин. Мой проводник взял мужчину под руку и отвел в сторону. Они о чем-то поговорили, и дед позвал меня.

— Он согласен тебя проводить. Я теперь тебе больше не нужен, прощай, брат, желаю победы.

Я горячо поблагодарил старика, обнял и расцеловал его.

Он протянул свой бараний тулуп:

— Тебе предстоит трудный путь, и эта шуба может пригодиться. Возьми, друг.

Я наотрез отказался.

— Ну, а теперь пожалуйте к нам, — обратился ко мне хозяин, — подкрепимся немного перед дорогой, небось проголодались.

Я не заставил повторять приглашения, потому что был очень голоден. Покушав, я поблагодарил хозяйку, и мы двинулись в путь.

Второй мой проводник тоже оказался инвалидом первой мировой войны. Это был очень симпатичный и добрый человек.

Небо на востоке слегка посветлело.

— Скоро наступит рассвет, — говорю я, с опаской поглядывая на восток, — надо торопиться.

— Не беспокойся, — отвечает мой новый проводник. — Я ведь старый солдат и не так легко попадусь врагу.

Вдруг дорогу перебежал заяц.

— Ох, это нехорошая примета!—воскликнул проводник.— Если перед рассветом заяц перебежит дорогу, значит, весь день будет неудачным. Давай подождем, пока он перебежит обратно.

Меня это рассмешило, и я сказал:

— Нет, друг, чего нам считаться с глупым зайцем? Пойдем вперед, верней будет.

Проводник заупрямился.

— Ты-то можешь не верить, но ради меня давай присядем, подождем каких-нибудь пять минут, я тебя очень прошу.

И он сел. Не время было заниматься агитацией, к тому же я видел, что легко его не убедишь. Мне ничего не оставалось, как сесть с ним рядом. Не прошло и десяти минут, как заяц перебежал дорогу в обратном направлении.

— Я же говорил тебе, что он непременно вернется, — торжествующе сказал проводник. — Теперь можно спокойно продолжать путь.

Наступило утро. Мы вошли в небольшой лесок и решили передохнуть.

— В этом лесу нет родника? — спросил я.

— Как же, родник тут совсем недалеко. Хочешь напиться воды?

— Правду сказать, очень хочу.

— Пойдем!

Через каких-нибудь четверть часа мы подошли к роднику. Я жадно прильнул к студеной воде, затем умылся и присел тут же под деревом. Мой спутник сел рядом со мной.

Чувствую, что глаза мои заволакивает пеленой, голова тяжелеет. Как приятен утренний сон! Но где уж спать, когда каждую минуту может появиться враг...

— Вижу, тебя клонит ко сну,—говорит мне проводник.— Поспи, я постерегу.

Я поблагодарил его, поднялся и еще раз умылся холодной водой. Обернувшись назад, я увидел, что мой проводник растянулся во весь рост и сладко спит. Теперь я сам оказался в роли сторожа.

— Вот история получилась! Предлагал постеречь тебя, а вместо этого пришлось тебе меня караулить, что это за порядок? — смущенно сказал старик, протирая глаза. Мы закурили. — Если бы не больные ноги, то я непременно записался бы в партизаны и пошел вместе с вами, — продолжал проводник. — Ох, как бы я мстил этим собакам, за все бы им отплатил!

— Видно, фашисты много причинили тебе горя. Расскажи, что они сделали тебе?

— Что они мне сделали? — Он помолчал немного, прикрыл ладонью глаза, вздохнул глубоко и голосом, в котором слышалась неуемная боль, сказал:

— У меня было трое детей — сын и две дочери. В первый же день прихода немцы переписали в нашем селе всех жителей. На следующее утро комендант вызвал сына и обеих дочерей. Ах, зачем я пустил их! Не думал я, что вижу их в по-

следний раз! Вечером я пошел в комендатуру справиться о детях. «Ты чего сюда притащился, мужик паршивый? — закричал на меня комендант. — Убирайся домой, твоих дочек и сына сегодня отпустим». Я поверил ему и поплелся домой. Целую ночь прождал детей, но напрасно, никто из них так и не вернулся. Вскоре я узнал, что их в ту же ночь отправили в Германию. Это известие как громом поразило меня, а бедная жена — так та заболела от тоски и слегла. Она и теперь вскакивает как сумасшедшая среди ночи и начинает кричать: «Ганна, Оксана, Грицко! Где вы, детки мои? Что вы делаете там, на чужой стороне, когда вернетесь домой?» Трудно, друг, очень трудно, хоть волком вой.

— И с тех пор тебе ничего не известно о детях?

— Девчата, те иногда пишут по нескольку слов, а вот сын как в воду канул.

Крестьянин смахнул навернувшуюся слезу и продолжал:

— Ну, как мне жить после этого на белом свете, как сдержать себя? Гнев душит меня, но беда в том, что я больной человек, инвалид. Одна только радость у меня, что наши сейчас повсюду бьют фашистских мерзавцев. Когда мы узнали, что Ковпак окружил Делятин и уничтожил немецкий гарнизон, — это для нас настоящий праздник был.

Меня очень обрадовали эти слова, я улыбнулся. Собеседник заметил мою улыбку и спросил:

— А ты, случайно, не принимал участия в делятинском деле?

— Принимал, — ответил я.

После этого проводник засыпал меня вопросами.

— Много хорошего говорят у нас об армии Ковпака... Да оно и видно, что это за армия... Стоит ей только появиться, как враг в страхе бежит... Говорят, что у Ковпака и самолеты есть и танки.

Я слушал крестьянина, и мое сердце наполнялось гордостью.

— Я сейчас иду к Ковпаку, — сказал я ему.

— Желаю тебе счастливо дойти, желаю всегда одерживать победы!

— А тебе, брат, пора возвращаться домой, — сказал я проводнику. — Ведь ты больной человек. Я навсегда запомню твое участие в моей судьбе и услугу, которую ты мне оказал.

— Так я тебя не оставлю, — возразил проводник. — За полкилометра отсюда есть небольшой хутор, там у меня приятель один живет. Вполне надежный человек. Я попрошу его проводить тебя. Мне он не откажет.

Через минут десять мы уже входили в хутор. Мой проводник подошел к небольшому дому с палисадником, отворил калиточку. На скрип из дому вышел молодой крестьянин.

— Это я, Семен, — сказал ему мой проводник и решительным шагом пошел ему навстречу.

Я насторожился, мне показалось странным, что молодой мужчина в такое тревожное время сидит дома. Я опустил руку в карман и нащупал револьвер. После короткого разговора хозяин повернулся в мою сторону и сказал:

— Пожалуйте!

Я подошел к нему и поздоровался. Он ответил учтивым поклоном.

— Каким образом вы, такой молодой, и остались дома?— прямо спросил я его.

Он показал мне обрубок правой руки.

— Кому я нужен такой...

Я смутился, до этого я не обратил внимания на его руку. Этот крестьянин был инвалидом Великой Отечественной войны.

— Ну, пожелаю вам счастливого пути, товарищи. Дальше тебя проводит вот он, — обратился ко мне старик, указывая на нового знакомого.

Я от всей души поблагодарил и расцеловал своего проводника, мы сердечно простились с ним. Вскоре на крыльцо вышла хозяйка, попросила в хату. Мы вошли. Хозяйка быстро накрыла на стол. Прощаясь, она протянула мне пачку табачных листьев и сказала:

— Берите, пригодится вам, в дороге трудно будет достать табак.

Выйдя на улицу, мы сразу свернули в жнивье и двинулись быстрым шагом.

Я не успел как следует отдохнуть, мне было трудно быстро идти, но молодой мой проводник не считался с этим. Он не шел, а прямо несся вперед. Мы без передышки отмахали километров десять. Я чувствовал острую боль в ногах. Наконец я заметил впереди деревню.

— Что это за село? — спрашиваю своего спутника.

— Глебовка.

— Какие тут поблизости еще есть деревни?

— Немного повыше Хмелевка.

— Так мы, видно, совсем близко от Черного леса! — воскликнул я радостно.

— А вам что, знакомы эти места? Приходилось бывать здесь?

— Да, направляясь в Карпаты, мы прошли как раз через эти села.

— Мы, местные жители, хорошо знали о походе Ковпака на Карпаты и с большим волнением следили за вашим продвижением. Как раз в то время ваш отряд разгромил немецкий гарнизон в Россульне...

— Верно, мы истребили в Россульне эсэсовский полк. А что это за шум? — спрашиваю я.

— А кто его знает? По-моему, это в Хмелевке шумят.

Я вслушиваюсь. Ветром доносит людские крики, ржанье коней, частую автоматную стрельбу. Позже я узнал, что это наши партизаны выбивали из Хмелевки фашистов. Мы ускорили шаг и через некоторое время подошли к Черному лесу. Еще издали я увидел, как какие-то люди бежали к нему. А вон скачет всадник, лошадь очень похожа на рудневского Орлика. Так оно и есть! Кто же на ней сидит? Пятышкин? Теперь я уже не иду, а лечу, проводник еле поспевает за мной. Вдруг меня охватил страх: а что, если партизаны скроются в лесу до моего прихода? Тогда ведь будет очень трудно их отыскать.

— Товарищи, подождите, подождите! — кричу я изо всех сил, но партизаны не слышат меня.

Я выхватил револьвер и три раза выстрелил в воздух. Меня услышали. Я подбрасываю шапку.

— Товарищи, я Бакрадзе, подождите меня!

Партизаны остановились, смотрят в мою сторону. Я попрощался с проводником и сказал ему:

— Спасибо, брат, если когда-нибудь сведет нас судьба, знай, я не пожалею жизни ради тебя...

— Всего хорошего... Я очень рад, что вы догнали своих товарищей, прощайте! — говорит он мне.

Вот и партизаны уже бегут в мою сторону. «Это Давид!» — кричат они.

Первым подбежали ко мне Горкунов, Боголюбов и Жоржолиани, они стали меня обнимать, поздравлять с благополучным возвращением. Я вместе с ними вошел в лес. Товарищи, пораженные, смотрят на меня, не верят своим глазам. Оказывается, все решили, что я погиб.

— А я все же не терял надежды,— сказал Павловский,— не мог себе представить, что тебя нет в живых. Я выделил группу испытанных ребят и послал их на розыск. Но и они возвратились ни с чем. Вскоре появился Горкунов в сопровождении вот этих ребят и присоединился к нам, — и Павловский показал на стоявших тут же бойцов второй роты.

Я вкратце рассказал о своих скитаниях. Товарищи с большим вниманием и интересом выслушали мой рассказ и снова стали поздравлять со счастливым возвращением. Я попросил Горкунова подробно рассказать, что с ним случилось, почему он так запоздал и с какими результатами возвратился в Панский лес.

Оказывается, маршрут Горкунова очень походил на мой. Ему даже пришлось переходить через ту же реку, где я потерял свои портянки.

XXIX

Мы решили устроить в Черном лесу продолжительный привал и разбили лагерь в таком глубоком и темном ущелье, что здесь нас не отыскал бы и сам черт.

На лесной тропе наше внимание привлекли все новые и новые следы. Видно было, что люди проходили здесь группами. Срочно были посланы разведчики с заданием обследовать лес. Эта первая разведка не дала никаких результатов. Мы отправили вторую группу разведчиков; возвратившись, они привели с собой партизан из отряда Вершигоры. Вновь прибывшие сообщили нам, что в лесу находятся отряды и Вершигоры и Матющенко. Правда, они еще не соединились.

— Далеко ли ваш лагерь? — спросил я.

— Отсюда будет километров шестнадцать-семнадцать.

Павловский решил идти на соединение с отрядом Вершигоры.

По дороге наши разведчики рассказали, что, блуждая по лесу, они наткнулись на заброшенный лагерь. Все землянки были пусты. Это был тот еврейский лагерь, на который набрели наши разведчики в начале Карпатского рейда. Мы подошли к «владениям» Вершигоры. Первым я увидел Анисимова. Я не мог понять, как он оказался здесь; ведь при разделении на группы он остался с Ковпаком. Анисимов бросился ко мне и заключил в объятия.

— Сергей, каким образом ты очутился здесь, почему ты не с Сидором Артемьевичем?

— Эх, Давид, — ответил он мне, — что поделаешь, так уж получилось. Я руководил группой разведчиков. Как-то раз Дед послал меня на хутор у самого подножия Карпатских гор — разведать обстановку. Выполнив задание, я двинулся в обратный путь. Вскоре выяснилось, что немцы отрезали нас. Я несколько раз пытался, но так и не сумел соединиться с

Ковпаком. Положение было очень затруднительным. После короткого раздумья я направился в сторону Черного леса и с большим трудом добрался сюда. Здесь неожиданно встретил отряд Вершигоры.

Вершигора хорошо устроил свой лагерь, у него была даже баня. В Карпатских горах мы голодали. Здесь же были и хлеб, и масло, и даже сахар. Мне хотелось как можно скорее увидеть Вершигору. Вот и он. Веселый, со смеющимся лицом идет к нам навстречу, пощипывая пальцами свою длинную, окладистую бороду.

— Вы, конечно, проголодались, товарищи?

— Ты, брат, догадлив, — ответил ему Павловский.

— Ну, за угощением дело не станет! — воскликнул Петро и тут же отдал соответствующее распоряжение.

Не успел он это сделать, как новый гость постучал в ворота: пришел Матющенко со своими бойцами. Теперь уже собралось большое войско.

Было решено созвать совещание командиров. На этом совещании говорили об итогах рейда, о нынешнем положении и о дальнейших перспективах борьбы. Вершигора отметил, что все старания противника в период Карпатского рейда были направлены к тому, чтобы запереть наше соединение в горах. Действительно, только там они смогли бы нанести нам поражение. Но гитлеровцам не удалось осуществить свой план, мы неизменно уничтожали все их заграждения, прорывали окружения. Таким образом, рейд Ковпака опрокинул все расчеты и планы врага.

После боя у Россульни у меня в роте не было политрука, что сильно затрудняло мою работу. Я поднял на совещании этот вопрос, и Вершигора назначил в мою роту Леню Руденко. Раньше Леня был политруком третьей роты, в Черный лес он пришел вместе с Анисимовым и был известен в соединении как опытный, политически хорошо подготовленный работник.

У Руденко в зубах неизменно торчала набитая махоркой трубка, он не расставался с ней даже во время боя. Его полевая сумка всегда была наполнена махоркой.

Я напомнил Вершигоре о лагере беженцев-евреев. Меня интересовала судьба этих людей. Вершигора мне ответил:

— Сейчас же после вступления в Черный лес я начал искать этих беженцев. На старом месте их не оказалось. Они узнали, что враг собирается на них напасть, и перешли в наиболее недоступную часть леса. Но мне все же удалось их отыскать. Несколько человек из еврейского лагеря находятся сейчас в моей группе. Среди них доктор Циммер.

Я помнил доктора Циммера и попросил Вершигору назначить его в мою роту. Вершигора исполнил и эту просьбу.

Мы отдыхали в Черном лесу две недели. Своей тишиной здешние места напоминали Брянский лес. Напряженные в результате непрерывных боев нервы отдохнули, партизаны почувствовали себя лучше.

XXX

Самых различных людей можно было встретить среди партизан нашего соединения. Здесь были рабочие, колхозники, инженеры, учителя, врачи, поэты, художники, плотники, каменщики и, представьте, — даже цирковой артист.

К сожалению, я не запомнил фамилии этого циркового артиста, ничего не обнаружил я о нем и в своем дневнике. Помню лишь, что он был из города Омска, и партизаны дали ему прозвище «Клоун».

Прежде чем стать партизаном, он находился в действующей армии и в одном из боев получил контузию. С тех пор бедняга стал заикаться, и, когда волновался или торопился, то у него в горле словно застревал какой-то ком, он как будто клещами тащил из горла слова, затем вдруг произносил «а», «да», и речь начинала свободно литься. Так что это «ада» было как бы ключом к его речи. Стоило ему произнести «ада», и после этого он мог прочитать целый доклад. «Клоун» был веселым, озорным, остроумным парнем, и стоило ему произнести несколько слов, сейчас же поднимался дружный хохот.

Сколько раз обессиленный смехом Ковпак восклицал:

— Уберите с моих глаз этого черта, не могу больше, бока ломит от смеха...

Однажды «Клоун» сильно пострадал из-за одной своей очередной затеи. Вот как произошло это.

Вершигора приказал Кульбаке выслать по всем направлениям разведку, подытожить и уточнить донесения и доложить ему. Кульбака выделил несколько групп разведчиков и направил их в разные стороны. С одной из этих групп пошел в разведку «Клоун». Выйдя на шоссе, разведчики заметили несущуюся навстречу легковую машину. Сейчас же была устроена засада, и как только машина поравнялась с укрытием, партизаны открыли по ней огонь. Шофер и находившийся в машине немецкий полковник были убиты наповал. Когда из карманов убитого полковника доставали документы, у «Клоуна» мелькнула в голове озорная мысль. Он нарядился в костюм полковника, нацепил его ордена и стал упрашивать товарищей:

— Ребята, дорогие, давайте свяжите меня, отведите в таком виде к Кульбаке и скажите ему, что захватили в плен полковника...

Партизаны взглянули на «Клоуна» и покатились со смеху. Он напыжился, словно индюк, выкрикивая, как очумелый, немецкие слова, и хлопал стеком по голенищам лаковых сапог.

И вот партизаны повели в лагерь «немецкого полковника».

Пришли они в лагерь, когда уже стемнело. Кульбака о чем-то оживленно беседовал с партизанами. Вокруг него находилось около тридцати человек. Несмотря на сумерки, они разглядели, что разведчики ведут пленного немецкого офицера. «Полковник» гордо выступал, окруженный бойцами. Приблизившись к группе партизан, «полковник» бросился вперед, разорвал кольцо своей стражи, одного сбил с ног, другому даже дал тумака, третьего лягнул ногой, затем поднял высоко два пальца и выкрикнул три раза истерическим голосом: «Хайль Гитлер! Хайль Гитлер! Хайль!»

Партизаны рассвирепели. Как было не обозлиться: наглец попал в плен и тут продолжает безобразничать! Один из партизан залепил «полковнику» такую оплеуху, что тот растянулся на земле, другой огрел его плеткой. Все это произошло так молниеносно, что сопровождавшие «Клоуна» разведчики не успели произнести ни слова. А сам «Клоун», как это с ним случалось всегда во время волнения, потерял дар речи, и только после того, как его как следует угостили, он с трудом выдавил «ада»...

Сразу все стало ясно.

«Клоун» и после этого не оставил своих затей, однако стал осторожнее.

XXXI

Фашисты сосредоточили вблизи Черного леса значительные силы. По всему было видно, что они готовились к наступлению. В таких условиях было бессмысленно долго оставаться на одном месте.

Это обстоятельство хорошо учел Петро Вершигора. Он как заместитель Ковпака стал во главе всех партизанских групп, пришедших из Карпат в Черный лес. Только группе Матюшенко решено было предоставить возможность действовать самостоятельно.

Всех нас, бойцов и командиров, тревожила одна мысль — ничего не было слышно о нашем храбром команди-

ре, любимом Сидоре Артемьевиче Ковпаке. Куда только мы не посылали разведчиков! Однако все меры, принятые для розыска Ковпака, до сих пор не увенчались успехом.

Как раз в эти дни мы объединили аккумуляторы, имевшиеся в партизанских группах, и наконец сумели связаться с Москвой. Там тоже ничего не знали о Ковпаке. Вершигора попросил прислать питание для рации. Москва обещала в кратчайший срок выслать самолетами все необходимое. Мне была поручена организация приемки самолетов. Я выбрал вблизи лагеря небольшую поляну, и с наступлением ночи мы зажигали в центре ее большие костры.

Нам не пришлось долго ждать. Вскоре появился самолет, он сделал над поляной два круга и улетел обратно. Мы долго ждали, чтобы он появился снова, но тщетно. Самолет не вернулся. Мы были поражены: что это могло означать? Не было сомнения, что это посланный к нам из Москвы самолет, но, по-видимому, летчик не заметил условного огня и повернул обратно. Это могло произойти потому, что поляна была маленькая и ее окружали высокие деревья. После этого мы две ночи подряд жгли костры, но самолет так и не появился. Больше всего нас удручало то обстоятельство, что рухнула надежда получить аккумуляторы и установить связь с Ковпаком.

Противник продолжал концентрировать крупные силы в Хмелевке, Глебовке и в Грабовке. Разведчики видели, как к этим пунктам бесконечной вереницей двигались немецкие танки, пушки и другое тяжелое вооружение. Разведчики, направленные в Хмелевку и Глебовку, возвратились своевременно. Запаздывали бойцы, посланные в Грабовку. Как мы узнали позже, враг взял эту группу разведчиков в кольцо и уничтожил всех до одного.

Захват фашистами окрестных сел лишил нас источника снабжения, наши же запасы провианта были на исходе. Положение становилось критическим. Наступили тяжелые дни.

Однажды боевое охранение лагеря донесло: приближаются немцы, они скоро могут окружить нас! Это известие привело в движение весь лагерь, все схватились за оружие. Надо было срочно покинуть лес. Вершигора моментально разработал план действий. Матющенко все еще находился вместе с ними. Вершигора в первую очередь отправил эту группу. Мы разрушили наши землянки и тоже выступили из лесу и взяли направление на восток. Уже стемнело, когда мы подошли к шоссе и идущей параллельно с ним железнодорожной линии Станислав — Калужа. Разведчики предупре-

дили нас: враг находится в укрытиях по обеим сторонам шоссе и железной дороги.

Обстановка осложнялась. Вершигора решил прибегнуть к испытанному партизанскому маневру. Мы резко изменили маршрут и взяли направление в сторону Станислава. Такого хода с нашей стороны противник никак не мог предвидеть. Когда подошли совсем близко к Станиславу и нас отделяли от него каких-нибудь десять — двенадцать километров, наступил рассвет.

День мы провели в лесу. Усиленный отряд бойцов охранял наш лагерь.

Враг не подозревал, что мы находимся так близко от города. Мы воспользовались этим обстоятельством и ровно в восемь часов вечера пересекли обе дороги и углубились в кукурузное поле. Высокая, с человеческий рост кукуруза качалась, словно морские волны. Между кукурузой были посажены бобы. Поднялся страшный шум: бойцы начали ломать кукурузные початки, да и нельзя было запретить этого делать вконец изголодавшимся людям. Было только приказано не бросать по дороге кукурузные листья, — враг мог напасть на наш след. Бойцы стали осторожнее, зерна кукурузы и бобов они съедали и про запас клали себе за пазуху, а листья и шелуху прятали в кусты.

Мы шли без передышки всю ночь. Впереди заблестела река Быстрица. Эту реку мы знали хорошо и благополучно перешли на другой берег. Наступал рассвет, продолжать путь было опасно. Мы укрылись в небольшом кустарнике и провели в нем весь день. Со стороны Черного леса беспрестанно раздавалась артиллерийская канонада — это фашисты громили покинутый нами лагерь.

Мы не знали, в каком положении находится группа Матющенко, нам было лишь известно взятое ею направление. Вскоре со стороны, где по нашему предположению она должна была находиться, послышалась артиллерийская и минометная стрельба. По всему было видно, что между Матющенко и фашистами завязался горячий бой. Партизаны забеспокоились, всех волновала судьба товарищей. Невозмутимым оставался лишь Вершигора. «Не волнуйтесь, — говорил он.— Матющенко не раз уходил из-под удара врага. Не сомневаюсь, что и на этот раз он проведет противника».

По обоим берегам Быстрицы раскинулось много хуторов. Мы послали разведчиков за провизией. Крестьяне щедро снабдили их картофелем, сливками, хлебом.

...От Черного леса и до расположенных по берегам Быстрицы хуторов мы прошли совершенно незамеченные про-

тивником. Этому очень помогло то обстоятельство, что народ проявлял к нам исключительное внимание.

Несмотря на фашистский террор, крестьяне все же умудрялись держать с нами связь. Правда, эта связь нередко оказывалась для них роковой: стоило гитлеровцам узнать, что тот или иной крестьянин оказал партизанам помощь, как они тотчас учиняли над ним зверскую расправу. Но я не помню ни одного случая, чтобы крестьяне упрекнули нас за эти жертвы.

Подойдя к Днестру, Вершигора выделил отряд разведчиков под командованием Саши Лепкина — «Усача» и Сергея Анисимова и выслал его вперед. Вскоре разведчики донесли, что в расположенных по дороге хуторах спокойно, фашистов нигде не видно.

Мы ускорили шаг, Вершигора торопил бойцов. Партизаны перешли на бег.

Не напрасно торопил Вершигора партизан. Он хорошо понимал, что гитлеровцы, не обнаружив нас в Черном лесу, начнут по пятам преследовать нас. До сих пор нам удавалось ускользать от врага, но на берегах Днестра нас могли ожидать значительные силы противника. «Мы должны успеть до рассвета перейти Днестр, этим мы избежим серьезной опасности», — говорил Вершигора.

К пяти часам утра мы вышли к Днестру. К нашему удивлению, немцев нигде не было видно, берега реки совершенно не охранялись. Мы отыскали паром, а чуть подальше от него — брод. Через каких-нибудь полчаса весь отряд, без потерь, был на левом берегу Днестра.

Вдоль левого берега реки шло широкое шоссе. Неожиданно послышался нарастающий гул. Вначале мы подумали, что это самолеты. Но прошло еще несколько минут и из-за поворота выскочили два мотоцикла. Раздался дружный залп, и шум моторов оборвался. Мы бросились на дорогу. По обеим сторонам мотоциклов валялись трупы немцев. У убитых были обнаружены важные документы. Начальник гарнизона города Станислава посылал своим представителям в хуторах грозное предписание: «Вами проявлена преступная беспечность в деле сдачи хлеба. Предлагаю в трехдневный срок наладить приемку и отправку зерна. На вас возлагается строжайшая ответственность за точное выполнение этого приказа». Другой приказ гласил: «Распространились слухи, будто приближаются партизаны. Не предавайтесь панике. Сегодня всему краю известно об уничтожении партизан, видно, только вы одни не уяснили себе эту простую истину. Нет необходимости ставить гарнизоны в каждом хуторе. Во-

все значительные пункты нами посланы крупные воинские части для ликвидации уцелевших партизан, считаю это мероприятие вполне достаточным».

После уничтожения мотоциклистов мы продолжали свой путь. Пройдя километров десять от Днестра, мы вошли в большое село.

Узнав, кто мы такие, крестьяне пожаловались на свое тяжелое положение.

— К нам приехал из Германии какой-то дьявол и объявил себя хозяином села. Он обложил всех нас оброком и сделал своими крепостными. Помимо натурального оброка, все крестьяне обязаны три дня в неделю работать на этого гада. Мы работаем на его огороде, в саду, на молочной и свиноводческой фермах. Видели бы вы, что это за чудовище — низкий и круглый, с головой желтой, подобно дыне, с толстой шеей, с огромным брюхом. Он все кричит на нас.

— Где сейчас находится ваш помещик? — спрашиваем мы.

— Сейчас он должен быть дома.

— Ну, так мы вас не станем беспокоить, мы сами навестим его, — сказали мы крестьянам.

Вершигора выделил группу бойцов, и через полчаса новоявленный помещик был доставлен в лагерь. Крестьяне удивительно точно описали его внешность. Это был действительно настоящий урод. Когда партизаны объявили ему, что он взят в плен, и предложили следовать за ними, тот вытаращил на них налитые кровью глаза и заорал:

— Я протестую против такого насилия, я сию минуту отправлю телеграмму самому фюреру!

— Пошел ты к... вместе со своим фюрером, — прикрикнул на него Бокарев. — Иди, тебе говорят...

— Я все же не могу понять, что вы от меня требуете! — уже другим тоном заговорил помещик.

— На нашей земле, в Советской стране, уже давно не существует помещиков, не будут они существовать и в будущем...

— Я послан сюда по распоряжению фюрера. Но если вы настаиваете... я немедленно выеду в Германию.

— Отлично, но до отъезда тебе придется прогуляться к нам. Шагом марш! — приказали обнаглевшему оккупанту партизаны.

Когда это чудовище вели по главной улице села, то крестьяне не знали, как выразить нам свою благодарность.

XXXII

В первое время после нашего выхода на равнину враг нанес нам несколько чувствительных ударов. Он прочно блокировал подступы к железным дорогам и шоссе.

По мере же продвижения отряда на восток активность противника заметно снизилась. Реже устраивались засады, гарнизоны оккупантов были малочисленны. Районы, расположенные по левую сторону Днестра, не были укреплены. Это произошло потому, что оккупанты были твердо уверены в уничтожении нашего партизанского соединения в Карпатах. Поэтому теперь мы встречали главным образом продовольственные отряды, которые ежедневно грабили крестьян. Они забирали у них молочные продукты, мясо, хлеб и отправляли в Германию и на фронт. В одном селе, названия которого я не запомнил, крестьяне жаловались нам:

— Не знаем, что делать?! Фашисты снова начали отбирать молодежь для отправки в Германию. У гебитс-комиссара уже составлены списки.

— Спрячьте пока молодежь в лесу. Гитлеровцам скоро будет не до нее.

Пока мы разговаривали с крестьянами, возвратились наши разведчики. Двое из них рассказали интересную историю:

«Неподалеку от села Толстый Лес мы повстречали трех вооруженных мужчин. Эта встреча произошла столь неожиданно, что ни одна из сторон не успела схватиться за оружие. Мы спросили их, кто они такие, они ответили:

— Мы охрана местного помещика.

О том, что мы партизаны, они не догадались. Воспользовавшись этим, мы предложили им закурить и завели беседу.

— А вы кто такие, откуда пришли сюда? — спросили нас стражники.

— Мы идем из села Дубиновка. Мы тоже полицейские, нас послали на розыски партизан. Говорят, будто они снова появились в наших краях, — ответили мы.

— Да, это правда, в нашем селе тоже ходит много толков о партизанах, — сказали они, — но в близлежащие районы еще не ступала их нога, да и в будущем им не придется увидеть эти места.

Полицейские выложили нам все, что им было известно об оккупантах. Они подробно рассказали, что творится во владениях помещика.

Мы с удивлением наблюдали за этими «стражами». Уж больно они были заносчивы, легкомысленны и тупы.

— У нас добрый пан, — сказал один из них. — В воскресенье, перед тем как идти в церковь, он отдал распоряжение хорошо кормить охрану — это нас, значит...

— А что говорят о нем крестьяне?

— Крестьяне? Что они понимают!

— А как попал ваш пан в это село?

— Эх, да ведь это не новый помещик, он и раньше, до прихода большевиков, владел этими землями.

— А где он жил при Советской власти?

— При большевиках он жил за границей... А теперь немцы возвратили ему все его владения.

— И большая охрана у вашего помещика?

— Нас тридцать человек.

— А сейчас в вашем селе есть немцы?

— Вчера прибыл со свитой немецкий полковник, у пана остановился. Вот уже вторые сутки, как они пируют.

— Эх, счастливцы вы. А что, если мы попросим вашего хозяина, — не примет ли он и нас в свою охрану?

— Думаю, что не откажет. Главное — доказать ему свою преданность.

— Ну, это мы сумеем сделать!

Мы еще раз угостили их папиросами и распрощались», — закончили свой рассказ разведчики.

Необходимо было проучить этого пана и его гостя, гитлеровского полковника.

Вершигора приказал Кульбаке отправиться со своим подразделением в село и захватить помещика вместе с гостями и охраной. В распоряжение Кульбаки были выделены разведчики моей роты.

Кульбака быстро собрался и выступил на выполнение задания. Партизаны окружили Толстый Лес. Вдребезги пьяный гитлеровский полковник, узнав, что поместье окружено, приказал: «Немедленно арестовать всех партизан и доставить ко мне!»

Но кто мог выполнить этот приказ? Охранники помещика думали только о том, как бы спасти свою шкуру.

Когда полковник убедился, что никто не выполняет его приказа, он схватил автомат и бросился со своими солдатами навстречу партизанам. Недолго пришлось повоевать полковнику, он был сражен партизанской пулей. После этого Кульбака ворвался в помещичий дом и арестовал пана.

Охрана помещика, узнав, что партизаны окружили село, моментально побросала оружие и разбежалась. С трудом удалось изловить несколько человек.

Среди задержанных стражников оказался один, наиболее ненавистный крестьянам.

— Покрепче свяжите этого пса, ведь он всю жизнь нам отравил, каждый день издевался над нами, — говорили они.

Мы заинтересовались этой личностью и попросили крестьян дать о нем подробные сведения.

— Вы не знаете, какой это подлый человек. У него нет ни совести, ни жалости, сущий изверг! Если бы вы знали, что́ он творил, то не задумываясь прикончили бы его на месте, — сказал нам один старый крестьянин.

— А вы нам скажите, что́ он такое делал? — спросили хлопцы деда.

— Немцы поручили ему собирать на селе масло. Так он установил свою собственную норму, вдвое больше положенной немцами. Принесешь ему самое лучшее масло, а он все равно кричит: «Что это за масло, им свиней разве кормить, немцы не примут его. Или вы не знаете, что немцы—это чистая раса?» Кричит, издевается, да еще нагайку в ход пускает. Трезвым его никогда не видели. После шести часов вечера жителям строго запрещается ходить по улицам. А этот паразит идет к помещику и нашептывает ему: «Крестьяне, мол, по ночам куда-то ходят, видно, они поддерживают связь с какими-то подозрительными лицами. Если вовремя не будут приняты меры, то могут выйти большие неприятности». Десять дней назад из соседнего немецкого гарнизона прибыли в наше село фашисты на автомашинах, вызвали пять крестьян, связали их и увезли. Нам и по сей день неизвестно, какая участь постигла несчастных. Это дело его рук.

И вот теперь этот изверг стоял перед нами. Он чувствовал, что судьба его решена, и дрожал, как осиновый лист.

— Как звать? — спросил его Кульбака.

— Петром звать, господин, — прохрипел тот.

— Хорошее имя порочишь, сукин ты сын! — крикнул Петр Кульбака.

В это время к нам подошел хромой старик. Он обратился прямо к Кульбаке:

— Спроси-ка, сынок, эту собаку, за что он убил бедную Агату.

Стражник стоял молча, устремив бессмысленный, тупой взор в небо, как будто заданный вопрос его не касался.

— Собака, тебя спрашивают, за что ты убил женщину?

Стражник опустил голову и еле внятно забормотал:

— Я был пьян, не помню как следует — убил ли я ее или нашел убитой у родника.

— Хорошо, — сказал Кульбака, — дальнейших объяснений не требуется, иди вперед!

Предателя повели к сельской площади. Там уже собралась вся деревня — старые и малые.

— Мы всегда знали, что ему не пройдут даром его злодейства, — говорили женщины.

— Что вы собираетесь с ними делать? Хотите с собой забрать? — спрашивали Кульбаку крестьяне.

— Повесить предателя на площади при всем народе!

Партизаны достали доску и написали на ней: «Такая же участь постигнет каждого предателя и притеснителя народа». Доску повесили на грудь стражника.

Кульбака выступил перед жителями села с короткой речью:

— Товарищи... Этот негодяй получит возмездие, которого не избежит ни один фашист, ни один гитлеровский прислужник... Конец собаки Гитлера будет таким же. Смерть предателю!

Предатель был повешен публично. Удовлетворенный народ стал медленно расходиться с площади. Один из крестьян сказал Кульбаке:

— Это хорошо, что вы повесили предателя. Но вот придут завтра фашисты, несдобровать нам...

— А вы тут при чем? — сказал Кульбака. — Если фашисты вздумают вести расследование, то вы смело идите к ним и скажите: партизаны, мол, напали на наше село, они увели с собой нашего пана вместе с охраной. Они убили господина полковника, истребили сопровождавших его солдат и после этого поспешно покинули село. А мы, мол, в эти жуткие минуты сидели по домам и не выглядывали на улицу.

— Да разве немцы поверят нам? — усомнился кто-то из крестьян.

— А как они могут не поверить? Ведь даже ребенок поймет, что безоружные жители никак не смогли бы справиться с охраной помещика да еще с полковником и его солдатами. Я вас научу вот еще чему, — говорил крестьянам Кульбака: — Немедленно разрушьте все оборудование маслобойни, а немцам скажите: «Видите, что с нами сделали партизаны, сепараторы разбили, масло отняли и оставили нас с пустыми руками». Этим путем вы сразу убьете двух зайцев: во-первых, вы избежите кары оккупантов, а во-вторых, вам не придется сдавать им масло.

Слова Кульбаки пришлись по душе крестьянам, и они сразу принялись за сепараторы.

Мы знали, что немцы потребуют ответа от населения за смерть помещика и полковника. Поэтому мы приняли все меры, чтобы спасти крестьян от мести фашистов. Мы оставили в деревне угрожающие письма, разбросали по улицам пустые гильзы... А крестьянам посоветовали ругать нас на чем свет стоит.

Обычно, когда гитлеровцы возвращались в покинутую нами местность, то ни шпионы, ни полиция не могли им ничего сообщить, так как они разбегались при нашем появлении. Таким образом, враг не мог ничего узнать от своих агентов.

Мы всегда старались, чтобы у оккупантов не было оснований для мести населению. Вступив в село, мы в первую очередь спрашивали, имеются ли среди населения фашистские агенты и где они находятся в настоящее время? Ответ обычно был один и тот же:

— Все предатели, как только узнали о вашем приближении, моментально разбежались.

В тех же случаях, когда эти негодяи не успевали спастись бегством, они получали достойное возмездие...

Партизанское движение потому было могуче и жизнеспособно, что его всячески поддерживал народ, воспитанный Коммунистической партией в духе беспредельной преданности Отчизне и родной Советской власти. Если бы народ не был нашей твердой опорой, то партизанские отряды были бы обречены на верную гибель. Без помощи народа мы не смогли бы долго существовать.

Ряды партизан пополнялись новыми силами из народа, население доставляло нам точные сведения о слабых и сильных сторонах противника, проявляло отеческую заботу о больных и раненых партизанах, снабжало нас продуктами питания...

XXXIII

Наступило погожее осеннее утро 2 сентября 1943 года. Эта дата останется навсегда памятной для меня.

В этот день разведчики заметили каких-то людей, направляющихся к нашему лагерю. Вскоре выяснилось, что это бойцы из группы Ковпака. Они шли широким шагом, с автоматами в руках. Весь лагерь пришел в движение, — все поднялись на ноги.

— Привет от Сидора Артемьевича и от партизан его группы!

Перед нами стояли худые, босые, одетые в какие-то лохмотья люди. Но, несмотря на это, лица их дышали непреклонной волей и твердостью.

— Откуда вы идете, как нашли нас, как себя чувствует Сидор Артемьевич? — забросали мы их вопросами.

— Все идет хорошо, — ответил один из вновь прибывших. — Враг от Карпат преследовал нас. Нам не раз приходилось рвать вражеское окружение и отрываться от противника. Дед держится бодро. Много встретили мы трудностей на пути из Карпат, но неизменно выходили победителями из всех испытаний. Ковпак не выпускает из рук автомата, ни один бой не обходится без его непосредственного участия. Дед послал нас на поиски вашей группы. Когда мы подошли к оставленному вами в Черном лесу лагерю, враг вел ожесточенный обстрел леса из пушек и минометов. Было невозможно продвигаться под таким огнем. Потом мы узнали, что вы до обстрела успели покинуть лес. Отряд Ковпака стоял лагерем в сорока километрах от этого места. Возвратившись из разведки, мы уже не нашли своей группы. Ковпак перешел на другое место. Нам так и не удалось найти Деда. По сей день мы продолжаем поиски, исходили весь этот край и вот встретили вас.

— Какими лесами и селами вы проходили? — спросил Вершигора партизан.

— Мы шли через те же места, где побывали и вы. Например, мы прошли Панский лес, село Глебовку. Крестьяне нам рассказывали: «Здесь были партизаны, они вели бой с немцами, а затем ушли в сторону Черного леса».

— Командира видели? — спрашивали обычно мы, надеясь встретить свою группу. — Какой он?

— У них командир с длинной бородой.

— Так мы поняли, что это ваша группа.

Прибывших партизан накормили. У нас были трофейные ликер и коньяк.

После того как партизаны из группы Ковпака легли отдыхать, я пошел в свою роту.

Вскоре пришел и мой помощник Сухоцкий. Только он появился, как поднялась сильная стрельба. Гитлеровцы незаметно подкрались к нашему лагерю через кукурузное поле.

Завязался бой. Мы отбили атаку врага — гитлеровцы потеряли свыше двадцати солдат и офицеров.

— Сухоцкого только что убили! — раздались взволнованные голоса.

Я бросился к штабу и увидел на траве бездыханное тело Сухоцкого. Наша рота потеряла прекрасного товарища.

Кроме Сухоцкого, был убит еще один боец-гуцул. Он мужественно сражался до самого конца боя. Когда фашисты побежали, гуцул, выпрямившись во весь рост, бросился преследовать противника, и тут-то его сразила вражеская пуля.

В этом же бою был тяжело ранен в ногу политрук моей роты Леня Руденко.

Бой закончился. Среди убитых фашистов оказался командир батальона. В его полевой сумке были обнаружены очень важные документы. На карту-километровку были нанесены маршруты разных партизанских групп. Тут же было отмечено расположение немецких войск и приложено пространное пояснение об одновременном окружении всех партизанских отрядов. Из этого мы узнали, каким путем собирались разгромить нас гитлеровцы.

Для нас теперь самым главным было избежать окружения. Если бы не найденная у немецкого офицера карта, мы пошли бы на северо-восток и попали бы прямо в пасть врагу. В этом направлении проходила железнодорожная линия, и неприятель с особой тщательностью укрепил все подступы к ней. Прорыв этой линии обороны потребовал бы от нас больших жертв. Вершигора предложил очень смелый план. Он рассуждал так: врагу известно, где мы находимся, поэтому надо срочно покинуть эти места. Мы не можем пойти старым маршрутом, так как дороги сильно охраняются. Наиболее целесообразно и безопасно будет выступить скрытно в южном направлении. Пока нет необходимости прорывать окружение, мы будем двигаться по территории внутри кольца. Наш маршрут будет круговой, мы возвратимся в тот пункт, откуда выступили. Лишь таким путем можно сбить врага с нашего следа. Завтрашний день мы проведем в небольшом лесу, который находится в десяти километрах. Затем мы переберемся в этом же лесу на другое место, а вечером незаметно проскользнем сквозь вражеское кольцо и двинемся в восточном направлении.

* * *

Враг лихорадочно готовился к новым боям.

Войсковые части неприятеля, расположенные в горах, были переброшены на равнину. Положение осложнилось.

на дорогах сильно увеличилось движение автомашин, танков и артиллерии. В небе появились вражеские самолеты.

Как потом мы убедились, дислокация войск противника была именно такой, как это указывалось на карте, найденной нами в сумке убитого гитлеровца. Думаю, что оккупантам не было известно о том, что эта карта попала в наши руки, иначе они, безусловно, перегруппировали бы свои силы и изменили план операции по нашему окружению и уничтожению.

Начались приготовления к походу. Как только стемнело, мы выступили в путь. Шли осторожно, обходили дороги. Наши опытные разведчики благополучно провели нас через все опасные места.

С наступлением дня мы расположились лагерем в намеченном заранее лесу. Но чувствовали себя не особенно спокойно. Наш отдых был тревожным, так как каждую минуту мы ждали сигнала тревоги.

Наконец день прошел. Наступили сумерки.

Мы вышли из лесу. Специально выделенные бойцы несли на носилках раненых товарищей в середине походной колонны.

Спустившись с гор, мы могли наладить дело с обмундированием, могли достать и подводы, но считали это преждевременным, так как нам приходилось двигаться главным образом по жнивью, болотам и кукурузным полям.

XXXIV

Советская женщина вписала в летопись Великой Отечественной войны и, в частности, в летопись партизанского движения незабываемые страницы.

В соединении Ковпака сражалось немало женщин. Все они были достойными членами большой партизанской семьи, храбрыми воинами, которые плечом к плечу с мужчинами с оружием в руках боролись против ненавистного врага.

К числу таких патриоток принадлежала Проня Шевченко.

— Товарищ Проня, — обратились как-то к Шевченко бойцы, после того как отряд вышел из села Кизлив, — хорошо было бы сегодня поесть обед, приготовленный твоими руками. Помимо всего прочего, ты в последние дни принимала участие в нескольких боях подряд, наверное, устала, — так вот, останься в лагере и отдохни.

На лице Прони появилось недовольное выражение, она на мгновение задумалась, затем улыбнулась и сказала:

— Наши обеды настолько просты, что для их приготовления не требуется много умения. Каждый сможет сварить картошку, а там, на поле боя, я со своим автоматом могу принести больше пользы. Нет, я не согласна.

Эта храбрая женщина принимала участие почти во всех боях и схватках.

Блуза, заправленная в брюки, барашковая шапка, огромные сапоги, подвернутая шинель — кто бы издали отличил Проню Шевченко от мужчины? Лишь нежные карие глаза и брови, похожие на крылья дикого голубя, говорили о ее женской красоте. Волосы в бою она прятала под шапку. Во время рукопашной схватки иногда раздавался звонкий голос Прони. В такие минуты партизаны самоотверженно бросались на помощь своей храброй соратнице.

Запомнилась мне и Мария Проценко. Это была хрупкая, нежная, молчаливая и очень застенчивая женщина. Ей было лет двадцать пять, у нее было миловидное круглое лицо, большие серые глаза. Дома она часто хворала. В отряде первое время боялась холода. Но затем постепенно привыкла к суровому партизанскому быту, окрепла, стала более выносливой и перестала хворать. Она любила уединяться, могла просидеть целый день где-нибудь под деревом, если не было никакого дела. В соединение она попала перед началом Карпатского рейда.

Муж Марии Проценко в первый же день Великой Отечественной войны был призван в ряды Советской Армии. Когда он ушел на фронт, Мария осталась беременной. В течение первых трех-четырех месяцев Мария переписывалась с мужем, затем она потеряла его след. Напрасно писала она письма, извещала его о рождении сына, ответа ни на одно письмо она не получила. Когда Советская Армия вынуждена была оставить правобережье Днепра, Мария вместе с другими жителями ушла в лес. Как стая воронов, кружили над лесом фашистские самолеты и сбрасывали бомбы. Родители мужа и маленький сын Марии стали жертвами этой бомбежки. Сама Мария, оглушенная взрывной волной, пролежала несколько часов без сознания, наполовину засыпанная землей. Теперь ей оставалось только жестоко мстить врагу. Приняв это решение, она пришла в партизанский отряд.

Первый вопрос Руднева был:

— Знаешь, какие ждут тебя испытания? Вступая в ря-

ды партизан, ты принимаешь на себя очень тяжелые обязанности.

— Знаю, как не знать, — твердо ответила Мария.

— Зачислить тебя в хозяйственную часть или...

— Нет, я хочу быть бойцом, хочу сражаться с оружием в руках... — перебила Рудиева молодая женщина.

После непродолжительной тренировки Мария отлично освоила автомат и даже соревновалась в стрельбе с мужчинами. Мария часто принимала участие в боях.

Но особенно любили ее раненые. Партизаны говорили в присутствии врачей, что больные больше верят Проценко, чем всем лекарствам. И действительно, она с любовью и чуткостью обращалась с больными, ухаживала за ними, как за самыми близкими людьми, окружала их теплой заботой. При появлении Марии глаза раненых начинали сиять, угрюмые лица озарялись счастливой улыбкой.

Эти и многие другие партизанки были гордостью нашего соединения.

XXXV

После выхода из Карпат в отряд постоянно приходили украинские и белорусские крестьяне, которых горячая любовь к Родине и неугасимая ненависть к ее врагам заставляли взять в руки оружие и стать на путь партизанской борьбы.

Новые партизаны сражались самоотверженно, и я не помню случая, чтобы кто-нибудь из них проявил малодушие.

Мы продвигались вперед в направлении Полесья.

Однажды Вершигора приказал разведке обследовать лес, который мог бы служить нам надежным укрытием на дневное время.

Разведчики вошли в лес. Вокруг царила тишина. Бойцы уже собирались отправиться обратно, когда за их спиной раздалось грозное требование сложить оружие. Кто бы это мог быть? Полиция не решилась бы забраться в такую глушь. Выяснилось, что в лесу скрывались польские партизаны.

Отряд польских партизан состоял из двадцати пяти человек, командовал ими молодой человек — комсомолец. В этом отряде оказались разведчики из отряда Кудрявского. Находясь в разведке, они были отрезаны врагом от своего подразделения и, встретив польских партизан, присоединились

лись к ним. На вопрос, где в настоящее время находится отряд Кудрявского, они ответили, что дальнейшая судьба его им неизвестна.

Уже начинало светать, когда по предложению Вершигоры мы отправились к польским партизанам.

— Сколько времени существует ваш отряд? — спросил их командира Петро Вершигора.

— Почти год.

— Давно вы находитесь в этом лесу?

— Постоянно.

— И что же, гитлеровцы до сих пор не обнаружили вас? — спросил пораженный Петро.

— По-моему, немцам известно, что мы находимся в этом лесу.

— Видно, вы не беспокоите немцев, и они вас не беспокоят. Так не воюют настоящие партизаны. Это говорит о вашем бездействии, — сказал Вершигора командиру отряда.

— Нет, мы не сидим сложа руки, — оправдывался командир, — мы боремся с помещиками и кулаками.

Вот какая узкая программа была у этого отряда—оккупантов они не трогали.

Рядовые партизаны польского отряда внимательно и с уважением слушали Вершигору, который наставлял их.

— Нет, друзья, вы поступаете плохо. У вас под боком свободно разгуливают оккупанты, они ни во что не ставят ваше пребывание в этом лесу, нисколько не боятся вас. Я спрашиваю вас: как вы можете это терпеть, где же ваше патриотическое чувство?

Командир опустил голову.

— Чего вы ждете? — продолжал Петро. — Еще не поздно, начните теперь настоящую борьбу, оправдайте свое партизанское звание.

— Вы правы, мы плохо поступали.

Польские партизаны рассказали нам, что в соседнем селе Дудиновке полицейские истязают и притесняют крестьян. Нас не удивило поведение гнусных предателей, они совершенно распоясываются, когда чувствуют за своей спиной оккупантов.

Вершигора решил проучить негодяев. Эту задачу он возложил на меня. Я разбил свою роту на небольшие группы по десять — пятнадцать человек и поставил во главе их разведчиков. Эти группы должны были окружить дома пре-

дателей и захватить всех их в плен. Однако удалось схватить только двух полицейских, остальные успели скрыться.

— Куда исчезли остальные полицейские? — спрашиваем взятых в плен.

— А черт их знает! Откуда нам знать, куда они девались.

— Довольно, ведите их в штаб, — приказал я бойцам, — там разберут...

На рассвете Вершигора выслал по всем направлениям разведчиков. Мы ожидали их весь день. Они вернулись в сумерки и сообщили, что к нашему лагерю движутся большие силы противника. Действительно, движение на дорогах заметно усилилось. Положение снова осложнялось. «Чем скорее мы покинем эти места, тем больше сохраним живой силы», — решил Вершигора.

Вершигора был прав. Мы понимали это, но не так-то легко было выбраться. Враг занял все дороги. Славуцкий лес, куда мы собирались перебазироваться, находился не менее чем в ста километрах.

Необходимо прежде всего избежать окружения. Невдалеке зеленел небольшой лесок, разведчики донесли, что дорога к нему пока свободна. Мы быстро перешли туда.

Этот лесок оказался очень удобным для организации обороны. Расположенный на возвышенности, он был окружен с трех сторон довольно глубокими лощинами, которые представляли собой естественные противотанковые рвы. На той стороне, где не было лощин, мы устроили укрытия, в которых находились бойцы-бронебойщики.

Разбив лагерь, мы выставили по всем направлениям усиленную охрану. Всю ночь мы провели в полной боевой готовности, ни на минуту не выпуская из рук оружия.

В полдень противник открыл сильный огонь из пушек, минометов, танков и пулеметов по лесу, в котором мы стояли накануне. Обстрел продолжался целый час. Мы радовались, что немцы бесцельно тратят боеприпасы.

Было около двух часов дня, когда враг, проведя тщательную разведку, напал на наши следы и начал нас окружать.

Вершигора отдал приказ: «Ни шагу назад!» Мы должны были принять бой и дать противнику достойный партизанский отпор.

Два танка медленно выползли на невысокую горку неподалеку от леса. Наши бронебойщики открыли прицель-

ный огонь. Бронебойщик Дьяконов подбил одну за другой обе машины.

Уничтожение танков внесло в ряды противника растерянность, но немцы после короткого замешательства снова перешли в наступление. Положение было тяжелым — лес был слишком мал, не более одного километра в диаметре, что не давало нам возможности маневрировать.

Просочившиеся фашистские автоматчики атаковали штаб, но были отбиты.

Пленный гитлеровский солдат на допросе показал, что против нас сражались части дивизии «Викинг», которая преследовала нас, начиная от Карпатских гор.

В этот день мы одержали победу, но враг готовился к новой атаке и необходимо было что-то предпринять. Вершигора созвал совещание командиров.

— Товарищи, вы видите, что противник во много раз превосходит нас. Необходимо этой огромной силе противопоставить гибкость и маневр, надо воспользоваться сегодняшней ночью и ускользнуть от врага. Я хочу выслушать ваши предложения по этому вопросу. У каждого из вас, несомненно, имеются свои соображения. Нам нужно все хорошенько обсудить.

После Вершигоры говорили командиры. Остановились на следующем предложении:

В северо-восточной части леса есть лощины. Мы должны этой же ночью под усиленной охраной разведчиков покинуть лес. Конечно, враг может обнаружить нас, но надо идти на риск. Вопрос заключается в том, — с какой стороны лучше выйти из лесу, где можем встретить меньшее сопротивление и какая часть леса более выгодна для обороны.

Мы выслали вперед разведчиков и ровно в двадцать три ноль-ноль двинулись в путь.

Ночь была темная. С трудом выбрались в безопасное место. На пути мы встретили немецкую охрану, которая была снята без всякого шума. Дорога была свободна. В ночной темноте перед нами раскинулось необозримое поле. Быстрым маршем прошли мы около двадцати километров и только после этого решили устроить короткую передышку.

— Товарищ командир, разведчики возвратились, — доложил командир отделения.

— По двум направлениям, с севера и с востока, движутся большие силы неприятеля, враг готовится снова взять нас в кольцо. В настоящее время мы находимся уже в полукольце, — докладывал Вершигоре разведчик. — Достаточ-

но семи-восьми часов, чтобы оно сомкнулось. Враг продвигается вперед, каждый пройденный километр укрепляет заслонами и укрытиями.

Лицо у докладывающего бойца было землистого цвета, запекшиеся следы крови на подбородке и щеке свидетельствовали о том, что ему пришлось пробираться сквозь колючие заросли.

Донесение разведки заставило нас сильно призадуматься. Вершигора сказал:

— Мы, пожалуй, успеем вырваться из готовящегося нам окружения, но немцы бросятся вслед за нами и попытаются навязать нам бой. Попробуем достать лошадей, тогда мы сможем оторваться от врага. Надо послать людей по соседним селам и провести срочную мобилизацию лошадей. При этом следует ориентироваться на конюшни помещиков, и только в том случае, если этого не хватит, придется обратиться за помощью к местным крестьянам. Крестьянам мы объясним, что прибегаем к мобилизации ввиду безвыходного положения, и что они скоро получат своих лошадей обратно.

Бойцы вмиг рассеялись по селам, взломали конюшни помещиков и полицейских и стали выводить откормленных коней.

На каждом перекрестке я встречал десятки всадников, партизаны скакали на неоседланных лошадях. Мы торопились, некогда было даже седлать.

— Живее, живее, ребята! — торопили бойцов командиры.

Шестьсот всадников собрались на выгоне между селами.

— Вперед! — скомандовал Вершигора, и, сорвавшись с места, кони с шумом вынесли всадников на шоссе.

Благодаря этому нам удалось и на этот раз ускользнуть от противника. Мы проскакали без передышки шестьдесят километров. Достигнув села Кизлив, устроили привал.

Сумасшедшая скачка на неоседланных конях дала себя знать — бойцы ходили скрючившись, не могли разогнуться.

На горизонте показались самолеты противника. Вот они закружились над селом и начали сбрасывать бомбы. Мы были вынуждены покинуть село и укрыться в ближайшем лесу.

Улучив время, мы сдали крестьянских лошадей местным жителям и попросили вернуть их владельцам. Часть

лошадей, отобранных у помещиков, мы раздали кизляевцам, а часть оставили себе.

Теперь мы значительно оторвались от врага, но это не означало, что мы находимся в безопасности.

XXXVI

Вершигора снова созвал командиров.

— Товарищи, наступил исключительно серьезный момент. От возможной катастрофы нас может спасти только хорошо продуманный план действий и мужество. Противник опоясал нас тройным кольцом, против нас брошены части эсэсовцев. Наш лагерь расположен в ненадежном месте, требуется постоянная бдительность и боевая готовность. Немедленно организуйте хорошо замаскированные точки обороны, увеличьте охрану. Достаточно на минуту ослабить бдительность, и враг сможет проникнуть в наше расположение.

В это самое время возвратились разведчики, и один из них доложил:

— Товарищ командир, мы обошли много сел, были и в тех селах, через которые недавно проходили. Везде отмечается большое движение противника, повсюду много танков и автомашин, во всех важных пунктах немцы устраивают укрепления и засады. Положение очень серьезное.

Вершигора медленно поднял голову, взглянул искоса на Ленкина и тихо сказал:

— Мы недаром окончили партизанскую академию Ковпака. Правда, аудитории этой академии были устроены в лесах и на полях, но это не помешало нам получить недурные знания.

В это время издалека послышалась пулеметная стрельба. Вначале мы думали, что это нам показалось, но спустя некоторое время стрельба повторилась.

Командиры спешно направились к своим подразделениям. Мы ждали наступления сумерек.

Как только стемнело, отряд выступил в поход. Всю ночь мы шли спокойно, не встретив на пути ни одного фашиста. С наступлением рассвета мы вошли в лес и разбили лагерь. Я пошел проверять оборону. Дойдя до одного из постов, я увидел следующую картину: бойцы Ковалев и Киселев лежали на спинах с прижатыми к груди автоматами и спали... Я остановился и, убедившись, что спят они креп-

ко, попытался отобрать у Ковалева оружие. Я несколько раз потянул автомат, и каждый раз спящий Ковалев тянул его обратно. Он прижимал автомат к груди, как мать прижимает ребенка. Партизаны и во сне помнили о необходимости беречь оружие. Я разбудил часового.

— Что это? Видно, я вздремнул немного, — смущенно пробормотал он и толкнул ногой Киселева.

— Ты знаешь, что значит спать часовому на посту? — строго спросил я его.

— Виноват, товарищ командир.

— Легко сказать «виноват», ведь из-за твоей оплошности могли погибнуть твои товарищи. Ты знаешь, чем грозит тебе твой поступок?

— Знаю, товарищ командир. Я готов нести любое наказание.

Оба партизана были строго наказаны.

На этот раз с наступлением темноты гитлеровцы сумели проникнуть в лес. Это был первый случай, когда противник сам навязывал нам ночной бой. Нельзя было медлить ни минуты. По всем направлениям были разосланы разведчики с заданием найти наиболее слабое место в окружавшем нас кольце. В восточной части леса разведчики обнаружили болото, занимавшее довольно большое пространство. Оно оказалось глубоким. Однако иного выхода у нас не было, это было наименее охраняемое место. Фашисты были уверены, что наш отряд не сможет пройти через болото, и поэтому его берега не были укреплены. Время не ждало. По приказу Вершигоры моя рота осталась в арьергарде на тот случай, если бы враг обнаружил наше движение и перешел в атаку. Мы должны были принять на себя удар и задержать гитлеровцев. Не помню, по чьей инициативе партизаны прибегли к хитрости: около сорока лошадей были привязаны к деревьям на короткой привязи, от непрекращающейся стрельбы животные совсем обезумели, их всех одновременно отвязали и с дикими криками и свистом погнали в сторону укрепившегося неприятеля. Лошади неслись в непроглядной тьме. Услышав конский топот и отчаянное ржанье, фашисты решили, что партизаны пошли в кавалерийскую атаку, и начали поспешно отступать. Пока враг опомнился, мы успели перейти болото, благополучно вышли из окружения и взяли направление на Славутские леса. Они занимают огромную территорию и представляют собой отличное укрытие.

Не успели мы пройти и двадцати километров, как разведчики донесли, что нам навстречу движутся крупные силы гитлеровцев. Мы свернули на запад.

На рассвете мы вступили в село Малая Горенка и стали лагерем. Мы чувствовали себя здесь в относительной безопасности, так как нам казалось, что враг потерял наш след.

Спустя некоторое время появились немецкие самолеты. Чего только они не сбрасывали! И колеса от телег, и куски железа, и старые чемоданы, и ручные гранаты, и многое другое. Этим налетом фашисты достигли своей цели — им удалось обнаружить партизан. Вскоре подошла гитлеровская пехота. Враг атаковал село, но был отброшен с большими потерями.

В бою за Малую Горенку особенно отличились командиры Саша Ленкин и Степан Ефремов.

XXXVII

Теперь главной нашей задачей было достигнуть Славуцкого леса. Отсюда начиналась бесконечная, растянувшаяся на сотни километров, дремучая, местами непроходимая, покрытая топкими болотами лесная зона Полесья.

Постоянная напряженность, ежеминутное ожидание нападения врага, бесконечные окружения и бои утомили партизан, подорвали их силы.

От Малой Горенки до Славуцкого леса нам предстояло сделать несколько ночных переходов. Партизаны упорно шли к намеченной цели. Нам очень благоприятствовала теплая осенняя погода. К этому времени мы обзавелись транспортом, больных и раненых положили на подводы. Главным препятствием на нашем пути к Славуцкому лесу были болота, которые засасывали лошадей и телеги, приходилось вытаскивать их оттуда, что отнимало много времени и энергии.

Стояли ясные, солнечные осенние дни. В небольших хуторах крестьяне молотили пшеницу. При нашем появлении они прекращали работу и, пораженные, смотрели на нас.

— Здравствуйте, друзья, здравствуйте! — приветствовали крестьян партизаны. — Видно, в этом году хороший урожай.

— Ничего, не можем пожаловаться, — отвечали крестьяне, — хлеб уродился хороший... А вы кто будете?

— Что, не узнали?

— Мы-то узнали, да не ждали, что вы попадете сюда в такое время.

— Вот попали! Скажите нам, товарищи, в ближних лесах нет партизан?

При этом неожиданном вопросе, как правило, крестьяне переглядывались и давали путаные ответы:

— Да, мы слышали, будто где-то находятся партизаны.

— А вы знаете, кто такой Ковпак?

— Сейчас и малые дети знают, кто такой Ковпак.

— Ну, а если вам известно, кто такой Ковпак, может быть, вы скажете, не проходил ли он через ваше село?

— Есть тут в лесу какие-то партизаны. Хотите, покажем, — наконец сказал нам один крестьянин. Мы взяли его проводником.

— Спрячьте оружие, товарищи, а то партизаны могут принять вас за врагов и открыть огонь, — предупредил нас проводник, когда мы подошли к лесу.

Для переговоров с неизвестными нам пока партизанами мы послали одного безоружного бойца в сопровождении крестьянина.

Наши парламентеры вскоре возвратились и пригласили нас в лагерь. Нас встретили незнакомые партизаны.

— Сколько у вас бойцов? — спрашивает их Петро Вершигора.

— Здесь шестьдесят человек.

— А где же остальные?

— Главные силы стоят в глубине леса. Мы высланы сюда с особым заданием.

— А сколько всего бойцов в вашем отряде?

— Около трехсот.

— Кто у вас командир?

— Тома Агладзе.

Вершигора с улыбкой перевел взгляд на меня.

— Слышишь, командир, — твой земляк. Значит, сегодня хорошо отдохнем, отоспимся, и, наверное, угощение будет.

— А где находится командир отряда?

— Он при главных силах.

В это время из лесу вышли еще три человека. Увидев нас, они ускорили шаг и почти одновременно закричали, бросились обнимать нас. Эти партизаны были оставлены нами в числе других раненых бойцов у братьев Короткиных при разделении нашего соединения на группы.

Партизаны из отряда Агладзе сказали, что их группа выделена для ведения диверсионной работы на железнодорожной линии Киев — Ковель.

Мы целый день провели у них, отдохнули, выспались.

— Нами проделана большая диверсионная работа, со дня на день мы ждем приказа об отзыве нас к главным силам, — рассказывали нам хозяева.

— На каком расстоянии отсюда находится наш основной лагерь?

— Километров шестьдесят — семьдесят будет, — последовал ответ.

Местные крестьяне и партизаны убежденно говорили, что Ковпака нет в Славуцких лесах.

На следующий вечер мы двинулись к Конотопу.

* * *

После окончания Великой Отечественной войны, когда я уже снова работал в Тбилиси, ко мне однажды пришел молодой человек с огромной копной вьющихся волос, с черными как смоль усами. Грудь молодого человека была увешана советскими и чехословацкими орденами и медалями.

— Товарищ Бакрадзе, — сказал он, — мне часто приходилось слышать о вас на Украине.

— На Украине?

— Я там воевал всю войну.

— Простите, как ваша фамилия?

— Агладзе, — представился он. — Тома Агладзе. Может, слышали?

Я в ту же минуту вспомнил все — Славуцкий лес, встречу с партизанами Агладзе на пути в Конотоп...

— Да, да, как же, знаю, — говорю я ему, — вы стояли лагерем в Славуцком лесу, когда мы возвращались с Карпат.

— Совершенно верно, ваши партизаны встретились с нашим отрядом, высланным на диверсионную операцию.

— Я очень хорошо помню этот случай. Они так радушно принимали нас. Среди них были три наших бойца, к которым вы очень заботливо отнеслись.

— Я, к сожалению, слишком поздно узнал о вашем пребывании в этом лесу, — говорил Агладзе. — Вы уже двинулись дальше... Знать бы раньше, я угостил бы вас на Украине тбилисскими шашлыками...

Мы долго говорили в тот день, воспоминания увлекли нас...

Командир Второй украинской партизанской бригады имени Сталина Кондратенко и комиссар этой же бригады Медынский дают следующую характеристику Агладзе:

«В 1942 году была заложена основа партизанской группы, одним из организаторов и руководителей которой был тов. Тома Агладзе. В Монастырищевском, Дашевском, Тетиевском и Шашковском районах тов. Агладзе первым создал партизанские группы, содействовал развитию и росту партизанского движения.

В 1942—1943 годах особый партизанский батальон под командованием Агладзе пустил под откос тридцать пять эшелонов неприятеля, в результате чего было выведено из строя 372 вагона, уничтожено 24 автомашины, 45 мотоциклов, четыре цистерны с горючим и истреблено 984 гитлеровских солдата. Отряд Агладзе взорвал четыре железнодорожных моста, в результате чего было прервано на 432 часа железнодорожное движение. Отряд вывел из строя пять сахарных заводов.

После слияния в 1944 году с воинской частью регулярной Советской Армии по предложению Украинского партизанского штаба Агладзе два раза вылетал в тыл противника как руководитель диверсионной группы, где оставался до 1945 года и проводил большую диверсионную работу».

Агладзе рассказывал мне о себе.

В ряды Советской Армии он был призван в 1939 году. После окончания военного училища ему было присвоено звание лейтенанта. В первые дни Отечественной войны Агладзе пришлось сражаться в районе Львова. После одного ожесточенного боя полк, в котором он служил, попал в окружение. Согласно приказу командования, полк отступил, но было уже поздно, противник успел сомкнуть кольцо. Командир полка Бегашвили три раза водил полк в атаку на прорыв кольца, однако безуспешно.

Во время третьей атаки полковник Бегашвили был смертельно ранен. Он позвал к себе Агладзе и, собрав последние силы, проговорил едва слышным голосом:

— Прорвать окружение невозможно, попасть же живыми в руки врага недостойно советского воина. Собери товарищей и с наступлением ночи постарайся добраться до леса. Разверните партизанскую борьбу. Смотри, действуй так, как это подобает советскому человеку, — тут у Бегашвили задергались на лице мускулы, он выхватил дрожащей рукой пистолет, приставил его к виску и спустил курок. Брызнула кровь. Все это произошло так быстро и неожиданно, что Агладзе не успел даже двинуться с места. Очнувшись, он поклялся над телом своего командира, что свято выполнит его последний приказ.

Агладзе рассказал товарищам о завещании полковника и приказал достойно выполнить последнее боевое задание любимого командира. Ждать темноты было невозможно. Они ползли вдоль берега реки Саноры, проскользнули через вражеское кольцо и достигли густого леса. В лесу оставались целую неделю. Положение было очень тяжелое. Малейшая неосторожность могла погубить их. Затем две ночи шли без передышки и достигли Балабановского леса (Аратовский район). К счастью, у Агладзе была карта. В лесу он познакомился с крестьянином по фамилии Боревский и с лесником. С этого момента Агладзе начал разворачивать партизанское движение и вести борьбу с захватчиками.

«Мы устроили в лесу небольшое укрытие и обосновались в нем, — рассказал мне Агладзе. — Однажды мы увидели между двумя деревьями молодого парня. Мой помощник Бичашвили выскочил из укрытия и крикнул незнакомцу: «Руки вверх!»

Тот поднял руки, улыбнулся и сказал:

— На ловца и зверь бежит.

Бичашвили привел его ко мне.

— Кто вы такой, откуда? — спрашиваю парня.

— Я из Фронтовки, так село мое называется, отсюда до него рукой подать.

— Где работаете?

— Я был председателем сельсовета, в настоящее время скрываюсь в этом лесу, ищу партизан.

— Чем можете доказать, что говорите правду?

Незнакомец лезвием перочинного ножа вскрыл подкладку пиджака, достал бумажку и подал ее мне. Бумага была выдана местным райкомом партии Петру Самарухе, оставленному на подпольной работе в Аратовском районе, подписывал ее секретарь райкома. Несмотря на это, не мешало первое время быть начеку.

— Вы взяли на учет актив вашего района? — спрашиваю парня.

— Пока еще нет.

Самаруха держал себя очень спокойно и свободно. Мы решили проверить его сначала на хозяйственной операции, а после поручить налаживать связь с оставленными или случайно оставшимися товарищами.

Как только стемнело, мы вышли из лесу вместе с Петро — нашим новым бойцом. Шли очень долго и наконец достигли Аратовского леса.

Недалеко от этого леса был совхоз, теперь там хозяйничали немцы. Я не стал долго раздумывать и колебаться и ре-

шил напасть на это хозяйство — нам необходимо было добыть продукты. Решение было приведено в исполнение: хозяйство охранялось очень слабо, всего двумя полицейскими. Мы вытащили из свинарника большого борова, взвалили его на подводу и крепко привязали. Туда же положили два мешка муки и довезли все это до опушки леса. Пустую подводу отправили обратно, а муку и свинью принесли в лагерь.

После этого мы направились в село Фронтовку. Петро познакомил меня с одним старым членом партии. Узнав, кто мы такие, товарищ этот с большой радостью принял нас. Мы с ним подробно обсудили все первоочередные вопросы.

«Крестьяне очень недовольны новыми порядками, — сказал старый партиец. — Сначала фашисты приглашали желающих поехать в Германию на работу. Когда желающих не оказалось, тогда они начали отправлять молодежь в Германию в порядке мобилизации.

Это вызвало среди населения недовольство. Часть молодежи ушла в лес».

Я не преминул воспользоваться этим обстоятельством и пополнил ряды партизан за счет молодежи, скрывавшейся в лесу от немцев. Полицейским мы задали жару. Мы сожгли их дома, тех же, которых удалось захватить, повесили.

Весь район пришел в движение, все говорили о нас. Наши мероприятия оказались эффективными.

В Сабаревке мы обнаружили большой склад зерна, предназначенного к отправке в Германию. В ту же ночь мы подожгли этот склад.

В следующую ночь мы сожгли большой деревянный мост, по которому немцы перебрасывали вооружение и провиант.

Вы спрашиваете, как мы смогли уничтожить большой мост, не имея взрывчатки? Мы подвезли две телеги соломы и сбросили ее посредине моста, солому облили керосином и подожгли. Мост сгорел дотла.

В Сабаревке оказалась отличная коневодческая ферма. Мы отобрали лучших лошадей и угнали их в лес.

Затем мы перешли в Булаевский лес, уничтожили расположенный вблизи него, в селе Денисовке, сахарный завод. У нас был выработан следующий порядок: днем мы отдыхали в лесу, ночью же проникали в села, к полотну железной дороги и уничтожали материальную часть противника.

У нас почти ежедневно происходили стычки с полицейскими и жандармерией, бывали случаи, когда враг выступал против нас с артиллерией и минометами.

Мы обеспечили себя оружием за счет врага.

Когда гитлеровцы поняли, что не так-то легко справиться с партизанами, начальник района, гебитс-комиссар, издал приказ, чтобы во всех селах были расклеены объявления на русском языке следующего содержания: «Со всей ответственностью обращаемся к партизанам, действующим в Монастырищевском, Аратовском и Титаевском районах, и призываем их, пока еще не поздно, образумиться, сложить оружие и сдаться. За это мы даем гарантию, что никого не тронем, устроим всех на службу с большим окладом. Каждому партизану ежедневно будут выдаваться сто пятьдесят граммов масла, по четыре яйца и по одному килограмму хлеба». Листовку подписал гебитс-комиссар.

Однажды с наступлением сумерек мы пошли на диверсию. Решено было разобрать железнодорожное полотно вблизи станции Аратов.

Вдоль железнодорожного полотна немцы поставили безоружных крестьян. Увидев нас, они страшно перепугались.

— Что вы тут делаете ночью? — спросили мы их.

— Дорогу караулим. Немцы заставляют. Если на участке что случится, то нас повесят.

— Как же вы ее охраняете без оружия?

— Нам его не доверяют.

В это время в ночной темноте раздались голоса. Говорили по-немецки. Мы быстро сползли в канаву. Гитлеровцев было семь человек, мы их уложили на месте, затем вместе с крестьянами разобрали рельсы. После этого посоветовали крестьянам разойтись по домам. Если немцы вздумают спрашивать их о случившемся, то следует ответить: «Что могли мы, безоружные, сделать с партизанами, когда они в одну минуту перестреляли вооруженных солдат».

Повсюду у нас были надежные и опытные люди. Однажды мы получили сообщение, что через Христиановку проследует поезд с молодежью, отправляемой в Германию. Прибытия эшелона надо было ожидать до двадцати двух часов.

Мы решили любой ценой выручить молодежь.

Я разместил партизан в укрытии, замаскировал пулеметные точки. Пулеметчикам было приказано в первую очередь вывести из строя паровоз. В случае, если бы паровозу удалось проскочить, впереди, примерно в километре, было разобрано полотно.

Послышался шум паровоза. Как только паровоз поравнялся с пулеметами, хлопцы открыли сосредоточенный огонь. Паровоз стал. Несколько солдат из охраны были убиты, остальные после слабого сопротивления сложили оружие. Мы распахнули двери вагонов, и из вагонов бросились нас обни-

мать девушки и юноши. Этот случай заставил крепко призадуматься полицию и жандармерию».

...Незаметно в разговорах бежит время. Тома Агладзе попрощался и ушел. Я задумался. Воспоминания перенесли меня на поля Украины. Передо мной снова предстал пройденный партизанский путь.

XXXVIII

Хорошо отдохнув в Славуцком лесу, наша группа продолжала путь и подошла к железнодорожной магистрали Львов — Киев. Движение по ней не прекращалось круглые сутки.

Мы отлично знали, с какой тщательностью охраняет противник железные дороги, и поэтому не переходили полотно без предварительной разведки. В полном боевом порядке ожидали мы возвращения разведчиков.

— Путь свободен, — объявили они, — мы обошли все прилегающие участки, было всего три охранника. Мы привели их с собой.

Охранники оказались местными крестьянами. Мы беспрепятственно перешли железную дорогу и на рассвете подошли к Шепетовским лесам, расположенным в тридцати километрах от Шепетовки.

В чаще находились какие-то люди. Выяснилось, что это партизаны из отряда Медведева, высланные на диверсионную работу. Эта группа провела несколько удачных диверсий на железной дороге Львов—Киев. Медведев со штабом находился в глубине леса.

Партизаны Медведева сказали, что несколько бойцов из соединения Ковпака находятся в настоящее время в их отряде. Через некоторое время боец отряда Медведева показался между великанами-деревьями в сопровождении нескольких человек.

— Тутученко!.. Демидов, Барсуков!.. Наши! Ура! — закричали мы в один голос.

Тутученко был писарем нашего соединения. Он работал в штабе, а в трудную минуту с автоматом в руках сражался против врага.

Тутученко и находившиеся с ним товарищи были из группы Ковпака. Нам до сих пор ничего не было известно о Ковпаке, и естественно, что эта встреча очень обрадовала нас.

— Где сейчас Дед? — спросил Вершигора.

— Ничего не могу сказать, — грустно ответил Тутученко, — мы давно оторвались от группы Ковпака... По дороге встретили медведевцев и присоединились к ним. Во всех наших скитаниях я гораздо меньше беспокоился о себе, чем вот об этом, — Тутученко поднял гимнастерку и показал знамя, обернутое вокруг пояса. — Я давно его ношу и храню, вы об этом хорошо знаете, Петр Петрович!..

Это было одно из знамен нашего соединения. История этого знамени такова. 19 октября 1941 года отряд Ковпака стоял в Спадщанском лесу. Было около трех часов дня, когда Дед вместе с бойцами сидел перед домом лесника и ждал обеда.

Часть бойцов охраняла дорогу, ведущую в лес. Внезапно оттуда прибежал связной: «Танки идут, танки, приготовьтесь!» В один миг все были на ногах. С винтовками и гранатами в руках бросились бойцы в ту сторону, откуда доносился грохот и лязг приближающихся танков. Они шли со стороны Путивля. Первый танк — тяжелый, следующий за ним — поменьше. Они открыли огонь. Избушка лесника, в которой помещался штаб, была охвачена пламенем, едва успели вынести штабное имущество.

Партизаны не растерялись, они укрылись за стволами деревьев и открыли ружейную стрельбу. Враг был лишен возможности наблюдать. Ковпак приказал лучшим минерам отряда заминировать все выходы из леса.

Минеры выполнили задание командира.

Танки продолжали продвигаться вперед. В то время в нашем отряде не было никакого другого оружия, кроме винтовок, ручных гранат и двух пулеметов. С таким оружием, конечно, было трудно вести борьбу с танками, малейшая же растерянность грозила гибелью. Неожиданно передняя машина остановилась, и из башни высунулась голова фрица, Семен Васильевич Руднев точным выстрелом всадил в фашиста пулю. Танк повернул и начал уходить. Второй танк продолжал стоять на месте. Партизаны были поражены, они не могли понять, почему один танк удрал, а другой продолжает стоять.

Через несколько минут раздался взрыв. Тяжелый танк наскочил на мину. Часть бойцов бросилась к месту взрыва. Танк стоял словно вкопанный. Он был окутан клубами дыма. Пламя вырывалось из башни. Внутри машины рвались патроны и снаряды. Когда пожар прекратился, партизаны достали из него обугленные трупы фашистов.

Второй танк по-прежнему продолжал стоять без движения с открытой башней. Партизаны забросали его ручными

гранатами. Коля Шубин, словно кошка, неожиданно вспрыгнул на танк, заглянул внутрь и закричал:

— Товарищи, здесь нет ни одной души, подходите смелее!

У танка оказалась поврежденной только гусеница, это и заставило его остановиться. Коля Шубин внимательно осматривал машину, он был удивлен, что его пули не оставили на броне ни одной царапины. Экипаж танка сбежал через аварийный люк. Партизаны начали выгружать из танка боеприпасы и снимать вооружение. Кто-то заметил в багажнике красную материю, развернул ее и громко прочитал: «Будь готов! — Всегда готов!» Это было пионерское знамя. Видно, фашисты ограбили какую-то школу.

Тутученко всегда носил это знамя с собой и бережно хранил его. И теперь оно было при нем. Тутученко обмотал его вокруг тела. «Главное — не попасть в плен, а так я сумею постоять за знамя», — часто говорил Тутученко.

Знамя это было свидетелем наших первых боев.

Показав нам знамя, которое он сохранил в тяжелой обстановке, Тутученко продолжал свой рассказ.

— Однажды, выйдя из лесу на дорогу, мы увидели грузовую машину. Шофер влез под машину и подвинчивал гайку. Полицейские, понурив головы, сидели в машине. Мы остановились и, посовещавшись, решили взять полицейских живыми. Незаметно подкрались к грузовику со стороны леса и закричали. Застигнутые врасплох полицейские не успели опомниться, как мы их всех схватили. «Кто из вас пошевелит рукой, будет убит на месте», — пригрозили мы. Полицейские беспрекословно повиновались. Мы сняли с них форму и переоделись. Через пять минут машина была исправлена. Мы уселись и с большой скоростью понеслись вперед. В дороге ничего примечательного не случилось. Один раз нас остановила полицейская застава. К нам пристали с расспросами: «Правда ли, что в той стороне, откуда вы едете, произошла стычка наших с партизанами?» Пришлось изворачиваться и врать: «Выдумки, ничего подобного не было. В одном месте мы заметили в лесу каких-то неизвестных людей, но это оказались местные крестьяне. Вот и все». Полицейские успокоились, угостили нас папиросами, и мы благополучно расстались. Мы проехали на грузовике не менее двухсот километров. Когда бензин был израсходован, пришлось свернуть в лес и уничтожить машину. Пройдя каких-нибудь десять километров, мы очутились в Шепетовском лесу. Нешуточное дело проехать двести километров. Если бы нам пришлось идти пешком, то для того, чтобы пройти это расстояние, нам понадобилось бы не менее шести-семи суток. В Шепетовском лесу мы встрети-

ли партизан Медведева и присоединились к ним. Вот и все, товарищи, — закончил свой рассказ Тутученко.

Солнце склонилось к западу, его лучи окрасили горизонт в пурпурный цвет, лес был точно охвачен пламенем. К нам подскакали разведчики.

— Товарищи, к оружию! Враг близко.

Партизаны в одно мгновение были на ногах. По приказу Вершигоры командиры быстро организовали надежную оборону.

Показался враг. Через несколько минут вся земля покрылась ветками сосен, скошенными пушечным и пулеметным огнем.

Партизаны стойко встретили противника и отбили атаку гитлеровцев. Мы так и не выяснили, против кого была организована эта карательная экспедиция. То ли это был наш хвост, который мы притащили за собой, или это оккупанты решили разгромить диверсионную группу Медведева.

Не было смысла задерживаться здесь. С наступлением полной темноты мы покинули Шепетовский лес и двинулись в направлении хорошо известной во всем этом крае шоссейной дороги Львов—Киев, особенно тщательно укрепленной и охранявшейся гитлеровцами. Разведчики доносили, что дорогу нелегко и перелететь, а не только перейти. По шоссе непрерывно шли автомашины, бронетранспортеры и танки. Через каждые пятьдесят метров по обеим сторонам дороги стояла охрана.

— Если бы охрана стояла даже через каждый метр, то мы и тогда перешли бы эту дорогу, — сказал Вершигора и отдал приказ:

— Бакрадзе со своей ротой останется охранять наш тыл с востока, со стороны Киева, Дегтев укрепится на западной стороне, в направлении Львова. Остальные партизаны пойдут прямо и будут очищать путь от противника.

Рассвет еще не наступил, когда мы вышли к дороге. Фашистские солдаты грелись у костров. Я выделил из своей роты группы бойцов. Они захватили охранников без единого выстрела. На шоссе показалось несколько автомашин. Ребята не выдержали и бросились на врага. Завязалась перестрелка. В это время сигнальная ракета известила нас, что наши главные силы пересекли дорогу. В пути мы допросили пленных.

Пленных было пять человек, они были одеты в новенькую немецкую форму и хорошо вооружены. Это были предатели, так называемые «власовцы».

— Что вы здесь караулили? — спросили мы их.

— Нам приказывают, и мы выполняем приказ.

— Чей приказ? Приказы врагов Родины выполняют только подлые предатели. И мы поступим с вами, как с предателями...

Небо на востоке порозовело, приближался рассвет. Мы промокли до пояса в высокой росистой траве. Моя и дегтевская группа присоединились к нашим главным силам.

Вскоре начались бесконечные болотистые леса Полесья, и мы могли наконец спокойно отдохнуть от непрерывных боев.

Руднев как-то назвал Полесье Партизанским краем. Оккупанты не тратили сил на охрану огромной территории, почти половина которой представляла собой непроходимые болота. Лишь в городах, районных центрах и крупных селах были небольшие гитлеровские гарнизоны.

Уже совсем на рассвете мы подошли к селу Михалевка, Городницкого района, Житомирской области.

Михалевка расположена недалеко от шоссе. Вершигора дал задание Кульбаке навязать бой на шоссе какой-нибудь проходящей части противника и добыть «языка». Его интересовало отношение оккупантов к нашему переходу через магистраль Львов—Киев.

Кульбаке удалось захватить легковую машину. Он сел в нее, прикрепил красный флаг и прикатил в соединение. Но «языка» он, к сожалению, не добыл.

XXXIX

Из Михалевки мы прошли к небольшому местечку Городница. С северо-западной стороны к нему примыкает огромный лесной массив, о котором мы все время только и мечтали. Такой лес являлся для нас надежным убежищем. А нам необходимо было немного отдохнуть, привести себя в порядок. Из донесений разведчиков нам было известно, что в Городнице стоял вражеский гарнизон.

Вокруг Городницы действовало большое количество мелких отрядов местных партизан. Они не могли нанести серьезного ущерба многочисленному вражескому гарнизону и поэтому занимались главным образом диверсионной работой.

Узнав о нашем выступлении из Михалевки, гарнизон Городницы стал лихорадочно укреплять подступы к местечку. Но не помогли фашистам ни траншеи, ни танки. В течение нескольких часов мы очистили Городницу от противника.

Нам достались нетронутые военные и продуктовые склады. Сюда было свезено из окрестных сел огромное количество яиц, масла, сыра, сала, зерна, мяса. Фашисты готовили все это к отправке в Германию.

Наше вступление в местечко превратилось в подлинный праздник. Жители встречали нас возгласами:

— Ура партизанам! Да здравствуют партизаны!

Вершигора отдал приказ занять все дороги, ведущие к Городнице, и выставить усиленную охрану.

Мы прочно заперли все подступы к местечку. Гитлеровцы, вероятно, успели сообщить в соседние гарнизоны о случившемся, и мы с часу на час ожидали контрудара противника.

Мы пробыли в Городнице несколько дней, основательно отдохнули, пополнили запасы продуктов, обновили материальную часть обоза, пополнили конский состав.

Тихую осеннюю ночь украшала луна, ее бледный свет падал на стройные стволы деревьев, на железные крыши домов. На улицах Городницы слышались веселые переливы гармони. Партизаны соревновались в исполнении гопака.

В Городнице оказалась большая благоустроенная баня. Ее затопили. Роты шли в баню по очереди. Питание теперь было у нас хорошее, бойцы заметно поправились.

Мы разослали по всем направлениям разведчиков, собирали сведения о противнике, налаживали связь с местными партизанскими отрядами.

На второй день после занятия Городницы командиры собрались вечером в штабе. Неожиданно в комнату вбежали с радостными лицами разведчики, посланные в село Бронца. Один из них вытянулся перед Вершигорой и доложил:

— Возвратились разведчики, посланные в село Бронцу. В Бронце находится Ковпак со своей группой.

Услышав это, мы вскочили со своих мест.

— Что ты сказал? Повтори! — посыпалось со всех сторон.

Командир группы разведчиков рассказал:

«Вчера мы встретили в лесу крестьян из Бронцы. На наш вопрос, есть ли в деревне немцы, крестьяне ответили, что в их селе стоял фашистский гарнизон, но два дня назад его прогнали партизаны.

— Что это за партизаны? — спросили мы.

— Это бойцы Ковпака, и Ковпак с ними.

Услышав имя Ковпака, мы не поверили своим ушам.

— Откуда вы знаете, что командир этого отряда Ковпак?

— Как не знать? Сегодня все село только и говорит, что о партизанах и об их командире.

Мы поскакали в село.

На границе села нас остановила охрана. Караульные узнали нас. Как только мы пришли в расположение лагеря, связные доложили Ковпаку о нашем приходе. Трудно передать, с какой теплотой и задушевностью встретил нас Сидор Артемьевич.

— Привет, хлопцы! — воскликнул он.

— Желаем дорогому Сидору Артемьевичу здоровья и долгой, счастливой жизни! — ответили мы.

— Как вы себя чувствуете? Откуда пришли в эти края?

Мы рассказали вкратце про поход нашей группы. Сказали, что все здоровы и чувствуют себя бодро и что в настоящее время главные силы стоят в Городнице. Узнав об этом, Ковпак тотчас же решил ехать сюда».

Вершигора отдал приказ подготовиться к встрече Ковпака. Среди партизан царило оживление, главной темой разговоров был, конечно, Дед.

В лагере шли приготовления, бойцы с нетерпением ждали этой встречи. Приготовления партизан привлекли внимание местных жителей. Пошли расспросы. Население местечка поднялось на ноги — все устремились к нашему лагерю. Командиры оседлали лошадей и двинулись вместе с Вершигорой в направлении Броницы.

— Едут! — закричал Ленкин.

Далеко впереди показалась группа всадников, их было человек тридцать. Вскоре можно было разглядеть их лица. Мы еще издали узнали Ковпака по знаменитой его папахе.

— Ура! — закричали мы.

— Партизанский привет Сидору Артемьевичу!

Трудно передать радость этой встречи. Дед растрогался.

— Примите мой дружеский привет, дорогие соратники. Бесконечно рад встрече со всеми вами на родной земле. Нет, не существует такой силы, которая могла бы сломить большевиков. Народ с нами, и потому мы победим! — сказал Ковпак.

— Ура Сидору Артемьевичу! Да здравствует наш командир! — с воодушевлением кричали бойцы.

Ковпак заметил Тутученко с развевающимся знаменем. Он узнал это знамя, подъехал к нему и почтительно поцеловал.

— Молодчина, товарищ Тутученко, ты с честью сохранил знамя. Это настоящий подвиг!

Вместе с Ковпаком к нам приехали Яков Панин — секретарь партийной организации нашего соединения, и другие.

Мы повернули коней и с Ковпаком поехали в Городни-

цу. Все улицы местечка были заполнены партизанами и народом, все с нетерпением ждали нашего появления.

— Ура-а-а! — раздавалось во всех концах партизанского лагеря. Бойцы приветствовали любимого командира.

Ковпак лихо соскочил с коня, быстрым шагом приблизился к выстроившимся партизанам и с отеческой любовью приветствовал их.

— Сидору Артемьевичу ура-а-а! Желаем долгой жизни и здоровья! Ура-а-а! — кричали партизаны.

Жители Городницы затаив дыхание наблюдали за этой необычной картиной.

— Вот Ковпак, тот, что идет впереди с плеткой в руках, — показывали они друг другу.

— Крепкий старик. Смотри, как шагает!

— Какой он старик! Он, брат, крепче двух молодых.

Ковпак обошел выстроившихся бойцов, с каждым поздоровался за руку, каждому внимательно посмотрел в глаза, сказал ободряющее слово.

Пятышкин, как только увидел Деда, закричал:

— Сидор Артемьевич! Хлопцы из моей роты у вас или нет?

— У меня, — ответил Ковпак, — все здоровы.

Вершигора устроил в честь Ковпака прекрасный ужин, благо продовольствия у нас теперь было вдоволь: в нашем распоряжении находились продукты и скот, заготовленные немцами для отправки в Германию.

За столом было произнесено много задушевных речей. Командиры желали Деду здоровья и энергии, чтобы он и впредь мог с такой же твердостью проводить в жизнь задания партии и правительства.

Вдруг веселье оборвалось, умолкла гармонь, остановились танцующие. Все с печальными лицами слушали Деда. Он говорил о Рудневе:

— ...Руднев был совестью нашего соединения, он был нашим сердцем, нашей душой. Я не хочу плакать, слезы не к лицу нам, партизанам, напротив, я говорил и повторяю сейчас: несравненный воин, большевик твердой воли, гражданин и патриот Советской страны, замечательный друг принес себя в жертву ради благополучия и счастья своей Родины, я горжусь этим! Слава любимому Семену Васильевичу, слава нашему комиссару!

Мы все поднялись, наступила тишина.

В этот вечер Дед вспомнил и о Базиме.

— Что он жив, в этом никто из нас не сомневался, но меня удивляет, почему он до сих пор не установил с нами связи.

Мы все знали, как любил Дед Григория Яковлевича Базиму — этого кристально чистого и справедливого человека. Обладая огромной энергией, Базима часто по несколько суток не спал, он мог по десять часов сидеть над картой и штабными документами. Выведенный из терпения Ковпак иногда кричал ему: «Ты, брат, по-моему, страдаешь бессонницей. Бросай перо и отдохни немного». «Если мы не оставим документов, то будущему историку невозможно будет написать о партизанской борьбе». Даже в Карпатских горах Базима носил с собой все штабные дела. Бывали такие критические моменты, когда мы вынуждены были отказываться от самых необходимых вещей. Базима тоже бросал все, но только не штабные дела; он их на своей спине носил неделями.

За ужином вспомнили многих товарищей, — бесстрашного Карпенко, маленького героя Михаила Кузьмича, Митю Черемушкина, Рагулю. Мы никогда не забудем их имена.

Ковпак много говорил о великой организующей роли Коммунистической партии...

— В какой бы район мы ни пришли, — рассказывал он, — везде мы встречали представителей партийных организаций, которых райкомы оставляли в тылу врага с особыми заданиями. Они организовывали народные массы. Благодаря самоотверженной работе этих верных сынов Коммунистической партии Украина и Белоруссия превращены в партизанскую твердыню. Коммунисты неизменно возглавляют борющиеся с врагом партизанские отряды.

Коммунистическая партия, ее боевой ЦК руководят героической борьбой Советской Армии и партизанских соединений.

Необходимо отметить, что наше соединение всегда поддерживало регулярную связь с Центральным Комитетом Коммунистической партии Украины. Нами непосредственно руководил Никита Сергеевич Хрущев. Таким образом, авангардом и рулевым партизанского движения являлись закаленные в огне борьбы люди твердой воли — коммунисты.

...Ужин близился к концу, в последние минуты веселье вспыхнуло с новой силой. Вот Дед вскочил из-за стола и начал отплясывать гопака под веселые переборы гармоники.

Не выдержало сердце Пятышкина. Забыв о своей ране, он пустился вслед за Ковпаком. Наплясавшись всласть, они вернулись к столу и для подкрепления сил опрокинули по чарочке водки.

Улучив минуту, Павловский под шумок нагнулся к самому уху Ковпака и спросил его почти шепотом:

— Сидор Артемьевич, вы, кажется, в делятинском сражении получили ранение? Почему мы ничего не знали об этом?!

Ковпак усмехнулся и ответил:

— Пустяковая была царапина, на нее не стоило обращать внимания.

Торжество закончилось поздно. Мы простились с Дедом и разошлись по ротам.

С рассветом я поднялся и пошел в штаб. Дед уже прогуливался перед домом.

Ковпак был в хорошем настроении, он шутил, смеялся. Партизаны дружным хохотом отвечали на его шутки.

Вершигора предложил Сидору Артемьевичу сходить в баню.

— Ничего не имею против, давно не парился.

Вечером Вершигора отдал приказ своей группе о переходе в село Броница, в котором стояла группа Ковпака...

Жители Городницы устроили нам сердечные проводы.

Броница — небольшой хутор. В нем живут белорусы и украинцы. Хутор стоит окруженный со всех сторон вековым лесом. Нас встретили партизаны ковпаковской группы, с которыми мы не виделись два месяца. Громовое «Ур-р-а-а!» сотрясло воздух.

Наступило ясное утро 25 сентября 1943 года. Глубокое бирюзовое небо, мягкая живительная прохлада осеннего утра радовали сердце. По узким уличкам села медленно шло стадо.

Ко мне пришел связной и передал записку секретаря парткома Панина. Он извещал меня о совместном собрании партийной и комсомольской организаций соединения.

С докладом выступил Панин. Он подытожил успехи проведенных боев, отметил недочеты.

На собрании были названы и те командиры, которые не проявили должных организаторских способностей, в результате чего даже в незначительных боях они имели серьезные потери в живой силе.

Панин предложил командирам рот представить в парт-

ком соединения характеристики на членов партии и комсомольцев.

Участники собрания высказывались с искренностью и прямотой, смело говорили о слабых и сильных сторонах проведенных операций, подвергли критике действия товарищей. С большим вниманием выслушали мы речь нашего командира Сидора Артемьевича Ковпака. Он рассказал коммунистам и комсомольцам о задачах соединения на ближайший период.

По предложению Ковпака собрание закончилось пением «Интернационала».

Возвратившись в свои части, командиры рот уточнили списки погибших в боях, составили характеристики на коммунистов и комсомольцев. Разработанный материал мы представили в партийный комитет соединения.

Тишина, царившая в Бронице, успокоительно действовала на нервы, неприятель не появлялся, мы жили в домах крестьян. В доме, где я жил, находился штаб моей роты.

Вечером, в двадцать часов, меня вызвал Ковпак. Я пришел в штаб вместе со связным.

«Для чего меня вызывает Сидор Артемьевич? — думал я. — Наверное, это имеет какое-нибудь отношение к постановлению партийного собрания!»

Штаб помещался в красивой хате на окраине села.

Я открыл дверь. На столе стояла коптилка. Больше двух лет население не видело керосина. Хорошо присмотревшись, я различил сидевших за столом Ковпака, Вершигору, Панича, Павловского и Войцеховича.

— Давид, — сказал мне Ковпак, — с сегодняшнего дня мы начнем проводить в жизнь решения партийного собрания. В связи с объединением партизан, ранее разделенных на группы, и согласно решению партийного собрания мы приступаем к реорганизации соединения. Товарищ Войцехович, зачитайте товарищу Бакрадзе приказ.

Согласно приказу, к девятой роте, которой я командовал, была присоединена целиком шестая рота, частично вторая, третья, восьмая и десятая. Моим заместителем был назначен командир шестой роты Дегтев, политруком — Маскаленко. Это был подготовленный, развитой человек, в соединении Ковпака он находился с 1941 года.

Во время чтения приказа в штаб вошли Ленкин, Ефремов и Тютерев. В их подразделениях тоже была произведена реорганизация.

Одновременно с моим назначением штаб оформил Сашу Ленкина командиром кавалерийского эскадрона. Степан Ефремов остался командиром пятой роты, а Тютерев был назначен командиром четвертой. Обе эти роты были пополнены свежими силами.

Пятышкин, бывший командир четвертой роты, был ранен и нуждался в длительном лечении и отдыхе. Его должны были с первым самолетом отправить в Москву.

На следующий день было созвано общее собрание соединения. С докладом выступил Ковпак. Он сказал:

— Реорганизация, которую мы сегодня осуществляем, продиктована интересами дела. Я не стану детально разъяснять, что легло в основу предусматриваемых нами мероприятий, скажу лишь одно: свыше двух месяцев наше соединение оставалось разбитым на группы. За это время в рядах партизан произошли большие перемены, некоторые бойцы выбыли из строя. Предстоящие бои требуют реорганизации и обновления всех частей соединения, к этой задаче мы и приступаем в настоящее время. Фашистские оккупанты ежедневно трубили об уничтожении нашего партизанского соединения. В действительности же мы закалились в боях и сейчас будем усиленно готовиться к новым битвам.

Мы еще находились в Бронице, когда туда прибыл Наумов со своими конниками. Он имел продолжительную беседу с Ковпаком и через несколько часов покинул наш лагерь.

В беседе с Ковпаком Наумов сказал, что Центральный партизанский штаб поручил ему проникнуть в Карпаты и оказать помощь нашему соединению. Но Наумов не смог осуществить этой задачи, так как враг прочно запер все дороги.

В последнее время мы совершенно были оторваны от «Большой Земли», нам не было известно, что происходит на фронтах, потому что наши рации не работали. Наумов был хорошо осведомлен обо всем, он сообщил Деду о новых победах Советской Армии. Мы с еще большей энергией стали готовиться к предстоящим боям. Три группы нашего соединения были вновь объединены, но нам до сих пор ничего не было известно о местонахождении четвертой и пятой групп. Мы посылали один за другим отряды разведчиков, но разведчики никак не могли напасть на их след.

Как раз в эти дни местные партизаны передали нам, что за шоссе Львов—Киев, в глубине леса, они встретили большую группу партизан, которые направлялись в нашу сторону. Это известие очень взволновало Деда. Он тотчас же выделил группу из наиболее опытных разведчиков. Возглавлял эту группу политрук Ковалев.

Группа Ковалева вошла в небольшой хутор. Вначале крестьяне испугались, увидев вооруженных людей. Затем один из крестьян смело подошел к разведчикам и, увидев на груди Ковалева советские ордена, обернулся к остальным крестьянам и закричал:

— Это наши, наши!

Крестьяне очень обрадовались, окружили разведчиков и засыпали их вопросами.

Ковалев подробно разъяснил крестьянам положение на фронтах, затем развернул первомайский номер «Правды» и показал его крестьянам. «Правда» стала переходить из рук в руки.

— Оставь нам эту газету, что хочешь за нее дадим, — просили крестьяне.

Этот номер «Правды» был как-то доставлен нам с «Большой Земли» самолетом. Ковалев месяцами носил его в своей полевой сумке. В каждом селе, в каждом хуторе, куда попадало наше соединение, он доставал его и читал крестьянам.

Ковалев со своими разведчиками выступил дальше.

На рассвете они подошли к какому-то селу. Войдя в него они постучали в одну хату на окраине села. В комнате кто-то приподнял кончик синей занавески и снова опустил ее.

— Что вам надо, кто вы такие? — послышался сонный голос хозяина.

— Если не поленитесь и выйдете к нам, то очень обяжете! — ответил Ковалев.

— Сию минуту! — ответил хозяин и вскоре вышел на крыльцо.

— Не бойтесь, мы пришли к вам по-хорошему, не сомневайтесь, — сказал Ковалев растерявшемуся хозяину.

— Что вы не враги, я и сам это вижу! — сказал, улыбаясь, хозяин.

Ковалев рассказал ему, кто они такие и с какой целью пришли.

— Я готов помочь вам! — ответил хозяин хаты.

Он оказался преподавателем истории местной школы, но фашисты уволили его.

«Они сказали, что преподавание истории излишне. Теперь вот сижу дома и занимаюсь хозяйством», — сказал учитель.

На вопрос Ковалева, часто ли приходят гитлеровцы в село и прибегают ли они к репрессиям, учитель ответил: «Приходят они не особенно часто, а к репрессиям, конечно, прибегают. Они силой отбирают у крестьян хлеб, отправляют молодежь в Германию на работу!»

Учитель попросил Ковалева никуда не уходить и остаться у него в доме вместе со своими товарищами. «Сегодня мы ждем бургомистра, сказал он Ковалеву. Он приедет, чтобы отнять у крестьян хлеб, а те собираются оказать ему сопротивление; оставайтесь, может, вы чем-нибудь сможете помочь нашим крестьянам».

— Много полицейских сопровождает бургомистра? — спросил Ковалев учителя.

— С ним обычно бывает не более пяти вооруженных полицейских.

Ковалев решил остаться, ему хотелось посмотреть, что произойдет в селе.

После этого он составил совместо с учителем план встречи с бургомистром. Ковалев надел новый костюм учителя, свой автомат передал сопровождавшему его разведчику Фомину и при этом предупредил:

— Надень мой автомат под шинель и при первом требовании быстро передай его мне.

Остальные разведчики тоже должны были прийти на собрание вооруженными и сделать вид, будто присланы в село гебите-комиссаром, три партизана должны были изображать полицейских.

Крестьяне начали медленно собираться на сельскую площадь. К ним присоединился Ковалев. Три вооруженных партизана держались близ него. Бургомистр все не появлялся.

Он приехал только после захода солнца. Его сопровождало трое полицейских. Заметив Ковалева, бургомистр пристально посмотрел на него и сказал:

— Вы кто будете?

— Я уполномоченный гебитс-комиссара, прибыл в село для сбора масла и мяса. Я хочу воспользоваться устроенным вами собранием: если крестьяне не пожелают добровольно сдать нам продовольствие, то я приму суровые меры.

Твердый, убедительный тон Ковалева рассеял все сомнения бургомистра.

— Эти вооруженные полицейские сопровождают вас?— спросил бургомистр. Ковалев утвердительно кивнул головой После этого бургомистр с нахмуренным лицом встал перед собравшимися крестьянами и начал громовым голосом:

— Германия просит у нас хлеба, мы должны дать хлеб, нечего упрямиться! Я вам советую сдать добровольно хлеб нового урожая в том размере, какой был вам указан, не дадите добровольно, все равно мы его заберем силой! Вместе с тем вы должны знать одно: из Германии нам сообщили совершенно точно, что если крестьянство будет испытывать

нужду в хлебе, то лично Гитлер обеспечит население хлебом и другими продуктами!

Среди крестьян началось движение, раздались гневные голоса: не надо нам гитлеровского хлеба, не отнимайте у нас наш собственный хлеб!

Услышав эти возгласы, бургомистр замолчал и посмотрел на Ковалева. На лице «немецкого чиновника» отразилось удивление: «Посмотри-ка на этих наглецов, что они себе позволяют», — говорил его взгляд.

Бургомистр сжал в руках плеть и заорал:

— Не упрямьтесь, сегодня же приступайте к ссыпке зерна в мешки, если не сдадите полагаемого количества зерна, то я вас всех поставлю к стенке!

Тут сердце Ковалева не выдержало, единодушный протест крестьян придал ему еще больше уверенности, он сделал Фомину условный знак. Тот моментально передал ему автомат. Ковалев схватил его и, обратившись к бургомистру, грозно закричал: «Руки вверх!» Смертельная бледность покрыла лицо бургомистра, он хотел что-то сказать, затем схватился рукой за сердце и грохнулся на землю. Партизаны тотчас же бросились к полицейским, сопровождавшим бургомистра, и приказали им сложить оружие. Бургомистр через несколько минут пришел в себя и попытался протестовать, но, увидев грозное лицо Ковалева, предпочел подчиниться. Все это произошло с молниеносной быстротой. Крестьяне с сияющими лицами затаив дыхание наблюдали за этой картиной.

Обо всем этом мы узнали от бойцов Ковалева, когда снова встретили их.

XL

Мы выступили из Броницы. Дед с нетерпением ждал возвращения Ковалева, но вместе с тем задерживаться дольше на одном месте было опасно, так как враг мог снова собрать силы и перерезать лежащую на нашем пути железную дорогу Олевск — Сарны.

28 сентября 1943 года Ковпак приказал мне организовать оборону на участке, где наше соединение должно было пересечь железнодорожное полотно. Такое же задание получил командир пятой роты Степан Ефремов.

Проводившиеся партизанами в Полесье диверсии наносили врагу огромный ущерб, поэтому железнодорожная ли-

ния Олевск — Сарны была особенно тщательно укреплена врагом. По обе стороны дороги было устроено несколько рядов проволочных заграждений, почти через каждые десять метров стояла охрана.

Параллельно железной дороге тянулось шоссе. Надо было выбрать наиболее безопасное место для перехода дороги. По указанию Ковпака было выбрано место с крутыми поворотами, окруженное с обеих сторон густым лесом.

Для противника не осталось незамеченным движение нашего соединения. Оккупанты догадались о нашем намерении и срочно приняли контрмеры. Они осветили ракетами весь лес и бросили против нас значительные силы. Гитлеровцы открыли такой сильный огонь, что бойцы вынуждены были ползком перебираться через полотно. Часть моих бойцов сумела пересечь дорогу и занять важную позицию. Предусмотренный план был блестяще осуществлен — соединение пересекло железнодорожное полотно, не потеряв ни одного человека. В этом деле особенно отличился пулеметчик моего подразделения Исаев. Гитлеровцы, обнаружив его пулемет, попытались уничтожить его, но безуспешно. Исаев открыл такой точный ответный огонь, что враг растерялся.

Ковпак прислал ко мне связного с приказом оставить укрытие и присоединиться к главным силам. Мы, не задерживаясь, двинулись за соединением. Самым последним покинул свой пост Исаев. Когда он догнал подразделение, бойцы встретили его дружным «Ура!»

— Здорово, брат, держался! Мы не думали, что ты выйдешь живым из этого ада. Слыша непрерывную дробь твоего пулемета, мы чувствовали себя уверенней. Ты сегодняшним боем напомнил нам Вано Рехвиашвили.

— А ведь я ученик Вано, он первый научил меня обращаться с пулеметом, и мне в конце концов удалось усвоить его стиль стрельбы, — сказал польщенный похвалами Исаев.

Не успел он договорить, как над нами закружились фашистские стервятники. Застрочили пулеметы, полетели бомбы.

— Рассеивайтесь! Ищите укрытия! — приказал Ковпак. Партизаны в один миг разлетелись во все стороны.

По эту сторону железнодорожного полотна начинались бесконечные лесные массивы Полесья. Вступив туда, мы вздохнули свободнее.

Первое село в Полесье, в которое мы вошли, было Белавеши. Здесь мы встретили местный партизанский отряд из

двухсот человек. Командир отряда Федчук подтвердил донесение наших разведчиков о том, что Бегма и Сабуров со своими партизанами стоят недалеко от Конотопа. Это очень обрадовало нас. В период боевых действий на Украине мы несколько раз встречали соединения этих прославленных командиров. Сообщение Федчука обрадовало нас еще потому, что в случае если бы гитлеровцы попытались атаковать нас, то Бегма и Сабуров оказали бы нам помощь. Федчук рассказал также, что у Сабурова имеется отличный аэродром, и он поддерживает регулярную связь с «Большой Землей».

До Конотопа было еще довольно далеко. По предложению Ковпака было решено, что соединение пробудет в Белавешах несколько дней. Это было необходимо для того, чтобы нас могла нагнать разведывательная группа Ковалева. И действительно, на следующий день пришел Ковалев. С ним прибыли Матющенко и Горкунов со своими батальонами.

Эта встреча вылилась в настоящее празднество. По лесу рассыпались группы партизан. Бойцам не терпелось поделиться друг с другом впечатлениями.

Пробыв несколько дней в Белавешах, мы выступили к Конотопу. Наконец мы достигли «обетованной земли» — Конотопа. Несмотря на многочисленные преграды и испытания, цель, поставленная перед партизанами и партизанскими командирами в Карпатах, достигнута!

Кудрявский со своим четвертым батальоном прибыл сюда на несколько дней раньше нас.

Нам не пришлось здесь заботиться об организации обороны, так как местные партизаны отлично наладили это дело.

Наше соединение вновь было едино, мы вновь твердой ногой вступили в Партизанский край!

Согласно приказу Ковпака в Конотопе мы должны были пробыть несколько недель. Там было спокойно, и это дало нам возможность наладить теоретические и военные занятия с партизанами.

На аэродром, устроенный Бегмой, почти каждую ночь прилетали самолеты из Москвы. Наше соединение широко пользовалось этим аэродромом. В первую очередь на «Большую Землю» были отправлены больные и раненые. Москва щедро снабдила нас боеприпасами.

Бегма с большой охотой предоставил нам имеющиеся у него журналы и газеты. Партизаны набросились на них

с жадностью. Один из самолетов доставил нам аккумулятор для рации. Мы связались с Москвой.

Соединение Бегмы находилось в пятидесяти километрах от нас.

Ковпак поехал к нему в гости. Руководители двух партизанских отрядов долго беседовали о планах предстоящих военных операций.

Сабуров со своим соединением ушел на восток.

В период пребывания в Конотопе мы установили связь с польской партизанской разведкой, которую мы снабдили боеприпасами и оружием.

Ковпак известил Никиту Сергеевича Хрущева о завершении Карпатского рейда. Дед уведомлял товарища Хрущева, что «подробные сведения о проведенном рейде будут высланы в письменном виде».

В Конотопе на досуге мы отремонтировали оружие. У нас в соединении был замечательный оружейный мастер. В течение нескольких недель он сумел привести в порядок все нуждавшееся в починке оружие. Верстаком ему служил хорошо подпиленный огромный пень, который всегда был окружен толпой партизан, следивших за искусной работой оружейника.

— Учитесь, братики, партизану надо уметь не только хорошо стрелять, но и вовремя починить поврежденное оружие, — дружеским тоном наставлял бойцов оружейник.

В Конотоп нам прислали с «Большой Земли» печатный станок. Мы начали печатать листовки, которые с большим интересом и вниманием читали как партизаны, так и местное население. В листовках печатались, главным образом, передаваемые по радио сообщения Совинформбюро.

Читатель, наверно, помнит, что Вершигора был направлен одной из наших воинских частей в тыл врага для ведения разведывательной работы. Он был сброшен с самолета недалеко от Брянского леса. Перед рейдом Ковпака на Западную Украину он присоединился к нему и вскоре стал заместителем командира по разведке.

И вот теперь Вершигору вызвали в его часть. Он вылетел в Москву с аэродрома Бегмы. В тот же период самолет доставил нам долгожданную почту, первую почту после четырехмесячного перерыва. Это был счастливый день для всех партизан.

Я получил письмо от матери: «Латико, сынок мой дорогой, почему не отвечаешь на наши письма? Прошло уже

несколько месяцев, как мы ничего не знаем о тебе. Может, ты болен или очень занят, я не хочу думать о чем-нибудь другом».

Под каждым деревом можно было увидеть неподвижные фигуры партизан с письмами в руках. Замер весь лагерь, я только видел повсюду блестящие, слегка расширенные глаза, устремленные на маленькие листки бумаги. В числе других получил письмо пулеметчик моей роты Щербат. Сестра сообщала ему о гибели брата, павшего геройской смертью на поле брани. Взволнованный Щербат подбежал ко мне и громко спросил: «До каких пор мы будем здесь сидеть, когда, наконец, мы вступим в бой с проклятым врагом?» При этих словах он протянул мне письмо. Щербат был очень возбужден, у него дрожали руки: «Вот прочитайте, товарищ командир, у меня был единственный брат — и того убили немцы, я не успокоюсь, пока жестоко не отомщу врагу».

Брат Щербата был замечательным танкистом; во время освобождения Сталино он первым ворвался в город на своей машине и точным, смелым огнем вывел из строя вражескую батарею. Врагу удалось поджечь танк, и храбрый воин сгорел вместе с ним. Отважному танкисту было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Пулеметчик Щербат самоотверженно сражался с ненавистными оккупантами, в каждом бою он проявлял большую смелость, находчивость и искусство. Много фашистов скосил его пулемет. В одном ожесточенном бою, при форсировании реки Западный Буг, партизан Щербат пал смертью храбрых.

Ковпак получил с этим же самолетом приказ Украинского штаба партизанского движения о срочном представлении списков партизан, отличившихся в Карпатском рейде. При этом надо было представить подробную боевую характеристику отдельных партизан. Закипела работа. Командиры составляли списки, писали характеристики.

Выше я отмечал, что перед выступлением из Карпат конечным сборным пунктом был назначен Конотоп.

И вот теперь, в период нашего пребывания в Конотопе, в него каждый день приходило по несколько человек отставших партизан.

Вновь прибывшие бойцы являлись в свои роты. У некоторых из них было по два, по три автомата. Это было оружие погибших товарищей.

И вдруг в один прекрасный день совершенно неожидан-

но разведчики привели в Конотоп Григория Яковлевича Базиму. Его сопровождали два бойца — Сениченко и Бычков. Появление Базимы очень обрадовало всех партизан.

Базима очень исхудал, лицо у него было землисто-бледное, он походил на человека, перенесшего тяжелую болезнь.

— Я был на волосок от смерти, — сказал он. — Если бы не эти два друга, — при этом Базима указал на Сениченко и Бычкова, — вы бы меня не увидели живым!

Блуждая по лесу, его группа напоролась на немецкую засаду. Во время схватки Базима был тяжело ранен в голову. Разведчики нашли своего командира в бесчувственном состоянии. Бычков и Сениченко перенесли Базиму в глубь леса.

Григорий Яковлевич потерял много крови, он настолько ослабел, что не мог ходить. Оказывается, находясь даже в таком тяжелом состоянии, Базима больше думал о документах соединения, чем о себе.

По заключению врачей Базиме требовалось длительное лечение и отдых в нормальных условиях. Было решено отправить Григория Яковлевича на «Большую Землю».

XLI

Были в нашем соединении молодые бойцы, которые возмужали за годы борьбы и в сердцах которых впервые пробудилось чистое чувство любви.

Я хочу рассказать о судьбе славного партизана нашего соединения Саши Тютерева.

В обстановке непрерывных боев, когда каждую минуту жизнь партизана висит на волоске, Саша Тютерев женился. Товарищам он сказал:

— Я горячо люблю Олю. С первых же дней ее вступления в наш отряд мы дали друг другу слово.

Это было еще в то время, когда наше соединение вступило в западные области Украины. С того дня новобрачные почти каждый день с автоматами в руках сражались плечом к плечу. Оля была красивая, здоровая, жизнерадостная женщина, с круглым миловидным лицом и вьющимися каштановыми волосами. От всего ее облика веяло чистотой и женственностью. И вместе с тем Оля была отличным бойцом. Товарищи Саши часто говорили: «Оля дерется куда лучше тебя». Саша принимал это за шутку и начинал обычно смеяться.

Однажды уже в Конотопе при моем появлении в штабе все закричали в один голос: «Давид, поздравь Олю с рождением сына». Пользуясь тем, что у нас было свободное время, мы решили отпраздновать это событие. Мы попросили Сидора Артемьевича принять участие в торжестве.

Дед с большим удовольствием дал согласие. Общими силами устроили ужин. Достали вина, играла гармонь. Начали выбирать для новорожденного имя. Первое слово было предоставлено отцу.

— Товарищи, я подобрал для мальчика имя, по-моему, подходящее, если, конечно, вы не будете возражать! Давайте назовем его Виктором в честь нашей славной победы в Карпатском рейде.

— Хорошо, хорошо, здорово! — раздалось со всех сторон

Первый тост был поднят за здоровье Виктора. Дед, улыбаясь, встал, подошел к Ольге, посмотрел внимательно на ребенка и сказал:

— Ну, прибавился еще один партизан, надо его привести к партизанской присяге, — он поднял стакан и продолжал: — В старину говорили: «Для отчизны лучше, чтобы сын превзошел отца», — и, крякнув, выпил.

Оля была родом из Старой Гуты. В наш отряд она вступила в те дни, когда мы стояли в этом селе.

Как только Оля окрепла, мы отправили ее с сыном Виктором на «Большую Землю».

После окончания войны, весной 1949 года, Саша Тютерев навестил меня в Тбилиси. Я очень обрадовался, узнав, что Оля и Виктор здоровы и чувствуют себя отлично.

Совсем по-иному сложилась судьба Коли Боголюбова Это был волевой, смелый партизан. Любое задание он выполнял своевременно, в боях вел себя мужественно, как подобает настоящему советскому партизану.

В первое время своего пребывания в соединении Боголюбов часто переписывался с любимой девушкой. Когда Коля получал от нее письма, то можно было подумать, что он вновь родился: он шутил, смеялся, делился с товарищами своей радостью. Если письмо приходило перед боем, то он сражался с особенным мужеством и вдохновением. Стоило партизанам увидеть Боголюбова вот в таком приподнятом настроении, как они говорили: «Ну, значит, Коля получил письмецо от своей зазнобушки!»

Но в последнее время Коля стал получать письма гораздо реже. Это обстоятельство очень удручало его. Все заме-

чали, каким нервным и угрюмым стал этот жизнерадостный, веселый человек.

Находясь в Конотопе, я как-то раз увидел Боголюбова в лесу. Он лежал на спине и вполголоса говорил:

— Ты ведь клялась мне в любви, я не могу жить без тебя... прошло несколько месяцев, а я ничего не знаю о тебе, почему ты не пишешь?! Что, если тебя уже нет в живых, Лиза!

Мне стало до глубины души жаль парня. Я подошел к нему.

— Что с тобой, Коля, скажи, друг, что тебя тревожит?

Коля смутился, поднялся и тихо сказал:

— Нет, все в порядке, товарищ командир. Я просто уединился в лесу, мысли унесли меня далеко, я что-то вспомнил из прошлого и расстроился.

— А что ты такое вспомнил?

— Я вспомнил счастливые минуты, товарищ командир!

— Расскажи...

— Я вспомнил о своей невесте, которую я оставил в Сталинграде, — при этих словах лицо Коли снова омрачилось.

— Ну и что же, кончится война, вернешься домой и женишься на своей любимой.

— Эх, если бы так, а вдруг ее уже нет в живых. Ведь в Сталинграде все время шли ожесточенные бои, кто знает, что с ней случилось.

— Почему ты себя понапрасну расстраиваешь, ничего плохого с ней не случилось. Она там и ждет тебя.

— Если бы она была жива, то непременно написала бы мне. Я ведь всегда аккуратно получал от нее письма. А вот сейчас уже прошло более трех месяцев, как от нее нет никакой весточки.

— А кто из нас за эти три месяца получал письма, почему ты захотел быть исключением?

— Это верно, но ведь два дня назад все получили целые пачки писем. Я сам получил пять писем, но от нее письма не было. Нет, я не думаю, что она жива, не то она непременно написала бы мне! — Боголюбов на минуту умолк, его глаза наполнились слезами. Я хотел его утешить, но не знал, что мне сказать.

— Знаешь, что я тебе скажу, Коля, ты сам доводишь себя до отчаяния, плачешь, как ребенок, а может быть, твоя невеста сама сейчас сражается на фронте и потому не может послать тебе письмо. Ну разве можно так убиваться.

Возьми себя в руки, ты ведь боец. Вот окончим войну, и вы снова встретитесь.

— Ах, хотя бы это было так!.. — и слезы снова заволокли глаза юноши.

Я ищу подходящие слова, хочу облегчить его страдания, но где найти такие слова, разве это легко?

XLII

В Конотопе мы получили сообщение, что словацкий полковник Иозеф перешел на сторону Советской Армии. Это известие было восторженно встречено партизанами.

Больше всех обрадовалась мужественному поступку Иозефа Александра Карповна Демидчик.

Александра Карповна радовалась, что Иозеф сказал ей правду: «Перейду на вашу сторону, как только представится подходящий момент».

В Конотопе Панин и Андросов получили возможность провести несколько партийных и комсомольских собраний.

Они мобилизовали всех политруков и парторгов и дали им задание провести среди населения подготовку к празднованию годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Советская Армия успешно продвигалась вперед... Были освобождены Харьков, Курск, Ростов, Орел, Полтава и другие города.

Эти блестящие победы Советской Армии вдохновляли нас, партизан, на новые ратные подвиги.

Наше соединение было полностью обеспечено боеприпасами и другим военным снаряжением, доставленным самолетами с «Большой Земли». Дед мечтал теперь о новых боях, с увлечением готовился к ним.

Приближался Октябрьский праздник.

В это время к нам пришел со своей группой польский партизан Роберт Сатановский. После войны Сатановский окончил в Варшаве консерваторию, стал известным дирижером. Недавно он выступал с концертом в Тбилиси. Мы дружески встретились и вспомнили боевых друзей.

4 ноября 1943 года Ковпак вызвал в штаб командиров и обратился к ним со следующими словами:

— Товарищи командиры, приближаются Октябрьские дни, необходимо достойно встретить этот праздник; мы должны преподнести Октябрю боевой подарок. Недалеко

от нас проходит Олевско-Сарнская железная дорога. Это единственная магистраль в Полесье. Вы все, конечно, помните, как мы вывели ее из строя в 1942 году. Враг сумел восстановить эту линию. Мы должны снова нарушить эту коммуникацию врага, ослабить материальную базу противника. В настоящих условиях мы не сможем сделать Октябрю лучшего подарка!

Все с большим воодушевлением приняли предложение Ковпака.

Выйдя из штаба, мы услышали доносившуюся издали знакомую мелодию. Это пели возвращающиеся из дальней разведки бойцы. Они пели любимую песню Руднева и она оживила перед нами образ комиссара.

В чистом поле, в поле под ракитой,
Где клубится по ночам туман,
Там схоронен, там лежит зарытый,
Там схоронен красный партизан.

Я сама героя провожала
В дальний путь на славные дела,
Боевую саблю подавала,
Вороного коника вела.

На траву да на траву степную
Он упал, простреленный в бою,
За Советы, за страну родную
Отдал жизнь геройскую свою!

Мы стояли как зачарованные. Дед тоже переживал тяжелые минуты. Потом он высоко поднял голову и дрожащим голосом сказал:

— Где ты, любимец наш! Где ты, совесть нашего соединения!

Сказал и махнул рукой. Все стояли молча, никто не нарушал тишины.

Мы приступили к выполнению плана, намеченного на совещании четвертого ноября. На Олевско-Сарнской дороге партизаны пустили под откос несколько вражеских эшелонов, разрушили во многих местах полотно. Фашисты всполошились.

В эти дни Вершигора прислал из Москвы радиограмму:

«В Конотоп вылетает самолет с военным снаряжением и медикаментами, обеспечьте прием».

Бойцы моего подразделения наловчились оборудовать

походные аэродромы. Выбрали на опушке леса ровную поляну, развели костер и стали ждать самолета.

Около двух часов ночи показался самолет. Летчик быстро заметил сигнальный огонь, сделал над поляной два круга и стал сбрасывать груз с интервалом в одну-две минуты. Вслед за грузом на парашюте спустился радист, который благополучно приземлился. Этот радист привез нашей комсомольской организации знамя — подарок ЦК ВЛКСМ. Ковпак направил вновь прибывшего радиста в мое подразделение. Он пробыл у меня до окончания войны.

Из Москвы этим самолетом прислали искусного минера-инструктора Володю Дубиллира, который вместе с Платоном Воронько в очень короткий срок подготовил десятки подрывников.

Подготовка к празднованию двадцать шестой годовщины Октября проходила вполне успешно. На небольшой поляне, со всех сторон окруженной лесом, построили трибуну. Дорога, ведущая из хутора к этой поляне, была выровнена и усыпана желтым песком. У самого входа на поляну соорудили арку, обвили ее живыми цветами.

В селах, а также во всех батальонах и ротах соединения были проведены торжественные собрания, на которых партизанские политруки и парторги выступили с докладами.

На наши собрания были также приглашены представители местных и польских партизан.

На митинг, посвященный двадцать шестой годовщине Великой Октябрьской революции, собрались все наши партизаны, кроме тех, кто был в наряде, а также крестьяне и крестьянки из окрестных сел.

Перед собравшимися выступил Сидор Артемьевич Ковпак.

— Товарищи, дорогие соратники, колхозники, местные и польские партизаны, трудящиеся Белоруссии и Украины, поздравляю вас с замечательным праздником, с двадцать шестой годовщиной Великого Октября...

Товарищи! В нашей стране известна одна великая и бессмертная истина: нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики.

Эти слова вполне подходят к пройденному нами боевому пути и достигнутым успехам.

Товарищи! В свое время история скажет свое справедливое слово о Карпатском рейде, о делятинском деле, о бое под Россульней.

Преимущество, которое явилось и является для нас все-

гда главным, — сочувствие народа, мы сохранили: народ одевал нас, когда нам было холодно, он кормил нас, когда мы испытывали голод, народ пополнял наши ряды. Он был нашим главным резервом в этой героической борьбе.

После делятинского боя по тактическим соображениям наше соединение было разделено на пять групп, которые самостоятельно вели борьбу с противником. Сегодня наше соединение снова едино.

Товарищи, наш приход в Полесье совпал с двадцать шестой годовщиной Великой Октябрьской революции. Позвольте мне сегодня напомнить вам о боевых успехах нашего партизанского соединения: начиная от Спадщанского леса, до сегодняшнего дня мы прошли несколько тысяч километров. Наш путь лежал через многие области РСФСР, Украины и Белоруссии. Нами уничтожено свыше восемнадцати тысяч фашистов, пущено под откос и выведено из строя шестьдесят два вражеских эшелона, взорвано двести сорок шесть мостов, сожжено пятьдесят шесть складов и два нефтяных промысла, мы спустили в реку через нефтепровод свыше пятидесяти тысяч тонн бензина, вывели из строя и уничтожили телеграфную и телефонную линии протяжением в двести километров, уничтожили пятьсот автомашин, двадцать танков и броневиков.

Товарищи, нам предстоит сделать еще очень многое. Впереди у нас лежит большой путь. Конотоп не является нашим конечным пунктом. Мы и в будущем будем наносить врагу удары там, где он их меньше всего ожидает.

Слава нашей мудрой партии коммунистов, которая руководит великой борьбой советского народа за честь, свободу и независимость нашей Родины!

В заключение торжественного митинга состоялся вечер самодеятельности. Хорошо играл партизанский оркестр под управлением Гриши Дорофеева. Собравшиеся гости горячими аплодисментами награждали выступавших партизан.

Наступило утро, и мы услышали радостную весть — Советская Армия освободила столицу Украины — Киев. Это известие окрылило всех партизан.

Ранним утром Дед, по своему обыкновению, размышляя, с плетью в руке прохаживался перед штабом.

Я наблюдал за Дедом. И думал, куда он собирается повести свое соединение? На каком участке придется сражаться нам теперь с врагом?

Конец первой книги

КНИГА ВТОРАЯ

I

С часа на час мы ждали приказа о выступлении из Конотопа. Закончив последние приготовления к походу в своем подразделении, я пришел в штаб, чтобы доложить об этом Ковпаку. Склонившись над картой, Дед о чем-то напряженно думал.

В комнату вошел начальник караула и обратился к Ковпаку:

— Прибыли партизаны, посланные командиром Олевского партизанского отряда Федчуком. Они хотят вас видеть.

— Проси! — коротко бросил, не отрываясь от карты, Ковпак.

Перед Ковпаком вытянулись пять партизан.

— Товарищ командир! Разрешите доложить, — начал высокий, худощавый партизан, — бесчинства фашистов в Олевске перешли все границы. Враг беспощадно разоряет селения, расположенные вокруг Олевска. Жители бросают имущество и уходят в лес. В Олевск ежедневно прибывают бегу-

щие с фронта части противника. Все тупики и запасные пути на станции забиты воинскими эшелонами; там прямо яблоку негде упасть. Товарищ Федчук обращается к вам с просьбой оказать помощь Олевску, спасти жителей от истребления, обуздать зарвавшегося врага.

Партизан умолк и протянул Ковпаку письмо Федчука. Дед взял письмо и начал читать его. Он перечитал его несколько раз, наконец положил письмо на стол и обратился к посланцам Федчука:

— Много эшелонов проследовало на запад?

— Они идут беспрерывно один за другим, задерживаются на станциях только для грабежа!

— Осенние мухи больно кусаются перед гибелью! — сказал Дед. — В этом нет ничего удивительного!

Ковпак послал в Олевск разведчиков для уточнения обстановки. Вернувшись через несколько часов, разведчики полностью подтвердили слова олевских партизан.

— Надо спасать Олевск! — сказал Дед.

Началась подготовка к штурму Олевска. Ковпак послал радиограмму товарищу Хрущеву, в которой он сообщил о намечавшейся операции. Никита Сергеевич одобрил Олевскую операцию, но при этом дал строгое указание: «Берегите бойцов».

Перед выступлением из Конотопа Дед вызвал меня:

— Давид, ты со своим подразделением останешься здесь и будешь ждать вызванного из Москвы самолета. Тебе известно, что мы ждем боеприпасы и военное снаряжение. Как только примешь груз, выступишь в селение Сабичины. Не огорчайся, вы еще успеете принять участие в завершении Олевской операции!

Мы пожелали товарищам успеха и с нетерпением стали ждать московского самолета. Как только соединение покинуло Конотоп, местное население, жившее до этого в лесу под открытым небом, перебралось в удобные землянки, построенные партизанами. Крестьяне были в таком восторге от своих новых жилищ, словно их поместили в благоустроенной гостинице.

— Теперь нам не страшна зима! — весело говорили крестьяне.

В Конотопе не было аэродрома. Поэтому следовало ожидать, что боеприпасы и военное снаряжение будут сброшены на парашютах. Я установил вокруг хутора надежную охрану. Мы были спокойны, так как знали, что неподалеку от нас был

расположен партизанский отряд Бегмы, который в случае необходимости окажет нам всяческую помощь.

На большой поляне среди леса мы развели огромный костер. Все, не отрываясь, смотрели на небо. Время от времени вдали, со стороны затянутого черными тучами горизонта, раздавался неясный гул. «Самолет!» — кричали ребята, но гул постепенно стихал и вскоре совсем обрывался. Так, в ожидании самолета, мы провели всю ночь. На следующий день я радиограммой известил Ковпака, что самолет не появлялся, и просил дальнейших указаний.

— Жди, этой ночью самолет должен прилететь. Пока не примешь груз, не двигайся с места, — был ответ Сидора Артемьевича.

Я старался подбодрить бойцов. Тому из них, кто первый обнаружит приближение самолета, я обещал в награду трофейные сигареты.

В полдень возвратились высланные накануне разведчики. Они привели с собой белорусских партизан.

Гости были в курсе обстановки, сложившейся в Олевском районе. Они рассказали нам много интересного о моральном разложении, царившем в рядах противника, о беспорядочном отступлении фашистов.

Нам было приятно видеть, как белорусские партизаны радуются освобождению Киева.

— Жаль только, что нам не довелось участвовать в этом славном деле, — сказал пожилой партизан-белорус.

— Не печалься, друг, впереди еще много дела; ведь еще предстоит битва за Берлин, в ней ты непременно примешь участие, — постарался я успокоить старого воина.

Беседуя с пожилым партизаном, я заметил, что один из его товарищей внимательно рассматривает меня.

— Вы грузин, товарищ командир? — вежливо спросил он меня.

— Да, грузин.

— В нашем отряде есть бойцы-грузины.

— Вы не знаете их фамилий?

— Как не знать! Фамилии двух я хорошо запомнил, остальные постараюсь вспомнить. Один из них Тенгиз Шавгулидзе, второй Димитрий Иоселиани. Этот Тенгиз Шавгулидзе большое дело сделал для нашего отряда: он изобрел стрелу для сбрасывания поезда с рельсов. Мы с большим успехом применяем это его изобретение. Конструкция этой стрелы очень простая, и ее можно изготовить в любой колхозной кузнице. Тенгиз Шавгулидзе лично руководит этим делом. Я пом-

ию, как Шавгулидзе первый раз пришел в штаб со своим изобретением и сказал: «Я хочу нынешней ночью лично испытать свое изобретение. Разрешите мне взять с собой двух партизан».

Получив разрешение, Шавгулидзе пошел с двумя партизанами в лес, в сторону железнодорожной линии. Он успешно провел свою первую диверсию. Вражеский эшелон на полном ходу сошел с рельсов. От вагонов остались одни щепки!

— Где сейчас находится Шавгулидзе? — спросил я партизана.

— Я вам не могу сказать точно, где он сейчас находится, уж больно непоседливый он человек, — всюду поспевает. Кроме этой стрелы, он изобрел еще ручную гранату новой конструкции. Мы назвали ее «РГШ» — ручная граната Шавгулидзе.

— А Иоселиани что у вас делает?

— А что партизану делать? Бьет фашистов. Крепко бьет. А кроме того, Димитрий у нас листовки пишет для населения и для немецких солдат. Сам пишет и сам распространяет.

После войны в Тбилиси я встретился с Димитрием Иоселиани. Грудь его украшали ордена и медали, которыми советское правительство отметило его боевые подвиги на белорусской земле.

II

Гостившие у нас белорусские партизаны хорошо отдохнули, подкрепились и, поблагодарив за гостеприимство, возвратились в свой отряд.

Солнце зашло, спустилась черная, неприветливая осенняя ночь. Мы снова развели на прежнем месте большой костер.

— Как ты думаешь, прилетит в конце концов этот самолет? — спрашивает один боец другого.

— Я уже потерял надежду, только понапрасну мы здесь время теряем.

Внезапно в воздухе раздался какой-то неясный гул и очень скоро стих.

— Самолет! Ну, конец нашим ожиданиям!

— Это тебе показалось! Тише!..

Снова послышался характерный гул мотора. На этот раз звук был настолько отчетливым и громким, что уже не могло быть сомнений. Вскоре показался и сам самолет. Он шел так низко, что чуть не касался верхушек деревьев.

— Ура-а-а! — грянули обрадованные партизаны.

Самолет сделал над костром несколько кругов, затем показались спускающиеся к земле парашюты. Партизаны бросились к ним, в один миг были подобраны присланные из столицы подарки. Началась распаковка и разборка тюков.

Бойцы быстро распаковали и разобрали все тюки и начали грузить боеприпасы и медикаменты на подводы.

Подразделение в полном боевом порядке выступило из Конотопа и двинулось в направлении села Сабичины.

На следующий день в двадцать часов мы были в Сабичинах. Селение оказалось довольно большим. До Олевска отсюда двадцать пять километров. В Сабичинах нас ждал Ковпак. Сразу же после прибытия я явился к нему. Увидев меня, Дед еще издали крикнул:

— А мы тебя заждались, Давид! Когда прилетел самолет? Долго пришлось ждать?

— Самолет прибыл вчера в два часа ночи, мы быстро собрали сброшенный груз и, не задерживаясь, выступили из Конотопа, — отрапортовал я Сидору Артемьевичу.

— Мы пока что стоим лагерем здесь, нынешней ночью выступим на Олевск. Передай боеприпасы и военное снаряжение штабу, приведи свое подразделение в полную боевую готовность, скоро получишь приказ, — сказал мне Ковпак.

Была скверная погода. Шел холодный дождь вперемежку со снегом. Мои бойцы промокли, но когда я сообщил им о предстоящей операции, все очень обрадовались тому, что примут участие в штурме Олевска.

Я приступил к поискам помещения для ночлега. Жители очень радушно приняли нас, они старались как можно лучше устроить партизан, угощали всех, чем только могли. После ужина утомленные бойцы уснули богатырским сном.

Занялось хмурое утро. Свинцовое небо не предвещало ничего хорошего. Меня вызвали в штаб. Во всем соединении шли горячие приготовления. Все хорошо понимали сложность Олевской операции, знали, что ее осуществление требует напряжения всех сил. Здесь нам предстояло во всей полноте и мощи применить партизанскую тактику ведения боя. Ведь нас была горстка по сравнению с силами противника, сосредоточенными в Олевске.

Войдя в штаб, я сразу увидел Ковпака. Он сидел окруженный командирами, среди которых я заметил незнакомого мне человека. «Это руководитель местных партизан, товарищ Константин Лаврентьевич Федчук», — шепнул мне на ухо Бережной. Меня познакомили с Федчуком. Это был человек богатырского сложения, с открытым, приветливым лицом, на

вид ему можно было дать лет пятьдесят. До войны он работал инженером на железной дороге. Когда фашисты подошли к его родным местам, Федчук собрал вокруг себя преданных патриотов, возглавил партизанский отряд и начал самоотверженную борьбу с врагом.

— Мы должны разгромить олевский гарнизон с наименьшими потерями для себя, — сказал Ковпак. — И поэтому прежде всего осторожность и осмотрительность. Не зарывайтесь, бейте врага и умом и уменьем. И еще раз повторяю. Помните слова товарища Хрущева: «Берегите бойцов». Руководитель местного партизанского отряда товарищ Федчук, который сейчас находится среди нас, сообщил нам о чудовищных злодеяниях гитлеровцев... Население Олевска ждет от вас помощи и спасения...

Ковпак сделал короткую паузу, а затем продолжал:

— Товарищ Федчук не может со своим малочисленным отрядом атаковать во много раз превосходящие силы противника, а потому он изъявил желание присоединиться к нашему соединению. Комиссаром в его отряд назначается Платон Воронько.

Как я уже сказал, бои в настоящее время идут в районе Коростеня и Овруча, — продолжал Дед. — Внимание врага приковано к этим узловым станциям. Поэтому нам необходимо, прежде чем мы двинемся на Олевск, уничтожить подвижной состав в Коростене и Овруче, нужно также взорвать мосты, разрушить железнодорожное полотно и военные объекты. Вместе с тем надо хорошо укрепить восточную часть Олевска, чтобы враг не смог ворваться в город с этой стороны. Это дело, а также нанесение удара по Олевску возлагается на товарища Кульбаку. В помощь Кульбаке придается третий батальон и конный эскадрон Ленкина. На товарища Матюценко возлагается прикрытие Олевска со стороны Овруча — Коростеня, для чего он должен будет закрепиться в трех-четырех километрах от Олевска, в направлении Коростеня. Четвертая рота должна внезапным ударом овладеть станцией Сновидовичи и разобрать железнодорожное полотно между этой станцией и городом Сарны. Отряд Федчука, который будет теперь именоваться пятым батальоном, вместе с подразделением товарища Бакрадзе должен будет уничтожить железнодорожное полотно между Олевском и Сновидовичи, разгромить расположенные там части противника.

Непосредственным руководителем всей Олевской операции назначаю товарища Павловского.

Таков был приказ Ковпака.

— Теперь, товарищи, сверьте ваши часы и немедленно приступайте к подготовке ваших частей к походу, — сказал в заключение Дед. — Мы должны выступить отсюда с полной уверенностью в победе!

III

Согласно приказу, отряд Федчука был временно придан моему подразделению.

Партизаны Федчука имели неплохой опыт в различного рода диверсиях, но на такое сложное дело, как олевское, шли впервые. Преимущество этого отряда заключалось в том, что он почти целиком состоял из местных жителей, которые как свои пять пальцев знали район Олевска. Я воспользовался этим обстоятельством и отобрал из отряда Федчука группу разведчиков. Затем я пополнил отряд Федчука лучшими бойцами из своего подразделения.

Особо важное поручение я дал нашему минеру Володе Дубиллиру. Это был дисциплинированный и исполнительный боец. Умные глаза, спокойный голос, размеренные движения— все свидетельствовало о серьезности и деловитости этого человека. Он отлично знал свою специальность. При этом он был очень содержательным человеком и интересным собеседником.

Выполняя мое поручение, Дубиллир начал энергично готовиться к будущей операции; он наскоро обучил группу минеров и снабдил их большим количеством взрывчатки

Связные передали командирам батальонов и рот приказ Ковпака. Началась боевая операция. Через несколько минут мы выступили из села Сабичины.

По дороге я все время продолжал проверять готовность отделений и отдельных бойцов. Подошел я и к Володе Дубиллиру, который сидел на подводе.

— Товарищ Дубиллир, — спросил я его, — у тебя все в порядке?

— Все готово, товарищ командир! Я уложил взрывчатку в чемодан, он здесь, при мне, — с этими словами Дубиллир перегнулся и стал осматривать вещи. Вдруг я заметил на его лице, освещенном лунным светом, замешательство. Дубиллир спрыгнул с подводы и стал с лихорадочной быстротой перекладывать вещи.

— Что ты ищешь, Володя? Что-нибудь потерял?

— Товарищ командир, я не вижу чемодана со взрывчаткой! — ответил упавшим голосом Дубиллир.

Для меня это было полной неожиданностью. Вот тебе и опытный минер!

— Где чемодан? — закричал я, не помня себя от ярости. — Разве после этого ты достоин носить почетное звание партизана? Сейчас ты потерял всякое доверие.

Одним словом, я наговорил ему тогда много «приятных» вещей.

Услышав чересчур громкий разговор, к нам подошел Федчук.

— Успокойся, Давид, — примирительно сказал он мне.— Я пошлю с Дубиллиром своих ребят, они мигом сбегают в Сабичины и принесут твой чемодан. Я тебе ручаюсь за это.

Партизаны Федчука и Дубиллир вскочили на коней и поскакали в сторону Сабичин.

Я долго не мог успокоиться. Прислали человека с «Большой Земли» с самой блестящей характеристикой, а он, гляди, что натворил. Нельзя простить человеку подобную оплошность в боевой обстановке. Никак нельзя.

Меня обуревали эти мрачные мысли, когда Дубиллир с товарищами догнал нашу часть и положил тяжелый чемодан со взрывчаткой на подводу.

— Я допустил большую ошибку, товарищ командир, — низко опустив голову, сказал мне Дубиллир. — Я должен был на месте проверить, уложен чемодан на подводу или нет. Непростительный поступок.

— Знай, что с сегодняшнего дня ты в моих глазах — недисциплинированный боец! — резко ответил я ему.

Мы вступили в опасную зону. Здесь уже надо было действовать с особой осторожностью. Федчук и я в сопровождении нескольких партизан продвинулись вперед. Было светло как днем, полная луна заливала все вокруг своим бледным светом

— Мы приближаемся к железнодорожному полотну! — сказал мне шепотом один из партизан Федчука. — Отсюда совсем близко до Ломиной Будки.

Вот кончился лес. Перед нами железнодорожное полотно. По обеим сторонам железной дороги лес вырублен по крайней мере на сто метров в глубину.

— И так на протяжении всей линии, — сказал мне Федчук. — Это фашисты вырубили лес. Так им удобней охранять полотно.

Мы залегли на опушке леса. Уходящие вдаль рельсы сверкают под лунным светом. Известно, что железо, находящееся в частом употреблении, не ржавеет. А Олевская желез-

нодорожная линия в то время находилась в непрерывной эксплуатации, поэтому рельсы сверкали, словно серебряные.

Приблизительно в ста метрах от нашего укрытия виднелась хата, обнесенная двумя рядами колючей проволоки, и возведенные вокруг нее дзоты.

— Вот это и есть Ломиная Будка, — снова зашептал мне на ухо местный партизан. — Фашисты усиленно охраняют этот район. Здесь на большом пространстве железнодорожная линия проходит среди дремучего леса, а в таких местах, как вам известно, гораздо легче разрушить полотно, поэтому гитлеровцы и усилили здесь охрану.

Внезапно на горизонте показались освещенные бледным лунным светом человеческие силуэты. Люди шли гуськом.

— Это дорожная охрана, — опять тихим голосом пояснил нам всеведущий партизан.

Стража вошла во двор обнесенной проволокой будки. Здесь их встретила другая группа стражи. Пришедшие залезли в землянки, а встретившие их охранники рассыпались вдоль железнодорожного полотна.

Я посмотрел на часы; было без десяти два. Согласно приказу, ровно в два часа все части соединения должны были одновременно атаковать противника.

В это время со стороны Олевска раздался оглушительный грохот, к небу взвились огненные языки. Это, видно, у Кульбаки не хватило терпения, и он начал боевые действия на десять минут раньше назначенного времени. Вскоре раздался новый взрыв, еще большей силы. Уже нельзя было ждать.

— Урр-ааа! — грянули партизаны и бросились на врага.

Бойцы быстро перерезали проволочные заграждения и окружили будку и дзоты. Гитлеровцы оказали отчаянное сопротивление. Они открыли из своих укрытий ожесточенный ружейно-пулеметный огонь. Мы залегли вдоль проволочных заграждений и стали забрасывать ручными гранатами будку, землянки и дзоты. Огонь противника стих, оставшиеся в живых охранники сдались в плен. Во время этого боя большую работу проделали минеры. Они взорвали и полностью вывели из строя железнодорожное полотно на протяжении трехсот пятидесяти метров. Дубиллир работал, словно лев. В этом бою он полностью искупил свою ошибку.

Я радиограммой известил Ковпака о проделанной работе.

До сих пор все шло так, как было намечено и предусмотрено. Я предварительно разбил подразделение на три части, причем во все эти группы я включил партизан Федчука. Ко-

мандиром одной группы я назначил своего помощника Дегтева, во главе второй группы поставил политрука Москаленко. Третью группу возглавили я и Федчук.

На этот раз наша задача далеко не ограничивалась захватом сторожевой будки, переезда и разрушением железнодорожного полотна. В то время имело место массовое отступление противника. Поэтому даже минутная заминка на железной дороге была губительна для гитлеровцев. Мы знали, что враг немедленно попытается восстановить железнодорожное полотно. Учитывая это, мы сразу начали готовиться к встрече с врагом. По обеим сторонам разрушенного полотна нами были возведены мощные баррикады, одна часть партизан укрылась за этими баррикадами, другая часть замаскировалась в тылу в качестве резерва. Я немедленно со связными отправил Ковпаку донесение.

Дед, оказывается, несколько раз перечитал мое письмо, повеселел, стал расспрашивать связных о подробностях боя. Ковпак письменно известил меня об успешных боевых действиях партизан в борьбе за Олевск: «Взорвано и уничтожено триста вагонов противника, груженных авиабомбами, порохом и военным снаряжением. В районе станции частично разрушено железнодорожное полотно. Ожесточенные бои продолжаются».

До четырех часов дня положение в районе Ломиной Будки оставалось без изменений. К этому времени гитлеровцам удалось сосредоточить в этом районе значительные силы, переброшенные из Сарн. Сюда же был двинут бронепоезд. Снова завязался ожесточенный бой. Попав под сильный пулеметно-артиллерийский огонь бронепоезда, мы на себе испытали его огневую мощь. Несмотря на это, укрывшиеся за баррикадами партизаны наносили неприятелю большой урон. Огромное численное превосходство противника не смогло сломить стойкости партизан. Они отражали одну атаку за другой. У меня вызывало серьезное беспокойство положение четвертой роты, которой не удалось задержать неприятельский бронепоезд. Эта рота прикрывала нас с запада. Я был вынужден срочно выслать усиленную разведку в место расположения этой роты.

Возвратившиеся через несколько часов разведчики сообщили, что враг сжег все селения, расположенные вблизи станции Сновидовичи. Во время этих боев четвертая рота, штурмовавшая станцию, понесла большие потери.

Враг не унимался. К месту боя непрерывно подбрасывались свежие силы. Я немедленно сообщил Ковпаку об ухуд-

шении обстановки. Он тогда же выслал нам на помощь пятую роту под командованием Степана Ефремова.

Несмотря на превосходящие силы противника и огонь бронепоезда, нам удалось в первую же ночь после прибытия Ефремова взорвать еще сорок метров железнодорожного полотна. Вспомогательные части противника, брошенные на восстановление железной дороги, начали медленно отступать.

Войска противника, потерпевшие поражение под Овручем — Коростенем, также отходили в направление Олевска.

Тупик, образовавшийся на станции Олевск и у Ломиной Будки, задерживал эшелоны гитлеровцев.

На следующий день на рассвете противник снова пошел в атаку. Нам удалось отразить и этот, пожалуй, самый ожесточенный натиск неприятеля. Вместе с тем наши минеры взорвали вражеский ремонтный поезд. В этом деле снова отличился Дубиллир.

Нас сильно утомили бесконечные бои, требовался отдых. Сидор Артемьевич учел это обстоятельство и выслал нам на смену батальон Матющенко. По указанию Ковпака, мое подразделение и рота Ефремова, а также отряд Федчука должны были сняться с позиций и выступить на отдых в селение Будки-Сабичины. Эта деревня была расположена приблизительно в пятнадцати километрах от селения Сабичины и километрах в десяти от Олевска. Теперь нам в обязанность вменялось наблюдение за Олевском и проведение диверсий.

Нам было известно, что в Олевске был расквартирован многочисленный вражеский гарнизон, причем в город почти ежечасно прибывали все новые и новые части противника. Кульбака разрушил станцию, взорвал подвижной состав, привел в негодность железнодорожное полотно. Освободить Олевск одним ударом Кульбаке не удалось. Главное в задуманной операции мы все же выполнили и выполнили, нужно сказать, успешно: мы рассекли в нескольких местах важнейшую железнодорожную артерию и тем самым сорвали организованное отступление противника. Кроме того, мы в этих боях уничтожили много гитлеровских солдат и офицеров. По приказу Ковпака Кульбака отошел от Олевска на несколько десятков километров и расположился лагерем. Он получил такое же, как и я, задание, причем диверсионные операции мы должны были проводить совместно.

Ковпак возложил на меня командование партизанским гарнизоном, расположенным в Будки-Сабичинах. Мы тщательно заминировали все подступы к этому селу, днем и ночью вокруг села дежурили усиленные сторожевые посты. Созда-

ние укрепленного пункта в Будки-Сабичинах облегчило нам наблюдение за Олевском.

Возвратившиеся из Олевска разведчики принесли с собой фашистские листовки, написанные якобы командованием советского воздушного десанта.

Это была очередная провокация гитлеровцев. В листовках говорилось, будто Советская Армия сбросила в районе Олевска воздушный десант. Вымысел о несуществующем десанте нужен был врагу для того, чтобы всю вину за свои злодеяния в отношении местного населения взвалить на Советскую Армию. Однако местное население сразу разгадывало истинный характер этих листовок.

Помимо разведчиков, такие листовки принесли к нам в Будки-Сабичины бежавшие из Олевска крестьяне.

Я спросил беженцев:

— Кто, по-вашему, писал эти листовки?

Крестьяне отвечали:

— Конечно, это фашисты писали, и мы знаем, с какой целью они это делают. Фашисты стараются найти подходящий повод для истребления мирных жителей. Не впервые они пускаются на такие провокации.

Вскоре появились листовки другого содержания. На этот раз их подписывало само гитлеровское командование. Вот как начиналась одна из таких листовок: «К населению Олевского района! Случайно к нам в руки попало воззвание, распространяемое командованием Советской Армии среди местного населения. Советское командование грозит смертной казнью, если вы не будете сражаться против нас! В некоторых селениях крестьяне отозвались на этот призыв! После этого мы оставляем за собой право принимать против вас радикальные меры».

Вскоре нам стало известно, что, выполняя эту свою угрозу, фашисты повесили в разных селах сотни крестьян.

В эти дни нас посетил Сидор Артемьевич Ковпак, который захотел ознакомиться с состоянием нашего гарнизона.

Около штаба собралась масса народу. Беженцы из Олевска изъявили желание поговорить с Ковпаком. Дед приветствовал крестьян.

— Товарищ командир! — обратился представитель крестьян. — Местное население, измученное насилием и притеснениями гитлеровцев, обращается к вам с просьбой зачислить нас в ряды вашего соединения. Мы даем слово сражаться до последней капли крови с ненавистным врагом.

Отвечая на патриотическое заявление беженцев, Ковпак сказал:

— Товарищи крестьяне, верные сыны советской Родины, мне радостно слышать ваше искреннее заявление. Вам, наверное, известно о трудностях, которые испытывает в последнее время противник, вы знаете о его серьезных поражениях на фронте. Мы готовы обучить вас военному делу с тем, чтобы направить вас туда, где вы будете нужнее в данный момент, то есть на фронт, в действующую армию. А фронт, товарищи, в настоящее время находится совсем близко от нас.

По приказу Ковпака была произведена регистрация крестьян, желающих отправиться на фронт. Таких оказалось полторы тысячи человек. Для обучения этих крестьян Ковпак выделил лучших наших командиров. Занятия велись непрерывно, днем и ночью. Люди за очень короткий срок овладели приемами ведения боя, прониклись боевым духом.

Этот подготовленный нами отряд Ковпак направил под командованием Бережного, Ефремова и Анисимова в Овруч, в распоряжение командования регулярной Советской Армии.

Направляя этих командиров, Ковпак дал им и другое задание. Мы вышли из Карпатского рейда без единой пушки. Теперь же, на равнине, мы почувствовали острую нехватку тяжелого вооружения.

Ковпак попросил у товарища Хрущева артиллерию и получил от него положительный ответ.

Анисимов, Бережной и Ефремов, передав Советской Армии полуторатысячное пополнение, должны были принять артиллерийскую батарею и доставить ее в наше соединение.

IV

Фашистам не удалось найти поддержки среди жителей оккупированной ими территории. Народ ненавидел подлых захватчиков. Несмотря на это, гитлеровцы прилагали все старания, прибегали ко всевозможным уловкам, чтобы переманить на свою сторону хотя бы часть населения. Среди всех проводимых мероприятий противник значительное место уделял пропаганде. Правда, никто не верил этой пропаганде, но фашисты не унимались. Они издавали лживые газетки, печатали провокационные листовки, трубили по радио о своих мнимых победах. В кинотеатры, где демонстрировались гнусные гитлеровские фильмы, жители сгонялись под угрозой сурового наказания.

Среди беженцев, пришедших к нам из Олевска, была женщина с десятилетним сыном Алешей. Муж этой женщины — офицер Советской Армии — с первого дня войны сражался на фронте.

Эта женщина рассказала нам такую историю:

— Недавно гитлеровцы стали показывать в кинотеатре новую картину. Вечером староста обошел все дома и строго наказал, чтобы люди шли смотреть картину. Я пошла вместе с другими и взяла с собой Алешу. Зал кинотеатра был переполнен согнанным сюда народом. Показывали очередной пропагандистский фильм, в кинотеатре было немало фашистов. В зале царила абсолютная тишина, народ молча смотрел картину. Вдруг на экране появился Гитлер, он поднял руку и воскликнул: «Идем на Москву, идем на Москву».

И в этот момент произошло нечто совершенно неожиданное: мой мальчик заерзал на стуле и закричал: «Ты идешь, но Красная Армия не пустит тебя в Москву». Услышав эти слова, я чуть не упала со стула от ужаса.

Народ заволновался. Все сидевшие поблизости от нас ясно слышали слова, произнесенные Алешей, но никто не выдал мальчика. Я прикрыла Алеше рукой рот, чтобы он еще чего-нибудь не крикнул. Переполошившиеся гитлеровцы начали опрашивать зрителей, что сказал мальчик.

— Мы не разобрали, что он сказал, — в один голос ответили люди.

Сеанс окончился, в зале зажегся свет. Ко мне подошел жандарм:

— Что сказал твой мальчик?

Меня сразу прошиб холодный пот, сперло дыхание, но я собрала всю свою волю.

— Когда на экране появился фюрер, мальчик спросил меня, кто это такой. — Я сказала это так просто и уверенно, что жандарм только пристально посмотрел на меня и ушел. Когда я отвечала жандарму, присутствующие в подтверждение моих слов закивали головами.

— Вот ты какой смельчага, — сказал я мальчику, выслушав рассказ его матери.

— Да, Алеша у меня не робкий, — подтвердила женщина-жандарм. Можно было подумать, что вся эта история не имела. — Он был совершенно спокоен, когда к нам подошел ст к нему никакого отношения.

— А как вы попали сюда? — спросил я женщину.

— Я все же боялась, что фашисты дознаются, что ска-

зал Алеша. Мы ушли с ним к знакомым, в деревню, а потом решили, что безопасней всего у вас...

Мы стояли на подступах к Олевску и готовились к новому штурму. Во время первого штурма партизаны основательно потрепали олевский гарнизон. Но за один налет невозможно было сделать больше, чем сделали наши бойцы. Теперь необходимо было вырвать у противника опорную базу. Для этого надо было разрушить водопровод и электростанцию. Во время первого налета, когда партизаны разрушили станцию, взорвали железнодорожное полотно и уничтожили подвижной состав, они не успели вывести из строя электростанцию и водопровод. Я напряженно обдумывал план осуществления этой диверсии.

Федчук сказал: если бы нам удалось кого-нибудь заслать в Олевск, то у меня там есть близкий друг, надежный смелый человек. Ему можно было бы поручить разрушение водопровода.

Олевск теперь крепко охранялся, в город почти невозможно было проникнуть, не легче было выбраться из него. И вот теперь, во время беседы с матерью Алеши, у меня зародилась мысль: а что, если послать в город храброго мальчика. Я сказал об этом его матери.

Она подумала немного, вздохнула и, вытерев вспотевший лоб, проговорила твердо и решительно:

— Раз нужно для дела, он пойдет. Мальчик, правда, у меня тихий и с первого взгляда может показаться нерешительным... Но он весь в отца... В нужную минуту не растеряется...

— Алеша, родной мой! — сказал я мальчику. — Если ты решишься, мы поручим тебе одно очень важное дело. Ты жил в Олевске, хорошо знаешь все улицы, может быть, ты попытаешься проникнуть в город? Мы дадим тебе письмо к одному человеку, который там живет. Но подумай, сможешь ли ты выполнить это задание?

— Смогу, конечно, смогу. Я пойду и передам письмо, — сказал мальчик.

— А тебе не страшно?

— Нет, чего же мне бояться, я пойду!

Федчук приготовил письмо и подробно объяснил мальчику, как он сможет найти нужного человека. Письмо мальчик спрятал в чулок. До города Алешу пошли провожать наши разведчики. Мы посоветовали Алеше держаться спокойно и непринужденно

Выслушав наши наставления, мальчик улыбнулся и быстрым шагом пошел в сторону Олевска.

Мы с нетерпением ожидали возвращения Алеши. Честно говоря, я тогда боялся смотреть в глаза его матери. Может, не следовало поручать мальчику такое опасное дело. Но женщина сама успокоила меня:

— Вы не волнуйтесь, товарищ командир, мой Алеша выполнит задание. И он к утру вернется, вот увидите.

Светало. «Идет, идет!» — воскликнул Федчук. По проселочной дороге бежал мальчик. Еще издали он закричал звонким голосом: «Я видел его, передал письмо и ответ принес!» Мальчик сиял, он сел на снег, запустил два пальца в чулок и достал письмо. «Вот вам и ответ», — сказал он, передавая письмо Константину Лаврентьевичу.

Письмо гласило: «Если сможете организовать доставку взрывчатки, то об остальном можете не беспокоиться».

Алеша, смеясь, рассказал нам: «Когда мне встречались на улице немцы, я кланялся им и вприпрыжку продолжал свой путь. Я шел, насвистывая, и очень скоро отыскал дом дяди Гриши. Когда я собрался в обратный путь, дядя Гриша накормил меня».

Прочитав письмо, мы стали обсуждать создавшееся положение. Нелегко было в настоящих условиях заслать в город взрывчатку.

И на этот раз нас выручил Алеша:

— Пошлите меня. Не бойтесь.

Мы разделили нужное количество взрывчатки на небольшие части, и Алеша за несколько раз перенес его в город.

Кроме этого, он незаметно разбрасывал на улицах Олевска бюллетени Совинформбюро и листовки, выпускавшиеся нашим соединением.

Смелый мальчик блестяще выполнил оба очень ответственных задания.

Была спокойная, холодная ночь. Луна еще не успела как следует скрыться за горизонтом, как со стороны Олевска раздался глухой взрыв.

На следующее утро в селе, где стоял лагерем наш отряд, крестьяне только и говорили о том, что ночью в Олевске был взорван водопровод.

После окончания войны мне не удалось отыскать Алешу. Но я уверен, что он стал хорошим гражданином нашей советской Отчизны, самоотверженным строителем коммунизма.

V

В районе Олевска наше соединение пробыло свыше двадцати дней, причем за этот период наши минеры провели целый ряд диверсий на железнодорожной линии, во многих местах нарушили нормальное движение поездов. Под прикрытием темной ночи партизаны выходили из лесу и устремлялись к железнодорожному полотну; они рыли ямы под полотном, закладывали туда взрывчатку, разрушали дорогу и снова скрывались в лесу.

В этой борьбе особенно отличился минер Крут. Это был жизнерадостный, подвижной юноша, храбрый и самоотверженный патриот. К несчастью, он погиб под Олевском из-за своей оплошности. Была полночь. Крут вышел из лесу, осмотрелся и, убедившись, что вокруг спокойно, ползком двинулся к железнодорожному полотну. Добравшись до намеченной цели, он стал рыть ямы для закладки взрывчатки. Но тут ему изменила выдержка, он на мгновение забыл о необходимости всегда быть настороже и чиркнул спичкой. Находившиеся неподалеку в укрытии фашисты дали по огоньку короткую автоматную очередь. Смертельно раненный Крут вскоре скончался.

Все были очень огорчены гибелью хорошего друга и смелого минера.

Олевский фашистский гарнизон вскоре начал испытывать острую нужду в продуктах питания. В последнее время гитлеровцы уже не решались входить в села, расположенные вблизи от железной дороги, им уже не удавалось так, как прежде, грабить местное население. Но, как говорится, голод не тетка. Гитлеровцы не утерпели и выслали из Олевска отряд с заданием ограбить крестьян одного села. Между лесом и селом расстилалось поле. Ни в лесу, ни в поле не было видно ни одной живой души. Гитлеровцы осмелели и решительно направились к селу, но на самых подступах к нему напоролись на мину. Вся территория вокруг села была заминирована. Три вражеских солдата были убиты, остальные бросились обратно в лес.

Положение фашистского гарнизона в Олевске благодаря нашим действиям становилось все более скверным, но гитлеровцы тем не менее продолжали врать по радио о каких-то своих мнимых победах над партизанами. Наши радисты записали одну из таких гитлеровских радиопередач: «Партизанскому соединению дорого обошлась попытка овладеть

Олевском. Командование олевского гарнизона заманило в город партизан. Здесь они были окружены и разгромлены. Противник во время этого боя оставил на месте шестьдесят пять процентов всего состава убитыми и ранеными. Оставшиеся в живых партизаны спаслись бегством. Преследование партизан продолжается. Согласно дополнительно полученным сведениям, выясняется, что среди убитых партизан обнаружен труп командира соединения Ковпака».

Крестьяне, бывшие свидетелями боев в районе Олевска, слушая по радио эту глупую брехню, смеялись от души.

К этому времени советские войска вышибли фашистов со станции Овруч. В дальнейшем Овруч стал нашей базой, снабжавшей нас боеприпасами и военным снаряжением. В Овруче находился оружейный склад Украинского партизанского штаба. Зная это, гитлеровцы усиленно охраняли еще удерживаемую ими значительную территорию между Овручем и Олевским районом. Поэтому нам нелегко было доставлять из Овруча боеприпасы и военное снаряжение. Обычно мы организовывали доставку вооружения следующим образом: ночью лесной дорогой посылали подводу в Овруч, и она в ту же ночь возвращалась обратно, груженная необходимым военным снаряжением. И это в условиях бездорожья и непроходимых болот, когда даже в дневное время нелегко было туда добраться.

Случилось так, что в течение некоторого времени мы не смогли подвозить боеприпасы из Овруча. Это обстоятельство вынудило нас временно отказаться от активных боевых действий. В связи с этим Ковпак приказал дать партизанам отдых, чтобы люди имели возможность накопить необходимые силы и энергию для предстоящих боев. Этот отдых был для нас крайне необходим, так как непрерывные тяжелые бои вконец измотали бойцов. Подвезли из лесу дрова, заработала баня, бойцы почистились, постирали белье. Местные жители оказывали нам всяческую помощь. Крестьяне вырывали из рук партизан пилы и топоры, сами пилили и рубили дрова, топили баню, кипятили воду. Когда мы благодарили их за помощь, они нам отвечали: «Это мы вас должны благодарить. Вы нас от фашистов спасли».

VI

До освобождения Киева Украинский партизанский штаб находился в Москве. Но вот к нам в район Олевска пришла

радиограмма от товарища Строкача: «Украинский партизанский штаб переведен в Киев». Партизаны с большой радостью встретили это известие.

В период нашего пребывания в районе Олевска нас взволновало еще одно радостное событие.

Была светлая, лунная ночь; кроны гигантских сосен, покрытые белым снегом, были на диво хороши.

Я отдыхал в хате, когда меня разбудил какой-то шум и радостные возгласы:

— Артиллерия!

— Артиллерия идет! — слышались возгласы партизан.

Прибытие артиллерии было встречено партизанами восторженно, у всех было праздничное настроение. Артиллеристы начали рассматривать новые пушки. «Отлично, замечательно!» — то и дело слышались возгласы.

С артиллерией приехал к нам Цымбал, который продолжительное время лечился в Москве от ран.

— Мне не терпелось, хотелось поскорее возвратиться в соединение! — рассказывал Цымбал. — Прибыв в Киев, я узнал, что в ближайшие дни должны отправить из Овруча артиллерию в соединение Ковпака. Я немедленно отправился в Овруч и поспел как раз вовремя.

Бойцы очень обрадовались возвращению любимого командира. Они обступили его тесным кольцом и стали забрасывать вопросами. Цымбал едва успевал отвечать им.

— Как выглядит сейчас Киев? Сильно поврежден город?

— Сильно, очень сильно поврежден Киев, товарищи, это уже не тот город, который вы видели до войны, почти все здания на главных улицах разрушены!

— А Крещатик?

— Разбили фашисты Крещатик.

— А Киево-Печорская лавра?

— Собор сильно пострадал. Коротко говоря, все лучшие улицы, все большие дома превращены в развалины!

— А памятники? Шевченко, Хмельницкому?

— Уцелели они прямо-таки чудом!

— А настроение у жителей — очень подавлены перенесенным?

— Народ не нарадуется освобождению от ненавистных поработителей. Конечно, пока ужасы пережитого за время оккупации еще у всех живы в памяти. И старые и молодые — все никак не могут прийти в себя после гитлеровских зверств, голода, постоянного страха за жизнь.

Вот к Цымбалу обращается партизанка радистка:

— А вы знаете, товарищ командир, уцелело ли здание сельскохозяйственного техникума?

Цымбал на мгновение задумался, затем улыбнулся и сказал:

— По-моему, уцелело, если только память мне не изменяет.

Мы поняли, что Цымбал не был в курсе дела и не знал, уцелело в действительности это здание или нет, но он почувствовал, как дорог был молодой женщине этот дом, и решил успокоить ее.

— Ну, вот как хорошо, какое счастье, это тот самый техникум, в котором я училась перед войной. Я на крышке своей парты вырезала ножом свои инициалы, — обрадовалась Клава, услышав ответ Цымбала.

— А ты, Клава, спросила бы товарища Цымбала, уцелела ли твоя парта, — улыбаясь, сказал радистке командир взвода Бокарев.

Цымбал подробно рассказал партизанам, в каком состоянии он нашел шоссейную дорогу Киев—Житомир.

— Эта широкая, когда-то благоустроенная дорога теперь совершенно разрушена. Почти через каждые двадцать—тридцать метров зияют глубокие воронки от бомб.

* * *

В последних числах декабря 1943 года Украинский партизанский штаб вызвал в Киев Ковпака.

Известие о вызове Сидора Артемьевича в Киев с молниеносной быстротой облетело все соединение.

— Интересно, зачем его вызвали? — спрашивали друг друга бойцы.

— Наверное, получит приказ о выступлении в новый рейд...

Перед отъездом Ковпак созвал совещание командного состава.

— Товарищи, мне приходится на время покинуть вас, — сказал Ковпак, — Украинский партизанский штаб вызывает меня в Киев. Я со спокойной душой покидаю вас, я твердо верю, что наше соединение будет и впредь высоко держать свое партизанское знамя, свято будет выполнять партизанскую клятву, не ослабит своей боевой активности. Временно меня будет заменять заместитель начальника штаба товарищ Войцехович. Вы его хорошо знаете, это закаленный, испытанный воин.

Стемнело. Вместе с Дедом к отъезду готовился секретарь партийной организации соединения товарищ Панин, который должен был доставить в парторганизацию Украинского партизанского штаба материалы о работе партийной организации соединения. Уезжал также заведующий хозяйственной частью соединения товарищ Павловский, которого мучили старые раны. Партизаны обратились с просьбой к Ковпаку, чтобы он передал от них сердечный привет Никите Сергеевичу Хрущеву, Демьяну Сергеевичу Коротченко и Тимофею Амвросиевичу Строкачу.

В честь отъезжавших прославленных партизанских руководителей был дан концерт силами нашей художественной самодеятельности, которой руководил Гриша Дорофеев, ленинградский циркач. Наиболее активными участниками самодеятельности являлись разведчики и партизаны третьей роты Журов Алексей (партизанский Паторжинский), Миша Демин (партизанский Лемешев), Демин Вася и Никаноров («Черный глаз») — сатирики. Дорофеев выступал во всех жанрах, но лучше всего удавались ему цирковые номера. Надо сказать, что программа была составлена продуманно. Особое место занимала сатира. Наиболее удачными номерами были сцены, изображавшие Ковпака и Павловского. Все со смеху за животы хватались, а Павловский восклицал: «Вот скопировали, точка в точку. Ох, чертовы дети, уморили!»

Дед словно чувствовал, что он больше не возвратится в соединение. Он все время шутил, со всеми тепло прощался. Пожалуй, в соединении не осталось ни одного партизана, с которым бы он лично не простился, не пожал руку.

— Счастливого пути, Сидор Артемьевич, не забывайте нас! — обратились партизаны к своему руководителю, прощаясь с ним.

— Никогда, дорогие товарищи, никогда я не забуду вас! — взволнованно отвечал своим соратникам Ковпак.

Ковпак, Панин и Павловский выехали в сопровождении сильного отряда партизан.

После отъезда командира соединение продолжало жить напряженной боевой жизнью. Войцехович разработал новый план боевых операций и разослал по ротам соответствующие приказы. Вскоре мы получили известие о благополучном прибытии Ковпака в Киев. Штаб начал готовиться к встрече нового 1944 года.

Новый год партизаны встретили славными боевыми делами. Мы провели несколько серьезных диверсий на желез-

ной дороге, в схватках с врагом нанесли ему значительный урон и захватили трофеи. Это был наш новогодний подарок родине.

К всеобщей радости, в соединение вернулся Петр Петрович Вершигора. Вместе с ним приехали партизаны, которые в свое время были эвакуированы на «Большую Землю» для лечения. С Вершигорой прибыл к нам новый товарищ — Иосиф Иосифович Тоут.

На следующее утро, 2 января 1944 года, нам был объявлен приказ о назначении подполковника Вершигоры командиром нашего соединения, начальником штаба был назначен старший лейтенант Войцехович. В приказе отмечалось, что наше соединение выросло и возмужало в непрерывных двухлетних боях с гитлеровскими захватчиками, что рейды, проведенные в тылу врага, закалили наш коллектив.

Приказ призывал партизан свято оберегать и укреплять боевые традиции соединения, хранить военную тайну, еще больше повышать революционную бдительность. «Мы не должны забывать ни на одну минуту, что мы имеем дело с коварным врагом и находимся в тылу противника», — отмечалось в приказе.

С этого дня начался новый период в истории нашего соединения.

VII

Вершигора созвал командиров.

— Нам теперь надо запастись большим количеством боеприпасов и военного снаряжения. Одних наших лошадей не хватит. До Овруча все-таки далековато.

— Придется привлечь на помощь транспорт местного населения. Иного выхода у нас нет, — сказали мы Петру Петровичу.

— Я тоже так думаю... Надо будет провести в ближайших селениях мобилизацию подвод. Крестьянам необходимо разъяснить значение этого мероприятия; при этом надо заверить крестьян, что в ближайшее время все подводы будут им возвращены в полной исправности. Необходимо, чтобы с подводами, поехали их владельцы.

— Сколько понадобится подвод? — спросили мы Вершигору.

— Не менее ста! — ответил Петро.

Это была нелегкая задача. Больше половины населения осталось без крова и укрывалось в лесу. В этих условиях, конечно, трудно было мобилизовать сто подвод с быками и погонщиками.

Крестьяне всячески пошли нам навстречу: Олевский и Ракитинский районы предоставили в наше распоряжение сто подвод и сто пар быков.

Как только стемнело, подводы двинулись по узкой лесной дороге в сторону Овруча.

Обоз сопровождала усиленная охрана.

Вершигора не говорил определенно, для чего понадобилось такое большое количество боеприпасов; по-видимому, у него имелся приказ о подготовке к новому рейду. В этом не было ничего неожиданного.

В эти дни гитлеровцы бежали на запад. Неприятельские эшелоны шли непрерывно один за другим. Фашисты согнали на охрану железнодорожной линии массу народа.

Несмотря на это, мы продолжали разрушать полотно, пускать под откос вражеские эшелоны.

Отступление гитлеровцев скорее походило на бегство. По всей дороге звучали траурные гудки паровозов, словно они отпевали удирающую с фронта, обреченную на неизбежную гибель фашистскую армию.

Отступающий под могучими ударами Советской Армии враг временами оказывал ожесточенное сопротивление. Необходимо было и нам, партизанам, усилить свои удары по гитлеровцам. С этой целью мы усилили диверсии на железной дороге, а спустя несколько дней наши партизаны ворвались в Олевск. Они водрузили на центральной площади красное знамя с надписью: «От партизан Ковпака». В тот момент, когда взобравшийся на столб партизан разворачивал знамя, на площадь вступили разведчики регулярной Советской Армии.

Таким образом, в город почти одновременно с разных концов вступили партизаны и бойцы Советской Армии. Над городом гремело мощное русское «ура». «Да здравствует Советская Армия, да здравствуют партизаны!» — раздавались радостные возгласы на каждой улице. Убедившись, что в город вступили советские войска, все население высыпало на улицы. Большая городская площадь вскоре заполнилась народом, зазвучали советские песни. Стихийно возник митинг. Оратора-армейца сменял оратор-партизан. Вот на трибуну поднялся олевский житель; от волнения и радости он некоторое время стоял молча. Немного оправившись, он начал говорить:

— Да здравствует наша Советская страна, наша победоносная родина! Знайте, товарищи, — обратился он к бойцам, — мы всегда были преданы Советской власти и всегда, при всяких обстоятельствах будем с ней; добро пожаловать, братья! Трудящиеся нашего города никогда не забудут ваши славные подвиги!..

После митинга началась демонстрация. Пение, звуки гармони, радостные возгласы сливались в один могучий победный гимн.

Сгустились сумерки. Мы беседовали о впечатлениях минувшего дня. В это время в дверь кто-то постучал. На пороге показались двое мужчин и одна женщина. Они попросили разрешения зайти к нам. Мы с радостью пригласили их.

— Мы педагоги олевской школы, — начала худощавая женщина средних лет. — Если мы вам не помешаем, то разрешите побеседовать с вами по некоторым вопросам.

— Пожалуйста, мы будем только рады послушать вас!

— Говорят, что у вас среди партизан имеются и педагоги? — спросила нас учительница.

— Как же, имеются! У нас есть люди всех профессий. Расскажите, как вам жилось в период господства гитлеровцев? — спрашиваю я пожилого учителя.

— Разве вам не известно? Это был сущий ад. Мы замечали, что фашисты потеряли надежду на победу. Они чувствовали свою обреченность. Поэтому они беспробудно пьянствовали — и офицеры, и солдаты.

— Школы были открыты, и дети посещали занятия?

— Изредка! Разве можно говорить о нормальных занятиях во время хозяйничанья этих извергов, — махнул рукой старый учитель. — Гитлеровцы собрали все советские учебники и сожгли их во дворе школы. В те редкие дни, когда занятия все же велись, мы читали детям кое-что из старых учебников, иногда вели занятия устно. Нам категорически запретили преподавание истории. По остальным предметам велись занятия в пределах четырехлетки. «Совершенно достаточно четырехклассного обучения», — заявили нам оккупанты. «Вы неисправимы, — говорили они, — вы все равно будете продолжать идти по большевистскому пути». Вот этот товарищ, — сказал пожилой учитель, кладя руку на плечо молодого педагога, — проявил большое мужество. Когда в школу пришел фашист инструктор, он смело обратился к нему со следующим вопросом: «Я полагаю, что арифметика и география всегда и везде преподавались одинаково; может быть, вы разъясните нам, что вы называете большевистским преподаванием?» Инструктор напустился на учителя:

— Посмотрите-ка на него, он еще требует от меня разъяснений! — кричал фашист. — Я сейчас прикажу всыпать тебе пятьдесят плетей, тогда ты узнаешь, какая у нас арифметика.

— Среди олевских жителей, наверное, нашлись предатели, которые пошли служить в полиции оккупантов? — спрашиваем мы учителей.

— Таких оказалось очень мало. Оккупантам удалось завербовать всего несколько человек. Да и то это были не коренные жители города, а темные элементы, попавшие в Олевск после вступления фашистов.

— Вам неизвестно, где они сейчас находятся?

— А кто их знает! После налета партизан на станцию Олевск они исчезли из города, словно сквозь землю провалились.

Во время нашей беседы с олевскими учителями в комнату вбежал командир взвода Бокарев.

— Товарищи, знаете новость, — воскликнул он, — мы уже находимся в тылу Советской Армии. Наши войска продолжают преследовать противника.

Слова Бокарева подтвердились: действительно, наша регулярная армия продолжала развивать наступление, преследуя отступающего противника, а мы, партизаны, оставались в Олевске.

Теперь гром артиллерийской канонады доносился уже не с востока, а с запада. Это было впервые за годы наших боевых действий...

В Олевск начали постепенно возвращаться беженцы. Они с грустью смотрели на улицы города, превращенные в руины. Партизаны приняли живейшее участие в обеспечении беженцев жильем. Мы кое-как привели в порядок несколько полуразрушенных зданий.

Подводы, посланные в Овруч за боеприпасами, запаздывали. Вскоре разведчики донесли, что все сто подвод, груженные боеприпасами, медленно движутся к Олевску.

На следующий день, в шесть часов утра, показалась колонна подвод.

В те дни Советская Армия выбивала противника из узловой станции Сарны. Все мы чувствовали какую-то неловкость от вынужденного бездействия, хотелось как можно скорее снова сразиться с ненавистным врагом.

Непрерывно, в течение многих дней, шел снег. Дороги были занесены и стали почти непроходимыми. Мы фактически были заперты в Олевском районе, а партизанская душа

рвалась на простор, требовала движения и действий. Конечно, благородное дело — заботиться о местном населении, но ведь это обязанность административных органов. Мы же были нужны на поле боя.

— Товарищ Петро! — обратились однажды все мы, командиры, к Вершигоре. — Какова перспектива наших дальнейших боевых действий? В Олевске, пожалуй, нам уже нечего делать?

— Мы скоро выступим из Олевска. Перед нами стоит задача сделать хороший рывок и снова выйти в тыл противника!

Ответ Вершигоры подбодрил нас. Ведь нашей мечтой было снова попасть в глубокий тыл неприятеля, снова громить его коммуникации, истреблять живую силу.

Мы попросили Вершигору рассказать нам о том, как встретили в Киеве Сидора Артемьевича Ковпака.

Имя Ковпака очень популярно в Киеве, поэтому его приезд вылился в подлинное народное торжество. Широко откликнулась местная пресса. Все газеты поместили портреты Сидора Артемьевича Ковпака. Ему было посвящено много статей.

— Интересно, вернется Сидор Артемьевич в соединение или нет? — спросили мы Вершигору.

— Навряд ли сможет скоро возвратиться. Он очень ослаб и переутомился; по заключению врачей, ему требуется длительный отдых и серьезное лечение. Поэтому товарищ Хрущев и Украинский партизанский штаб категорически возражают против возвращения Сидора Артемьевича в соединение.

Вершигора отдал приказ о подготовке к выступлению из Олевска. 5 января 1944 года соединение вышло в новый рейд. Жители Олевска пожелали нам счастливого пути и боевых побед.

Перед уходом из Олевска штаб соединения во главе с товарищем Войцеховичем проделал большую работу, он провел реорганизацию наших частей и подразделений. Была проведена и перестановка кадров. Заместителем Вершигоры по политической части и секретарем партийного комитета был назначен товарищ Москаленко, заместителем командира соединения по хозяйственной части — Федчук, командиром пятого батальона — старший лейтенант Воронько, комиссаром пятого батальона — старший лейтенант Цымбал, начальником штаба того же батальона — капитан Шумейко, его заместителем по разведке — товарищ Хващев-

ский. Таким образом, командный состав пятого батальона был почти полностью обновлен. Такие же изменения были произведены и в других частях соединения. Командир четвертого батальона Кудрявский был послан на лечение в Москву. Командиром батареи был назначен старший лейтенант Михайликов. Ввиду того, что мой политрук был назначен заместителем Вершигоры по политчасти, политруком ко мне назначили Иосифа Иосифовича Тоута.

Мы выступили из Олевска в северо-восточном направлении и вскоре достигли селения Глиное. В этом селении мы пробыли только один день. Седьмого января соединение выступило из села Глиное и, пройдя шестьдесят километров, утром восьмого января вступило в село Ольминские Кошары, где расположилось лагерем. Для дальнейшего продвижения необходимо было организовать хорошую разведку.

Страшное зрелище представляли селения, расположенные на правом берегу реки Горынь. Здесь редко где можно было встретить уцелевший дом — отступая, враг все предавал огню. Местные крестьяне нам сообщили, что в одном из этих селений стоит соединение генерал-майора Сабурова. Мы все очень обрадовались этому известию, так как хорошо знали Сабурова и его славных партизан. Сабуров был большим другом нашего соединения. Мы послали связных. Но, к сожалению, они уже не застали его там.

Вблизи брода через речку Горынь находились село Хороли и местечко Давид-городок. По имеющимся у нас сведениям, и в одном и в другом находились вражеские гарнизоны. Непонятно, с какой целью оставило их гитлеровское командование в тылу наступающей Советской Армии. Может, они просто не успели бежать. Нашим же быстро наступающим войскам некогда было заниматься этими гарнизонами. Во всяком случае для нас нашлась работа.

Наша разведка вошла в село Хороли. На окраине его — ни живой души. Вскоре мы встретили нескольких стариков.

— Где народ? — спросили мы их.

— Полицейские погнали всех на площадь.

— Зачем?

— Молиться! Полицейские сказали, что все должны идти на площадь молиться.

— А далеко отсюда площадь?

— Да нет, совсем близко, вот за этим поворотом.

Я пошел к площади в сопровождении пятидесяти пар-

тизан. Вскоре нам представилось такое зрелище: посреди большой площади стояла толпа народа, оцепленная конными полицейскими. Люди стояли словно окаменевшие, у всех были опущены головы. Тут же, перед толпой, на столе стоял портрет Гитлера. Полицейские отдавали какие-то приказания, однако мы были от них далеко и не могли разобрать, что́ они говорили.

Мы вышли на площадь и арестовали полицейских.

— Что вы тут делаете, зачем вас сюда согнали, для чего здесь стоит портрет Гитлера? — спросили мы собравшихся крестьян.

— Полицейские силой согнали нас сюда и приказывали нам молиться за победу Гитлера!

— Значит, они решили спасать себя молитвами?

— Так получается. Они нам сказали, что положение осложнилось. Видно, и впрямь дрянь их дела!

— Еще бы! Разве вам не известно, что весь ваш район находится в руках советских войск? Советская Армия гонит врага на запад!

Это известие крестьяне встретили дружным «ура».

— Эти гады даже напоследок обманули нас. Всю ночь была слышна артиллерийская стрельба. Полицейские по этому поводу сказали нам, что это, дескать, немцы партизан уничтожают, и предложили молиться за окончательную победу Гитлера!

— И что же, вы молились?

— Какого черта? Наоборо́т. Мы слали проклятия этой собаке! — сказал один крестьянин и с презрением бросил на землю портрет Гитлера.

Мы провели митинг. Он еще не кончился, когда на площадь влетела конная разведка Советской Армии. Митинг превратился в народное торжество.

В сумерки мы выступили в дальнейший путь. Шли лесом, так как положение все еще продолжало оставаться серьезным. Правда, разбитая гитлеровская армия безудержно откатывались на запад, однако, как мы убедились, территория, оказавшаяся теперь в тылу Советской Армии, далеко не вся еще была очищена от врага. Мы быстро продвигались вперед и скоро достигли местечка Столин. Здесь нам предстояло́ перейти глубокую реку Горынь. Мы стали расспрашивать крестьян: нет ли поблизости моста.

— Как же, был мост, да во время войны его разрушили, — был ответ крестьян.

Положение осложнялось. Необходимо было сооружать

новый мост. Нам надо было торопиться, чтобы своевременно выйти в тыл врага.

Здесь нас посетили партизаны местного отряда, носившего имя Кутузова. Партизаны этого отряда сослужили нам большую службу. Они отлично знали местность и помогли нам составить и уточнить новый маршрут.

VIII

Мы сидели в штабе, заканчивая последние приготовления к переправе через Горынь, когда в комнату вбежала радистка и крикнула: «С нами говорит Москва».

Первым бросился к радиоприемнику Вершигора, мы все последовали за ним. Москва сообщала о том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР Герой Советского Союза Сидор Артемьевич Ковпак награжден второй медалью Золотая Звезда. Орденом Ленина были награждены семь наших командиров: Ленкин, Войцехович, Вершигора, Кульбака, Матющенко, Тютерев и я. Свыше тысячи наших партизан правительство наградило орденами и медалями.

Эта радостная весть с молниеносной быстротой облетела бойцов и командиров соединения. Состоялся митинг, на котором было произнесено много взволнованных речей. Ораторы особо отмечали постоянную заботу Коммунистической партии о партизанах. Повсюду: среди дремучих лесов Белоруссии и Украины, в Карпатских горах, в глубоком тылу противника, мы, горстка партизан, всегда чувствовали огромную заботу партии о нас. «Эта забота и внимание вдохновляют нас, прибавляют нам силы, зовут нас на новые подвиги», — говорили партизаны.

Текст радиопередачи был размножен и разослан по ротам и батальонам.

Я зачитал в роте список награжденных партизан. Вскоре связной штаба вручил мне приказ о переправе через Горынь. После перехода через реку мы должны были продвинуться вперед на несколько десятков километров. Весь этот переход мы должны были проделать за одну ночь и стать лагерем в селе Колонда. В соответствии с приказом третий батальон и девятая рота должны были выступить в четырнадцать часов из села Ольминские Кошары и к семнадцати часам очистить от противника села Большие и Малые Всекоравичи.

Разведчики донесли, что вражеский гарнизон в ближайшем местечке малочислен. Однако центр этого местечка был хорошо укреплен. Противник построил долговременные огневые точки, оцепил укрепления несколькими рядами колючей проволоки. Для нас было выгоднее всего атаковать местечко с юго-запада. Овладеть местечком Вершигора приказал третьему и пятому батальонам, а также четвертой роте первого батальона и артиллерийской батарее. Общее руководство этим делом было поручено командиру пятого батальона Платону Воронько. Все это дело должно было быть завершено согласно приказу к двадцати одному часу. Мы все понимали, какое это сложное и опасное дело: почти все окрестные селения находились еще в руках противника. Поэтому гитлеровцы имели возможность в любую минуту послать подкрепление гарнизону местечка. Это обстоятельство было учтено Вершигорой, и на часть третьего батальона было возложено прикрытие главных подступов к местечку и блокировка гарнизонов близлежащих селений.

Местные партизаны тоже не бездействовали. Они заминировали дороги, ведущие к местечку. Об этом нам было своевременно сообщено, и мы приняли меры для предотвращения несчастных случаев.

Воронько нанес удар по местечку с юго-запада. Ему удалось быстро сломить сопротивление противника; значительно труднее было очистить от неприятельских сил центр местечка.

Партизаны окружили противника и открыли интенсивный артиллерийский огонь. Но все старания Воронько сломить сопротивление гарнизона противника, засевшего в этих укреплениях, оказались тщетны. Враг отразил все атаки партизан. В этом бою Воронько потерял двенадцать человек убитыми, двадцать партизан получили ранения, тяжело был ранен сам Воронько. В создавшейся обстановке было бессмысленно продолжать штурм. Начальник штаба батальона Шумейко сообщил Вершигоре через связного о ранении Воронько. В этом бою был также ранен комиссар Цымбал. Вершигора немедленно отдал приказ об отходе батальона.

В чем была причина неудачи Воронько?

Дело в том, что, как выяснилось из показаний пленных, гитлеровцам удалось забросить в местный партизанский отряд имени Кутузова шпиона, который предупредил своих хозяев о том, что партизаны готовятся штурмовать местечко. Зная об этом, гитлеровский гарнизон хорошо подготовился к отражению партизанского штурма.

В нашем соединении был искусный хирург, по фамилии

Скрипниченко. Партизаны очень любили его. «В конце концов, если меня ранят, так ведь у нас есть Скрипниченко», — с надеждой в голосе говорили партизаны перед предстоящим боем. Такой большой авторитет среди бойцов товарищ Скрипниченко завоевал своими знаниями, опытом и самоотверженной работой. Он делал удачно серьезные операции под открытым небом, примитивными инструментами.

«У нашего хирурга легкая рука, — говорили партизаны. — В его руках и нож становится умным».

Скрипниченко проявил большую заботу в отношении Платона Воронько и других раненных в этом неудачном бою партизан. Им была тотчас же оказана необходимая медицинская помощь, и при первой возможности они были отправлены на лечение в Киев.

Из допроса пленных, захваченных в последнем бою, выяснилось, что они еще не представляют себе во всей полноте ту огромную катастрофу, которую потерпела гитлеровская армия.

Когда мы рассказали им о действительном положении гитлеровских войск, один из пленных закричал хриплым голосом:

— Наши войска, может быть, будут отступать до границ самой Германии, но нога противника никогда не ступит на нашу землю!

— Почему вы так думаете? Песенка фашистской Германии спета, — ответили мы гитлеровцу.

— После вы убедитесь в правоте моих слов! — с тупым упрямством сказал фашист.

Тут на него напустились его же товарищи: «Хватит тебе, Август, чего ты болтаешь, когда все ясно».

В тот период советские войска вели ожесточенные бои в районе Сарн. Советские войска стремились овладеть этим исключительно важным железнодорожным узлом. Мы отчетливо слышали артиллерийскую канонаду. Это наши славные артиллеристы вели непрерывный массированный огонь по живой силе и укреплениям неприятеля.

Вечером на западе горизонт окрасился в пурпурный цвет, артиллерийская канонада усилилась. Мы поняли, что минуты сарнского гарнизона гитлеровцев сочтены.

Вскоре пришли наши разведчики. Лица у них сияли, было видно, что они принесли хорошие вести.

Перед Вершигорой вытянулся командир разведывательной группы и четко отрапортовал:

— Товарищ командир, задание выполнено, при этом я должен сообщить радостное известие: вчера в восемнадцать

часов, в результате ожесточенных боев, Советская Армия заняла город Сарны и полностью очистила его от гитлеровцев.

Теперь, после того как наши войска овладели Сарнами, местечко, перед которым мы стояли, потеряло для нас всякое значение. Мы обошли его и вступили в селение Бешуры, расположенное немного севернее. В селении было полное спокойствие. По дороге мы наткнулись на группу вражеских разведчиков, которые еще не знали о падении Сарн. В коротком бою мы истребили их. Для нас сейчас было самым главным как можно скорее пройти линию фронта. Для осуществления этой задачи нам было необходимо форсировать реку Горынь, которая к этому времени замерзла. Мы сделали в нескольких местах проруби. Толщина льда оказалась в одиннадцать-двенадцать сантиметров. Крестьяне переезжали свободно по льду на санях с одного берега на другой. Однако этот ледяной покров не был надежен для переброски артиллерии и груженных боеприпасами подвод. Местные крестьяне тоже не советовали нам идти на риск.

— Лед, правда, довольно толстый, по нему мы свободно ездим на санях, но ваши пушки ведь раз в десять тяжелее наших саней.

— Значит, надо устроить мост. Подходящий материал у вас найдется, например, бревна потолще? — спрашивали мы крестьян.

— Все добудем, в один миг добудем, на наших же санях привезем сюда, — охотно вызвались помочь нам крестьяне.

Для возведения капитального моста у нас не было времени, да в этом и не было необходимости. Крестьяне свезли много бревен, с помощью тех же крестьян мы отыскали место на реке с медленным течением, так как в этих местах ледяной покров обычно бывает толще. Мы положили на лед бревна, сверху вязанки хвороста, и мост был готов. Сперва мы попробовали переправить подводы. Результат получился отличный. Все подводы благополучно достигли противоположного берега. Когда на мост встала пушка, то лед по обеим сторонам дал тонкие трещины и на поверхность выступила вода. Опасность не была угрожающей, и мы быстро перебросили на тот берег нашу артиллерию.

Как только последний партизан вступил на противоположный берег, крестьяне поспешно разобрали мост, уложили бревна на сани и двинулись от реки.

К этому времени почти все партизаны передвигались верхом на лошадях. Кони эти были брошены бежавшими полицейскими. Правда, нам не хватало седел, но партизаны ра-

ды были ехать даже на неоседланных. «Лучше плохо ехать, чем хорошо идти», — шутили партизаны.

Лошадей у нас оказалось так много, что теперь мы могли отпустить мобилизованных в районе Олевска подводчиков. Мы так и сделали: перегрузили боеприпасы с крестьянских повозок на наши подводы и отпустили крестьян домой.

Для сопровождения этих крестьян Вершигора выделил хорошую охрану.

Прошли сутки — и вот мы снова во вражеском тылу. Фронт остался позади нас.

В село Колодно мы вступили ранним утром. В этом селе мы бывали и раньше. Здесь у нас было много друзей и знакомых. Крестьяне встретили нас очень радушно. Зазвучали гармони, послышались песни.

Крестьяне рассказали нам: «Эти гармони были у нас спрятаны. В 1943 году гитлеровцы объявили трехдневный траур. В течение этих трех дней они ходили по домам и если находили у кого-нибудь гармонь, то тут же сжигали ее».

— По какому же поводу у них был траур?

— Сначала подумали, что сам Гитлер околел, а потом узнали, что это их под Сталинградом разгромили. У фашистов траур, а мы, конечно, радуемся.

Вершигора выслал из Колодно разведчиков в окрестные села. Они должны были подробно изучить положение населения этих сел, установить, сколько мостов и строений разрушено в каждом селе, каково санитарное состояние. Разведчики должны были также установить, какие инфекционные болезни распространены в настоящее время в этих селах, в каком количестве в них находятся еще неприятельские солдаты.

Наши разведчики обошли все села этого района, собрали исчерпывающие сведения и только после этого возвратились в соединение.

Собранные материалы еще раз подтвердили, какую варварскую политику проводили оккупанты. Разведчики видели в селах развешанные на стенах домов объявления следующего содержания: «Объявляем к сведению населения: каждый, кто поймает еврея и доставит его к нам в штаб, получит за каждого еврея килограмм соли. Организовывайте охоту на евреев, безразлично, будет это женщина, мужчина, ребенок или старик, ловите их и приводите к нам».

Во временно оккупированных противником районах совершенно не было соли. Там было, пожалуй, легче достать золото, чем соль. Отсутствие соли пагубно отражалось на здоровье

населения. Гитлеровцы воспользовались этим и установили обмен соли на живых людей. Однако фашисты не достигли своей цели, никто из местных жителей не откликнулся на их гнусный призыв.

После основательной разведки мы продолжили наш путь. Пять суток двигались мы без передышки. Достигнув села Маничево-Грудека, мы расположились лагерем.

По обыкновению, мы тотчас же выслали разведчиков в окрестные села. Наши разведчики вскоре обнаружили местопребывание партизанских отрядов генерал-майора Федорова и майора Иванова.

Узнав об этом, Вершигора тотчас отправился в сопровождении разведчиков в лагерь этих партизанских отрядов, чтобы разработать совместный план дальнейших боевых действий.

Перед нами открылись новые перспективы, предстояли новые бои.

IX

К каким только уловкам не прибегали гитлеровцы, чего они только не делали для того, чтобы подорвать авторитет партизан среди местного населения. Фашисты поняли с первого же дня, что жители временно оккупированных районов были в своем подавляющем большинстве настроены против них; к захватчикам примкнули только уголовные элементы, окончательно разложившиеся, аморальные люди, остатки классовых врагов. В некоторых местах гестаповцы создали из этого сброда «партизанские отряды». Одетые в форму советских бойцов, с советскими орденами и медалями на груди, эти предатели народа называли себя советскими партизанами. Все это делалось для того, чтобы вызвать среди населения ненависть к настоящим партизанам. Гитлеровские агенты тем временем шныряли по селам и говорили крестьянам: вот ваши партизаны, теперь вы собственными глазами видите, на что они способны.

Но врагу не удалось обмануть народ. Украинские трудящиеся научились с первого взгляда распознавать лжепартизан.

Наряду с этим гитлеровцы, прибегая ко всяким провокациям, стремились вызвать вражду между украинским и польским населением в районах Западной Украины. Здесь они также пользовались услугами изменников родины.

Очень много интересного о провокациях гитлеровцев рассказал нам генерал-майор Федоров.

Партизаны Федорова вели среди местного населения большую агитационную работу. Эта работа дала отличные результаты; была сведена на нет пропаганда гитлеровцев, благодаря чему им не удалось разжечь вражду между украинским и польским населением.

Таким образом, разбитый на фронте враг терпел поражение и здесь, у себя в тылу. Все его ухищрения оказались безуспешными. Когда наше соединение вступало в какое-нибудь село, крестьяне сразу говорили: «Пришли настоящие партизаны», и тут же начинали издеваться над лжепартизанами. Украинские и польские крестьяне ничего не жалели для нас, они всегда радушно принимали нас, двери любого крестьянского дома были всегда широко открыты для партизан.

Ни во время отдыха, ни во время непрерывных боев мы ни на минуту не ослабляли пропаганды и агитации, которая сыграла огромную роль в деле пробуждения самосознания широких народных масс, в деле сплочения на борьбу против ненавистного врага. Необходимо отметить, что агитационную работу, как правило, вел каждый боец, но мы не довольствовались этим. Командование соединения специально выделило наиболее опытных и передовых, политически закаленных товарищей, которых оно направляло в окрестные села. Эти товарищи созывали собрания, устраивали митинги и разъясняли населению обстановку, как на фронте, так и здесь, в тылу противника. Они объясняли украинским и польским крестьянам, с какой целью стремятся гитлеровцы посеять между ними рознь.

Возвращаясь из сел, агитаторы рассказывали нам о бедственном положении крестьянства: «В селах, разоренных гитлеровцами, у людей нет ни мыла, ни соли, ни других предметов первой необходимости, повсюду страшная антисанитария, которая вызвала ряд тяжелых заболеваний. Население совершенно лишено медицинской помощи».

Командование партизанского соединения, разумеется, не могло мириться с тяжелым положением местного населения. Вершигора в срочном порядке выделил врачей, необходимое количество медикаментов и направил их с агитаторами и пропагандистами в окрестные села.

Этим мы делали большое дело, но наша главная задача пока оставалась невыполненной. Необходимо было организовать в широком масштабе диверсии, надо было пускать под

откос вражеские эшелоны, истреблять живую силу и материальную часть противника.

И вот 17 января 1944 года командованием соединения была выслана вперед ударная группа — кавалерийский эскадрон и пятая рота. Эскадроном командовал Ленкин, а пехотой — Ефремов.

Это было начало активных боев.

Когда высланный вперед отряд достиг села Линчи и стал продвигаться к местечку Мелцы, то он встретил упорное сопротивление противника. Испытанные и закаленные в боях командиры Ленкин и Ефремов не растерялись, они с налета разгромили укрепившийся в селе Линчи вражеский гарнизон. Гитлеровцам пришлось отступить. Партизанам достались трофеи: медикаменты, боеприпасы, военное снаряжение, продовольствие.

После этого эскадрон Ленкина почти без задержек продвигался вперед, расчищая нам путь. Вслед за этим авангардом двигалось все соединение. Вскоре эскадрон ворвался в село Соново. Атака была настолько внезапной и мощной, что почти весь неприятельский гарнизон был захвачен в плен.

Таким образом, мы почти беспрепятственно достигли железнодорожной магистрали Сарны — Ковель. Но зато железная дорога оказалась хорошо укрепленной. Вдоль всей линии были устроены проволочные заграждения в два ряда. По обеим сторонам дороги находились укрытия с усиленными отрядами охраны.

Очистка железнодорожной линии от неприятельской охраны была возложена на девятую роту и четвертый батальон, то есть на меня и капитана Токаря.

Мы без промедления приступили к подготовке. В ту же ночь, в двадцать два часа, мы атаковали укрепления противника, уничтожили охрану, артиллерийским огнем разрушили железобетонные укрепления, очистили дорогу от неприятеля, сделали безопасным переход через полотно. После этого мы расставили бойцов батальона и роты в определенных пунктах для охраны дороги. Соединение стало переходить железнодорожную линию. Переход был в самом разгаре, когда показался поезд, идущий с запада. Паровоз наскочил на мину и взорвался. Наши бойцы стали обстреливать поезд бронебойными патронами. Охрана поезда попыталась оказать сопротивление, но безуспешно. Часть охраны мы захватили в плен, остальные спаслись бегством.

Эшелон оказался груженным новым обмундированием. Здесь были белые брюки, кители и белые плащи, предназна-

ченные для маскировки на снегу. Кроме того, было много обмундирования защитного цвета для весны и лета.

Этого обмундирования хватило на все наше соединение.

Разгрузив поезд, мы приступили к допросу пленных.

— Откуда идет поезд? — спросили мы одного из них.

— Из Германии.

— Когда вы выехали оттуда?

— Три-четыре дня назад.

— Куда вы направлялись?

— На фронт.

— А вам известно, где находится в настоящее время фронт?

— Нет... нам только известно, что сегодня он здесь, а завтра может переместиться на двадцать—тридцать километров... И так ежедневно. Наши отступают...

— В Германии знают об этом?

— К сожалению, об этом сейчас все знают. До сих пор от народа скрывали правду. Наше радио передает, что войска выпрямляют линию фронта. О том, что дело окончательно проиграно, люди говорят друг другу лишь шепотом.

— А вы лично как смотрите на положение дел?

— Наше дело гиблое, война проиграна!

Итак, мы впервые услышали из уст гитлеровского солдата, что война Германией проиграна.

19 января 1944 года, ночью, мы подошли к линии Брест-Литовской железной дороги. Приняв соответствующие предосторожности, мы благополучно перешли полотно. В авангарде двигался кавалерийский эскадрон под командованием Ленкина. Вскоре мы вступили в село Кримное и устроили здесь небольшой привал. Крестьяне нам сообщили, что в расположенном по соседству селе Кукуреку стоит большой гарнизон противника.

Штаб соединения разработал специальный план по уничтожению неприятельского гарнизона в селе Кукуреку; была выделена ударная группа, которая в шесть часов утра с двух сторон, с севера и запада, ворвалась в это село. Для противника удар был внезапен. Оставив на поле боя двадцать человек убитыми, гитлеровцы отступили.

Штаб неприятельского гарнизона был размещен в здании школы. Во время бегства враг не успел забрать с собой продовольствие, военные материалы и телефонные аппараты, хранившиеся в большом количестве в школьном здании. В дальнейшем гитлеровцы попытались отбить это село, но понесли большие потери и были отброшены.

В последних числах января наше соединение подошло

к железнодорожной линии Ковель — Холм. На этой линии было очень интенсивное движение, эшелон шел за эшелоном. Легко можно себе представить, какая усиленная охрана была на этом важнейшем участке железной дороги.

Когда мы подошли к железной дороге, была уже ночь. Партизаны стояли молча в ночной темноте и напряженно наблюдали за беспрерывным движением составов. Штаб соединения считал опасным переход железнодорожного полотна. Но вместе с тем не менее опасно было оставаться на месте. Вершигора отдал приказ об организации отрядов прикрытия. Для обеспечения нормального перехода полотна были выделены третий и четвертый батальоны, а также усиленная группа минеров.

Командирам этих подразделений было дано задание скрытно подойти к железнодорожной линии, быстро уничтожить охрану и очистить участок дороги, необходимый для перехода соединения; после этого бойцы этих подразделений должны были сами занять оборону, чтобы не дать противнику возможности атаковать соединение.

Третий и четвертый батальоны успешно выполнили поставленную перед ними задачу. Железнодорожная охрана не ожидала нападения и поэтому не могла оказать серьезного сопротивления. Минеры спешно заминировали дорогу. Наступил благоприятный момент для перехода железнодорожного полотна.

Но приблизительно в час ночи с востока к заминированному участку дороги подошел поезд. Состав этого поезда был очень оригинален: перед паровозом шли шесть платформ, груженных песком, а за паровозом был обыкновенный пассажирский состав. Таким образом, паровоз оказывался в середине состава.

Груженные песком платформы подорвались на минах, заложенных нашими партизанами, а паровоз и пассажирский состав остались невредимыми. В это время к месту перехода подошел поезд с запада. Таким образом, наше соединение оказалось между двух огней. Необходимо было принять бой. В первую очередь наши бойцы вывели из строя паровоз подошедшего с запада эшелона. В поезде оказались регулярные войска противника. Гитлеровцы сняли с поезда станковые пулеметы и открыли огонь по нашим колоннам. Темное, словно деготь, небо непрерывно освещали ракеты.

На железной дороге творился сущий ад. Переходить полотно приходилось под жестоким огнем. Но у нас не бы-

ло иного выхода, задерживаться было еще опасней, так как неприятель мог в любую минуту подбросить по железной дороге подкрепление. Партизанская храбрость и настойчивость взяли верх. Бойцы выжидали, пока стихал огонь, бросались через полотно и, согласно приказу, занимали скрытые позиции.

Интервалы между пулеметными очередями были очень короткие. Сплошь и рядом уже на самом переходе партизаны попадали под сильный пулеметный огонь. Люди и лошади, словно подкошенные, падали на землю. Кругом слышались стоны людей, жалобное ржание раненых лошадей. Но партизаны не дрогнули. Подошла очередь моей роты. Я вскочил в седло и потрепал Бельчука по шее. В это мгновение я отчетливо сознавал, что всем нам грозит смертельная опасность. Но я старался сохранить спокойствие и уверенность, старался быть примером для своих бойцов.

Умный Бельчук был очень напуган. Я чувствовал, как дрожит все его тело. Во время сильной пулеметной стрельбы я нарочно пришпорил его. Бельчук не тронулся с места; он ждал, когда стихнет стрельба. Как только стрельба чуть утихла, Бельчук понесся вперед. Мы уже были на самом переходе, когда вдруг снова ударили вражеские пулеметы. Вокруг жужжали пули. Я благополучно пересек полотно, однако этот переход оказался роковым для моего любимого коня. Бельчук неожиданно споткнулся и опустился на передние ноги. Из его груди хлынула кровь. Я соскочил с коня, на прощание обнял его, бросился вперед и прыгнул в канаву. Была очень темная ночь, и я с трудом узнал Вершигору, который уже находился здесь. Я приказал бойцам моей роты занять оборону, а затем снова возвратился к Вершигоре.

— Это ты, Давид? — спросил меня Вершигора. — Видишь, какой горячий бой; избежать его не было никакой возможности, отступать было бессмысленно. Мы должны во что бы то ни стало уничтожить эти эшелоны — сейчас это единственный путь для завершения перехода.

Противник усилил огонь. Снова в воздухе повисли осветительные ракеты. В это время к Вершигоре подбежал связной и доложил:

— Вдоль всего полотна идет ожесточенный бой. Наши хорошо защищаются, ведут интенсивный огонь по вагонам. В некоторых вагонах ревет скот...

— А что это за вагоны? — заинтересовался Вершигора.

— Обыкновенные пассажирские, — ответил связной.

— Какой же может быть скот в пассажирских вагонах?! — удивился Петр Петрович.

— Я тоже не могу понять, но это так.

— Ты сам слышал рев?

— Да, слышал, товарищ командир. Как только наши бойцы начали обстреливать вагоны, оттуда раздался рев скота.

Вершигора немедленно вызвал Кульбаку и приказал ему отбить у гитлеровцев вагоны со скотом.

Кульбака разделил батальон на две части. Одну часть он сам повел в атаку на поезд, другая же часть атаковала противника, засевшего на опушке леса. Бой продолжался до самого утра. Кульбака уничтожил основные силы неприятеля. Поезд был превращен в пылающий костер, уцелевшие гитлеровцы разбежались по лесу.

Но удивительнее всего было то, что в вагонах вместо рогатого четвероногого скота оказались гитлеровские двуногие скоты. Эти вояки, оказывается, нарочно подражали животным, думая своим «концертом» ввести в заблуждение наших бойцов.

В этом бою гитлеровцы потеряли убитыми до трехсот солдат и офицеров. Кроме того, нами было уничтожено два паровоза, шестнадцать товарных вагонов и три платформы.

Только я построил свою роту и собрался отдать приказ о выступлении, как появился Бельчук. Я был поражен, так как был уверен, что конь погиб. Он с трудом прыгал. Было такое впечатление, словно передние ноги у него связаны. Окровавленный Бельчук приблизился к строю бойцов и остановился. Я был очень взволнован, у меня было такое чувство, что я виновник его ранения. Я подбежал к коню, обнял его за шею. Бельчук тихо застонал, но на меня он не посмотрел. В другое время стоило мне приблизиться к нему, как он сам заглядывал мне в глаза. «Обиделся, бедняга, за то, что хозяин в трудную минуту покинул его, — подумал я, — но ведь у меня не было другого выхода».

Стоило мне тогда задержаться у рухнувшего посреди железнодорожного полотна коня, и меня самого не было бы в живых. Я снова приласкал коня, но тщетно — он продолжал смотреть в сторону.

Вдруг Бельчук задрожал, упал на землю и вытянул ноги. Умные глаза бедного животного остались открытыми.

Мы форсированным маршем двинулись от железнодорожного полотна, взяв направление на село Мосуры.

Как и раньше, в авангарде шел кавалерийский эскадрон в сопровождении связных: надо было расчищать путь. Это было тем более необходимо, что в этом районе царил сейчас полный хаос, повсюду бродили группы гитлеровцев, отставших от своих частей. Во многих селах стояли неприятельские гарнизоны.

Ночью мы вошли в село Мосуры, только что занятое нашими конниками. Внезапно передо мной как из-под земли вырос связной Мирошкин.

— Для нашей роты выделены квартиры, товарищ командир, я знаю, где они находятся, могу вам их показать и сдать, — четко доложил мне мальчик.

— А где расквартировались конники?

— Рядом с нами, товарищ командир. Для нашей роты выделены очень хорошие хаты, я сам выбирал, — с серьезным видом говорит мне маленький связной.

— Выходит, Вася, что ты у нас не только связной, но и квартирьер? — говорю я ему шутя.

— Да, да, так оно и есть, — отвечал мне Вася, прыгая на месте от холода.

— Ну, тогда веди нас, Вася, показывай дома!

Все роты и батальоны очень скоро расквартировались. Усталые партизаны могли наконец свободно вздохнуть. Минут через пятнадцать — двадцать все стихло. Смолкли голоса командиров на улице. Мороз крепчал. Наступившую тишину нарушал лишь отдаленный лай собак.

Я проснулся в семь часов утра. Жарко, словно я только что из бани вышел. Я встал, открыл ставни. Светает. На улице довольно оживленно, повсюду партизаны.

Кто-то стучит в дверь из соседней комнаты.

— Можно?

— Войдите!

Дверь отворилась. В комнату вошел священник огромного роста, с густой черной бородой.

— Да будет благословен ваш приход! — приветствовал меня священник.

Я встал и в свою очередь вежливо поздоровался.

Священник указал мне рукой на стул — садитесь, мол. Сели. Священник начал говорить.

— Я хозяин этого дома. Вчера вечером пришли ваши, попросили у меня комнату, я с удовольствием согласился.

Гитлеровцы, так те никогда нас не спрашивали, они прямо врывались в дома. Изверги и лгуны! Они говорили нам, что москвичи безбожники. А сами... сами повесили моего друга священника...

— За что его повесили?

— Обвинили его в связях с партизанами. Но разве для них важна вина... Они в нашей деревне убили много ни в чем не виноватых людей... Звери! Надругались над нашей верой, над нашей землей и народом... Но бог их накажет... Вот увидите, как жестоко покарает их бог.

Я не стал спорить со старым священником о боге. Но я сказал ему, что мы, партизаны — народные мстители, — сурово караем фашистов за все их злодеяния...

— Да поможет вам господь во всех ваших делах, — искренне сказал мне священник.

Через полчаса посыльный из штаба принес мне приказ об остановке в селении Мосуры на несколько дней для отдыха. Это было как нельзя кстати, так как нам необходимо было урегулировать тысячу разных мелочей, чего нельзя было сделать в пути. Мы ведь шли без отдыха от самых Сабичин.

В Мосурах соединение хорошо отдохнуло. Крестьяне угощали партизан горячим молоком и простоквашей. Мы же со своей стороны обеспечили население медикаментами и медицинской помощью.

Перед выступлением из Мосур состоялось общее собрание партизан. Вершигора зачитал радиограмму, только что принятую из Киева. «Передайте наш пламенный сердечный привет всем рядовым бойцам соединения, командирам и политработникам. Мы уверены в том, что ваш рейд в глубокий тыл противника окажет большую помощь нашей героической Красной Армии. Партия и правительство никогда не забудут ваших героических дел. Желаем вам больших успехов в предстоящих боях. Строкач, Ковпак, Базима».

Партизаны встретили эти слова громом аплодисментов и возгласами «ура».

Послышались возгласы:

— Да здравствует большевистская партия, да здравствует наше правительство!

Затем выступил с докладом Петр Петрович Вершигора. Этот доклад имел особое значение в боевой жизни нашего соединения. В нем был намечен путь преобразования нашего партизанского соединения в дивизию. Это был новый этап в нашей борьбе, качественно новая ступень, подготов-

ленная продолжительной работой руководителей нашего соединения. Именно поэтому в своем докладе Вершигора уделил большое место изложению и толкованию Полевого Устава Советской Армии. Докладчик зачитывал параграфы Полевого Устава и разбирал их на примерах нашей боевой практики.

И мы все, бойцы и командиры, ясно видели, как незаметно для нас самих наше партизанское соединение превратилось в крепкую регулярную боевую единицу, и в этом, как отмечал Вершигора, решающее значение имела дисциплина. Главным было точное и беспрекословное выполнение приказа командира. Если командир в сложные, критические минуты не имел указания свыше, то он должен был действовать самостоятельно, максимально проявлять свою инициативу. Командир не может оправдаться тем, что не имел приказа свыше. Он должен смело и решительно руководить вверенной ему воинской частью. Докладчик рассматривал с точки зрения Полевого Устава Советской Армии боевые действия каждого нашего батальона, каждой роты.

В целях повышения боеспособности частей Вершигора поставил перед каждым командиром задачу — изучить Полевой Устав 1943 года, недавно полученный нами с «Большой Земли». Это был боевой документ исключительной важности.

Затем Вершигора зачитал приказ, согласно которому в партизанском соединении были произведены значительные изменения. Этим приказом мой заместитель майор Дегтев назначался командиром одного из взводов кавалерийского эскадрона. На место Дегтева штаб назначил ко мне Сердюка.

В то время в девятой роте накопилось много заявлений бойцов и командиров, желающих вступить в ряды партии. Было созвано партийное собрание роты. В порядке дня стояли два вопроса: рассмотрение заявлений партизан, желающих вступить в партию, и усиление агитационно-пропагандистской работы среди населения. Мы приняли в партию командиров взводов Бокарева и Якова Декунова, пулеметчика Грамотина и других рядовых бойцов. Несмотря на напряженную боевую обстановку, партийная работа в партизанском соединении не ослабевала.

По второму вопросу было принято решение прочитать населению доклады, освещающие положение на фронтах, было решено также широко осветить роль и значение партизанского движения в условиях Великой Отечественной вой-

ны. Докладчиками были выдвинуты члены и кандидаты партии. Докладчики проводили беседы в домах крестьян.

Во время одной такой беседы крестьяне сообщили нам, что до нашего прихода над Мосурами часто пролетали вражеские самолеты, а в течение последних дней их совершенно не видно.

— Чуют, что здесь их свинцом угостят, потому и не летают, — заметил один из крестьян.

Но только он сказал это, как послышался отдаленный глухой гул.

— Легок на помине. Летит, гад.

Часовой на улице крикнул: «Воздух!» Партизаны схватились за оружие.

Пулеметчики замаскировались в разных пунктах села. Дула автоматов и винтовок устремились к небу. Опустели улицы, дворы, наступила абсолютная тишина. Гул моторов быстро нарастал, вот он слышен уже совсем близко. Вскоре над селом закружились три самолета.

— Та-та-та-та! — застрекотали пулеметы. Раздались залпы автоматов и винтовок.

Самолеты заметались. Два самолета взмыли вверх и вскоре скрылись в облаках. Третья же, более крупная машина продолжала свой путь. Вдруг она несколько раз сильно вздрогнула, из хвоста самолета вырвалась черная струя дыма, машина сильно накренилась, затем пошла на посадку. Послышался взрыв. Экипаж вражеского самолета успел выброситься на парашютах.

Приземлившись, гитлеровцы пытались бежать, но все были задержаны и доставлены в штаб.

Как только они переступили порог комнаты, то хором закричали: «Хайль Гитлер!» Мы рассмеялись. В этот момент Гитлер, вероятно, уже готовил себе яд, а они здесь орали «Хайль!»

Обнаруженные в карманах пленных летчиков документы давали исчерпывающую характеристику каждому из них. Один из пленных, Бениг, — старший офицер воздушного флота, национал-социалист, награжденный многими орденами и медалями; второй, по фамилии Штумфор, — бортмеханик, тоже член национал-социалистической партии; третий — Витер, награжденный многими орденами и медалями, в том числе железным крестом; четвертый — Линнер, радист, член гитлеровского союза молодежи.

Во время допроса пленных мы получили очень важные сведения, которые были немедленно переданы нами в Киев, в партизанский штаб.

Во время обыска у командира самолета Бенига была обнаружена металлическая пластинка овальной формы. На пластинке было нацарапано какое-то непонятное слово. Свет был очень слабый, и мы никак не могли разобрать, что за слово было написано на этой пластинке.

Вершигора очень заинтересовался пластинкой. Он долго вертел ее в руках. Затем он задумался и проговорил, передавая пластинку переводчику:

— Я еще никогда не встречал у пленных подобного предмета. А ну-ка, спросите его, какое назначение имеет эта пластинка, что это за надпись?

Бениг усмехнулся и сказал только одно слово: «Ковпак».

Мы не верили своим ушам. «Ковпак?» — несколько раз повторили находившиеся в комнате партизаны. «Да, Ковпак», — повторил гитлеровец. Мы снова стали рассматривать пластинку, и наконец сами разобрали, что на ней было вырезано по-немецки слово «Ковпак».

На вопрос, что это значит, Бениг рассказал следующее:

«В апреле 1943 года я получил задание подвергнуть бомбежке береговую оборону партизанского отряда Ковпака на реке Припять. В те дни соединение Ковпака уничтожило бóльшую часть нашей речной флотилии.

Я вылетел на выполнение задания. На рассвете я достиг большого белорусского села Аревичи. Находящиеся в этом селе партизаны открыли по самолету ожесточенный огонь. Я получил ранение в плечо и еле сумел довести самолет до аэродрома. Я с большим трудом посадил самолет. С аэродрома меня отвезли прямо в госпиталь. Там у меня извлекли из плеча пулю. И вот я в память об этом бое с партизанами превратил извлеченную пулю в пластинку и вырезал на ней памятное для меня слово — «Ковпак».

Мы с интересом выслушали рассказ пленного гитлеровца. Перед нами стоял «старый знакомый», уже раз битый нами фашист, командир воздушного корабля Бениг.

Командование начало выяснять, какая рота сбила сейчас самолет Бенига. Детальный опрос пленных показал, что самолет был поврежден пулеметным огнем, который велся со стороны укрытия нашей главной разведки. Таким образом, было установлено, что самолет сбил заместитель командира разведки соединения лейтенант Семченок.

X

Пятой роте под командованием Ларионова удалось на железнодорожной магистрали Луцк — Владимир-Волынский пустить под откос груженный военным снаряжением вражеский эшелон. Рота захватила богатые трофеи.

Моя рота тоже была направлена на проведение диверсий на этой железнодорожной магистрали. Предстояло покрыть значительное расстояние: мы должны были пройти через села Ставул, Галки, Ягодно, Сородины, Охениж и занять позицию на восток от этого села.

Необходимо отметить, что в этот период противник, опасаясь нападения партизан, избегал ночных перевозок. Даже днем эшелоны шли буквально черепашьим шагом. Я разместил взводы своей роты в густом лесу, вблизи железнодорожного полотна, и принял все необходимые меры для лучшей маскировки. Было очень холодно. Я не хотел возвращаться в штаб с пустыми руками и потому устроил также засаду и на шоссейной дороге, на которой были видны следы автомашин. Можно было ожидать, что с утра противник возобновит движение по этой дороге. Часть бойцов засела в укрытии у сгоревшего моста через реку Турия.

Ко мне подошел политрук роты Тоут и сказал:

— Товарищ командир, противника не видно, какой смысл имеет наше пребывание здесь, бойцы совсем замерзли. По моему мнению, нам следует уйти отсюда.

— Нет, Иосиф Иосифович, вы не правы. Ведь мы же не вызывали сюда врага на определенный час. В данный момент никого не видно, а через час враг может появиться. Правда, очень холодно, нелегко сидеть на одном месте в такую стужу, но ведь нам не привыкать к трудностям! Где наш завхоз, позовите его ко мне.

Через несколько минут передо мной вытянулся Николай Боголюбов.

— Коля, видишь, — говорю я ему, — очень холодно, замерзаем. Необходимо принять меры.

Боголюбов сразу догадался, какие меры я имею в виду. Я все же сказал ему конкретнее:

— Открой бочку и угости ребят. Каждому дашь по сто граммов. Выдай также свиное сало и хлеб.

— Есть, товарищ командир! — ответил Боголюбов и побежал выполнять приказ.

Партизаны согрелись, повеселели.

Ко мне подбежал связной Тоута и доложил:

— В направлении Владимира-Волынского показались автомашины.

— Ждите моего приказа, — передал я по взводам.

Автоколонна противника подошла к реке. Обнаружив, что мост через Турию поврежден, гитлеровцы решили переправиться по льду. Легковые машины немцев перешли без всяких осложнений на наш берег. Благополучно перебрались и десять грузовиков. Однако под одиннадцатым грузовиком лед провалился, и машина стала погружаться в воду. Мы наблюдали из укрытия за этой картиной, ребята едва сдерживались — хотелось ударить по врагу. Я не торопился, ждал, пока все машины переберутся на этот берег.

Когда наступил нужный момент, мы одновременно со всех сторон оцепили колонну. Часть фашистов мы уничтожили, одну легковую машину забрали с собой, а остальные подожгли. Двенадцать человек взяли в плен.

В этом бою партизаны проявили большую храбрость, особенно отличились политрук Тоут, командир взвода Бокарев и санитарка Вера Булава, которая захватила в плен двух гитлеровцев, причем это она успела сделать после того, как оказала медицинскую помощь всем раненым партизанам.

Один из приведенных Верой пленных сразу привлек наше внимание. Он стоял не поднимая головы. Переводчик, закончив допрашивать остальных, подозвал его к столу.

— О чем вы задумались? Переживаете свое пленение?

— Мне очень многое нужно вам сказать! — ответил пленный. — Но, к сожалению, вероятно, я ничем не смогу доказать вам свою искренность.

Переводчик внимательно посмотрел на пленного.

— Говорите, мы вас слушаем.

— Если вы имеете возможность и если это вообще допустимо, то отправьте меня в Москву, там разберутся, кто я такой. Я не враг.

— Зачем же откладывать это до Москвы, мы и здесь сможем разобраться. Мы, партизаны, умеем хорошо отличать врагов от друзей. В этом можете на нас положиться!

— Я буду очень рад, если вы выслушаете меня.

— Говорите обо всем, что вас беспокоит, будьте откровенны.

— Я с самого же начала ненавидел гитлеровский режим, я никогда не сочувствовал ему. Я много читал о вашей стране и всем своим существом верил в правильность и ве-

личие вашего строя. Но у меня не было возможности выступить с оружием в руках против Гитлера. Ах, с каким бы удовольствием боролся я против этого проклятого режима. Если бы я попал на передовую, то давно сумел бы перейти на сторону Советской Армии. Но я все время находился в тылу. Что можно там сделать! И вот теперь я попал в плен, вернее, я не попал в плен, я по собственному желанию перешел к вам. Что это в действительности так, может подтвердить моя винтовка: во время стычки с вами я не сделал ни одного выстрела. Я прошу осмотреть мое оружие, и тогда вы убедитесь в моей искренности. Я был бы больше рад, если бы меня захватила в плен регулярная часть. Они отправили бы меня в тыл и там основательно изучили бы, — снова повторил пленный.

— Изучить вас можно и здесь, напрасно вы считаете нас такими беспощадными!

— Я вовсе не имел в виду беспощадность; я повторяю, вы партизаны, боретесь в глубоком тылу противника и вполне естественно, что у вас нет ни времени, ни возможности для изучения каждого пленного. Не думайте, что я говорю все это из страха, — человек ведь умирает только один раз.

— Мы не можем сейчас вам твердо сказать, что абсолютно верим вам. Но знайте, вашей жизни не угрожает никакая опасность, мы все изучим, проверим вас.

— Я больше ничего не прошу у вас.

Я взял пленного в свою роту. Он держал себя хорошо. В одном бою он дубиной убил гитлеровца, снял с него автомат и принес мне. Мы доверили ему добытый им автомат. Фамилия пленного была Виллет. Он находился в моей роте вплоть до расформирования партизанской части.

Виллет с особым уважением относился к Вере Булава, которая помогла ему стать на путь борьбы с фашизмом.

— О, у вас такие храбрые женщины! — с восхищением говорил Виллет.

Я ответил ему, что мы гордимся мужеством и отвагой наших партизанок.

О многих из них я уже рассказал на страницах своей книги, но сейчас, когда я пишу эти строки, мне вспомнилась одна из самых смелых партизанок нашего соединения Женя Кудрявская. Отец Жени, Василий Моисеевич Кудрявский, был командиром четвертого батальона нашего соединения. Он особенно отличился во время Карпатского рейда.

Все члены семьи Кудрявского были партизанами. Трудно

описать те муки и страдания, какие причинили гитлеровцы этой семье патриотов, но врагам не удалось сломить их воли к борьбе.

При первом взгляде на Женю невозможно было представить, что эта девушка прошла через огонь сражений. Внешне она вовсе не походила на военного человека. Застенчивая, нежная, она, казалось, была создана только для спокойной и тихой жизни.

Как-то раз во время привала я не сдержался и поделился с Женей своим впечатлением о ее внешности:

— Когда я смотрю на тебя, Женя, то невольно вспоминаю довоенное время. Каждый, кто посмотрит на тебя, непременно подумает, что ты не только не нюхала пороха, но даже и винтовки никогда в глаза не видела.

— Неужели я оставляю такое впечатление! Вы мне первый говорите об этом, — удивилась Женя, и помолчав немного, добавила: — Я девять месяцев провела сначала в застенках гестапо, а потом в концентрационном лагере!

— Прости меня... Я не знал...

— Я не люблю вспоминать эти дни. Вот, если хотите, просмотрите мои документы. Они вам лучше расскажут обо всем.

Девушка достала из своего кармана какую-то потрепанную бумагу и протянула ее мне.

— Прочитайте, — сказала она.

Я развернул бумагу и стал читать вполголоса:

«Настоящая справка выдана Евпраксии Степановне в том, что она является женой командира Кролевецкого партизанского отряда Василия Моисеевича Кудрявского и матерью секретаря нелегальной комсомольской организации Евгении Васильевны Кудрявской. Товарищ Кудрявская является также матерью двух сыновей, которые сражаются на фронте. Евпраксия Кудрявская, ее старшая дочь Евгения и младшая дочь—пятилетняя Нина в течение девяти месяцев находились в заключении в Кролевецкой тюрьме. Гитлеровцам было хорошо известно, что пленная является женой командира партизанского отряда, за что гитлеровцы подвергали ее особенно жестоким пыткам и издевательствам. С нее сняли показания лишь накануне отправки в Германию. В день отправки Евпраксия Степановна с ее двумя дочерьми была освобождена из тюрьмы партизанами». Документ был подписан и соответствующим образом заверен.

Я сложил бумагу и передал ее Жене.

— Интересно, кто руководил теми партизанами, которые вызволили вас из фашистского плена? — спросил я Женю.

— Мой отец!

Я очень заинтересовался этой историей и попросил Женю рассказать подробнее о ее жизни.

— Ладно, — сказала она после некоторого колебания, — я расскажу вам все.

— Перед началом войны я училась в девятом классе. Училась я прилежно, каждый год переходила в следующий класс с похвальной грамотой. Я любила стихи Ивана Франко и Леси Украинки... Очень много стихов я знала наизусть...

Я была слабенькой и впечатлительной девочкой. При виде крови мне становилось дурно, а на покойника я и вовсе не могла взглянуть. А вот теперь я убила тридцать шесть фашистов, у меня и в дальнейшем не дрогнет рука. Это потому, что я теперь хорошо знаю: гитлеровец — убийца женщин и детей, людоед. А значит уничтожение его — это доброе дело, справедливое дело.

Когда гитлеровцы заняли Сумскую область, мой отец был назначен командиром партизанского отряда. Я и мать остались в Кролевце в качестве связных партизанского отряда, которым командовал отец. В это время я организовала в Кролевце нелегальную комсомольскую группу. Я ходила в лес, якобы по грибы, а сама носила в корзине револьверы, ручные гранаты и передавала их по назначению. Фашистам тогда была уже известна деятельность партизанского отряда моего отца. Вскоре к нам нагрянула полиция. Меня, маму и маленькую сестру Нину арестовали и отправили в тюрьму. С этого дня начались наши муки, непередаваемые страдания. Я не испугалась гестаповских палачей. Я твердо решила не склонять голову перед этими разбойниками...

Девушка замолчала, провела рукой по лбу; ее увлекли мысли, она словно позабыла, что рассказывала мне.

— Женя, в тюрьме тебя били? — спросил я ее. Девушка недоуменно посмотрела на меня.

— Конечно, били. Что за вопрос. И меня, и маму, и Нину. Они клали руку маленькой Нины в дверную щель и захлопывали дверь. Девочка кричала от нестерпимой боли. Ей делалось дурно, она просила помощи. Но что вы могли сделать, когда нас самих беспощадно истязали. — Женя встала и сказала громко: — Клянусь всем, что только есть святого у человека, клянусь именем своей родины, что во время пыток я не проронила ни одной слезы, не произнесла ни одного слова. Ведь я и мама знали все! Вскоре нам удалось установить связь с партизанами.

В одну прекрасную ночь, — эта ночь была действительно прекрасной, — в нашу камеру ворвалось несколько вооруженных. На них была форма эсэсовцев. Офицер бросился ко мне. Я взглянула на него и чуть не вскрикнула от удивления: я узнала отца. Узнала его и мать.

Мы с мамой молча переглянулись. Вооруженные с грозным видом приказали нам встать и следовать за ними. Они вывели узников и из других камер. Папа и сопровождавшие его переодетые партизаны делали вид, что ведут нас на расстрел. Они бросили всех нас в грузовую машину и понеслись в лагерь партизанского отряда. Я не знала, что мне делать от радости. Я то плакала, то смеялась.

Вскоре маму и Ниночку отправили самолетом на «Большую Землю», в Москву. Я же осталась с отцом и вступила в партизанский отряд. Вот и все.

— Как все? Расскажи, как ты начала партизанить, расскажи о твоем боевом крещении, — попросил я.

— Семь месяцев я числилась бойцом в отряде. Сначала мне дали большое ружье, что «драгункой» зовут. С ним я и начала свою боевую партизанскую жизнь. Потом я добыла себе «карабин». Вскоре я стала пулеметчицей. Одновременно я изучила и миномет.

— Наверное, тебе было страшно в первом бою?

— Да, я очень волновалась в первом бою, но старалась преодолеть страх. После этого я уже всегда владела собой во время боя. Прошло семь месяцев, и нам, партизанкам, приказали работать санитарками. Сначала мы обиделись, — нам хотелось сражаться в рядах бойцов. Но скоро нас увлекла новая работа. Я многим раненым бойцам оказала медицинскую помощь на поле боя. Тогда я поняла, что санитар — тот же боец. Вот этот орден я получила за взрыв моста. Наша группа одновременно со взрывом моста уничтожила вражеский броневик и танк. Ну, а остальное вы сами знаете.

XI

Когда после выполнения боевых заданий все роты возвратились в Мосуры, мы начали подготовку к выступлению. Для расчистки пути Вершигора выслал четвертый батальон под командованием Токаря. Он должен был также детально изучить расположение войск противника. Для этого четвертый батальон должен был перейти железнодорожное полотно, а затем шоссейную дорогу, как раз в том месте, где

моя рота за несколько дней до этого разгромила вражескую автоколонну. Токарь должен был разведать укрепления противника, охрану железнодорожной магистрали Луцк — Стоянов, собрать красноармейцев, бежавших из концентрационных лагерей и скрывающихся в окрестных селах. Этими силами он должен был пополнить свой батальон. Местное население охотно укрывало советских бойцов. Скрывающиеся красноармейцы с нетерпением ждали появления партизан, так как они мечтали поскорее с оружием в руках продолжать борьбу с врагом. Ушедший вперед Токарь должен был поддерживать связь с соединением с помощью радио, а затем ждать подхода главных сил в селе Ревушка. В случае же, если бы рация отказала и батальон потерял бы связь с соединением, Токарь должен был установить связь с партизанским отрядом Иванова. Партизанский отряд Иванова занимал в то время такое местоположение, что Токарь сравнительно легко мог установить с ним связь.

Вершигора потому направил вперед именно Токаря, что надеялся на его богатый боевой опыт и беззаветную храбрость.

Токарь был замечательный воин, решительный и смелый. Наряду с этими весьма положительными качествами у него был один существенный недостаток. В процессе боя, увлеченный, он нередко забывал о том, что в наших условиях необходимо было беречь боеприпасы. Когда сопротивление врага сломлено и он бежит, то уже теряет всякий смысл беспорядочная стрельба. А это как раз было характерно для бойцов Токаря.

Это обстоятельство влекло за собой плохие последствия: скрывшийся из глаз противник собирался с силами и сам переходил в атаку. В таких случаях Токарь часто попадал в критическое положение, так как его бойцам приходилось снова заряжать автоматные диски, на что требовалось значительное время. Враг же пользовался этим и теснил батальон.

Вершигора, отправляя вперед Токаря, указал ему на этот его недостаток.

Находясь в Мосуре, мы не теряли времени даром: круглые сутки работали кузницы, были отремонтированы все подводы и сани, заготовлена новая сбруя. Партизаны хорошо использовали местные бани, привели в порядок белье и верхнюю одежду.

Двадцать первого января выдалось морозное утро. Когда я пришел в штаб, Вершигора сказал мне:

— Твои земляки пришли к нам в гости, Давид. Вон они там, — указал он на соседнюю комнату. Я открыл дверь. Под-

нялись три вооруженных с ног до головы молодых человека и приветствовали меня.

— Кто вы? Откуда вы пришли? — спросил я их.

— Мы местные партизаны, — последовало в ответ.

— Вас только трое?

— Нет, наш отряд состоит из семидесяти шести человек. Он стоит в соседнем селе. Ваши разведчики были у нас, они нам и сообщили о пребывании в Мосурах вашего соединения. Мы очень обрадовались и пошли сюда вместе с вашими разведчиками.

Вершигора направил разведчиков за остальными партизанами этого отряда. Я сюда заговорил с гостями.

— Откуда вы, ребята? — спросил я.

— Мы из Закавказья. Армяне.

— А как вы сюда попали?

— Нас двадцать один человек. Вероятно, вам известно, что гитлеровцы создали национальные концентрационные лагери. Нас, армян, поместили вместе. В одну темную ночь мы разрезали проволочные заграждения и бежали. Мы долго скрывались по селам, крестьяне очень тепло принимали нас, ухаживали за нами, оберегали нас.

— Мы трое являемся организаторами побега, — сказал жгучий брюнет среднего роста. — Вот это Ованес Петян, доцент Ереванского университета, а это Антон Погосов, до войны он работал в Госконтроле Азербайджана. Я же Серго Арутинов.

— А вы сами откуда? — спросил я Арутинова.

— Я тбилисец, по профессии педагог. До войны я был инспектором Тбилисского отдела народного образования. В первые же дни войны был призван в ряды Советской Армии. Участвовал в боях на Керченском полуострове. Там был тяжело ранен и попал в плен. Меня вместе с другими пленными переслали на Украину; здесь нас поместили в концентрационный лагерь, где мы создали подпольную партийную организацию. Она и организовала наш побег. Затем мы создали партизанский отряд, который стал быстро пополняться. В нашем отряде, кроме армян, имеются русские, белорусы и грузины.

— Вы хорошо вооружены?

— Не плохо.

— Кто вас снабдил оружием?

— Оружие у нас все трофейное.

— Вероятно, ваш отряд имеет командира? Не скажете, как его фамилия?

— Я командир отряда, — ответил мне Арутинов.

— Да, Серго наш командир, — подтвердил его слова Погосов.

— Как вы обходились с питанием?

— Нас выручало местное население и трофеи.

В это время подошел отряд Арутинова.

Прибывшие партизаны выглядели очень хорошо, ребята были как на подбор.

Вершигора повел Арутинова к себе.

— Как я понял вас, товарищ Арутинов, вы хотите присоединиться к нашему соединению. Добро пожаловать! Будем громить врага объединенными силами, дадим почувствовать гитлеровским разбойникам силу партизанского удара.

— Я давно ищу ваше соединение, товарищ командир, о ковпаковцах ведь сегодня говорит вся Украина и Белоруссия. Для нас стало заветной мечтой объединение с вашим отрядом. Ну, вот мы наконец и достигли этой цели. Мы становимся членами вашей большой партизанской семьи, — сказал Арутинов.

Вершигора отдал приказ о зачислении вновь прибывших партизан в наше соединение.

Затем состоялось оформление присоединившихся к нам партизан в самостоятельную роту. Для того чтобы была соблюдена положенная для роты норма бойцов, пришлось влить в нее некоторое количество бойцов из других подразделений. Командиром новой роты был назначен Арутинов.

После митинга я получил приказ о высылке группы разведчиков. Я вызвал командира группы разведчиков роты, по прозвищу «Спокойный».

— Товарищ «Спокойный», — говорю я командиру разведчиков, — срочно подготовьте свою группу, надо будет произвести разведку железной дороги и станции. Установите, когда в последний раз был в этом районе противник, подробно разведайте, где и какая оборона создана гитлеровцами в течение последних дней.

— Есть, товарищ командир! — пробасил мне в ответ «Спокойный».

Отправив разведчиков, я принялся изучать карту. В это время открылась дверь и в комнату вошел всегда веселый и жизнерадостный командир разведроты штаба соединения — Роберт Клейн. От товарищей я не раз слышал рассказы о замечательных подвигах этого человека и теперь, пользуясь тем, что мы стоим на отдыхе, попросил его рассказать о себе.

Немец по национальности, Роберт Клейн родился в Советском Союзе, двенадцать лет прослужил в Советской Ар-

мии, где вступил в ряды Коммунистической партии. Во время Отечественной войны Клейн несколько раз попадал в окружение противника, но ему удавалось вырываться из когтей врага. В конце концов Роберт Клейн остался в тылу врага и присоединился к партизанскому отряду Тканко. Инициативный, смелый и изобретательный Клейн перед боем обычно надевал немецкую офицерскую форму. Гитлеровцы не могли отличить его от настоящего немецкого офицера. Клейн успешно пользовался этим. Он свободно разгуливал в расположении неприятельских войск. Улучив минуту, он уничтожал вражеские автомашины. Особенно отличился Роберт Клейн во время ожесточенных боев, развернувшихся на подступах к Днепру.

Как только Советская Армия приблизилась к берегам Днепра, Тканко и Клейн перешли на левый берег реки. Зная, что сюда скоро прорвутся советские танки, они решили принять соответствующие меры. Друзья решили оказать помощь идущим с востока советским танкистам. Клейн и Тканко учли даже то обстоятельство, что танкисты могли израсходовать весь запас горючего, и они сумели заготовить к их подходу необходимое количество горючего. Вскоре действительно показалась колонна советских танков, Клейн и Тканко радостно бросились им навстречу. Встреча танкистов и партизан была теплой. Запас горючего, заготовленный Тканко и Клейном, оказался как нельзя кстати. Танкисты пополнили свои запасные баки и стали думать о том, как бы сорвать переправу вражеских войск через Днепр. Тканко и Клейн предложили свой план и немедленно приступили к его осуществлению. Сущность этого плана заключалась в том, что надо было обмануть противника и любой ценой задержать его на левом берегу Днепра, не дать ему возможности форсировать реку и тут же его уничтожить.

Для осуществления этого плана Клейн переоделся в форму немецкого полковника, а Тканко — в форму шофера. «Полковник» и «шофер» направились в легковой машине к реке. Машина остановилась у переправы. Клейн спокойно вышел из машины и громко приказал «шоферу» поставить машину в стороне от дороги. Тканко немедленно выполнил приказание «полковника». В это время подъехала грузовая машина, в которой находились хорошо вооруженные партизаны, одетые в форму немецких солдат. Они составляли охрану «полковника».

Так начался этот удивительный «спектакль» на берегу Днепра. Клейн и Тканко так прекрасно исполняли свои роли, что у гитлеровцев не было в отношении их никакого подозрения.

«Полковник» потребовал к себе офицера, руководившего переправой через Днепр, тот немедленно явился. Клейн приказал ему не пропускать ни одной машины на противоположный берег. Находящимся у переправы немецким войскам он велел окопаться и ждать дальнейших приказаний. В это время партизаны, сопровождавшие Клейна, заняли переправу через Днепр и преградили путь гитлеровцам. Партизаны не подпускали к себе немецких офицеров и солдат. Как только кто-нибудь из них приближался, они брали автоматы на изготовку и до хрипоты кричали заученное немецкое слово «Цурюк! Цурюк!» («Назад! Назад!»). Вскоре подошли новые колонны отступающих танков и автомашин и стали готовиться к переправе на другой берег. Клейн решительным шагом направился к офицеру, руководившему переправой, и во весь голос закричал:

— Приказываю именем фюрера: ни одна машина, ни один солдат не должны переправиться на правый берег Днепра... это ведь трусливое бегство, господа офицеры! Фюрер уполномочил меня передать вам, что он недоволен вашими действиями...

Немецкий офицер беспрекословно подчинился приказу Клейна; а войска продолжали непрерывно прибывать. Вскоре начался настоящий хаос, все перемешалось, машины лезли одна на другую, пехотинцы и танкисты отчаянно бранились между собой. В это время к месту переправы подъехал на легковой машине гитлеровский генерал. Увидев царивший здесь беспорядок, он пришел в ярость. Приказ главного командования гитлеровцев требовал безостановочной переправы войск на правый берег Днепра. А здесь кто-то нарушил этот приказ командования и этим самым поставил отступающую немецкую армию перед неизбежной катастрофой.

Когда генерал установил, кто виновник всей этой кутерьмы, он бросился к Клейну.

— Вы предатель! Вы погубили всю армию!

— Ошибаетесь, господин генерал! Я уполномоченный фюрера, и я не позволю вам говорить со мной таким тоном. Приказываю именем фюрера: подчиняйтесь моему приказу— задержите отступление армии!

— Вы предатель, а не уполномоченный! Я расстреляю, я повешу вас! — продолжал кричать взбешенный генерал.

— Именем фюрера! — воскликнул Клейн, выхватил револьвер и выстрелил в упор в генерала. Тот упал, сраженный наповал.

После этого гитлеровцы окончательно поверили, что Клейн действительно уполномоченный Гитлера. С каждой ми-

нутой положение осложнялось. Клейн и Тканко под предлогом осмотра позиций на противоположном берегу поспешно покинули переправу.

Дело было сделано. Советское командование было в курсе этой операции. Вскоре появились наши самолеты и стали бомбить столпившиеся у переправы войска противника.

За смелое осуществление этой операции Клейну и Тканко было присвоено звание Героев Советского Союза.

* * *

Мои разведчики возвратились без опоздания, с собой они привели двадцать пять советских бойцов, бежавших из плена и скрывавшихся у местных крестьян. Таким образом, мое подразделение получило новое пополнение; по количеству бойцов оно теперь почти достигало состава батальона.

Вечером 24 января 1944 года я сидел у теплой печи и делал записи в своем дневнике. Кто-то постучал в дверь. Вошел связной и доложил, что меня вызывают в штаб. В штабе я узнал, что командование получило сведения о том, что противник готовится к нападению на наш лагерь. Необходимо было принять срочные меры. Соединение в эту же ночь покинуло Мосуры. В первый же день мы достигли железнодорожной магистрали Ковель — Владимир-Волынский. Здесь мы узнали, что около близлежащего села Туропинэ стоит неприятельский поезд, который задержался из-за повреждения железнодорожного полотна. Туда немедленно была направлена группа бойцов, которая истребила охрану и захватила поезд. По дороге мы обследовали все окрестные села, разгромили несколько небольших вражеских гарнизонов.

Во всем крае было только и разговоров о том, что «партизаны Ковпака железной метлой изгнали из всех селений гитлеровцев и их прихвостней — полицейских».

Крестьяне обычно принимали Вершигору за Ковпака. Их вводила в заблуждение длинная борода Петра Петровича.

XII

Враг сосредоточил теперь все свое внимание на охране железных дорог. Почти прекратилось на них ночное движение поездов. В некоторых местах железнодорожная линия была обнесена с обеих сторон тремя рядами колючей проволоки: почти через каждые пятьдесят метров были возведены сторо-

жевые будки. Несмотря на все эти меры, нам, партизанам, все же удавалось прорывать оборону противника, минировать железную дорогу и разрушать полотно.

Когда мы подошли к одному из переездов через железнодорожную магистраль Ковель — Владимир-Волынский, наше соединение наткнулось на решительное сопротивление противника. Мы должны были во что бы то ни стало пересечь железнодорожную линию; по-видимому, противнику стало известно наше намерение. Гитлеровцы стянули к переезду крупные силы. Наши разведчики своевременно обнаружили скопление сил неприятеля, и мы продолжали продвигаться дальше с большими предосторожностями. Как только партизанская колонна подошла вплотную к переезду, противник открыл из укрытий огонь. Партизаны ответили. Вскоре гитлеровцы были выбиты из укрытий и мы начали поспешно переходить железнодорожное полотно. Сани налетали на сани. Лошади спотыкались на покрытой льдом дороге и часто падали. Морды несчастных животных были окровавлены. Партизаны тотчас же поднимали перевернувшиеся сани. В спешке и суматохе они, конечно, не успели подобрать все вещи, вывалившиеся на землю.

Вокруг стоял сплошной гул, стрекотание пулеметов сливалось с завыванием мин. В этом бою особенно отличились наши пулеметчики: два казанских татарина — Ибрагим Рисмагомед и Хайталив Сагирма.

Моя рота благополучно миновала переезд. Отдалившись на некоторое расстояние от этого места, усталые бойцы сбавили шаг. Я обошел партизан, все были налицо, за исключением Виллета. «Где Виллет?» — спросил я бойцов. Пожилой партизан ответил мне: «У Виллета, товарищ командир, на самом переезде опрокинулись сани, он ведь ехал в самом хвосте роты. Мешки с мукой, ящики с провизией вывалились на землю, он, бедняга, суетился вокруг саней, кричал, просил помочь ему. В этой суматохе я так и не заметил, помогли ему или нет».

Меня очень огорчила история с Виллетом, я невольно подумал: «А вдруг Виллет попадет в руки гитлеровцев. Несдобровать ему тогда, бедняге. Я тотчас же отправил на поиски Виллета группу бойцов. Противник открыл по партизанам сильный огонь, и они были вынуждены возвратиться ни с чем.

Мы продолжили путь. Вскоре нам встретилась небольшая река. Часть бойцов благополучно перешла на противоположный берег. Но затем лед провалился, и мне вместе с ребятами пришлось выкупаться в ледяной воде.

Мы с трудом выбрались на другой берег и продолжили путь. После ледяной ванны все дрожали от холода. Бойцы невольно вспомнили свои дома, мечтали о горячей печи, о тепле и уюте. Завязалась беседа.

— Вася, — обратился один партизан к своему другу, — помнишь, что нам сказал однажды вечером Базима, когда вспомнил о своих сыновьях, участниках Отечественной войны? Да, он может гордиться! Вся его семья сражается с врагом...

— Как же, — ответил Вася. — Неужели мне не придется больше увидеть Базиму?

Слушая партизан, я тоже стал думать о Базиме. Помню, как Базима иногда бросал свою ручку, садился между бойцами и заводил задушевную беседу. Он знал, как никто другой, душу партизан, их чаянья и стремления. В нужную минуту одно его слово могло окрылить, подбодрить человека, влить в него новые силы, вселить веру в победу.

— Я вырастил пятерых детей, друзья: двух сыновей и трех дочерей, — начал однажды усевшийся в тесном кругу партизан Базима, — старший сын Петр, лейтенант, в нынешнем году в одном бою был тяжело ранен в обе ноги. В настоящее время он инвалид. Второй, восемнадцатилетний юноша, комсомолец Володя, вступил в ряды Советской Армии добровольцем. Он погиб героем во время одной из атак против врага. Володя был умный, смышленный мальчик, вежливый, смелый, перед самой войной он готовился к вступительным экзаменам в высшее учебное заведение. Трудно терять сына, но боль смягчает сознание того, что мой сын отдал жизнь за счастье родины. Я горжусь своим погибшим сыном. Не все умирают одинаково, друзья!.. Одни люди умирают физически, но оставляют после себя светлое имя и память, такие люди бессмертны. Горе тому, кто при жизни вычеркнут из списков живых, это ведь хуже смерти.

Базима глубоко вздохнул. Партизаны сочувственно переглянулись.

— Дочь моя Марина, член партии, служит радисткой на одной из зенитных батарей, — продолжал Базима. — Она награждена орденами и медалями. Вторая моя дочь, Ольга, — медсестра, она тоже с первых дней войны находится на фронте, я давно не имею о ней никаких известий. Жена вместе с младшей дочуркой находится на «Большой Земле».

Базима замолчал и поднялся.

— Ну, что, друзья, не надоел я вам своим длинным рассказом?

— Напротив, мы с большим интересом слушали вас.

— У меня тоже, товарищ Базима, два сына воюют. Давно я ничего не знаю о их судьбе, — сказал пожилой партизан.

— Желаю обоим твоим сыновьям здоровья и благополучия, — ответил старику Базима.

Вот и теперь, когда партизаны заговорили о доме, о родных и близких, все мы невольно вспомнили Базиму.

Наше соединение к этому времени уже имело свою историю, свои боевые традиции, большой опыт; все это облегчало ведение боевых действий, преодоление встречающихся трудностей. Попав в сложную обстановку, мы вспоминали уроки прошлого, вспоминали мудрые советы Ковпака, Руднева, Базимы. Они воспитали наших бойцов, привили им навыки, необходимые советским воинам. Ковпак всегда заботился об укреплении дисциплины, он старался воспитать каждого бойца храбрым, способным ориентироваться в любой боевой обстановке, принимать правильное решение в самых сложных условиях. Ковпак не терпел как паникеров, так и болтунов и хвастунов. Деду очень не нравилось, когда партизан, желая возвеличить себя, «немного прибавлял» к рассказу о своих боевых делах. Ковпак не терпел обмана, он ястребом налетал на лгуна и публично стыдил его. Однажды Ковпак сказал одному командиру, любившему прихвастнуть:

— Ты, товарищ Петров, хороший командир, но иногда у тебя обнаруживаются качества завзятого охотника, который, убив воробья, говорит, что убил фазана; охотясь на уток, говорит, что перестрелял лебедей; если он убьет одного зайца, то непременно начинает хвастать, что убил не менее четырех зайцев... Ну, а теперь давай обсудим твой рапорт. — Ковпак поправил свои очки и начал громко читать: — «Мы сильно потеснили врага, а затем рассеяли его и обратили в бегство. На поле боя противник оставил восемьдесят пять человек убитыми и сто одиннадцать человек ранеными». А враг ведь в этом бою не имел и половины этого количества солдат! — сказал Ковпак хвастливому командиру и строго посмотрел ему в глаза.

Но таких хвастунов-командиров насчитывались в нашем соединении единицы. Да и те, боясь Ковпака, вскоре перестали сообщать преувеличенные данные.

XIII

Соединение беспрепятственно продолжало свой путь, противник пока не встречался. Вскоре мы достигли села Пше-

славич, где штаб и некоторые подразделения стали на отдых. Мою роту разместили в селе Старый Порецк.

В это время Украинский партизанский штаб прислал нам приказ, согласно которому все партизанские отряды, действующие на территории Украины, должны были осуществлять боевые операции по одному общему плану, объединенными силами. Этот приказ касался, в частности, отрядов Сабурова, Наумова, Щитова и Маликова.

Ближе всех от нас находился отряд генерала Наумова. Мы установили с ним связь и дальнейший путь на запад продолжали вместе. Мы установили также тесную связь с другими партизанскими отрядами. Если мы теряли связь с каким-нибудь партизанским отрядом, то немедленно запрашивали по радио Украинский штаб и получали оттуда точные сведения относительно местонахождения этого отряда.

В то время мы действовали примерно в ста пятидесяти километрах от линии фронта, т. е. в прифронтовой зоне. Немецко-фашистские войска отступали под натиском Советской Армии, и наша задача на тот период заключалась в том, чтобы наносить удары по бегущим войскам противника.

Вершигора четко сформулировал эту задачу на совещании командного состава. «Будем бить фашистов в хвост и в гриву», — сказал он, отпуская нас. Мы вышли из штаба и увидели, что по дороге несколько крестьян ведут какого-то военного. За этой группой двигались груженные чем-то сани.

Партизаны сразу узнали этого военного.

— Виллет, Виллет! — закричали бойцы. Виллет шел тяжелым, размеренным шагом. Первым к нему подбежал маленький Мирошкин.

«Что это за крестьяне?!» — подумал я про себя.

Как выяснилось, отставший от роты Виллет вошел в одно село, и так как он владел только немецким языком, то стал спрашивать крестьян: «Командир георген, командир георген», т. е. — я хочу командира грузина. Крестьяне без труда опознали в нем немца, схватили его и повели в партизанский штаб.

Узнав о происшедшем, партизаны развеселились. А Виллет, увидев меня, закричал: «Командир георген», и бросился ко мне.

С помощью переводчика Виллет рассказал о своих злоключениях.

— При переезде через железнодорожное полотно мои сани перевернулись, — начал он, — я стал звать на помощь, но вокруг стоял такой шум, что меня никто не услышал. Я вы-

ровнял сани и стал собирать груз; мне было жаль оставлять мешки с мукой, я не хотел, чтобы они попали в руки гитлеровцев. Под сильным обстрелом я не потерял даже коробки спичек. Я уложил все на сани и двинулся дальше. Но к этому времени наша часть уже скрылась из виду. Я остался один и стал колесить вокруг железной дороги, стремясь напасть на след соединения. Мои клячи так устали, что еле передвигали ноги. Я окончательно потерял надежду обнаружить вас.

Наконец я добрался до одной деревни. Я стал расспрашивать крестьян, но они, конечно, меня не поняли.

«Гитлеровец, фашист!» — стали кричать крестьяне, схватили меня и повели. К счастью, они привели меня к вам.

Теперь я ни на шаг не отстану от вас, я буду всегда ездить позади ваших саней, — заключил Виллет.

На следующий день наши разведчики задержали в лесу двоих мужчин. Их привели в штаб. Задержанные сказали, что они бежали из концентрационного лагеря в городе Горохове.

— Я хорошо изучил Горохов, — сказал один из этих людей, Шалва Гогнашвили. — Если вы решите брать этот город и если доверите, то я смогу оказать вам в этом деле помощь.

Горохов находился недалеко от нашего лагеря. Вершигора задумался, а потом сказал мне: «Ладно, я поручаю это дело тебе. Составь план, предусмотри все детали и только после этого штурмуй Горохов».

Для этой операции Вершигора выделил мне две роты.

Погода стояла очень плохая. Мы прошли вблизи Кристанополя, Каминки, Струмилово и, перерезав железнодорожную линию Горохов—Сокаль, подошли к Горохову.

Город был со всех сторон окружен высокими холмами. Мы заняли все господствующие над городом возвышенности. Штурм я назначил на пять часов утра. Предварительно в город были засланы разведчики. Они вскоре возвратились и сообщили, что в городе царит абсолютное спокойствие.

Я обошел бойцов. Все они были одеты в маскировочные халаты.

Одну засаду я устроил в северной части города. Взвод под командованием политрука Тоута выделил для устройства второй засады в двух-трех километрах от города. Выбитый из города противник непременно должен был податься в эту сторону, так как другого пути из города не было.

Город посередине перерезала шоссейная дорога. По этой дороге я послал в город Денисенко в сопровождении отборных бойцов. Денисенко проник в Горохов и занял здание комендатуры, расположенное в центре города. О выполнении

задания он дал мне знать ракетой. Это был вместе с тем и сигнал к началу общего штурма города. Разгорелся бой. Внезапный удар вызвал среди противника панику, враг не выдержал и начал отступать в направлении, где находился в засаде Тоут. Наши артиллеристы начали обстрел бегущего неприятеля из сорокапятимиллиметровых орудий. Народная поговорка гласит: «Куда побежал, там и упал», — точно так же произошло и с гитлеровцами. Куда только они ни бросались, везде их встречали партизаны.

Бой уже подходил к концу, когда бойцы привели ко мне разведчиков генерала Наумова. Они, оказывается, были посланы для разведки города. Когда они застали в городе партизан, то их удивлению и радости не было предела.

Наступил рассвет. Наши бойцы водрузили над зданием комендатуры красное знамя.

К десяти часам утра Горохов был полностью очищен от противника.

На военных складах города мы обнаружили большие запасы муки, сахара, бензина, керосина и т. д. Я приказал Тоуту раздать все запасы населению. Тоут тотчас же приступил к выполнению задания. Он предложил населению выделить своих уполномоченных, уточнил по спискам количество членов каждой семьи и быстро распределил трофейные продукты между населением города.

В боях за Горохов мы нанесли противнику большой урон. В моей роте один боец получил легкое ранение: этим ограничились все наши потери. Мы уничтожили шестнадцать грузовых автомашин. Нами были захвачены две пушки и много другого военного снаряжения.

В комнату, где разместился штаб, вошел караульный и доложил:

— Пришла какая-то женщина с ребенком, хочет вас видеть.

— Проси ее сюда, — сказал я караульному.

Женщина, как только открыла дверь, еще с порога приветствовала меня по-грузински. Я поразился, как могла попасть в эти края грузинка.

— Я пришла из соседнего села. Вчера по деревне прошел слух, что партизаны освободили Горохов. Я страшно обрадовалась, схватила ребенка и бросилась сюда. Слухи подтвердились. Как только я пришла в город, сразу начала спрашивать у партизан фамилию командира. Они мне ответили, что фамилия их командира Бакрадзе. Я очень обрадовалась, услышав вашу фамилию, — сказала мне женщина.

— Как вы попали в эти края?

— Мой муж командир Красной Армии. Он служил в этом городе. В первый же день войны его часть выступила на фронт. Я не успела эвакуироваться и с маленьким ребенком осталась здесь. Гитлеровцы, как только узнали, что я жена командира, согнали меня с квартиры и приказали покинуть город. Я столько пережила, что иногда мне казалось, что смерть лучше такой жизни. Я была вынуждена покинуть город и поселиться в соседней деревне.

— До каких пор вы собираетесь здесь оставаться?

— Пока откроется дорога.

— А куда вы собираетесь ехать?

— В Грузию.

— Хлеб у вас есть?

— Нет.

Я приказал выдать женщине продовольствие, усадил ее вечером на сани и отправил в деревню.

Этот день выдался очень напряженный, и я не успел записать фамилию этой грузинки. После этого я много раз старался вспомнить ее фамилию, но тщетно.

Вечером, после того как я отправил землячку, ко мне пришел Тоут. Он рассказал о радости, которая царит среди населения в связи с нашим приходом. Я вышел вместе с ним на улицу. Нас окружила толпа народу, со всех сторон посыпались вопросы, мы прямо не знали, кому отвечать.

В сопровождении разведчиков я осмотрел город. Мы вошли в один дом. Нашим глазам представилась такая картина: маленький мальчик прижался к груди матери и громко плакал. На наш вопрос, почему плачет ребенок, мать ответила: «Мальчик плачет по отцу, он говорит: «Почему папа до сих пор не убил Гитлера и не вернулся домой!»

Тоут приласкал ребенка, дал ему плитку шоколада и сказал:

— Твой папа скоро вернется, не расстраивай маму!

— Паек вам выдали? — спросил я женщину. Она ответила, что паек получила, и поблагодарила нас.

Сгустились сумерки. С востока донесся гул артиллерийской канонады. Гул постепенно нарастал. Я послал разведчиков.

Они очень скоро возвратились в сопровождении разведчиков Советской Армии.

Встреча была радостной.

— Вы уже успели взять город, выходит, что нам здесь нечего делать, — сказали армейские разведчики.

Я сообщил по радио Вершигоре о прибытии в город разведчиков Советской Армии.

— Сдай по акту город представителям Советской Армии и возвращайся в часть, — ответил по радио Вершигора.

Я так и поступил. Мы составили акт о передаче города, подписали его и в ту же ночь покинули Горохов.

XIV

К этому времени наш штаб перебазировался в село Печеквост. Когда я возвратился из Горохова, Вершигора вызвал меня в это село.

Уже было за полночь, когда мы достигли окраины Печеквоста. Село было погружено в глубокий сон, вокруг царила тишина.

Я заранее послал в село разведчиков, которые должны были подготовить для нас помещения.

Разведчики вскоре возвратились и доложили, что для нас выделены дома, расположенные на окраине села.

Усталые бойцы спешили поскорее устроиться на отдых. Распределение партизан по домам и их устройство я возложил на Иосифа Тоута. Каждый партизан стремился в первую очередь устроить получше своего боевого коня.

Я сразу же поспешил к раненым бойцам своей роты, мне хотелось узнать, как они перенесли переезд на новое место. Я осторожно постучал в дверь дома, где, как мне указали, находилась санчасть.

Тяжело раненный пулеметчик Кавилин тихо позвал меня:

— Давид Ильич!

Я подошел к Кавилину и положил на стул, стоящий перед его кроватью, трофейный шоколад и печенье.

— Как здоровье, Кавилин?

— Мне было очень плохо, Давид Ильич, очень плохо. Никто не думал, что я выживу. Вот только последние два дня я почувствовал улучшение.

— Да, ты, брат, сейчас выглядишь гораздо лучше, — сказал я ему.

— Врачи надеются, что товарищ Кавилин скоро поднимется, — вмешалась в наш разговор медицинская сестра.

Я обошел всех раненых, справился о их здоровье. К сожалению, я не смог задерживаться у них больше, так как спешил в штаб.

Подойдя к дому, в котором помещался штаб, я спросил караульного, можно ли видеть Вершигору. Он дал мне утвердительный ответ. Я вошел в штаб, поздоровался с Вершиго-

рой. Он, улыбаясь, пожал мне руку. Вершигора внимательно прочитал акт о передаче Горохова воинам Советской Армии и сказал:

— Представители Советской Армии, наверное, очень обрадовались, застав вас в городе!

Петр Петрович познакомил меня с создавшейся обстановкой: несколько дней мы будем ждать в Печехвосте возвращения Кульбаки с его батальоном.

По дороге из штаба я встретил врача Циммера, который рассказал мне, какие трудности перенесли больные и раненые бойцы, когда их на санях перевозили в Печехвост.

— Была метель. Не то что больным, даже нам, здоровым, было трудно дышать. И все же мы доставили раненых в Печехвост невредимыми. Ни у одного из них не ухудшилось положение.

Я спросил Циммера о состоянии Кавилина.

— Кавилину сравнительно лучше, но пока еще трудно сказать что-нибудь определенное. Положение все еще продолжает оставаться серьезным. В наших условиях рискованно производить сложные операции.

— Вы должны приложить все старания, чтобы спасти Кавилину жизнь. Помните, что нам говорил всегда Руднев — раненые бойцы всегда должны быть в центре внимания, — сказал я врачу.

Услышав имя Руднева, Циммер растрогался и начал говорить о его замечательных делах, о которых он каждый день слышал от бойцов и командиров.

Это было не случайно. Имя Руднева в соединении Ковпака произносили с большой любовью и уважением.

О том, как и в каких условиях погиб Семен Васильевич мы узнали уже после окончания войны.

В июне 1948 года Петр Петрович Вершигора приехал в Тбилиси. Мы встретились очень тепло. Вспоминали пройденный вместе боевой путь, вспомнили, конечно, и Руднева. Во время этой встречи Вершигора сообщил мне очень интересные новые данные о гибели любимого комиссара.

— После окончания войны, в 1946 году, — сказал Вершигора, — Центральный Комитет Коммунистической партии Украины и Совет Министров Украинской ССР выделили комиссию по изучению обстоятельств гибели Семена Васильевича Руднева. В состав этой комиссии вошли начальник штаба Базима Г. Я., секретарь парторганизации Панин Я. Г., Войцехович В. А., Слинько И. И. и я. Комиссия выехала на место ги-

дели Руднева — в район города Делятина и близлежащие се-ления — Ослава-Белая и Заречье.

Крестьяне села Ослава-Белая сообщили нам следующее: «Как только в период делятинских боев партизаны покинули наше село, к нам со всех сторон, словно саранча, налетели гитлеровцы. Все улицы были забиты войсками и танками противника. Они нам приказали срочно подобрать и похоронить убитых. Мы собрали трупы и похоронили. Кругом стонали раненые. Гитлеровцы начали допрашивать раненых партизан. Не получив от них нужных сведений, гитлеровцы безжалостно закалывали несчастных штыками. Когда мы хоронили погибших партизан, наше внимание привлек один черноусый партизан. Мы его нашли на холме за деревней, на нем была портупея, вся грудь была украшена советскими орденами и медалями. Одет он был в диагоналевые брюки, невдалеке валялась военная фуражка. В правой руке он держал пистолет системы «Тете», причем дуло револьвера было приставлено к виску. По всему было видно, что он застрелился. Щеки и шея были у него покрыты запекшейся кровью. Мы его похоронили на том же месте, где нашли».

Крестьяне сообщили нам также, что рядом с этим партизаном они нашли несколько убитых его товарищей: по-видимому, это были бойцы из главной разведки, охранявшие комиссара. Мы попросили крестьян показать нам могилу черноусого партизана и других бойцов. Когда мы разрыли могилу, в которой, по нашему предположению, был похоронен Руднев, то первое, что бросилось нам в глаза, это были его черные усы, которые почти не тронул тлен, а также куски его синих диагоналевых брюк. Череп его был прострелен немного выше скулы. Было очевидно, что тяжело раненный Руднев, не пожелав живым попасть в руки врага, застрелился. Крестьяне показали нам могилы и других партизан. Всего мы насчитали семьдесят два трупа.

Мы перенесли прах комиссара и его боевых товарищей в районный центр Еремчу, там и похоронили в братской могиле. Туда же перевезли прах Радика. Мы решили, что этот юный герой должен покоиться рядом со своим отцом.

Вершигора закончил рассказ, и мы долго сидели молча, вспоминая родного нам человека, нашего партийного учителя и друга. И теперь, через несколько лет, он звал нас вперед. Даже после своей физической смерти он выполнял поручение партии — воспитывать у людей мужество, любовь к родине и преданность делу коммунизма. Для нас, партизан, он навеки остался идеалом истинного сына партии, отдавшего ей всю свою честную жизнь до последнего вздоха.

XV

В Печехвосте мы пробыли несколько дней. За это время мы ни разу не видели противника, лишь вдалеке время от времени бухала артиллерия. Советская Армия гнала гитлеровцев на запад.

Погода окончательно испортилась. Непрерывно, день и ночь, шел снег, узкие проселочные дороги стали непроходимыми. Мы оказались почти запертыми в Печехвосте. Местные крестьяне и здесь проявляли к нам большое внимание: они поставляли нам в изобилии картофель, хлеб, молоко, сыр. Мы, со своей стороны, делились с крестьянами всем, что имели.

Вскоре возвратились наши разведчики; вслед за ними появился Кульбака со своим батальоном. По сообщению разведчиков, Советская Армия отдыхала, ожидая подхода новых частей из тыла.

Кульбака привел с собой группу советских бойцов, бежавших из плена и укрывавшихся по селам. Среди них оказался один грузин.

— Из какого ты района, товарищ? — спрашиваю я бойца-грузина.

— Я из Сагареджо, товарищ командир, фамилия моя Тобешашвили, а имя — Вано.

— Каким образом ты попал сюда?

Вано Тобешашвили сказал, что он разведчик одного из польских партизанских отрядов, который действовал в Липских и Яновских лесах на территории Польши. Выполняя с группой товарищей разведывательные задания на правом берегу Буга, он был отрезан от своих. Встретив наших разведчиков, Тобешашвили и его товарищи пошли с ними.

Тобешашвили был зачислен во второй батальон командиром отделения. В дальнейшем он принимал участие во многих боях. В одном из боев он был тяжело ранен в голову и отправлен для лечения на «Большую Землю».

«Противник медленно, развернутым фронтом, двигается к Печехвосту. Видимо, фашисты намереваются взять наше соединение в кольцо», — сообщили разведчики. Необходимо было срочно покинуть Печехвост.

Мы так и поступили: оставили Печехвост и переместились на юго-запад. Из-за глубокого снега мы не могли отойти далеко и стали лагерем в селении Ястреб.

Но и здесь нам не пришлось долго задержаться. Противник вступил в Печехвост. Гитлеровцам было известно наше

новое местонахождение. С фронта их теснили советские войска. Поэтому гитлеровцы решили любой ценой прижать нас к реке Буг и сбросить в воду. Мы разгадали план противника. Фашисты охватили нас полукольцом, оставив свободным лишь путь к реке. У нас было два выхода: или мы должны были идти к реке, или прорвать вражеское кольцо и выйти на восток.

Река Буг является естественной границей между Польшей, с одной стороны, и Украиной и Белоруссией, с другой. На юго-западе от нее лежит Польша, на юго-востоке, по левому берегу, — Украина и Белоруссия. Мы решили форсировать реку Буг и поэтому быстрым маршем двинулись к реке. Вершигора отдал приказ, чтобы во время перехода через реку все до единого взялись за оружие. Партизаны честно выполнили приказ командира, при переходе через реку за оружие взялись даже лежачие больные и раненые. Мы скоро достигли реки. Мост через Буг оказался в полной исправности. Мы решили идти по мосту, хотя он крепко охранялся фашистами. Согласно приказу Вершигоры, моя рота и кавалерийский эскадрон должны были атаковать его с флангов. Задуманная операция завершилась успешно.

Когда мы бросились в атаку на захват моста, сбоку нас прикрывал с ручным пулеметом замечательный боец — сибиряк Ященов. Когда я отдал приказ «Вперед!», Ященов смело бросился на врага. В это время возле нас разорвался снаряд. Ященов был ранен осколком в голову. Тяжело раненный Ященов по инерции пробежал еще несколько метров и рухнул на землю.

Перейдя мост, мы вступили на польскую землю.

Первую ночь на территории Польши мы провели в лесу. Мы выслали по всем направлениям разведчиков, желая поскорее узнать отношение к нам польского населения. Мы знали, что фашисты не погнушаются никакой ложью и провокациями.

Возвратившиеся разведчики сообщили, что враг уже успел распространить грязные провокационные слухи. Гитлеровцы, оказывается, убеждали население польских сел и городов в том, что советские партизаны идут, мол, на вас войной и будут вас беспощадно истреблять. Но врагу не удалось обмануть польских трудящихся.

Мы постарались своевременно установить связь с народом, разъяснить цели и задачи, стоящие перед нашим партизанским соединением. Поэтому мы вскоре вышли из лесу и вступили в села.

После боев во время форсирования Буга количество раненых у нас значительно возросло. Мы укладывали теперь на одни сани по двое легко раненных бойцов. Колонна с ранеными растянулась на несколько километров, а это мешало быстрому продвижению, снижало маневренность.

Вблизи Буга проходила железная дорога Каменка — Кристинополь и Желковмостское шоссе. Гитлеровцы усиленно охраняли их, поэтому мы встретили здесь ожесточенное сопротивление. В результате успешно проведенных боев наше соединение очистило обе дороги от неприятеля.

Особенно отличился в этих боях четвертый батальон под командованием Токаря.

Вскоре после этого мы сделали новый бросок вперед и, перерезав железнодорожную линию Ярослав — Равва-Русская, достигли села Бружо-Стар. Здесь мы еще раз убедились в том, что гитлеровцы ведут против нас усиленную агитацию. Мы сразу рассеяли гнусные измышления фашистов. Мы установили с населением тесную связь, искреннее и чуткое отношение партизан окончательно убедило польских крестьян в лживости гитлеровской пропаганды. Для работы среди населения мы выделили партизан, владеющих польским языком. Большую пропагандистскую работу среди населения провел пулеметчик Шербат и другие товарищи, говорившие по-польски.

Вскоре о нашем приходе узнали во всей Польше. Подобно радиоволне, переходила из одного района в другой молва о советских партизанах. Гитлеровцы переполошились; вражеские гарнизоны стали лихорадочно готовиться к обороне.

Наше партизанское соединение производило впечатление регулярной армейской части. В народе распространился слух: «В Польшу пришла непобедимая партизанская армия, которая гонит гитлеровцев от берегов Днепра. Дни фашистов теперь сочтены».

На расстоянии нескольких километров от Брусно-Строты находится местечко Чесанова. Разведчики донесли, что здесь хозяйничают полицейские.

Штаб возложил на меня очистку дороги и овладение этим местечком. Причем мы должны были захватить его без единого выстрела. После овладения этим пунктом намечался разгром второго сильного гарнизона противника. В мое распоряжение были выделены четвертая и пятая роты. Я выслал предварительно разведчиков для детального изучения обороны противника. Затем провел совещание с командирами отделений и взводов. Каждый боец и командир должны были

надеть маскировочные халаты. Когда все приготовления бы-ли закончены, мы выступили в поход. Пройдя несколько ки-лометров, мы встретили возвращающихся разведчиков.

— Чесанова окружена усиленной охраной, на подсту-пах к местечку мы видели посиневших от холода полицей-ских, — донесли разведчики.

Мы двинулись дальше, намереваясь взять в кольцо ме-течко. Вскоре мы окружили охрану. Здесь произошло совер-шенно неожиданное происшествие: услышав окрик наших бойцов «Руки вверх!», полицейские, словно сговорившись, мо-ментально без всякого сопротивления сдались в плен.

— Вам известно, кто мы такие? — спросили партизаны пленных.

— Да, мы приблизительно знаем.

— А ну, говорите, что вы знаете.

— Вы русские партизаны.

— Откуда вы знаете об этом?

— Да здесь каждый ребенок знает, что в Польшу при-шла ваша армия.

— Вы полицейские?

— Да.

— Кто вам поручил охрану Чесановы?

— Начальство приказало.

— А где сейчас находятся ваши начальники?

— А вон, в штабе! — один из полицейских протянул ру-ку в сторону возвышающегося невдалеке трехэтажного кир-пичного здания.

— Почему вы не оказали нам сопротивления, почему сразу сдались?

— Нам так приказали.

Этот ответ нас удивил еще больше.

Взяв с собой нескольких полицейских, мы бросились к зданию штаба.

Вблизи не было видно ни одной живой души. В доме был потушен свет. Мы попытались открыть дверь, но она оказалась запертой.

«Ты ведь сказал, что здесь находится ваш штаб», — об-ратился я к пленному полицейскому.

— Да, наш штаб находится здесь. И наши командиры тоже находятся здесь.

Полицейский стал громко звать запершихся в доме «со-ратников». Никто не отвечал. Тогда он стал кричать еще громче. Наконец изнутри ответили. Вскоре зажегся свет, и нам открыли дверь.

Перед нами стоял одетый в военную форму поляк средних лет. Вслед за ним появились и остальные полицейские. Те, кто были в фуражках, брали под козырек, остальные вежливо кланялись. Все они выстроились рядом с первым поляком.

— Вам известно, что в Польшу пришли советские партизаны? — обратился я к полицейским.

— Да, мы знаем, что пришедшая из России большая партизанская армия форсировала Буг и продвигается вперед. Здесь, в окрестностях, есть еще другие партизаны, но мы их пока не видели.

— А далеко отсюда находятся местные партизаны? — спросил я полицейских.

— Насколько нам известно, они находятся не так уж далеко.

— Все это хорошо, но как произошло что вы безропотно покорились гитлеровцам и изменили своему народу?

Полицейские опустили головы. Молчание нарушил полицейский, открывший нам дверь.

— Что поделаешь, мы ведь сами не приглашали гитлеровцев. Они с оружием в руках захватили нашу землю. Что могли мы поделать против такой силы? Что могли мы сделать одни... Зато с сегодняшнего дня мы постараемся смыть с себя это позорное пятно и доказать на деле, что мы настоящие поляки.

— Но разве мы можем верить вашим словам, разве вы сможете быть защитниками прав и достоинства своего народа?

— Мы постараемся.

— Посмотрим, дело покажет... а теперь скажите, далеко отсюда находится Любашев?

— Нет, совсем близко.

— А там сейчас есть гитлеровцы?

— В настоящее время там стоит немецкий гарнизон.

— Имеются в Любашеве какие-нибудь важные объекты?

— Спиртной завод. Гитлеровцы его усиленно охраняют.

Я сообщил Вершигоре, что дорога к местечку Любашев очищена. Соединение находилось в нескольких километрах от местечка, и Вершигора ждал моего сообщения.

Вскоре показались колонны партизан, они шли в направлении Любашева.

— Мы сейчас выступаем к Любашеву. Мы должны принять участие в разгроме неприятельского гарнизона, — сказал я полицейским.

— Мы тоже пойдем с вами, будем сражаться вместе с партизанами.

— Это зависит от вашего желания... хотите, оставайтесь здесь, хотите, идите с нами, мы вас не принуждаем.

— Нам представляется возможность сразиться с гитлеровцами. Мы, конечно, пойдем с вами.

Польские полицейские всячески старались завоевать наше доверие и расположение. Они сообщили, что в Чесанове имеется большое количество продовольствия, которое гитлеровцы заготовили для отправки в Германию. Фашисты отнимали у населения буквально последний кусок хлеба. Поляки показали нам склады с продовольствием. Здесь было большое количество мяса, сахара, яиц, топленого масла и муки. Мы нагрузили сани трофейным продовольствием.

В Чесанове мы захватили здание банка. Это дело я поручил одному отделению моей роты. Партизанам оно не стоило большого труда; как только они дали несколько коротких автоматных очередей, охрана банка открыла настежь двери и пригласила партизан. Партизаны забрали имеющиеся в банке польские и немецкие денежные знаки, набили ими мешки и взвалили их на сани.

Я отдал приказ о передаче дензнаков начальнику хозяйственной части роты.

Гул артиллерийской канонады со стороны Любашева постепенно нарастал. Вскоре мы догнали соединение. Передовые части уже втянулись в бой.

Сразу после прибытия к месту боя я направился в сопровождении Тоута в штаб, который разместился в одном из предместий Любашева. Здесь нас встретил Вершигора. Когда мы вошли в комнату, он внимательно рассматривал лежащую перед ним карту. Я коротко доложил о выполнении задания. Затем мы вместе направились к спиртному заводу, где шел горячий бой.

Этот завод поставлял на фронт десятки тонн спирта. Взятие завода было поручено третьему батальону. Партизаны открыли сильный огонь по засевшим в здании завода гитлеровцам. Артиллерийский огонь сильно повредил здание, однако противник не сдавался. Гитлеровцы продолжали отстреливаться; было видно, что у них имеется большой запас боеприпасов. В этот момент к Вершигоре подошел Роберт Клейн и попросил разрешения приблизиться к заводу:

— Я предложу этим упрямцам прекратить бессмысленный бой и сложить оружие, — сказал Клейн.

Роберту удалось пробраться к самому зданию завода. Гитлеровцы стали бросать в него ручные гранаты. Когда Клейн закричал на немецком языке «Сдавайтесь!», гитлеровцы ответили на этот призыв целым дождем ручных гранат. Клейн получил ранение, которое, к счастью, оказалось несерьезным, и он смог вскоре снова вступить в строй.

Как только Вершигора узнал о подлом поступке гитлеровцев, он тотчас же приказал подвезти к зданию завода все имеющиеся в соединении орудия и бить прямой наводкой.

Гитлеровцы не выдержали этого удара и сдались. Во время допроса пленные показали:

«Наша часть состоит из раненых под Сталинградом. После кратковременного лечения мы были направлены сюда для охраны завода. Вскоре нас должны были снова отправить на фронт».

После взятия спиртного завода, мы не задерживаясь в Любашеве, двинулись в направлении села Боровец. Присоединившиеся к нам в Чесанове поляки полицейские попросили бойцов моей роты походатайствовать за них перед командиром соединения о зачислении их в ряды партизан. При этом они заверяли, что в самое короткое время сумеют доказать свою преданность и стойкость.

Бойцы передали мне просьбу поляков. Я доложил об этом Вершигоре. Командир рассудил так: «Лучше пока воздержаться. Как только придем в Боровец, предложим полякам возвратиться по домам. Мы посоветуем им создать на местах польские партизанские отряды».

Как только рассвело, первый батальон вместе со штабом соединения вступил в село Боровец. Остальные батальоны и роты разместились в окрестных селах и местечках.

Боровец оказался очень красивым селом. Со всех сторон сплошной стеной подступал лес, дома были расположены по обеим сторонам длинной прямой улицы. Подходя к селу, мы невольно думали о том, как нас встретит население. Вот показались и крестьяне. Народ хорошо принял нас. Вскоре появились гармони и гитары. Все жители как один человек стали на сторону партизан. Много невзгод и страданий пришлось испытать крестьянам за период хозяйничанья фашистов.

XVI

В селе Боровец мы устроили длительный отдых. Во время нашего продвижения вперед мы периодически устран-

вали такие передышки. Вступив в новый район, мы обычно оставались на одном месте до тех пор, пока не изучали основательно настроения местного населения, общей ситуации. И на этот раз мы послали во все окрестные села разведчиков, а в селе Боровец организовали сильную оборону. У нас было вдоволь трофейного продовольствия. Мы постарались создать хорошие условия для отдыха раненым товарищам.

Как-то ко мне пришел молодой поляк, инвалид войны. У него не было левой руки. Юноша просил принять его в ряды партизан.

— Я хочу мстить врагу... Как только гитлеровцы в 1939 году захватили нашу страну, они повесили моего отца и брата. На войне в бою с фашистами я потерял руку. Что мне теперь остается делать, как не мстить ненавистному врагу, — сказал мне молодой поляк.

Я ему поверил, но было нецелесообразно зачислять в партизаны человека с одной рукой. Юноша заметил мое колебание и стал упрашивать меня:

— Я не потерял боеспособности, вы сами в этом скоро убедитесь. Я, конечно, не смогу пользоваться автоматом, но могу стрелять из револьвера. Не отказывайте мне.

Этот юноша поляк напомнил мне Володю Зебалова Когда тот пришел проситься в наш отряд, то у него были повреждены обе руки. Удивительно! Человек, потерявший обе руки, снова рвался в бой! С первого взгляда казалось, что он совершенно беспомощен, однако на деле получилось совсем иное.

Попал Володя Зебалов в наше соединение при следующих обстоятельствах.

Было лето. Мы стояли лагерем в одном селе. На рассвете всех всполошил душераздирающий женский крик.

— Ловите их, ловите! — кричали женщины.

В это время по проселочной дороге шли наши разведчики, они услышали женский крик и бросились к месту происшествия.

Разведчики сразу заметили девушку и мужчину, которые спустились на парашютах. Услышав крики, девушка попыталась скрыться в ниве, а мужчина остался на месте и схватился с нашими разведчиками. Он отчаянно сопротивлялся. Наши разведчики приняли эту пару за вражеских агентов, а те, со своей стороны, приняли наших разведчиков за полицейских. Поэтому между ними и завязалась горя-

чая борьба. Отбиваясь, парень кричал: «Советский боец не сдается полицейским!»

Когда обессиленного, обезоруженного Зебалова со связанными руками разведчики вели в штаб, то по дороге они встретили Вершигору. Володя сразу узнал Вершигору, с которым некоторое время служил в одной части. Обрадованный Зебалов сказал Петру Петровичу:

— Товарищ подполковник, вы ведь знаете меня, прикажите меня освободить.

Радистка Маруся и Зебалов служили разведчиками в одной из регулярных частей Советской Армии. На этот раз они были посланы в тыл врага с заданием установить связь с партизанскими отрядами. Они благополучно приземлились, и если бы не крики женщин, то все обошлось бы без инцидента.

Когда Зебалова ввели в штаб, мы обратили внимание на то, что у него повреждены руки. Оказывается, при выполнении одного специального задания он сильно обморозился. Володе была сделана операция, жизнь его была спасена, но он остался инвалидом. Правая рука была ампутирована по запястье, а левая — по локоть.

Еще в госпитале Зебалов научился писать, затем приспособился стрелять из автомата. У нас его зачислили в группу разведчиков при штабе соединения. Самое сложное задание он всегда выполнял точно и своевременно.

Вот этого самого Зебалова я и вспомнил, когда однорукий юноша стал просить меня о зачислении его в ряды партизан. И я, конечно, не смог отказать в горячей просьбе молодому польскому патриоту.

В этот период мы развернули большую агитационно-пропагандистскую работу в Боровце и окрестных селах. В наши агитпункты повалила масса народу. Население, которое жаждало услышать правдивое слово, с большим интересом слушало беседы наших агитаторов. Круглые сутки без передышки работала наша типография, которая печатала в сотнях экземпляров сводки Совинформбюро и другие материалы.

Возвратившиеся разведчики сообщили нам интересные сведения: с приходом нашего соединения местные партизаны оживились и развернули успешные боевые действия. Разведчики сообщили еще одно весьма важное известие: советские самолеты подвергли бомбежке военные объекты Варшавы.

— Мы обнаружили два партизанских отряда, — донесли разведчики, — одним отрядом руководит Андрей Бородовой,

другим — некто «Васька». В каждом из этих отрядов насчитывается свыше семидесяти бойцов. Андрей Бородовой со своим отрядом и несколько партизан из отряда «Васьки» пошли с нами, они теперь находятся здесь.

Вершигора приказал вызвать к нему Бородового. В штаб вошел стройный, невысокий, безусый молодой человек.

— Вы Бородовой? — спросил его Вершигора.

— Да, я Бородовой, товарищ командир.

— Вы польский подданный?

— Нет. Я гражданин Советского Союза.

— Каким образом вы очутились здесь?

— Гитлеровцы привезли в Польшу группу советских военнопленных и заключили их в лагерь. Среди этих пленных был и я. Я недолго пробыл в лагере, нам удалось бежать. Вскоре мы остановили на дороге вражескую грузовую машину, нам удалось разоружить ехавших в машине гитлеровцев. В результате этой первой операции мы вооружились и запаслись продовольствием. Наш отряд каждый день пополнялся новыми бойцами, а теперь в нем насчитывается до семидесяти пяти партизан.

— Что вы делаете в настоящее время?

— Мы организуем мелкие диверсии, устраиваем врагу западни.

— А враг попадает в ваши западни?

— Часто он попадает в них обеими ногами, — сказал Андрей, и его лицо расплылось в улыбке, затем он добавил: — Мы захватываем вражеские автомашины, громим и сжигаем склады противника, разрушаем мосты.

— Между местными партизанскими отрядами имеется какая-нибудь связь?

— Как вам сказать! Очень слабая. Вернее говоря, у нас нет почти никакой связи. Мы лишь знаем о существовании того или иного отряда.

— Какие отряды известны лично вам? Имеете вы с ними связь?

— Мы иногда встречаем партизан из отряда «Васьки», и это все. Имеется еще один польский партизанский отряд, которым руководит «Подкова». «Подкова» — это псевдоним.

— Где находится в настоящее время отряд «Подковы»?

— «Подкова» не мог не узнать о вашем прибытии в наши края, и, наверное, он сам скоро даст о себе знать.

Вершигора на мгновение задумался, а затем спросил Бородового:

— Вы партийный?

— Я комсомолец, — ответил юноша.

— Вам известно, что происходит на фронте?

— Мы имеем лишь отрывочные сведения. Мы хорошо знаем одно: советские войска гонят гитлеровцев!

— Откуда вы узнали о нашем прибытии?

— Вначале мы не поверили и отнеслись с сомнением к этому известию. Мы сочли это очередной провокацией гитлеровцев. Поэтому в течение нескольких дней мы скрывались. Ваши разведчики рассеяли наши сомнения.

— Вы предполагаете и в дальнейшем самостоятельно существовать?

— Какой нам смысл оставаться в таком положении. Наше большое желание, если, конечно, вы не будете возражать, войти в ваше соединение. Мы хотим стать членами вашей большой партизанской семьи. До сегодняшнего дня мы были оторваны от родины, наши близкие уже, наверное, давно считают нас погибшими. Мы твердо уверены, что наша борьба будет гораздо полезней, если мы вольемся в ваш отряд.

Примерно в таком же духе высказался представитель отряда «Васьки».

— Что мы можем возразить против этого. Мы приветствуем ваше решение, добро пожаловать! Я сам собирался сделать вам это предложение, — сказал Вершигора.

Вершигора предложил мне принять новых бойцов в мою роту. Таким образом, девятая рота пополнилась ста пятьюдесятью бойцами. В связи с этим рота была преобразована в батальон.

Новые бойцы очень скоро усвоили порядок и методы ведения партизанского боя. Они нам рассказали, что среди местных партизанских отрядов есть отряды, носящие название коммунистических, и население тоже называет их коммунистическими партизанскими отрядами.

Это было очень интересное и радостное сообщение. Как мы узнали позже, не все члены этих отрядов были коммунистами. Но все они были проникнуты любовью к Советскому Союзу, восторженно следили за победоносным движением Советской Армии. Эти отряды состояли из рабочих, крестьян и интеллигенции.

— Вы говорите, что были в хороших отношениях с отрядами коммунистов и рабочей партии. Интересно, в чем заключались ваши хорошие отношения? — спросили мы пришедших.

— Дело в том, — сказал Бородовой, — что именно эти партизаны сблизили нас с польским народом. Они постоянно вели агитацию в нашу пользу. «Советские партизаны борются за освобождение нашей, польской, земли от ненавистного врага, они проливают за нас свою кровь, честь им и слава», — говорили они крестьянам.

— А вы пытались перейти на советскую территорию, на родную землю? — спросил его Вершигора.

— Мы неоднократно делали попытки, но безуспешно. Население помогало нам, но гитлеровцы заперли все подходы к реке Буг, и наше намерение осталось неосуществимой мечтой. Зато мы хорошо изучили настроения и чаяния польского народа. Поляки ненавидят гитлеровцев. Трудно передать словами, какие чудовищные злодеяния совершают фашисты в этой порабощенной стране. В течение одного дня гитлеровцам в голову приходят тысячи всяких чудовищных, невероятных мыслей. Совсем недавно гитлеровцы почему-то решили уничтожить всех собак. Комендант Любашева собрал крестьян и предложил им в течение двух дней собрать и повесить всех собак. При этом он заявил, что если спустя два дня у кого-нибудь из крестьян будет обнаружена живая собака, то собака и ее хозяин будут повешены на одном дереве.

Мы еще долго беседовали с Бородовым. Эта беседа помогла нам более отчетливо представить себе, в какой обстановке нам придется вести дальнейшие бои. Вскоре после этого нам удалось установить связь с отрядом «Подковы». Наша встреча произошла в дружеской атмосфере, мы обсудили ряд важных вопросов. После этого связь с отрядом «Подковы» укрепилась. Партизаны этого отряда обещали оказывать нам содействие в разгроме коммуникаций противника.

Вершигора отдал приказ, чтобы присоединившиеся к нам в Чесанове поляки были направлены в отряд «Подковы».

Наши разведчики познакомились в Любашеве с одной женщиной-патриоткой, которая сказала им:

— Я вас часто вижу в окрестностях Любашева. Удивительно, что вы всегда приходите в такое время, когда в местечке не бывает гитлеровцев. Это хорошо, но знайте, что в последнее время фашисты зачастили сюда, вы можете напороться на них, вам надо быть осторожнее. Я живу на окраине, мой дом самый последний, он стоит на отлете. Когда немцы входят в Любашев, то они непременно должны пройти мимо моего дома, другой дороги нет. Вы ведь тоже

ходите в местечко по этой дороге. Идите сейчас за мной на некотором расстоянии, и я вам покажу мой дом. Если немцы будут находиться в местечке, то мои окна будут завешены; как только они уйдут, занавески на моих окнах будут раздвинуты. Следите за этим условным знаком и в будущем руководствуйтесь им.

Этот пример ярко свидетельствует о том, с какой любовью и заботой простые люди Польши относились к советским партизанам. Они хорошо знали, что Советская страна борется не только ради изгнания гитлеровцев со своей земли, но и ради освобождения всех порабощенных народов Европы от фашистского ярма.

XVII

Однажды группа наших разведчиков встретила в лесу, неподалеку от села Домостия, неизвестных лиц. Незнакомцы были хорошо одеты и вооружены. Они стали расспрашивать наших партизан, кто они такие, куда идут. Те сказали им правду. Незнакомцы заулыбались, однако наши бойцы заметили, что улыбки у них были не совсем естественные. Это были представители бежавшего в Лондон польского правительства.

Командир группы майор Зомб высказал желание встретиться с руководителем партизанского соединения.

Когда разведчики рассказали товарищу Вершигоре о своей встрече и предложении майора, он сказал:

— Пусть пожалуют, посмотрим, что у них за дела к нам. Или, вернее, чем они интересуются.

Майор Зомб был человек среднего роста, плотный, крепкого сложения. На вид ему можно было дать лет тридцать пять—сорок. У него были серые злые глаза. В прошлом Зомб был офицером уланского полка, крупным помещиком. В Польшу Зомб возвратился из Лондона на английском самолете, с которого он спустился на парашюте. В тот период, когда мы вступили на территорию Польши, Зомб являлся одним из руководителей созданной в Люблине военной организации «Краева Армия». «Краева Армия» и ее руководители были враждебно настроены в отношении нас, в этом не было ничего удивительного, если учесть, интересы какого класса они защищали. Члены «Краевой Армии» при каждом удобном случае наносили удар в спину советским офицерам и бойцам, они убивали наших воинов подло, из-за угла.

Что представляла из себя эта «Краева Армия», для нас стало ясным после страшного рассказа партизана Симоненко.

У бойца нашего соединения Симоненко было интересное прошлое. В свое время он вместе с одиннадцатью другими бойцами Советской Армии попал в плен и был заключен гитлеровцами в лагерь. Через два месяца им удалось бежать. Они стали пробираться на восток. Эта группа советских бойцов совершенно неожиданно наткнулась на отряд «Краевой Армии». Ночь бойцы провели в этом отряде, а наутро, когда они еще спали, «хозяева» вероломно напали на них. Убиты были все, кроме Симоненко, которому совершенно случайно удалось избежать этой чудовищной расправы. Голодный, голый и босый Симоненко некоторое время скитался в лесу. Тут он узнал, что в Польшу пришли советские партизаны. Симоненко быстро отыскал нас и был зачислен в ряды нашего соединения. И вот теперь, когда он услышал, что к нам должны прийти представители «Краевой Армии», он начал нервно кусать губы и вертеть в руках свой автомат.

— Успокойся, товарищ Симоненко, не волнуйся, твои «друзья» ни с чем возвратятся к себе, — успокаивали его товарищи.

— Как я могу успокоиться! Вам легко говорить — успокойся. А у меня сейчас перед глазами стоят одиннадцать связанных по рукам и ногам моих товарищей. Если бы я не сумел вовремя развязать веревку и убежать, то они и меня отправили бы на тот свет. Легко сказать — успокойся!

Состояние Симоненко серьезно обеспокоило нас. Можно было ожидать с его стороны выпада против представителей «Краевой Армии». Во избежание конфликта Симоненко было дано задание обследовать с группой разведчиков далеко расположенное селение.

Таким образом нам удалось изолировать Симоненко. Но тут появилось новое осложнение. Комендант штаба Костя Дудник, силач, исключительно смелый и решительный человек, услышав о предстоящем прибытии представителей «Краевой Армии», тоже стал нервничать. Он скрежетал зубами, из его глаз прямо-таки сыпались искры. Всем было известно, что Костя в одном бою ударом кулака замертво свалил гитлеровца. Необходимо было во что бы то ни стало успокоить его. Вершигора вызвал к себе Дудника.

— Я вижу, Костя, что ты сегодня не в духе! — сказал ему Петр Петрович.

— Нет, товарищ командир, я никогда не бываю в плохом настроении.

— Я вижу, тебя что-то беспокоит!

— Нет, меня ничего не беспокоит.

— Тебе известно, Костя, что мы сегодня ждем гостей?

— Известно.

— Ну так вот, тебе, как коменданту, следует всем подавать пример вежливости и выдержки.

— Постараюсь, товарищ командир, поддержать порядок.

— Что значит «постараюсь»?! Это твоя прямая обязанность. Я тебе поручаю организовать прием гостей. За малейшее нарушение будешь отвечать лично.

— Слушаюсь, товарищ командир!

Костя громко пристукнул каблуками, козырнул, быстро повернулся и вышел.

Был полдень. В углу двора партизаны расселись вокруг полевой кухни. По всему двору распространился аппетитный запах жирного борща. Дудник поддерживал порядок. Рядом с богатырем Дудником по двору кружился маленький, юркий Ясон Жоржолиани.

— Идут! — закричал стоявший в воротах партизан.

— Идут! — повторили партизаны в другом конце двора.

Зомб приблизился к воротам. Впереди шел начальник охраны села, партизан четвертой роты. Зомба сопровождали четыре поляка. Они шли по двое с обеих сторон от командира с ручными пулеметами в руках. Гостей встретил Дудник. Он взял под козырек и повел их к штабу.

Протянув Вершигоре руку, Зомб назвал себя и указал на сопровождавших его людей: — Тарковец, поручик Ойтец Ян (отец Иван).

Вершигора, со своей стороны, представил находившихся в штабе партизанских командиров.

— Прошу! — обратился Вершигора к пришедшим, указывая рукой на стулья, расставленные вокруг стола.

Работники штаба и находившиеся в комнате командиры тоже сели.

Гости старались держать себя непринужденно, они то и дело улыбались, но в их поведении замечались скованность и неискренность.

Мы чувствовали себя так, словно находились в вагоне поезда в обществе случайных попутчиков. Разумеется, мы держали себя в рамках вежливости. Господин Тарковец производил впечатление замкнутого, нелюдимого человека.

На протяжении всей беседы он не проронил ни слова, не изменил позы. Зато Ойтец Ян все время ерзал на стуле, издавал какие-то нечленораздельные звуки, таращил свои злые глаза.

Зомб принял важную позу и стал задавать вопросы: «Кто вы такие? Откуда пришли? Какую преследуете цель?» и т. д.

Во время беседы мы заметили, что Ясон Жоржолиани поднялся, подошел к Ойтецу Яну, наклонился к нему и тихо что-то ему сказал. Ойтец Ян поднялся, и они уединились.

— Поручик Ойтец, из комнаты нашего штаба еще ни одна вражеская рука никогда ничего не выносила, прошу вас положить вещь на место, — сказал Ясон Ойтецу.

Ойтец оглядел Ясона с ног до головы и нервно бросил:

— Мне непонятны ваши слова!..

— Я еще раз повторяю: положите вещь на место!

Затем он быстро запустил руку под шинель поручика и достал оттуда полевую сумку. Сумка принадлежала Вершигоре. Она лежала на столе у окна. Ойтец, улучив минуту, схватил сумку и сунул ее под шинель. Он был уверен, что в ней находятся военные документы. От внимания Жоржолиани и Дудника не укрылся этот поступок «гостя». Ойтец остался ни с чем. Между прочим, на этот раз в полевой сумке Вершигоры ничего не было, кроме туалетного мыла, зубной щетки и полотенца. Даже бритвы и помазка там не было, так как в этих принадлежностях мужского туалета бородатый владелец сумки не нуждался.

Вершигора задал Зомбу несколько вопросов:

— Чего вы требуете конкретно от нас? Какие вы принимаете меры против оккупантов? Каковы ваши боевые планы?

Зомб ни на один из этих вопросов не дал ясного ответа. «Оккупантов следует изгнать, но для этого необходимо ждать удобного момента. После ухода гитлеровцев страну должно возглавить правительство Сосновского», — заявил Зомб. По его словам выходило так, что гитлеровцы должны уйти, и, возможно, они уйдут, но избранное помещиками и буржуазией польское правительство должно остаться.

Было ясно, что Зомб не мог найти с нами общего языка.

— Мы не вмешиваемся во внутренние дела Польши, — сказал Вершигора, — в вашу страну мы пришли с определенной целью: изгнать отсюда нашего общего врага — гитлеровских оккупантов. Вместе с тем мне совершен-

но непонятно враждебное отношение к нам некоторых местных реакционных элементов. У нас имеются точные сведения о том, что группа подлых убийц приняла одиннадцать советских бойцов, бежавших из гитлеровского плена, дала им возможность переночевать, а на рассвете все одиннадцать человек были ими вероломно убиты. Разве можно представить себе более низкий поступок?!

— Я впервые слышу эту историю! — сказал Зомб, вздергивая плечи.

— Это сущая правда, — суровым тоном сказал Вершигора.

При этих словах Ойтец Ян заволновался и стал осматриваться по сторонам.

Спустя несколько дней после посещения Зомба мы узнали, что организатором подлого убийства одиннадцати советских бойцов был не кто иной, как поручик Ойтец Ян.

В Польше от нашей разведки требовалась еще более напряженная работа, нежели на Украине и в Белоруссии. В этой стране у нас было два кровных врага: гитлеровцы и агенты лондонского эмигрантского правительства — паны и польская буржуазия. Эти господа улыбались нам в лицо, а за спиной точили нож.

Мы немедленно сообщили Украинскому партизанскому штабу о «дипломатическом» шаге, предпринятом майором Зомбом, сообщили о его официальном визите и содержании беседы, не принесшей никаких результатов.

Зомб вскоре вторично посетил нас. Его посещение и на этот раз не дало никаких результатов. Вершигора призывал Зомба к активным боевым действиям против гитлеровцев:

— Если вы искренне и действительно желаете освобождения польской земли от гитлеровцев, то вы должны с оружием в руках бороться с врагом. А между тем, если какой-нибудь местный партизанский отряд начинает вести активные действия против гитлеровцев, представители эмигрантского правительства тотчас же в специальных листовках предупреждают: «Лица, открыто выступающие против немцев, будут публично расстреляны». Я спрашиваю вас, где здесь логика? Разве это есть борьба с врагом?

Зомб отлично понимал, что упрек Вершигоры относится непосредственно к нему.

— Мы плохо вооружены, мы испытываем острую нехватку боеприпасов и поэтому не можем выступать активно... — заявил Зомб.

— Чего вам, к примеру, не хватает? — спросил Вершигора.

— Нам не хватает такого важного материала, как мины. У нас их совсем нет.

— Мы вас обеспечим минами. Я сегодня же отдам распоряжение о выделении вам необходимого количества мин. Если вам понадобится большее количество этого материала, то я сегодня же извещу об этом наше командование, и оно вышлет его нам самолетом.

— Мне остается только поблагодарить вас. Я непременно пришлю людей за минами.

Зомб ушел и «забыл» про мины — никто за ними так и не приходил.

Так окончились наши переговоры с Зомбом.

XVIII

Как-то раз вечером я стоял с несколькими командирами перед домом, в котором помещался штаб батальона, и о чем-то с ними беседовал. Вдруг наше внимание привлек человек средних лет, одетый в лохмотья. Его сопровождал наш боец. Они поравнялись с нами и остановились.

— Кто вы? — спросил я незнакомца.

— Я местный житель, господин! Поляк, бывший заключенный, — сказал человек в лохмотьях, не поднимая головы. — В тридцать девятом году я был призван в армию и сражался против немцев. В одном из боев я попал в плен, вскоре мне удалось бежать. Я возвратился домой. Здесь все было разорено. Я до сих пор не знаю, где моя жена и дети. Возможно, их уже нет в живых. Я все это время старался присоединиться к партизанам, искал подходящего случая, и как раз в это время меня схватили ваши бойцы.

Мне не понравилось лицо говорившего. Его рассказ тоже не вызывал во мне доверия.

— Если вы действительно хотели присоединиться к партизанам, то для вас не составило бы особого труда отыскать их, — сказал я незнакомцу.

Мы переслали его в штаб соединения. Оказывается, в это самое время связные привели в штаб другого такого же оборванца. Увидев друг друга, незнакомцы растерялись стали путаться в своих показаниях. Петр Петрович Вершигора был большой мастер в разоблачении подозрительны

людей. Какие бы официальные документы не имел при себе такой человек, Петр Петрович очень быстро разоблачал его. Так произошло и на этот раз. В карманах незнакомцев были обнаружены документы о том, что они находились на действительной службе в польской армии, а затем были в плену. Вершигора отложил в сторону эти документы и приказал проверить их одежду. В складках одежды обоих незнакомцев оказались зашиты свернутые в тонкие трубочки листки бумаги, удостоверяющие, что они являются агентами гестапо.

— Ну, что вы теперь скажете? Вы, значит, старались отыскать партизан? — с уничтожающей иронией спросил Вершигора разоблаченных гестаповцев.

Поразительно было то, что в ту же ночь наши разведчики привели в штаб еще пять человек. Все они были задержаны партизанами как подозрительные лица.

Перед партизанским штабом предстало сразу семь шпионов. Одного из них Вершигора послал с письмом к начальнику гарнизона города Белгорая. В этом письме Петр Петрович писал начальнику гестапо:

«Напрасно трудились, ничего у вас не вышло. Мы задержали всех ваших агентов, семь человек... они все рассказали нам... во всем сознались. Одного агента с этим письмом я возвращаю вам. Мы тоже скоро будем у вас. Вся армия Ковпака через несколько дней будет в Белгорае. Там, на месте, мы во всем разберемся.

Командир соединения».

Это письмо Вершигоры вызвало большой переполох среди гарнизона Белгорая. Всю ночь город освещался ракетами.

В дальнейшем жители Белгорая передали нам, что комендант, пославший в Боровец шпионов, был расстрелян самими же гитлеровцами за плохую организацию разведки.

Никакие провокации, никакие ухищрения гитлеровцев не смогли рассорить польских трудящихся с советскими партизанами.

Как раз в это время наше соединение испытывало острую нужду в ячмене и сене. Мы договорились с местными крестьянами и стали закупать у них ячмень и сено. Платили мы больше действительной стоимости.

Узнав об этом, гитлеровцы пришли в ярость. Они стали жестоко расправляться с польскими крестьянами. Они сожгли дотла все те села, где крестьяне продавали нам ячмень и сено.

Гитлеровцы делали это для того, чтобы запугать народ и тем самым изолировать нас. Но все попытки врага оказались тщетными.

После этих репрессий польские крестьяне еще больше возненавидели гитлеровских захватчиков. Население готово было при каждом удобном случае жестоко мстить ненавистным поработителям. На расправу врага с местным населением Вершигора ответил активными боевыми действиями, которые развернулись в широких масштабах. Штаб разработал и издал приказ о создании восемнадцати диверсионных групп. Местом действия этих групп была назначена территория вокруг села Боровец, радиусом от сорока до шестидесяти километров. На этой территории проходило значительное количество железнодорожных линий. Мы поставили перед собой задачу — вывести из строя железнодорожные линии Львов — Перемышль, Львов — Равва-Русская — Замостье.

Командиры диверсионных групп получили задание: при уничтожении вражеских эшелонов представлять в штаб путевые документы. Штабу соединения должно было быть известно, куда, с каким грузом и назначением шли неприятельские эшелоны. Начало действия диверсионных групп было назначено на четырнадцатое февраля, а окончание — на двадцатое февраля.

Конный эскадрон Ленкина был направлен на железнодорожный перегон Львов — Рудек — Ягелунск. Ленкину было поручено уничтожение вражеских эшелонов, а также приказано было вывести из строя Яневшковское шоссе, при этом он должен был уничтожить автотранспорт противника.

Вместе с Ленкиным были направлены также одна рота моего батальона под командованием Сердюка, а также отряд «Подковы».

Через польскую территорию один за другим шли на восток немецкие эшелоны с живой силой и техникой. В центре нашего внимания в настоящее время стоял вопрос о Львовском плацдарме. Этот город, являвшийся узловой станцией девяти шоссейных и пяти железных дорог, представлял для нас большой интерес. Железная дорога Львов — Варшава была одной из главных питающих артерий неприятельского фронта. Мы решили и здесь нарушить коммуникации противника. В связи с этим наше внимание привлек большой железнодорожный мост у Красностава. Разрушив этот мост, можно было вывести из строя на значительный срок железнодорожную линию Львов — Варшава.

Согласно поступившим сведениям, мост охранялся неприятельским гарнизоном.

Для осуществления взрыва Красноставского моста группа Сердюка должна была пройти шестьдесят километров. Совершить такой переход было нешуточное дело. Партизаны покрыли это расстояние в одну ночь. Местные партизаны и население оказали им большую помощь. В Красноставе «Подкова» и Сердюк организовали разведку моста и разработали план взрыва. В ту же ночь внезапным мощным ударом партизаны уничтожили охрану моста. В то время когда группа вела бой с гитлеровцами, Дубиллир и Олейник заложили под ферму моста около ста килограммов тола. Мост был взорван. Часть фермы разрушенного моста упала на шоссейную дорогу, в результате чего на ней также было нарушено движение.

Вскоре после того, как из Боровца по всем направлениям вышли диверсионные группы, дежурный по штабу доложил Вершигоре: «Пришел какой-то старик поляк и очень хочет видеть командира партизан».

Вершигора принял посетителя. Старик очень хорошо говорил по-русски и объяснял это тем, что долгое время жил в Киеве.

— Я узнал о прибытии в Польшу советских партизан. Это известие меня очень обрадовало. Я хорошо знаю, что Советская Армия является единственной силой во всем мире, которая сможет уничтожить гитлеровцев. Я лично уверен, что мою страну может спасти только советский народ.

Все мы, находившиеся в это время в штабе, с вниманием слушали старого поляка. Выражение его лица, интонация голоса убеждали в искренности его слов. Патриот-поляк всей душой желал освобождения своей страны.

— Я пришел к вам с деловым предложением, — сказал под конец старик. — На железной дороге Львов — Краков есть одна маленькая станция — Горинец. По этой дороге днем и ночью проходят на восток вражеские эшелоны, каждый поезд непременно должен пройти через эту станцию. Поезда там стоят не менее двадцати минут, так как паровозы набирают воду, — на всей линии нет такой мощной водокачки, как в Горинце. Гитлеровцы хорошо понимают значение этой станции, поэтому она усиленно охраняется войсками, переброшенными сюда из Любачева и Ярослава. Сами понимаете, если уничтожить водонапорную башню и водокачку, то вся магистраль на длительное время будет выведена из строя.

Мы всесторонне обсудили слова старика, все хорошо взвесили и решили, что разрушение водокачки вполне целесообразно и своевременно. Вершигора сказал старику, что его предложение принято и водокачка непременно будет уничтожена.

— Это очень хорошо, только разрешите и мне принять участие в этом деле, — заявил поляк.

— Ну, что же, будь по-вашему, мы не обидим вас! — ответил ему Вершигора.

В направлении станции Горинец была выслана пятая рота под командованием Ларионова, в сопровождении опытных минеров во главе с начальником инженерной службы капитаном Кальницким. Почти семьдесят километров группа Ларионова прошла незамеченной, партизан сопровождал старый поляк, который отлично знал местность.

Партизаны расположились лагерем на хуторе Совтус. В первый день партизаны хорошо разведали станцию.

В полночь в результате короткого боя наши заняли станцию Горинец. Станцию охранял взвод гитлеровцев и десять поляков. Большая часть охраны не оказалась на месте. Гитлеровцы были в местечке Любачево. Взятых в плен гитлеровцев партизаны заперли в подвал. Начальник минеров Кальницкий с несколькими бойцами остался на станции. Часть минеров направилась к водокачке, остальные начали минировать железнодорожное полотно.

В это время раздался отдаленный гудок паровоза. Услышав гудок, начальник станции и дежурный заволновались. Они понимали, что эшелон неминуемо должен взорваться.

— Что это за поезд? — спросил начальника станции Кальницкий.

— Поезд идет из Кракова. Мне не известно, чем он гружен, — запинаясь, ответил начальник станции Кальницкому.

— Не пускать поезд на станцию, немедленно закройте семафор! — строго приказал Кальницкий дежурному железнодорожнику.

— Сию минуту, господин, — дрожащим голосом ответил дежурный. Он нажал на какую-то кнопку и уставился в одну точку.

Теперь гудок паровоза раздался совсем близко. Вражеский эшелон остановился у семафора и непрерывными гудками требовал открытия пути. Дежурный по станции обливался по́том, дрожал и готов был расплакаться.

Вдруг раздался оглушительный взрыв. Сильно поврежденный паровоз с трудом продвинулся немного вперед и по-

тащил за собой эшелон. На территории станции поднялась паника, по перрону взад и вперед без толку бегали напуганные железнодорожные служащие. В том месте, куда переместился эшелон, были заложены мины замедленного действия. Через десять—пятнадцать минут весь эшелон был превращен взрывом огромной силы в щепки. Прошло еще несколько минут, и с огромной силой взорвалась водокачка с башней.

— Вот это здорово, замечательно, сбылась-таки моя мечта! — восторженно воскликнул старый поляк.

Задуманная диверсия была проведена блестяще. Участники операции в ту же ночь возвратились в Боровец.

Минеры Дубиллир и Лебедев на одном из железнодорожных перегонов устроили гитлеровцам такую штуку: они положили на железнодорожное полотно круглую буханку хлеба. Неприятельский эшелон, предводительствуемый дрезиной, подошел к месту, где лежала буханка хлеба, и остановился, так как гитлеровцы заметили на полотне какой-то подозрительный предмет. С дрезины сошло несколько солдат, они остановились на почтительном расстоянии и начали с удивлением рассматривать издали буханку. Затем они поспешно воткнули вокруг хлеба тонкие длинные колья и сделали надпись: «Ахтунг!» «Минен!» («Внимание!» «Мины!»). В действительности же буханка не была заминирована. Дубиллир прибег к этому маневру, желая переполошить гитлеровцев.

Через некоторое время гитлеровцы начали издали стрелять в буханку из пулеметов и автоматов. Они стреляли до тех пор, пока не искромсали ее на мелкие куски.

Наши боевые успехи омрачились тем, что мы потеряли двух замечательных товарищей: автоматчицу-партизанку Таню Гинжас и храброго девятнадцатилетнего пулеметчика Жору Игнатова.

И еще одно событие огорчило всех нас. Командир четвертого батальона Токарь серьезно нарушил дисциплину.

Наша цель неизменно заключалась в проведении максимального количества диверсий с минимальными потерями. В нашем соединении была очень строгая конспирация: нередко мы в течение десяти дней стояли лагерем в какой-нибудь заброшенной деревеньке, и наше местонахождение в большинстве случаев оставалось неизвестным противнику. Мы никогда не устраивали диверсий вблизи нашего лагеря. Диверсия почти всегда связана с огнем и взрывами. Мы же на территории лагеря избегали даже ружейных выстрелов, отлично понимая, что враг может пойти на шум и обнаружить наше местопребывание.

Однажды Токарь нарушил это замечательное партизанское правило и жестоко за это поплатился.

Как-то вечером со стороны села Кружанецкое раздалось несколько сильных взрывов. В этом селе стоял батальон Токаря.

Оказалось, что Токарь взорвал два железнодорожных моста, расположенных в Неужарецком.

Эту операцию Токарь провел самовольно, не имея разрешения и указания командира соединения. Вершигора был очень недоволен поступком Токаря, так как теперь уже нельзя было совершить широко задуманный план одновременного взрыва мостов на Сане и за Вислой.

— На что это похоже, командир батальона, лицо, облеченное доверием, устраивает в запрещенной зоне диверсии? Немедленно установите: отдавая приказ о взрыве моста, капитан Токарь был трезв или пьян?

Вершигора сурово осудил поступок Токаря сначала на партийном собрании соединения, а затем на совещании штаба. Во все подразделения был разослан соответствующий приказ. В этом приказе отмечалось, что на территории, прилегающей к лагерю, не должны производиться взрывы мостов и вообще ни одна диверсия не должна проводиться без соответствующего приказа командира соединения. В данном случае мы имеем дело с нарушением установленного порядка, отмечал Вершигора, вблизи от нашего лагеря были взорваны два моста. В результате этой диверсии выдано местонахождение соединения. Это тем более непростительно, что враг уже делал попытки разведать эту территорию. Теперь нам нужно менять дислокацию.

Этот ничем не оправданный поступок Токаря очень скоро дал свои отрицательные результаты: задания, возложенные на четвертый батальон, остались невыполненными, враг около всех мостов выставил усиленную охрану, кроме того, после взрыва указанных двух мостов противник поспешно перебросил подкрепления и начал активные боевые действия против нас.

Недисциплинированность Токаря сорвала осуществление диверсионного плана соединения. Руководство батальона сделало попытку отвести выдвинутое обвинение. Токарь заявил Вершигоре: «Мы сочли необходимым взорвать мосты и окончательно очистить от противника селение Руда-Руженецкая».

Вершигора расценил действия Токаря как грубое нарушение дисциплины, нанесшее вред общему делу.

Исходя из этого, он отдал приказ, согласно которому за беспечность и недисциплинированность отстранялся весь командный состав четвертого батальона. Токарь и другие виновные в этом деле командиры были направлены с понижением в различные подразделения.

Теперь мы были вынуждены срочно оставить село Боровец и переместиться в другое место. Противник со всех сторон наседал на нас. Только мы выступили из Боровца, как появились гитлеровцы, завязался жестокий бой. Несмотря на серьезность создавшегося положения, среди партизан не было паники. Враг был разбит и отброшен.

За время пребывания в селе Боровец нами были осуществлены следующие операции. Три взвода батальона под командованием Сердюка взорвали мост через реку Танев, протяжением в пятьдесят метров, на железнодорожной магистрали Ярослав—Равва-Русская. Третий батальон взорвал у села Люблинец мост через реку Вирва, протяжением в шестьдесят метров, а на другой реке был взорван мост, длиной в двадцать метров. Таким образом, начиная с 12 по 18 февраля 1944 года были взорваны все мосты на реках Танев, Солота и Лосица. Наряду с разрушением мостов нами были осуществлены диверсии, в результате которых совершенно прекратилось движение на железных дорогах Равва-Русская — Замостье, Равва-Русская—Ярослав.

Естественно, что противник не мог равнодушно смотреть на все это. Гитлеровское командование спешно сконцентрировало в этом районе значительные силы. Нам также стало известно, что враг готовил против нас одновременно удар с воздуха.

Учитывая создавшуюся обстановку, мы стремились как можно скорее покинуть окрестности Боровца.

Нам приходилось продвигаться с большой осторожностью по незнакомой польской территории. Поэтому и на этот раз мы выдвинули вперед разведку соединения, которая должна была своевременно оповещать нас о встречающихся на пути препятствиях. Гитлеровские лгуны снова прибегли к своему излюбленному методу. Они отпечатали в тысячах экземпляров хвастливые, полные лжи листовки и распространили их среди местного населения. «Партизаны уничтожены»,— писали гитлеровские ублюдки. Мы привыкли к подобной брехне фашистов, а потому не обращали на нее никакого внимания.

Ехавший вместе со мной в санях комиссар моего батальона Иосиф Иосифович Тоут повернулся ко мне и сказал:

— Знаешь, товарищ Давид, до войны я не мог похвастать своим здоровьем, стоило подуть слабому ветерку, как я моментально простуживался. А здесь, сам видишь, скоро уже исполнится два месяца, как я у вас, погода все время отвратительная, холод, снег, а я ни разу еще не простудился!

Я засмеялся и ответил ему:

— Да, дружище, выходит, что мы попали прямо в санаторий.

Иосиф тоже рассмеялся.

Всю дорогу меня тревожила мысль о бойцах, отправившихся на выполнение задания под командованием Сердюка и Бокарева. Когда они возвратятся? — спрашивал я себя поминутно. В первую ночь мы прошли восемьдесят километров и вступили в село Домостов. По дороге нам пришлось изрядно помучиться. Из-за метели наши проводники сбились с пути, и мы два раза прошли по одной и той же дороге. От холода у меня так окоченели пальцы, что я не смог себе скрутить папиросу. Сибиряк Валерий, мой возница, догадался о моем затруднительном положении, взял у меня махорку и бумагу, скрутил папиросу и протянул ее мне.

Штаб соединения расположился в селении Самуга. Пятая рота и мой батальон — в деревне Домостов, остальные батальоны и роты разместились в разных хуторах.

Разведчики донесли, что в расположении пятой роты в лесу находится большой лесопильный завод.

Этот завод, оказывается, готовил материал для немецкой авиационной промышленности.

Уничтожить завод Вершигора приказал пятой роте.

Завод находился в глубине леса, причем он усиленно охранялся. Вокруг завода были возведены укрепления, которые невозможно было взломать одним пулеметным и автоматным огнем. Командир пятой роты, Ларионов, потребовал у штаба артиллерию. Штаб удовлетворил его просьбу. Наши артиллеристы прицельным огнем разгромили укрепления противника, разрушили самый завод. Вражеская охрана до последней минуты ожесточенно оборонялась, рассчитывая отбить атаку партизан. Лишь после того как нашей артиллерией был разрушен самый завод, уцелевшие гитлеровцы попытались на лыжах скрыться в лесу. Преследовать их бросились наши конные разведчики. Они вскоре настигли беглецов и расправились с ними. В этом бою был убит капитан — начальник заводского гарнизона. С нашей стороны погибли два наших партизана, муж и жена. К сожалению, я не запом-

нил их фамилии. Погибли они в результате простой случайности, вернее, неосторожности. Когда враг углубился в лес, они вместе с другими бойцами стали преследовать неприятеля. Вдруг они увидели разбросанные по снегу ручные гранаты и остановились. Женщина схватила за ручку одну гранату. Оружие оказалось заминированным, последовал взрыв,— муж женщины находился рядом с ней, и они упали мертвыми. Мы не раз предупреждали партизан, что надо быть очень осторожным с предметами, брошенными противником, будь то даже простая пуговица. Партизаны хорошо знали, с каким коварным врагом они имели дело. Еще бо́льшая осторожность требовалась во время преследования противника. Преследуя врага, нельзя трогать ни одного брошенного на дороге предмета.

Пятая рота хорошо провела бой за завод. Я поздравил Ларионова с одержанной победой.

— Надо отдать справедливость нашим ребятам, Давид, — сказал мне Ларионов, — они здорово дрались. Вся рота проявила исключительное мужество. Несмотря на значительно превосходящие силы противника, нам удалось довольно быстро сломить его сопротивление и обратить в бегство. У меня в роте есть партизан по фамилии Мороз, стойкий, смелый боец. Ему неведомо чувство страха. Во время первой атаки Мороз был ранен в голову, рана оказалась серьезной, я приказал ему вернуться в тыл. Только мы окружили врага и начался решающий бой, как я заметил среди наступающих бойцов Мороза с перевязанной головой. Я поразился, каким образом мог оказаться здесь Мороз.

— Ведь ты же получил тяжелое ранение, как ты очутился здесь?

— Да это ведь был укус блохи, товарищ командир. Я сделал перевязку и снова включился в бой.

— Разве ты не знаешь, что с раной нельзя шутить?

— Я чувствую себя прекрасно, товарищ командир. Вот сведем с врагом счеты, тогда и отдохнуть успеем, — ответил мне Мороз. До конца боя он активно сражался.

— А как он себя чувствует сейчас? — спросил я Ларионова.

— Отлично, рана его уже не беспокоит.

Выше я не раз отмечал своеобразие партизанской войны. Я говорил, что у партизан нет резервов наподобие регулярной армии, где потери легко пополняются. Если во время боя партизаны понесли потери в живой силе, то быстро по-

полнить эту утрату бывает очень трудно, почти невозможно. Это обстоятельство осложняет партизанскую борьбу.

Каждый рядовой партизан сознавал это, и часто можно было наблюдать, когда получивший ранение боец, если только он имел силы двигаться, наспех перевязав раны, снова бросался в бой.

Мы понимали, что гитлеровцы не примирятся легко с потерей завода военного назначения и постараются отплатить нам. Можно было ожидать, что противник вызовет подкрепление и перейдет в наступление. Поэтому штаб предложил усилить оборону. Мы спешно возвели временные укрепления и заминировали прилегающую к нашему лагерю территорию. Когда соединение переходило на новое место и заложенные мины оставались нетронутыми, то мы их извлекали и забирали с собой. В этих случаях мы руководствовались двумя соображениями: во-первых, мы оберегали местное население от возможных несчастных случаев, а во-вторых, сохраняли мины, нехватку в которых мы всегда ощущали.

Посланные на разведку Сердюк, Бокарев и Ленкин со своим конным эскадроном еще не возвращались. Эти товарищи были посланы командованием соединения на разведку отдаленных районов еще в те дни, когда мы находились в Боровце. На следующий день после их выступления мы сами срочно покинули Боровец. Прошло трое суток, а мы не имели никаких сведений о разведчиках. Я очень беспокоился за их судьбу и готов был идти на розыски.

— Товарищ командир, ребята вернулись, — вбежал, запыхавшись, связной Вася, — я собственными глазами видел их, они только что въехали в село.

— Молодчина ты у меня, Вася, — говорю я маленькому связному, — от твоих глаз ничего не укроется, ты настоящий сокол.

И действительно, через несколько минут в конце широкой и ровной проселочной дороги показались разведчики. Впереди ехал Тоут, который успел их встретить на околице села.

— А мы чего только не передумали о вас. Мы, конечно, знали, что вы не дадите себя легко в обиду, но все же было о чем задуматься, — говорил разведчикам Тоут.

— Нельзя сказать, чтоб нам было весело. Пришлось испытать много трудностей, но зато мы не потеряли ни одного бойца, вернулись все до единого, — отвечали Тоуту разведчики.

Среди возвратившихся разведчиков не было видно «Под-

ковы» и Ленкина. Как выяснилось, они направились прямо в штаб соединения. Сердюк рассказал, что во время похода большое мужество проявил «Подкова». Остальные бойцы говорили то же самое. Все в один голос хвалили патриота-поляка.

Разведчики рассказали, что польские партизаны, руководимые «Подковой», сыграли важную роль при разрушении большого моста у местечка Краснотава, на железнодорожной магистрали Варшава — Львов. Поляки хорошо знали местность, прилегающую к мосту, знали все подходы к нему, расположение охраны.

В группе «Подковы» в это время были поляки — жители Чесановы, в том числе бывшие полицейские. Все они показали себя хорошими патриотами и честно выполняли свой боевой долг. Среди них оказался только один малодушный человек, который позорно покинул ряды товарищей и бежал. Узнав об этом, «Подкова» пришел в ярость.

— Сейчас же выделите погоню, во что бы то ни стало изловите и представьте мне этого негодяя! — кричал возмущенный «Подкова». — Он опозорил и себя и нас. Мы будем судить его публично.

В погоню было выделено четверо партизан. «Подкова» с нетерпением ждал их возвращения.

Увидев, что партизаны возвращаются без беглеца, «Подкова» еще издали закричал им:

— Растяпы! Четыре человека не смогли поймать одного предателя?

— Мы его догнали, приказали сдаться, но он бросился в сторону и попытался скрыться в лесу.

— Ну и что же, ему удалось уйти от вас?

— Нет, дорого обошлась ему его подлость.

— Хорошо поступили! Я одобряю ваш поступок. Изменник родины достоин только смерти, — сказал «Подкова».

После этого наши симпатии к «Подкове» возросли.

Возвратившиеся из разведки Сердюк и Ленкин принесли интересное известие: оказывается, наш уход из Боровца остался в течение некоторого времени незамеченным для гитлеровцев. Мы, партизаны, вообще перемещались с одного места на другое без шума, обычно ночью; такое перемещение часто оставалось незамеченным противником.

Гитлеровцы, будучи уверенными, что мы по-прежнему базируемся в Боровце, направили туда авиацию, которая подвергла село ожесточенной бомбежке.

Вслед за этим в село с двух сторон, с востока и запада, ворвалась неприятельская пехота. В темноте гитлеровцы приняли свои войска за партизан, и между вступившими в село с двух сторон войсками завязался бой. Когда, наконец, ошибка была обнаружена, было уже поздно: несколько десятков гитлеровцев стали жертвой этого рокового для них недоразумения.

Обо всем этом нашим партизанам рассказали крестьяне селения, расположенного по соседству с Боровцом. Оказывается, эти крестьяне видели собственными глазами, как гитлеровцы вывозили из деревни трупы своих соратников.

Через два дня после того как мы обосновались в селе Замостье, было получено сообщение от Украинского партизанского штаба. Штаб предупреждал нас о готовящихся новых провокациях противника и призывал усилить бдительность.

Вокруг нас в то время действительно шныряло множество провокаторов. Эти проходимцы, подкупленные гитлеровцами агенты, думали только о том, как бы причинить вред партизанам. «Опасайтесь провокаторов! — указывал нам штаб. — Гитлеровцы и их приспешники будут на каждом шагу устраивать провокации. Фашистские агенты попытаются прикинуться вашими доброжелателями, поэтому от вас требуется большая осторожность и бдительность!»

Выполняя указания штаба, мы в первую очередь улучшили работу разведки, значительно увеличили число разведчиков. С помощью хорошо организованной разведки нам всегда было известно местонахождение и численность вражеских гарнизонов и, что не менее важно, настроение местного населения.

Возвратившись из очередной разведки бойцы рассказали:

— Мы пришли в небольшое село. Крестьянин-поляк попросил нас зайти в его хату. Хозяин угостил нас молоком и свеженспеченным хлебом. Этот крестьянин рассказал нам очень интересную историю:

«Приблизительно месяц назад ко мне пришел один гитлеровский солдат. Он потребовал еды. Я подал ему все, что у меня было. После этого он попросил водки. Я дал ему и водку. Он выпил водки, разогрелся и начал хвастать. Мы терпеливо слушали его болтовню. Нахвастався, он начал приставать к женщинам. Тут я не выдержал и призвал его к порядку. Он не обратил внимания на меня и снова стал лезть к женщинам. Те подняли визг. Тут я окончательно

потерял самообладание и крикнул ему, что если он не перестанет хамить, то пожалеет об этом. В ответ на мои слова он показал мне язык. При виде этого у меня потемнело в глазах, я бросился в угол комнаты, схватил стоявший там топор и рассек этому подлецу голову. После этого я вытащил его во двор и зарыл в канаве. Автомат убитого гитлеровца я передал нашим партизанам. Я знал, что это не может пройти бесследно. Прошло несколько дней, и в наше село вступил карательный отряд. Фашисты начали допрашивать крестьян. Не добившись ничего мирным путем, они стали пытать крестьян:

«В вашем селе пропал наш солдат, он не возвращался из этого села, говорите, что с ним произошло», — допытывались гитлеровцы.

Ни угрозы, ни пытки ни к чему не привели, палачи ушли от нас, ничего не добившись. Вот какой случай произошел со мной. Разве я мог поступить иначе?» — сказал крестьянин.

— Ты поступил очень хорошо, — сказали мы ему, — ты справедливо расправился с обнаглевшим гитлеровцем.

Возвратившись из разведки Сердюк рассказал нам о боевых делах конников Ленкина. Кавалерийский эскадрон Ленкина в период этих боев вывел из строя железную дорогу Львов — Перемышль, кавалеристы взорвали расположенный на этой линии огромный мост. Они пустили под откос идущий с востока эшелон, груженный танками, в селении Волясонец они сравняли с землей водокачку, снабжавшую водой львовские паровозы.

В польском отряде оказалось несколько человек советских подданных.

— Как вы попали в ряды польских партизан? — спросил их Тоут.

— Мы бывшие военнопленные. Нам удалось бежать из лагеря, после чего мы больше месяца скитались по лесу. От крестьян узнали, что недалеко действует местный партизанский отряд. Мы очень обрадовались и стали разыскивать партизан. Наконец мы их отыскали. Польские партизаны приняли нас очень радушно и охотно зачислили в свой отряд, дали оружие.

— Каковы ваши планы на будущее? — спросил их я.

— Мы очень хотим присоединиться к вашему отряду, — ответили партизаны.

Мы решили посоветоваться по этому вопросу с польскими партизанами.

Поляки ответили согласием. После этого я зачислил новых партизан в свой батальон.

В беседе с польскими партизанами выяснилось, что у них очень мало оружия, не лучше обстояло у них дело и с боеприпасами. Это было вполне понятно: кто мог снабдить их оружием? Мы выделили для польских товарищей необходимое количество оружия и боеприпасов.

Вскоре наш батальон посетил Петр Петрович Вершигора.

Я сообщил Петру Петровичу, что мой батальон пополнился новыми бойцами. Он очень этому обрадовался.

— Надо привлекать как можно больше бойцов, надо растить наши ряды, возможно, что нашу часть скоро превратят в дивизию, — сказал мне Вершигора. Перед уходом он сказал мне, что у штаба есть сведения о том, что где-то на противоположном берегу реки Сан, в глубине леса, работает неприятельский завод военного назначения.

— Надо во что бы то ни стало обнаружить его, — дал мне задание Вершигора.

Я обещал командиру сделать все возможное для обнаружения этого завода.

Уже смеркалось. Тотчас же после ухода Вершигоры я вызвал к себе Тоута и ознакомил его с приказом командира.

— Где может находиться этот завод и что он изготовляет?! Местные жители ничего мне об этом не говорили, — сказал Тоут и посоветовал:

— Товарищ Давид, давай пошлем разведчиков. Пусть они хорошенько изучат все леса этого района.

— Действуй, Йосиф! — сказал я.

В те дни наш штаб с нетерпением ждал самолетов с «Большой Земли». Мы испытывали серьезную нехватку в боеприпасах и медикаментах, а самолеты как назло опаздывали.

На следующее утро я пошел в штаб соединения. Пришел я как раз в тот момент, когда Вершигора давал задание разведчице Александре Карповне Демидчик и разведчику Кашицкому. Задание касалось до сих пор не обнаруженного вражеского завода. Вершигоре уже было известно, что завод этот выпускает орудия, но где он расположен — по-прежнему оставалось тайной.

Когда разведчики ушли, я спросил Петра Петровича, скоро ли к нам прилетят самолеты с «Большой Земли». Число раненых к этому времени достигло двухсот человек. Врачи то и дело обращались к командирам с просьбой добыть

хотя бы небольшое количество перевязочных средств — бинтов, ваты и т. д. Кое-какую помощь в этом оказало местное население. Узнав, что у нас нет бинтов, крестьяне принесли чистые, вываренные простыни, полотенца и другую полотняную материю, которую мы использовали для перевязок.

Я помню один такой случай.

В комнату, где была помещена часть наших раненых, вошла крестьянка-полька и протянула врачу завернутый в бумагу предмет.

— Вам это пригодится, — сказала она врачу, — это вываренная марля.

— О, большое спасибо, — поблагодарил врач женщину, — нам сейчас марля очень нужна!

— Я думаю, что и господь не будет на меня за это в обиде, этой марлей была занавешена икона, я ее сняла и принесла вам.

Слова этой женщины запали мне в сердце. На память пришло стихотворение Акакия Церетели «Песнь матери». Я сел на ступеньку дома и задумался.

— Давид, о чем ты задумался? — спросил меня Вершигора.

— Так, ничего... Вспомнил слова одного грузинского поэта....

— Что это за стихотворение, — заинтересовался Вершигора. — А ну, прочитай его мне...

Я прочитал ему наизусть следующие строки:

Может быть, сейчас на поле брани,
В грудь стрелою вражескою ранен,
Ты лежишь,— и не нагнется мать,
Чтобы грудь твою перевязать.

Горе мне! Глаза твой, кто знает,
Хищный ворон, может быть, терзает,
И с седлом, с понурой головой
Над тобою ржет Мерани твой...

Петру очень понравилось стихотворение.

Вернувшиеся с задания разведывательные группы доложили штабу, что под ударами Советской Армии гитлеровцы в беспорядке бегут на запад. Особенно активно действуют в этом отношении войска гитлеровских сателлитов. Когда местные жители спрашивают у них, куда они так спе-

шат, те в один голос отвечают: «Гитлер проиграл войну, а мы торопимся по домам». Это очень подняло настроение польских трудящихся. Теперь уже многие, не обращая внимания на реакционные элементы, на агентов Сикорского, открыто выступали против оккупантов, активно боролись с гитлеровцами и их приспешниками, совершали диверсии. В эти дни сильно возрос спрос польского населения на сводки Совинформбюро.

Поляки с жадностью набрасывались на наши листовки. Наша типография работала круглые сутки, и, несмотря на это, мы не могли удовлетворить потребность людей в правдивой информации. У дома, где помещалась типография, с раннего утра выстраивалась длинная очередь, листовки переходили из рук в руки.

Согласно приказу Вершигоры мой батальон должен был перебазироваться в соседнее село. Мы быстро подготовились и выступили в назначенное место. По дороге партизаны оживленно говорили между собой о положении на фронтах. Настроение у всех бодрое, приподнятое.

— Нас, вероятно, переводят для преследования неприятеля! — говорили некоторые партизаны.

— Да, похоже на это! Вполне возможно, что нас решили выделить для этой цели, — соглашались с ними остальные.

— Потерял Гитлер своих «союзничков». Теперь у него в армии один лозунг: «Спасайся, кто может!»

Мы скоро достигли назначенного места. Крестьяне приняли нас очень хорошо.

В это время Виллет все еще находился при мне.

— Последние новости знаешь, товарищ Виллет? — спрашивают его партизаны.

Надо заметить, что Виллет за короткий срок сделал большие успехи в изучении русского языка.

— Нет, не знаю. А ну, порадуйте меня, ребята!

— Ну, так вот, дружище: итальянцы, румыны и другие «союзники» фюрера самовольно снимаются с фронта и бегут по домам.

— Это очень хорошо! Вы правду говорите или, может, шутите?

— Что с тобой, какие тут шутки, это сущая правда!

Виллет прибежал ко мне, чтобы убедиться в достоверности этого известия. Я ему сказал, что гитлеровская армия стоит на пути полного разложения.

Крестьяне нам сообщили, что в соседнем селе стоит

вражеский гарнизон, но им ничего не было известно о численности и боевой силе этого гарнизона. Поставив перед собой задачу — выяснить в первую очередь силы противника, я вызвал своего маленького связного Васю Мирошкина.

— Вася, — говорю я мальчику, — ты должен еще раз показать свою смелость и находчивость... Здесь поблизости, в соседнем селе, находится вражеский гарнизон. Ты ведь сам понимаешь, мы никак не можем терпеть это неприятное соседство.

— Приказывайте, товарищ командир!

— Вот что я тебе скажу, Вася: проберись в зону обороны противника и постарайся узнать его силы и взаимоотношения с местным населением.

Мальчик на мгновение задумался, потом сразу, не поднимая головы, сказал:

— Слушаюсь, товарищ командир.

— Тебе не страшно? — спросил я Васю.

— Нет, товарищ командир, при чем тут страх. Вот что я надумал: вам известно, что я имею гуся, который находится у начальника хозчасти Боголюбова... Так вот, я возьму своего гуся под мышку и так пойду в село, где стоят гитлеровцы. Если по дороге меня кто-нибудь спросит, куда я несу гуся, я отвечу, что хочу его продать. Я думаю, что с помощью этой уловки я привлеку меньше внимания...

— Ты совершенно прав, дорогой Вася, ты у меня смекалистый парень. Ну, а теперь поскорее отправляйся со своим гусем.

Через несколько минут мальчик с гусем под мышкой бежал в сторону соседнего села.

На следующее утро Вася показался в конце длинной, широкой улицы. Он летел словно птица.

— Вася идет, Вася вернулся! — радостно закричали партизаны.

— Смотрите, ребята, гуся-то своего он продал, — сказал кто-то из партизан.

— Интересно, за сколько ты его продал, уж не потерпел ли убыток, брат? — шутили партизаны.

Не отвечая на шутки товарищей, маленький разведчик подошел ко мне и доложил:

— Я в точности выполнил задание, товарищ командир. Я был в том селе, собрал нужные сведения относительно вражеского гарнизона.

— Молодчина, Вася! Ну, рассказывай, что ты узнал, много там гитлеровцев?

— Да, нельзя сказать, чтоб их там было мало — человек четыреста — пятьсот наберется. Я сам видел их артиллерию, покрытые брезентом орудия стояли в конце улицы, по селу все время ходили взад и вперед солдаты. Все дороги и крестьянские дворы забиты автомашинами. Гитлеровцы силой отбирают у крестьян продукты. Крестьяне очень злы на них за такое насилие.

— От кого и как ты получил сведения относительно численности неприятельского гарнизона? — спросил я мальчика.

— Крестьяне жаловались: «Мы, мол, не можем прокормить гарнизон в пятьсот человек», — я слышал это своими собственными ушами.

— Гуся продал по сходной цене?

Мальчик сразу помрачнел, посмотрел в сторону и еле слышно пробормотал:

— Отняли у меня гуся, проклятые!

— Кто отнял?

— Гитлеровец вырвал его у меня из рук. Он сначала начал щупать гуся, а потом замахал рукой и закричал на меня: «Цурюк, цурюк!» Я не двинулся с места, тогда он сильно толкнул меня, сделал рукой знак, чтобы я уходил, а сам повернулся и пошел своей дорогой. Я побежал за ним, начал плакать. Обозленный гитлеровец повернулся и дал мне такого тумака, что я чуть не свалился в канаву.

Глаза мальчика наполнились слезами. Партизаны помоложе шутили: «Эх, браток, сейчас гитлеровцы, наверное, пальчики облизывают, уплетают твоего жирного гуся, они, наверное, за твое здоровье выпивают».

— Не огорчайся, Вася, — сказал я мальчику, — военному человеку да еще партизану не к лицу огорчаться из-за какого-то гуся! Позор и стыд тому солдату, который отнял гуся у беззащитного мальчика.

Вася улыбнулся и вытер слезы.

* * *

Была полночь, когда я и Тоут закончили свои дела в штабе и пошли спать. Мы улеглись, и перед сном Тоут начал вспоминать о своей семье. Так, беседуя, мы незаметно заснули.

Неожиданно меня разбудил чей-то голос. «Ты меня не узнаешь, сынок, ведь я же твой отец, а ну, иди ко мне, чего ты бежишь от меня», — говорил во сне Тоут, по-видимо-

му, своему маленькому сынишке. Он и во сне продолжал думать о своей семье. Я тоже окунулся в воспоминания, сон прошел, я долго ворочался на постели, но так и не смог заснуть. Я закрутил цигарку из махорки и закурил. В это время раздался настойчивый стук в дверь.

— Кто там? — спросил я.

— Я начальник караула. Можно вас на минуточку, товарищ командир?

— Что случилось?

— Конные разведчики вернулись, они привели с собой пленных полицейских.

— Хорошо, я сейчас выйду.

Накинув шинель, я осторожно вышел, чтобы не разбудить Тоута. В дежурке я застал пять пленных полицейских поляков. У каждого из них на руке была белая повязка с надписью: «Шуцман».

— Сорви с них эти тряпки, чего ты ждешь? — велел я начальнику караула.

Когда партизан выполнил мое приказание, я спросил полицейских, почему они так бережно относятся к этому ярлыку.

Пожилой полицейский начал мне объяснять:

— Пан, это знак того, что мы являемся блюстителями порядка.

— О каком порядке ты говоришь?

— Мы, полицейские, охраняем общественный порядок, боремся с ворами...

— Это дело вам поручили гитлеровцы? — спросил я пожилого полицейского.

— Так точно, пан, гитлеровцы...

Я приказал начальнику караула взять пленных под стражу, а ранним утром привести их ко мне на допрос.

— У вас все обстоит благополучно, нет никаких происшествий? — спросил я разведчиков.

— Вернулись благополучно, потерь не имеем, товарищ командир.

— Давид Ильич, — говорит мне один из разведчиков, — вы ведь помните, на каких клячах мы поехали отсюда, а вот поглядите, на каких скакунах мы вернулись!

— Где вы добыли этих лошадей?

— Мы их увели из конюшни одного польского пана!

— А как посмотрели на это крестьяне?

— Крестьяне здесь, как и везде, не любят помещиков.

Они нам сами указали, у какого помещика самые лучшие лошади.

На следующее утро Вершигора сказал мне, что располагает уже достоверными сведениями о том, что в районе Старая Воля действует большой завод противника, изготовляющий артиллерийские орудия и снаряжение. Завод находился в неприступном месте, в глубине лесной чащобы, причем вокруг него были возведены железобетонные укрепления. Неподалеку от завода, по эту сторону реки Сан, вблизи села Судова имелись водокачка и электростанция, обслуживающие завод. Обнаружить завод удалось разведчику Кашицкому.

Василий Александрович Кашицкий по профессии был педагогом. К нам он пришел осенью 1942 года, в то время, когда наше соединение готовилось к захвату станции Демихи. Кашицкий принял участие в этой операции и сразу обратил на себя внимание, как отличный разведчик. Примерный коммунист и храбрый боец, он очень быстро завоевал всеобщую любовь и уважение и стал командиром отделения разведки.

Проницательность и предусмотрительность Кашицкого вскоре обратили внимание командования соединения, и его всегда посылали на выполнение самых сложных и ответственных разведывательных заданий. Там, где другой разведчик с трудом мог разобраться в сложной обстановке, Кашицкий сразу оценивал положение, основательно изучал все детали и быстро принимал правильное решение. И вот теперь, когда все соединение было заинтересовано в обнаружении таинственного завода, невольно взоры всех партизан были обращены на Кашицкого.

«Этот завод обнаружит Кашицкий и никто другой»,— в один голос говорили как рядовые партизаны, так и командиры.

Но даже Кашицкому пришлось много потрудиться, прежде чем ему удалось обнаружить местонахождение завода. Гитлеровцам стало известно, что мы очень интересуемся этим заводом... Фашисты всполошились. Гестапо подняло на ноги всех своих агентов, которые прибегали ко всевозможным уловкам, лишь бы сбить с верного пути наших разведчиков.

Наш штаб получал многочисленные сведения, устные и письменные, относительно засекреченного завода противника, но, к сожалению, одного мы все же не знали: где этот завод находится.

Однажды разведчики принесли в штаб удостоверение, в котором значилось: «Предъявитель сего, Тадеуш Лесковский, является старшим рабочим фабрики. Так как фабрика служит делу обороны и имеет важное государственное значение, имеющиеся у Лесковского две коровы, лошадь, а также крупный и мелкий рогатый скот не подлежат конфискации».

Удостоверение подписывал сельский староста. Естественно, что эта справка привлекла внимание нашего командования. Высказывалось предположение, что это и есть разыскиваемый нами завод. Однако очень скоро удалось установить, что эта справка не имеет никакого отношения к окутанному тайной заводу. Тадеуш Лесковский работал на фабрике, изготовляющей деревянные ложки.

И вот Кашицкий пришел в штаб и положил перед Вершигорой свою полевую сумку:

— Вот здесь все материалы об интересующем вас заводе.

Находившиеся в комнате повскакали со своих мест, обступили смелого разведчика.

— Говори скорее, что знаешь, что узнал? — посыпались со всех сторон нетерпеливые восклицания.

— Я расскажу все по порядку.

Трое суток мы просидели в лесу. Старались не попадаться на глаза вражеским контрразведчикам и их выдрессированным псам. За это время мы побывали во многих селах, но ничего не смогли узнать о заводе. Я лично беседовал с крестьянами, со служащими, но безрезультатно. Ничего не добившись, мы зашли в село Судол и решили там передохнуть. Это село расположено на берегу реки Сан. Войдя в село, мы постучали в первую хату. Хозяйка нас приняла приветливо, угостила молоком и сливками. Вдруг мое внимание привлекли разложенные на столе бумаги. Вообще, конечно, неприлично заглядывать в чужие бумаги, но такой уж у нас, у разведчиков, удел: ничего нельзя упустить из виду, надо обращать внимание на каждую мелочь... Это первая обязанность разведчика. Я стал присматриваться к этим бумагам, вижу, что это какие-то пропуска, один из них был заполнен, и на нем стоял номер 13094... Пропуск был выдан заводом. Я заинтересовался еще больше и решил, что пропуск №13094 принадлежит хозяину дома. Получается, что на этом заводе работает свыше тринадцати тысяч человек. Какой может быть в этой местности другой

такой крупный завод, как не объект военного назначения. Ну, думаю, наконец нашли то, что искали столько времени.

— А где ваш муж, хозяюшка? — спрашиваю женщину.

— Он ушел, днем он никогда не бывает дома.

— А он скоро вернется?

— Ой, и не спрашивайте, он часто в полночь возвращается.

— Нам непременно надо его повидать, мы пришли к нему.

— Если вам не надоест его ждать, то, пожалуйста, располагайтесь.

— Будем ждать, — ответил я женщине.

Я извинился за беспокойство и на всякий случай приказал разведчикам засесть вблизи от дома.

Было за полночь, когда пришел тот, кого мы ждали. При виде меня хозяин дома растерялся и пробормотал: «Мое вам почтение, пан». Я поблагодарил его за приветствие и сказал: «Ты нас не бойся, мы не враги тебе».

Было видно, что этот рабочий уже знал о неизбежной гибели гитлеровцев, о разложении фашистской армии... Словом, хозяин сообщил мне все, что меня интересовало. Он сказал, что на заводе изготовляется артиллерийское вооружение. Завод находится в глубине леса, вокруг него возведены железобетонные укрепления, охраняется он усиленным отрядом гитлеровцев. Посторонние лица не имеют никакого представления о существовании этого завода, гитлеровцы тщательно хранят эту тайну.

— На расстоянии скольких километров от вашего села находится этот завод? — спросил я рабочего.

— Отсюда будет километров семь-восемь.

— Этот завод не связан с другими предприятиями?

— Он связан только с электростанцией и водокачкой. Первая снабжает завод электроэнергией, вторая — водой. Эти объекты находятся на расстоянии двух километров от завода, они расположены на берегу реки Сан.

После этого мне оставалось уточнить расположение завода и детально изучить его укрепления и оборону. Мне это тоже удалось сделать. Сейчас у меня в руках имеются все необходимые сведения.

— Дело теперь ясное, — выслушав Кашицкого, сказал Вершигора. — Я думаю, что достаточно будет разрушить электростанцию и водокачку, и завод будет выведен из строя. У нас имеются сведения, что на заводе работает свыше тринадцати тысяч рабочих в три смены, поэтому мы дол-

жны отказаться от разрушения самого завода... Вместе с заводом погибнут и рабочие. Надо действовать так, чтобы рабочие не пострадали. Руководство операцией возлагается на товарища Бакрадзе. Товарищ Давид, готовьтесь, через час вам будет вручен приказ.

В штабе срочно был составлен приказ. Моему батальону были приданы два взвода из четвертой роты, отряд «Подковы» и артиллерийская батарея. В двадцать один час мы должны были выступить на выполнение задания. Маршрут был таков: Яроиц, Дзнер, Сломен, Тишница. В этом последнем пункте мы должны были быть в три часа ночи. Сразу по прибытии на место мы должны были развернуть боевые действия. Я немедленно приступил к подготовке: собрал командиров и ознакомил их с приказом штаба.

В назначенное время мы выступили на выполнение задания. Вершигора подозвал меня к себе, крепко пожал мне руку и пожелал успеха.

— Мне не раз приходилось бывать в Судоне, — сказал мне «Подкова». — Я хорошо знаю расположение этого села и приблизительно представляю себе, где находится электростанция. Я не знал только о существовании завода.

Мы достигли села Судон. Ночь. Непроглядная тьма. Мы обошли село и углубились в лес.

— Видите, товарищ командир, вон там, на севере, вдали мерцает какой-то огонек, — говорит мне Кашицкий, — наверняка там находится эта самая электростанция.

Мы взяли направление на север, прошли несколько километров, и до нас, пока еще неясно, стал доноситься характерный шум электростанции, сначала глухой, но по мере нашего приближения — все более отчетливый.

— Вот и электростанция, — говорит Кашицкий, — водокачка должна быть здесь где-то неподалеку.

Мы установили батарею, произвели все необходимые приготовления, разместили бойцов.

Кашицкий и «Подкова» за это время сумели предупредить рабочих электростанции. Грянули орудия, и сразу нарушилась стоявшая вокруг тишина. Первый залп не дал желаемого результата, электростанция продолжала работать. Видно, снаряды делали перелет.

Я срочно вызвал к себе командира артиллерийской группы комсомольца Савушкина, приказал ему выкатить орудия вперед и прямой наводкой разрушить электростанцию.

Савушкин тотчас же выполнил мой приказ. Не прошло и десяти минут беглого артогня прямой наводкой, как здание

лектростанции со страшным грохотом обрушилось, из-под развалин во все стороны стали вырываться длинные языки пламени. Нам не пришлось искать местонахождения завода. Заводская охрана подняла беспорядочную стрельбу, мы воспользовались этим и выпустили в направлении завода еще десяток снарядов. Мы не собирались разрушать здание завода. Выпущенные снаряды пролетали над заводом, что вызвало сильнейшую панику его охраны.

Я послал Кашицкого в сопровождении нескольких бойцов осмотреть разрушенную электростанцию. Взорам партизан представилась следующая картина: из-под дымящихся развалин электростанции и водокачки там и сям еще продолжали вырываться языки пламени. Разрушение этих двух объектов повлекло за собой прекращение работы завода.

На следующий день рано утром пришел связной и сообщил мне, что сегодня состоится партийное и комсомольское собрание.

На собрании с большим докладом выступил Вершигора. Он подробно осветил деятельность нашего соединения, начиная с периода пребывания в районе Боровца и Замостья и по сей день. Наряду с этим Вершигора наметил мероприятия на будущее, он говорил о положительных результатах агитации, проводимой среди населения. Затем он перечислил проведенные нами бои и диверсии, особенно детально остановился на последней нашей крупной диверсии.

Мы хорошо понимали, что гитлеровцы не простят нам того, что мы вывели из строя такой важный военный объект, каким был гигантский артиллерийский завод.

— Мы должны срочно покинуть эти места, гитлеровцы постараются отомстить нам, — сказал Петр Петрович. Вскоре был издан приказ о выступлении.

Командование нашего соединения приняло еще одно решение: отряд польских партизан «Подковы» должен был снова вести самостоятельные боевые действия. Он принес большую пользу нашему соединению. Вершигора распорядился выделить оружие этому отряду. Затем Петр Петрович вызвал в штаб лучшего оружейника соединения, предложил ему выбрать самый лучший автомат, привести его в порядок и прикрепить к прикладу металлическую пластинку со следующей надписью: «В честь большой дружбы польского и советского народов — от ковпаковцев».

Этот автомат Вершигора передал «Подкове» на митинге в знак братской дружбы советского и польского народов.

Передавая «Подкове» подарок, Вершигора сказал: «Когда мы, партизаны, впервые вступили на польскую землю,

мы, конечно, надеялись на дружбу и солидарность польского народа, и эта надежда полностью оправдалась. Сегодня в Польше все патриоты полны одним желанием — как можно скорее изгнать с родной земли захватчиков, ненавистных гитлеровцев. Вы, товарищ «Подкова», блестяще выполнили вашу миссию, оказали большую помощь нашему соединению. В дальнейшем вы снова будете действовать самостоятельно. Мы убеждены, что вы и впредь будете в отношении врага таким же грозным и беспощадным, каким были до сих пор...»

Закончив свою речь, Вершигора передал «Подкове» автомат.

«Подкова» поблагодарил партизан: «Наш народ никогда не забудет того, что́ вы, советские партизаны, сделали для нас. Народ взялся за оружие и открыто выступает против врага. Мы у вас научились партизанской тактике борьбы, дорогие братья. Мы даем слово, что в дальнейшем будем идти по указанному вами пути и будем бороться до тех пор, пока последний гитлеровец не будет уничтожен на польской земле».

Так расстались мы с «Подковой» и его партизанами. После этого наше соединение переместилось в селение Циосма в десяти километрах от Белгорая.

Гитлеровцы, узнав об этом, стали засылать к нам из города Белгорая многочисленных шпионов. Мы легко разоблачали и задерживали их. В конце концов нам удалось изловить почти всех шпионов, засланных к нам из Белгорая. Пораженные шпионы говорили: «Партизаны сразу узнают нас, словно у нас на лбу написано, кто мы такие». Местное население активно помогало нам в разоблачении вражеских агентов. Как только к нам направлялся очередной гитлеровский шпион, наши наблюдатели немедленно сообщали нам по телефону или через связного все его приметы. Поэтому стоило шпиону появиться в селе, как его моментально схватывали.

Вскоре мы переместились в селение Шелиги. Но мы, как говорится, попали из огня да в полымя. Не успели мы расположиться, как ночью нас атаковала крупная неприятельская часть. Фашистам удалось ворваться в село. Первый удар противника пришлось отражать моему батальону. Вершигора возложил на меня очистку деревни от противника.

Лишь под утро нам удалось сломить сопротивление гитлеровцев, и они начали беспорядочно отступать. К девяти часам утра деревня была почти полностью очищена от противника. Я немедленно сообщил об этом в штаб.

Партизаны преследовали бегущего врага. Не успевшие убежать гитлеровцы забирались в хлева и курятники и часами сидели там без движения. При виде этой картины маленький Вася Мирошкин очень развеселился. Он бегал от одного курятника к другому и кричал:

— Здесь он, смотрите, куда забрался! А ну, выходи, выходи, говорю я тебе! — кричал Вася забившемуся в курятник гитлеровцу и наставлял на него автомат.

— Вася, — сказал я Мирошкину, — ты сегодня слишком много смеешься, все скачешь, смотри, будь осторожней. Ты ведь сам видишь, что село пока еще не совсем очищено от противника!

— Эх, товарищ командир, что мне могут сделать прячущиеся в курятниках фрицы?

— Будь осторожней, дорогой Вася.

— Спасибо за совет, товарищ командир, я буду осторожней! — весело ответил мне Вася и побежал вдоль улицы.

— Товарищ командир, — сказал подошедший в это время командир взвода Дьяконов, — в результате тщательной проверки могу доложить, что деревня полностью очищена от неприятеля.

— Надо проверить еще раз, товарищ Дьяконов, осмотрите все закоулки.

Не успел Дьяконов отойти от меня, как на окраине села началась перестрелка. Я пошел на стрельбу.

— Не убивайте, поймаем его живым! — кричали партизаны, окружая маленькую хату.

— Что случилось, кто находится в этой хате? — спросил я партизан. В это время я увидел нескольких партизан, несущих на шинели, по-видимому, убитого товарища.

— Васю нашего убили, товарищ командир! — сказал один из партизан. Смотрю, действительно он, мой Вася, мой смелый связной. Чувствую, как кровь отлила от лица, к горлу подступили рыдания. Я обнажил голову.

— Кто его убил, как это произошло? — спросил я партизан.

— На чердаке вот этой хаты засел гитлеровец. Мальчик шел мимо хаты, веселый такой, разве мог он себе представить, что его здесь подстерегала смерть! Гитлеровец дал по мальчику автоматную очередь.

Я попробовал нащупать пульс, никаких признаков жизни. Каких-нибудь полчаса назад как раз тут, где сейчас

лежало его тело, он прыгал, смеялся, жизнерадостный, полный сил.

— Васю убили, Васю убили! — раздавалось со всех сторон. Вокруг тела мальчика стояли полукругом партизаны с обнаженными головами, с окаменелыми от горя лицами.

— Где убийца? — спросил я партизан. Вперед выступил пожилой боец.

— Товарищ командир, мы хотели захватить его живьем, но не удалось.

Весть о гибели Васи с молниеносной быстротой облетела все соединение. Партизаны глубоко переживали смерть любимого мальчика.

Мы похоронили Васю с партизанскими почестями вблизи штаба, под большой сосной. На могиле был установлен деревянный памятник с надписью: «Здесь покоится маленький Вася Мирошкин, связной партизанского соединения имени Ковпака».

Без хозяина осталась Васина лошадка. Ее подарил Васе крестьянин в одном украинском селе. «Как только кончится война, я возвращу этого коня с благодарностью его хозяину», — часто повторял Вася.

Сверстники Васи, связные соединения, решили почтить память товарища — исполнить после войны его завещание, возвратить коня хозяину. Но друзьям Васи не суждено было выполнить свое торжественное обещание. Во время одного боя, при переходе через железнодорожное полотно, Васину лошадь сразила вражеская пулеметная очередь.

XIX

В селении Шелиги разведчики привели ко мне тридцать красноармейцев, бежавших из плена. Командир группы разведчиков рассказал, что они встретили этих красноармейцев в лесу и забрали их с собой. На бедиягах были жалкие лохмотья, сквозь которые виднелось голое тело, все они были очень худые, бледные, с глубоко запавшими глазами.

— Мы до самого последнего времени находились в городе Белгорае, в концентрационном лагере. Мы жили там в таких невыносимых условиях, что мечтали о смерти, — рассказывали красноармейцы.

— Как вам удалось бежать?

— Побег мы совершили позавчера, когда нас вывели на работу в лес. Мы там пилили дрова и складывали их штабе-

лями. Во время работы нас охраняли гитлеровцы. Начальник охраны стал кричать: «Ваша работа гроша медного не стоит! Вас надо было бы всех привязать к этим деревьям и расстрелять!» «Вы нас не пугайте расстрелом, — ответили мы ему, — наше пребывание здесь и так равносильно смерти. Пока ведь еще светло, до темноты мы успеем выполнить положенную норму». Мы продолжили работу. Стемнело. Начальник охраны стал кричать: «Прекратите работу, станьте в одну группу и идите впереди нас». Мы, тридцать человек, заранее сговорились идти, немного отделившись от общей группы пленных. «Жизнь или смерть! — говорили ребята. — Если нас убьют, так мы по крайней мере избавимся от этого ада!» «Идти плотнее, не отделяться», — снова заревел гитлеровец. Воспользовавшись спустившимися сумерками, мы отошли еще дальше от колонны и бросились в лес. Поднялась стрельба, нас выручили темнота и густой лес.

— Молодцы, вы поступили правильно, — сказал я красноармейцам.

Я вызвал начальника хозяйственной части и приказал ему: «Отведите их в баню, выдайте белье и одежду на все тридцать человек».

Мы недолго пробыли в Шелиги. Соединение готовилось к переходу в село Касабуды, где должен был разместиться весь личный состав.

В последнее время Вершигора много думал о реорганизации соединения, он подготавливал соответствующий проект, который должен был послать на утверждение Никите Сергеевичу Хрущеву в ЦК Компартии Украины. Однажды утром Вершигора созвал совещание командиров и политруков. Помещение штаба быстро заполнилось. На дворе стоял сильный мороз, здесь же, в комнате, было очень тепло и уютно. Вершигора оглядел собравшихся и спросил:

— Все явились?

— Все до одного! — ответил Войцехович.

Петр Петрович быстро пересмотрел лежащие перед ним бумаги и ознакомил собрание с проектом реорганизации соединения. Согласно этому проекту, соединение должно было быть преобразовано в подвижную дивизию. Причем она получала следующее название: «Первая украинская партизанская дивизия имени дважды Героя Советского Союза генерал-майора Сидора Артемьевича Ковпака». Проект предусматривал создание в дивизии полков, кавалерийского эскадрона и артиллерийских батарей.

Необходимость реорганизации соединения Вершигора обосновывал следующим образом: «За последнее время наше

соединение увеличилось на пятьсот человек, соответственно увеличилось и количество вооружения. Рост наших рядов происходил главным образом за счет бежавших из вражеского плена красноармейцев и командиров Советской Армии. В результате такого роста соединения старые формы руководства мешают оперативности, маневренности, поэтому назрел вопрос о реорганизации соединения».

Вершигора переслал этот проект товарищу Хрущеву и вскоре получил положительный ответ.

«Утверждаю преобразование соединения в Первую партизанскую дивизию имени дважды Героя Советского Союза генерал-майора Ковпака», — сообщал радиограммой Никита Сергеевич Хрущев. После этого Вершигора издал приказ, согласно которому проводилась полная реорганизация соединения. Этот приказ был зачитан нам 23 февраля 1944 года, в день 26-й годовщины Советской Армии. Первому полку дивизии было присвоено имя Героя Советского Союза генерал-майора Семена Васильевича Руднева. Командиром этого полка назначили меня.

Бойцы и командиры были очень рады, что первому полку вновь образованной дивизии было присвоено имя глубоко уважаемого, любимого человека — Семена Васильевича Руднева. Память о нем была бессмертна в нашем соединении.

Сейчас же после сформирования полка я созвал совещание командиров. На этом совещании присутствовали комиссар полка капитан Иосиф Тоут, начальник штаба майор Березной, его заместитель по разведке старший лейтенант Колесников, заместитель начальника штаба по хозяйственной части Федчук и другие.

На совещании обсуждались задачи, стоящие перед нашим полком. В своем выступлении я сказал примерно следующее: «Большинство командного состава первого полка по своему военному званию и опыту стоит выше меня, так как я начал войну сержантом. Но, опираясь на вас, с вашей помощью, я сделаю все необходимое для победы над врагом. Я буду бессилен один что-нибудь сделать, лишь совместными усилиями мы сможем достигнуть успеха в нашем деле. Как говорится, один за всех, все за одного. Наш полк носит имя любимого человека. Если мы не сможем достойно руководить доверенным нам делом, то это будет оскорблением светлой памяти Руднева».

* * *

Окончилось наше длительное ожидание: Киев прислал самолетом боеприпасы, медикаменты и почту. В то время у

нас не было аэродрома, а поэтому весь груз был сброшен на парашютах. Партизаны подобрали сброшенные мешки и отнесли их в штаб. На одном мешке стояла надпись: «Письма и литература». Партизаны сразу обступили этот мешок.

С партизанской почтой с «Большой Земли» к нам часто поступали письма от незнакомых людей. Я приведу два таких письма:

«Привет защитникам Родины, народным мстителям, партизанам! Мы с волнением и восторгом следим за вашими героическими делами. Велика ваша заслуга перед Родиной. Знайте, что мы душой и сердцем вместе с вами. Как я хотела бы в минуты боя быть рядом с вами, с винтовкой в руках, я бы тоже с радостью выполнила свой долг перед Родиной. Возможно, моя мечта сбудется, и я рано или поздно буду с вами! Мой сердечный привет вам, партизанам. Зина Семенова».

А вот второе письмо: «Бесстрашные воины! Я посылаю вам это письмо, но не знаю, дойдет оно до вас или нет? Я часто слышу по радио, читаю в газетах о ваших славных боевых делах, они приводят меня в восторг. Как много, оказывается, может сделать человек, проникнутый любовью к Родине. Ведь вы со всех сторон окружены врагом. Это письмо вам пишет работница военного завода. Мой двоюродный брат Володя Подаляко тоже был партизаном, он отдал свою жизнь за счастье и свободу Родины. Я горжусь его именем, он честно выполнил свой долг. Я готова пойти по его пути и мстить врагу.

Дорогие товарищи! Близится час окончательного разгрома противника, у нас сейчас даже дети знают и чувствуют, что дни гитлеровцев сочтены. Враг почти ежедневно оставляет захваченные города и села и неудержимо откатывается к своему логову. Вы испытали много трудностей, но вам осталось недолго ждать. Близок день, когда вы, одержав окончательную победу над врагом, возвратитесь в родные дома. Мы, благодарные граждане нашей страны, встретим вас с ликованием и горячо прижмем вас к своей груди. Наталья Подаляко».

Я хорошо помню нашего партизана Володю Подаляко, о котором писала нам эта незнакомая женщина. Это был стройный, высокий мужчина атлетического сложения, с огненным взором, с пушистыми русыми усами. На нем была высокая папаха. Его мужественная красота невольно привлекала внимание каждого. Подаляко был очень чутким и отзывчивым товарищем, он, не задумываясь, готов был ради друга пойти в огонь и воду.

Партизаны часто с восторгом говорили о его мужестве, смелости и самоотверженности.

Особенно страшен был Подаляко в рукопашном бою, гитлеровцы не выдерживали его штыкового удара. Отважный и умелый боец, Подаляко был назначен заместителем командира четвертого батальона. На этом посту он также заслужил всеобщую любовь и уважение.

Во время Карпатского рейда наша разведка донесла, что в селение Ражковец прибыл тринадцатый полк эсэсовцев и расположился там лагерем.

— Ражковецкий гарнизон должен быть немедленно уничтожен! — приказал Ковпак. Среди подразделений, выделенных для этой операции, был и четвертый батальон. В это время Подаляко был болен, но он упросил Руднева разрешить ему участвовать в бою. Во время рукопашной схватки к Подаляко подкрался сзади гитлеровец и три раза выстрелил ему в спину из револьвера. Партизаны принесли тело убитого товарища в штаб.

Герой-партизан был похоронен с партизанскими почестями. Все бойцы и командиры остро переживали тяжелую утрату. Так погиб Володя Подаляко — замечательный товарищ и отважный воин.

Как раз в эти дни я получил из Тбилиси газеты. В одном из номеров газеты «Комунисти» было напечатано стихотворение И. Абашидзе «Капитан Бухаидзе». Кому не приходилось терять на поле боя друга-соратника, тот, пожалуй, не сможет с такой глубиной ощутить подлинную силу этого стихотворения. Если бы я смог поставить на могиле Подаляко памятник из тесаного камня, то я непременно написал бы на этом камне следующие строки из этого стихотворения:

Если б мог я воскреснуть из мертвых,
Если б ожил внезапно мой прах, —
Я бы отдал опять свое сердце
Милой родине в грозном бою,
Дважды умер за землю родную,
Ту, что грудь покрывает мою.

Партизаны всегда будут хранить в своих сердцах светлую память о мужественном воине Владимире Подаляко

XX

Наша диверсия на военном заводе была тяжелым ударом для гитлеровских оккупантов. Было ясно, что они попытаются нанести нам ответный удар.

Вскорости это подтвердила наша разведка, которая установила, что фашисты стянули со всех концов Польши большое

количество охранных войск с задачей окружить и уничтожить стоящую в Шелиги партизанскую дивизию. Штаб издал приказ о немедленном перебазировании дивизии в село Касабуды, расположенное севернее Шелиги на расстоянии тридцати — сорока километров. Наша дивизия легко меняла свое местонахождение, вследствие чего противник часто путался, терял ориентировку и не мог нанести решающего удара. Мы и на этот раз выступили в полном боевом порядке из села Шелиги. Наша кавалерийская часть двигалась по сравнительно широкой проселочной дороге, остальные части дивизии пошли по лесной тропе. Враг не мог предположить, что целая дивизия могла пойти ночью по узкой тропинке.

Неоценимую услугу оказали нам на этот раз юные польские патриоты — девушка и юноша. Они вызвались быть нашими проводниками. И действительно, благодаря им мы быстро и благополучно достигли села Касабуды.

— Мы считаем своим долгом оказать помощь советским партизанам, которые пришли освобождать нашу страну от врага, — сказали молодые поляки, прощаясь с нами.

Штаб дивизии и первый полк расположились в Касабудах, остальные части — в соседних селах.

Хозяин дома, в котором я поселился, очень подружился со мной. Он часами сидел у меня в комнате, обо всем меня расспрашивал и сам рассказывал много интересного. Однажды он мне сказал:

— В соседнем селе живет крупный помещик... Вредный человек, накажи его бог. Хуже собаки...

— А как к нему относятся местные крестьяне? — спросил я своего хозяина.

— А как можно относиться к помещику... Люди его ненавидят. Крестьян он в три погибели гнет, а с гитлеровцами дружит... Он им несколько раз в неделю закатывает пиры.

— Если мы зададим вашему помещику хорошую трепку, то как посмотрят на это крестьяне?

— Я не совсем понимаю вас...

— Ну, если мы изгоним его из его имения, отберем у него все имущество.

— Что же.... Доброе дело сделаете.

— Ладно!

Разведчики подтвердили слова моего домохозяина, другие крестьяне тоже с возмущением отзывались о зарвавшемся помещике. «Все наше добро, добытое в поте лица, идет в его закрома», — говорили они.

В тот же вечер я выделил роту под командованием Бо-

карева и послал ее навести порядок в имении помещика. Я отправился вместе с партизанами.

Мы подошли к деревне. На холме возвышался большой каменный дом, окруженный высокой оградой. За оградой к самому небу тянулись гигантские деревья. Это был помещичий замок.

Соблюдая полную тишину, мы приблизились к воротам помещичьего дома. «Настоящая крепость», — шепотом говорит мне Тоут. Не долго думая, он три раза ударил в ворота прикладом автомата. На стук откликнулся сторож. Мы потребовали, чтобы он открыл нам ворота; на это предложение сторож ответил выстрелом в воздух. Партизаны стали выбивать ворота. Через несколько минут мы ворвались во двор. Навстречу нам с отчаянным лаем бросились сторожевые собаки. Автоматные очереди быстро заставили замолчать четвероногих стражей помещика. Охрана дала несколько выстрелов и куда-то скрылась.

Партизаны бросились к конюшне и амбарам.

— Берегись, берегись, Давид, прячься за дерево! — услышал я оклик Тоута, который одновременно выпустил длинную автоматную очередь.

— Еще мгновение, и этот негодяй убил бы тебя! — проговорил взволнованным голосом Тоут. Он взял меня под руку и повел в темный угол двора. Здесь я увидел распростертого на земле незнакомого мужчину, метавшегося в предсмертной агонии. Рядом с ним валялось охотничье ружье. Этот мужчина оказался самим помещиком. Притаившись в темном углу двора, он, поняв, что я командир, стал в меня целиться. Тоут вовремя обнаружил помещика и выпустил по нему автоматную очередь. Я был на волосок от гибели, и лишь бдительность Тоута спасла меня.

Весть о смерти хозяина тотчас же облетела все имение. После этого уже никто из служащих помещика не стал оказывать нам сопротивление.

Партизаны нагрузили сани свиными тушами, мешками с мукой, бочонками с водкой и двинулись в обратный путь.

XXI

Некоторое время мы жили в Касабудах совершенно спокойно. С утра и до позднего вечера шла боевая учеба подразделений. Но, как и следовало ожидать, передышка продолжалась недолго.

Однажды в двенадцать часов пополудни мы услышали отдаленную стрельбу. Через несколько минут на улице пока-

зался один из наших разведчиков и, осадив коня, отрапортовал мне:

— Товарищ командир, к нам приближается неприятель. На подступах к селу появились вражеские танки.

Отдаленная стрельба постепенно нарастала и становилась все слышнее.

Я немедленно послал связного в штаб дивизии.

Несмотря на то, что мы открыли сильный огонь, гитлеровцы шли в атаку смело и решительно, с дикими выкриками и невероятным шумом. Меня это сильно удивило.

— Наверное, против нас бросили какую-нибудь отборную часть.

Но вот в штаб привели первого пленного. Я невольно рассмеялся: передо мной стоял жалкий, перепуганный насмерть человечек, он дрожал всем телом, словно мышь в мышеловке.

— Дайте этому «бога ырю» воды, — сказал я бойцам.

Гитлеровскому вояке принесли котелок с водой. Проливая воду на одежду, он жадно выхлебал почти весь котелок и немного успокоился. Я смотрел на него, и мне вдруг пришли на память дни, прожитые в Конотопском концентрационном лагере. Сейчас эти «завоеватели мира» трусят и дрожат, а тогда... Как издевались они тогда над безоружными людьми, какие адские муки придумывали для того, чтобы сломить нашу волю.

Может, и этот, трепещущий сейчас перед нами, загубил не одного советского человека... Такой вот плюгавый выбил тогда мне, безоружному, зубы.

Я подошел к фашисту вплотную. От него так разило спиртным перегаром, что я отпрянул. Так вот в чем секрет их сегодняшней смелой атаки.

— Вам дали перед атакой спирт? — спрашиваю я.

Да. По четыреста граммов. Но все равно страшно...

— Поэтому вы так дико ревели?

Да. Мы кричали потому, что было страшно...

— Танк, танк идет! — закричали в этот момент партизаны, хватая противотанковые ружья.

— Стойте, не стреляйте! — приказал я партизанам. Над танком развевался белый флаг. Когда танк совсем приблизился к нам, он остановился и из него вылезли два танкиста с поднятыми руками. «Мы французы, французы!» — кричали танкисты.

Тоут вызвал переводчика. Французы заявили о том, что они ненавидят фашистов и добровольно перешли на нашу сторону. Они попросили дать им возможность пойти в бой против гитлеровцев.

Я дал на это согласие. Среди партизан нашлись танкисты, и они вместе с французами тотчас же сели в машину и понеслись на гитлеровцев. В течение часа эта новая наша боевая «интернациональная» единица подбила два вражеских танка.

Бой с каждой минутой принимал все более ожесточенный характер. Противник непрерывно атаковал нас. Но мы успешно отражали все атаки, хотя несли значительные потери. Только в моем полку было около сорока раненых. Мы старались продержаться до темноты, так как нас, партизан, гораздо больше устраивал ночной бой.

Наконец наступила ночь. Дробь пулеметов, разрывы снарядов и мин превратились в один сплошной гул. В этот момент грянуло могучее партизанское «ура» — партизаны пошли в контратаку. Враг быстро почувствовал силу нашего удара и, учтя обстановку, а главное — темноту, стал поспешно отступать. Вскоре гитлеровцы побежали, преследуемые по пятам партизанами.

В этом бою особенно отличилась санитарка Лавринец. Она вынесла из-под огня несколько тяжело раненных партизан.

Большое мужество и находчивость проявил во время боя начальник штаба второго батальона лейтенант Коровченко.

Французские танкисты, перешедшие на нашу сторону, оказались надежными ребятами, я их обоих зачислил в мой полк, в котором, кроме сынов нашей великой родины, были немцы, поляки, чехи, итальянцы. Поэтому товарищи в шутку называли меня командиром интернационального полка.

Французы танкисты отважно сражались против фашистов.

— Гитлеровцы — враги нашей родины, а русские—наши братья и спасители, — говорили они. Французы сняли со своего танка двадцатидвухмиллиметровую пушку и установили ее на санях. На этой «самоходке» они действовали в боях умело и толково и вскоре завоевали любовь и уважение всех партизан. Особенно привязался к французам Виллет.

— Я немец, — говорил он французам.—Я был призван в гитлеровскую армию по мобилизации и все время искал подходящего случая, чтобы перейти на сторону борцов за справедливость. Наконец мне представился этот счастливый случай, и вот я сражаюсь вместе с советскими партизанами против несправедливости.

Спустя два месяца нам пришлось с боем переходить железнодорожное полотно. Враг соорудил вдоль дороги мощные железобетонные укрепления, обнес дорогу с обеих сторон проволочными заграждениями. Необходимо было любой ценой

расчистить путь, в противном случае дивизии угрожала серьезная опасность. Наши французы очень удачно установили свою пушку и приняли активное участие в очистке дороги. Вскоре путь был очищен, и дивизия начала переход через железнодорожное полотно. Французы тоже приготовились к переходу; они подкатили пушку к самой дороге, но как только они вступили на полотно, противник открыл ожесточенный огонь, и вот оба француза одновременно рухнули, сраженные вражескими пулями. Вместе с ними погиб один наш старый боец.

Мы похоронили французов и нашего бойца вместе. На братской могиле была установлена дубовая доска с надписью: «Здесь покоятся два бойца-француза, бежавшие от гитлеровских палачей и павшие геройской смертью в борьбе с врагом. Вместе с ними покоится советский партизан Иван Горлов».

После боя у села Касабуды гитлеровцы на несколько дней оставили нас в покое. Мы продолжали боевую учебу. Хозяин моей квартиры по-прежнему часто приходил ко мне в комнату и часами беседовал со мной. Темой нашего разговора неизменно было близкое поражение фашистов. Старик мечтал о том дне, когда гитлеровцы будут окончательно изгнаны с польской земли.

— Дожить бы мне до этого дня. А там и помереть можно, — говорил старик.

После боя под Касабудами партизаны стали свозить на санях раненых бойцов. При виде этой тяжелой картины старик сказал мне:

— Польская земля орошается кровью русских героев-партизан, а мы, что же, должны быть в роли простых наблюдателей? Это не дело. Я готов вместе с вами сражаться против гитлеровских разбойников. Жаль только, что силы у меня уже не те...

— Не печалься, дедушка, мы и за тебя всыплем гитлеровцам, — сказал начальник штаба полка Бережной.

— Вся надежда на вас, — старик умолк, было видно, что он волнуется и собирается сказать что-то важное; он прошелся несколько раз взад и вперед по комнате, снова остановился и посмотрел на Бережного: — Я давно собирался поделиться с вами, но все как-то не решался. У меня есть один сын... Выродок... гитлеровский лакей... Они его у нас в Касабудах старостой поставили.

Старик произнес эти слова с трудом, прерывисто дыша, и по морщинистым щекам его потекли тяжелые, выстраданные слезы...

— Где сейчас находится твой сын? — спросил старика Иван Иванович Бережной.

— Испугался вас... Залез в подвал... На шкоду легок, а на расправу слаб... Не моя порода... Отрекаюсь. Вы, ради бога, не удивляйтесь моему поступку. Предателя родины, будь он родной сын или брат, нельзя щадить.

Сказав это, старик вышел из комнаты. Я тотчас же вызвал несколько человек партизан и приказал им немедленно обыскать подвал.

— В этом подвале картофель хранится, — рассказали возвратившиеся вскоре партизаны, — там среди гнилой картошки мы и отыскали этого человека.

За партизанами плелся, словно нашкодившая собачонка, низкорослый мужчина, с взъерошенными волосами и заросшим бородой лицом.

— Ты здешний староста? — спрашиваю я его. В ответ на мой вопрос он только замигал вытаращенными от страха глазами. Он стоял и не произносил ни звука, словно заданный мною вопрос не относился к нему. Иосиф Тоут прикрикнул на старосту и приказал отвечать. Но он продолжал стоять с окаменелым лицом и не произносил ни звука. Так нам и не удалось услышать от него ни одного слова.

— Уведите его,—сказал я партизанам.—И пусть его судят местные жители... Думаю, что они воздадут ему по заслугам...

Вскоре Касабуды стали в центре внимания гитлеровцев. Нам нельзя было дольше оставаться в этом селе, так как в любую минуту могли нагрянуть значительные силы противника. Мы покинули Касабуды и перебазировались в село Лушау.

После прибытия на новое место я обратился к Тоуту:

— Как у тебя, все в порядке? Как устроились ребята?

— Ребята устроились хорошо, да вот только из штаба дивизии сообщили, что пропал боец главной разведки Крючков. По-видимому, он, по обыкновению, где-нибудь хватил через меру и отстал от своих.

— Эх, о Крючкове не стоит и говорить, он ведь анархист, не подчиняется дисциплине, — сказал я Тоуту.

Крючков был донской казак, малорослый, худощавый. На нем всегда была короткая военная шинель, на голове лихо сдвинута набекрень кавалерийская фуражка, из-под которой выбивался длинный чуб. В бою это был смелый и искусный воин, но стоило ему дорваться до водки, как его никакими силами нельзя было оторвать от нее. Подвыпив, он сразу менялся. Ребята говорили: если Крючков разглагольствует, значит он пьян.

У Крючкова была необыкновенная лошадь: огромная, очень высокая, она напоминала верблюда.

— Крючков! Тебе бы следовало лестницу приобрести, ведь без нее ты не сможешь взобраться на своего коня, — шутили партизаны. Но Крючков любил своего коня, и в этом ничего удивительного не было, так как бо́льшую часть времени он проводил в седле. Спросишь, бывало, где Крючков? И получаешь почти всегда один и тот же ответ — на коне сидит. Все свое немудреное партизанское хозяйство он тоже держал на коне: ячмень, сено, одежда, шинель — все у него было аккуратно упаковано в переметных сумках, которые были прикреплены к седлу.

— Крючков, твой табак хвалят, давай проверим! — говорили ему товарищи.

— Он у меня на коне! — отвечал Крючков.

— А ну, дай обрывок газеты!

— На коне у меня бумага.

Когда мы отдыхали, Крючков обычно уединялся, лишь в бою он все время находился вместе с товарищами. Видимо, он понимал, что партизаны не одобряют его страсти к алкоголю и, будучи трезвым, стыдился товарищей. Временами мы думали, что Крючков исправится, но радость наша по этому поводу обычно бывала недолгой. Слабовольный человек, Крючков снова срывался. Достав водку, он тут же напивался, привязывал коня к дереву и засыпал в седле. Часто он так пропадал по нескольку дней. Догнав отряд, он стыдился приблизиться и останавливался на своем коне на почтительном расстоянии. Командование неоднократно наказывало его за эти самовольные отлучки, но и это не помогало. В конце концов Крючков стал жертвой своего порока. В одну из очередных отлучек он напоролся на гитлеровцев и был убит.

Только мы успели расположиться в селе Лушау, как ко мне явился ординарец Вершигоры Ясон Жоржолиани и передал, что командир вызывает меня к себе.

— Мы собираемся сегодня ночью покинуть это село и перебазироваться в село Руда-Руженецкая, — сказал мне Вершигора. — Как только стемнеет, мы выступим отсюда, а ты со своим полком останешься на месте. Этой ночью может прилететь самолет, — ты его примешь и после этого нагонишь нас.

На окраине села, неподалеку от леса, на большой поляне мы развели громадный костер. В три часа ночи послышался отдаленный гул. Вскоре мы распознали характерный рокот советского самолета. Через несколько минут самолет появился над поляной. Мы увидели, как от него отделились какие-то

белые точки; они постепенно росли, и вскоре на землю начали падать тюки с боеприпасами и военным снаряжением. К одному из них была прикреплена записка: «Сердечный привет, дорогие товарищи! Поздравляю с победами! Примите присланные Украинским штабом материалы. Ваш Тараненко».

Самолет сделал еще несколько кругов над освещенной костром поляной, покачал в знак приветствия крыльями, затем лег на курс и стал быстро удаляться. Партизаны смотрели вслед удаляющемуся самолету, махали руками и кричали: «Привет Советской Украине! Привет Киеву!»

Мы хорошо знали летчика Тараненко, он систематически доставлял нам военное снаряжение, медикаменты и другие необходимые материалы.

Мы уложили на сани принятые с самолета тюки и поспешили вслед за дивизией.

XXII

Путь от Лушау до Руды-Руженецкой оказался очень тяжелым. Была необычайно темная ночь, идти приходилось по колено в грязи. Погода быстро менялась: то дул ледяной ветер, дорога быстро подмерзала и сани наши легко катились вперед, то внезапно ветер утихал, дорогу усыпало мокрым снегом и сани начинали увязать в грязи. Приходилось перегружать военное снаряжение на подводы. Беда была в том, что у нас было очень мало подвод. Вконец измученные, вымазанные в грязи, мы с трудом достигли Руды-Руженецкой.

Это были очень напряженные дни. Враг взял нас со всех сторон в кольцо. Неприятельские гарнизоны непрерывно пополнялись свежими частями.

Противник запер все дороги. Мы невольно вспомнили Карпаты. Но партизанские командиры никогда не терялись в трудные минуты, они неизменно проявляли большую проницательность и предусмотрительность.

Мы уже подходили к Руде-Руженецкой, когда к нам подскакал связной из штаба. Штаб предлагал мне выслать один батальон в южном направлении и запереть там дорогу, так как, по донесению разведчиков, с юга следовало ждать нападения противника. Я спешно выделил батальон и выслал его под командованием Сердюка на выполнение боевого задания штаба. До этого я выделил роту под командованием Бородового, которая прикрывала с тыла движение нашего полка. Мы благополучно достигли Руды-Руженецкой. Только мы расположились в выделенных для нас хатах, как прискакал связной от Сердюка и доложил:

— Сердюк сообщает, товарищ командир, что его батальон подвергся нападению превосходящих сил противника. Он просит срочно выслать боеприпасы.

— Ты был свидетелем нападения? — спросил я связного.

— Да, я видел все собственными глазами. В этом направлении движутся большие силы противника. Нам благоприятствовала погода, место нашего укрытия было затянуто густым туманом. Наши бойцы залегли по обеим сторонам дороги и ждали появления врага. В это время вдали раздался шум приближающейся машины. Над дорогой стоял такой густой туман, что ничего нельзя было различить на расстоянии нескольких шагов. Гул нарастал, машина приближалась. Еще несколько минут, и в тумане показался неясный силуэт легковой машины. Партизаны открыли по машине автоматный огонь. Изрешеченная пулями машина стала как вкопанная посреди дороги. Когда мы открыли дверцы машины, то внутри оказалось пять трупов гитлеровцев. По мундирам убитых было видно, что все они офицеры. Как выяснилось из документов, один из них был командиром крупной воинской части. Вскоре после этого к месту происшествия подошли основные силы противника и завязался бой. Враг со всех сторон наседал на наш батальон. Товарищ Сердюк послал меня к вам в самый разгар этого боя...

Я отдал приказ, чтобы Сердюку немедленно была отправлена подвода с боеприпасами.

Только я собрался поработать над картой, как раздался стук в дверь.

— Кто там? — спросил я.

— Товарищ командир, прибыл связной от Бородового, хочет срочно вас видеть.

— Впусти его! Ну, что случилось, как дела? — спрашиваю вошедшего связного. Тот доложил:

— Подойдя к назначенному месту, мы стали устраивать оборону. Вокруг стоял густой туман. Враг, оказывается, находился в лесу по другую сторону дороги. Окружив нас, он открыл огонь. Мы тоже ответили огнем, во время этой перестрелки у нас два бойца были убиты и двое ранены. Затем враг прекратил огонь. Бородовой просит, товарищ командир, как можно скорее подбросить подкрепление.

— Небось во время устройства обороны шумели, не так ли?

— Был грех, товарищ командир, бойцы громко разговаривали!

— Ну, в таком случае вы еще легко отделались. Почему не выслали вперед разведку? Вы, наверное, думали, что враг

испугался вас и попрятался. Большой вред приносят необдуманность и недооценка сил врага, — сказал я связному. — Передай это своему командиру.

Я послал Бородовому взвод, а со связным послал письмо, в котором упрекал его за неосторожность. Позже, при личной встрече, я еще раз отчитал Бородового.

Атаки врага с каждым часом усиливались, мы оказались перед лицом очень серьезной опасности. Положение усугублялось тем обстоятельством, что у нас на исходе были боеприпасы. Правда, мы недавно кое-что получили самолетом, но расходовали в непрерывных боях значительно больше. Прибытие же следующего самолета зависело от благоприятной погоды.

На всех участках завязались ожесточенные бои. Командир дивизии был вынужден бросить в бой почти весь личный состав соединения.

Разведчики то и дело сообщали тревожные вести. Мы уже знали, что в районах Замостья и Янова враг сосредоточил свыше двух тысяч человек. Войска противника были хорошо вооружены и готовились к нападению на села, в которых были расположены части нашей дивизии.

Партизаны внимательно наблюдали за передвижением неприятельских войск. К этому времени мы успели хорошо укрепиться. И вот наконец показались вражеские бронетранспортеры. Наши бронебойщики открыли сосредоточенный огонь и вскоре подбили один транспортер. Идущая вслед за транспортером пехота противника была скошена пулеметным огнем. Второй бронетранспортер поспешно повернул и пустился наутек.

Бой продолжался несколько часов, в дальнейшем враг прекратил на этом участке всякие атаки.

Более серьезный характер принял бой в селе Бевня, где был расположен второй полк. После продолжительной артиллерийской подготовки враг двинул на это село значительные силы пехоты. Полк под командованием Кульбаки оказал решительное сопротивление. Заняв расположенную перед селом возвышенность, он в течение пяти часов отражал непрерывные атаки неприятеля. В конце концов противник, понеся большие потери, отступил в район Замостья и Красной руды.

Но передышка была недолгой. Противник вскоре снова собрался с силами и охватил кольцом партизанский полк, расположенный в Осарачье и Еварече, навязав ему бой.

Однако и на этот раз враг был отброшен: потеряв два танка и один бронетранспортер, гитлеровцы отступили.

Желая любой ценой сломить сопротивление партизан, гитлеровское командование непрерывно посылало атакующим частям свежие пополнения.

Штабом нашей дивизии вскоре был издан приказ об оставлении Руды-Руженецкой и переходе в другое место.

Мы еще находились в Руде-Руженецкой, когда над нами в небе появился громадный транспортный самолет противника. Самолет летел с большой скоростью, партизаны нашего конного эскадрона открыли по самолету сильный огонь. Поврежденный самолет с трудом пролетел три-четыре километра, после чего был вынужден совершить посадку. Экипаж и пассажиры, а их было несколько десятков человек, поспешно начали выбираться из поврежденного самолета и стали занимать оборону вокруг машины. Они попытались установить связь с близстоящей воинской частью. И действительно, через несколько часов к месту катастрофы прибыло воинское подразделение гитлеровцев. Они внимательно обследовали самолет и, убедившись, что повреждения слишком серьезные, разобрали его на части и отправили на открытых платформах в Германию. Об этом нам сообщили местные крестьяне.

На следующий день после того как мы покинули Руду-Руженецкую, большие силы противника окружили это село. Затем появились немецкие бомбардировщики, которые начали беспощадно бомбить Руду-Руженецкую. Гитлеровцы значительно позже узнали о том, что партизаны заблаговременно покинули село.

В эти сложные, напряженные дни большая работа выпала на долю наших разведчиков. Они с честью выполняли все задания командования, проявляя при этом исключительную смелость и находчивость. Однажды разведчики донесли, что в районе Белгорая концентрируются значительные силы противника, которые со дня на день могут выступить против партизан. Кроме того, в местечке Тарногруд крестьяне сообщили нашим разведчикам, что накануне вечером мимо их местечка, в направлении Янувского леса проследовала большая воинская часть противника с танками и пушками. По всему было видно, что гитлеровцы стараются провести эту операцию скрытно. Вступив на территорию, прилегающую к местечку, они предупредили население: «Пока не проследуют все войска, чтобы ни один человек не выходил из дому, всякий, нарушивший этот приказ, будет сурово наказан». Несколько человек наиболее смелых крестьян все же вышли из дому и потом сообщили нашим разведчикам, что

через их село прошли подразделения, состоящие из эсэсовцев и полицейских. Вскоре новая группа разведчиков донесла, что из селения Цешанова выступила конная часть неприятеля, которая быстрым маршем двигается в направлении Нароля. Вся эта концентрация войск противника и передвижение проводились с целью нанесения решительного удара по нашей дивизии.

28 февраля 1944 года наша дивизия достигла Майданскинявска и расположилась лагерем в его окрестностях.

Первый полк расположился в селении Павлово. Здесь нами были обнаружены склады, оставленные партизанским соединением генерал-майора Наумова. Местные жители рассказали нам, что две недели назад соединение Наумова имело здесь серьезный бой с гитлеровскими войсками. Крестьяне, оказывается, подобрали на поле боя двух тяжело раненных партизан, которых они выходили. После нашего прибытия в Павлово наумовцы, которые к этому времени уже вполне оправились, присоединились к нашей дивизии.

Мы хорошо отдохнули в Майданскинявске и Павлове. Штаб выслал по всем направлениям усиленные группы разведчиков. Нас очень интересовала обстановка на противоположном берегу реки Сан и на железнодорожной линии Львов — Перемышль.

В те дни, когда мы еще находились в Руде-Руженецкой и готовились к выступлению оттуда, стояла отличная погода. Каждый день можно было ждать прибытия самолета из Киева, который должен был доставить боеприпасы. Поэтому, покидая это село, мы оставили в нем Тютерева с одним батальоном. Он должен был принять самолет и доставить боеприпасы. Мы с нетерпением ждали известия от Тютерева. Вскоре в Павлово прибыл сам Тютерев, но с пустыми руками. Самолет так и не прилетел. Положение осложнялось, так как боеприпасы у нас кончились. Но мы не падали духом, ведь недаром мы были ковпаковцы — из нашего лексикона были вычеркнуты слова «безнадежность» и «отчаяние»...

Возвратившаяся вечером группа разведчиков сообщила, что каждую минуту можно ждать нападения противника на село Ожаны. Жители этого села рассказали разведчикам, что в последние дни большие силы гитлеровцев сосредоточиваются в прилегающих к селу лесах. В то время в Ожанах стояло наше кавалерийское подразделение. На следующий день, на рассвете, гитлеровцы действительно напали на Ожаны. Партизаны достойно встретили неприятеля.

Вскоре на улицах Ожан разгорелся рукопашный бой. В короткой, но жестокой схватке враг был разгромлен. Как выяснилось из допроса пленных, в этом бою принимали участие курсанты полковой школы эсэсовцев. Пленные рассказали, что их подготовили к отправке на фронт и они уже сидели в вагонах, когда неожиданно, по распоряжению начальника эшелона, их всех ссадили с поезда и объявили, что в соседнем лесу засела банда, проникшая сюда с берегов Буга, которую надо спешно ликвидировать, после чего вы, мол, отправитесь на фронт.

Однако победа в Ожанах обошлась нам дорого. В этом бою наши конники потеряли двух своих замечательных, храбрых командиров — Ларионова и Гапоненко. Оба они были участниками Карпатского рейда.

Штаб дивизии поставил перед нами задачу — овладеть городом Ульяновым. Поляки, жители этого города, сообщили нам, что гитлеровцы сильно укрепили Ульянов и держат в нем многочисленный гарнизон, который охраняет военные склады. Наша разведка полностью подтвердила сообщение польских патриотов, причем оказалось, что в городе имеются склады боеприпасов. Кроме того, поблизости от Ульянова имелся благоустроенный аэродром. Стоило нам захватить город, как аэродром терял для оккупантов свое значение. Осуществление операции по овладению Ульяновом штаб дивизии возложил на третий полк.

Партизаны молниеносным ударом овладели городом. Во время штурма рота Серго Арутинова вырвалась вперед, смяла оборону противника и первой вступила в город. Бойцы Арутинова достигли радиостанции и стали ее разрушать. К этому времени в город ворвались с разных сторон остальные части третьего полка. Удар был настолько внезапным, что гитлеровские части, расположенные в соседнем городе Кешнове, а также охрана аэродрома не успели оказать помощи ульяновскому гарнизону. После овладения городом партизаны захватили военные склады неприятеля и стали нагружать на подводы боеприпасы и военное снаряжение. В этом бою было взято в плен около сорока гитлеровцев. После этой успешно проведенной операции мы могли спокойно продолжать путь.

Командование дивизии приняло решение об овладении городом Кешнов. Проведение этой операции было опять возложено на третий полк. Выделенная командиром полка ударная рота уничтожила охрану противника, и путь к городу был открыт. Однако бойцы третьего полка не успели

вовремя овладеть мостом через реку Сан, враг воспользовался этим и стал подбрасывать к мосту свежие силы и в том числе танки. Гитлеровцы сумели закрепиться на мосту, в результате чего партизанам пришлось оставить город и изменить маршрут.

Мы вышли из города спокойно, но оказалось, что враг успел заминировать дорогу на Луково, и на одном перекрестке на мине подорвалось наше орудие. В результате взрыва у наводчика Алексеева была оторвана ступня, на части был разорван белорус комсомолец-разведчик Захар Висковский. Партизаны тут же разобрали поврежденную пушку и уложили ее на подводу. В дальнейшем мы исправили эту пушку и она сослужила нам еще большую службу.

Положение с каждым часом осложнялось. Враг продолжал непрерывно подбрасывать подкрепления, гитлеровцы перешли к активным действиям. Было опасно оставаться дольше в районе Белгорайского леса. Враг все чаще переходил в атаки. Неприятельские войска, преследовавшие соединение генерал-майора Наумова, теперь преградили путь нашей дивизии и не давали нам покоя. Район железнодорожной линии Львов — Перемышль кишел гитлеровскими войсками. Двигаться на запад также было крайне опасно, так как неприятель сконцентрировал на этом направлении большие силы, главным образом, по обоим берегам рек Сан и Ман. Все мосты через эти реки были сильно укреплены. Взяв нас в кольцо, враг решил любой ценой уничтожить партизанскую дивизию. Намерения противника были ясны каждому командиру и рядовому бойцу нашей дивизии.

Повторялась карпатская история, когда мы оказались в таком же тяжелом положении. Но партизаны не падали духом.

— Раз мы устояли в горах, то здесь, на равнине, и подавно устоим, — говорили они.

Надо было вовремя оставить этот район. Нам удалось прорвать окружение противника, мы сделали бросок километров на двадцать и, оторвавшись от неприятеля, стали лагерем в селе Домбровица.

Снег окончательно стаял, земля, которая в зимние морозы была тверда, как железо, теперь размякла и превратилась в густую жижу. На санях уже нельзя было ехать. Еще не доезжая до Домбровиц, я отправил группу бойцов под командованием заместителя начальника по хозяйственной части Боголюбова в одно большое село за телегами.

— Старайся собрать телеги у помещиков, у них отбирай без всяких разговоров, — сказал я Боголюбову, — если же этим путем не удастся собрать необходимое количество телег, то придется закупить их у крестьян.

На рассвете мы вступили в Домбровицы и расположились здесь лагерем. Вскоре вернулся Боголюбов, но без телег. Оказывается, небольшой отряд напоролся в селе на гитлеровцев.

— Село набито гитлеровцами, — сказал Боголюбов. — Как только мы вошли в него, фашисты открыли огонь. Нам, правда, удалось отступить без потерь, но зато мы не смогли выполнить вашего задания.

— Как ты думаешь, в этом селе находятся большие силы неприятеля? — спросил я Боголюбова.

— По всему видно, что их там очень много. Они открыли по нас одновременно пулеметный, автоматный и артиллерийский огонь. Мы смогли выбраться из этого пекла невредимыми лишь благодаря густому туману.

Учтя создавшуюся обстановку, мы тотчас же приняли необходимые меры. По опыту мы знали, что гитлеровцы непременно будут преследовать отступившего Боголюбова. Так и случилось. К нам подскакал связной. Я сразу подумал: наверное, заметил неприятеля. Связной не успел доложить, как на подступах к селу раздалась частая стрельба.

Партизаны встретили гитлеровцев сильным огнем. Я послал связного к Тютереву с приказом, чтобы он со своим батальоном зашел противнику в тыл. Тютерев умело выполнил задание и занял отличную позицию в тылу врага. Он ракетой дал знать об успешном выполнении приказа. После этого мы перешли в решительную атаку; завязался рукопашный бой. Вскоре враг дрогнул и начал отступать. Только незначительная часть гитлеровцев спаслась бегством под покровом густого тумана, основные же силы противника были уничтожены. Мы возвратились в село с подводами, груженными трофейным оружием, боеприпасами и продовольствием.

Возвратившиеся из разведки два бойца принесли запечатанный конверт. На наш вопрос, откуда они взяли это письмо, бойцы рассказали: «Мы отдыхали в лесу недалеко от дороги, вдруг мы заметили бегущую по дороге большую собаку. У нее к ошейнику было подвешено это письмо. Мы заинтересовались, бросились к собаке, но не смогли ее схватить. Отбежав метров на сто, она обернулась, подняла голову, посмотрела в нашу сторону, а затем пусти-

лась стрелой наутек. Иного выхода у нас не было, пришлось стрелять. Собака упала, мы подбежали к ней и сняли с ошейника этот конверт».

На конверте была надпись на немецком языке. Я вызвал переводчика Щербата. Он прочитал письмо, покачал головой и рассмеялся. Начальник одного гитлеровского гарнизона писал начальнику другого гарнизона: «Вам, наверное, известно, что вчера вечером на станции высадились вспомогательные войска. В настоящее время в этом районе мы располагаем значительными силами, так что мы сможем не только противостоять партизанам, но и свернуть им шею. Мы должны выкорчевать их с корнем на территории Польши». В приложенном к письму плане подробно указывалось, в какое время и в каком порядке должны быть развернуты боевые действия против нас, в каких местах должны быть устроены укрытия и засады. В этом письме указывалось даже время одновременного выступления всех сконцентрированных в этом районе воинских частей. Однако ожидания начальника гарнизона не сбылись, его связной провалился, и план был сорван.

Ночью, когда Тоут и Бережной пошли проверять оборону, я уселся у печки и стал перечитывать последнее письмо Вано Рехвиашвили. Вано писал мне: «Хотя я теперь инвалид и не могу сражаться в ваших рядах, но я все же продолжаю служить военному делу. Я работаю в управлении по оказанию помощи семьям фронтовиков».

Приближался рассвет. Внезапно открылась дверь, в комнату вбежал Бережной.

— Товарищ командир! Враг приближается, с минуты на минуту гитлеровцы могут ворваться в село! Они очень странно одеты, сам черт не разберет, что они на себя напялили!

Как только я вышел из хаты, поднялась сильная стрельба. Враг атаковал деревню. Я тотчас же послал связного в штаб сообщить о приближении врага. Партизаны приняли бой. Вражеские солдаты были одеты в неизвестную нам форму. Захватив одного из них, мы установили, что на нас напала итальянская часть. На головах у них были какие-то широкие серые шапки. Противник открыл огонь из всех родов оружия и вскоре перешел в атаку. Было видно, что итальянцы еще не были знакомы с грозной силой рукопашного партизанского боя.

Весь личный состав полка принял участие в этом бою. Итальянцы потеряли не только свои шапки, но и головы.

Они оставили на поле боя убитыми свыше двухсот солдат и офицеров. Мы захватили четыре батальонных миномета, много автоматов, восемнадцать человек взяли в плен.

Наше дальнейшее пребывание в селении Домбровицы было нецелесообразно. Враг мог в любую минуту бросить против нас большие силы. Поэтому дивизия в спешном порядке оставила Домбровицы.

Мы сообщили в Украинский партизанский штаб об оставлении Домбровиц и о нашем дальнейшем маршруте; мы просили при первой возможности выслать боеприпасы. И на этот раз командование поручило мне принять самолет. Я приказал захватить с собой побольше соломы, чтобы, услышав гул самолета, разжечь костер. Мы выступили из Домбровиц в полном боевом порядке. Дивизия растянулась на восемь километров. Был март, погода то и дело меняласъ. Лошади с трудом тащили увязавшие в грязи подводы. Мы жалели о зиме, когда промерзшая земля была твердая, как асфальт.

Раздался отдаленный гул самолета.

Мы стали спешно готовиться к приему. Я отдал приказ, чтобы подводы с соломой отделились от общей колонны и партизаны выбрали бы место для разведения костра.

Выбрав подходящее место, партизаны сложили на земле четырехугольником солому и развели костер. Это был условный знак для самолета. Самолет сначала пролетел над костром, затем возвратился и сделал над ним круг. Вслед за этим к земле начали медленно спускаться белые зонты парашютов с подвешенными к ним тюками. В этот раз мы приняли пятнадцать тюков.

От внимания врага не укрылся прилет самолета. В это время противник находился на расстоянии каких-нибудь двух-трех километров от места приемки груза. Заметив самолет, противник открыл по нему стрельбу, но безрезультатно. Мы погрузили тюки на сани и поспешили за дивизией. Дорога была настолько плохая, что мы с большим трудом нагнали своих.

Приближался рассвет. Было видно, что мы не сумеем достигнуть назначенного места под покровом ночи. Поэтому мы были вынуждены свернуть в первую встретившуюся на пути деревню. Дивизия расположилась лагерем в селении Липина-Дольная, где мы провели целый день, до наступления темноты. Оставаться в этой деревне дольше было небезопасно, так как нас по пятам преследовал враг. Необходимо было запутать его. Несмотря на усталость, мы все же к

семи часам вечера оставили Липина-Дольную и продолжа
ли путь.

В нашей колонне было много подвод с ранеными
больными бойцами. Врачи и санитары ехали вместе с ним
окружая их вниманием и заботой.

И в эту ночь нам не удалось покрыть большое расст
чние и достигнуть намеченного пункта.

— Скоро наступит рассвет, — сказал Тоут, — придет
опять свернуть в ближайшую деревню и дожидаться в не
наступления темноты. Но ничего не поделаешь, иного вы
хода нет!

Не успел Тоут договорить, как раздалась автоматна
стрельба.

Головная часть колонны подошла к селу Луково. При
скакавший в это время связной доложил, что находившийс
а селе вражеский гарнизон обнаружил колонну и обстре
лял ее.

В головной части колонны находился второй полк по
командованием Кульбаки, которому и пришлось принять бой

На этот раз бой был короткий, гитлеровцы не выдер
жали партизанской атаки и отступили в лес. Партизаны
ворвались в село.

Однако стычка с неприятелем на этом не закончилась
Разведчики донесли, что неприятель снова концентрирует си
лы. Мы организовали вокруг Лукова усиленную оборону
В течение целого дня мы не выпускали из рук оружия, ожи
дая с минуты на минуту нападения врага.

Часов в двенадцать дня мы услышали гул самолетов

— Юнкерсы! — закричали партизаны.

Через несколько минут над селом появились громадные
самолеты, которые начали беспорядочно сбрасывать бом
бы. В мгновение ока деревня опустела; партизаны укрылись
в заранее намеченных местах. Самолеты довольно долго
кружили над селом, в конце концов, по-видимому, решив,
что в селе никого нет, пристроились друг за другом и так
гуськом скрылись за горой.

Наши разведчики между тем приносили все более тре
вожные сведения. Враг подбрасывал все новые и новые си
лы в расположенные вокруг нас города и села. Укрепления
противника находились друг от друга на расстоянии какого-
нибудь километра.

— Да, нелегко будет нам выйти с честью из такого
трудного положения! — сказал мне Бережной.

— Не беспокойся, друг, нам приходилось бывать и в

худших переделках, но мы всегда находили выход. Боеприпасов у нас сейчас вдоволь! Это главное! Остальное же целиком зависит от нас самих.

Партизаны стояли группами во дворах, на улицах и громко разговаривали:

— Положение очень серьезное!

— Не беда, обстановочка бывала и потруднее!

— Что ты имеешь в виду?

— Вспомни хотя бы карпатские бои!

— Верно, Карпатский рейд — это было суровое испытание. Но предстоящие бои будут не менее жестокими. Враг нас окружил плотным кольцом, прорвать которое будет очень трудно, неизбежны большие жертвы.

— Мы должны любой ценой прорвать вражеское кольцо и выйти из окружения!

— Я не говорю, что мы не найдем выхода из создавшегося положения, ясно одно — впереди тяжелые бои.

Партизаны напряженно следили за сложившейся обстановкой и готовились к решительной схватке с врагом.

■ ■ ■

Возвратившиеся из очередной боевой операции разведчики принесли трофеи. Командир взвода разведчиков Барсуков рассказал, при каких обстоятельствах им удалось их захватить.

«Мы сидели в засаде у железнодорожного полотна. Вдруг вдали показалась какая-то черная точка, которая быстро увеличивалась.

— Дрезина! — воскликнул стоявший рядом боец.

— Верно. А ну, ребята, быстро занимайте места. Как только дрезина приблизится на сорок — пятьдесят метров, по моему сигналу откроете огонь!

Дрезина неслась с большой скоростью. Вот она уже совсем близко, я подал условный знак, и в тот же момент грянул залп. Как вскоре выяснилось, в дрезине находились солдаты и полицейские. В полевых сумках убитых мы обнаружили много документов. У одного немца сумка была набита фотонегативами».

Мы передали негативы любителю и большому знатоку фото Вершигоре.

— Негативы требуют обработки, сейчас на это у меня нет свободного времени. Вот кончится война, тогда я их и проявлю, — сказал Петр Петрович.

После окончания войны я, будучи в Москве, как-то спро-

сил Петра Петровича об этих негативах. Как оказалось, гитлеровцы запечатлели на них взорванные партизанами мосты и пущенные под откос эшелоны.

Мы все еще находимся в селе Луково. Вокруг стоит абсолютная тишина, можно подумать, что здесь никогда не ступала вражеская нога. Мы отлично понимаем, что эта тишина обманчива, что она предвестница приближающейся грозы. Бойцы и командиры чувствовали себя напряженно. Партизаны чистили оружие, для проверки из рук в руки переходят вычищенные и собранные винтовки и автоматы. Бойцы боятся, как бы в решающую минуту не подвело оружие.

Из штаба дивизии пришел связной и принес приказ, в котором говорилось, что в девятнадцать часов дивизия должна выступить из Лукова. Начались приготовления. Точно в назначенное время соединение в полном боевом порядке выступило из села.

Вскоре мы встретили наших разведчиков, которые сообщили, что неприятель устроил вдоль всей дороги засады, и поэтому надо быть наготове. Мы выслали вперед усиленные отряды разведчиков. Группы разведчиков продвигались по обеим сторонам колонны. Они получили задание тщательно изучить местность, прилегающую к дороге. Нам предстоял переход через железнодорожное полотно. Как обычно, и на этот раз на мой полк было возложено обеспечение беспрепятственного перехода дивизии. Как только мы подошли к железной дороге, я занял позицию на расстоянии двух-трех километров от железнодорожной линии. Разместив бойцов, я пошел с разведчиками обследовать окрестности. Вскоре показалось железнодорожное полотно.

— Никого не видно! — говорит командир разведывательной группы. — Уж не ловушка ли это?

Тщательно обследовав местность, мы убедились, что поблизости от дороги не было ни одной живой души. Можно было начинать переход. Я тотчас же известил об этом штаб дивизии. Дивизия благополучно пересекла дорогу. Мой полк замыкал колонну. Прежде чем догнать дивизию, мы на протяжении нескольких десятков метров взорвали железнодорожное полотно.

На рассвете дивизия вступила в село Бондижи.

— Когда отсюда ушли гитлеровцы? — спрашиваем мы крестьян.

— Вчера убежали!

— Убежали?

— Да, они сразу собрались и очень спешили покинуть деревню.

Мы хорошо понимали, что означало это поспешное «бегство». Враг хитрил, фашисты хотели сбить с толку партизан, хотели обмануть их. Под видом бегства они в действительности проводили концентрацию сил с тем, чтобы в подходящий момент напасть на нас.

— Неужели, покидая село, они ничего не сказали вам?— спрашиваем мы крестьян.

— Комендант села предупредил нас, что скоро сюда придут партизаны, и посоветовал нам как можно скорее покинуть село и укрыться в лесу.

— А вы не спросили его, зачем вам надо прятаться от партизан?

— Он сказал, что партизаны разрушат наши дома и все отнимут у нас.

— Ну и что же, вы поверили коменданту?

Крестьяне заулыбались.

— Мы давно привыкли к вранью гитлеровцев, — ответили они.

Крестьяне сообщили нам, что немцы, покидая село, спрятали большое количество продуктов, и охотно показали нам все тайные склады врага. От этих же крестьян мы узнали, что недалеко находится лесопильный завод, выполняющий военные заказы. Второй полк под командованием Кульбаки разрушил этот завод. Разведчики донесли, что в местечке Касабуды, расположенном в нескольких километрах от Бондижи, собрались местные националисты, которым немцы предложили выступить с оружием в руках против партизан. В Касабуды был немедленно направлен второй полк. Подойдя к местечку, Кульбака взял его в кольцо и задал жару бандитам. Часть их была истреблена, часть спаслась бегством, сорок семь человек было взято в плен. Как только второй полк возвратился в Бондижи, над селом появилась вражеская эскадрилья. Самолеты, подобно ястребам, кружили над селом. Однако мы были так хорошо замаскированы, что нельзя было и предположить о нашем пребывании в селе. Неприятельские летчики, решив, что в селе никого нет, беспорядочно сбросили несколько бомб, повернули и быстро скрылись.

Враг мог вскоре обнаружить нас, а поэтому было рискованно задерживаться в этом селе. Мы стали готовиться к выступлению. В это время начался сильный снегопад. Из штаба мне сообщили, что ночью в Бондижи должен прибыть

наш самолет, который надо принять. Выступая из села, я выделил второй батальон, который должен был остаться на месте и принять самолет. Выйдя из Бондижи, мы двинулись на северо-запад. Нам надо было любой ценой выскользнуть из вражеской ловушки.

Для того, чтобы сбить неприятеля с толку, мы решили снова свернуть в Касабуды и стать там лагерем. В этом селе мы находились приблизительно две недели назад. Враг не предполагал, что мы снова возвратимся туда. Вскоре нас догнал батальон, оставленный в Бондижи для приемки самолета. Как выяснилось, Украинский партизанский штаб сообщил радиограммой из Киева, что из-за непогоды высылка самолета откладывается. Только мы подошли к знакомому селу, как связной штаба передал мне план дальнейших действий. Согласно этому плану штаб дивизии и первый полк должны были стать лагерем в селении Касабуды, второй полк — в селении Верховицы, находившемся по соседству, а третий полк — в селе Вепщец-Заречье. Штаб отдал приказ, чтобы в целях маскировки все подступы к селу были засыпаны снегом. Вражеские самолеты не должны были обнаружить пребывание в этом селе партизан.

В Касабудах крестьяне передали нам номер фашистской газеты, которая называлась «Страж над Бугом». Из этой газеты мы узнали о большом беспокойстве, царившем в стане гитлеровцев. Они очень остро переживали появление на территории Польши советских партизан. Их покой был нарушен. «Поляки, — писала эта грязная газетенка, — беритесь за оружие, изгоним партизан»

Едва только мы заняли оборону, как послышалась отдаленная артиллерийская канонада. Перепуганные крестьяне бросились по домам.

— Ну, началось! — сказал мне Бережной. Мы тотчас же вскочили на коней и поскакали к линии обороны. Враг атаковал позиции второго и третьего полков. В это время первый батальон первого полка находился в сравнительно безопасном месте, второй батальон занял шоссейную дорогу. Противник повел жестокие атаки против второго батальона. Первой ротой этого батальона командовал Дорофеев. Партизаны встретили противника дружным огнем, но в результате непрерывных атак значительно превосходящих сил противника первая рота начала отходить. Как только мне доложили об этом, я тотчас же бросился к месту боя: «Стойте, ни шагу назад!» — крикнул я отступавшим бойцам. В этот момент показались вражеские танки. Они медленно ползли вперед. Я приказал

второй роте второго батальона немедленно доставить Дорофееву противотанковое оружие. Уже почти вся дивизия втянулась в бой. Борьба шла не на жизнь, а на смерть.

Вдруг я заметил, что санитары несут в нашу сторону носилки.

— Кто ранен? — крикнул я еще издали приближающимся санитарам.

— Дорофеев, он получил тяжелое ранение в руку и ногу..

Вскоре в небе появились фашистские стервятники, которые начали бомбить расположение нашей дивизии. Гитлеровцы не ограничились этим. С помощью ракет они сигнализировали своей артиллерии. Тотчас же заговорила вражеская артиллерия, снаряды вскоре стали ложиться довольно точно.

Быстро росло число раненых партизан.

— Вышлите подкрепление! — попросил я командира дивизии.

— У меня нет больше резервов, я не могу выслать вам подкрепление, вся дивизия втянута в бой, — ответил Вершигора.

— Пришлите тогда хоть оружие, мне необходима артиллерия! — попросил я штаб.

— Посылаем артиллерию... Вы должны любой ценой задержать врага до наступления темноты... Ночью мы организуем прорыв и выйдем из неприятельского окружения, — написал мне Вершигора.

Я приказал партизанам постепенно уменьшать огонь, а затем совсем его прекратить. Мой приказ был выполнен точно. Маневр удался. Гитлеровцы решили, что партизаны не выдержали их натиска и отступили. Теперь обнаглевшие фашисты стали наступать развернутым фронтом. С лязгом поползли танки, за ними шла пехота. Нашим минерам удалось скрытно заминировать в нескольких местах дорогу. Как только немцы подошли совсем близко, наши бойцы выскочили из укрытий и бросились в атаку. Пехота неприятеля была вынуждена отступить. Танки же продолжали продвигаться вперед.

Вдруг один за другим раздались оглушительные взрывы.

— Что случилось?! — спрашиваю связного.

— Два неприятельских танка подорвались на наших минах, — ответил мне связной.

Остальные танки остановились и стали вести огонь с места.

— Товарищ командир! — доложил мне связной: — Наша

артиллерия прямой наводкой вывела из строя еще один танк противника!

Для партизан это было большой удачей.

Враг непрерывно получал свежие подкрепления. В воздухе кружили неприятельские самолеты, которые бомбили расположение партизан. Отступившая пехота противника, получив подкрепление и перегруппировав силы, снова бросилась в атаку. Второй батальон оказался между двух огней, основная тяжесть боя выпала на долю этого батальона. Я был вынужден выслать на помощь второму батальону одну роту. В эти трудные минуты командование дивизии послало на помощь первому полку кавалерийское подразделение. Как только я увидел командира подразделения Гудзенко, я приказал ему:— Вы сейчас должны во что бы то ни стало зайти в тыл противника. Как только выполните этот приказ, известите меня об этом ракетой. После этого условного сигнала батальон перейдет в контратаку, а вы ударите по врагу с тыла.

Выслушав меня, Гудзенко задумался.

— О чем ты задумался! Приступай к делу. Сейчас не время колебаться, нам дорога каждая минута, — сказал я ему.

— Есть, товарищ командир! Я думал о том, в каком порядке нам двинуться отсюда.

— Я рассчитываю на тебя... Теперь все зависит от твоего умения и смелости... Мы должны нанести врагу удар в лоб и с тыла!

В это время бойцы привели в штаб пленного немецкого офицера. Он держался очень уверенно, даже развязно. Приступили к допросу пленного. Но в это время пришел связной из штаба и сказал, что Вершигора распорядился срочно переслать к нему захваченного офицера. Я немедленно отправил пленного в штаб и попросил Бережного сопровождать немецкого офицера и своевременно известить меня о результатах допроса. Бережной вскоре возвратился и слово в слово передал мне содержание допроса. Пленного допрашивал наш партизан Вальтер Брун.

— Вы офицер? — был его первый вопрос.

— Да! Я офицер! — ответил немец.

— Из какой части?

— Из дивизии «Викинг».

— Откуда вы прибыли сюда?

— Наша часть стояла в Замостье, оттуда нас и перебросили сюда.

На вопрос Вершигоры, какие еще части примут участие в сегодняшнем бою против партизан, пленный стал перечис-

чять: сто пятнадцатый полк, который до этого был расквартирован в Ланцуче, первый эсэсовский полк, полицейский полк из Кельц, двадцать шестой эсэсовский полк из Люблина, двадцать второй полк из Львова, и второй полк из Галиции. Кроме того, в бою против партизан принимает участие вторая рота вновь сформированного Краковского танкового полка.

— Эти части сражаются против нас в полном составе? — спросил Вершигора немецкого офицера.

— Нет, часть войск оставлена на местах для охраны сел и городов.

— Что вам сказали, когда перебрасывали сюда? Вы знали, с кем вам придется воевать?

— Знали. Нам сказали, что наши войска окружили русских партизан и надо одним мощным ударом прикончить их.

— Почему вы были так твердо убеждены, что вам удастся одним ударом уничтожить партизан? А может быть, получится совсем обратное? Вы не задумывались над этим?

— Нет, мы об этом не думали, — сказал офицер. — Не думали, и вот почему: здесь сейчас сконцентрированы крупные силы, в распоряжении наших войск артиллерия, танки и минометы, авиация. Вам, наверное, известно, что вы охвачены кольцом!

Закончив допрос, Вершигора сказал напоследок пленному:

— Этой ночью мы прорвем ваше кольцо и выйдем из окружения. Знайте, вам придется повести нас в том направлении, где можно ожидать наиболее слабое сопротивление!

— Я не могу вам этого обещать. Кольцо невозможно прорвать, это напрасная мечта!

Вершигора сдвинул брови и твердым голосом сказал:

— Вы увидите собственными глазами, что это будет именно так. Вы сами будете свидетелем, как мы прорвем кольцо и выйдем из окружения!

— А я все же заявляю, что это будет очень трудно сделать.

— Мы не сможем пройти, не так ли? Так вместе с нами погибнете и вы! Знайте это.

— Ну и что же! — пожал плечами немец. — Меня наградили железным крестом не за то, что я трусил...

Разведчик Мичко бросился к углу комнаты, где в ящике, вместе с другим трофейным мусором, валялась целая груда фашистских орденов. Он захватил пригоршню крестов и поднес руку к самому носу пленного офицера. «Тебя на-

градили одним крестом, а мы можем навешать тебе их на мундир хоть десяток!»

Его слова вызвали дружный смех партизан. Фашист молчал и только презрительно щурил глаза.

В этот момент заработала передвижная громкоговорящая установка немцев:

— Внимание, внимание! Партизаны! Наши войска окружили вас тройным кольцом. Если вы не хотите верной гибели, то бросайте оружие и сдавайтесь. Мы вам даем гарантию, что сохраним каждому партизану жизнь, обеспечим одеждой, обувью, отборными напитками. Мы будем выдавать вам ежедневно на душу по две бутылки шампанского и по две коробки сигарет. Если примете наше предложение — будете в выигрыше, а если не примете, то сложите свои головы.

Вражеский агитатор, наверное, еще долго продолжал бы свою гнусную болтовню, но возмущенные партизаны открыли по неприятелю сокрушительный огонь. Враг, со своей стороны, перешел на всех участках в наступление.

Ко мне подбежал Бережной и передал приказ Вершигоры: «Держитесь, любой ценой держитесь, не отступайте ни на шаг, скоро наступят сумерки. Как только стемнеет, мы прорвем вражеское кольцо и выйдем из окружения».

Нам стало известно, что второй полк успешно отразил все атаки противника и сбил вражеский самолет. Успехи второго полка воодушевили нас, и мы стали с еще большим упорством отражать атаки гитлеровцев. В целях сохранения живой силы и выбора более удобной позиции мы заняли новую оборону. Наконец спустились сумерки. Ко мне подбежал связной и доложил приказ штаба: «Неприятельское кольцо прорвано, готовьтесь к выходу из окружения».

Враг догадался о случившемся. Разъяренные неудачей гитлеровцы усилили натиск. Приказ штаба гласил: «Пока дивизия полностью не выйдет из окружения, первый полк должен оставаться на месте и сдерживать противника».

Гитлеровцы прямо обезумели, они никак не могли примириться с тем, что мы можем ускользнуть из их рук. Они снова начали яростно атаковать позиции первого полка.

В самый разгар боя мне доложили:

— Товарищ командир, одного нашего минера, который закладывал на дороге мину, раздавил танк

Вскоре ко мне подбежал второй партизан и сообщил:

— Товарищ командир! Ребята из третьего полка передали, что пулеметчик их полка был окружен неприятелем и не смог вырваться с пулеметом из окружения. Но он не сдался врагу живым, он застрелился.

Так сражались наши партизаны.

Польская земля была полита кровью советских героев.

Вскоре из окружения вышли второй и третий полки. Под грохот пушек наша дивизия покинула район Касабуды и оторвалась от неприятеля. Темная ночь и густой лес помогли нам прорвать кольцо неприятеля без больших потерь. Фашисты теперь старались любой ценой ликвидировать наш прорыв, но все их старания оказались тщетны!.. Партизаны успешно отражали атаки неприятеля и уверенно продвигались вперед. Выступая из села Касабуды, мы оставили там конную разведку первого полка в составе шестидесяти бойцов. Разведчики открыли сильный огонь по укрытиям противника, создавая впечатление, будто мы готовимся к атаке. В действительности же это был маневр, имевший целью сбить врага с толку. В тех случаях, когда гитлеровцы выходили из укрытий и пытались преследовать нас, их начинали косить пулеметным и автоматным огнем наши разведчики.

Главная задача теперь заключалась в том, чтобы запутать врага, ускользнуть из его поля зрения. Но этому мешали бесконечные засады и укрытия, все проселочные дороги и даже тропы были накрепко заперты врагом. Только выбьем, бывало, гитлеровцев из укрытия и двинемся дальше, как наталкиваемся на новое укрытие, и так без конца. Создавшаяся обстановка вынуждала нас то и дело вступать в бой с противником, что влекло за собой людские жертвы. Поэтому мы решили обходить дороги и продвигаться лесом. Враг довольно быстро разгадал наш тактический маневр и обрушил на лес артиллерийский и пулеметный огонь. Лес всегда был надежным убежищем для партизан, таким он оказался и на этот раз: артиллерийские снаряды валили столетние дубы и сосны, а партизаны оставались невредимыми. Мы уверенно продвигались вперед.

— О чем задумались? — спрашивает пленного немецкого офицера переводчик Брун. Он и немецкий офицер сидели на одной подводе.

Офицер некоторое время молчал. Брун повторил свой вопрос.

— Ну, чего молчите? Что, не удалось нам прорвать ваше стальное кольцо?

— Не знаю, ничего не знаю, — пробормотал пленный.

— Как? Неужели вы еще сомневаетесь?

— Нет, теперь мне все ясно. Но только это все для меня совершенно неожиданно.

— Вы утверждали, что нам отсюда и на крыльях не вырваться, а мы вот без всяких крыльев основательно потрепали ваши полки и благополучно вышли из окружения.

— Если бы вы видели, какое огромное количество войск было сконцентрировано вокруг вас, то вы на моем месте сказали бы то же самое. Наше командование детально разработало операцию по окружению и уничтожению вашего партизанского соединения. После успешного завершения операции мы должны были партизанский штаб и командиров отправить в Берлин. Но получилось совсем по-другому, все наши планы опрокинуты, — с горечью сказал немецкий офицер.

Мы настолько продвинулись вперед, что уже не было слышно артиллерийской канонады. Я вызвал командиров батальонов и рот. «Ну как, товарищи командиры, все бойцы налицо?» — обратился я к ним.

— Да, товарищ командир, в результате проведенной переклички все партизаны оказались налицо, — был ответ командиров.

После этого мы с Тоутом лично обошли все роты и проверили наличие бойцов.

В это время нас нагнала конная разведка, которая была оставлена в арьергарде для отражения возможного преследования противника. Второй и третий полки тоже оставили в тылу своих разведчиков, которые объединились с разведчиками первого полка. Этот объединенный отряд разведчиков одновременно снялся с обороны и двинулся вслед за соединением. Командир разведчиков сказал нам:

— Мы вовремя покинули село. Тотчас же после нашего ухода в село ворвались вражеские танки.

Сейчас мы с сожалением вспоминали зимние дороги. Теперь же, в весеннюю распутицу, повсюду стояла непроходимая грязь. В приличном состоянии были только покрытые мелким щебнем шоссейные дороги, но все они были в руках врага. Трудно даже представить, какие нечеловеческие трудности испытывали партизаны, которым приходилось по колено в грязи, по бездорожью пробираться с подводами по лесу. Больше всего нас утомляло вытягивание из грязи

подвод; казалось, что было бы легче взвалить их на плечи и так нести. Особенно тяжелым было положение больных и раненых.

— Давид Ильич! Давид Ильич! — донесся до меня слабый голос. — Я здесь, Давид Ильич, здесь!

Я присмотрелся к лежащему на подводе раненому и узнал Григория Дорофеева.

— У меня к тебе просьба, Давид Ильич, — с трудом проговорил он, облизывая сухие, посиневшие губы.

Сидевшая у его изголовья фельдшерица поднесла к губам раненого флягу с водой.

— Я надеюсь, дорогой Гриша, что смогу выполнить твою просьбу, — сказал я Дорофееву.

— Дай мне слово, что ты выполнишь мою просьбу!

— Да говори, к чему эти предисловия.

— Вы помните, как я сражался?

— Ты хорошо сражался, Гриша.

— Я никогда не показывал врагу спины!

— Никогда.

— Я был ранен в рукопашной схватке.

— И это верно!

— Тяжело, смертельно!

— Ты ранен тяжело, но не смертельно.

— Нет, вы меня не утешайте! Если я и выживу, то уже не буду годиться в бойцы.

— Почему ты так думаешь? Полечишься, окрепнешь и будешь таким же Григорием Дорофеевым, каким был до сих пор.

— Нет, этому не бывать. Да и к чему жить, если нельзя сражаться...

Я видел, что Дорофеев сильно взволнован. А мне было известно, что врачи не теряли надежды на его спасение.

— Успокойся, дорогой Гриша, все будет хорошо.

— Так, значит, ты не выполнишь моей просьбы.

— Я же тебе сказал, что охотно выполню любую твою просьбу.

— Ну, раз так, то прошу тебя по-братски... Отдай приказ, чтобы со мной покончили.

— Что ты говоришь, Гриша, я тебя не понимаю?

— Не пожалейте для меня одной пули.

— Эх, дорогой Гриша... Теперь я окончательно убедился, что тебе требуется двойное лечение. Кроме раны, надо лечить твои нервы, и, пожалуй, важнее нервы.

Правда, Григорий Дорофеев был тяжело ранен, но его не столько беспокоила рана, сколько вынужденное бездействие, невозможность сражаться плечом к плечу со своими товарищами.

Я, как мог, успокоил Дорофеева и поспешил вперед, к головной части колонны.

Медленно продвигаемся вперед, кажется, что грязь становится все более липкой и тяжелой, все труднее двигаться... Противник нащупал наш арьергард, нам никак не удается оторваться от него. Мы прибегли к испытанному средству: объединили кавалерийские подразделения всех полков и бросили их в направлении Люблина для осуществления диверсий. Мы знали, что враг перенесет все свое внимание на этот район и мы получим на некоторое время передышку. Я взобрался на подводу, натянул на голову дождевик и стал с помощью карманного фонарика рассматривать карту.

Я быстро определил наше местонахождение и отыскал на карте лежащую впереди железнодорожную линию, переезд и небольшую станцию.

Значит, нам скоро предстоит пересечь железную дорогу. Но подпустит ли нас к ней враг? Он, конечно, окажет сопротивление! Лишь в том случае, если он не ждет нас в этом месте, мы сможем без боя перейти дорогу. Неожиданно впереди колонны раздалась частая стрельба, по-видимому, наш авангард вступил в соприкосновение с противником. Оказывается, как только колонна подошла к переезду, находившийся в засаде враг открыл жестокий огонь. На станции, которая находилась поблизости, в это время стоял эшелон, груженный танками. Немецкие танкисты направили пушки танков, стоявших на открытых платформах, в нашу сторону и также открыли огонь. Кульбака со своим полком оказался в зоне артиллерийского обстрела. Партизанам удалось противотанковыми снарядами вывести из строя несколько танков противника. Враг, видно, растерялся и ослабил огонь, партизаны воспользовались этим и стали переходить через железную дорогу. Оправившись, гитлеровцы начали обстреливать колонну трассирующими пулями. Но противнику не удалось задержать движение партизанской дивизии.

Ночь была на исходе. Небо на востоке сначала стало серебристым, а затем начало медленно розоветь. Когда мы подошли к селу Кондрат, было уже совсем светло. Во избежание всяких неожиданностей командование выслало впе-

ред кавалерийский эскадрон. Командир эскадрона Ленкин лично обследовал всю деревню, но нигде не обнаружил противника.

К этому времени конники Ленкина оставляли впечатление регулярной кавалерийской части. Наша кавалерия пользовалась среди партизан большим уважением и являлась важной боевой единицей дивизии. В самом начале, когда наше соединение только организовывалось, комиссар Руднев относился к маленькой группе конников под командованием Ленкина с недоверием и называл их «Иисусовой кавалерией». Читатель, наверное, спросит, почему Руднев был такого невысокого мнения о группе конников. Это объяснялось тем, что в первое время кавалерийская группа была очень малочисленна и с военной точки зрения не представляла никакой ценности. Руднев это видел лучше всех, но молчал только из уважения к Ковпаку, который создал эту группу. Он лишь иногда с иронией в голосе спрашивал: «Интересно, где находится наша «Иисусова кавалерия»?

Однажды Ленкин услышал этот вопрос Руднева и, обидевшись, сказал: «Мы — партизаны, и не имеем ничего общего с Иисусом!» Комиссар ничего не ответил Ленкину, только улыбнулся. Теперь же роль кавалерийской части настолько возросла в нашей дивизии, что нам очень часто было трудно сделать шаг без нее.

Ленкин доложил штабу обстановку, после чего колонна вступила в деревню. Из-за плохой погоды и распутицы колонна растянулась на несколько километров. Мой полк замыкал колонну. Так что в деревню мы вступили самыми последними. Кондрат оказалось большим селом, живописно раскинувшимся на высоких холмах. Это обстоятельство весьма благоприятствовало созданию крепкой обороны. Мы очень хорошо устроились, к тому же нам, по-видимому, удалось оторваться от врага. Вскоре возвратились диверсионные группы, направленные в свое время в Люблинский район. Вместе с одной из диверсионных групп в дивизию пришел партизанский отряд, насчитывавший свыше восьмидесяти бойцов. Этот отряд почти целиком состоял из советских бойцов, в разное время бежавших из концентрационных лагерей. Оказывается, с того дня, как они узнали о нашем приходе в Польшу и о наших боевых делах, партизаны день и ночь разыскивали нас, мечтая влиться в нашу дивизию. Прибывшие партизаны были очень плохо вооружены, почти у всех у них совсем износились одежда и

обувь. Своего командира они называли Казиком. Он был среднего роста, смуглый. Я долго не знал, какой он национальности, так как у него был нерусский акцент, а поговорить с ним по душам мне все не удавалось.

Вершигора пригласил Казика в штаб.

— Вы командир партизанского отряда? — спросил его Вершигора.

— Да, я командир отряда.

— Что за люди ваши партизаны, откуда вы пришли?

— За исключением четырех человек, все бойцы — граждане Советского Союза.

— А кто такие эти четверо?

— Поляки, солдаты, они изъявили желание вступить в наш отряд, мы приняли их и не жалеем об этом.

Вершигора подробно расспрашивал о взаимоотношениях партизан с местным населением, о том, откуда они доставали продукты, оружие, как боролись с врагом, устраивали или нет диверсии и так далее.

— Несмотря на то, что немцы жестоко карали население за связь с партизанами, крестьяне все же находили способы для установления с нами связи. Они обычно, — рассказал Казик, — по ночам встречались в условленных местах с нашими партизанами-поляками, сообщали им необходимые сведения о противнике и передавали продовольствие для отряда. Поляки — партизаны нашего отряда оказали нам громадную помощь уже тем, что они говорили с крестьянами на их родном языке и прекрасно знали местность. Если бы не они, нам бы нелегко пришлось в Польше. Наши диверсионные группы большей частью приводили в негодность железнодорожное полотно, громили имения помещиков, взрывали мосты.

Казик рассказал нам любопытную историю:

— Стремясь завоевать симпатии польского населения, немцы прибегали к всевозможным ухищрениям. Однажды гитлеровцы объявили жителям Люблина: «Завтра, в двенадцать часов дня, пройдет поезд с пленными, большинство пленных поляки. Мы разрешаем вам выйти на станцию и передать пленным съестные припасы». Люди засуетились, приготовили все, что могли, и вышли в назначенный час на вокзал с молоком, маслом, различным печеньем, фруктами. Собралось очень много народу. Все ждали с нетерпением прихода поезда, так как каждый надеялся увидеть родного или близкого человека. Неожиданно железнодорожные

жандармы предложили собравшимся покинуть станцию и объявили, что сами сообщат о приближении поезда с пленными. Вскоре прошли два состава. После этого комендант отдал распоряжение впустить на станцию встречающих. Люди снова вышли на платформу и стали доставать из корзин провизию. Через несколько минут подошел поезд. Но из окон и дверей вагонов вместо пленных поляков стали высовываться немецкие солдаты и офицеры. Одновременно заработали киноаппараты, фашисты начали снимать очередную агитационную кинохронику. Никто из собравшихся так и не увидел ни одного пленного поляка. Так был обманут народ. Позднее жители Люблина узнали, что этот фильм с большой рекламой и шумихой демонстрировался на экранах различных городов. Нам было известно, что немцы неоднократно устраивали подобные трюки во время пребывания на Украине и в Белоруссии.

— В нашем отряде была одна полька-связная, — продолжал Казик, — она точно и своевременно выполняла любое задание. Благодаря этой смелой женщине мы всегда были в курсе всех действий противника и не раз избегали смертельной опасности, вовремя принимали соответствующие меры, покидали опасные места. Враг не раз окружал территорию, на которой, по его расчетам, должен был находиться наш отряд, но мы в это время благодаря своевременному сигналу нашей незаменимой связной находились обычно уже далеко от этого места. В районе действия нашего отряда было много разговоров о храбрости этой партизанки. В конце концов эти слухи дошли и до гитлеровцев. В результате предательства им удалось захватить ее. Фашисты учинили ей допрос:

— Вы сами вызвались быть связной советских партизан?

После короткого раздумья женщина твердо ответила:

— Да, это так!

— Почему вы стали связной у врага?

— Я их не считаю врагами!

— Что же они, по-вашему, друзья?

— Да, они освободители моей родины!

— Уберите отсюда эту мразь и изрубите ее на куски! — отдал приказ взбешенный комендант.

Храбрая партизанка была подвергнута нечеловеческим пыткам и умерщвлена.

Прослушав рассказ Казика, я пошел в штаб своего полка. Мне доложили, что вернулась наша разведка, но командир ее Сердюк не смог ко мне явиться, так как у него отлетели подметки и он пошел прямо в батальон, чтобы привести в порядок обувь.

О результатах разведки мне доложил за него Бокарев:

— Нам удалось расправиться с одним богатым паном, — сказал он. — Его замок походил скорее на неприступную крепость. Крестьяне были поражены, они никак не представляли, что так легко и быстро можно было свергнуть их всемогущего поработителя.

— Помещик был дома? — спросил я Бокарева.

— Как же! Он встретил нас с автоматом в руках, поднял на ноги вооруженную с ног до головы стражу. Мы прежде всего захватили самого пана. Крестьяне нам рассказали, что их пан имеет четыре тысячи гектаров пахотной земли и столько же леса.

При упоминании о земле, несколько разведчиков отвернулись в сторону и стали тихо смеяться. Меня удивило поведение разведчиков.

— Чего вы там смеетесь, ребята, что случилось? — спросил я партизан.

— Да так, ничего особенного, товарищ командир, мы о чем-то вспомнили, вот и смешно стало.

— А вспомнили они, товарищ командир, вот о чем, — улыбнувшись, продолжал Бокарев: — Когда крестьяне нам сказали, что их пан владеет громадными земельными угодьями, товарищ Сердюк внес предложение: «Давайте, ребята, распределим панские земли между крестьянами!» Предложение было, конечно, вполне справедливое, но разве мы располагали временем, да и разве были у нас такие полномочия, чтобы силами одного батальона проводить земельную реформу. Поэтому боец нашего батальона Зинченко сказал Сердюку в ответ на его предложение: «Це, товарищ комбат, политика не батальонного масштаба». Эти слова Зинченко вызвали тогда много смеха.

В Кондрате мы задержались. Эта задержка была крайне необходима после горячих боев: партизаны отдохнули, привели в порядок свое оружие и обмундирование. Во время нашего пребывания в Кондрате ко мне как-то раз вошел секретарь партийной организации полка Непомнящий и сказал, что накопилось много заявлений от бойцов, желающих вступить в партию, и он хочет сегодня созвать партийное собрание.

— Самое подходящее время, — ответил я ему.

Собрание состоялось. Мы внимательно рассмотрели все поступившие заявления и пополнили свою партийную организацию новыми товарищами, показавшими свою преданность делу коммунизма в прошедших боях.

Можно было подумать, что враг забыл о нашем существовании; вот мы уже четверо суток находимся в Кондрате, а противника не видно и не слышно.

Вскоре мы перебазировались в село Отрача; продвигаясь к нему, мы разрушили за собой все мосты.

По прибытии в это село я получил из штаба дивизии приказ о выделении диверсионной группы, которая должна была обнаружить и уничтожить расположенные в окрестности села военные объекты противника. Одновременно на полк возлагалось снабжение дивизии необходимым продовольствием. Для выполнения этой задачи я послал вместе с диверсионной группой нашего хозяйственника Боголюбова.

Больше всего нас тревожило положение больных и раненых партизан, так как не все больные могли питаться из общего котла. В этом отношении громадную помощь нам оказали польские крестьяне, которые ежедневно приносили в наш лагерь молоко, сливки, масло, яйца, причем все это они делали совершенно безвозмездно.

По мере возможности, мы всегда стремились соблюдать правила гигиены. И на этот раз, находясь в селе Отрача, мы организовали баню, побрились, привели в порядок одежду.

Стояла тихая ночь, моросил мелкий дождь. Село спало, спокойно отдыхали и партизаны. Бодрствовала лишь партизанская охрана. Часовые время от времени свистом оповещали друг друга о том, что все спокойно. Наши часовые всегда сознательно, с большой ответственностью относились к своим обязанностям.

Вскоре часовые услышали неясный, отдаленный шум, который быстро нарастал и приближался. Они подняли тревогу и приготовились принять на себя первый удар врага. Был час ночи, когда гитлеровцы атаковали Отрачу. Оборона села была возложена на третий полк. Не было смысла втягивать в бой всю дивизию, так как это повлекло бы за собой немалые жертвы, мы же берегли каждого бойца. Поэтому дивизия спешно покинула Отрачу. В селе оставили только шестой батальон третьего полка под командованием Цымбала. Батальон успешно отразил несколько ожесточенных атак гитлеровцев.

Бой продолжался до самого рассвета. Враг оставил на поле боя свыше двухсот солдат и офицеров.

Девятого марта в восемь часов утра наша дивизия стала лагерем в селах Бискуи, Зокжев и Никодемов. Первый день прошел спокойно.

— Рота Арутинова отличилась в бою под Отрачей, — рассказал мне Цымбал.

Всех нас очень обрадовало сообщение Цымбала. Рота Арутинова имела сравнительно небольшой опыт партизанской войны, но, несмотря на это, своей смелостью и самоотверженностью бойцы этой роты завоевали симпатии всей дивизии. Вершигора вызвал к себе Арутинова и объявил ему благодарность за умелые боевые действия и проявленную храбрость.

— Да, партизаны моей роты, действительно, были на должной высоте, они храбро сражались, хорошо дрался и пулеметчик Зиновий Метревели, — сказал мне Арутинов.

Новое место оказалось очень уютным и тихим. День прошел спокойно. К вечеру возвратилась посланная в район Люблина диверсионная группа.

— Задание выполнено в точности, товарищ командир,— отрапортовал командир диверсионной группы. — Мы взорвали на своем пути все мосты, вывели из строя два спиртных завода!

Диверсии в районе Люблина привлекли внимание неприятеля, туда были брошены основные силы противника. Это обстоятельство дало нам кратковременную передышку.

Однако враг вскоре обнаружил наше новое местонахождение. Против нашей обороны была двинута воинская часть в количестве тысячи пятисот человек. На этот раз, не приняв боя, мы ушли в противоположном направлении. Для того, чтобы окончательно оторваться от неприятеля, по нашим расчетам, нам надо было покрыть не менее восьмидесяти километров. Однако осуществлению намеченного плана сильно мешали плохие, почти непроходимые дороги. Через каждые пять-шесть километров приходилось выпрягать из телег и менять выбившихся из сил животных.

К утру, после больших мытарств мы наконец добрались до маленькой, стоящей вдали от дороги деревушки. Мы расположились здесь лагерем, надеясь, что враг не скоро сможет нас здесь обнаружить. Однако наши расчеты не оправдались. На следующий день, на рассвете, вражеская разведка атаковала деревню. Наша охрана быстро обнаружила движение противника. Мы снялись и двинулись в направле-

нии Люблина. Нам удалось без всяких инцидентов пересечь железнодорожное полотно и шоссейную дорогу. Мы подошли к селу Майдан-Стрелча Куликского района и стали в нем лагерем.

XXIII

Если подытожить коротко результаты боевых действий нашей дивизии на территории Польши, то перед нашим взором развернется интересная картина: в период пребывания в Польше мы нарушили многочисленные коммуникации противника, разрушили на значительном протяжении железнодорожное полотно, уничтожили большое количество складов, вывели из строя целый ряд объектов военного назначения, разрушили много мостов. Нами были истреблены тысячи вражеских солдат и офицеров, мы вооружили местные партизанские отряды, сплотили население на борьбу с захватчиками и вселили в него веру в победу над врагом. После всего этого станет понятным, почему гитлеровцы прилагали все старания, чтобы окружить и уничтожить нашу дивизию.

Гитлеровцы продолжали подбрасывать все новые силы и с каждым днем усиливали нажим. В какую сторону мы ни подались бы, везде встречали неприятельские войска, которые старались навязать нам бой.

Однако, несмотря на чрезвычайные меры, которые принимали гитлеровцы для того, чтобы уничтожить нашу дивизию на территории Польши, им никак не удавалось осуществить это свое намерение. Честно выполнив в Польше свою задачу, командование приняло решение о возвращении дивизии на территорию Советского Союза. Теперь мы двигались в направлении реки Буг, которую нам предстояло форсировать. Мы шли с большими предосторожностями, так как каждую минуту можно было ждать появления противника. Вскоре возвратились высланные вперед разведчики и сообщили, что враг накрепко запер все переходы через реку. Обсудив создавшееся положение, командование дивизии издало приказ об изменении маршрута. Мы повернули на юг. Пройдя около десяти километров, мы подошли к железной дороге. На второй полк была возложена охрана дивизии во время перехода. В самый разгар перехода неожиданно послышался гудок, и вскоре показался товарный поезд. Находящиеся в укрытии бойцы второго полка открыли по эшелону огонь, их поддержали кавалеристы Ленкина. Но, к всеобщему удивлению, поезд пронесся мимо нас. «Поди ж ты, сколько раз

снимали с неба самолеты, а тут такая махина из-под самого носа ускользнула», — говорили с досадой партизаны.

Как только дивизия закончила переход через железнодорожное полотно, Вершигора созвал командиров и провел совещание. Крепко досталось командирам. Вершигора выговаривал им за то, что почти целая дивизия не смогла уничтожить поездную бригаду, не смогла повредить паровоз и остановить поезд. Никто из командиров не оправдывался, да и что они могли сказать в свое оправдание!

Закончив переход через железную дорогу, мы спокойно продолжали путь.

— Видите, ребята, эту бесконечную каменную стену?

— А эти деревья-великаны? Здесь, наверное, владение очень крупного помещика. Ведь невозможно представить, что этот замечательный сад принадлежит крестьянам, — говорили между собой партизаны, приближаясь к высокой каменной стене, окаймлявшей, по-видимому, крупное поместье.

В это время мы испытывали острый недостаток в продовольствии, необходимо было пополнить запасы. Для осуществления этой задачи командование выделило группу партизан, которая должна была проникнуть в поместье. Группу сопровождал политрук полковой разведки Ковалев. Вторжение партизан на территорию поместья было сразу обнаружено. Пан поднял на ноги всю свою стражу и встретил партизан сильным огнем. Но партизаны быстро сломили сопротивление стражи, и она была вынуждена сложить оружие.

«Как только закончился бой, ребята начали грузить на подводы различные продукты. Вдруг моему взору представилась очень странная и любопытная картина, — рассказал мне только что возвратившийся в полк Тютерев, — я увидел на длинном широком балконе второго этажа разодетых барышень, по-видимому, дочек или родственниц пана, среди них я заметил очень знакомую мужскую фигуру. Я присмотрелся — это был Ковалев. Он стоял среди этих разодетых в шелка барышень и непринужденно о чем-то говорил, сильно жестикулируя при этом руками. При виде этой сцены я чуть не расхохотался, настолько она мне показалась неуместной и нелепой. Я поднялся на второй этаж, прошел через комнаты, бесшумно приоткрыл дверь, ведущую на балкон, и стал прислушиваться к разговору. Ковалев убежденно говорил девицам:

— Кто не работает и не создает ценностей, а присваивает чужой труд, является лишь обузой для общества. Я позволю себе выразиться еще более точно, назову своим име-

нем этих бесполезных членов общества: они паразиты или, иначе выражаясь, дармоеды!

«Агитацию ведет», — подумал я про себя.

Нежные создания сочли себя оскорбленными. Одна из них, самая смелая, стала довольно резко возражать Ковалеву:

— Труд и создание ценностей — это мужское дело. Женщина должна украшать семью.

— Простите, — воскликнул Ковалев, — женщина должна трудиться наравне с мужчиной, ведь она является равноправным членом общества. В Советском Союзе женщина работает наравне с мужчиной, принимает такое же активное участие в общественной жизни. Плечом к плечу с мужчинами наши женщины защищают родину! Среди нас и сейчас есть немало женщин, сражающихся с оружием в руках. Так поступает всякий, кто любит свою страну и народ.

В это время к политруку подошла Проня Шевченко и доложила, что операция закончена и отряд готовится к выступлению. Молодые польки стали с интересом рассматривать вооруженную с ног до головы, одетую в военную форму партизанку.

— Вот одна из наших боевых партизанок, — сказал Ковалев.

Барышни стали с еще бо́льшим интересом рассматривать Проню Шевченко.

— Что, вы удивляетесь? — сказал им Ковалев. — В вашей стране тоже имеются патриотки-партизанки...

При этих словах Ковалев круто повернулся, в последний раз, улыбаясь, оглядел барышень и громко сказал:

— Старайтесь привыкать к труду, смысл жизни в труде.

Партизаны доверху нагрузили подводы мешками с мукой, разными другими продуктами, и колонна двинулась к широко распахнутым воротам; мы покинули имение и последовали за дивизией», — заключил свой рассказ Тютерев.

Как только подошли подводы с продовольствием, мы поместили их в середине колонны, и дивизия продолжила путь.

Нам сильно мешали плохие дороги, мы двигались черепашьим шагом, и колонна растянулась почти на десять километров. Приближался рассвет, подул свежий утренний ветерок, в селах запели петухи.

— Петухи не ошибаются, скоро рассвет, нам, вероятно, придется свернуть в одно из этих селений, другого выхода у нас нет, — сказал мне Тоут.

Мы так и поступили, свернули в первое встречное село и расположились лагерем. Штаб дивизии и мой полк стали в

селе Домбромисы, остальные части дивизии расположились в соседних селах.

Я с удовольствием растянулся на кушетке и подумал: «Неужели мы не сможем хотя бы один день спокойно отдохнуть. Домбромисы как будто тихое место, враг теперь навряд ли скоро нападет на наш след».

На всякий случай я позвал хозяина дома.

— По-русски говоришь? — спросил я старого поляка.

— Говорю. Вас пойму и объясниться смогу! — ответил мне, улыбаясь, хозяин. — Мы, старые поляки, все знаем русский язык.

— А немцы часто вас навещают?

Старик смешался, не знал, что мне ответить.

— Почему вы испугались, я ведь не враг. Будьте со мной откровенны, никто, кроме меня, не узнает о том, что вы мне скажете.

Старик посмотрел на меня и снова заулыбался.

— Вы правильно заметили, струсил я малость. Немцы покинули нашу деревню перед самым вашим приходом. Правда, их было не много. Перед уходом они пригрозили нам: камня на камне не оставим, раскаленным шомполом прижжем вам языки, если вы что-нибудь сообщите о нас советским партизанам.

— Это они сказали вам тайно или говорили об этом публично?

— Тайно, тайно! — еле выдавил старик эти два слова, засмеялся, закашлялся и стал вытирать полотняным платком выступившие на глазах слезы. — Я должен вам еще сообщить, — продолжал он, — что немцы забрали у нас все яйца и масло. «Мы вас защищаем от коммунистов, а вы должны за это снабжать нас продуктами», — говорили нам гитлеровцы.

Кто-то решительно постучал в дверь.

— Войдите! — крикнул я.

В комнату вошел связной и застыл у двери.

— Товарищ командир, — начал он, — только что возвратившиеся разведчики сообщили, что в соседнем селе Селице и в местечке Травники враг концентрирует большие силы и собирается нас атаковать!

Я поспешил в штаб. Там мне подтвердили, что группа противника, численностью до двух тысяч человек, с танками и артиллерией стоит в местечке Травники и с минуты на минуту может нас атаковать.

Ровно в двенадцать часов противник обрушил артиллерийский огонь на селение Стрелчики, в котором стоял третий

полк. Вслед за артиллерийской подготовкой в бой вступили танки. Почти одновременно противник атаковал второй полк, расположенный в селе Майдан. Получив точные сведения о действиях неприятеля, первый полк немедленно выступил из Домбромис и ударил в тыл врага. Храбрый командир первого батальона Сердюк во время этого боя отбил подряд несколько отчаянных атак противника. Партизаны этого батальона сражались, словно львы, на помощь им пришли другие подразделения первого полка. Совместными усилиями партизанам удалось на этом участке прорвать оборону противника и обратить его в бегство. Как потом нам сообщили поляки, в этом бою враг потерял убитыми и ранеными свыше четырехсот человек.

Но гитлеровцы никак не хотели примириться со своим поражением. К месту боя были срочно вызваны свежие силы, против партизан было брошено несколько полков регулярных войск.

В бою у селения Майдан особенно отличились наши артиллеристы и минометчики: они успешно отразили все атаки вражеских танков и задержали их продвижение.

Вражеской артиллерии ни разу не удалось заставить замолчать наши пушки. Известный во всей дивизии пулеметчик Бородай и на этот раз проявил большую смелость и искусство. Он занял выгодную позицию и буквально косил цепи бросившихся в атаку гитлеровцев. Немецкие танкисты окружили смельчака и открыли сосредоточенный огонь. Лишь в самом конце боя врагу удалось заставить замолчать пулемет Бородая. Храбрый партизан был смертельно ранен. За несколько минут до смерти Бородай с облегчением сказал: «Я свое сделал, выполнил боевую клятву, выполнил свой долг перед родиной».

Разбитый противник свернул к селению Седлище. Нас очень интересовала участь третьего полка, который отражал атаки неприятеля у села Стрелчики. Вскоре до нас дошли обнадеживающие вести: третий полк, оказывается, раньше нас рассчитался с противником. Лишь незначительная часть неприятельских войск сумела скрыться в лесу. Уже смеркалось, когда сошлись одержавшие победу над врагом части дивизии. Раздалось мощное «ура». В этом бою опять отличилась рота Арутинова, который еще раз заслужил личную благодарность командира дивизии.

Тактика партизанской борьбы требовала, чтобы мы немедленно покинули эти места, так как враг на следующее утро обязательно подбросил бы сюда свежие силы. Для нас

уже было совершенно неоправданным после одержанной победы втягиваться в новый бой. Поэтому, как только совсем стемнело, мы стали готовиться к походу.

Распутица была в эти дни страшная. При таком бездорожье передняя часть колонны оказывалась в более благоприятных условиях, так как ей приходилось двигаться по нетронутому пути, что было сравнительно легче. Второй же части колонны приходилось ехать уже по настоящему месиву. Поэтому для облегчения продвижения мы выступили двумя колоннами: штаб дивизии со своими подразделениями и первый полк составили одну колонну, а второй и третий полки — вторую колонну. Колонны двигались параллельно друг другу на расстоянии двух километров. Благодаря такому порядку значительно облегчилось наше продвижение. Шел дождь, все вокруг было окутано густым туманом, идти пешком стало трудно, и я тоже взобрался на телегу.

— Эй, Валерий, чего ты молчишь, ко сну клонит, не так ли, брат?! Лошади твои вот-вот остановятся, — обратился я к вознице. Валерий от неожиданности вздрогнул, заерзал на месте, огрел лошадей кнутом и пробормотал: «Я только вздремнул малость, товарищ командир. Я не спал!»

— А ну, дай твою трубку, махорку насыплю, покуришь, и сон как рукой снимет.

— Эге, это дело хорошее, табачок, пожалуй, разгонит сон...

— Откуда ты, Валерий, из какой области?

Я уже наизусть знал биографию Валерия, он много раз рассказывал мне о себе, но сейчас я просто хотел убить время и рассеять сон Валерия. У меня самого глаза слипались, клонило ко сну.

— Из Чкалова я, — слышу голос Валерия.

— Возница из тебя не ахти какой получился, боец ты куда лучше!

— Это вы правильно говорите, товарищ командир. Я с автоматом лучше справляюсь, чем с конем. Но и в этом деле у меня кое-какая практика имеется!

Беседа и крепкая махорка рассеяли сон и у меня, и у Валерия.

В селении Лейно мы совершенно неожиданно встретили разведчиков партизанского соединения Сатановского, моего давнишнего знакомого, и командира одного из польских партизанских отрядов. Соединение Сатановского и польский партизанский отряд избрали своей резиденцией

районный центр — село Парчево. У партизан обоих отрядов был очень высокий боевой дух. Дружба этих двух отрядов носила здоровый характер. Мы легко нашли общий язык с их командирами.

— Мы очень рады встрече с вами, — сказали они, до нас дошли слухи о ваших славных боевых делах. Нас всегда радовали ваши успехи. Мы стремились установить с вами связь, и вот наконец сбылось наше заветное желание. Здесь, у себя на родине, мы можем оказать вам большую помощь. Вместе с тем мы ждем помощи от вас.

Командир разведки соединения Сатановского, действительно, оказал нам большую помощь.

Местные партизанские отряды имели значительные людские резервы. Зато у них очень плохо обстояло дело с вооружением. Согласно приказу Вершигоры, третий полк выделил польским партизанам сто двадцать винтовок и два пулемета.

Наши партизаны провели совместно с польскими разведчиками несколько операций. Возвратившиеся разведчики сообщили:

— На шоссе Люблин — Варшава очень большое движение. Враг концентрирует силы, видно, готовится к наступлению.

Стремясь избежать стычки с неприятелем, мы ночью покинули село Лейно, на рассвете достигли без всяких осложнений Ополесского района и стали лагерем в селениях Подидвожье и Грабовка.

Наше продвижение на север не осталось незамеченным для врага, который стал устраивать в этом направлении засады и укрытия, стремился перерезать нам дорогу.

Посланные в Вишневецкий район разведчики обнаружили сильное движение на шоссе Леплевка — Луковица. Командование дивизии немедленно выделило диверсионные группы для минирования этой дороги и разрушения мостов. Получив задание, диверсионные группы выступили в указанном направлении.

Около двух часов дня неприятель с нескольких сторон атаковал нашу дивизию. Одна группа неприятельских войск продвигалась по дороге Яблонь — Подидвожье, где находились в укрытии наши разведчики. Хорошо замаскированные разведчики с автоматами наизготовку ждали приближения неприятеля. Подпустив гитлеровцев на близкое рас-

стояние, они внезапно открыли сильный огонь из автоматов. Враг начал в беспорядке отступать. В подмогу разведчикам штаб дивизии немедленно выслал пулеметы и минометы. Воодушевленные партизаны стали преследовать гитлеровцев. Противник бросил на поле боя большое количество вооружения, подводы и бежал. Враг хорошо запомнил урок и в дальнейшем прекратил атаки в этом направлении. Более крупные силы противника, базирующиеся в селе Линиув, напали на первый полк. Мы не успели своевременно переместиться, и нам пришлось принять бой. Я приказал спешно вырыть окопы и приготовиться к встрече неприятеля. Противник обстрелял зажигательными снарядами село Долголиск, в котором укрепилась одна рота нашего полка. Вскоре село было объято пламенем. Бойцам роты удалось невредимыми покинуть горящее село и соединиться с остальными подразделениями полка. Гитлеровцы настойчиво, но безуспешно атаковали наш полк, каждая атака стоила им больших жертв.

Враг не мог сломить нашу оборону, но можно было ждать нападения противника со стороны села Грабовка, поэтому я направил туда два взвода, которые должны были охранять подступы к этому селу. К этому времени штаб прислал к нам в качестве подкрепления одну роту третьего полка, которой командовал Серго Арутинов. Прибыв на место, он известил меня ракетой, что находится в тылу неприятеля. После этого сигнала полк должен был перейти в атаку. Серго Арутинов нанес удар с тыла. В лагере неприятеля началась паника. Надо сказать, что гитлеровцы всегда боялись окружения, поэтому при появлении в их тылу партизан они обычно все бросали и рассыпались. Оправившись после неожиданного удара, оккупанты попытались собраться с силами. Немцы в каждом бою применяли артиллерию, танки, пулеметы, минометы, на этот же раз они вызвали и авиацию, рассчитывая мощным комбинированным ударом авиации и наземных войск уничтожить нашу дивизию. После основательной подготовки противник перешел в наступление. Гитлеровцы одновременно атаковали роту Арутинова и все полки дивизии. Но как только оккупанты приблизились, партизаны выскочили из своих укрытий и перешли в контратаку. Немцы дрогнули и стали беспорядочно отступать.

Мы надеялись, что горький урок образумит гитлеровцев и они прекратят бесплодные атаки. Но вышло по-иному. Обозленные фашисты в течение какого-нибудь часа перегруппировали силы и снова бросились в атаку с противопо-

кожного направления. Наибольший нажим пришлось выдержать первому полку.

На этот раз против нас сражались три полка неприятеля. Кроме того, эта группировка непрерывно получала все новые и новые подкрепления. Мы тоже поспешно провели перегруппировку сил, штаб выделил в распоряжение моего полка батарею под командованием Тюпова. В этом бою я использовал и минометчиков. Мы организовали наблюдательный пункт на крыше одного дома. Наша пехота с двух сторон атаковала расположение неприятельских войск. Рота под командованием Арутинова выдержала наиболее ожесточенную атаку гитлеровцев. Противник в этой схватке потерял десятки убитых и раненых солдат и офицеров.

«Арутинов ранен! — распространился вечером слух среди бойцов первого полка. — Но он остался в роте и продолжает руководить боем».

Когда бой кончился и потрепанные части неприятеля начали отступать, то стало очевидным серьезное поражение немцев. В этот день они оставили на поле боя свыше двухсот трупов своих солдат и офицеров. Мы захватили три батальонных миномета, четыре пулемета, автоматы, несколько десятков винтовок, десять тысяч патронов и другое вооружение.

Я пошел проведать Арутинова. Поздравил его с большой победой над врагом. Настроение у Серго было бодрое.

Арутинов поблагодарил меня за внимание и рассказал о том, при каких обстоятельствах его ранили:

— Когда спустились сумерки и бой стих, я вышел из укрытия. Но, оказывается, на расстоянии каких-нибудь сорока — пятидесяти метров от меня, за большим пнем сидел гитлеровец с автоматом. Как только я сделал несколько шагов, он выстрелил. Я сразу почувствовал жжение, а затем тупую боль в бедре, приложил руки, пальцы окрасились кровью.

Ко мне подбежал боец Кравченко и сказал:

«Товарищ командир, я вам сейчас сделаю перевязку не хуже любой медицинской сестры».

При этих словах он быстро вытащил из кармана бинт и очень осторожно и ловко перевязал мне рану. Эта первая помощь была как нельзя кстати. Кровотечение прекратилось, и я мог продолжать руководить боем. После окончания боя врачи осмотрели рану, оказалось, что пуля прошла навылет, не задев кости.

— А как ты себя чувствуешь сейчас? — спросил я Серго.

— Неплохо. Надеюсь, что все обойдется без осложнений.

Затем он рассказал мне о подробностях минувшего боя.

Через несколько дней в одном из очередных боев пал смертью героя боец Кравченко. Несмотря на исключительно тяжелую ситуацию, Арутинов под сильным огнем неприятеля вынес тело Кравченко и тут же его похоронил. Арутинов мужественно выполнил последний долг в отношении преданного партизана, друга — Кравченко. В сердцах партизан надолго остался этот волнующий эпизод большой партизанской дружбы.

XXIV

Возвращающиеся из разных концов разведчики приносили почти одинаковые сведения: враг скрытно ведет большую подготовку, концентрирует крупные силы. Кольцо вокруг нас постепенно сжималось.

Мы на каждый удар врага отвечали сокрушительным контрударом.

«Мы скоро поставим партизан на колени!» — кичливо твердили гитлеровцы. Но вышло по-иному, мы не только не встали на колени перед противником, а прорвали во многих местах его кольцо. Но в последних боях значительно возросло число раненых бойцов, которые нуждались в покое и лечении. Чем раньше сумели бы мы покинуть пределы Польши, тем было бы лучше для нас. Покинув Польшу, мы могли сохранить живую силу, дать необходимый отдых людям и всесторонне подготовиться к новым рейдам.

Дивизия растянулась почти на семь километров. Вскоре мы достигли скрещения шоссейных и железных дорог. Место было очень опасное. На второй полк было возложено прикрытие дивизии во время перехода через шоссейную дорогу и железнодорожное полотно. Кульбака выставил на всех перекрестках так называемые «маяки». По обеим сторонам следования дивизии были устроены укрытия и засады. Но враг не появился, дивизия благополучно пересекла дороги и продолжала движение в направлении Островка. Невдалеке от села Дуковишницы мы вышли на благоустроенную шоссейную дорогу, такую гладкую, словно это было не шоссе, а паркетный пол. Идти стало легко. На несколько километров вперед была выслана конная разведка Кульбаки. Внезапно в середине колонны поднялся шум, разда-

лась беспорядочная автоматная стрельба, разрывы ручных гранат.

— Что случилось, что за стрельба? — спрашиваю связных.

— Произошел небольшой инцидент. На перекрестке в нашу колонну врезались несколько вражеских автомашин. На каждой машине было от двадцати пяти до тридцати вооруженных гитлеровцев. Партизаны моментально окружили машины... В результате в живых осталось двенадцать гитлеровцев, которых мы взяли в плен, — доложили связные.

Почти не задерживаясь, партизанская колонна продолжала свой путь. Приближался рассвет, на востоке небо заметно посветлело.

Вступив в село Островок, мы тотчас же организовали усиленную оборону. Командование отдало приказ не выпускать никого из деревни. На расстоянии четырех километров от Островка находилась железнодорожная магистраль, в случае необходимости противник мог перебросить сюда войско по железной дороге.

В штабе начался допрос взятых в плен гитлеровцев. Лица пленных выражали удивление. Они ведь совершенно случайно натолкнулись на партизанскую колонну.

— Предупреждаю, говорите только правду, вам не удастся нас провести. Откуда и куда вы направлялись? Повторяю еще раз, говорите только правду, — сказал им Вершигора.

— Я буду говорить все, как было, — начал один из пленных. — Мы являемся железнодорожной охраной и ехали мы в деревню за продуктами. Совершенно случайно наткнулись на вашу колонну. С нами случилось большое несчастье, мы мечтали скоро возвратиться домой и вдруг совершенно неожиданно попали в плен!

— А почему вы решили, что скоро поедете домой?

— Очень просто, Гитлер ведь проигрывает войну...

— Это совершенно верно. Но почему, спрашивается, вы продолжаете борьбу?

— О какой борьбе вы говорите? Наши войска без передышки бегут на запад.

— Давно вы находитесь в этом районе?

— Четыре месяца.

— Какое положение в этом районе в настоящее время? Какие силы здесь сосредоточены?

— Местные гарнизоны ежедневно получают пополнения. В тех частях, где раньше было двести солдат, сейчас насчитывается семьсот — восемьсот солдат. В ближайшие

дни ожидается значительное увеличение всех войсковых частей.

— Такое положение везде или только в этом районе?

— Во всех окрестных районах.

— Может быть, вам известно, с какой целью концентрируются здесь войска?

— Наше командование поставило перед собой задачу окружить партизан, запереть их в Полыне и всех уничтожить.

Донесение возвратившихся из разведки бойцов полностью совпало с показаниями пленных. Местные крестьяне повторяли то же самое: «Гитлеровцы лихорадочно готовятся, они нагнали сюда тьму войск и тщательно укрепляют берега Буга».

Сложившаяся обстановка не поколебала нашей решимости форсировать Буг. Это был для нас наилучший выход. По ту сторону Буга находился громадный массив белорусских лесов. Нашим бойцам требовался длительный отдых. Труднопроходимая чащоба белорусских лесов была для нас самым подходящим местом.

В Островке в течение всего дня было спокойно. Как только стемнело, мы выступили дальше. По дороге мы уничтожали за собой все мосты, устраивали засады, принимали все меры для успешного отражения возможного преследования противника. Мы подошли к железнодорожной магистрали Люблин — Лунев — Седлец. Для перехода дивизии через железнодорожное полотно надо было организовать соответствующую оборону. Командование дивизии возложило это дело на меня. Я хорошо укрепил обе стороны дороги. Враг не показывался. Казалось, что путь свободен. Однако, умудренные горьким опытом, мы заподозрили, что за этой видимой тишиной кроется очередная провокация коварного противника.

Мы все хорошо помнили, как совсем недавно у нас из-под самого носа ускользнул вражеский эшелон. Не желая, чтобы снова повторилась подобная история, я предупредил бойцов, что каждый из них будет лично отвечать перед командованием, если они упустят поезд противника.

— Правильно говорите, товарищ комэндир. Если мы еще раз упустим поезд, то со стыда не сможем показаться на глаза товарищам, — ответили мне бойцы.

— Я хочу внести маленькую поправочку, товарищ командир, поезд в тот раз не мы упустили, а бойцы другого полка, — вмешался в разговор молодой партизан.

— А какая разница... Факт остается фактом... — возразили ему товарищи.

Дивизия начала спешно переходить через железнодорожное полотно. Вдруг раздался отдаленный гудок паровоза.

— Поезд идет! Поезд идет! — заволновались партизаны. Бойцы стали проверять оружие, выбирать удобную позицию. Вдали, на ровной, как стрела, дороге показались два мерцающих огненных глаза. Спустя некоторое время мы ясно услышали характерный шум — поезд приближался.

Прошло несколько томительных минут, и из укрытий раздался дружный пулеметный и автоматный огонь. Поезд стал как вкопанный, машинист резко затормозил паровоз.

— Ура! — закричали партизаны и бросились к поезду. Два партизана подбежали к паровозу и проворно взобрались по лестнице.

Вскоре партизаны начали охоту за вторым поездом. Таким образом, пока дивизия переходила через железнодорожное полотно, державшие оборону партизаны сумели захватить и уничтожить два вражеских эшелона, груженных военным снаряжением.

Переходя с одного места на другое, мы обычно брали с собой проводников. У нас, конечно, всегда была под рукой карта, но в ночное время человек, хорошо знающий местность, мог принести гораздо больше пользы. Из Островка мы взяли в проводники крестьянина-поляка.

— Поблизости имеется какое-нибудь промышленное предприятие? — спросил у него начальник разведки дивизии Роберт Клейн.

— О предприятиях мне ничего не известно, — ответил проводник, — зато я знаю, что здесь неподалеку имеется концентрационный лагерь, в котором заключены русские пленные.

Услышав последние слова крестьянина, сидевшие на подводе Роберт Клейн и другие партизаны забросали его вопросами: «А ну, повтори, что ты сказал? Русские пленные! Где они, где находится этот лагерь?»

— Отсюда до этого лагеря не больше двух-трех километров!

— Ты сможешь провести нас туда?

— Конечно, смогу!

Слова проводника в одно мгновение облетели всю колонну.

Вершигора тотчас же выделил кавалерийский эскадрон

и направил его в сопровождении крестьянина-поляка в сторону концентрационного лагеря.

— Что, еще далеко? — спрашивают по дороге партизаны крестьянина.

— Видите, вон там темнеют деревья. Оттуда совсем близко до лагеря!

Приблизившись к деревьям, партизаны спешились и стали осторожно продвигаться вперед.

— Стойте! — отдал шепотом приказ Ленкин. Бойцы остановились и стали ждать возвращения высланных вперед разведчиков. Внезапно, словно из-под земли, выросли перед нами разведчики. Вперед выступил старший разведчик и доложил Ленкину:

— Товарищ командир, мы изучили расположение лагеря. Он обнесен высоким частоколом и одним рядом колючей проволоки. Ворота охраняют не больше пяти-шести гитлеровцев. Кроме того, в разных частях ограды возведены деревянные вышки, на которых стоят часовые.

Бараки внутри лагеря очень низкие, и нам не удалось их хорошо рассмотреть, этому мешала также непроглядная тьма. Через каждые пять минут часовые перекликаются с помощью свистка. Свист начинается у ворот и в течение нескольких минут облетает всю ограду.

Ленкин приказал партизанам бесшумно продвигаться вперед. Вскоре их взору уже более отчетливо представилось это проклятое место.

Командир распределил бойцов и приказал им двигаться дальше ползком до тех пор, пока они вплотную не подберутся к охране, после этого одновременно должна начаться атака. Сопротивление охраны было очень слабым, некоторые гитлеровцы не успели сделать и одного выстрела. Партизан, участник этой операции, рассказал с горечью в голосе о том, что им пришлось увидеть в захваченном лагере:

— Быстро взломав ворота, мы ворвались на территорию лагеря; услышав выстрелы, некоторые пленные повскакивали, большинство же продолжало лежать. С помощью карманных электрических фонарей мы осветили внутренность главного барака. Нашему взору представилось тяжелое зрелище. К этому времени уже все пленные были на ногах, они сгрудились в углу барака, тесно прижавшись друг к другу, ведь они еще не имели представления, что происходит.

— Гитлеровцы часто выводят по ночам пленных из лагеря на расстрел, — заговорили, немного успокоившись, пленные.

Услышав стрельбу, они решили, что начался расстрел пленных. В бараке стоял тяжелый смрадный воздух. Пленные были очень худы, с изможденными лицами, вместо одежды на них были какие-то жалкие лохмотья.

— Братья, вставайте, мы ваши, мы ваши, мы советские партизаны, — закричали в один голос бойцы.

Трудно передать словами ту радость, которая охватила несчастных узников при этих словах.

В этот день партизаны освободили из плена триста шестьдесят человек советских воинов. Уходя, они с четырех сторон подожгли лагерь.

В дивизии встретили пленных дружески. Бойцы делились с вновь пришедшими своим пайком, одеждой. Пленные оставляли тяжелое впечатление. Длительная голодовка наложила на них отпечаток.

Дней через десять пленные отошли, окрепли, мы выделили из них наиболее здоровых бойцов и распределили по ротам. Остальные находились на положении больных.

Вершигора решил, что при первой же возможности мы переправим этих людей на «Большую Землю», так как они нуждаются в серьезном лечении.

На этот раз мой полк замыкал колонну и прикрывал переход дивизии через железнодорожное полотно. Как только дивизия завершила переход, мы снялись с обороны и двинулись вслед за дивизией. Я получил новое задание: штаб возложил на мой полк разрушение встречающихся на пути мостов. Мы вышли на шоссейную дорогу и вскоре подошли к мосту. Перейдя мост, мы его разрушили и двинулись дальше.

Была вторая половина марта. День и ночь шел дождь, смешанный со снегом. Мы расположились лагерем в селениях Пороханка, Шилдовка, Дубна и Окшанка. Первый полк разместился в просторном помещичьем доме. Громадное трехэтажное здание было пусто. Неожиданно караульный обнаружил на крыше дома неизвестного человека. Несколько партизан тотчас же схватили незнакомца. На вопрос партизан, зачем он залез на крышу, тот ответил: «Дом занят вами, куда же мне было деваться». Партизаны привели его ко мне в штаб.

— Кто такой? — спрашиваю я незнакомца.

— Я управляющий имением. Живу в этом доме.

— Зачем вы поднялись на крышу?

Он повторил то же, что сказал партизанам.

Внешность незнакомца, его костюм и манеры невольно заставили усомниться в искренности его слов. У него были

холёные руки, длинные волосы каштанового цвета, зачесанные назад; на среднем пальце правой руки — драгоценный перстень, золотые ручные часы с золотым браслетом. По всем этим признакам было видно, что это помещик, а не управляющий. Я приказал партизанам разыскать кого-нибудь из слуг. Вскоре ребята привели двух служанок.

— Кто это? — спросил я их.

— Наш господин, — отвечали женщины.

Незнакомец побледнел, на его лице на мгновение появилось замешательство.

— Зачем вы солгали нам? Теперь ведь мы и вашей правде не поверим. Говорите, зачем вы поднялись на крышу?

Помещик стоял молча, он низко опустил голову и задумался.

— Тщательно осмотрите чердак и крышу, — приказал я партизанам.

Бойцы возвратились ни с чем. В это время в комнату вбежал партизан и доложил:

— Товарищ командир, в одной комнате нами обнаружен телефон. Как раз в тот момент, когда я вошел в комнату, раздался телефонный звонок, я взял трубку и ответил по-русски. Услышав меня, говоривший моментально повесил трубку.

Не было сомнения, что помещик успел сообщить вражескому гарнизону, расположенному в районном центре о приходе партизан. Хотя было уже поздно, но мы на всякий случай поставили у телефона партизана. Мы с минуты на минуту ждали появления гитлеровцев. Я отправил помещика для детального допроса в штаб дивизии. Покончив с этим делом, мы немного передохнули. Лично я четверо суток не смыкал глаз. Я беспрерывно курил и нервно шагал по комнате, словно предчувствуя, что все это не закончится так просто.

На следующий день, ровно в два часа, крупная неприятельская часть, численностью не менее тысячи человек, с четырьмя танками, тремя броневиками и артиллерийской батареей подошла к селениям Проханка и Дубна, в которых был расположен третий полк, и открыла огонь. Партизаны ответили. Разгорелся бой. Вскоре я получил из штаба приказ выслать на помощь третьему полку один батальон. Я спешно выделил батальон под командованием Тютерева и направил его в распоряжение третьего полка. Спустя некоторое время, почти одновременно возвратились посланные по разным направлениям разведчики. Все они принесли тревожные известия — враг снова стал окружать нас со всех

сторон. Буквально на каждом шагу были укрытия и засады, лес и поля были заминированы. Я тотчас передал это сообщение в штаб дивизии.

Атмосфера сгущалась, я невольно вспомнил тяжелые делятинские дни.

Третий полк стойко отражал непрерывные атаки противника. Время от времени партизаны переходили в контратаки. В этом бою были ранены три бойца из моего полка. Кроме них, был ранен Ованес Петян — парторг подразделения Арутинова. Получив ранение, Петян не покинул поля боя. Как только бой немного стих, он взвалил на спину тяжело раненного командира отделения Козлова и вынес его из опасной зоны.

Вскоре раздалась сильная артиллерийская и оружейная стрельба около села Окшанка. В этом селе стоял второй полк. По всему было видно, что гитлеровцы и его втянули в бой.

Учитывая обстановку, мы стали спешно готовиться к достойной встрече противника. Мы усилили оборону, весь личный состав первого полка был в полной боевой готовности.

Второму полку удалось сравнительно быстро рассеять врага. В бою с этим полком неприятель потерял два броневика, четыре пулемета и три миномета, партизаны уничтожили свыше ста гитлеровцев, четыре вражеских солдата были взяты в плен.

Наступили сумерки, и мы согласно приказу штаба двинулись дальше. В приказе отмечалось, что мы должны были достигнуть села Чубаево, где намечался отдых. Мы подошли к железнодорожному узлу Черамхассу—Лец. Первому и третьему полкам командование поручило организовать оборону на дороге и обеспечить беспрепятственный переход дивизии. Мы успешно выполнили это задание. Во время перехода через железнодорожную линию нами был задержан и уничтожен вражеский эшелон, груженный автомашинами.

Рассвело. Я сижу неподвижно на подводе. Непрерывно льет дождь. Холодно. Ноги у меня совсем окоченели. Наконец мы подъехали к селу Чубаево. Я спрыгнул с подводы, вскочил на коня и поскакал к Вершигоре. Я хотел узнать, где должен был расположиться мой полк. Было очень приятно размяться на коне. На подводе меня все время клонило ко сну, теперь же, после быстрой верховой езды, сон как рукой сняло.

Вместе со мной к Вершигоре явились разведчики, высланные предварительно в Чубаево. Разведчики сделали

очень важное сообщение: недалеко от Чубаево протекала река Буг, на которой в районе Кшишуво имелся мост. Охрана моста сравнительно малочисленная. Укреплений не имеется вовсе, если не считать небольшие проволочные заграждения у самого моста.

После сообщения разведчиков Вершигора решил обойти Чубаево и продолжать путь. Намечалось, что мы до наступления рассвета сумеем овладеть мостом и перейдем на другой берег Буга. Если бы мы расположились на отдых в Чубаево, то неприятель успел бы подбросить войска и укрепить мост.

Быстрому приведению в исполнение этого решения мешало одно обстоятельство: у нас имелось до трехсот человек больных и раненых бойцов. Уход за таким большим количеством больных и раненых требовал исключительного внимания и умелой организации. Согласно утвердившейся в дивизии традиции, малейшее упущение в уходе за больными и ранеными считалось преступлением.

План взятия моста был разработан тут же, в пути, руководство операцией было возложено на Ленкина и на секретаря комсомольской организации дивизии Андросова. В таких случаях кавалерии неизменно отводилась роль авангарда, она должна была нанести первый удар и очистить мост от охраны.

Наши конники внезапным ударом смяли охрану, перешли по двухсотметровому мосту на противоположный берег реки и закрепились там.

Партизаны издали наблюдали за этой картиной. И когда слившиеся с конями всадники, подобно ветру, пронеслись по мосту, всех охватило чувство гордости.

Внезапный и неудержимый натиск нашей конницы ошеломил охрану моста.

Однако, оправившись, гитлеровцы стали оказывать отчаянное сопротивление. Захват западного берега осложнился и затянулся. Там, в двухэтажном каменном здании, засели гитлеровцы. Дом этот был окружен искусно замаскированными огневыми точками и обнесен проволочными заграждениями. Огневые точки были так хорошо замаскированы, что нашим разведчикам не удалось их своевременно обнаружить. Едва только наши бойцы перешли на тот берег, как неприятель открыл ожесточенный огонь из всех огневых точек. Следует отметить, что наши разведчики на этот раз многого недосмотрели.

Берега Буга были специально укреплены для того, чтобы не дать нам возможности перейти реку.

В результате смелых, настойчивых атак нам удалось в нескольких местах прорвать оборону противника. Пришел черед ручных гранат. Я, пожалуй, впервые был свидетелем такого массового применения ручных гранат. От их разрывов в ушах стоял сплошной гул.

Одно из наших орудий, из которого мы обстреливали укрепления противника, не давало желанного эффекта, поэтому мы были вынуждены заменить его другим орудием. После этого положение сразу изменилось. Наши артиллеристы метким огнем сильно повредили двухэтажное здание, разметали кое-где проволочные заграждения.

В эти напряженные решающие минуты боя партизаны привели пленных фашистов.

— Какая часть сражается против нас? — спросил Вершигора одного из пленных.

— Здесь сосредоточены отборные части: пограничники и солдаты, переброшенные с восточного фронта... — ответил пленный.

Бой постепенно осложнялся. Бойцы кавалерийского дивизиона с большим трудом заняли небольшую высоту, имевшую важное значение для переправы.

Но беда была в том, что из дзотов у моста враг сильно теснил бойцов и не давал им возможности перейти к более активным действиям. Укрывшиеся в блиндажах гитлеровцы контролировали мост и все подходы к нему. Бой затянулся, наступил рассвет. Враг несколько раз пытался перейти в контратаку, но всякий раз отбрасывался с большими потерями. Партизаны стали нервничать, так как скоро могла появиться авиация, мы же находились в открытом поле, и нам было бы очень трудно укрыться от неприятельских бомб.

Как и всегда, командир дивизии Петр Петрович Вершигора прежде всего берег живую силу, но, несмотря на это, у моста мы понесли значительные потери. В одной из стычек погибли два бойца из кавалерийского дивизиона и командир батареи Фурлетов. В этот исключительно напряженный момент неожиданно с тыла подошла вражеская разведка и открыла огонь. К разведчикам вскоре присоединились другие вспомогательные части, и ободренные гитлеровцы перешли в атаку. Спустя полчаса после этого в южном направлении появилось свыше десятка грузовых машин с солдатами. Сойдя с машин, гитлеровцы с ходу пошли в атаку.

Дольше медлить было невозможно. Каждую минуту враг мог подбросить новые подкрепления. Нам было необходимо любой ценой перейти мост.

Согласно указаниям, полученным от командира дивизии, я приказал батальону Сердюка окончательно очистить мост.

К батальону Сердюка присоединились охотники из других подразделений, среди них были радист Шошин и пулеметчик Щербат. Сердюк в сопровождении своих бойцов стал пробираться ползком к мосту. Я затаив дыхание следил за Сердюком и его смельчаками... Вдруг моему взору представилась следующая картина: Вершигора, Москаленко, Войцехович и Стрельцов спокойно шли в сторону моста. Я замер от удивления и страха.

Придя в себя, я начал кричать: «Остановитесь, что вы делаете, куда вы идете!» Расстояние было настолько большое, что Вершигора не услышал моего голоса, тогда я выпустил в воздух автоматную очередь. В иное время сам Вершигора всегда поучал нас, командиров: «Знайте свое место». Теперь же он сам пренебрег этим и шел на такой риск, подвергал себя смертельной опасности. Было ясно, что он это делал для того, чтобы подбодрить бойцов и показать им пример. Я не мог удержаться и бросился за ними. Подбежав к Вершигоре, я схватил его за руку и сказал: «Сейчас же вернись обратно» В этот момент батальон Сердюка начал метать ручные гранаты, через несколько минут бойцы схватились с противником врукопашную. Вместе с разрывом гранат слышалось раскатистое «ура».

— Молодчина Сердюк, — сказал Вершигора, — это я понимаю.

Вскоре партизаны заставили всех гитлеровцев выползти из своих укрытий и принять рукопашный бой.

Когда дело дошло до рукопашного боя, то мы все, включая и Вершигору, приняли участие в этой схватке. Иного выхода у нас не было, мы должны были победить. Командиры и рядовые бойцы сражались плечом к плечу, цель для всех была ясна — надо было любой ценой выбить неприятеля из главного опорного пункта. Бой принял исключительно напряженный характер. Ни один фашист не уцелел. В этом бою мы уничтожили семьдесят гитлеровцев, взорвали двухэтажное каменное здание и три дзота — эту главную опору противника. Мы захватили четыре станковых пулемета, две моторные лодки, мотоциклы, пятнадцать тысяч патронов, обмундирование и продовольствие. Мы со своей стороны тоже понесли потери: были убиты Щербат и Шошин. Восемнадцать бойцов получили ранения, среди раненых были горнец Гонашвили и пулеметчик Чемоданов. В этом бою серьезное ранение полу-

ил и сам Сердюк. Несмотря на это, он до конца боя продолжал руководить своим батальоном.

Гитлеровцы, атаковавшие арьергард нашей колонны, узнав о поражении своих войск у моста, значительно ослабили натиск.

Дивизия начала переход через мост. Мы очень торопились. В первую очередь на другой берег были перевезены раненые. Как только дивизия полностью переправилась на правый берег, мы приступили к разрушению моста. У нас не было взрывчатки, поэтому минеры решили поджечь мост: они обложили его соломой, полили бензином и подожгли. Вскоре огромный двухсотметровый мост запылал. В результате этой диверсии связь на данном участке между Польшей и Белоруссией была прервана.

Врач Скрипниченко после окончания боя поделился со мной своими переживаниями. Вот что он мне рассказал:

«Когда партизаны бросились в последнюю решительную атаку против неприятельской охраны, раненые бойцы очень нервничали, они отлично понимали всю серьезность положения, я с трудом удерживал их.

«Видно, наши сошлись с гитлеровцами врукопашную, интересно, как там идут дела? Бой небось у самого моста идет?» — взволнованно спрашивали меня раненые. Когда наши наконец сломили сопротивление противника и раздался победный клич, стало совершенно невозможно удержать раненых на подводах. Когда я ничего не мог сделать советом, добрым словом, то мне приходилось прибегать к угрозам и применять силу», — говорил Скрипниченко.

Отойдя километров на пятнадцать от Буга, мы свернули в села Шушин, Острожено, Нарокопа и расположились здесь на отдых. Смертельно утомленные партизаны, словно подкошенные, падали на пол в выделенных для них хатах и моментально засыпали. В этих селах мы не могли долго задерживаться, так как в укреплениях, расположенных вдоль берегов Буга, стояли сильные вражеские гарнизоны.

Вернигоре представили список партизан, погибших при переходе через Буг. На лице Петра Петровича отразилась печаль.

— И Щербата убили? — грустным голосом спросил он.

По рассказам врачей, когда тяжело раненный Сердюк узнал о гибели Щербата, он стал страшно нервничать, и у него резко подскочила температура. Погибших товарищей похоронили согласно партизанской традиции. Несмотря на тяжелые испытания, выпавшие на долю партизан в течение по-

следнего времени, они не теряли душевного равновесия и были готовы к новым битвам с врагом.

Прислушиваюсь к разговорам партизан.

— Ну, навсегда распрощались с Польшей, — говорил один из них товарищу.

— Оно, конечно, так, но...

— Что но?

— Было бы лучше не уходить нам оттуда!

— А куда мы, по-твоему, должны были идти?

— На запад...

— Куда на запад?

— К Берлину.

— Это ты здорово, я и сам об этом думал.

— Сегодня так думает каждый партизан, каждый из нас мечтает об этом!

Стоит абсолютная тишина. Неприятеля пока не видно и не слышно. Мы пользуемся этим и спокойно отдыхаем.

XXV

Пользуясь передышкой, наши партизанские поэты сложили стихи и песни о польском походе.

Вот песня партизана Стрельцова:

ПОЛЬСКИЙ РЕЙД

Шли в дожди и шли в туманы,
Забирались в облака
Боевые партизаны
Генерала Ковпака.

Шли туда, где фрицев больше,
Без боязни мы всегда
Проходили, в самой Польше
Занимали города.

О героях наших слава
Шла в народе этих мест,
Услыхала нас Варшава,
Нас услышал город Брест.

Шли в дожди мы, шли в туманы,
Шли с боями — третий год,
Ковпаковцы-партизаны,
В бой за Родину — вперед!

Мы теперь находились на родной земле, но мы ни на минуту не снижали своей бдительности и боевой готовности. Наша разведка продолжала вести кропотливую повседневную работу.

Это были дни, когда Советская Армия по пятам преследовала разгромленного врага, не давая ему ни минуты передышки. Фронт еще находился далеко от Белоруссии, но враг уже лихорадочно готовился, он возводил на территории Белоруссии мощные укрепления. Особое внимание гитлеровское командование уделяло укреплению берегов реки Буг. Фашисты напряженно работали день и ночь, непрерывно один за другим шли поезда и машины, груженные строительными материалами. Мы ежедневно получали от наших разведчиков новые сведения о приготовлениях гитлеровцев. В этот исключительно серьезный и ответственный момент особенно важная роль выпала на долю нашей славной разведки.

Отдельным партизанским полкам было поручено детальное изучение определенных районов.

Первому полку, так же как и всем другим частям дивизии, штаб выделил для изучения особый район. Я выслал по всем направлениям разведчиков, часть из них возвратилась уже на следующий день.

— Ну, рассказывайте, что видели, какие сведения собрали? — обратился я к возвратившимся разведчикам.

— Гитлеровцы повсюду возводят укрепления, они не скрывают от местного населения правду о приближении советских войск, причем они заявляют, что должны именно здесь достойно встретить их. Они предупреждают население, что если заметят с его стороны поддержку Советской Армии то устроят кровавую расправу, не пощадят ни женщин, ни детей.

Мы рассчитывали укрыться в Беловежской пуще, однако гитлеровцы оцепили все подходы к ней проволочными заграждениями и выставили усиленную охрану.

Фронт быстро приближался к Белоруссии. Поэтому гитлеровцы решили начать подготовку к встрече Советской Армии с уничтожения партизан.

«Партизаны все равно не дадут нам покоя, — твердили гитлеровцы. — Они опрокинут наши планы, они постараются сорвать наши приготовления, поэтому, в первую очередь, любой ценой надо свести счеты именно с партизанами, и лишь тогда мы сможем спокойно думать о приготовлениях к отпору Советской Армии».

Вскоре возвратилась другая группа разведчиков. Они повторили почти слово в слово рассказ первой группы. Они то-

же рассказывали о лихорадочных приготовлениях гитлеровцев. Разведчики сообщили, что в селах, где пришлось побывать, крестьяне готовы выступить против фашистов, они говорят: «Нет больше сил терпеть». Во многих селах крестьяне уничтожают гитлеровцев. Гитлеровцы, оказывается, недавно объявили, что все девушки в возрасте от пятнадцати до двадцати лет должны явиться на сборный пункт. Этот приказ вызвал среди населения большое недовольство и толки. «Наверное, эти изверги хотят отнять у нас детей и отправить их в рабство, ничем другим нельзя объяснить этот наглый приказ». Некоторые девушки, посмелее, ушли в лес. Из явившихся на сборный пункт девушек гитлеровцы отобрали часть и силой отправили их в дома терпимости. Остальных загнали в товарные вагоны и вывезли в Германию.

Разведчики рассказали нам об одной девушке, которую им пришлось встретить. Она, оказывается, ночью убежала из дома терпимости. Прибежав домой, она схватила железный лом и спряталась за домом. «Что ты делаешь, от кого ты там прячешься? — начали спрашивать ее родители. Она ответила: «Каждую минуту может явиться погоня, они, конечно, захотят снова увести меня туда. Я твердо решила проломить этим железным ломом голову первому гитлеровцу, который попытается прикоснуться ко мне, а затем покончить с собой».

Разведчики долго беседовали с этой смелой девушкой. «Как только я явилась на сборный пункт, — сказала она, — мне завязали глаза и куда-то повели. Шли мы долго, наконец меня привели в какой-то дом и здесь изнасиловали. Ночью я убежала». Девушка с большим трудом рассказала нам свою печальную историю. Ее душили слезы.

Несмотря на царившее вокруг спокойствие, мы с минуты на минуту ждали появления противника. Был тихий вечер. Партизаны отдыхали: одни из них лежа читали книги, другие курили; в углу большой комнаты собралась группа партизан, они делились воспоминаниями о своей довоенной жизни. Остальные бойцы усердно чистили свое оружие.

Бережной и я пошли в штаб, здесь собралось много командиров, которые оживленно беседовали. Мы присоединились к общей беседе. В это время в комнату вошел хирург Скрипниченко, невольно все обернулись в его сторону, он на ходу вытирал руки полотенцем и при этом оживленно говорил:

— Я сейчас сделал одному бойцу кавалерийского дивизиона такую сложную операцию, на какую в другой раз не решился бы не только в такой примитивной обстановке, но даже

в благоустроенном госпитале. Судьба хранит наших партизан. Делаешь операции в глухом лесу, без всяких необходимых удобств и приспособлений, а результаты получаются почти всегда хорошие. У моего пациента осколок бомбы застрял в области сердца. Поразило нас его терпение, мне пришлось рассечь ему грудь, надрез пришлось сделать довольно большой, но раненый даже не застонал.

— А вы как думали, товарищ Скрипниченко! Разве настоящему мужчине к лицу слезы? — сказал Ленкин.

— Как раз об этом мужестве я и говорю!

— А как вы думаете, уважаемый доктор, осложнений не будет?

— Надеюсь, что нет. Наши раненые хорошо переносят эти, так сказать, «лесные операции».

В результате боев на берегах реки Буг количество раненых значительно возросло. На следующий день несколько командиров, в числе которых находился и я, в сопровождении Скрипниченко навестили раненых. Легко раненные бойцы оживленно беседовали между собой. Настроение у них было бодрое. Скрипниченко глазами указал на бойца кавалерийского дивизиона, которому он сделал накануне сложную операцию в области сердца.

Больной лежал без движения, его глаза были устремлены в потолок.

— Ну, брат, как ты себя чувствуешь, что тебя беспокоит? — обратился к раненому Скрипниченко.

— Курить можно? — слабым голосом спросил раненый.

— Было бы хорошо воздержаться денька три, ну, а если станет невмоготу, попросишь медсестру, — сказал Скрипниченко и пожелал партизану скорого возвращения в строй.

XXVI

Несмотря на жестокие репрессии и гнусные провокации оккупантов, братская дружба населения Белоруссии с партизанами росла и крепла. Гитлеровцы разорят, бывало, какое-нибудь село, сожгут его дотла, а укрывшиеся в лесу крестьяне стремятся и оттуда поскорее установить с нами связь. Трудящиеся Белоруссии смело и бесстрашно проявляли свои патриотические чувства. Ничто не могло сломить непоколебимую духовную стойкость народа. Проходило некоторое время, беженцы возвращались в свои села, разгребали золу и пепел, рыли землянки, и снова начиналась жизнь.

Мы, партизаны, никогда не забудем самоотверженную любовь и преданность белорусского народа, его пламенный патриотизм, верность советской власти.

Находясь на территории Белоруссии, мы выслали сильную группу разведчиков для изучения местности. По возвращении бойцы рассказывали, что население встречало их повсюду восторженно. Гитлеровцы, стремясь не дать возможности населению установить связь с вновь прибывшим партизанским соединением, ввели жесточайший террор. Как-то раз, с наступлением сумерек, разведчики вошли в одну маленькую деревню. Крестьяне приняли их как близких членов своей семьи, окружили вниманием и заботой. Угостили горячим молоком, сметаной, на дорогу напекли пирогов. На другое утро почти вся деревня вышла провожать партизанских разведчиков. Крестьяне желали им счастливого пути, победы над врагом.

В этом селе крестьяне рассказали нашим разведчикам, что за несколько дней до нашего прихода гитлеровцы согнали на площадь жителей и устроили собрание. Фашист оратор, который с трудом говорил на ломаном русском языке, заявил: «Мы решили поправить ваше хозяйство, необходимо отремонтировать ваши сельскохозяйственные орудия: плуги, сеялки, бороны. Для этого надо, чтобы вы выделили из своей среды работников для ремонта. Вы должны сейчас вызвать людей, которые смогут под нашим руководством провести ремонт. Для того, чтобы эти работы были проделаны в наикратчайший срок, необходимо выделить как можно большее количество людей!»

Эту болтовню гитлеровского оратора крестьяне встретили угрюмым молчанием. Фашист пришел в ярость и начал неистово орать: «Мы заботимся о вашем благополучии, а вы молчите. Виданное ли это дело? А ну, сию же минуту выделяйте необходимую рабочую силу!»

Староста составил список, передал его оратору.

«Завтра, ровно в двенадцать часов дня, все указанные в этом списке лица должны собраться на этом месте и приступить к работе!» — приказал гитлеровец.

На другой день всех перечисленных в списке вооруженные гитлеровцы выстроили по два человека в ряд и погнали на станцию. Здесь их силой загнали в вагоны и отправили в Германию.

На этот раз разведчики привели с собой бежавшего из фашистского плена советского моряка. Это был рослый парень со смелым, открытым лицом.

— Как ты попал в Белоруссию? Кто ты такой, откуда? — спросил моряка Тоут.

— Я из Одессы, служил в морской пехоте. Был ранен и попал в плен. Гитлеровцы загнали меня в Польшу и поместили в концентрационный лагерь. Я улучил момент и совершил побег. Долго скитался по лесам, в села заходил редко, боялся, как бы не выдали меня фашистам. Но мои опасения были напрасны. К кому бы я ни обращался, все относились ко мне с исключительной отзывчивостью. Я все же предпочитал иметь дело с бедняками. Мне редко приходилось голодать, в конце концов я настолько осмелел, что иногда даже оставался ночевать у крестьян. Я с большим трудом перешел через Буг, так как все мосты через эту реку тщательно охранялись. Я старался, но не смог даже близко подойти ни к одному мосту. Однажды, ранним утром, я выбрал на берегу Буга укромное местечко. Я ведь моряк, плаваю хорошо. Я бросился в реку. В то время стояли морозы, вода была ледяная, я с большим трудом переплыл реку. Уже у самого берега я порезал о льдину лоб, кровь хлынула ручьем. Я пытался остановить кровь, но ничего не получалось. Мне даже нечем было сделать перевязку. Наконец кровотечение прекратилось. Я так закоченел в воде, что с большим трудом оделся. Я поцеловал родную землю и продолжал путь. Белорусские крестьяне отнеслись ко мне с большим участием. Они накормили меня, обогрели, дали возможность хорошо отдохнуть. В дальнейшем я стал смелее и чувствовал себя среди крестьян, как в родной семье.

Два дня назад я беззаботно лежал в доме одного доброго крестьянина и читал книгу. Вдруг в комнату вбежала хозяйка и закричала: «В нашу деревню пришли партизаны разведчики, они сейчас находятся у соседей». Я не раз испытывал чувство радости, но то, что я испытал в ту минуту, не сравнится ни с каким переживанием. Я вскочил как сумасшедший и побежал в соседний дом, где застал их, — и моряк указал рукой на стоящих подле него разведчиков.

— Тебе долго пришлось пробыть в концентрационном лагере? — спросил моряка Тоут.

— Ровно два месяца.

— Обращение было плохое?

— Это был кошмар. Трудно передать словами, что там творилось, сотни пленных заживо сжигались в огромных печах.

— В чем их обвиняли, за что сжигали их?

— Без всякого обвинения... Фашисты придирались ко всякому пустяку. Свои дикие репрессии они обычно мотивирова-

ли тем, что пленный, мол, собирался бежать, и этого было вполне достаточно для чудовищной расправы.

Вместе с моряком разведчики привели еще одного человека. Он, оказывается, бродил по селу, переодетый в жалкие лохмотья. Он заговаривал с детьми и женщинами, расспрашивал их о всех вновь пришедших в село, спрашивал также о крестьянах, которые ушли из села, больше всего его интересовали партизаны и настроение населения. Поведение этого человека было настолько подозрительным, что крестьяне сразу опознали в нем фашистского шпиона. Как только по селу разнеслась весть, что пришли партизанские разведчики, крестьяне тотчас же схватили гестаповского агента и передали его партизанам.

Наша дивизия имела регулярную радиосвязь с «Большой Землей», и нам хорошо было известно положение на фронте. Мы знали, что Советская Армия безостановочно гонит оккупантов на запад. Но фашистская пропаганда всячески пыталась изобразить эти свои поражения победой.

Как-то я вошел в комнату радистки Клавдии Личиной в тот момент, когда она настраивала радиоприемник. Там уже было несколько бойцов. «Давид Ильич, я поймала вражескую передачу, послушайте!» — сказала Личина.

Передача велась на русском языке. Это было обращение фашистов к местному населению: «Наша главная задача в настоящее время заключается в выпрямлении линии фронта. В последнее время линия фронта заметно искривилась, что недопустимо со стратегической точки зрения. Во время выпрямления линии фронта неизбежны переброски крупных воинских соединений. В одних местах придется продвинуться вперед в других—несколько отступить, передвижение продлится несколько недель. Но сегодня можно решительно заявить, что дни большевиков сочтены: возможно, население не видит и не чувствует этого, но всякий, кто имеет верное представление о положении на фронте, отлично понимает это».

— Совсем завраались, окаянные, — бросил один партизан. — Да все равно не поможет им геометрия...

В эти дни наши разведчики были посланы в Цехановичи и Дроговичи. Успешно выполнив задание, разведчики на обратном пути наткнулись на крупный отряд неприятеля; надо было принять бой, иного выхода не было. Силы противника значительно превосходили. Группу разведчиков вызволил взвод второго полка. Общими силами враг был рассеян. В этом бою партизаны захватили пять тысяч патронов, один гитлеровец был взят в плен.

Разведчики сообщили, что в селе Острожено хозяйничает

омещик. Для его охраны здесь постоянно находится специальный немецкий гарнизон. Бежавший в свое время за границу пан снова возвратился в Острожено, засел в своем поместьичьем имении и наложил на крестьян тяжелое ярмо. Для обуздания зарвавшегося помещика был выделен шестой батальон третьего полка под командованием Цымбала. Гитлеровский гарнизон, охранявший помещика, помимо всякого прочего вооружения, располагал одним танком и самолетом. Ворвавшись в село, Цымбал напал на вражеский гарнизон и в коротком бою разгромил неприятеля. Уже в конце боя партизаны услышали в небе гул мотора. Как выяснилось позже, помещик в последние минуты боя сумел бежать на самолете.

Мы еще не успели как следует обосноваться на новом месте, как неприятель открыл со всех сторон сильный огонь. Вся дивизия, как один человек, встала на ноги и ответила на огонь врага еще более жестоким огнем. «Не так страшен черт, как его малюют»,— гласит народная поговорка. Так вышло и в этот раз. Первое впечатление было такое, что враг сосредоточил вокруг нас большие силы и нам предстоит тяжелая продолжительная борьба. К нашему удивлению, как только мы перешли в контратаку, враг дрогнул и начал отступать к лесу. Вскоре гитлеровцы повернули и побежали. В этом бою мы потеряли партизана Маскулова, который не так давно попал в наш полк.

Бежавшие из плена братья Маскуловы пришли к нам уже в то время, когда мы находились в Польше. Они были зачислены партизанами. В вышеупомянутом бою погиб старший брат, бойцы принесли тело убитого в лагерь. Младший брат дал клятву над телом погибшего брата жестоко отомстить врагу за его гибель.

Уже вечерело, когда из штаба был передан приказ — сняться и выступить из села. В этот момент в полк пришли два пионера. Они сказали, что учатся в местной школе, и предложили свои услуги в качестве проводников...

— Мы узнали, что вы покидаете наше село, и решили предложить вам свои услуги. Мы можем быть вам полезны, так как хорошо знаем все тропинки.

Мы с большим волнением выслушали смелых ребят.

— Большое спасибо, юные друзья. Мы с радостью приняли бы ваше предложение, но мы боимся, что вам будет небезопасно возвращаться одним поздней ночью. Время сейчас тревожное, всякое может случиться, — сказал я мальчикам.

— А как же вы пойдете одни, вам ведь неизвестна эта местность.

— У нас есть проводник, он тоже из вашей деревни и то-

же хорошо знает дорогу, парень, видно, смекалистый. А вы, ребята, идите домой.

— Ладно, ничего не поделаешь, мы пойдем!

Партизаны приласкали ребятишек, Иосиф Тоут угостил их шоколадом.

Нам предстояло пересечь две шоссейные дороги. Первую дорогу мы прошли без всяких осложнений. При переходе же через вторую дорогу, Семит—Галек, мы натолкнулись на серьезное сопротивление противника. Вершигора возложил организацию обороны на второй полк. Несмотря на сильное сопротивление неприятеля, дивизия смело начала переход. Второй полк действовал энергично, сдерживая непрерывные атаки гитлеровцев и время от времени переходя в контратаки.

Когда дошла очередь до первого полка, противник возобновил жестокие атаки, стремясь любой ценой разрезать партизанскую колонну на две части. Мы с оружием в руках проложили себе путь. Когда мы вышли за линию огня и находились уже вне опасности, я подозвал к себе Тоута и спросил, все ли бойцы успели перейти дорогу.

— К сожалению, не видно Бережного!

Не было видно также бойцов санитарной части и одного взвода, державшего оборону. Это сообщение меня очень огорчило.

— Куда они девались... Бережной — опытный командир, неужели с ним могло что-нибудь случиться? — обратился я к Тоуту.

— Меня тоже все это удивляет. Не приложу ума, что могло с ним произойти! — ответил мне Тоут.

Я срочно выделил роту и направил ее на розыски пропавших товарищей. Догнав Вершигору, я доложил ему о случившемся.

— Бережной — толковый парень, он не попадет так легко в руки врага. Но, конечно, необходимо принять срочные меры. Действуй, Давид, и держи меня в курсе дела, — сказал мне Петр Петрович.

Рота возвратилась ни с чем; враг запер дорогу танками, и партизаны не смогли перейти через нее.

На рассвете подошли к селам Грабовка, Хоромово и Покачево. Согласно приказу командования, мы свернули в эти села и стали лагерем. Утомленные бойцы тотчас же уснули, а я все никак не мог успокоиться. Я выделил новую группу разведчиков и послал их на розыски Бережного. После этого я прилег, но сон не шел. Я стал думать о вчерашнем бое, затем снова передо мной встал Бережной. Чего только не передумал я о нем в ту ночь: может быть, он попал в плен? Но нет, это

невозможно! Бережной и плен! — это два совершенно несовместимых понятия. А может быть, его убили? Но нет, ведь рядом с ним были товарищи, кто-нибудь должен был уцелеть, и нам непременно сообщили бы о его гибели. Возможно, гитлеровцы успели запереть дорогу, и он не смог перейти шоссе? Это вероятнее всего.

Было около двенадцати часов дня, когда я услышал чей то крик: «Бережной едет». «Он, ну, конечно, он». Я вскочил, протер глаза и бросился во двор. Вижу, Бережной несется во весь опор на коне. А за ним едут подводы с санитарами и отставший обоз других полков. Шествие замыкали посланные мною разведчики.

— Давид Ильич, привет! — закричал, увидев меня, Бережной. Я поздоровался с ним, поздравил со счастливым возвращением.

— Да, меня, действительно, можно поздравить. Был момент, когда я потерял всякую надежду увидеть вас когда-нибудь!

— Где ты пропадал, что с тобой случилось?

— Большое тебе спасибо, Давид, что не забыл обо мне.

— Нашел, за что благодарить, ты лучше расскажи о себе

— Когда наш полк переходил через шоссе, я находился в конце колонны. А враг, не сумев задержать ваш стремительный натиск, обрушился на конец колонны и отрезал нас от главных сил. Вот я и остался по ту сторону дороги вместе с санитарной и хозяйственной частями. Нечего было и думать о схватке с неприятелем. Мы свернули с дороги и углубились в лес. Как только бой затих, мы выбрались из лесной чащобы и начали пробираться по узким лесным дорогам. Эти дороги шли параллельно друг другу. Двигаясь вперед, мы выискивали подходящее место для перехода через шоссе. Найдя удобный переезд, мы поспешно пересекли дорогу и устремились на север. Через некоторое время мы встретили посланных за нами разведчиков и вместе с ними прибыли сюда. Вот и вся наша история,— заключил свой рассказ Бережной.

Возвращение Бережного очень обрадовало всех нас. Он подробно рассказал мне о своих скитаниях. Я внимательно слушал своего друга, храброго воина. Бережной еще продолжал свой рассказ, когда мне передали приказ Войцеховича: усильте оборону, каждую минуту можно ждать нападения врага.

Второй и третий полки в это время были уже втянуты в бой, до нас отчетливо доносилась стрельба.

Второй батальон нашего полка занимал в это время хорошее укрытие в том направлении, откуда можно было ждать

появления неприятеля. Я и Тоут тотчас же направились в расположение этого батальона. Не прошло и нескольких минут после нашего прихода, как противник атаковал нас. Батальон пошел в контратаку.

Бои затянулся до самой темноты. Много партизан моего полка было ранено в этой схватке. Я поручил Тоуту выделить подводы и перевезти раненых в безопасное место. Тоут, отличавшийся вообще большой точностью и исполнительностью, и на этот раз очень быстро и четко выполнил задание. Все раненые бойцы были уложены на подводы и вывезены за пределы опасной зоны.

Вскоре после наступления темноты я получил приказ штаба об оставлении села. К двадцати часам мы скрытно покинули село и присоединились к остальным полкам. Впереди нам опять предстояло пересечь шоссейную и железную дороги.

Мы благополучно пересекли шоссе, прошли пятнадцать километров и приблизились к железнодорожному полотну. Я остановил полк вдали от дороги и выслал разведчиков для обследования местности и расположения противника. Разведчики сильно запаздывали. Я сидел на подводе и о чем-то задумался.

— Гамарджвеба! — приветствовал меня кто-то по-грузински. Я очнулся от раздумья, осмотрелся и увидел позади незнакомого юношу. Он поспешно приблизился ко мне и вторично приветствовал меня.

— Кто ты такой, из каких краев? — спросил я юношу.

— Я из Аджарии, состою бойцом в отряде Казика.

— Как твоя фамилия?

— Хахва, Сулико Ахметович.

— Из какого ты района?

— Из Батумского.

— Скажи мне на милость, какой национальности этот ваш Казик. Судя по акценту, он не русский.

— Как, вы не знаете? Казик ведь грузин, его настоящая фамилия—Чиковани.

— Вот как! Почему же вы называете его Казиком? Что это за прозвище?

— Это поляки почему-то так прозвали его. Ну и мы тоже стали его так называть. Товарищ Давид, Казик хочет вас видеть.

— Сейчас у меня очень много дела. Передай ему, чтобы он непременно повидал меня в более свободное время.

— Я передам.

— А как ты сам попал в отряд Казика? — спросил я аджарца.

— Пока я добрался до Казика, мне пришлось испытать много мучений. Из концентрационного лагеря я бежал вместе с четырьмя товарищами. Долго мы скитались голодные по лесам. В первое время единственным нашим оружием были дубины. Однажды на берегу реки Висла мы встретили поляка крестьянина, он прилично говорил по-русски. Мы рассказали ему о себе и попросили научить, как нам раздобыть оружие.

— Оружие добыть сейчас очень трудно, — ответил нам крестьянин. — Вот, пожалуй, у нашего пана оно есть. Но только он больно хитер, пес. Вы можете пострадать и не взять у него оружия.

— Ты, брат, за нас не беспокойся, — ответили мы крестьянину, — попытка — не пытка. Ты лучше скажи: много у него оружия и какое оно?

— Револьвер у него во всяком случае есть. Это я сам видел.

Крестьянин показал нам помещичий дом. Стемнело. Мы приблизились к дому, обошли вокруг, заметили у ворот телефонный столб. Один из нас полез на столб и обрезал телефонный провод. После этого мы смело направились к дому. Поднявшись по лестнице, мы увидели через окно юношей и девушек, сидящих вокруг стола; среди них был пожилой мужчина, с головой, похожей на дыню. Они играли в карты.

Мы ворвались в комнату, занесли над головами сидящих свои дубины и приказали поднять руки. Все беспрекословно подчинились нашему приказу.

— Вы помещик? — обратился я к пожилому, полному мужчине.

— Да!

— Прошу сдать оружие!

— Какое?

— Револьвер!

Побледневший пан заерзал на месте.

— Кто вы такие, что требуете от меня, чтобы я сдал вам револьвер?—нервно заговорил пан и при этом сделал какой-то знак глазами стоявшей подле него девушке. Девушка тотчас же вышла в соседнюю комнату и вскоре оттуда вернулась. У нее был очень обеспокоенный вид.

— Ваш телефон выключен, на его восстановление потребуется значительное время, — сказал я девушке. Пан тут совсем растерялся, видно, рухнула его последняя надежда — телефон.

— Мы не в гости к вам пришли, к чему излишние разговоры, сдайте сейчас же револьвер, — крикнули мы пану и занесли над его головой дубины. Поняв, что сопротивление бес-

смысленно, пан размяк и пробормотал дрожащим голосом: «Револьвер у меня в столе».

Вот так мы добыли наше первое огнестрельное оружие.

С помощью одной крестьянки-польки нам удалось установить связь с партизанским отрядом Казика, к которому мы вскоре и присоединились.

Словоохотливый парень, по-видимому, был готов говорить до самого утра. Но в это время к нам подошел Вершигора.

— Почему ты здесь стоишь, кого ждешь? — спросил меня Петр Петрович.

— Я выслал разведчиков для обследования переезда и вот жду их возвращения.

Вершигора дождался возвращения разведчиков и приказал дивизии начать переход.

Была ясная лунная ночь. Ровная как стрела линия уходила в бесконечную даль. Вдруг вдали показались огни паровоза.

Как только паровоз поравнялся с нашим укрытием, загрохотала пушка, застрекотали пулеметы, дробью рассыпались автоматные очереди. Паровоз остановился. При лунном свете было отчетливо видно, как с паровоза и из вагонов начали прыгать гитлеровцы. Первый батальон с боем прорвался к эшелону. Бойцы начали выламывать двери вагонов.

— Не убивайте нас, мы русские, — раздались из вагонов умоляющие возгласы.

Вначале партизаны не поверили, они решили, что это очередной маневр гитлеровцев. Лишь после того, как были взломаны двери вагонов, партизаны воочию убедились, что перед ними действительно были пленные советские граждане.

— Откуда вас везут? — начали расспрашивать бойцы пленных.

— Из концентрационного лагеря!

— Куда вас везли?

— Нам об этом ничего не известно.

Партизаны быстро высадили пленных. Нашим глазам представилось потрясающее зрелище: худые, бледные, изможденные лица. Вместо одежды на людях жалкие лохмотья. От радости они то смеялись, то плакали.

— Сон это или явь? — спрашивали несчастные люди партизан.

Во время сильной перестрелки взорвались два вагона. Как выяснилось позже, оба вагона были гружены порохом. Мы сильно огорчились, так как в этот период мы испытывали острую нехватку пороха. Бой стих. Гитлеровцы начали выползать из своих укрытий и бежать к лесу. Большинство из

них было сражено меткой партизанской пулей, остальные скрылись в лесу.

Мы каждую минуту ждали появления дорожной охраны. Артиллерийская стрельба в такую тихую ночь должна была быть слышна на десятки километров. Охрана на других участках дороги не могла не услышать сильной перестрелки. Но никто не появлялся, по-видимому, гитлеровцы струсили и не захотели подвергать себя опасности.

Поезд сгорел дотла, мы остались без трофеев.

Спасенных из плена советских граждан оказалось пятьдесят пять человек; через некоторое время я зачислил их всех в свой полк.

Покончив с поездом, мы двинулись вслед за ушедшей вперед дивизией. На рассвете мы подошли к селу Смелченцы. Нас встретили разведчики и сообщили, что здесь находится вся дивизия и готовится к штурму селения, в котором засел вражеский гарнизон.

Когда совсем рассвело, мы с боем ворвались в селение. Часть неприятельского гарнизона была истреблена, уцелевшие гитлеровцы спаслись бегством. Мы еще не успели расквартироваться, как в небе раздался гул самолетов. Вскоре гул стал слабее, а затем совсем стих. Крестьяне сообщили, что фашисты высадили за селом воздушный десант. Сообщение крестьян подтвердилось. Мы успели подготовиться к встрече противника. Вражеские десантники атаковали первый полк. В течение получаса мы рассеяли противника. На поле боя осталось много убитых и раненых гитлеровцев.

После этого боя наступило на некоторое время затишье.

Стояло спокойное, ясное утро. Солнечные лучи позолотили стекла окон в штабной комнате. Я просматривал бумаги. В это время снаружи донесся шум и разведчики ввели в комнату какого-то мужчину. Его маленькие, глубоко посаженные карие глаза едва были видны, так как их закрывала спадавшая с головы густая грива волос. Лицо его заросло бородой. На незнакомце была грязная шинель, надетая прямо на голое тело.

— Кто вы? — спросил я человека.

— Я советский гражданин.

— Что с вами случилось, почему у вас такой вид?

— Этим я обязан гитлеровцам!

— Расскажите, что́ с вами произошло?

— Я вместе с другими пленными был заключен в концентрационный лагерь в Польше. В этом лагере нас истязали, мы валялись прямо на голой земле без воды и пищи. Каждую

ночь к нам врывались фашистские палачи и уводили с собой двадцать—тридцать человек. Никто из уведенных не возвращался обратно. Однажды ночью меня тоже вывели вместе с группой пленных. Мы увидели перед бараком большую черную закрытую машину. Один пленный зашептал мне на ухо: «Ну, пришел наш конец. Эта машина и есть «душегубка», нас бросят в нее и задушат газами». Мы начали пятиться от машины, попытались бежать. Но вокруг нас плотной стеной стояли гитлеровцы и безжалостно били прикладом каждого, кто пытался сделать шаг в сторону от машины. Затем палачи начали силой толкать нас к машине. При этом они зло кричали: «Входите!», «Скорее!». В конце концов им удалось загнать нас в машину. Очутившись внутри, я почувствовал под ногами какую-то лужу. «Моча» — догадался я и быстро снял с себя рубаху, смочил ее в этой луже. После того, как палачи закрыли дверцу машины, я плотно прижал рубаху к лицу и лег ничком на пол машины. Почти сразу после закрытия дверцы палачи пустили газ. Вокруг меня стали раздаваться глухие стоны. Через несколько минут наступила гробовая тишина. У меня начала сильно кружится голова, тошнило. Я изо всех сил прижимал к лицу рубаху. Гитлеровцы вскоре открыли машину и начали вытаскивать тела погибших. Я притворился мертвым, и меня вместе с остальными стащили с машины. Была очень темная ночь, я воспользовался этим и стал ползком удаляться от страшного места, потом я поднялся на ноги и побежал в сторону леса. Я пробежал довольно большое расстояние и, вконец обессиленный, упал на землю. Сердце у меня готово было выскочить из груди, голова кружилась. Начиная с этого дня, я восемь месяцев безвыходно жил в лесу. Здесь я подружился с пастухами, они поручали мне пасти скот. Я был совершенно отрезан от внешнего мира. Под конец мне надоело пасти скот, и я начал лесом пробираться в сторону Белоруссии. После долгих скитаний и мытарств я наконец вступил на родную землю.

Тут незнакомец замолчал, опустил голову и, обессиленный, сел на большой камень.

— Отведите товарища в баню, побрейте оденьте и накормите, — приказал я командиру разведывательной группы.

Трудно было заподозрить его в неискренности. Но все же и на этот раз не мешало соблюсти твердое партизанское правило — изучать каждого нового человека. У незнакомца оказалось тяжелое нервное заболевание, иногда проявлявшееся очень бурно. Я поручил доктору Циммеру вести за больным постоянное наблюдение и проводить возможное в наших условиях лечение.

Связной принес из штаба копию письма от Сидора Артемьевича Ковпака.

Я внимательно прочитал письмо, затем прочитал его вслух находящимся в штабе товарищам, а после передал командирам подразделений полка. Письмо Ковпака воодушевило бойцов. Письмо пришло как раз вовремя. Оно придало нам новую энергию и бодрость. Привожу содержание этого письма:

«Мой сердечный, партизанский привет дорогим бойцам, командирам, политработникам. Хотя я физически нахожусь далеко от вас, но душой я всегда с вами, я живу и дышу вашими успехами и победами.

Вы, конечно, поймете, какую я испытываю радость всякий раз, когда слушаю по радио передачу о ваших славных делах или читаю о вас в журналах и газетах. Велики ваши заслуги перед Родиной. Недалека та минута, когда враг будет окончательно разгромлен. Теперь вам надо быть еще мужественнее и тверже. Беспощадно бейте врага, стремитесь, чтобы в общем победном кличе и ваш голос звучал громко и отчетливо. Ваш Ковпак».

В эти дни положение у нас опять сильно осложнилось. Фашисты атаковали второй полк. Бой принял исключительно напряженный и серьезный характер.

На участке третьего полка тоже было неспокойно. Бойцам то и дело приходилось отражать атаки противника. Спокойнее всего была пока что обстановка на участке нашего полка. Правда, время от времени из лесу появлялись небольшие группы противника с пулеметами, но им большей частью не удавалось выпустить даже короткой очереди, мы стальным кулаком загоняли гитлеровцев обратно в лес.

На юго-востоке непрерывно гремела артиллерия. Там сражался шестой батальон третьего полка под командованием Цымбала.

Несмотря на большие потери, противник продолжал бешено рваться вперед.

Как раз в эти напряженные дни я заболел. Меня знобило, сильно болело горло. Я начал нервничать: какое время болеть, разве в такую горячую пору можно лежать в постели... Я переборол себя и пошел проверять линию обороны. Чувствую, что горло стало болеть сильнее, закружилась голова, глаза заволоклись туманом. Я осмотрел оборону и пошел обратно. Придя к себе, я вызвал полкового врача Циммера. Он измерил мне температуру. Градусник показал 39,5. Циммер тотчас же принес стрептоцид и заставил меня его принять.

Температура в течение нескольких дней не спадала. Врач категорически запретил мне вставать с постели. Пришлось подчиниться. Я продолжал руководить обороной, лежа в постели.

Мы стояли недалеко от Беловежской пущи. Трудно придумать лучшее убежище. Партизаны называли этот лес «Обетованной землей».

Гитлеровцы отлично понимали значение Беловежской пущи для нас, а потому они принимали все меры, чтобы партизаны не смогли проникнуть в нее. Мы со своей стороны старались опрокинуть планы гитлеровцев.

Я получил задание из штаба дивизии основательно изучить Беловежскую пущу. Я вызвал разведчиков и ознакомил их с заданием штаба.

— Перед вами стоит сложная и ответственная задача,— сказал я им. — Вы должны хорошо изучить Беловежскую пущу. Неприятель с особой тщательностью охраняет этот лес. Необходима большая осторожность и бдительность, ни один из вас не должен попасть в руки врага!

Разведчики пошли на выполнение задания. Когда они возвратились, я очень обрадовался их благополучному возвращению.

— Все вернулись? — спросил я бойцов.

— Все до одного. Ваше предостережение, товарищ командир, оказалось вполне справедливым. Лес охраняется очень тщательно. Раньше в нем жили люди, теперь же он полностью очищен. Все строения, включая и дом лесничего, сравнены с землей. Крестьяне нам рассказали, что их всех выгнали из лесу, а дом сожгли. Теперь в пуще, кроме гитлеровцев, не встретишь ни одной живой души. На наш вопрос, почему так поступили гитлеровцы, крестьяне нам ответили: «Гитлеровцы это сделали для того, чтобы лишить нас возможности установить связь с партизанами».

На вопрос партизан, где они живут в настоящее время, крестьяне ответили: «Мы вырыли себе землянки в поле, в них и живем. Гитлеровцы понастроили в лесу разные укрепления, через овраги и реки перекинули мосты, везде поставили стражу. К этому лесу теперь не подступишься».

Беловежская пуща — огромный заповедник, за которым до войны был постоянный уход. В нем водились зубры, олени, козули. Во время войны в пуще хозяйничали фашисты, они построили различные склады и другие объекты. Поэтому было вполне понятно, что они так тщательно охраняли этот лес.

По всему было видно, что в этом районе нам не избежать горячих боев. Так оно и случилось.

XXVII

Был вечер. Мимо расположения нашего полка пронесся кавалерийский дивизион. Впереди скакал Ленкин; по всему было видно, что кавалеристы очень спешат. На мой оклик Ленкин ответил: «Мы должны отбить у неприятеля селение Оменец-Панасюк».

По-видимому, гарнизон противника в этом селе был малочислен. Неприятельские разведчики издали обнаружили приближение кавалерийской части. Они тотчас же доложили начальнику гарнизона о появлении партизанской конницы. Весь гарнизон был охвачен паникой. Ни о каком организованном сопротивлении не могло быть и речи, все бежали, как говорится, куда глаза глядят. Каждый старался поскорее выбраться из села и спастись от партизан.

Партизанский кавалерийский дивизион приблизился к селу и стал охватывать его кольцом. Бойцы собрались было штурмовать село, но выяснилось, что оно уже пусто, в нем не было ни одного гитлеровца. Ленкин сообщил в штаб — село занято без боя.

Все командиры полков были вызваны в штаб. Я был еще болен и послал вместо себя Тоута и Бережного. В штабе обсуждался вопрос о Беловежской пуще. После того как командиры высказались по данному вопросу, Войцехович зачитал приказ о выступлении.

Вскоре мы выстроились вдоль узких улочек села, и колонна тронулась. Ночь была очень темная. Идти было трудно, так как бойцы почти по колено увязали в липкой грязи. Впереди двигался конный дивизион, лошади совершенно испортили и без того плохую дорогу. Наконец мы добрались до села Столповиска. У самого села протекала речка. Неприятельская охрана обнаружила приближение партизанской колонны и открыла огонь по разведчикам, идущим впереди колонны. Разведчики открыли ответный огонь, завязался бой. Спустя час охрана моста была уничтожена и селение освобождено. Двинулись дальше, теперь на нашем пути лежало селение Рашковка, в котором тоже оказался вражеский гарнизон. Неприятельские разведчики заблаговременно предупредили свое командование о приближении партизанской колонны. Гитлеровцы начали лихорадочно укреплять подходы к селу с северо-запада, так как по их расчетам мы должны были подойти именно с этой стороны. Но противник просчитался — мы подошли к селу со стороны, которая была совершенно не укреплена. Гитле-

ровцы попытались нас задержать, но тщетно. Мы мощным ударом захватили село. Неприятель в беспорядке начал отступать в сторону села Своянуц. Как выяснилось в дальнейшем, в этом селе находился штаб вражеского полка. Как только мы подошли к Своянуцу, фашисты атаковали нас значительными силами. Я и Кульбака получили приказ — любой ценой не дать возможности противнику отбить село Рашковка.

Я все еще продолжал болеть. У меня и днем и ночью держалась высокая температура, врач категорически запретил мне ходить и приказал лечь в постель. Пришлось подчиниться. Руководство полком я снова возложил на Тоута.

Бой принимал острый характер.

Ко мне подбежал присланный Тоутом связной. Тоут сообщал: «Боеприпасы на исходе, срочно организуйте подачу боеприпасов».

Я тотчас же послал Тоуту все имеющиеся в полку запасы патронов.

Сгустились тучи, вскоре пошел проливной дождь. На дорогах образовались лужи. Стрельба усилилась. Отчетливо был слышен боевой клич партизан. Бой принимал все более напряженный и сложный характер. Я не выдержал, вскочил с постели и быстрым шагом пошел на шум боя. У меня кружилась голова, несколько раз я чуть не упал. Вот, наконец, я приблизился к нашим. Ребята лежали в канавах, в лицо им бил снег, смешанный с дождем. Увидев меня, Тоут и Бережной закричали в один голос: «Зачем ты встал, Давид? Разве мы без тебя испортим дело? Подружески просим тебя, сейчас же вернись обратно».

Я обошел цепи бойцов и, удовлетворенный их бодрым видом, возвратился обратно. Вдруг у меня над головой прожужжала пуля, вторая, третья. С деревьев посыпались мелкие ветки. Видно, гитлеровцы приметили меня.

Войдя в комнату, я свалился на кровать, с лица ручьем лил пот. Стрельба нарастала. От пушечных выстрелов в окнах звенели стекла. У противника оказались большие резервы. Не было видно конца пятитонкам, груженным военной техникой и живой силой, которые шли со стороны Беловежской пущи и Каменец-Литовска. Однако, несмотря на ожесточенные атаки противника, партизаны не отступали ни на шаг.

Враг готовился к атаке со стороны Верховичей. Наши разведчики вовремя обнаружили приготовления противника

и сообщили об этом в штаб. Для отражения готовящегося нападения третьему полку было поручено занять село Януши. Проведение этой операции срывало план противника. Село Януши находилось на полдороге между расположением дивизии и местечком Верховичи. Осуществление этой операции было возложено на командира шестого батальона третьего полка — Цымбала и комиссара седьмого батальона — Пшеницына.

Надо отдать справедливость обоим командирам, они быстро и точно провели эту операцию, в результате чего находившиеся в местечке Верховичи войска неприятеля были окружены и разгромлены.

В этом бою противник оставил на поле боя тридцать четыре человека; шестнадцать гитлеровцев были взяты в плен. Партизаны уничтожили шесть автомашин и три мотоцикла. Были захвачены пять станковых пулеметов, тридцать автоматов и винтовок и большое количество боеприпасов.

С нашей стороны также имелись потери; в этом бою смертью храбрых пали комиссар батальона Пшеницын и лейтенант Пащенко. Только благодаря умелому руководству командиров и беззаветной храбрости бойцов шестого и седьмого батальонов была одержана победа над значительно превосходящими силами противника. Кроме немцев, на стороне противника в этом бою принимали участие голландцы и части Галицийской дивизии.

Бой за Януши еще продолжался, когда враг большими силами атаковал село Звояновка. Положение очень осложнилось, неизбежны были большие жертвы. Для предотвращения надвигающейся катастрофы был только один выход — надо было своевременно уйти из этих мест. Противник пристально наблюдал за каждым нашим шагом, гитлеровцы знали, что партизаны в сложившейся обстановке постараются переместиться в более безопасное место. Поэтому фашисты устроили по всем направлениям многочисленные укрытия и засады. Но мы и на этот раз опрокинули расчеты противника и нашли правильный выход из создавшегося тяжелого положения: мы должны были силой или хитростью проникнуть в Беловежскую пущу. Для осуществления этого плана необходимо было в первую очередь захватить мост через реку Белая.

В целях дезориентации противника мы направили обоз в северном направлении. Одновременно мы послали одну

роту первого полка под командованием Бычкова и Калеников на захват моста через реку Белая.

Бычков скрытно подошел к мосту и внезапным ударом овладел им. Однако противнику удалось с помощью танков и артиллерии отбить мост. Рассеянная в начале боя охрана моста теперь приободрилась и атаковала идущую по мосту роту. В результате жестокого боя противнику удалось рассечь колонну партизан на две части. Двадцать партизан вместе с Бычковым оказались на противоположном берегу реки, остальные бойцы роты остались на этой стороне. Всех очень взволновало известие о судьбе Бычкова и двадцати партизан, оказавшихся отрезанными от основных сил.

Я сообщил в штаб, что переход через мост пока еще не обеспечен.

Весь личный состав первого полка был полностью втянут в бой.

Стемнело. Подводы двинулись в сторону леса. Гитлеровцы заметили это и все внимание перенесли на это направление. Нам только этого и надо было. Противник снова атаковал Рашковку. Вокруг стоял сплошной гул от разрывов снарядов, пулеметной и ружейной стрельбы. Вскоре Бережной сообщил мне тяжелую весть — убит Тоут. Не прошло и получаса, как сообщили еще одну тяжелую весть: командир взвода Лепешкин, командир отделения Богданов и автоматчик Индих, пытавшиеся вынести с поля боя тело Тоута, были замечены неприятельским пулеметчиком и убиты. Лишь с наступлением темноты, когда враг перешел к обороне, мы смогли вынести тела погибших товарищей с поля боя. Мы их похоронили ночью. Мы не могли произвести традиционный салют, так как не хотели обнаружить своего расположения. Родина никогда не забудет имен этих героев. За несколько минут до погребения я снял с груди Тоута орден Великой Отечественной войны первой степени и достал из кармана его гимнастерки фотографию жены и детей. В свободную минуту Тоут, бывало, уединялся, доставал из кармана гимнастерки эту карточку и долго внимательно смотрел на нее. Если мне случалось застать его в такую минуту, то он отворачивался, прятал карточку в карман и затем как ни в чем не бывало шел ко мне навстречу, напевая вполголоса.

Как только мне представился удобный случай, я переслал орден и карточку семье покойного друга.

Вскоре я получил письмо от матери Тоута. Она просила сообщить ей подробности гибели сына и место его погребения. Она спрашивала, был ли он мужественным и стойким до конца. Я написал матери Тоута подробное письмо.

По происхождению Иосиф Иосифович Тоут был венгром. Он родился в Венгрии, но отца своего не помнил. Вдовамать во время первой мировой войны вышла замуж за русского рабочего, попавшего туда в качестве военнопленного.

Детство Тоут провел в венгерском городе Дербецене, затем семья переехала в Москву, где Иосиф в 1933 году окончил фабрично-заводское училище и получил квалификацию слесаря. В этом же году юноша вступил в комсомол. В 1936 году Тоут с отличием окончил Коммунистический университет и начал работать на мясокомбинате.

В 1942 году Тоут был призван в ряды Советской Армии. Как я говорил уже, в декабре 1943 года, перед началом рейда, Тоут вместе с Вершигорой прибыл в наше соединение.

На следующее утро противник возобновил ожесточенные атаки. Теперь гитлеровцы ввели в бой и танки.

Чем раньше удалось бы нам покинуть эти места, тем для нас было бы лучше, так как нам было очень невыгодно втягиваться в утренний бой. Вершигора предложил Ленкину отыскать среди местных жителей опытного проводника, который смог бы благополучно провести дивизию вдали от дорог. Ленкин быстро нашел такого человека. Как только стемнело, дивизия покинула селение Рашковку и двинулась в северном направлении.

Впереди лежала река Лесна. Мы должны были форсировать эту реку, а затем продолжать путь в восточном направлении.

Приказ был отдан, и колонна засветло вытянулась в направлении Беловежской пущи. Задача была поставлена идти напролом в лес. Под минометным огнем туда проскакивали пустые подводы и конники. Противник видел это и принял меры по защите. Но когда колонна была готова к движению, Вершигора спросил Бережного и Войцеховича:

— Как вы думаете, противник снял с юга все свои части и перебросил на север или нет?

На это командиры ответили:

— Надо быть дураком, чтобы так поступить.

— Предположим, что противник на этот раз дурак, — сказал Вершигора и добавил: — Войцехович, отдай распоряжение повернуть дивизию на юг.

Авангард превратился в арьергард, лишь кавдивизион

вышел вперед. Это вызвало недоумение среди командиров. Но Вершигора оказался прав. Немецкое командование, видимо, действительно «поверило» нам и перебросило все силы в пущу. Всю ночь, проходя по полевым дорогам на юг, мы видели на шоссе фары сотен машин, двигавшихся на север.

Погода благоприятствовала нам. Начался густой снегопад. Наши следы моментально заметались снегом. Партизаны шли белые, запушенные снегом, подобно сказочным дедам-морозам.

Но март вообще считается самым изменчивым месяцем. Погода менялась по нескольку раз в день: вот идет снег, через какой-нибудь час небо проясняется и выглядывает солнышко, затем небо снова заволакивается тучами, поднимается ветер, и так без конца.

Мы продвигались быстро. Пройдя тридцать километров, мы достигли Каменец-Подольского района. Снегопад продолжался. Вдали мы увидели вздымающееся к самому небу зарево. Горела Беловежская пуща. Это гитлеровцы подожгли лес. По-видимому, потеряв наш след, они решили, что мы укрылись в лесу и подожгли его.

Приближался рассвет. В иное время с наступлением рассвета мы, согласно партизанскому обычаю, всегда искали надежного укрытия, чтобы продолжать поход с наступлением темноты. На этот раз нам пришлось изменить этому обычаю, так как вблизи находился узел шоссейных дорог и враг мог легко перебросить сюда войска, и тогда мы поневоле должны были бы снова втянуться в бой. Поэтому мы продолжали путь и днем.

Мы теперь двигались на расстоянии каких-нибудь трех-четырех километров от шоссейной дороги, опасность была велика, поэтому мы на всех перекрестках выставили сильную охрану.

Напряженность усугублялась еще тем обстоятельством, что мы с минуты на минуту ждали появления вражеской авиации. Во время ночного похода было гораздо легче укрыться от самолетов противника. Теперь же мы двигались днем и при этом компактной массой, так что даже один неприятельский самолет мог нанести нам значительный урон.

И действительно, вскоре раздался отдаленный гул. Мы легко определили, что приближались неприятельские самолеты. Бойцы спешно рассредоточились. Через некоторое время показалась целая эскадрилья бомбардировщиков.

И вот тут произошло какое-то чудо: небо сразу потемнело, все вокруг окуталось густым туманом. Неприятельские самолеты потеряли ориентировку и стали беспорядочно сбрасывать бомбы.

— Даже погода и та сжалилась над нами, товарищ Давид, — сказал мне, улыбаясь, Бережной.

— А как же может быть иначе, на нашей земле и погода должна быть на нашей стороне, — ответил я Ивану Ивановичу Бережному.

Неожиданно раздалась частая ружейная стрельба. Стрельба постепенно нарастала и приближалась. Выдвинувшиеся вперед разведчики донесли, что огонь ведут полицейские.

Я приказал заместителю начальника штаба Колесникову устроить полицейским достойную встречу.

Колесников поспешно отобрал бойцов и атаковал полицейских. Те не выдержали удара партизан и разбежались. Во время этой операции движение колонны продолжалось вполне нормально. Снегопад усилился, идти по шоссе было очень хорошо. Однако, опасаясь нежеланной встречи с противником, мы снова свернули с дороги и продолжали путь по узкой лесной тропе. Почти каждые двадцать метров подводы увязали в глубоком снегу. Больше всего нас беспокоило положение больных и раненых партизан.

Нам пришлось перейти один за другим три больших моста, которые после перехода были нами взорваны. Неожиданно головная часть колонны вступила в бой с противником.

Вскоре мне удалось установить через связного, что наш авангард вступил в бой с пограничным гарнизоном неприятеля. Первым пограничников атаковал кавалерийский дивизион. Атаку конников поддержала артиллерийская батарея, в результате вражеский заслон был полностью уничтожен.

Погода прояснилась, небо очистилось. Когда бой с пограничниками уже подходил к концу, снова послышался нарастающий гул вражеских самолетов. Мы, партизаны, называли воздушных разведчиков противника «осами». Как только появились «осы», небо снова затянулось тучами, густой туман начал заволакивать всю окрестность. Эскадрилья самолетов противника и на этот раз потеряла наш след. Самолеты сделали несколько больших кругов, сбросили беспорядочно несколько бомб и ушли. Мы воспользовались ту-

маном и направили в близлежащую деревеньку (она называлась Лешна) подводы с ранеными, так как там их можно было хорошо укрыть. Одновременно мы направили часть бойцов в сопровождении разведчиков кавалерийского дивизиона в селение Олешковичи. Эта группа бойцов должна была неподалеку от села Турна очистить от неприятеля Брест-Литовское шоссе, которое предстояло пересечь дивизии. Селение Турна лежало по соседству с селом Олешковичи. Продвигаясь в направлении Брест-Литовского шоссе, нам предстояло пройти через оба эти села.

Вначале мы не обращали внимания на этот запоздалый снег, надеясь, что весеннее солнце быстро сгонит его. Однако наши ожидания не оправдались. Было такое впечатление, словно началась вторая зима: снежный покров был уже толщиной с метр. Подводы совершенно не могли двигаться, а найти необходимое количество саней было почти невозможно. Мы все же послали разведчиков в село Лешна попросить у крестьян сани. Жители села пошли нам навстречу и дали сани. Но их было так мало, что мы смогли на них уложить только больных и раненых, а сами продолжали идти пешком, зарываясь по колено в снег. Город Брест-Литовск находился от нас недалеко, поэтому каждую минуту можно было ждать появления самолетов. До нас отчетливо доносился гул моторов и лязг гусениц — это по шоссе Брест—Каменецк двигались неприятельские танки.

Мы с большим трудом добрались до Олешковичей и, тщательно обследовав село, разместились в нем лагерем. Я приказал Колесникову проверить наличность бойцов и обоза. После проверки он доложил, что одной подводы недостает, возница же, Высоцкий, находился здесь.

— Наверное, он бросил подводу, — говорю я Колесникову.

— Так оно и есть, товарищ командир, вам ведь известно, что Высоцкий любит выпить.

— Вызови его сию минуту ко мне!

Явился Высоцкий и встал передо мной навытяжку. Вид у него был смущенный и виноватый.

— Где подвода? Отвечай!

— Товарищ командир, лошади не смогли вытащить ее из снега, и я был вынужден оставить подводу в лесу. Она у меня там спрятана в надежном месте. Вы не беспокойтесь.

— Бросил в лесу подводу, а сам пожаловал сюда. На что это похоже?! Если ты не смог один справиться с подво-

дой, позвал бы на помощь товарищей. Кому ты сообщил о том, что оставляешь подводу в лесу?

— Товарищ командир...

— Молчать! Довольно болтовни, сейчас же возвращайся в лес и немедленно доставь подводу сюда. Без подводы не возвращайся, так и знай. Об остальном поговорим после.

Высоцкий повернулся и выбежал из комнаты. Через несколько часов он доставил в деревню оставленную в лесу подводу, но, несмотря на это, согласно партизанскому обычаю, на него было наложено соответствующее взыскание за проявленную халатность.

Я пошел вместе с Бережным проверять оборону. По дороге я заговорил о Бычкове. «Куда он пропал со своими бойцами, они словно сквозь землю провалились. О них до сих пор нет никаких известий — ни плохих, ни хороших. Ведь не шутка — двадцать бойцов!» — сказал я Бережному.

— Возможно, их уже нет в живых, наверное, гитлеровцы их окружили и всех уничтожили, — ответил мне Бережной.

— Нет, этого не может быть! Бычков сообразительный парень, он не дастся легко врагу в руки, рано или поздно, он непременно нагонит нас, — возразил я Бережному.

В Карпатских горах Бычков на спине вынес с поля боя раненого Базиму и, пройдя с тяжело раненным товарищем в исключительно трудных условиях несколько десятков километров, доставил его в наше расположение. «Если бы не Бычков, говорил тогда Базима, меня сегодня не было бы в живых». В самые критические минуты Бычков всегда находил правильное решение, он никогда не терялся. Я и теперь надеялся на его смелость и находчивость.

— Небо опять проясняется, Давид Ильич, вот посмотришь, эти проклятые «осы» снова появятся, — сказал мне сердитым голосом Бережной.

— Необходимо принять соответствующие меры, в первую очередь надо вывести подводы из села и получше замаскировать их!

Ожидая появления вражеской авиации, мы всегда старались своевременно вывести свои обозы из селений, чтобы спасти население от бомбежки. В такие моменты мы всегда больше заботились о населении, чем о самих себе.

Мы поспешно вывели все подводы из села и укрыли их в ближайших садах.

Только успели мы управиться с подводами, как в направлении расположения нашей дивизии двинулись из местечка Черновцы при поддержке авиации неприятельские вой-

ска. Вскоре «осы» заполнили все небо над деревней и стали сбрасывать ящики с зажигательными бомбами. С неба со страшным свистом и ревом, крутясь в воздухе, падали ящики, которые начинали распадаться, еще не достигая земли. Ударяясь о землю, бомбы разрывались, во все стороны рвались языки пламени, от которых загорались дома.

Понятно, что в такой обстановке невозможно было удержать людей; партизаны суетились, помогая крестьянам выносить из горящих домов уцелевшую утварь. В этом аду животные тоже куда-то попрятались, их нигде не было видно. Охваченное пламенем селение стонало. Во время бомбежки погиб начальник штаба шестого батальона Акименко, тяжелое ранение получил Гриша Коровченко.

Воспользовавшись создавшейся обстановкой, гитлеровцы заняли выгодные позиции и начали упорно атаковать нас. Однако мы не растерялись и, успешно отразив несколько атак противника, сами перешли в контратаку. Нам удалось потеснить противника. В этом бою мы были вынуждены экономить боеприпасы, так как из-за плохой погоды Киев не смог вовремя доставить их нам.

Сгустились сумерки. Мы надеялись, что противник прекратит атаки. Но этого не случилось, гитлеровцы, словно одержимые, бросались в атаки, освещая осветительными ракетами нашу оборону. Мы готовились к выступлению. Штаб дивизии направил группу разведчиков для изучения шоссе Лида — Черновцы, которое нам предстояло пересечь. Разведчики скоро возвратились и сообщили: «Мы достигли шоссе и хорошо обследовали местность. Противник сильно укрепил подходы к дороге. Вдоль дороги с обеих сторон устроены проволочные заграждения, по дороге одна за другой следуют автомашины с солдатами. Мы видели на дороге много танков. Вокруг стоял сплошной гул движущихся автомашин».

— Как бы сильно ни была укреплена дорога, мы все равно должны ее пересечь, — сказал Вершигора.

Дивизия двинулась в направлении шоссейной дороги. Прикрывая дивизию, мой полк остался в селе.

Перед выступлением дивизии я хорошо ознакомился с маршрутом. В дальнейшем этот маршрут пришлось нарушить. Когда я снял свой полк с обороны и выступил вслед за дивизией, то нам очень скоро пришлось убедиться, что главная колонна значительно отклонилась от намеченного пути. Партизаны с помощью ручных фонарей отыскивали следы подвод. Вершигора выслал нам навстречу бойцов, но они разминулись с нами. После продолжительных скитаний мы, на-

конец, у села Билдейка догнали главные силы и продолжали путь вместе. Подойдя вплотную к шоссе, мы воочию убедились, что на нем было очень интенсивное движение. Враг, по-видимому, не ждал нашего появления. Нам невыгодно было задерживаться, так как вскоре должен был наступить рассвет. Мы решительно атаковали дорожную охрану. Гитлеровцы залегли в укрытия и встретили нас сильным огнем. Разгорелся бой. Нам удалось выбить охрану из укрытий и занять обе стороны перехода.

Небо посветлело, подул предрассветный ветерок. Враг никак не хотел примириться с потерей перехода и, собравшись с силами, снова атаковал нас. Теперь вся дивизия, включая штабных работников, втянулась в бой. Воодушевленные примером своих командиров, партизаны с удесятеренной энергией обрушились на врага. Как выяснилось позже, в эти решающие минуты боя Вершигора едва спасся от неприятельской пули. Оказывается, к увлеченному боем Вершигоре подкрался сзади гитлеровец автоматчик и уже нацелился в него. Это вовремя заметил Жоржолиани, который на месте уложил фашиста.

Гитлеровцам дорого обошлось их упорство. В этом бою они потеряли убитыми не менее ста солдат и офицеров. У нас тоже имелись потери.

Уцелевших лошадей мы использовали для подвод с боеприпасами и вооружением, а также с больными и ранеными партизанами. Остальные подводы нам пришлось бросить. Мы наконец завершили переход через дорогу, и колонна снова двинулась дальше. Вскоре мы подошли к железнодорожному полотну.

Прежде чем вступить на железную дорогу, командование выслало вперед роту второго полка, которая должна была следить за порядком при переходе. Оборону дивизии с тыла Кульбака поручил роте Казика. Казик тотчас же приступил к выполнению задания.

Когда мы вели бой на шоссе, ко мне подошел Казик и крепко пожал руку.

— Вам, кажется, поручена защита дивизии с тыла? — спросил я Казика.

— Да, я со своей ротой остаюсь в тылу. У меня ребята все на подбор, не придется за них краснеть.

— Вам будет нелегко, враг теперь свою ярость обрушит на вас.

— Мне приходилось бывать и в худших переделках.

Казик попрощался со мной, повернулся и быстрым шагом направился к расположению своей роты. Это была моя

последняя встреча с Казиком. Вероятней всего, он погиб, выполняя боевой приказ.

Во время перехода через железнодорожное полотно партизаны моего полка захватили в плен одного охранника дороги — немца. Пленный был очень удручен, он стоял с низко опущенной головой и о чем-то сосредоточенно думал. На вопросы «знатоков» немецкого языка он отвечал односложно.

— Ты немец?

— Да!

— Охранник дороги?

— Да!

— Вы что-то не особенно упорно сопротивлялись, наверное, дрыхали?

— Да, ваше нападение было для нас неожиданностью.

— Вы располагаете в этом районе достаточными силами?

— Да, здесь много наших войск.

Мы переслали этого пленного в штаб дивизии к Стрельцову.

Было очень тяжело идти по колено в грязи. По этой причине дивизия растянулась почти на пятнадцать километров. Через каждые два-три километра нас обстреливали из засад и укрытий полицейские. Приходилось отвечать. Усталые, измученные, добрались мы наконец до села Демьяныч-Хмелевка и расположились здесь лагерем. Однако нам не удалось оторваться от противника. Когда мы продвигались лесом или полями по бездорожью, то противник следовал за нами параллельно по дороге, на автомашинах.

Только мы расположились в Демьяныч-Хмелевке, как разведчики сообщили:

— Противнику уже известно наше местонахождение, в лагере гитлеровцев идут большие приготовления; по дорогам как сумасшедшие носятся связные мотоциклисты.

Киев сообщил, что нынешней ночью к нам высылают самолет.

В назначенное время показался самолет. Мы получили боеприпасы и почту. Это был для нас большой праздник. Каждый раз при вскрытии мешка с почтой царило большое оживление. То же самое было и в этот раз. Партизан-почтальон провозгласил: «Успокойтесь, товарищи, приступаю к раздаче писем».

— Петров!

— Здесь! — раздался из угла голос.

— Иванов!
— Здесь!
— Бережной!
— Здесь!

Счастливцы с сияющими лицами тут же вскрывали конверты и приступали к чтению писем. Некоторые партизаны по два, по три раза перечитывали свои письма. Затем начиналась задушевная беседа. Друзья делились друг с другом вестями от близких людей.

Просматривая свежий номер «Правды», я заметил проходившего вблизи Ованеса Петяна, который до войны был доцентом Ереванского университета.

— Товарищ Ованес, я хочу вас порадовать, — говорю я Петяну. — Я только что прочитал в «Правде», что в Армении учреждена Академия наук.

Я протянул газету Петяну.

— Замечательно! — воскликнул Петян. — Да, это вы действительно порадовали меня!

Вскоре нас окружили и другие армяне партизаны, которые с интересом прослушали сообщение об учреждении Академии наук Армянской ССР.

Петян со дня вступления в наше соединение не брил бороды. Сейчас кто-то из партизан пошутил:

— Петян — научный работник, доцент. Со временем он, наверное, станет академиком, так вот он заранее и обзавелся главным атрибутом академика — длинной бородой!

Прикованные к постели Сердюк, Бокарев и другие раненые и больные партизаны никак не могли примириться со своим положением, они очень нервничали. Мы твердо решили отправить их на «Большую Землю». Но в настоящее время мы не могли этого осуществить, так как нам все время приходилось отражать атаки противника и не было никакой возможности подготовить аэродром для приемки самолета. Как раз в эти дни гитлеровцы сняли гарнизоны из Барановичей, Ганцевичей и Агенска и бросили эти части против нас.

Вершигора начал подумывать об изменении маршрута. В данной ситуации он считал наиболее благоприятным для нас движение в сторону Пинских болот. «Пинские болота — это та же крепость, — говорил Петро. — Но сможем ли мы к ним быстро добраться?!»

Противник усилил атаки. Гитлеровцам удалось сосредоточить значительные силы. Второй и третий полк были полностью втянуты в бой. Партизаны успешно отражали все атаки неприятеля. Этот бой продолжался ровно двенадцать

часов. Партизаны проявили большую стойкость, враг так и не сумел потеснить нас. Безрезультатные атаки взбесили гитлеровцев. Желая во что бы то ни стало одержать победу, они пять раз подряд шли на нас в «психическую атаку». Партизаны отбили все эти атаки с большими потерями для врага — фашисты оставили на поле боя двести пятьдесят человек убитыми. Несмотря на большие потери, гитлеровцы не прекращали атак. Как только стемнело, они двинули против нашего кавалерийского дивизиона крупные силы. В небе все время висели осветительные ракеты. Ленкин достойно встретил противника. Отбив эту атаку фашистов, кавалеристы по приказу командира дивизии покинули село, оставив для прикрытия один эскадрон. Перед тем как сняться с позиции, бойцы этого эскадрона выпустили большое количество ракет и создали видимость, будто дивизия готовится к контратаке. С боем прорвав две линии вражеского окружения, мы стали продвигаться к Каменец-Жабинску. Мешала метель. Снег слепил глаза. Перед утром мы подошли к селению Кровлена. Нам после многодневных непрерывных боев необходим был отдых, и мы свернули в это село. Штаб и кавалерийский дивизион расположились на расстоянии пяти—семи километров от железной дороги Барановичи—Жабинск.

Мы, как обычно, организовали хорошую оборону. Несмотря на то, что был конец марта, снег шел не переставая. Это обстоятельство благоприятствовало нашему скрытному продвижению. Узкие дороги, по которым проходила наша артиллерия, быстро заносило снегом, можно было подумать, что здесь никогда не ступала нога человека.

Возвратившись из разведки, партизаны доложили, что, по их наблюдениям, неприятель в настоящее время не концентрирует сил в этом районе, гитлеровцам неизвестно, что партизаны находятся вблизи железнодорожной линии.

Крестьяне сообщили разведчикам интересные сведения: гитлеровцы, оказывается, разыграли в окрестных селах очередную отвратительную комедию. Это произошло как раз в те дни, когда Советская Армия на всех направлениях гнала гитлеровцев к их логову. Гитлеровцы принесли в села готовую одежду, отрезы материи, обувь, сладости и сигареты. Они, оказывается, силой заставляли крестьян брать все эти предметы. Перепуганные крестьяне понимали, что это какая-то очередная провокация, но в конце концов были вынуждены принять эти «подарки», так как боялись репрессий со стороны фашистов. Вскоре все выяснилось. Вся эта комедия понадобилась гитлеровцам для того, чтобы заснять «документальный» фильм. Как только закончилась

съемка фильма, гитлеровцы отняли у крестьян розданные «подарки».

Все группы разведчиков благополучно возвратились. Они заявили в один голос, что противник стал менее активен и нам в настоящее время не угрожает опасность. Воспользовавшись этим затишьем, мы как следует отдохнули. Этот отдых был нам крайне необходим, особенно важна была эта передышка для больных и раненых партизан.

Снег лежал с метр толщиной. Мы получили из штаба приказ обзавестись в срочном порядке санями.

Я сидел в комнате перед раскаленной печкой и писал дневник. На дворе шел снег, а в комнате было тепло, уютно. Я вспоминал проведенные бои, одержанные победы, вспоминал погибших друзей... Мы, партизаны, отвыкли от такого покоя и уюта, так как почти все время находились в движении, в боях, наши нервы были в постоянном напряжении.

В это время кто-то постучал в дверь. Я отозвался. Вошли три бойца из моего полка.

— Давид Ильич, — заговорил один из партизан, — мы пришли к вам по маленькому делу, хотим поделиться своей затеей!

— Говорите!

— Мы узнали, что сегодня день рождения Федчука. Правда, сейчас не особенно подходящее для этого время, но товарищи высказали желание отметить этот день. Конечно, все будет очень просто и скромно, так сказать, по мере наших сил и возможностей...

— С большим удовольствием присоединюсь к вам. Позовите ко мне Боголюбова!

Один из бойцов стремглав вылетел из комнаты и возвратился вместе с Боголюбовым.

— Товарищ Боголюбов, — обратился я к нему, — вот наши ребята решили отметить день рождения Константина Лаврентьевича. Я тоже считаю, что надо уважить старика. Сделайте все, что нужно!

— Есть! — весело ответил Боголюбов, повернулся и быстрым шагом пошел к двери. Партизаны тоже лихо стукнули каблуками, козырнули мне и, довольные, пошли вслед за Боголюбовым.

Вечером слабо освещенная сальной коптилкой комната была до отказа набита народом. Партизаны пришли чествовать своего старого друга. К сожалению, комната не

могла вместить всех, желающих выразить свою любовь и глубокое уважение Федчуку.

За столом царило оживление, у всех было приподнятое настроение: не было конца остротам, шуткам, прочувственным речам. Константин Лаврентьевич был растроган вниманием товарищей. Его очень тепло приветствовал начальник разведки полка Барсуков.

— Константин Лаврентьевич, — сказал Барсуков, — мог бы по своему возрасту сидеть дома, но он, как пламенный патриот, верный сын своей любимой родины, предпочел в эти тяжелые минуты быть в первых рядах борцов за освобождение родины от ненавистного врага. Поэтому мы с такой любовью и уважением относимся к нашему старому боевому другу.

Закончив свою речь, Барсуков преподнес Федчуку красивую меховую шапку. Задушевно приветствовал Федчука один рядовой партизан, который преподнес ему портсигар.

Константин Лаврентьевич поблагодарил собравшихся: «Эту шапку и портсигар я буду хранить до самой смерти»,— сказал он.

Вершигора отдал приказ, согласно которому дивизия должна была спешно выступить в сторону железнодорожной станции Тевля-Ацбика, в Барановичской области. В районе этой станции мы должны были пересечь железную дорогу. Станция Тевля-Ацбика находилась на магистрали Москва—Варшава. Организация обороны во время перехода дивизии через железнодорожное полотно, согласно приказу, возлагалась на первый полк. Шестой батальон должен был закрепиться на шоссейной дороге, идущей к Барановичам. Враг укрепил подступы к железнодорожной линии.

Пришлось вызвать кавалерийский дивизион. Ленкин со своими конниками разрушил укрепления, взломал блиндажи и полностью уничтожил охрану, оставшихся в живых гитлеровцев он забрал в плен; в качестве трофеев нам достались два станковых и три ручных пулемета, большое количество автоматов и винтовок, а также десять тысяч патронов. Это оружие и боеприпасы были нам крайне необходимы. Мы быстро заняли оборону по обеим сторонам перехода. Партизаны, наловчившиеся в «охоте» за поездами, засели в укрытиях. Несколько человек припали к рельсам, желая заранее услышать приближение поезда.

— Через несколько минут должен показаться поезд, — закричал, вскакивая, один из партизан.

И действительно, вскоре со стороны Варшавы показался

поезд, который с большой скоростью приближался к переезду. По всему было видно, что машинист был совершенно спокоен и вовсе не думал об угрожающей ему опасности. Огнем нашей пушки паровоз был выведен из строя. С громким «ура» партизаны бросились к эшелону. Двадцать семь вагонов оказались груженными танками и броневиками. Партизаны взорвали четырнадцать танков и восемь броневиков, уничтожили все вагоны. Дивизия благополучно пересекла железнодорожное полотно и вышла на дорогу. На рассвете мы свернули в близлежащие селения и расположились в них лагерем.

Штаб дивизии, первый полк и кавалерийский дивизион расположились в селах Берец и Стира; второй и третий полки — в селе Яремча и в близлежащих хуторах. Ко мне пришли местные партизаны, действовавшие в районе железной дороги Москва — Варшава.

— Поблизости имеются еще какие-нибудь другие партизанские отряды? — спросил я у командира этого отряда.

— Как же, имеются, здесь очень много мелких отрядов, у нас партизанский край.

— Какие у вас отношения с местным населением, вам известно настроение крестьянства?

— У нас с населением самые дружеские отношения, мы нередко помогаем крестьянам. Мы всегда предупреждаем их о готовящихся гитлеровцами карательных экспедициях. Благодаря этому крестьяне своевременно укрываются в лесу. Обозленные фашисты сожгли дотла много сел. Когда крестьяне возвращались в сожженные села, мы помогали им строить временные жилища. Мы всегда стараемся быть полезными народу.

Сражаясь на территории Польши, Украины и Белоруссии, мы встречались со многими партизанскими отрядами. Один из этих многочисленных отрядов носил имя Чапаева. Партизаны этого отряда были очень плохо вооружены. По приказу Вершигоры им были выданы из нашего запаса несколько десятков винтовок, а также несколько пулеметов. Вспоминаю один эпизод: я собирал у себя в полку оружие для передачи этому отряду. В этот момент ко мне подбежал партизан из третьего полка — Цихишвили.

— У меня к вам просьба, товарищ командир! — обратился он ко мне. — В отряде имени Чапаева находится мой лучший друг. Мы с ним плечом к плечу сражались на фронте, не раз выручали друг друга во время рукопашных схва-

ток. Я все это время считал его погибшим и вот сегодня совершенно неожиданно встретил его.

— Встреча с хорошим другом — это, конечно, большая радость. Но что ты хочешь от меня?

— У моего друга нет оружия. Я хочу подарить ему на память автомат!

— Ну и дари, кто тебе мешает!

— У меня нет лишнего оружия... Вот я за автоматом и прибежал к вам.

— Что с тобой, автомат — это тебе не пачка папирос...

— Я вас очень прошу, подарите мне один автомат, а за мной запишите хоть два. Я в ближайшем же бою добуду у неприятеля автомат и возвращу его вам!

Настойчивая просьба Цихишвили подкупила меня. Я дал ему автомат и тысячу патронов.

Думаю, что этот подарок в руках партизана-чапаевца хорошо послужил Родине.

XXVIII

На оккупированной территории гитлеровцы прибегали к различным уловкам и махинациям. Они отлично знали, что население с любовью относилось к партизанам. Глубокой ночью гитлеровские полицейские стучались в дом какого-нибудь крестьянина. На вопрос хозяина: «Кто там?» — они отвечали: «Партизан». Хозяин, конечно, с радостью отворял дверь и приглашал в дом дорогого гостя. Но вместо партизана перед ним оказывался враг. Гитлеровцам это давало повод для расправы и грабежа.

В те дни, когда мы отдыхали в хуторах, расположенных вокруг села Яремча, гитлеровцы направили сильный карательный отряд в соседние села и хутора.

Крестьяне переполошились. Они хорошо понимали, что им угрожает. Первое, что они постарались сделать до прихода карательного отряда, — это укрыть женщин и детей.

Прибыв в села гитлеровцы вначале попытались ввести население в заблуждение. Они объявили: «Мы пришли для переписи населения. Все должны пройти регистрацию, ни один человек не должен остаться вне учета». «Перепись» была проведена. Были уточнены списки трудоспособных крестьян. После этого гитлеровцы приказали всем крестьянам явиться на сборные пункты. В течение нескольких часов они согнали в сборные пункты до десяти тысяч человек.

В этот момент неожиданно появились партизаны, которые окружили фашистов вместе с десятитысячной толпой народа. На долю шестого батальона, под командованием Цымбала, выпала честь вырвать несчастных крестьян из когтей гитлеровских палачей. В этой схватке партизаны уничтожили свыше ста гитлеровцев, было взято много пленных. Обрадованные крестьяне не знали, как выразить благодарность партизанам. После одержанной победы мы организовали митинг. Выступивший на митинге секретарь парторганизации третьего полка Владимир Тонян сказал крестьянам:

— Товарищи, правда, мы вас сейчас вызволили из рук фашистов, но это вовсе не значит, что вы можете быть теперь совершенно спокойны. Враг может еще попытаться напасть на вас. Советская Армия гонит захватчиков с нашей земли. Недалек тот день, когда на вашу землю вступит регулярная Советская Армия. Поэтому и заметались гитлеровцы. Именно теперь требуется от вас большая осторожность и бдительность.

Слова Тоняна заставили крестьян серьезно призадуматься. Они забросали оратора вопросами.

— Лучше всего прибегнуть к испытанному средству — временно укрыться в лесу. Скоро подойдут наши регулярные войска, и тогда наступит конец вашим мучениям, — сказал Тонян.

После митинга мы приступили к допросу пленных. Они заявили, что карательный отряд был направлен в эти села с важным заданием.

— Какие вы получили задания?

— Мы должны были отправить этих крестьян в Германию. Кроме того, мы должны были установить, какие семьи крестьян находятся в связи с партизанами, и расправиться с ними на месте.

В последних числах марта погода улучшилась, снегопад прекратился, заметно потеплело. Крестьяне нас уверяли, что снега больше не будет. Их предсказание сбылось. Весна быстро вступала в свои права. Начал таять снег, местами показалась земля. Наступила пора для телег. Мы раздарили свои сани крестьянам, перешли на колесный транспорт.

Мы хорошо отдохнули и продолжали путь бодрые, полные энергии. Вскоре мы подошли к шоссе Москва — Варшава. На этой дороге днем и ночью не прекращалось движение. Командование возложило обеспечение обороны при переходе дивизии через дорогу на второй полк и первый батальон моего полка. Первым долгом партизаны срезали много

толстых деревьев и соорудили из них на дороге, по обеим сторонам перехода, баррикады. Это заграждение не могли преодолеть ни танки, ни артиллерия. А если бы они вздумали свернуть в сторону, то неминуемо застряли бы в топких болотах. Дивизия спокойно начала переход. Еще не успела половина дивизии пересечь дорогу, как со стороны Брест-Литовска показались броневики. Они с ходу открыли стрельбу. Неизбежен был серьезный бой. Я в то время стоял у перехода и наблюдал за порядком.

Мое внимание привлекло одно обстоятельство: подводы стали двигаться значительно медленнее, и вскоре движение почти совсем приостановилось. Я пришпорил коня и поскакал вдоль дороги. Хотя было очень темно, я заметил в стороне от дороги, под деревом, подводу. Возница и сидящий рядом с ним партизан беспечно спали. Я громко окликнул их. «Что случилось?» — закричал мне в ответ один из них по-грузински.

— Кто ты такой? — крикнул я.

— Я Жоржолиани, — ответил он смущенно и погнал лошадей. Услышав шум, остальные возницы тоже начали подстегивать лошадей, и движение по дороге оживилось.

— Как вам не стыдно, видите, что творится вокруг, а вы тут спите. Правда сейчас до вас пули не достают, но враг каждую минуту может вырваться вперед, и бой тогда разгорится здесь.

Переход дивизии закончился благополучно.

Когда совсем рассвело, мы поравнялись с деревней Дятковичи. Мы свернули в эту деревню и расположились здесь на отдых. Другие части дивизии расквартировались в соседних селах.

— Здравствуйте, товарищи! Спокойно тут у вас, враг не тревожит? — обратился я к группе крестьян.

— Мы еще в глаза не видели гитлеровцев!

— Значит фашисты не наведываются в ваше село?

— Они еще ни разу не были у нас.

— А полицейские у вас есть?

— Мы и представления не имеем, что это за народ — полицейские!

— А какое же в вашем селе управление?

— Да такое, какое было — наше, советское. Если враг вздумает прийти к нам, то живым отсюда ему не выбраться. В нашем краю и крепостей возводить не надо. Наши крепости — раскинувшиеся вокруг болота.

И действительно гитлеровцы боялись забираться в эти места! Их пугали болота, а еще больше пугало их то, что

здесь было много местных партизанских отрядов, которые защищали народ. Недаром эти места назывались «Партизанским краем».

— У нас тут имеются сильные партизанские отряды,— сказали нам крестьяне, — эти отряды действуют на большой территории. Над нашим селом каждый день пролетают самолеты. Нам хорошо известно, что фронт находится не так уж далеко от нас.

Наши агитаторы провели среди крестьян беседы об обстановке на фронте и о международном положении. У крестьян совершенно не было медикаментов, поэтому перед нашим медпунктом скоро образовалась длинная очередь.

— Дайте, пожалуйста, нам хину! Вот уже сколько времени мы в глаза не видели этого лекарства!

Несмотря на то, что у нас самих запасы медикаментов были на исходе, мы поделились с крестьянами всем, что имели.

В этих далеких, заброшенных селах Белоруссии мы еще раз почувствовали радушие и гостеприимство белорусского народа. Крестьяне окружили нас трогательным вниманием и заботой.

Эти села были прямо созданы для продолжительного отдыха. Если в других местах нам приходилось спать с оружием в руках, то здесь мы себя чувствовали, как у себя дома. Это было очень кстати, так как нам крайне требовалась передышка. К тому времени количество больных и раненых возросло у нас до четырехсот человек. Постоянное пребывание в пути пагубно отражалось на состоянии их здоровья. Наилучшим выходом из создавшегося положения было бы, конечно, отправить их на «Большую Землю». Если бы нам удалось разыскать поблизости подходящее для аэродрома место, то мы немедленно связались бы с Киевом и затребовали самолеты.

Длительное пребывание в безопасном месте было необходимо для нас еще и потому, что у нас оставался весьма ограниченный запас боеприпасов: запас снарядов мог хватить не больше, чем на два-три боя. Минометы и пулеметы лежали у нас в бездействии на подводах.

Мы разослали во все концы разведчиков, перед ними была поставлена задача — хорошо изучить окрестности, разведать местонахождение и численность вражеских гарнизонов, подыскать подходящее место для аэродрома. Спустя несколько дней разведчики начали возвращаться. Они сообщили, что в западном направлении, на расстоянии сорока—пятидесяти километров, территорию вдоль Днепро-

Бугского канала фашисты сильно укрепили, так что если бы мы попытались прорвать эти укрепления и таким путем соединиться с Советской Армией, то это было бы связано с большими потерями. Гитлеровцы, по-видимому, предусмотрели возможность нашего продвижения в этом направлении.

Это сообщение разведчиков полностью соответствовало действительности, в нем не было никакого преувеличения. У нас было очень большое желание разгромить вражеские гарнизоны, но, к сожалению, как я уже говорил, мы испытывали острую нехватку в боеприпасах. Было бессмысленно, имея несколько десятков снарядов и небольшое количество мин, штурмовать вражеские укрепления.

Разведчики продолжали возвращаться, причем каждая группа разведчиков неизменно приводила с собой молодых местных патриотов. Все они просили зачислить их в нашу дивизию.

Однажды вечером ко мне пришли четверо молодых парней.

— Кто вы такие? — спросил я их.

— Мы местные жители, белорусы.

— Чем я могу быть вам полезен?

— Мы хотим стать партизанами.

— Когда вы приняли это решение?

— Мы давно решили стать партизанами, но до сих пор не могли раздобыть себе оружие. У местных партизан оружия маловато, они-то и направили нас к вам.

— А почему вы не находитесь в рядах Советской Армии?

— Когда была объявлена мобилизация, мы еще были несовершеннолетними. Вскоре после этого противник оккупировал нашу территорию.

— Ладно, мы удовлетворим вашу просьбу, примем в ряды партизан!.. — сказал я юношам. Они очень обрадовались.

Все разведчики возвратились, а наша главная задача осталась невыполненной: нам так и не удалось обнаружить подходящее место для посадки самолета. Это задерживало отправку наших тяжело больных и раненых товарищей на «Большую Землю». По этой же причине мы сидели без боеприпасов. Мы снялись и двинулись дальше. Наша главная задача состояла теперь в том, чтобы подойти как можно ближе к фронту и действовать в ближнем тылу противника. Нас очень тревожила нехватка боеприпасов, и мы всячески берегли имеющиеся у нас незначительные запасы. Каждый боец был предупрежден — ни один патрон не должен быть израсходован без цели.

Рассвело. Мы вступили в довольно большое местечко Мотоль. Вокруг Мотоля живописно раскинулись деревни и хутора. Штаб дивизии, кавалерийский дивизион и первый полк расположились в Мотоле, остальные части дивизии устроились в соседних селах.

Интересный случай произошел с командиром полковой разведки в одном большом селе. Крестьяне показали ему дом полицейского и сказали, что он очень их притесняет. Разведчики не долго думая направились к дому предателя. Полицейского не застали, встретившая их хозяйка побледнела и растерялась. Разведчики попросили ее позвать мужа. «Ушел он», — ответила женщина. В доме чувствовался большой достаток, комнаты были набиты разными вещами.

Разведчик Вася Рябой вежливо попросил хозяйку накормить их. Женщина наотрез отказалась, заявив, что у нее ничего нет.

Вася на это ей возразил: «Нам известно, что вы обобрали местных крестьян и снесли к себе все их добро».

— Это неправда, это злые языки наговаривают на нас, — сердито сказала жена полицейского.

— Мы сейчас проверим, правда это или нет. Видишь эту штуку? — показал Вася на прикрепленный к руке компас. Женщина уставилась на компас.

— Вижу! — ответила она с удивлением.

— Вот эта стрелка, — показал Вася на стрелку компаса, — по моему приказу повернется в ту сторону, где у тебя спрятаны продукты.

Женщина испугалась и дрожащим голосом сказала: «Я сама все принесу». После этого она выбежала в другую комнату. Через несколько минут она притащила столько разных кушаний, что ими свободно можно было накормить двадцать человек. Партизаны на славу поужинали и двинулись дальше.

Одна группа разведчиков сообщила важное известие: у села Оровница обнаружен довольно большой аэродром, гитлеровцы построили его в период наступления, а затем забросили. Разведчики сказали, что аэродром можно будет легко привести в исправность. Вершигора собрал командиров и приказал им выделить бойцов для восстановления аэродрома.

На площадке аэродрома закипела дружная работа. Вскоре он был приведен в полную исправность, и мы стали вызывать самолеты. Но тут произошла беда: гитлеровцы оттеснили нас с территории аэродрома и заняли его.

Мы еще находились в местечке Мотоль, когда к нам

пришли местные партизаны и сообщили, что в соседнем селении Темковичи стоят партизанские отряды под командованием Гуляева и Цветкова. А другие партизанские бригады действуют в северной части реки Яселда. Враг очень встревожен вашим появлением в этом районе. В лагере противника сейчас царит большое волнение, гитлеровцы говорят: «Не сегодня-завтра нас атакует известная партизанская армия Ковпака, действовавшая на Украине и в Белоруссии». Местные гарнизоны взывают к командованию о срочной помощи. «Мы впервые за все это время видим такой переполох в стане врага», — сказали нам гости.

— Это все хорошо, но вы лучше расскажите нам о себе: как вы вооружены, каковы ваши планы? — спрашиваем мы бойцов из отряда Гуляева.

— Оружия у нас маловато, вооружаемся главным образом за счет трофеев.

Гитлеровцам вскоре стало известно о том, что мы установили связь с местными партизанами. Они не преминули принять контрмеры.

В штаб нашей дивизии явились разведчики местного партизанского отряда и сообщили:

— У нас имеются точные сведения, что пятого апреля значительные силы противника собираются атаковать местечко Мотоль и окрестные селения. Гитлеровцы твердо решили окружить и уничтожить ваше соединение.

Вершигора срочно созвал совещание командиров. На этом совещании присутствовали также руководители, командиры и политработники Брестлитовской партизанской бригады.

Вершигора сделал на совещании сообщение о готовящейся операции противника. Он подчеркнул, что, начиная со следующего дня, дивизия должна быть в полной боевой готовности. Малейшая оплошность может вызвать непоправимые последствия.

В этот день в Мотоле царило необычайное оживление. Подводы хозяйственного назначения уже были готовы к отправке в лес. По улицам местечка скакали бойцы кавалерийского дивизиона, которые поддерживали порядок. Мы доложили Вершигоре о том, что обоз готов к выступлению. Главная улица местечка была забита подводами. «Вы, братцы, и за нас всыпьте гитлеровцам, да покрепче!» — кричали нам вдогонку лежащие на подводах раненые бойцы.

Штаб приказал Кульбаке устроить сторожевые посты в селах Обольная и Колодна. По нашим предположениям, враг мог пройти через эти села. Если бы гитлеровцы взду-

мали напасть на обоз, то Кульбака должен был преградить им путь.

Вслед за больными и ранеными из Мотоля выступили Кульбака и кавалерийский дивизион.

На место второго полка и кавалерийского дивизиона в Мотоль переместился третий полк, который организовал здесь крепкую оборону.

XXIX

Вскоре разведка донесла о приближении противника. По всему было видно, что гитлеровцы хотят взять нас в кольцо.

Во избежание напрасных жертв среди мирных жителей мы предложили им уйти в лес или укрыться в подвалах. Крестьяне так и поступили. Большинство из них покинуло селение и укрылось в лесу, расположенном на противоположном берегу реки Яселец, оставшиеся же в деревне спрятались в подвалах.

Мотоль стал ареной боя. Часть партизан засела в заранее подготовленных окопах, остальные партизаны укрепились в каменных домах.

— Помните, товарищи, берегите боеприпасы. Чтобы ни одна пуля не пропала даром, — говорил я бойцам.

Вскоре внимание партизан привлек отдаленный гул артиллерийской канонады. Спустя некоторое время мы увидели огненное зарево.

— Бой идет в Клетной. Клетная горит! — стали высказывать свои предположения партизаны.

— Кто знает, какая участь постигла раненых партизан! — высказал общую тревогу один из партизан, так как подводы с ранеными и весь наш обоз отправили в Клетную как в наиболее надежное укрытие. И вот теперь получилось так, что это селение первым подверглось нападению противника. Вся надежда сейчас была на Кульбаку, так как его полк и кавалерийский дивизион сопровождали раненых и обоз.

Спустя полчаса бой разгорелся и в самом Мотоле. Противник атаковал нас с трех сторон, свободной оставалась лишь северная часть.

Вокруг раздавалась отчаянная пулеметная и автоматная стрельба.

В это время грянуло мощное партизанское «ура», наши бойцы перешли в контратаку, завязался рукопашный бой.

Партизаны сражались с воодушевлением, им удалось сильно потеснить во много раз превосходящего противника.

В данный момент нас очень устраивал рукопашный бой, так как это давало нам возможность экономить боеприпасы.

Когда бой подходил уже к концу, прибыли связные от Кульбаки, которые сообщили:

— Только мы доставили раненых в Клетную, как на нас напала крупная часть неприятеля. Легко понять, в каком тяжелом положении оказались раненые. Второй полк и кавалерийский дивизион приняли бой. После больших усилий Кульбаке удалось перенести бой на значительное расстояние от местонахождения раненых. Мы выехали из Клетной в восемь часов утра, что произошло после этого, нам неизвестно. Кульбака требует срочной помощи, — закончили свое донесение связные.

Вскоре я получил приказ от командира дивизии—немедленно выступить на помощь Кульбаке. Такой же приказ получил и третий полк. Почти весь личный состав этого полка, штаб дивизии и первый полк двинулись по направлению к Клетной. В Мотоле остался седьмой батальон.

Мы быстро продвигались вперед, желая внезапно обрушиться на противника, атакующего Клетную. Автоматная стрельба то стихала, то вспыхивала с новой силой. Находившийся в укрытии полк Кульбаки время от времени прекращал стрельбу, но стоило врагу продвинуться вперед, как стрельба возобновлялась с новой силой. Противник рассеивался, затем, несмотря на большие потери, снова собирался с силами и опять бросался в атаку. Кульбака смертоносным огнем вновь рассеивал неприятеля.

Для меня и для многих других товарищей был вполне понятен метод боя Кульбаки. Он был вынужден прибегнуть к этому приему из-за нехватки боеприпасов.

В критические минуты боя за Клетную раненые партизаны собрали последние силы, поднялись и прямо с подвод начали стрелять из автоматов по врагу.

Нехватка боеприпасов вынудила седьмой батальон оставить Мотоль и последовать за нами. С военной точки зрения нельзя было совершенно оголять Мотоль, поэтому седьмой батальон оставил там небольшую группу бойцов. Это давало возможность основным силам дивизии беспрепятственно выйти из огневой зоны. В оставленной в Мотоле ударной группе были отборные бойцы, закаленные в боях партизаны Среди них были: Р. Акулич, Д. Пасукевич, Е. Кашицкий. Андрусевич, Абдул Мурзамаков и другие. Все они были участниками Карпатского рейда. Эти патриоты сами изъяви-

ли желание остаться в Мотоле. Понятно, что каждый из них подвергал себя смертельной опасности, но никто из них не дрогнул. С того момента как седьмой батальон покинул Мотоль, неприятель всю силу огня обрушил на эту небольшую группу. Гитлеровцы, по-видимому, догадались, что против них сражается горсточка партизан, и начали непрерывно атаковать смельчаков. В этот критический момент седьмой батальон, уже отошедший на значительное расстояние, открыл по неприятелю артиллерийский огонь. Это дало возможность оставшимся в Мотоле бойцам удержать свои позиции. Храбрецы не отступили ни на один шаг. Когда у них вышли все боеприпасы, они бросились на врага и вынудили его принять рукопашный бой. В этой неравной схватке все они пали смертью героев.

Мы не застали Кульбаки в Клетной.

Преследующие нас части противника подошли в это время к реке Яселец. Замыкавший нашу колонну седьмой батальон успел перейти Яселец и уничтожить за собой мост. Отыскав брод, гитлеровцы готовились форсировать реку. Обнаружив намерение противника, мы обрушили на него артиллерийский огонь. Попытка неприятеля перейти реку была сорвана.

В это время мы заметили багровые клубы дыма, вздымающиеся над Мотолем. «Мотоль горит», — сообщили нам местные партизаны. Эти же партизаны рассказали, что фашисты понаставили в Мотоле виселицы.

— В какую сторону лучше идти, где менее опасно? — спрашиваем мы местных партизан.

— В местечко Свента-Воля, — был ответ, — сейчас там спокойно.

Мы послали в Свента-Волю разведчиков, и сами выступили вслед за ними в том же направлении.

У селений Турна и Долга мы нагнали Кульбаку. Уже светало, предрассветный ветерок слабо колыхал верхушки деревьев.

Как только мы расположились в Свента-Воле, я пошел проведать раненых. Войдя в комнату, я обратил внимание на сидевшего на кушетке бойца, который чистил автомат.

Мы бросились друг к другу и крепко обнялись. Это был командир роты моего полка Степан Бокарев.

— Товарищ командир, — заговорил взволнованным голосом Бокарев, — сейчас, когда идут такие жаркие бои, я прикован к постели, лишен возможности сражаться плечом к плечу со своими товарищами.

При этих словах он взял своими худыми руками автомат и положил его рядом с собой.

— Мне надоело лежать в бездействии, Давид Ильич. Два дня назад в Глиной враг атаковал обоз с ранеными. Все, кто был в состоянии, приподнялись и открыли ответный огонь. Враг был вынужден отступить. Лично я в этот момент совсем забыл о своих ранах и готов был соскочить с телеги и бежать за отступающими фашистами, но меня силой удержал врач. Если бы вы только знали, какое я получил облегчение после этого боя. Я в ту ночь спокойно спал. Теперь расскажите о товарищах, Давид Ильич.

Я не успел ответить Бокареву, как отворилась дверь и на пороге появилось несколько бойцов из его роты. Можно было подумать, что они подслушали наш разговор и явились на зов своего командира.

— Вот они, наши храбрецы! — воскликнул Бокарев. Вошедшие бойцы бросились его обнимать. Я не стал им мешать и перешел к другим раненым.

Вершигора обратился с просьбой к товарищу Строкачу о срочной высылке боеприпасов. Вскоре был получен ответ Украинского партизанского штаба: «Высылаем затребованные боеприпасы, сегодня ночью встречайте самолет».

Для приемки самолета Вершигора и на этот раз выделил первый полк.

Мы отыскали в лесу подходящую поляну и, как только стемнело, развели в четырех концах ее костры. Вскоре показались четыре самолета, которые стали медленно кружить над поляной и сбрасывать тюки. Затем прилетел пятый самолет. Партизаны хорошо знали самолет этого типа. Им не раз приходилось видеть такие самолеты, и они их называли «кукурузниками».

Собрав весь груз, мы распаковали тюки и распределили боеприпасы между всеми частями дивизии.

— Ну, теперь милости просим, господа гитлеровцы, мы готовы вас встретить! — говорили повеселевшие партизаны.

Перевалило за полночь. Я сидел один в комнате и просматривал списки партизан, представленных к награде. В это время кто-то постучал в дверь.

— Войдите!

— На твое имя письмо, Давид, — сказал вошедший Бережной.

Я поспешно распечатал конверт и первым делом взгля-

нул на подпись в конце письма. «Ваш Платон Воронько», — прочитал я.

— Значит, Платон помнит еще о нас, это очень хорошо!

Я стал вслух читать письмо.

«Я никогда не забуду вас, Давид Ильич! Я никогда не забуду той дружеской заботы, которую вы проявили в отношении меня перед отправкой на «Большую Землю».

Спасибо, большое спасибо, еще и еще раз спасибо. Теперь я совсем оправился, хотя рана все еще не зажила окончательно».

Неприятель догадывался, что мы находимся в Свента-Воле. Из донесений разведчиков нам стало известно, что в районных центрах Телихана и Ганцевичи гитлеровцы проводят концентрацию войск. Это говорило о том, что не сегодня-завтра противник попытается атаковать нас. Для нашей дивизии Свента-Воля не имела никакого значения. Не было смысла принимать здесь бой, который неминуемо повлек бы за собой значительные людские жертвы. Поэтому мы оставили эти места и переместились в селения Аулка и Сомино, расположенные на юго-востоке от районного центра Телихана. В случае необходимости мы могли отсюда нанести противнику серьезный урон.

Больше всего нас по-прежнему тревожило положение больных и раненых партизан. Было необходимо наиболее тяжело больных срочно отправить на «Большую Землю». Но нам никак не удавалось осуществить это намерение. Все партизаны искали подходящее для аэродрома место. В конце концов одна группа разведчиков сообщила, что ею найдено на территории Кололошского района подходящее для аэродрома место. Разведчики сказали, что площадку они нашли большую, только на ней много пней и колючих зарослей, которые необходимо выкорчевать. Для очистки этой площадки был выделен второй полк. Местные жители приняли активное участие в работе по подготовке аэродрома. Погода нам благоприятствовала, и работа велась непрерывно день и ночь. Одиннадцатого апреля в десять часов утра аэродром был готов.

Но как раз в это время враг неожиданно напал на шестой батальон третьего полка, расположенный в селе Вулка. Этим батальоном командовал Цымбал.

Нам пришлось распроститься с аэродромом.

Это был третий случай, когда мы не могли воспользоваться приготовленным аэродромом.

Шестой батальон мужественно отражал атаки противника. В этом бою принимала участие и рота Серго Арутинова. Серго пришлось сражаться со значительно превосходящими силами противника. Враг стремился окружить бойцов Арутинова. Фашисты, по-видимому, твердо решили истребить эту группу партизан. К чести бойцов Арутинова надо сказать, что они проявили большую стойкость и мужество, благодаря чему им удалось в нескольких местах прорвать окружение и рассеять противника. Однако гитлеровцы не унимались: собравшись с силами, они снова атаковали роту Арутинова. Противнику удалось вывести из строя станковый пулемет роты. Территория, которую занимала рота Арутинова, подверглась жестокому обстрелу. Буквально через каждые десять — пятнадцать шагов рвались снаряды. Серго послал связного в штаб полка с просьбой о срочной помощи. Шестнадцатилетний связной Артюшенко сумел под жестоким огнем пробраться в штаб. Мальчик подскакал к штабу, спешился и бледный вбежал в комнату.

— Что случилось? — обступили юного связного находившиеся в штабе командиры.

— Тяжелое положение. Гитлеровцы атакуют нас со всех сторон. Товарищ Арутинов просит срочной помощи!

— Помощь будет послана. Ты сможешь передать ответ товарищу Арутинову?

— Конечно, смогу. Кому же, как не мне, отнести ответ!

— Сейчас будет готово письмо.

Артюшенко взял письмо, вскочил на коня и поскакал. Ночь была темная. Когда юноша подскакал к месту боя, его обнаружили гитлеровцы.

— Стой! — стали кричать ему со всех сторон.

Артюшенко огрел плеткой коня и понесся еще быстрей.

— Стой! — снова стали кричать гитлеровцы. Но юноша, не обращая внимания на окрики, продолжал скакать. Фашисты открыли по смелому всаднику пулеметный огонь. Тяжело раненный Артюшенко все же достиг расположения роты. Бойцы бросились ему навстречу. Заметив Серго, юноша засунул руку в карман, достал письмо и еле слышно пробормотал: «Товарищ командир, ответ...» Произнеся эти слова, он беспомощно упал на шею коня и умер.

Непрерывные атаки дорого обошлись противнику. Гитлеровцы не смогли сломить сопротивление партизан и бесцельно понесли большие потери в живой силе.

В течение шестичасового боя противнику ни разу не

удалось врезаться в оборону батальона. В одной из ожесточенных стычек Серго Арутинов был тяжело ранен в ногу и бедро. Вершигора отдал распоряжение об оставлении деревни; батальон получил приказ следовать за дивизией в направлении Пинска.

«Берегите живую силу, в настоящее время наша цель — это оборона. Поэтому ничем не оправданной будет потеря даже одного бойца», — говорилось в приказе Вершигоры.

Дивизия беспрепятственно продвигалась вперед. Стремясь избежать засад и преследования противника, мы свернули с главной дороги в лес и двигались по узким лесным тропам.

Начался ливень, вскоре нам пришлось идти по колено в воде. Истощенные лошади то и дело падали.

Нам предстояло пересечь железнодорожную магистраль Барановичи — Лунинец. По ту сторону железнодорожного полотна начинался Пинский край, столь желанный для партизан. Теперь самое главное было перейти без потерь железную дорогу.

Мы организовали тщательную разведку всей линии. Вскоре разведчики донесли, что они обнаружили переезд, но он был сильно укреплен неприятелем.

Оборона при переходе через линию была возложена на кавалерийский дивизион и первый полк. Мы артиллерийским огнем разметали укрепления неприятеля, и дивизия начала быстрым темпом переход через полотно. Дорожная охрана разбежалась и теперь для очистки совести открыла издали автоматный огонь. Неподалеку от железной дороги мы заметили красивый двухэтажный дом с большим двором и садом.

— Узнайте, кто живет в этом доме, — сказал я партизанам.

— В этом доме живет помещик, — сообщили возвратившиеся вскоре партизаны.

— Видно, он живет недурно, а мы сейчас как раз нуждаемся в продовольствии, придется немного побеспокоить помещика...

К помещику «в гости» мы направили группу партизан. Спустя часа два они возвратились и пригнали с собой целое стадо крупного рогатого скота.

14 апреля 1944 года наша дивизия стала лагерем в селениях Ничи, Мельники, Постово.

Утомленные бесконечными боями и переходами, партизаны наконец могли спокойно отдохнуть и отоспаться.

Вскоре в расположение нашей дивизии стали группами приходить местные партизаны.

— Кто вы такие? — спрашиваем мы прибывших.

— Мы бойцы партизанского соединения имени Ленина.

— А вы?

— Мы пархоменковцы.

Это был партизанский край, здесь действовали многочисленные партизанские отряды.

Погода стояла теплая, на небе ни облачка. В первую очередь необходимо было хорошо обследовать прилегающие районы.

Для обследования местечек — Ганцевичи и Зоостровичи по приказу штаба дивизии я выделил опытных разведчиков; другие полки тоже выделили разведчиков.

— Ищите место для аэродрома, — было дано задание разведчикам.

Вершигора отдал приказ об усилении обороны. Я выделил из своего полка одну роту и приказал ей укрепиться в лесу на противоположном берегу.

Мы своевременно подготовились к обороне. Вскоре появился противник.

На противоположном берегу реки Лан началась автоматная и артиллерийская стрельба. По-видимому, это вступила в бой находившаяся в укрытии рота первого полка. Огонь постепенно нарастал. Затем он переместился в глубь леса. Видно, рота не выдержала атаки превосходящих сил противника и отступила. Я отдал приказ, чтобы все бойцы заняли свои места в окопах. Проверив оборону, я послал связного к Вершигоре с сообщением о создавшейся обстановке.

Я отчетливо видел в бинокль, как из лесу выбежали гитлеровцы и бросились в нашу сторону. Я знал, что они не смогут легко форсировать реку Лан, так как нами был разрушен мост. Неприятельская артиллерия начала прощупывать местность. Артиллерийскую разведку противника мы встретили абсолютным молчанием. Улицы и дворы опустели. Жители укрылись в домах и подвалах. В это время поступил приказ от Вершигоры.

Первый полк должен атаковать противника в лоб, с фланга атаку поддержит кавалерийский дивизион.

Фашисты, которыми, как мы впоследствии выяснили, командовал известный авантюрист Наумчик, компактной массой быстро продвигались к реке. Ждать больше не было смысла, и я приказал открыть сосредоточенный огонь. На

противника одновременно обрушился пулеметный, автоматный и минометный огонь. Заговорила наша артиллерия, замаскированная невдалеке от штаба. Славные артиллеристы метким огнем разили противника. Враг не ожидал такого мощного огневого удара. В это время фашистов с фланга атаковал кавалерийский дивизион. Плечом к плечу с нами сражались местные партизаны. Партизаны форсировали реку и атаковали укрепившегося на берегу противника. Фашисты не выдержали двойного удара и побежали. Отступающих преследовала наша конница. В разных частях леса разгорелся рукопашный бой.

Так позорно закончилось наступление Наумчика. Крестьяне были в восторге: «Этот Наумчик нас постоянно разорял, его полицейские, подобно голодным волкам, день и ночь рыскали по селениям, отравляли нам жизнь», — жаловались крестьяне.

После окончания боя Вершигора созвал совещание командиров, на котором ознакомил нас с новыми материалами разведки:

— На расстоянии нескольких десятков километров от селений Большая и Малая Рожина имеется аэродром. Этот аэродром устроен белорусскими партизанами. Мы теперь сможем, наконец, отправить наших больных и раненых на «Большую Землю», — сказал Петр Петрович. — Итак, товарищи, мы выступим отсюда и станем лагерем вблизи аэродрома. Нам нет никакого смысла задерживаться в этих местах, — заключил наш командир.

Мы снялись и стали быстро продвигаться лесом в сторону аэродрома. Лес был очень густой, так что можно было спокойно двигаться даже в дневное время. Я ехал верхом. Поравнявшись с одной из подвод, я услышал знакомый голос.

— Давид Ильич!

Я обернулся и увидел лежащего на подводе человека. Я подъехал ближе.

— Давид, я тяжело ранен, не знаю, чем все это кончится!

Я присмотрелся к больному: это был Серго Арутинов. Я спешился и пошел рядом с подводой. Серго я сказал, что вид у него хороший, что он непременно скоро поправится и мы еще повоюем вместе.

— Товарищ Давид! Если будет возможность, повидайте меня еще. Мне это будет очень приятно!

— Я непременно посещу вас, — обещал я Серго.

Мы подошли к селам Большая и Малая Рожина. Согласно приказу командования, первый полк, кавалерийский дивизион и штаб дивизии расположились в селе Большая Рожина, второй и третий полки — в селе Малая Рожина и окрестных хуторах.

В этих селах оказались местные партизаны. Они приняли горячее участие в устройстве наших больных и раненых бойцов. Многие крестьяне уступали свои дома, а сами уходили к соседям. Мы привели в исправность бани. Заработали наши портные и сапожники.

Вершигора послал разведчиков для уточнения местонахождения аэродрома и для изучения прилегающих к нему окрестностей. Как выяснилось, аэродром принадлежал партизанскому отряду Комарова.

Население встретило нас очень тепло. При входе в село мое внимание привлекла жестяная вывеска на одном доме с надписью: «Сельсовет».

— У нас советская власть по-прежнему в силе, — сказали нам крестьяне, — она ни на одну минуту не прекращала своего существования. Вражеская нога не ступала еще на нашу землю.

Вершигора созвал открытое партийное собрание. На этом собрании командир сказал, что в период с 5 января 1944 года по сегодняшний день, то есть по 27 апреля, дивизия с боями прошла две тысячи сто километров.

Вершигора перечислил все места, где дивизии пришлось вести бои с неприятелем. Бои шли в Ровенской, Волынской, Львовской, Люблинской, Варшавской, Пинской, Белостокской областях. Он упомянул также многочисленные реки, которые нам пришлось форсировать во время рейда; назвал железнодорожные линии и шоссейные дороги, которые были нами пересечены.

— Нами было пересечено сорок восемь железнодорожных линий, причем большинство из них мы прошли с боем, — продолжал Вершигора. — Всего нами было проведено сто тридцать восемь боев, из них двадцать четыре боя были тяжелые, каждый из них длился свыше шести часов.

За этот период нами были выведены из строя многие коммуникации противника. Такая крупная железнодорожная магистраль, как магистраль Львов — Варшава, после проведенной нами диверсии восстанавливалась в течение целого месяца. На такой же длительный период нами были выведены из строя многие другие важные железнодорожные магистрали.

За это время нами были взорваны три электростанции и два завода военного значения. Нами были разрушены и приведены в полную негодность железнодорожное полотно, протяжением в тысячу сто семьдесят шесть метров, и мосты, протяжением в две тысячи сорок пять метров.

Затем Вершигора говорил об уничтоженных танках, броневиках, пушках, мотоциклах, грузовых машинах, самолетах, огневых точках, телефонных и радиостанциях. Кроме того, он отметил, что в разное время в боях, проведенных за период рейда, было уничтожено пять тысяч сто шестьдесят вражеских солдат и офицеров, взято в плен пятьсот девяносто восемь солдат.

— Из фашистского плена нами было освобождено четыреста военнопленных бойцов и командиров Советской Армии. В период рейда наше соединение пополнилось новыми бойцами; в связи с ростом численности личного состава соединения, как вам известно, оно было преобразовано в дивизию.

Во время этого рейда нас очень тепло встречал польский народ. Советские воины, бежавшие из концентрационных лагерей, пользовались покровительством и большой помощью местного населения. Они укрывались у польских крестьян.

Петро подробно осветил проведенные нами бои.

— Надо ускорить составление и уточнение списков партизан, представленных к наградам. Возможно, я скоро вылечу в Киев, — обратился Петро к командирам полков, — меня вызвал начальник Украинского партизанского штаба Тимофей Амвросьевич Строкач.

После собрания все разошлись по своим частям.

Однажды, когда я работал в штабе, мне доложили, что пришел Павел Иванов. Иванов бесследно исчез после ожесточенных боев на берегах реки Буг. С тех пор прошло много времени, и мы его считали погибшим. И вдруг этот самый Иванов неожиданно объявился.

Передо мной стоял худой, с глубоко ввалившимися глазами человек.

— Я очень, очень рад твоему счастливому возвращению, товарищ Иванов... — сказал я ему и умолк. Мне трудно было продолжать: меня охватила жалость и сострадание к этому человеку...

— Я, вероятно, числюсь в списке погибших... Это вполне понятно, в этом нет ничего удивительного, — проговорил Иванов слабым, хриплым голосом.

— Расскажи, что с тобой случилось, где ты пропадал?

— Я расскажу вам все подробно.

Иванов потер рукой тонкие обветренные губы и начал свой рассказ:

— Во время боя я заметил прятавшегося под мостом гитлеровца и смертельно ранил его. Только я успел спрыгнуть в окоп, который тянулся вдоль реки, как раздался выстрел, и я почувствовал страшную боль в правой ноге. Я попытался выбраться из окопа, но не смог сделать и двух шагов: нога сразу отяжелела, и я почувствовал, как сапог начал постепенно наполняться кровью, по всей ноге стал быстро распространяться жар.

В это время на мосту шла ожесточенная схватка. Кто из вас мог знать, что происходило в это самое время под мостом. Я почувствовал страшную слабость, глаза начал заволакивать туман. Я опустился на землю и стал ждать своего конца. В это время на мост ворвался кавалерийский дивизион и с шумом пронесся по нему.

Шум стал постепенно стихать, вокруг меня не было ни души, я продолжал сидеть в окопе. До меня теперь доносились отдаленные выстрелы. Видно, наши благополучно продвигаются вперед. Я знал, что с минуты на минуту начнут вылезать из своих нор попрятавшиеся гитлеровцы, и тогда придет мой конец. Они прирежут меня, как курицу, в этом окопе. Нет, я не должен попасть живым в руки врага. Если моя гибель неизбежна, то уж лучше я сам покончу с собой. Я решил еще раз испробовать свои силы. Я собрал всю свою волю, поднялся и, сделав несколько шагов, бросился в реку. В этом месте течение оказалось очень медленным, и я поплыл к другому берегу. С большим трудом мне удалось переплыть Буг. Выйдя на противоположный берег, я стянул с раненой ноги сапог, разорвал рубаху и перевязал рану. Отдохнув, я почувствовал прилив сил, сердце стало биться ровнее, туман в глазах постепенно рассеялся. Я поднялся и вприпрыжку добрался до леса. Здесь я отыскал толстую палку и, опираясь на нее, стал медленно пробираться в глубь леса. Я все еще не верил сам себе, что мне удалось уйти от гитлеровцев. Вскоре наступил рассвет. Я опустился на землю, внимательно осмотрел рану, по-видимому, кость была невредима. Теперь самое главное было добраться до ближайшей деревни.

Кому приходилось в одиночестве скитаться по лесу, тот поймет мои мучения. В сумке я нашел ломоть хлеба, пропитанный водой Буга. Я разломал его на несколько не-

больших кусочков, зная, что не скоро достану себе пищу. Я искал тропу, которая вывела бы меня из лесу, но все мои старания не принесли желанного результата. Вдруг я услышал отдаленный стук топора. От радости у меня учащенно забилось сердце. Охваченный волнением, стал я пробираться в том направлении, откуда доносился стук. Вскоре я увидел крестьянина, который рубил большое дерево. Я поздоровался с ним. Крестьянин быстро выпрямился, сдвинул назад свою ушанку и с удивлением уставился на меня.

— Не пугайтесь, я не враг вам, я друг. Я раненый партизан.

Крестьянин стал внимательно разглядывать меня. Я заметил, что ему не понравилась моя одежда. На мне был трофейный немецкий офицерский мундир.

— Мне до вас нет дела, я пришел сюда за дровами, желаю вам доброго пути, — попытался вежливо отделаться от меня крестьянин.

— Спасибо вам за доброе пожелание, но куда я смогу идти голодный, с раненой ногой. Я еле держусь на ногах.

— Что вы хотите от меня, чем я могу вам помочь?

— Мне необходимо вылечить рану, я очень ослаб. Мое дальнейшее пребывание в лесу равносильно гибели.

— Наше село расположено у самой польской границы, на берегу Буга. Гитлеровцы сразу тебя заметят, и тогда нам обоим несдобровать, — сказал крестьянин.

Для меня стало ясно, что крестьянин не хочет взять меня к себе в дом.

Я снова стал его упрашивать. Я ему сказал, что он должен войти в мое безвыходное положение, должен посчитаться с моей раной. Крестьянин немного оттаял, было видно, что ему стало жаль меня.

— Откуда я знаю, кто ты такой. Совсем недавно к нам в деревню пришло несколько незнакомых людей, они нам клялись, что они партизаны, а впоследствии выяснилось, что это были полицейские.

— Верьте мне, я партизан. Это ранение я получил во время боя при переходе нашей партизанской дивизии через Буг. Из-за раненой ноги я отстал от своих. — Я подробно рассказал крестьянину всю свою историю.

— Ладно, залезай на телегу, накинь на себя мою свитку, — сказал мне крестьянин.

Этот, на первый взгляд хмурый, суровый человек оказался в действительности очень чутким, отзывчивым. Он принял меня как родного брата, отвел мне в своем доме укром-

ный уголок, окружил вниманием и заботой. Я пробыл у него одну неделю . За это время я окреп, рана моя стала быстро заживать. После этого я покинул моего спасителя и начал бродить из села в село, стараясь напасть на след нашей дивизии.

Я вызвал Федчука и приказал выдать Иванову новое обмундирование.

Иванов козырнул мне и пошел вслед за Федчуком. Я проводил его взглядом и задумался: мы уже не ждали этого человека, он у нас числился в списках погибших. Его появление было неожиданным, радостным событием. Но двадцать богатырей во главе с Бычковым словно сквозь землю провалились. Это были смелые, самоотверженные люди, которые в нужную минуту могли творить чудеса. Время шло, а их все не было, словно в воду канули. Ведь этими людьми руководит храбрый человек, находчивый, испытанный командир. Так почему же на этот раз он не сумел проявить свою находчивость и вырваться из когтей гитлеровцев!

На другой день меня вызвал к себе Вершигора и сообщил, что разведчиками обнаружена у села Хороста площадка, вполне годная для аэродрома, и что на меня он возлагает руководство эвакуацией раненых партизан. Петр Петрович сказал, что, в первую очередь необходимо доставить на аэродром больных и раненых бойцов, подлежащих эвакуации. А затем они будут небольшими группами отправляться самолетами на «Большую Землю». Конечно, успешная эвакуация раненых во многом зависит от летной погоды, заключил Вершигора.

Через час после беседы с командиром дивизии я получил из штаба приказ. Я тотчас же приступил к выполнению задания. Вместе с врачом Циммером я обошел все полки и взял на учет всех раненых и больных партизан, подлежащих эвакуации в Киев. Во всех полках развернулась горячая работа. На каждого из отправляемых на лечение бойцов составлялась подробная характеристика.

Вершигора вторично вызвал меня в штаб и потребовал отчета о проведенной подготовительной работе в связи с отправкой раненых партизан в расположение аэродрома.

В это время в штаб вбежали несколько партизан и в один голос закричали:

— Бычков вернулся, Бычков вернулся!

— Только Бычков? — спросил партизан Вершигора.

— Нет, вместе с ним прибыли и другие партизаны.

Мы прервали совещание и бросились из штаба. Впереди всех бежал я. Я очень волновался, и как не старался скрыть своего волнения, у меня ничего не получалось. Нам навстречу скакали двадцать воинов. Было такое впечатление, словно они идут в кавалерийскую атаку. В нескольких шагах от меня бойцы осадили коней и почти одновременно спешились. Я бросился к ним и заключил в объятия Бычкова, затем я стал поочередно обнимать остальных бойцов. На ресницах Бычкова засверкали слезы радости.

— По-моему, вас никто не записывал в кавалерию. Где вы обзавелись такими замечательными конями? — весело обратился к прибывшим Вершигора. Бойцы Бычкова рассмеялись.

— А мы решили, что на коне лучше, чем на телеге, товарищ командир, — ответил за всех Бычков.

История Бычкова и его бойцов оказалась очень интересной.

— После форсирования реки Белая мы оказались отрезанными, — начал свой рассказ Бычков. — Мы пытались пробиться обратно и соединиться с основными силами, но безуспешно. Противник при каждой нашей попытке открывал такой ожесточенный огонь, что нечего было и думать о возвращении. Лишь на рассвете мы сумели вплавь пересечь Белую. Прежде всего мы поспешили в село Рашковку, надеясь застать здесь хотя бы арьергард дивизии. Однако крестьяне нам сообщили, что дивизия в полном составе покинула эти места.

Мы двинулись вслед за дивизией в надежде в скором времени догнать ее. Но противник стал преследовать нас по пятам, и нам то и дело приходилось отражать атаки и ускользать из когтей гитлеровцев, которые все время стремились взять нас в кольцо. По дороге мы встретили помещичье имение. Недолго думая, мы взломали ворота и ворвались во двор. Этих коней мы вывели из конюшни помещика. Кони сослужили нам большую службу, мы наконец смогли оторваться от преследующего нас противника.

На следующий день после возвращения Бычкова мы начали отправку раненых на аэродром.

В назначенное время подводы с ранеными и больными партизанами, которых было около четырехсот человек, выстроились вдоль улицы села.

Не успела колонна с ранеными выйти за пределы села, как в воздухе раздался гул самолетов. Все устремили взоры в небо.

— К нам приближаются вражеские бомбардировщики!—раздались со всех сторон возгласы.

Вскоре на горизонте показались шесть «Юнкерсов».

— В первую очередь спасайте раненых, скорее маскируйте подводы, — отдали распоряжение командиры.

Вражеские стервятники сделали круг над селом и начали сбрасывать бомбы. Вскоре к небу потянулись густые клубы дыма, из которых вырывались огненные языки. Горела деревня. До нас донеслись душераздирающие крики детей и женщин. А самолеты продолжали сбрасывать бомбы в окутанное пожаром село. Оставшиеся в селе партизаны храбро бросались в горящие дома и выносили оттуда пострадавших крестьян. Бойцы, рискуя жизнью, оказывали им первую помощь.

— Штаб горит! — закричал какой-то партизан.

— Прямым попаданием разрушен дом, в котором помещался штаб, — сообщил второй боец.

Партизаны окружили полуразрушенное горящее здание штаба. Находившиеся внутри бойцы стали выламывать оконные рамы и прыгать во двор. Среди них оказался и Жоржолиани, он прыгнул из окна со знаменем в руках.

Я подозвал Жоржолиани к себе. У него совершенно обгорели брови и ресницы.

Знамя дивизии и все штабные документы были спасены.

Во время этого налета были ранены десять партизан и тридцать крестьян. Полностью сгорела наша полевая типография. Мы тотчас же запросили из Киева новое оборудование для полевой типографии, так как надо было своевременно печатать и распространять среди населения сводки Совинформбюро.

На рассвете первый полк и раненые партизаны двинулись в направлении аэродрома. На протяжении десятков километров дорога проходила по сплошным лесным массивам. Теперь нам не страшна была вражеская авиация. Время от времени мы делали привалы, стараясь устраивать их у родников. Эти передышки были необходимы для наших раненых.

Когда мы, наконец, подошли к аэродрому, я остановил колонну и устроил продолжительный отдых. Как я уже говорил, аэродром принадлежал отряду Комарова.

Соединение Комарова было расположено в лесу, вблизи аэродрома. У меня была ангина, держалась высокая температура, поэтому я направил к Комарову группу бойцов

под командованием начальника штаба полка Бережного. Я просил у Комарова разрешения стать лагерем на территории его обороны. Комаров передал, что желает видеть меня лично. Я был вынужден пойти к нему с температурой. Среди устремившихся к самому небу вековых деревьев я увидел прохаживающегося перед небольшим, наспех сколоченным деревянным домом широкоплечего мужчину в генеральской форме. Это и был Комаров. Я знал, что Комаров — старый революционер, участник гражданской войны. Знал и то, что Комаров — это псевдоним генерала, настоящая фамилия его мне была неизвестна. Я подошел к генералу, поздоровался и назвал себя. Комаров крепко пожал мне руку и попросил пройти вместе с ним в штаб. Между нами завязалась непринужденная беседа.

— Можете воспользоваться нашим аэродромом, мы с радостью предоставим его в ваше распоряжение.

Я попросил у Комарова разрешения провести разведку окрестных мест, чтобы обеспечить беспрепятственную эвакуацию раненых партизан.

— Пожалуйста, какие могут быть разговоры. Я должен поставить вас в известность, что у нас имеются два аэродрома — настоящий и фиктивный. Настоящий аэродром мы в дневное время маскируем, фиктивный же всегда на виду. Так что опасность со стороны противника угрожает только фиктивному аэродрому.

В тот же день я выслал разведчиков с заданием отыскать вблизи аэродрома подходящее для лагеря место.

Разведчики нашли на расстоянии шести километров от аэродрома сухое возвышенное место. Мы тотчас же двинулись туда.

Бойцы вырыли для раненых землянки, в которых мы их хорошо устроили.

После этого я связался с Киевом и сообщил о нашем местонахождении.

На следующий день вечером, это было двадцать пятое апреля, мы услышали в небе характерный гул. Вскоре появился самолет. Сделав круг над аэродромом, он начал приземляться. Партизаны обступили самолет. Они в мгновение ока выгрузили из него боеприпасы и другие военные материалы. После этого началась погрузка раненых. Среди отправляемых на «Большую Землю» партизан были и славные воины нашего полка Сердюк, Бокарев и Дорофеев. Самолет разбежался, затем оторвался от земли, начал быстро набирать высоту и вскоре скрылся из глаз.

После этого каждую ночь прилетал самолет и забирал больных и раненых партизан.

Вершигора тоже готовился к поездке в Киев. Он должен был представить Украинскому партизанскому штабу отчетный доклад в связи с завершением рейда. С собой он вез также списки партизан, представленных к наградам.

Но тут, как назло, испортилась погода, и отлет командира дивизии задержался. Мы все каждый вечер разводили на аэродроме большой костер. Бойцы усаживались вокруг костра, приходил Петр Петрович, и начинались бесконечные воспоминания.

— Мною принята радиограмма — самолет вылетел из Киева, товарищ командир, — доложила Вершигоре молодая радистка.

— Очень хорошо, я приготовлюсь!

Вершигора поднялся и стал собираться.

— Товарищ командир, передайте, пожалуйста, Никите Сергеевичу Хрущеву наш партизанский привет.

— Передайте привет городу-герою, нашему любимому Киеву!

Окруженный партизанами Вершигора то и дело повторял: «Передам, передам!»

— Счастливого пути, Петр Петрович, ура! — дружно закричали партизаны, когда Вершигора поднимался в самолет. Гул самолета постепенно замирал и наконец совсем исчез.

Мы продолжали регулярно принимать самолеты из Киева, которые прилетали почти каждую ночь. Накануне первого мая очередной самолет привез нам много подарков: папиросы, сладости, одежду, теплые шерстяные носки и многое другое. Партизаны предложили послать со своей стороны подарок Киеву. Мы отобрали лучшую дойную корову, рекордсменку Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве, которая давала тридцать литров молока в сутки, и послали ее самолетом в Киев, в адрес Украинского партизанского штаба. Мы просили передать этот дар нашему госпиталю.

Циммер принес мне очередной список раненых партизан, подлежащих отправке в Киев. Я просмотрел и пошел вместе с врачом к больным. Циммер стал измерять им температуру. Очередь дошла до Серго Арутинова, которого мы тоже собирались отправить в Киев.

— Ну, скоро, брат, будешь в Киеве, — говорю я Арутинову, — там тебя быстро поставят на ноги.

— Это хорошо, но я себя очень плохо чувствую, Давид. Не могу понять, что со мной происходит.

— Ты, наверное, волнуешься! Не бойся, все будет хорошо!

Циммер достал градусник, взглянул на него. Лицо врача стало озабоченным.

— Посмотрите! — тихо проговорил он, протягивая мне градусник. Я посмотрел на столбик ртути, термометр показывал 40.

— В чем дело? — спросил я Циммера.

— У него сыпной тиф.

— Пока он не поправится, его нельзя отправлять в Киев.

Арутинова пришлось оставить.

К вечеру погода резко изменилась; усеянное звездами небо затянули черные тучи, пошел дождь, который скоро превратился в ливень. Дождь продолжал идти и на следующий день. Я пошел проведать больных товарищей. Вижу, под деревом стоит подвода, подхожу ближе — на ней лежит Серго. Он закутан в шерстяное одеяло, а вокруг него на подводе образовалась целая лужа от дождевой воды. Серго лежал в забытьи, с закрытыми глазами.

— Как фамилия санитара, ухаживающего за этим больным? — спросил я.

— За ним ухаживает Нижарадзе, он только что был здесь, видно, куда-то отлучился по делу, — ответили мне партизаны.

— Санитар, ухаживающий за тяжелобольным, не должен ни на минуту оставлять больного. Если ему необходимо куда-либо отлучиться, то он должен оставить кого-нибудь вместо себя. Позовите сейчас же Нижарадзе! — сказал я окружившим меня партизанам. Через несколько минут ко мне подбежал молодой партизан.

— Ты Нижарадзе?

— Так точно, товарищ командир!

— Почему ты оставил тяжелобольного одного?

— Я за молоком побежал.

Я как следует пробрал Нижарадзе.

— Не смей ни на минуту оставлять больного, — приказал я ему.

Как только Серго поправился, мы отправили его в Киев.

Теперь ничто не мешало эвакуации раненых партизан на «Большую Землю». В первую очередь отправили тяжело раненных. Вместе с тем мы не прекращали активных операций против врага. Мы разрушали железнодорожное полотно, взрывали мосты, пускали под откос вражеские эшелоны.

Полковой врач Циммер день и ночь находился с ране-

ными партизанами, он готовил их к отправке на «Большую Землю».

После войны некоторое время я не знал, где Циммер. В 1956 году я был послан на лечение в Чехословакию, на курорт Карловы Вары. Там я и встретил Циммера. Он работает в Карловых Варах главным врачом санатория «Ричмонд». У Циммера чудесная семья — жена и сын. Наш партизанский доктор завоевал на мирном поприще большой авторитет как активный общественный деятель и отличный специалист. Добрый и чуткий человек, он всегда окружает особой теплотой и вниманием советских людей, которые отдыхают в его санатории. После 56-го года я несколько раз встречался с Циммером. Мы ведем с ним дружескую переписку.

Постоянные утомительные переходы, напряженные бои окончательно подорвали здоровье Федчука: он сильно похудел и ослаб.

— Дорогой Константин Лаврентьевич, ты с честью выполнил свой долг перед родиной, перед своей совестью. Тяжелые условия партизанской жизни подорвали твое здоровье, да не то что ты, а мы, люди помоложе тебя, чувствуем страшную усталость. По-моему, тебе необходим серьезный отдых. Садись в самолет и лети прямо в столицу Украины — Киев. Неправда ли, так будет лучше, Константин Лаврентьевич? Что ты на это скажешь? — обратился однажды я к Федчуку.

Федчук некоторое время молчал, видимо, собирался с мыслями, наконец он заговорил:

— Как вам сказать, Давид Ильич. Вы, конечно, правы, я уже не тот стал, ведь мне скоро семьдесят лет исполнится. А с другой стороны, мне как-то неудобно оставить товарищей. У меня такое чувство, словно я изменяю им!

— Ну, что ты, Константин Лаврентьевич! О какой измене может быть речь. Я лично никак не мог себе представить, что ты сможешь так долго продержаться в такой тяжелой обстановке. Напротив, мы должны тебя благодарить. Вот поедешь, отдохнешь, пройдет еще немного времени, и мы последуем за тобой. Сам видишь, война к концу подходит. Там, на «Большой Земле», мы снова встретимся и отпразднуем победу.

В конце концов мы уговорили Федчука. При прощании на аэродроме старик прослезился.

Столь длительное пребывание нашей дивизии на одном месте было обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, было необходимо отправить на «Большую Землю» больных и раненых партизан; во-вторых надо было попол-

нить запасы боеприпасов. В обоих случаях аэродром Комарова оказал нам неоценимую услугу.

Тем временем гитлеровцы усилили разведку и начали активно готовиться к нападению на нашу дивизию. Комаров сообщил штабу нашей дивизии о создавшейся обстановке. Для усиления охраны аэродрома был направлен второй полк. Таким образом, аэродром охраняли теперь два полка.

Вскоре противник атаковал расположение партизанской бригады имени Котовского, входящей в состав соединения Комарова. Я тотчас же выслал на помощь этой бригаде один батальон. Мы предполагали, что в этом районе развернется серьезная борьба, однако наше предположение не оправдалось.

Атака противника носила демонстративный характер. В дальнейшем партизанская бригада имени Котовского и наш батальон настигли врага и навязали ему бой, в котором противник понес жестокое поражение.

В ознаменование этой победы котовцы подарили мне самодельный автомат, на прикладе которого стояла следующая надпись: «Командиру первого полка Д. И. Бакрадзе от партизан отряда имени Котовского». В одном из боев этот автомат спас меня от верной гибели. В настоящее время он хранится в партизанском музее в Киеве.

Правда, наш отдых затянулся, но мы не теряли времени даром. Среди партизан было много хороших физкультурников. Они широко развернули среди бойцов физкультурную работу. С раннего утра молодые бойцы занимались спортом. Любители волейбола изготовили отличную сетку из парашютных веревок, а из самих парашютов сделали мячи.

Волейбол стал любимой игрой партизан, спортивная площадка не пустовала ни одной минуты.

Штаб дивизии уделял большое внимание подготовке новых боевых кадров. Систематически велись занятия по боевой подготовке бойцов. Проведенная работа дала отличные результаты. Дивизия пополнилась ста сорока шестью минометчиками, ста восьмьюдесятью пулеметчиками, пятьюдесятью минерами, двумястами четырьмя младшими командирами. Эти новые кадры значительно укрепили дивизию, повысили ее боеспособность.

Вскоре мы получили с «Большой Земли» вооружение и боеприпасы. Полковой транспорт не справлялся с перевозкой доставленного военного снаряжения. Поэтому мы попросили штаб дивизии выделить нам дополнительный транспорт. Штаб удовлетворил нашу просьбу. Работой выделенных штабом подвод руководил Тутученко. Я и Тутученко

подолгу сидели на опушке леса перед весело горящим костром. Однажды он рассказал мне о своем боевом пути.

— Вот как сложился мой боевой путь, Давид, — начал свой рассказ Тутученко. — С первого же дня войны я сражался на фронте. Первый раз я был тяжело ранен в селе Воздвиженке, Сумской области. Наша часть попала тогда в окружение. Меня подобрал на окраине села местный житель слесарь Георгий Дектярев. Я был без сознания, Дектярев перенес меня в свой дом. Когда я очнулся, то увидел перед собой улыбающееся лицо незнакомого человека. Я не мог сразу понять, где я нахожусь, кто этот неизвестный человек.

— Не бойся, — ободряюще сказал Дектярев.

Я стал постепенно восстанавливать в памяти прошедшие события. Я вспомнил, что был ранен во время последней стычки с врагом.

— Кто ты? — сказал я слабым голосом.

— Я местный житель, Георгий Дектярев.

— Чей этот дом?

— Мой.

— Разве для вас небезопасно мое присутствие здесь?

— Ну, разумеется, нужна большая осторожность. Эта комната наиболее безопасная, в ней сплю я сам. Если гитлеровцы войдут сюда, я навалю на вас все тюфяки и одеяла, только вам придется лежать без движения, пока эти собаки будут находиться в комнате.

— Это совсем не трудно. Я только беспокоюсь, как бы вы не пострадали из-за меня.

— Не тревожьтесь, мы сумсем избежать беды, проведем врага.

Я повернулся и вдруг почувствовал острую боль в области груди. Я не смог удержаться и застонал.

— Я постараюсь тайком привести врача, — сказал Дектярев.

— Будьте осторожны, друг!

Моя болезнь затянулась. Но я был окружен в семье Дектярева такой заботой и вниманием, что меня, пожалуй, не смогли бы так выходить и в госпитале. Наконец я встал. После этого дело быстро пошло на поправку. И я стал готовиться в путь.

— В нашей деревне еще имеются раненые советские бойцы, они почти все уже поправились, — сказал мне одним утром мой хозяин.

Я встрепенулся от радости. Как, в вашем селе имеются еще другие раненые?!

Это сообщение меня окрылило.

Дектярев устроил мне свидание с бойцами Советской Армии. Это были Алексей Кириллов, Николай Иванов и другие. Вдоволь наговорившись, мы решили немедленно покинуть своих гостеприимных хозяев и уйти в лес. Я знал со слов Дектярева, что в ближайшем лесу были партизаны, которые не давали покоя гитлеровцам.

И вот мы, шесть советских бойцов, после длительных скитаний достигли, наконец, партизанского лагеря. Партизанский патруль взял нас под стражу и доставил в штаб. Из комнаты вышел навстречу старик среднего роста. Он все время поглаживал рукой свою острую седую бородку. Это был Сидор Артемьевич Ковпак. Он задал нам несколько вопросов. Удовлетворившись нашими ответами, он долго рассматривал нас своими острыми карими глазами.

— Ладно, — сказал он наконец и приказал находившемуся тут же бойцу зачислить нас в отряд. Боец достал обыкновенную ученическую тетрадь и занес в нее первой мою фамилию: Семен Павлович Тутученко, 1913 год рождения, комсомолец, из Москвы, по профессии архитектор...

— Начиная с этого дня, товарищ Давид, я веду вместе со всеми вами, правда, тяжелую, но полную волнующих событий партизанскую жизнь.

Самолет все не появлялся, костер догорал, мерцающий отсвет тлеющих головешек освещал лишь небольшое пространство вокруг костра.

— Что-то запаздывают самолеты, — говорю я Тутученко.

— Прилетят, непременно прилетят! — ответил мне Тутученко.

Во время этой беседы мы вспомнили погибших товарищей.

— Много мы потеряли хороших друзей, товарищ Давид. У меня вот сейчас как живое стоит перед глазами лицо Мити Черемушкина. А Чусовитин! Он ведь был гордостью нашего соединения!

После окончания войны я продолжал поддерживать связь с Тутученко. Я переписываюсь с ним и по сей день.

«В 1950 году я был в Чехословакии, — писал мне в одном письме Тутученко, — в составе делегации советской молодежи. Чехословацкая общественность тепло встретила посланцев Советской страны.

Во время торжественного заседания в городе Братиславе я сидел в президиуме. Вдруг я заметил, что какой-то мужчина в зале улыбается мне. «Кто это может быть? — подумал я. — Ведь у меня в Братиславе нет знакомых». Собрание окончилось, я вышел в вестибюль. «Товарищ Тутученко, то-

варищ Тутученко», — услышал я чей-то голос. Я обернулся и увидел человека, который улыбался мне из глубины зала.

— Я вижу, вы меня не узнаете, я — Андрей Палша, сражался вместе с вами в Карпатских горах.

— Ах, Андрей Палша, как же, как же, узнаю, я очень хорошо вас помню. Мы тогда отправили вас вместе с другими товарищами с особым заданием в Чехословакию!

— Совершенно верно!

Между нами завязался дружеский разговор. Вспомнили отдельные эпизоды партизанской жизни, пройденный боевой путь. Существует ведь мудрая поговорка: «Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется». Так заканчивал свое письмо Тутученко.

Наше соединение успешно выполнило свои задачи. Желая скрыть от неприятеля, что мы партизаны, Вершигора приказал, чтобы все партизаны носили погоны в соответствии со своим званием. Погоны мы изготовили из парашютных мешков.

Наш маневр вполне удался. Враг стал принимать нашу дивизию за регулярную часть Советской Армии. Вскоре мы получили с «Большой Земли» новые пушки; одно сорокапятимиллиметровое орудие штаб передал первому полку. Кавилин принес мне паспорт вновь полученного орудия. Я внимательно прочитал паспорт. Затем я потребовал, чтобы Кавилин принес мне список полкового вооружения. Я остался доволен этим списком.

— С таким вооружением можно идти прямо на Берлин, — сказал я, улыбаясь, Кавилину. Вместе со списком Кавилин передал мне письмо. Я вскрыл конверт и прежде всего взглянул на подпись. «Ваш Корнев», — стояло в конце письма.

— Товарищи, нас вспомнил «Дед-мороз».

— Что, письмо от Корнева? — начали спрашивать меня находящиеся в комнате партизаны.

— Да, от Корнева!

Старик Корнев был чуткий, сердечный человек, он оставил о себе добрую память.

«Я снова возвратился в свой Путивль, в свой родной колхоз, снова я среди старых, верных друзей», — писал старик.

В 1947 году Корнев, находившийся проездом в Тбилиси, — он ехал в Цхалтубо, — позвонил мне на работу:

— А ну, узнай меня по голосу, Давид!

— Голос очень знакомый, только никак не могу вспомнить, — ответил я в трубку.

— Я «Дед-мороз», «Дед-мороз»! — смеясь, сказал Кор-

нев. Через несколько минут мы сидели друг против друга и вели задушевную беседу, вспоминая боевую жизнь и дорогих друзей.

XXX

В эти дни наш полк посетили партизаны генерала Комарова. Среди дорогих гостей оказался мой старый знакомый партизан Ной Яшвили. Я познакомился с ним еще в 1942 году в селе Чолонец, где тогда стояло лагерем соединение генерала Комарова. Яшвили сразу узнал меня. Он подбежал ко мне и горячо приветствовал. Среди бойцов своего соединения Яшвили считался храбрым воином.

Война застала Ноя Яшвили в Белоруссии, где он отбывал воинскую службу. Полк, в котором служил Яшвили, попал в окружение. Яшвили вместе с четырьмя товарищами удалось проскользнуть через кольцо окружения. Затем они переплыли Буг и вступили на польскую землю. Здесь они обосновались в так называемом «Черном лесу». К ним начали присоединяться бежавшие из плена красноармейцы. Вскоре группа Яшвили стала насчитывать восемнадцать человек. Партизаны приступили к активным действиям. В первую очередь они добыли оружие, затем начали совершать диверсии. Отрядом руководил Яшвили. Гитлеровцы переполошились и стали усиленно прочищать «Черный лес». Яшвили со своим отрядом был вынужден покинуть лес. Посовещавшись, они решили возвратиться в Белоруссию. Когда они подошли к Бугу, их настигли гитлеровцы и навязали бой. Горстка партизан с большим трудом отразила атаки гитлеровцев. Улучив момент, партизаны бросились в реку и поплыли к противоположному берегу. Большинство из них благополучно достигло другого берега и укрылось на территории Белоруссии. Вскоре они встретили соединение Комарова и влились в него. Яшвили был зачислен в разведку этого соединения. Сведения, доставляемые Яшвили штабу, всегда были точные и полные. Несмотря на свою молодость, Яшвили вскоре завоевал уважение командования своей вдумчивостью и смелостью. Яшвили принимал участие в многочисленных боях. Он два раза был ранен.

Апрель был на исходе, и мы готовились к празднованию Первого мая. Мы решили отметить этот день хорошим подарком родине. На железнодорожную линию была послана диверсионная группа, составленная из наиболее опытных и смелых бойцов. Линия была взорвана и приведена в полную не-

годность на протяжении ста пятидесяти метров. В результате этой диверсии на дороге было нарушено движение. Другая группа партизан напала на гарнизон противника и подожгла большой склад с военными материалами.

Наступило Первое мая. День выдался на редкость теплый и солнечный. Хорошая погода еще больше подняла наше праздничное настроение. Толпы крестьян вскоре заполнили территорию нашего лагеря. Все они спешили к радиоприемнику, у которого уже выстроились партизаны. Вскоре раздались дорогие, волнующие слова: «Говорит Москва!» Микрофон был установлен на Красной площади. Время от времени мы слышали передачи из столиц братских республик. Как видно, их включала Московская центральная радиостанция.

Вот услышали Киев. На главной улице столицы Украины, где еще совсем недавно шли ожесточенные бои, теперь звучала музыка, раздавались возгласы, с пением шли по улице демонстранты. И вот мы, партизаны, в тылу врага слушаем всю Советскую страну, празднующую Первое мая.

Мы закончили эвакуацию тяжелобольных и раненых партизан. На следующую ночь над фиктивным аэродромом появились вражеские самолеты. Аэродром был перепахан бомбами.

Третьего июня, ночью, на действующий аэродром опустился самолет, прибывший из Киева. Из самолета вышли Вершигора, Андросов и Коробов. Вершигора привез с собой правительственные награды — ордена и медали, а также переданное нашей дивизии Красное знамя. На знамени стояла надпись: «За точное выполнение боевых заданий!». Надпись была сделана золотыми буквами. Награды были в торжественной обстановке вручены участникам Карпатского рейда. Мне был вручен орден Ленина.

Коробов открыл свой чемодан и извлек из него большую пачку фотоснимков. Эти снимки он сделал в 1942 году, во время пребывания в нашем соединении. Тогда он не смог проявить их на месте.

Снимки переходили из рук в руки. Партизаны рассматривали их с большим интересом. Бойцы горячо благодарили Коробова за ценный подарок.

В первый же день по приезде Коробов начал делать новые снимки. На этот раз он пробыл у нас недолго, зато повез с собой целый чемодан негативов.

В эти дни нами был получен приказ от Украинского партизанского штаба. В этом приказе говорилось, что дивизия должна переместиться в Западную Украину и громить отсту-

пающие войска противника. Вскоре мы выступили в указанном направлении.

С рассветом мы подошли к селу Ясенцы. Это село находилось в Ганцевическом районе. Мы свернули в окрестные хутора и расположились там. Хутора и села здесь были вплотную окружены сосновым лесом.

Мы не чувствовали себя в безопасности, так как вблизи находился районный центр, в котором стоял сильный вражеский гарнизон.

Ганцевический район был оторван от главной магистрали, а потому его военное значение было невелико. Расположенный в этом районе неприятельский гарнизон был занят, главным образом, грабежом местного населения.

Командование дивизии приняло решение — уничтожить вражеский гарнизон, расположенный в районном центре. И вот, согласно нашей партизанской тактике, мы глубокой ночью напали на спящий вражеский гарнизон. Это произошло так внезапно и молниеносно, что противник, не оказав сопротивления, разбежался. Нам достались богатые трофеи.

Мы нагрузили подводы вооружением, боеприпасами, обмундированием, фуражом, медикаментами и возвратились в Ясенцы.

Вечером мы услышали артиллерийскую стрельбу. По всей вероятности, гитлеровцы получили подкрепление и начали артиллерийским огнем прочищать лес. Они были уверены, что мы стоим в этом лесу.

Гул артиллерийской канонады все нарастал. А мы в это время преспокойно сидели в деревне и смеялись над гитлеровцами.

В эти дни шоссе Москва — Варшава было забито отступающими неприятельскими войсками. Гитлеровцы в беспорядке бежали на запад. Пехота, конница, артиллерия, мотоциклисты — все перемешались в одну массу и старались обогнать друг друга. Полицейские тоже устремились за ними, но гитлеровцы гнали их назад. Они теперь для них не представляли никакой ценности. Полицейские, таким образом, оказались между двух огней: им было страшно остаться на месте, а в Германию их не пускали гитлеровцы.

Согласно новому маршруту, нам предстояло пересечь шоссе, по которому отступали фашистские войска.

Мы выслали разведчиков для обследования дороги и подступов к ней и для подыскания наиболее безопасного места для перехода.

— Мы обследовали дорогу на протяжении нескольких десятков километров, — сообщили нам возвратившиеся раз-

ведчики, — положение повсюду одинаковое, дорога забита отступающими войсками. Так что если нам придется пересекать дорогу, то мы повсюду встретим одинаковое сопротивление!

В это время до нас донеслись глухие взрывы.

— Что случилось, что означает этот грохот? — спрашивали друг друга партизаны.

Горизонт окрасился в красный цвет, к небу потянулись черные столбы дыма, из которых вырывались огненные языки.

— Это наши самолеты бомбят вражеские гарнизоны, — догадался кто-то.

— Бездействие в такие минуты ничем не оправдано, — сказал Вершигора.

Мы оставили село Ясенцы и поспешно двинулись в сторону шоссе Москва—Варшава. Мы стали лагерем в Синявском районе, в селе, расположенном вблизи шоссейной дороги. Здесь нас нагнал батальон первого полка, остававшийся на территории аэродрома.

Близость дороги давала нам возможность наблюдать за движением отступающего противника. Здесь не было никакого порядка, никакой дисциплины, главное заключалось в том, кто кого опередит! В воздухе стоял оглушительный гул автомашин, треск мотоциклов, конское ржанье.

Большая грузовая машина, полная солдатами и офицерами, свернула в расположенное недалеко у дороги село. Наши бойцы захватили эту машину и доставили ее в штаб. Партизаны сняли с машины гитлеровского офицера в чине майора и привели его в штаб на допрос.

— События, которые вы сейчас наблюдаете на шоссе Москва—Варшава, со всей очевидностью свидетельствуют об окончательном крахе гитлеровской армии. Какие вам нужны еще факты? По-моему, этого вполне достаточно, чтобы сделать соответствующие выводы! — заявил на допросе майор.

Погода стояла теплая, но по ночам в лесу было еще довольно холодно. Перед наступлением рассвета на небе постепенно затухают звезды, в отдаленном хуторе раздается пение петуха. Какой-то партизан передразнил пение петуха.

— Рад петух, что жив остался, потому и кричит! — пошутил боец.

— Лучше бы он сидел да помалкивал, не то гитлеровцы услышат его и мигом свернут ему шею! — заметил другой партизан.

Время от времени со стороны шоссе доносился страшный грохот. Это наша авиация бомбила скопление войск неприятеля на дороге. Легко было представить, что творилось в этот момент в рядах противника. Дивизия приготовилась к пере-

ходу через шоссе. Поддержание порядка во время этой операции было возложено на кавалерийский дивизион и первый полк. Если бы не густой туман, то мы, пожалуй, не решились бы выйти на дорогу, по которой непрерывным потоком двигался вооруженный до зубов противник. Под покровом тумана мы скрытно подошли к самой дороге.

— До каких пор мы будем здесь ждать! — сказал Ленкин и обрушил на дорогу кавалерийскую лаву. Вслед за кавалерией выступил первый полк. Мы рассекли двигающиеся по шоссе непрерывной цепью вражеские войска и овладели переходом.

Гитлеровцы развернулись и попытались атаковать партизанскую колонну. Мы были вынуждены принять неравный бой. На этот раз уже не могло быть и речи об экономии боеприпасов, и мы дали почувствовать противнику всю силу партизанского огня. Нам удалось разгромить значительную часть неприятеля. Гитлеровцы оставили убитыми на поле боя девяносто солдат и офицеров, пять гитлеровцев были взяты в плен, нами были захвачены шесть грузовых автомашин, три мотоцикла, несколько десятков подвод. Кавалерийский дивизион и первый полк продолжали вести бой с противником, прикрывая переход дивизии. К четырем часам утра дивизия закончила переход через дорогу. Конец колонны еще находился на шоссе, а головная часть уже подходила к железнодорожной линии Снув — Барановичи. Дорожная охрана открыла по колонне огонь. Таким образом, и конец колонны, и ее головная часть были втянуты в бой. Нам удалось отразить все атаки противника и благополучно выйти из зоны огня.

Рассвело, и нам было нецелесообразно продолжать бой.

Дивизия стала лагерем в селении Задевея и окрестных хуторах.

Партизаны привели ко мне старика крестьянина. Он, оказывается, подошел к нашему караульному и попросил отвести его к командиру.

— Кто ты такой, из какой деревни? — спросил я старика.

— Я белорус, житель Барановичского района.

— Что скажешь нового, дедушка?

— Я пришел к вам, чтобы сообщить кое-какие новости. Мне точно известно, что вести о вашем бое на шоссейной дороге дошли до Барановичей. Немцы выслали на помощь войска, которые разыскивают вас...

Я тотчас же сообщил штабу о полученном известии, а сам со своим полком выступил к шоссейной дороге.

Подойдя вплотную к дороге, мы замаскировались в лесу и стали ждать. Вскоре на дороге показался танк, за ним сле-

дом появилась колонна грузовиков с войсками и несколько легковых машин. Мы взяли всю группу гитлеровцев в кольцо. В результате короткого, но жестокого боя мы разгромили гитлеровцев. Вскоре после окончания боя разведчики донесли, что по шоссейной дороге к нам приближаются значительные силы противника. Мы тотчас же покинули дорогу и стали удаляться от места боя.

В это время с востока донесся гул артиллерийской канонады. Как потом оказалось, батальон под командованием Колесникова, высланный для проведения диверсий на железнодорожной линии Столбцы—Барановичи сумел в районе станции Столбцы разрушить железнодорожное полотно и окружить три эшелона противника, груженные танками, самолетами и минометами. Находившаяся в вагонах охрана время от времени делала попытки выйти из вагонов, но каждый раз партизаны смертоносным огнем загоняли фашистов обратно.

Как раз в это время к железнодорожной линии подошел гвардейский кавалерийский корпус Советской Армии. Командование батальона передало командованию кавалерийского корпуса под расписку захваченные неприятельские эшелоны. Это был второй случай за время наших партизанских боев, когда мы передавали Советской Армии вражеские эшелоны.

Между нашей дивизией и Советской Армией теперь установилась живая связь.

Мы продвигались вперед. Теперь наш путь лежал в направлении города Турец. С этого времени наша дивизия в результате соглашения с генералом Плиевым находилась во взаимодействии со штабом кавалерийского корпуса, которым он командовал. В боях, развернувшихся на берегах реки Неман, наша дивизия разбила значительные силы противника. В плен было взято триста вражеских солдат и офицеров, которых мы передали Советской Армии.

XXXI

Вскоре наша дивизия переместилась в селение Тарасовичи.

— Неподалеку от нашего села недавно с самолетов был сброшен какой-то десант, — сказали нам крестьяне.

«Мы десант красных», — сказали они крестьянам и сообщили им радостное известие об окончательном поражении

Гитлера. Мы заподозрили что-то неладное; это была, по-видимому, очередная махинация гитлеровцев. Мы поддерживали с Советской Армией постоянный контакт, и нам, конечно, было бы известно относительно десанта.

— А вы нам не сможете показать этих «десантников»?— спросили мы крестьян.

— Это дело легкое, сейчас мы их приведем! Три парня бросились за «десантниками». Те не пошли с ними, заявив, что мы, мол, никакого отношения не имеем к вновь прибывшим, у нас имеется свой план и мы действуем вполне самостоятельно. Крестьянам все же удалось схватить двух «десантников», которых они силой притащили к нам. Они были одеты в милицейскую форму. Допрос длился недолго, пойманные «десантники» сознались, что действовали по заданию гитлеровцев.

Выступив из села Березовка, наша дивизия форсировала реку Неман и создала в селениях Пощанка-Волебояра и Крупет плацдарм. Отсюда мы оказывали помощь продвигающейся вперед Советской Армии.

Одна бессонная ночь сменялась другой. Время было такое напряженное, что о сне нечего было и мечтать, и вместе с тем несколько часов отдыха придали бы нам новые силы. Регулярная воинская часть благодаря наличию резервов всегда имеет возможность предоставить отдых бойцам. Боясь задремать, ребята сходили с подвод и шли пешком. Мы теперь почти полностью контролировали шоссейную дорогу. Наши роли переменились. Оккупанты проявляли большую осторожность и очень редко появлялись на шоссе.

Как-то раз ночью я шел по дороге вместе с группой бойцов. Небо было звездное, мы продвигались с большими предосторожностями. По обеим сторонам дороги тянулись канавы. Вдруг мы заметили в канаве какие-то странные кули. Несколько бойцов подползли совсем близко к ним.

— Да это фашисты, они спят!

Мы стали их расталкивать. Гитлеровцы как угорелые стали вскакивать и выстраиваться перед нами. Один из них выступил и заговорил на немецком языке:

— Мы решили только немного отдохнуть, но, как видно, заснули. Мы сознаем свою вину и готовы понести заслуженное наказание...

Спросонья гитлеровцы приняли партизан за своих. Поняв, с кем они имеют дело, фашисты пришли в смятение. Как выяснилось, их часть разбилась на мелкие группы и продвигалась не по шоссе, а по узким проселочным дорогам. Отстав-

шие солдаты воспользовались тишиной, забрались в канаву и решили немного поспать.

На допросе пленные показали, что они в течение долгого времени находились в непрерывных боях и настолько выбились из сил, что самовольно решили отдохнуть.

— Мы отчета от вас не требуем, мы передадим вас регулярным частям Советской Армии, тогда и будете отсыпаться, — сказал им допрашивающий их партизанский командир.

На рассвете мы подошли к селению Тараловичи. Дивизия втянулась в село и стала располагаться лагерем. Вскоре над селом послышался гул самолетов. Мы стали прислушиваться. К нашей радости, это были советские истребители, которые неслись на запад; по-видимому, они преследовали вражеские бомбардировщики.

Утром наши разведчики донесли, что накануне соседнее село заняла неприятельская часть.

Гитлеровцы теперь передвигались только по ночам, так как боялись советской авиации.

Это соседство нас вовсе не устраивало. Враг по-прежнему сжимал вокруг нас кольцо; в этих условиях невозможно было и думать о настоящем отдыхе.

Вершигора созвал командиров и провел короткое совещание.

— Мы снова находимся в котле. Враг окружает нас.

— В который раз! — сказал Бережной.

— Мы должны приложить все старания, чтобы и на этот раз выйти без потерь из создавшейся трудной обстановки. Мы это можем сделать и сделаем, товарищи! — твердо сказал Вершигора.

Мы покинули штаб и поспешили к своим частям. Мое внимание привлекли следы танков на дороге.

— Через ваше село, видно, часто проходят танки? — спросил я стоявшего у обочины дороги крестьянина.

— Да, здесь очень большое движение. Вчера через наше село прошло очень много танков, они прямо друг на друга лезли, от грохота и лязга оглохнуть можно было.

Крестьянин говорил правду, это подтверждала дорога, буквально развороченная танками. Каждую минуту можно было ждать появления новой колонны танков.

Только я успел организовать оборону, как со стороны села раздалась артиллерийская и пулеметно-автоматная стрельба. По-видимому, второй и третий полки втянулись в бой. Мы в это время находились у разобранного Ленкиным моста.

Здесь необходимо отметить, что мы теперь уже не разрушали мосты и другие объекты невоенного назначения, а только разбирали их, так как эти объекты не сегодня-завтра должны были окончательно перейти в наши руки.

Вдруг я заметил, что к разобранному мосту приближаются танки; впереди двигались маленькие танкетки, а за ними медленно ползли большие машины.

Раздался залп из бронебойных ружей; это стреляли партизаны. Заговорили сорокапятимиллиметровые орудия. Танки одновременно остановились, затем некоторые из них стали пятиться в сторону, стараясь сойти с дороги. Орудийный и бронебойный огонь нарастал. Партизаны вывели из строя пять передних танков. Однако тяжелые танки продолжали настойчиво двигаться вперед. Партизаны сбивали их ожесточенным огнем, но танки продолжали оставаться невредимыми.

— «Тигры»!—воскликнули ребята.—Танки новой системы!

«Тигры» окружили пять своих поврежденных танков и продолжали вести огонь из пушек и пулеметов. В это время два «тигра» наскочили на мины, но, будучи поврежденными, они все же продолжали вести огонь. У танков были перебиты гусеницы, они не могли двигаться и поневоле превратились в неподвижные крепости. На помощь поврежденным танкам подошла вражеская пехота. Вдруг я заметил огромный столб пламени, подымавшийся над селом, в котором стоял наш штаб. Видимо, неприятель проник в село и поджег его. Ободренная этим зрелищем вражеская пехота усилила натиск.

Я призвал бойцов дать отпор фашистам, а сам вел непрерывный огонь по наседающему противнику. Вскоре мне удалось занять более удобную позицию, и, пригнувшись, я продолжал вести огонь из автомата. Вдруг я почувствовал страшную боль в правом боку и упал. Бойцы подхватили меня и вынесли в безопасное место.

— Давид Ильич, вы ранены? — спрашивают меня бойцы.

— Кажется...— я чувствовал острую боль в правой руке и левом плече. Между прочим, я левша. Ребята расстегнули мне воротник, обнажили руку и плечо, кожа была местами содрана, а плечо изрядно помято.

Оказывается, в мой автомат попала пуля крупнокалиберного пулемета и развернула дуло, толчок был настолько сильный, что я упал на землю.

Атаки врага становились все упорнее. Я вскочил, выхватил из рук тяжело раненного бойца автомат и снова бросился в бой. Мы вывели из строя еще три танка противника.

Первый полк попал в окружение. Было только двенадцать часов дня. До ночи далеко. У нас остался единственный выход — прорыв.

Второй и третий полки продолжали вести бой. Партизаны медленно отступали к лесу, неприятельское кольцо постепенно сжималось. Атаки гитлеровцев становились все отчаянней. Надвигающаяся опасность становилась все очевиднее. Об использовании проселочной дороги не могло быть и речи.

Я решил прибегнуть к наиболее безопасному способу. Перед нами на огромном пространстве раскинулась высокая нива. Как только стемнело, мы начали ползком пробираться среди высокой нивы. Наше движение было скоро обнаружено противником. Гитлеровцы начали окружать поле. Нам пришлось открыть огонь. В результате упорного десятичасового боя нам удалось с большим трудом достигнуть реки Неман. Мы быстро отыскали брод и переправились через реку. Выйдя на противоположный берег, мы вступили в густой лес и расположились в нем лагерем.

Теперь нашей главной задачей было установить связь с остальными частями дивизии. С этой целью я выслал в соседние хутора разведчиков. Иного выхода у нас не было, так как во время форсирования Немана у нас испортилась рация.

Вскоре часть разведчиков возвратилась в сопровождении местных партизан. Мы стали их расспрашивать о местонахождении нашей дивизии. Выяснилось, что им ничего не известно о движении дивизии; они высказали предположение, что соединение прошло эти места ночью.

Спустя несколько часов в наш лагерь пришла новая группа белорусских партизан. Эту группу партизан сопровождал комиссар. Однако они тоже не смогли сказать нам ничего определенного о местонахождении нашей дивизии. Судя по акценту, комиссар был и не украинец, и не белорус.

— Товарищ комиссар, как ваша фамилия? — спросил я его.

— Шулая, — ответил тот.

— Вы грузин?

— Да, я грузин!

Мы разговорились.

— Я сразу признал в вас грузина, товарищ командир, но не заговорил с вами по-грузински только потому, что хотел убедиться в своем предположении, — сказал взволнованный встречей Шулая.

Я вышел на опушку леса, посмотрел в бинокль, полчища гитлеровцев непрерывным потоком катились на запад.

Сейчас нечего было и мечтать о продвижении вблизи шоссейной дороги.

Возвратилась последняя группа разведчиков. Они принесли радостное известие: дивизия стояла лагерем неподалеку от нас. Мы немедленно выступили на соединение с ней. В тот же день мы прибыли в штаб дивизии. Уже смеркалось. При виде нас Петр Петрович очень обрадовался. Я ему подробно рассказал о наших делах. Когда я показал Вершигоре свой развороченный автомат, он, пораженный, некоторое время молча смотрел на меня, затем воскликнул: «Редчайший случай!» и горячо поздравил с избавлением от верной гибели.

Разведчики привели с собой группу пленных гитлеровцев. Вершигора начал их допрашивать. Его интересовало, какие части сражались против нас.

Пленные высказали большое удивление по поводу нашего успешного выхода из окружения.

Против нас сражались танковые части седьмой и двадцатой дивизий и пехотные части четвертой и девятой армий. Противник в этом бою потерял десять танков, две танкетки, пять броневиков, тридцать автомашин, двадцать подвод и свыше ста пятидесяти солдат и офицеров.

Мы двинулись в направлении города Лида, вокруг которого проходило много коммуникаций. Он представлял из себя довольно мощное укрепление. По дороге мы захватили большое количество автомашин и подвод, на которых гитлеровцы вывозили награбленное имущество.

У местечка Березовка нам пришлось дать бой. Как выяснилось позже, здесь была расположена хозяйственная часть противника. Березовку защищали три танка. Мы быстро вывели их из строя и захватили в плен хозяйственную часть вместе с охраной. Сразу после завершения этой операции в Березовку вступили кавалеристы генерала Плиева. Партизаны и бойцы Советской Армии приветствовали друг друга мощным «ура».

Бойцы кавкорпуса Плиева восхищались нашими смелыми боевыми действиями в тылу врага. На это партизаны отвечали, что их вдохновляла героическая борьба Советской Армии.

Встреча бойцов Советской Армии с партизанами вылилась в подлинное народное торжество; население приняло самое активное участие в этом празднике. Зазвучали гармони, стали образовываться хороводы. Начались песни и пляски. В этот день было сделано много интересных снимков.

После короткого отдыха кавалеристы Плиева вновь двинулись преследовать врага.

Наша главная задача теперь заключалась в содействии успешному продвижению Советской Армии.

Не менее важной была вторая задача, а именно охрана государственного имущества. Разбитый враг безжалостно уничтожал все, что встречал на своем пути. Так, например, когда мы вынудили гитлеровцев оставить местечко Мосты, они перед уходом заминировали железнодорожную станцию и стометровый мост через Неман. Если бы мы запоздали на несколько минут, то станция и железнодорожный мост были бы превращены в груду развалин. Эту катастрофу предотвратил первый батальон первого полка. Батальоном в то время командовал заместитель начальника штаба полка Колесников, который успешно провел эту операцию. Противник принял наш батальон за регулярную часть Советской Армии и при первом же натиске в панике спешно покинул город и попытался скрыться. На месте осталось большое количество военного имущества, которое гитлеровцы не успели вывезти.

Тракторы, автомашины, артиллерийская батарея и минометы были не тронуты. Так что наш батальон возвратился после проведения этой операции на машинах. Впереди ехала легковая машина системы «Оппель-капитан», которой правил сам Колесников. Теперь мы уже не сжигали и не уничтожали трофеи. Поблизости находилась наша армия, которой мы передавали все имущество.

Отступающие части противника, желая передохнуть, время от времени сворачивали с дороги в лес. Как только крестьяне узнавали о местонахождении такой отдыхающей неприятельской части, они тотчас же сообщали нам. Мы без промедления нападали на деморализованных гитлеровских вояк. Во время одной из таких операций партизаны захватили большое количество пленных. Мы стали выборочно допрашивать их. Один пленный рассказал интересную историю.

— Ваша фамилия? — спрашиваю я пленного.

— Лихман.

— К какой воинской части принадлежите?

— Я ефрейтор 122-го полка 50-й пехотной дивизии.

— Кто командир вашей дивизии?

— До сегодняшнего дня был генерал артиллерии Вейтлинг.

— А сегодня кто командует дивизией?

— Сегодня наша дивизия разгромлена и рассеяна.

— А где Вейтлинг?

— Вейтлинг два дня назад на совещании командиров подразделений произнес воинственную речь:

«Факт, что сегодня весьма серьезное положение, не требует доказательств. Я дал слово фюреру защищать честь дивизии до последней капли крови, я обещал ему выправить положение и, что самое главное, сохранить людей и технику. Поступок моего предшественника заслуживает самого сурового осуждения. Этот человек оставил дивизию в тяжелом положении и скрылся. Его следует распять на позорном столбе. Будущее поколение будет с проклятием произносить его имя!» — сказал Вейтлинг, и сам спустя два часа последовал за своим предшественником; он оставил дивизию и бежал в Гродно.

Рассказав нам это, Лихман вздохнул: «Вот до чего докатилась наша армия».

Мы перешли через Неман и укрепились на противоположном берегу. После перехода через Неман фронт в течение продолжительного времени оставался без изменений. Противник перебросил в Гродно крупную танковую часть и попытался закрепиться в этом городе. К этому времени Советская Армия форсировала Буг и создала плацдарм для дальнейшего наступления. Вскоре против нас были брошены танки и эсэсовские части.

В эти дни Советская Армия в районе Дидули окружила крупную воинскую часть противника.

Я находился в штабе дивизии и беседовал с Вершигорой, когда раздалась ожесточенная стрельба. Мы выбежали наружу. Выяснилось, что окруженные гитлеровцы, стремясь прорвать окружение, атаковали нашу дивизию. Части Советской Армии совместно с нашей дивизией отразили три отчаянных атаки противника. Советские артиллеристы метким огнем громили живую силу и технику противника. Ими были выведены из строя тридцать шесть танков противника. В этом бою пал геройской смертью командир разведки полка Барсуков и тяжело был ранен начальник штаба первого полка Бережной. Советская Армия быстрым темпом преследовала врага. Наша дивизия снова оказалась в тылу Советской Армии. В дальнейшем мы все время находились в тылу советских войск.

С этого времени изменился и характер нашей борьбы. Нами был получен приказ из Киева, в котором говорилось, что мы теперь должны вести борьбу с десантными частями противника, со шпионами и предателями, оставленными гит-

леровцами в тылу нашей армии. Наша дивизия отлично справлялась с поставленной задачей, мы успешно очищали тыл Советской Армии от вражеских элементов.

XXXII

Дивизия переместилась в направлении Беловежской пущи. Мы вступили в селение Чамкова, в котором четыре месяца назад вели жестокие бои с противником. Здесь находились могилы наших славных товарищей — Тоута и Пшеничного. Мы установили на этих могилах памятники, украсили их живыми цветами и дали троекратный залп.

Однажды в штаб поступили сведения, что лес вблизи селения Кукуреку кишит гитлеровцами, по ночам они врываются в села, разоряют население, отбирают у крестьян последний кусок хлеба. Дивизия в полном составе выступила в направлении Кукуреку. Мощным ударом были разгромлены остатки гитлеровской банды.

С тех пор как мы стали действовать в тылу Советской Армии, значительно изменились наши старые методы партизанской борьбы. Если в прошлом мы действовали, главным образом, в ночное время, то теперь наши роли переменились — по ночам стали действовать гитлеровцы.

Как известно, во время войны в деревне остались главным образом старики, женщины и дети, поэтому в свободное время партизаны помогали крестьянам в полевых работах.

Вскоре к нам в лагерь прибыли из Киева выписавшиеся из госпиталя наши партизаны. Встреча была очень радостной. Прибывшие бойцы расспрашивали нас о проведенных боях, поздравляли с победой.

Наше внимание привлек мальчик с живыми умными глазами, который приехал из Киева вместе с нашими партизанами.

— Этот малыш приехал вместе с вами? — спросил партизан Вершигора.

— Да, он увязался за нами. Хочу, мол, с партизанской жизнью познакомиться.

— Как тебя звать? — спросил я мальчика.

— Гриша Двосглазов.

— А автомата ты не боишься?

— Что вы, я с 1941 года сражаюсь в рядах Советской Армии. Меня танковая часть усыновила!

— Молодчина!

— Однажды во время налета вражеской авиации я был тяжело ранен, — сказал Гриша. — Меня отправили на излечение в Москву. После выздоровления меня послали на отдых в Сочи. Это было в 1944 году. Здесь я окончательно окреп. В доме отдыха внимание всех привлекал дважды Герой Советского Союза Сидор Артемьевич Ковпак. Мне рассказали, что он командовал прославленным партизанским соединением. Я всегда старался быть вблизи него. Дед заметил, что я все время верчусь подле него, и как-то раз заговорил со мной. Я рассказал ему о себе. С этого дня мы очень подружились, и я все время был с ним. Однажды я поделился с Сидором Артемьевичем своей заветной мечтой.

Ковпак рассмеялся: «Ладно, — сказал он мне, — я удовлетворю твое желание». И вот, уезжая из Сочи, он забрал меня с собой в Киев. Здесь он привел меня в партизанский штаб и сказал находившимся там командирам: «Пошлите этого мальца в нашу дивизию, он мечтает стать партизаном». И вот теперь моя мечта сбылась, — закончил свой рассказ Гриша Двоеглазов.

Вскоре Гриша стал общим любимцем. Он привлекал партизан своей сообразительностью, жизнерадостностью и дисциплинированностью.

После расформирования партизанской дивизии Гриша Двоеглазов снова вернулся в ряды Советской Армии. Он отыскал свой полк и остался в нем.

По приказу Украинского партизанского штаба дивизия выступила в направлении Владимира-Волынска. Мы расположились лагерем в селе Гнойное, в нескольких километрах от города. Я воспользовался продолжительным отдыхом и отправился вместе с товарищами осмотреть разрушенный гитлеровцами город. Нашему взору представилось ужасное зрелище. На каждом шагу огромные воронки от бомб, почти все дома разрушены. Ходить по городу было довольно опасно, так как каждую минуту на голову могли обрушиться повисшие в воздухе железные балконы и крыши домов. Несмотря на чудовищные разрушения, на улицах города царило большое оживление. Народ ликовал, победа над ненавистным врагом заслонила все невзгоды, повсюду раздавалось пение, со всех концов неслись переливы гармони: тут же на улице образовывались хороводы и начиналась пляска. Рабочие и служащие собирались в уцелевших зданиях, налаживалась работа. Над одним из уцелевших зданий, в котором разместился городской Совет, развевался алый стяг.

Народ вначале с удивлением рассматривал нас, но как только стало известно, что мы партизаны, люди окружили нас тесным кольцом и горячо приветствовали. Долго не смолкало мощное «ура».

В лагерь мы возвратились поздно. Поделились своими впечатлениями с товарищами. Многие из них жалели, что не пошли вместе с нами.

На другое утро в штаб полка прибежали несколько крестьян и сообщили, что они только что собственными глазами видели в лесу гитлеровцев, которые, заметив их, стали прятаться за деревьями.

Я тотчас же с группой бойцов пошел в указанном направлении. Надо было своевременно уничтожить фашистскую банду. Гитлеровцы оказали сопротивление, но в течение нескольких часов мы ликвидировали банду и двинулись в обратный путь. По дороге мы встретили группу бойцов нашего полка.

— Напрасно беспокоились, товарищи. Ваша помощь уже не нужна, — сказал я повстречавшимся товарищам.

— Нет, мы не за этим пошли вам навстречу! — ответили мне партизаны.

— А в чем же дело?

— Мы должны сообщить вам радостное известие!

— Я слушаю вас.

— Поздравляем вас с присвоением высокого звания Героя Советского Союза! — при этих словах они стали меня поочередно целовать.

— Откуда вы узнали? — спрашиваю я товарищей.

— В штабе получена поздравительная радиограмма от Никиты Сергеевича Хрущева.

Мы поспешно двинулись к лагерю. Я сразу направился в штаб.

«Поздравляю, поздравляю», — бросился мне навстречу Вершигора. Он обнял и расцеловал меня. Затем Вершигора передал мне радиограмму:

«Бакрадзе поздравляем с присвоением звания Героя Советского Союза, желаем дальнейших успехов в борьбе за благополучие нашей Родины. Хрущев, Строкач. 8. VIII 1944г.».

Такие же телеграммы получили от Хрущева и Строкача Войцехович, Кульбака, Ленкин и Тутученко. Сам Вершигора тоже получил телеграмму о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Одновременно ему было присвоено воинское звание генерал-майора.

Семнадцатого августа из Киева к нам приехали гости; среди них были представитель Украинского партизанского штаба Дрожинин и уполномоченный Народного комиссариата внутренних дел. Вскоре стало известно, что наша дивизия переходит в распоряжение НКВД. Это означало, что партизанская дивизия перестала существовать как самостоятельная единица. Таким образом, миссия дивизии с этого времени считалась законченной.

Через несколько дней после этого Вершигора и командиры полков были вызваны в Киев. Нас это очень обрадовало. Лично я до этого не бывал в столице Украины, и вот теперь мне представилась эта возможность. В Киев мы поехали на машинах. Здесь нас встретили представители партизанского штаба и устроили в гостинице. Мы, партизаны, находясь все время в походах и боях, отвыкли от самых простых удобств, а тем более — от комфорта. В гостинице все казалось нам каким-то необыкновенным. Я взял полотенце и вышел в коридор, чтобы умыться. Тут я наткнулся на мальчика лет восьми, который преградил мне путь. «Дядя, вы Бакрадзе?» — вежливо спросил меня мальчуган. Я удивился.

— Да, я Бакрадзе, — ответил я ему.

— Вы командир полка имени моего папы?

Тут я сразу понял, кто стоял передо мной. Это был младший сын Руднева, Юрик. Я подхватил мальчика на руки и стал его целовать. Я внимательно присмотрелся к его личику: глаза, брови, улыбка были у него отцовские. Не спуская с рук мальчика, я прошел в соседнюю комнату, где были другие командиры нашей дивизии. Когда они узнали, кто был этот мальчик, то им тоже передалось мое волнение и они стали наперебой ласкать дорогого гостя.

— С кем ты здесь находишься, кто тебя привел сюда? — спросил я мальчика.

— Мама, мы приехали вместе с ней.

Вечером нам сообщили по телефону, что нас ждет у себя на квартире Сидор Артемьевич Ковпак. Мы быстро собрались и поспешили к своему любимому Деду.

Ковпак жил на улице Чапаева. Дед уже нас ждал. Встреча была очень теплая и радостная. Сразу завязалась непринужденная, задушевная беседа. Сидор Артемьевич выглядел бодро, отдых и лечение дали хорошие результаты.

— Ну, значит, мы снова вместе, дорогие товарищи. Я очень рад вас видеть. Несмотря на то, что я хорошо себя чувствую в Киеве, поверьте, мне все время недоста-

вало вас. И во сне, и наяву вы неизменно стояли у меня перед глазами.

Беседа затянулась, мы вспоминали прошедшие бои. Ковпак проявлял большой интерес к боям, которые были нами проведены после его отъезда из соединения. Он задавал нам много вопросов в связи с нашим последним рейдом. Вспомнили товарищей, которых уже не было с нами, в первую очередь Руднева. Мы рассказали Деду, что сегодня у нас в гостях был младший сын Руднева. Во время беседы Ковпак включил приемник, раздался голос диктора: «Внимание! Внимание! Сегодня в Киев приехали ковпаковцы — Герои Советского Союза». Затем диктор перечислил наши фамилии.

Разошлись мы на рассвете.

На следующий день мы были вызваны в Верховный Совет Украинской ССР, где председатель Президиума товарищ Гречуха вручил нам в торжественной обстановке высшие правительственные награды — Золотые Звезды и ордена Ленина. Товарищ Гречуха тепло поздравил нас. В своих ответных речах командиры благодарили правительство за высокие награды и заверили, что они и впредь готовы до последней капли крови бороться за благо отчизны.

Общественность Киева устроила нам горячий прием. Мы целыми днями и вечерами были на встречах с трудящимися города.

Все выступавшие во время этих встреч товарищи давали высокую оценку заслугам партизан в Великой Отечественной войне.

Вскоре нас вызвали в Центральный Комитет Коммунистической партии Украины. Здесь нас принял Демьян Сергеевич Коротченко. Увидев нас, он встал из-за стола и быстро пошел нам навстречу. Крепко пожав нам руки, Демьян Сергеевич поздравил нас с успешным завершением рейда. Товарищ Коротченко отметил, что проведенный рейд явился ценным вкладом в общее дело победы над врагом.

Мы тепло простились с киевлянами и направились в дивизию с инструкциями о передаче соединения командованию войск Наркомвнудела.

Таков был боевой путь партизанской дивизии имени Ковпака. Небольшой партизанский отряд, начавший свою боевую жизнь в сентябре 1941 года в лесах в районе Путивля под командованием Ковпака и Руднева, спустя три года превратился в партизанскую дивизию.

Главным залогом силы и непобедимости партизанского движения было мудрое руководство этим движением со стороны славной Коммунистической партии.

Когда закончилась деловая часть, связанная с расформированием дивизии, для нас наступили тяжелые минуты расставания. Наш коллектив всегда представлял собой дружную, спаянную семью. Один за всех, все за одного — был наш девиз. Сколько раз меня спасали друзья от верной гибели, и сколько раз мне самому привелось их выручать. Ведь нам приходилось бороться с коварным и жестоким врагом.

После окончания войны мы, боевые товарищи, не порывали друг с другом связей, мы и по сей день ведем между собой оживленную переписку.

Ежегодно, в сентябре, мы встречаемся в Спадщанском лесу, где бойцы отряда Ковпака впервые подбили гитлеровский танк. Эти встречи стали традиционным праздником партизан-ковпаковцев.

Сегодня вы можете встретить славных воинов нашего соединения в любом уголке Советского Союза. Они самоотверженно, с энтузиазмом трудятся на фронте мирного коммунистического строительства, на счастье и благо нашей любимой Отчизны.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая 5
Книга вторая 259

ДАВИД ИЛЬИЧ БАКРАДЗЕ

„Кровью героев"

Редактор Э. Фейгин
Художник И. Гурро
Технический редактор А. Якимова
Корректор А. Перим

Подписано к печати 12 ноября 1961 г. Формат бумаги 60×90 1/16.
33,25 печатных листа. Учетно-издательских 31,09 листа + 8 вкл.

Заказ № 841 Тираж 50.000

Цена 1 р. 22 к.

Издательство Союза писателей Грузии
„Заря Востока", Тбилиси, пр. Руставели № 42.

Типография издательства ЦК КП Грузии „Заря Востока"
им. А. Ф. Мясникова, Тбилиси, пр. Руставели № 42.

დავით ილიას ძე ბაქრაძე

გმირთა სისხლით

(რუსულ ენაზე)